

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер

и
Кубок Огня

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер

и

Кубок Огня

*Посвящается Питеру Роулингу,
памяти мистера Ридли,
а также Сьюзен Слэдден,
которые помогли Гарри выбраться из чулана*

*Text copyright © 2000 J.K.Rowling
Перевод copyright © 2002 Росмэн
Первая редакция Игорь Шенин
Вторая редакция ar13*

Приведение глоссария и оформления к единому виду – ar13.

Версия от 10.04.24

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Дом Риддлов	6
Глава 2. Шрам	14
Глава 3. Приглашение	19
Глава 4. Возвращение в Нору	26
Глава 5. «Ужастики умников Уизли»	33
Глава 6. Портключ	41
Глава 7. Бэгмэн и Крауч	46
Глава 8. Чемпионат мира по квиддичу	57
Глава 9. Тёмная Метка	69
Глава 10. Скандал в Министерстве	85
Глава 11. «Хогвартс-Экспресс»	92
Глава 12. Тримагический Турнир	100
Глава 13. Безумный Глаз Муди	113
Глава 14. Непростительные проклятия	122
Глава 15. Бобатон и Дурмстранг	133
Глава 16. Кубок Огня	143
Глава 17. Четыре чемпиона	155
Глава 18. Проверка волшебных палочек	163
Глава 19. Венгерская хвосторога	176
Глава 20. Первое задание	188
Глава 21. Фронт Освобождения Рабского Труда	201
Глава 22. Неожиданная задача	212
Глава 23. Йольский бал	222
Глава 24. Сенсация Риты Скитер	238
Глава 25. Яйцо и глаз	250
Глава 26. Второе задание	261
Глава 27. Возвращение Бродяги	276
Глава 28. Безумие мистера Крауча	290
Глава 29. Сон	306
Глава 30. Ситодум	315
Глава 31. Третье задание	327
Глава 32. Кость, плоть и кровь	343
Глава 33. Пожиратели Смерти	347
Глава 34. «P ^r iori Incantatem»	356
Глава 35. Веритасерум	362
Глава 36. Пути расходятся	374

Глава 37. Начало	387
Аннотация	398

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДОМ РИДДЛОВ

В Литтл-Хэнглатоне по-прежнему зовут его домом Риддлов, хотя семья Риддлов давным-давно там не живёт. Дом возвышается на холме над деревней, окна его заколочены, с крыши осыпается черепица, а фасада почти не видно из-за буйно разросшегося плюща. Прекрасный когда-то особняк, самое величественное здание во всей округе, ныне прозябает в пустоте и заброшенности.

Жители Литтл-Хэнглтона единодушны во мнении, что в этом старом доме есть что-то зловещее. Полвека назад в нём произошло нечто кошмарное и таинственное, о чём и доныне любят посудачить деревенские старожилы, когда прочие темы для сплетен исчерпаны. Историю эту столько раз пересказывали, перевирая и приукрашивая, что теперь никто толком не знает, что в ней правда, а что нет. Начало, впрочем, всегда одинаково: пятьдесят лет назад, в ту пору, когда дом Риддлов был ещё ухожен и не утратил великолепия, погожим летним утром служанка вошла в гостиную и обнаружила всех трёх Риддлов мёртвыми. С громкими криками девушка помчалась с холма вниз и подняла на ноги всю деревню.

– Лежат вон там и глаза широко открыты! Холодные как лёд! Переодетые к ужину!

Явилась полиция, и весь Литтл-Хэнглатон забурился, охваченный любопытством. Особой печали по поводу смерти Риддлов, надо заметить, никто не выказывал – в деревне их не любили. Мистер и миссис Риддл были людьми богатыми, высокомерными и грубыми, а их взрослый сын Том и того хуже. Но всех необычайно волновал вопрос: кто же убийца? Ясно же, что трое вполне здоровых людей не могли просто так взять и в одночасье умереть.

В тот вечер торговля в «Висельнике», деревенском трактире, процветала как никогда – обсудить убийство сюда набилась вся деревня. И собравшаяся публика была вознаграждена за то, что пожертвовала в этот час уютom домашнего очага, – в самый разгар беседы, едва переведя дух, ворвалась кухарка Риддлов и в наступившей тишине объявила, что прямо сейчас арестован человек по имени Фрэнк Брайс.

– Фрэнк! – раздалось несколько голосов. – Быть не может!

Фрэнк Брайс служил у Риддлов садовником и одиноко жил в обветшалом коттедже на территории усадьбы. Фрэнк был на войне и вернулся с неё с негнущейся ногой, острой неприязнью к скоплениям народа и шуму, и с тех пор работал у Риддлов.

В едином порыве общество заказало кухарке выпить и приготовилось слушать подробности.

– Я всегда считала, что он какой-то странный, – поведала она жадно внимающим слушателям после четвёртой рюмки шерри. – Нелюдимый, вот какой... Уверена, предложи я ему чашку чая – сто раз пришлось бы просить. Разговаривать не хотел – не желал, и всё тут!

– Он же страшную войну прошёл, Фрэнк-то, – возразила женщина у бара. – Хочет спокойной жизни. Это же не повод, чтобы...

– А у кого ещё есть ключ от задней двери? – рявкнула кухарка. – Запасной ключ висит в домике садовника, сколько я себя помню! Дверь-то вчера вечером не взламывали! И окна целёхоньки! Фрэнку всех и делов – пробраться в большой дом, пока мы все спим...

Слушатели обменялись мрачными взглядами.

– Неприятный он с виду, хуже некуда, – проворчал мужчина у стойки.

– Это он на войне двинулся, – заметил хозяин трактира.

– Говорила же я, что с Фрэнком не хотела бы поссориться ни за какие коврижки, верно, Дот? – возбуждённо сказала женщина, сидевшая в углу.

– Кошмарный характер, – с жаром кивнула Дот. – Помню, был он ещё мальчишкой...

На следующее утро в Литтл-Хэнглатоне едва ли кто-то сомневался в том, что Риддлов убил Фрэнк Брайс.

А в пыльном и тёмном полицейском участке соседнего с Литтл-Хэнглатоном городка арестованный Фрэнк Брайс упорно твердил, что он невиновен и что единственным человеком, которого он видел в день смерти Риддлов, был незнакомый подросток – темноволосый и бледный. Но, поскольку больше никто в деревне такого мальчика не видел, в полиции решили, что Фрэнк его просто выдумал.

И вот когда дело стало принимать для Фрэнка скверный оборот, пришёл отчёт о вскрытии тел – и ситуация сразу переменялась.

Более странного заключения в полиции ещё не видели. Врачи, исследовавшие тела, пришли к поразительному выводу: никто из Риддлов не был ни отравлен, ни зарезан, ни застрелен, ни удушен, не задохнулся газом и вообще, судя по всему, не получил никаких повреждений. Фактически – в отчёте звучало явное замешательство – все Риддлы оказались абсолютно здоровы, не считая такой детали, что были мертвы. Обязанные найти у покойников хоть какие-то нелады, в конце врачи добавляли, что на лицах всех умерших застыло выражение ужаса. Но – как заметили разочарованные полицейские – где это видано, чтобы трёх людей *напугали* до смерти?

Поскольку не было никаких доказательств, что Риддлов вообще кто-то убил, полиции пришлось отпустить Фрэнка. Риддлов похоронили на кладбище Литтл-Хэнглтона, и их могилы ещё долго вызывали всеобщее любопытство. А Фрэнк Брайс, окружённый подозрениями, к изумлению всей деревни, возвратился в свой коттедж в усадьбе Риддлов.

– Коли по-моему – так это он их убил, и чихать мне на то, что там полиция говорит, – заявила Дот в «Висельнике». – Надо же, остался, бесстыжий, совести совсем нет – вся деревня знает, что он убил.

Фрэнк так и не уехал. Он остался ухаживать за садом. В доме поселилась другая семья, за ней ещё одна: надолго там никто не задерживался. Возможно, виноват в этом до некоторой степени был и нелюдิมый Фрэнк – владельцы жаловались, что это место таит в себе что-то зловещее, и дом, в отсутствие обитателей, начал понемногу ветшать.

Нынешний хозяин дома Риддлов – какой-то богач – тоже там не жил и никак его не использовал; в деревне говорили, что воротила содержит усадьбу «из налоговых соображений», но что это значит, никто толком объяснить не мог. Тем не менее и он продолжал платить жалованье садовнику. Фрэнку шёл семьдесят седьмой год, он стал

глуховат, и его увечная нога почти совсем не гнулась, но, как и встарь, он ковылял между клумбами, путаясь в сорняках.

Но Фрэнку приходилось сражаться не только с сорняками. Деревенские мальчишки завели привычку бросать камнями в окна дома Риддлов. Они колесили на велосипедах по лужайкам, за которыми Фрэнк с таким трудом ухаживал; пару раз, набравшись смелости, они даже залезали в дом. Им было прекрасно известно, как Фрэнк предан дому и саду, и они от души веселились, когда он, бывало, хромал по саду, хрипло крича и грозя палкой. Фрэнк считал, что дети дразнят его из-за того, что, подобно своим отцам и дедам, считают его убийцей. Поэтому, проснувшись как-то раз августовской ночью и заметив, что в старом доме творится что-то странное, он решил, что мальчишки изобрели какую-то новую пакость, чтобы сильнее донять его.

Разбудила Фрэнка раненая нога – к старости она мучила его всё сильнее. Он поднялся и побрёл вниз, на кухню, чтобы налить грелку для разболевшегося колена. Стоя у раковины, он поднял глаза на дом Риддлов – в верхних окнах мерцал свет. Фрэнк сразу понял, в чём дело: ребята снова забрались в дом и, судя по пляшущим огням, развели огонь.

Телефона у Фрэнка не было, да и полиции он сильно не доверял с тех пор, как они таскали его на допросы. Он отставил чайник и, насколько позволяла нога, заторопился наверх. Вернувшись на кухню, уже полностью одетый, Фрэнк снял с крючка у двери старый ржавый ключ, взял палку, которой пользовался при ходьбе, и вышел в ночь.

Ни на парадной двери, ни на окнах следов взлома не было видно. Фрэнк, хромая, обошёл вокруг дома, добрался до задней двери, скрытой плющом, вставил ключ в скважину и беззвучно повернул.

Открыв дверь, он вступил в тёмное пространство кухни. Фрэнк не был здесь много лет, тем не менее, несмотря на темноту, он припомнил, где находится дверь в холл, и на ощупь двинулся к ней; в нос ему ударило затхлым духом, он настороженно прислушался: не донесутся ли сверху шаги или голоса? В холле было немного светлее – из-за больших окон по обе стороны парадной двери. Фрэнк начал подниматься по лестнице, благословляя толстый слой пыли на камне, заглушавший звук его шагов и стук палки.

На площадке Фрэнк повернул направо и сразу же понял, где обосновались незваные гости, – в самом конце коридора была приоткрыта дверь, и на чёрный пол падал длинный золотой отблеск колеблющегося пламени. Сжимая палку, Фрэнк продвигался вперёд и через несколько шагов уже видел в щель небольшую часть комнаты.

Огонь был разведён в камине. Это удивило Фрэнка. Он остановился и стал напряжённо прислушиваться к мужскому голосу, доносившемуся из комнаты, – тот звучал робко и даже испуганно:

– В бутылке немного осталось, мой лорд, если вы ещё голодны...

– Позже, – отозвался второй голос, тоже мужской, но при этом он был странно высокий и холодный, словно порыв ледяного ветра. Было в этом голосе что-то такое, что подняло дыбом редкие волосы на затылке Фрэнка. – Пододвинь меня поближе к огню, Прихвост¹.

¹ Wormtail – кличка Питера Петтигрю (worm – червяк, червь; выведывать; tail – хвост, свита). Если переводить дословно – Червехвост.

Чтобы лучше слышать, Фрэнк повернулся к двери правым ухом. Раздалось звяканье бутылки, поставленной на твёрдую поверхность, и затем глухой звук тяжёлого кресла, которое волокут по полу. Фрэнк мельком увидел спину какого-то коротышки, толкавшего кресло к камину. На нём была длинная чёрная мантия, на макушке светилась небольшая лысина – но тут он вновь пропал из виду.

– Где Нагини? – спросил ледяной голос.

– Я... я не знаю, мой лорд, – боязливо ответил первый. – Думаю, она обследует дом...

– Подоишь её, прежде чем мы ляжем спать, Прихвост, – сказал второй. – Мне надо будет поесть ночью. Путешествие меня сильно утомило.

Нахмурившись, Фрэнк приблизил здоровое ухо ещё ближе к двери, стараясь не пропустить ни слова. После паузы человек, которого называли Прихвост, заговорил вновь:

– Мой лорд, могу я спросить: сколько мы здесь пробудем?

– Неделью. Возможно, и дольше. Это место очень удобно, а в нашем плане пока что заминка. Идиотизм приступать к действиям до окончания Чемпионата мира по квиддичу.

Фрэнк поковырял в ухе пшиковатым пальцем. Должно быть, у него уши серой заросли, если померещился какой-то «квиддич» – такого и слова-то нет.

– Чемпионата мира по квиддичу, мой лорд? – переспросил Прихвост. Фрэнк ещё энергичней завертел пальцем в ухе. – Прошу прощения... но я не понимаю: зачем ждать окончания Чемпионата?

– Затем, тупица, что на Чемпионат в страну съедутся колдуны со всего мира, и каждая шавка из Министерства магии будет совать нос куда надо и не надо, вынюхивать, где что не так, проверять и перепроверять – совсем рехнулись на своих мерах безопасности, – не ровен час маглы чего заметят. Поэтому будем ждать.

Фрэнк оставил ухо в покое. Он отчётливо разобрал слова «Министерство магии», «колдуны» и «маглы». Каждое из этих зашифрованных выражений имеет какой-то смысл, дело ясное, и говорят так либо шпионы, либо преступники. Он вновь стиснул палку и продолжал слушать ещё внимательней.

– Ваша светлость всё ещё полны решимости? – тихо спросил Прихвост.

– Разумеется, я полон решимости, – в холодном голосе прозвучала угрожающая нота.

Наступила пауза, и затем Прихвост единым духом выпалил фразу, словно боясь, что ещё секунда – и не хватит храбрости.

– Можно обойтись и без Гарри Поттера, мой лорд!

– Без Гарри Поттера? – выдохнул второй. – Ясно...

– Мой лорд, я говорю это вовсе не из-за жалости к мальчишке! – Голос Прихвоста сорвался на визг. – Мальчишка ничего для меня не значит, равным счётом ничего! Просто возьми мы другого колдуна или колдунью – любого из них! – всё можно сделать гораздо быстрее! Если бы вы позволили мне покинуть вас ненадолго – вы же знаете, что я могу прекрасно замаскироваться, – то уже через два дня я бы привёл вам подходящую замену...

– Я могу использовать другого колдуна, – произнёс второй голос негромко. – Это правда...

– Мой лорд, в этом есть смысл, – продолжал Прихвост теперь уже вполне уверенно, – ведь добраться до Гарри Поттера очень трудно – его настолько хорошо охраняют...

– И потому ты вызвался пойти и принести мне заменитель? Интересно... А может, тебе надоело нянчиться со мной, Прихвост? Может, эта твоя идея изменить план – не что иное, как попытка бросить меня?

– Мой лорд! У меня и в мыслях нет покинуть вас, совершенно...

– Не лги мне! Фальшь я всегда отличу! Ты жалеешь, что вернулся ко мне. Я внушаю тебе отвращение. Вижу, как тебя передёргивает, когда ты смотришь на меня, я чувствую твою дрожь, когда ты прикасаешься ко мне...

– Вовсе нет! Моя преданность вашему лордству...

– Твоя преданность – всего-навсего трусость. Ты бы ни одной секунды здесь не остался, если бы тебе было куда пойти. Но как бы я выжил без тебя, если мне нужно питаться каждые несколько часов? Кто доил бы Нагини?

– Но вы заметно окрепли, мой лорд...

– Лжец. Ничуть я не окреп. Несколько дней без поддержки – и я лишу тех крох здоровья, которые сумел вернуть благодаря твоей неуклюжей заботе... *Тихо!*

Прихвост, что-то бессвязно забормотавший, мгновенно смолк. Несколько секунд Фрэнк не слышал ничего, кроме потрескивания огня. Но вот голос второго собеседника раздался вновь – теперь его шёпот превратился почти в шипение.

– Я тебе уже объяснял, почему у меня есть причины использовать мальчишку и никого другого. Я ждал тринадцать лет, и несколько месяцев ничего не изменят. А что касается охраны мальчишки – я верю, что мой план сработает. Всё, что требуется – это немного мужества с твоей стороны, Прихвост, и тебе придётся это мужество найти, если не хочешь испытать на себе всю силу гнева Лорда Волдеморта...

– Мой лорд, я должен вам сказать! – панически воскликнул Прихвост. – Всю дорогу сюда я мысленно просматривал план. Мой лорд, исчезновение Берты Джоркинс не может долго оставаться незамеченным, и если мы продолжим, если я наложу проклятие на...

– Если? – прошепел второй голос. – *Если?* Если ты будешь следовать моему плану, Прихвост, Министерство никогда не узнает, что пропал ещё кто-то. Ты сделаешь это тихо и без суеты; я очень желал бы исполнить это сам, но в моём нынешнем состоянии... Ну же, Прихвост, устраним ещё одно препятствие – и нам открыт путь к Гарри Поттеру. Я не прошу тебя выполнить это в одиночку. К тому времени мой *верный* слуга к нам присоединится...

– Я – ваш верный слуга, – угрюмо пробурчал Прихвост.

– Прихвост, мне нужен человек с головой на плечах; тот, чья преданность оставалась безупречной, а ты, к несчастью, ни тем, ни другим не блещешь.

– Я нашёл вас. – Теперь недовольство в голосе Прихвоста проступило ещё резче. – Я единственный, кто нашёл вас. Я доставил вам Берту Джоркинс...

– Что правда, то правда, – подтвердил второй человек, несколько развеселившись. – Отличный ход, на который я не считал тебя способным, Прихвост... хотя, по правде говоря, ты и понятия не имел, насколько она может пригодиться, когда похитил её, верно?

– Я... я считал, что она может быть полезна, мой лорд...

– Лжец, – снова произнёс второй голос, и в нём ещё отчетливей прозвучало недоброе веселье. – Впрочем, не стану отрицать – её сведения оказались бесценны. Без них мне бы никогда не составить моего плана. И за это тебя ждёт награда, Прихвост. Ты примешь участие в важнейшем задании. Многие из моих последователей дали бы себе отрубить правую руку за это...

– П-правда, мой лорд? В чём же это? – вновь испугался Прихвост.

– Ну, Прихвост, ты же не хочешь, чтобы я испортил сюрприз? Твоя очередь подойдёт в самом конце... Но обещаю, ты удостоишься чести быть так же полезен, как и Берта Джоркинс.

– Вы... вы... – Голос Прихвоста внезапно сел, словно у него вдруг пересохло во рту. – Вы... хотите убить и меня?

– Прихвост, Прихвост... – Второй голос зазвучал вкрадчиво. – Ну зачем же мне убивать тебя? Я убил Берту Джоркинс лишь по необходимости. Она уже ни на что не годилась после моих расспросов. И в любом случае возникла бы чрезвычайно неприятная ситуация, вернись она в Министерство с новостью о встрече с тобой во время отпуска. Колдунам, которые считаются умершими, лучше не сталкиваться с ведьмами из Министерства магии в придорожных гостиницах...

Прихвост что-то тихо залепетал – Фрэнк ничего не расслышал, но второй человек рассмеялся – это был совсем невесёлый смех, такой же ледяной, как и его речь.

– *Можно было изменить её память?* Но чары Памяти легко разрушаются сильным колдуном, что я и доказал, допрашивая её. Было бы надругательством над её *памятью* не воспользоваться той информацией, которую я извлёк, Прихвост.

А в это время снаружи, в коридоре, Фрэнк вдруг заметил, что его ладонь, сжимающая палку, сделалась мокрой от пота. Человек с холодным голосом убил женщину. Он говорит об этом без капли раскаяния – напротив, это его *забавляет*. Он опасный маньяк и замышляет новые убийства. Кто бы ни был этот мальчик, Гарри Поттер, он в опасности.

Фрэнк понял: самое время бежать в полицию. Необходимо выбраться из дома и напрямик к телефонной будке в деревне... Но тут вновь зазвучал ледяной голос, и Фрэнк замер на месте, изо всех сил напрягая слух.

– Ещё одно проклятие... Мой верный слуга в Хогвартсе... Гарри Поттер, считай, у меня в руках, Прихвост. Это решено, и больше никаких пререканий. Но тише... Мне кажется, я слышу Нагини...

Тут голос второго собеседника изменился – таких звуков Фрэнк в жизни не слышал, – тот шипел и фыркал, не переводя дыхания. Фрэнк было подумал, что у парня припадок, но в это время уловил какое-то движение в тёмном коридоре позади себя. Он оглянулся и оцепенел от страха.

Что-то ползло прямо на него по чёрному полу, и, когда оно приблизилось к полоске света, Фрэнк с дрожью ужаса различил, что это гигантская змея – где-то около двенадцати футов² длины. Её волнообразно движущееся тело оставляло широкий извилистый след в толстом слое пыли. Вот она совсем близко... Что же делать? Единственный путь к спасению

² 1 фут = 30.48 см

– дверь в комнату, где двое мужчин обсуждают подготовку убийства. А если он останется там, где стоит, змея точно его прикончит.

Он не успел принять никакого решения, когда змея поравнялась с ним и – невероятно, подобно чуду – скользнула мимо, подчиняясь тому шипению, которое издавал человек с холодным голосом, и через секунду кончик её хвоста с ромбовидным узором скрылся за дверью.

По лбу Фрэнка покатился пот, а его рука с палкой затряслась. Там, в комнате, ледяной голос продолжал шипеть, и Фрэнку пришла в голову странная, невозможная мысль: «Этот человек может разговаривать со змеями».

Фрэнк перестал понимать, что происходит. Больше всего на свете ему хотелось очутиться сейчас в своей постели с грелкой. Но беда в том, что ноги перестали его слушаться. И пока он стоял, дрожа и пытаясь овладеть собой, человек с холодным голосом опять перешёл на английский.

– У Нагини интересные новости, Прихвост, – сказал он.

– В с-самом деле, мой лорд?

– Да, в самом деле. Если верить ей, один старый маггл стоит возле этой комнаты и слышит каждое наше слово.

Спрятаться было негде. Зазвучали шаги, и дверь распахнулась.

Перед Фрэнком стоял седой лысеющий человечек с острым носом и крохотными водянистыми глазками и смотрел на него со смесью страха и тревоги.

– Пригласи его войти, Прихвост. Где твои манеры? – Холодный голос раздавался из старинного кресла перед камином, но говорившего не было видно. Зато Фрэнк видел змею, свернувшуюся кольцами на полусгнившем коврик у камина, – жуткое подобие любимой комнатной собачки.

Прихвост поманил Фрэнка в комнату. Несмотря на сотрясающую его дрожь, Фрэнк крепче сжал палку и с усилием перешагнул через порог.

Камин был единственным источником света в комнате; по стенам разбегались длинные зыбкие тени. Фрэнк устался на спинку кресла – сидевший там человек был, похоже, ещё меньше своего слуги – Фрэнк не видел даже его затылка.

– Ты всё слышал, маггл? – спросил холодный голос.

– Каким это словом вы меня называете? – вызывающе ответил Фрэнк. Теперь, когда он был в комнате и пришло время действовать, он чувствовал себя смелее – так с ним бывало и на фронте.

– Я называю тебя магглом, – невозмутимо пояснил голос. – Это значит, что ты не колдун.

– Не знаю, что вы подразумеваете под «колдуном», – заговорил Фрэнк решительным тоном, – но я слышал достаточно такого, что заинтересует полицию, – вот это точно. Вы совершили убийство и планируете ещё. И ещё скажу кое-что, – добавил он с внезапным вдохновением, – моя жена знает, что я здесь, и если я не вернусь...

— У тебя нет жены, — промолвил ледяной голос спокойно. — Никому не известно, что ты здесь. Ты никому не говорил, что вернёшься. Не лги Лорду Волдеморту, маггл, потому что он знает... он всегда всё знает...

— Да неужто? — воскликнул Фрэнк без всякого почтения. — В самом деле лорд? Не больно-то мне нравятся ваши манеры, *мой лорд*. Почему бы вашему лордству не повернуться по-человечески ко мне лицом?

— Но ведь я не человек, маггл, — ответил холодный голос, едва различимый за треском пламени. — Я гораздо, гораздо больше чем человек. Хотя... почему нет? Я взгляну на тебя... Прихвост, разверни моё кресло.

Слуга лишь горестно охнул.

— Ты слышал меня, Прихвост.

Морщась, словно он предпочёл бы что угодно, лишь бы не приближаться к хозяину и коврику, на котором лежала змея, коротышка с неохотой подошёл и начал разворачивать кресло. Змея подняла треугольную голову и негромко зашипела, когда ножки кресла зацепили её лежанку.

Но вот кресло повернулось к Фрэнку, и он увидел, что в нём находилось. Палка старого садовника со стуком упала на пол; рот у него открылся, и он испустил вопль — такой громкий, что уже не услышал тех слов, что, подняв маленькую палочку, произнесло существо в кресле. Грянул гром, вспышка зелёного света ударила по глазам, и Фрэнк Брайс умер. Спустя мгновение его мёртвое тело рухнуло на пол.

За двести миль³ от дома Риддлов мальчик по имени Гарри Поттер вздрогнул и проснулся.

³ 1 миля = 1609 метров

ГЛАВА ВТОРАЯ

ШРАМ

Гарри лежал на спине, прижав руки ко лбу, и тяжело дышал, словно после долгого бега. Ему только что снился яркий, реалистичный сон. Старый шрам в форме зигзага молнии на его лбу горел под пальцами так, будто к коже приложили добела раскалённую проволоку.

Он сел, не отрывая левой руки от шрама, правой нащупал в темноте очки, лежащие на столике возле кровати. Очертания спальни проступили яснее, сквозь шторы пробивался тусклый оранжевый свет уличного фонаря.

Гарри ещё раз ощущал шрам – боль всё не проходила. Он зажёл стоявшую сбоку лампу, вылез из постели, открыл гардероб и принялся разглядывать себя в зеркале на внутренней стороне дверцы. Там отразился худой паренёк лет четырнадцати, его яркие зелёные глаза озадаченно смотрели из-под взлохмаченных чёрных волос. Шрам выглядел как обычно, но его по-прежнему саднило.

Гарри попытался вспомнить, что же именно ему снилось перед тем, как он проснулся. Всё было настолько реально... Два человека, которых он знал, и ещё один незнакомый... Гарри сосредоточенно сдвинул брови, силясь вспомнить...

Ему явилось смутное видение полутёмной комнаты... На коврике у камина – змея... Коротышка по имени Питер, по прозвищу Прихвост... и холодный высокий голос – голос Лорда Волдеморта. От одной этой мысли Гарри показалось, будто у него внутри прокатился кусок льда.

Он плотно зажмурился, пытаясь воскресить в памяти, как выглядел Лорд Волдеморт, но тщетно. Прихвост развернул кресло, Гарри увидел то, что сидело в нём, его охватил приступ ужаса, он проснулся... Или причиной была боль в шраме?

А кто же тот старик? Ведь там точно был какой-то пожилой человек, Гарри видел, как он упал. Но здесь всё путалось; Гарри уткнулся лицом в ладони, стараясь забыть о своей спальне и восстановить картину той скудно освещённой комнаты. Но детали ускользали, утекали как вода сквозь пальцы... Волдеморт и Прихвост говорили о ком-то, кого они убили, – Гарри не удавалось вспомнить имя... И замыслили убить кого-то ещё. *Ego...*

Он отнял ладони от лица и, широко открыв глаза, оглядел спальню, будто ожидал увидеть что-то необычное. Что ж, в комнате и правда было много необычных предметов. Рядом с кроватью был распахнут огромный чемодан, а в нём котёл, метла, чёрная мантия и учебники по заклинаниям. Большую часть письменного стола занимала пустая клетка белой совы Хэдвиг; оставшееся пространство было завалено свитками пергамента. На полу возле кровати лежала открытая книга – прошлым вечером Гарри читал её перед сном. Все картинки в ней были живые. Люди в ярких оранжевых мантиях, то появляясь, то исчезая со страниц, летали на мётлах, перебрасывая друг другу красный мяч.

Гарри поднял книгу и посмотрел, как один из игроков эффектно забрасывает мяч в кольцо на высоте пятидесяти футов, но тут же захлопнул её. Даже квиддич – лучший, по его

мнению, спорт в мире – не занимал его в эту минуту. Он положил «Полёты с Пушками» на столик возле кровати, подошёл к окну и раздвинул шторы.

Бирючинный проезд выглядел как раз так, как и положено выглядеть улице respectable пригорода в утренний субботний час. Все портьеры на окнах задёрнуты, и не видно ни одного живого существа – ни прохожего, ни даже кошки.

И всё же... всё же... Снедаемый беспокойством, Гарри вернулся к постели и сел, в который раз ощутив шрам. Тревожила его не боль, Гарри не в диковинку были раны и болезни. Он однажды лишился костей в правой руке и провёл в мучениях ночь, пока они росли заново. Вскоре эту же руку ему проткнул ядовитый клык длиной в фут. А в прошлом году Гарри упал с высоты в пятьдесят футов, сорвавшись со своей летающей метлы. Он давно привык к удивительным несчастным случаям и невероятным травмам – они неизбежны, если ты учишься в школе колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс» и вдобавок обладаешь способностью притягивать неприятности.

Нет, Гарри тревожило совсем иное – в прошлый раз шрам занял у него потому, что Волдеморт оказался близко... Но Волдеморт просто не может быть здесь... Великий Тёмный колдун притаился где-то на Бирючинном проезде – это же бред, абсурд...

Гарри прислушался к тишине вокруг. Не скрипнет ли ступенька, не донесётся ли шорох мантии? И едва не подскочил – за стеной двоюродный братец Дадли издал громоподобный хрюкающий храп.

Нет, надо взять себя в руки. Ведь это глупость. В доме никого нет, кроме дяди Вернона, тёти Петунии и Дадли, а они, разумеется, ещё спят и видят безмятежные, ничем не омрачённые сны.

Спящими Дёрзли устраивали Гарри больше всего, да и бодрствующие они вряд ли пришли бы ему на помощь. Дядя Вернон и тётя Петуния – единственные родственники Гарри. Они принадлежат к той категории магглов (то есть неколдунов), которая ненавидит и презирает магию в любом виде, и это значило, что Гарри в их доме рады примерно также, как жуку-древоточцу. Последние три года он надолго уезжал на учёбу в Хогвартс, и его отсутствие Дёрзли объясняли пребыванием в закрытой школе святого Брутуса для подростков с неискоренимыми криминальными наклонностями. Они твёрдо уяснили, что Гарри, как несовершеннолетний колдун, не имеет права применять магию вне стен Хогвартса, но всё равно валили на него вину за все неполадки в доме. Гарри никогда не испытывал к ним доверия и не рассказывал о своей жизни в магическом мире. Рассказать о боли в шраме, поделиться опасениями насчёт Волдеморта, когда они проснутся? Одна только мысль об этом уже вызывала улыбку.

А ведь именно из-за Волдеморта Гарри попал жить к Дёрзли. Если бы не Тёмный Лорд, не было бы на лбу у Гарри шрама. Если бы не он, у Гарри по-прежнему были бы родители...

Гарри был всего год от роду, когда Волдеморт, самый могущественный Тёмный колдун столетия, который в течение одиннадцати лет упорно наращивал свою мощь, явился в дом Гарри и убил его отца и мать. Волдеморт направил тогда волшебную палочку и на Гарри, уже произнёс проклятие, уничтожившее многих взрослых ведьм и колдунов, вставших на его пути к власти, но оно не сработало! Вместо того чтобы убить маленького мальчика,

проклятие ударило по самому Волдеморту. Гарри отделался лишь шрамом на лбу, а от Волдеморта осталось что-то ничтожное и едва живое. Силы его покинули, ему пришлось спасаться бегством. Рассеялся ужас, в котором так долго жило сообщество ведьм и колдунов; приспешники Волдеморта разбежались, а Гарри Поттер стал знаменитостью.

Для Гарри было немалым потрясением узнать, что он – колдун. Это произошло на его одиннадцатый день рождения; ещё больше его смутило то, что в скрытом магическом мире каждому известно его имя. Явившись в школу «Хогвартс», Гарри не сразу привык к тому, что шёпот и заинтересованные взгляды сопровождают его повсюду, куда бы он ни пошёл. Но теперь он привык к этому: осенью Гарри пойдёт уже на четвёртый курс, он считает дни до возвращения в замок.

Но ждать ещё две недели. Он вновь безрадостно оглядел комнату, и его взгляд остановился на поздравительных открытках ко дню рождения, которые прислали в конце июля двое его лучших друзей. Что бы они сказали, если бы он написал им и сообщил, что у него болит шрам?

Немедленно в голове у него зазвучал голос Гермионы Грэйнджер – пронзительный и испуганный:

– Твой шрам заболел? Гарри, это очень серьёзно... Напиши профессору Дамблдору! А я пойду и посмотрю в «Обычных магических болезнях и недомоганиях». Возможно, там найдётся что-то о шрамах от проклятий...

Да, таков был бы совет Гермионы – обратиться прямо к директору Хогвартса, а тем временем покопаться в справочнике. Гарри посмотрел в окно, на чернильно-синее небо. Он очень сомневался, что какая-нибудь книга может ему помочь. Насколько ему известно, он единственный человек, уцелевший после подобного проклятия; поэтому вряд ли можно отыскать его симптомы в «Обычных магических болезнях». А что до идеи сообщить директору, то у Гарри не было ни малейшего представления, где Дамблдор проводит летние каникулы. На минуту он даже развеселился, представив себе Дамблдора с его огромной серебряной бородой, в длиннополной мантии колдуна и островерхой шляпе, растянувшегося где-то на пляже и натирающего кремом для загара длинный крючковатый нос. Хотя, конечно, где бы ни был Дамблдор, Хэдвиг его найдёт, в этом Гарри не сомневался – его сова ни разу ещё ничего не напутала, доставляя письма – даже те, на которых не было адреса. Вопрос в другом: что написать?

*«Дорогой профессор Дамблдор,
простите за беспокойство, но сегодня утром у меня заболел шрам.
Искренне ваш, Гарри Поттер».*

Даже вообразить глупо такие слова.

Тогда Гарри представил себе совет своего второго лучшего друга – Рона Уизли. Перед его мысленным взором тут же всплыла носатая веснушчатая физиономия Рона с самым озадаченным выражением.

– Твой шрам разболелся? Но... Сам-Знаешь-Кто не может быть поблизости, верно? Я хочу сказать... ну, ты бы сразу узнал, правда? Он бы наверняка напал на тебя ещё раз, ведь

так? Не знаю, Гарри, может, шрамы от проклятий всегда немного побаливают... Спрошу у папы...

Мистер Уизли был весьма квалифицированный колдун. Он работал в Министерстве магии в отделе Неправомерного использования магловских артефактов, но по части проклятий, насколько понимал Гарри, особым специалистом не был. В любом случае Гарри вовсе не улыбалась мысль оповещать всё семейство Уизли о том, что он так перепутался из-за минутной боли. Миссис Уизли разволнуется ещё хуже, чем Гермиона, а Фред и Джордж, шестнадцатилетние братья-близнецы, запросто подумают, что у Гарри разыгрались нервы. Гарри любил семью Уизли больше всего на свете, он надеялся, что они пригласят его погостить – Рон говорил об этом в связи с Чемпионатом мира по квиддичу, – и Гарри вовсе не желал, чтобы его пребывание в этом доме омрачалось тревожными расспросами о шраме.

Он потёр лоб костяшками пальцев. На самом деле ему хотелось (в чём он стеснялся признаться даже самому себе) иметь хоть кого-то наподобие *родителей* – взрослого колдуна, у которого можно было бы спросить совета, не боясь при этом выглядеть идиотом, кого-то, кто поддержал бы его и разобрался в Тёмной магии...

И тут к нему явилось решение. Такое простое, такое очевидное, что было даже непонятно, о чём он мог думать так долго – Сириус.

Гарри соскочил с кровати и бросился к столу, развернул кусок пергамента, окунул в чернила орлиное перо, вывел: «*Дорогой Сириус!*» – и остановился, призадумавшись, как лучше изложить свою проблему, и всё ещё удивляясь тому, что мысль о Сириусе сразу не пришла в голову. Но с другой стороны, чему удивляться – как-никак, он всего лишь несколько месяцев назад узнал, что Сириус – его крёстный отец. Причина, по которой Сириус так долго не появлялся в жизни Гарри, была проста – до недавних пор он сидел в Азкабана, страшной тюрьме для колдунов. Её охраняют дементоры – незрячие, высасывающие душу демоны, и они явились разыскивать Сириуса в Хогвартс, когда он сбежал. Но Сириус был невиновен. Убийства, за которые его осудили, совершил Прихвост – пособник Волдеморта, которого все считали погибшим. Гарри, Рон и Гермиона знали, что это не так, – в прошлом учебном году они лицом к лицу столкнулись с живым Прихвостом. Увы, поверил им только профессор Дамблдор.

В тот же самый день (в день встречи с Прихвостом) был и один короткий миг, когда Гарри уже поверил, что наконец-то уедет от Дёрзли – Сириус предложил переселиться к нему, поскольку его доброе имя восстановлено. Но надежды не сбылись – они не сумели доставить Прихвоста в Министерство магии, тот ухитрился улизнуть, и Сириусу пришлось скрыться, чтобы спасти свою жизнь. С помощью Гарри он улетел на гиппогрифе по имени Брыкляув и с тех пор в бегах. Но мысль о доме, который мог бы у него быть, сумей они изловить Прихвоста, преследовала Гарри всё лето. Было вдвойне тяжело возвращаться к Дёрзли, зная, как близка была возможность покинуть их навсегда.

Но всё же Сириус помогал Гарри, даже не будучи рядом. Только благодаря Сириусу Гарри мог отныне держать у себя в спальне школьные принадлежности – Дёрзли никогда раньше этого не позволяли. Неуёмное стремление отравить, насколько возможно, жизнь Гарри сочеталось у них со страхом перед его способностями, и это заставляло их каждое лето

запирать чемодан с его школьными вещами в чулан под лестницей. Однако они поспешно изменили позицию, узнав, что крёстный отец Гарри – опаснейший убийца. Гарри тактично забыл сообщить им, что Сириус ни в чём не виновен.

От Сириуса пришло уже два письма. Оба принесли не совы (как принято у колдунов), а большие яркие тропические птицы. Хэдвиг неодобрительно отнеслась к экзотическим пришельцам и весьма неохотно позволила им напиться из своей миски перед обратной дорогой. Гарри же, напротив, был им очень рад – в его воображении сразу возникли пальмы и белый песчаный пляж. Гарри надеялся, что где бы Сириус ни находился (тот никогда об этом не писал – на случай, если письмо перехватят), он хорошо проводит время. Почему-то с трудом можно было представить себе дементоров, способных долго продержаться на солнцепёке – возможно, поэтому Сириус и подался на юг. Его письма, которые теперь спрятаны под чрезвычайно удобно поднимающейся половицей под кроватью, были очень бодрыми и в обоих он напоминал, чтобы Гарри обращался к нему в любое время, когда потребуется. Что же, вот и потребовалось...

Свет лампы начал тускнеть в лучах холодного серого рассвета, вползавшего в спальню. Когда поднялось солнце и окрасило золотом стены, а из комнаты дяди Вернона и тёти Петунии послышалась невнятная возня, Гарри выбросил в корзину скомканные куски пергамента и перечитал окончательный вариант письма.

«Дорогой Сириус!

Спасибо за последнее письмо. Эта птица была такой огромной, что с трудом пролезла в моё окно.

Дела идут как обычно. У Дадли ничего не выходит с диетой. Вчера моя тётка застукала его, когда он пытался тайком пронести к себе пончики. Ему пригрозили, что урежут карманные расходы, если он будет так себя вести, отчего он совершенно расвишел и выкинул в окно свою Playstation. Это такая штука вроде компьютера для игр. На самом деле глупая выходка – теперь у него нет даже «Мегакостоломки. Части третьей», чтобы отвлечься от неприятностей.

У меня всё в порядке – в основном из-за того, что Дёрзли страшно боятся, что ты можешь вдруг нагрянуть и по моей просьбе превратить их всех в летучих мышей.

Правда, сегодня утром произошла одна непонятная вещь. Мой шрам разболелся снова. Прошлый раз это произошло потому, что Волдеморт был в Хогвартсе. Но, думаю, он сейчас не может быть где-то неподалёку от меня. Ты не слышал, шрамы от проклятий болят много лет спустя?

Я отправлю это письмо с Хэдвиг, когда она вернётся, – сейчас она на охоте.

Передай от меня привет Брыкллову.

Гарри».

Да, подумал Гарри, это то, что надо. Никаких намёков на его сон, он не хочет показаться уж слишком напуганным. Гарри свернул пергамент и положил на край стола – всё готово, надо лишь дождаться возвращения Хэдвиг. Он поднялся на ноги, потянулся, снова открыл шкаф и, даже не взглянув на отражение, стал одеваться к завтраку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРИГЛАШЕНИЕ

Когда Гарри спустился на кухню, все трое Дёрзли уже сидели за столом и даже не подняли на него глаз. Дядя Вернон загородил широкую багровую физиономию утренним выпуском «Daily Mail», а тётя Петуния сосредоточенно резала грейпфрут на четыре части, скрыв лошадиные зубы за поджатыми губами.

Дадли выглядел рассерженным, угрюмым и, казалось, ещё больше раздулся. Это кое-что значило, если учесть, что он и без того обычно занимал собой целую сторону квадратного стола. Тётя Петуния положила ему в тарелку четверть неподслащённого грейпфрута, боязливо проворковав: «Это тебе, Дадли, милый», на что он только злобно посмотрел на неё. В его жизни произошли крутые и очень неприятные перемены с того дня, как он принёс домой годовой табель успеваемости.

Как всегда, дядя Вернон и тётя Петуния старались найти оправдания его скверным оценкам: тётя Петуния утверждала, что Дадли – очень одарённый мальчик, но требует особого подхода; дядя Вернон держался другой линии – ему «не нужен сын неженка и зубрила». Столь же деликатно они касались обвинений в хулиганстве, записанных в таблице. «Он шумный маленький мальчик, но и мухи не обидит!» – восклицала тётя Петуния со слезой в голосе.

Однако в конце табеля было несколько вежливых замечаний школьной медсестры, которым даже дядя Вернон и тётя Петуния не могли найти оправданий. Сколько бы тётя Петуния ни причитала, что Дадли крупный мальчик со здоровым детским жирком и что растущему организму необходимо много еды, факт оставался фактом – у поставщика школьной формы уже не было бриджей достаточно большого размера. Острый глаз тёти Петунии различал неуловимый отпечаток пальца на её сверкающих чистотой стенах и насквозь видел соседей, но отказывался замечать то, что было очевидно школьной медсестре: без всякого дополнительного питания Дадли разнесло до размеров молодого кита из породы касаток-убийц.

И вот – после многих скандалов, где в ход шли такие веские аргументы, что от них дрожал пол в спальне у Гарри, и потоков слёз, пролитых тётей Петунией, – был объявлен новый режим. Диетическая программа, присланная медсестрой школы «Смелтингс», была прикреплена к холодильнику, из которого убрали всё, что обожал Дадли, – газировку и пирожные, шоколадки и бургеры. И вместо этого наполнили овощами, фруктами и зеленью – «кроличьей едой», как выразился дядя Вернон. Чтобы умиловить Дадли, тётя Петуния настояла, чтобы и вся семья села на ту же диету. Поэтому Гарри тоже получил свою четвертинку грейпфрута. Она была намного меньше, чем у Дадли. Тётя Петуния явно считала, что лучший путь поддержать моральный дух Дадли – это уверить его в том, что еды у него, во всяком случае, больше, чем у Гарри.

Но тёте Петунии было невдомёк, что спрятано под поднимающейся половицей в комнате наверху; у неё и мысли не возникало, что Гарри вовсе не собирается следовать диете.

Сообразив, что ему грозит всё лето просидеть на одной моркови, он сразу послал к друзьям Хэдви́г с призывом о помощи. И те, к их чести, не пожалели усилий. Из дома Гермионы сова вернулась с большущей коробкой печенья без сахара (родители Гермионы были стоматологи). Хагрид, хогвартский лесничий, не пожалел целого мешка твердокаменных кексов собственного приготовления (к ним Гарри не притронулся – слишком велик был его опыт по части стряпни Хагрида). Миссис Уизли прислала их семейного филина, Эррола, с чудовищных размеров тортом и пачкой пастилы. Бедняга Эррол был уже в преклонном возрасте и целых пять дней приходил в себя после такого путешествия. А на день рождения (который для Дёрзли просто не существовал), Гарри получил сразу четыре великолепных торта – от Рона, Гермионы, Хагрида и Сириуса. У него и сейчас ещё оставались два и поэтому, предвкушая роскошный завтрак, который он себе устроит наверху, Гарри беспечно взялся за свой грейпфрут.

Неодобрительно хмыкнув, дядя Вернон отложил газету и хмуро уставился на собственную четвертинку грейпфрута.

– И это всё? – проворчал он.

Тётя Петунья строго взглянула на него, кивком указав на Дадли, который уже прикончил свою часть и мрачно смотрел в тарелку Гарри маленькими поросычьими глазками.

Дядя Вернон обречённо вздохнул, взъерошив большие густые усы, и взял ложку.

В дверь позвонили. Дядя Вернон поднялся с кресла и пошёл в прихожую. С быстротой молнии, пока мать была занята чайником, Дадли стащил остаток отцовского грейпфрута.

Из прихожей донеслись звуки разговора, чей-то смех и затем отрывистый ответ дяди Вернона. Парадная дверь захлопнулась, и послышался треск разрываемой бумаги.

Тётя Петунья поставила на стол заварной чайник и недоуменно оглянулась: где это дядя Вернон? Минуту спустя он вернулся, красный от злости.

– Ты! – рявкнул он на Гарри. – В гостиную, живо!

Сбитый с толку и ломая голову над тем, в каких грехах его подозревают на этот раз, Гарри встал и вслед за дядей Верноном пошёл в соседнюю комнату.

– Итак. – Дядя Вернон со стуком закрыл за ними дверь, твёрдым шагом дошёл до камина и повернулся к Гарри с таким видом, словно собирался объявить ему, что он арестован. – *Итак.*

Гарри так и подмывало спросить: «Итак что?» – но он счёл, что не стоит подвергать характер дяди Вернона такому испытанию с утра пораньше, учитывая, что его нрав и без того ожесточён голодным пайком. Поэтому Гарри решил принять вид вежливой озадаченности.

– Это только что принесли, – сказал дядя Вернон. Он угрожающе помахал перед Гарри исписанным листком сиреневой бумаги. – Письмо. Насчёт тебя.

Гарри растерялся ещё больше. Кто мог написать о нём дяде Вернону? Да ещё прислать письмо по обычной почте?

Дядя Вернон свирепо взглянул на Гарри и стал читать вслух:

«Дорогие мистер и миссис Дёрзли!

Мы с вами незнакомы, но я не сомневаюсь, что вы немало слышали от Гарри о моём сыне Роне.

Как Гарри вам, возможно, рассказывал, финал Кубка мира по квиддичу состоится в следующий понедельник вечером, и мой муж Артур сумел достать очень хорошие билеты благодаря своим связям в департаменте Магических игр и спорта.

Я надеюсь, что вы позволите нам взять с собой Гарри на матч, тем более что такая возможность выпадает раз в жизни — Британия не принимала у себя финал вот уже тридцать лет и добыть билеты было крайне трудно. Мы, разумеется, будем рады, если Гарри проведёт у нас остаток летних каникул, и проследим, чтобы он благополучно сел на поезд в школу.

Пожалуйста, ответьте как можно скорее. Лучше воспользоваться обычным способом, поскольку маггловские почтальоны не сумеют доставить письмо в наш дом. Я не уверена, что они вообще знают, где он находится.

В надежде вскоре увидеть Гарри искренне ваша

Молли Уизли

P.S. Надеюсь, мы наклеили достаточно марок.»

Дядя Вернон закончил чтение.

— Взгляни на это, — прорычал он.

Это был конверт, в котором и прибыло письмо миссис Уизли, и Гарри едва удержался от смеха — конверт был сплошь заклеен марками за исключением маленького пятячка на лицевой стороне, куда миссис Уизли умудрилась втиснуть написанный бисерным почерком адрес Дёрзли.

— Ну... она наклеила достаточно марок, — сказал Гарри таким тоном, будто подобную ошибку мог совершить кто угодно. Глаза дяди сверкнули.

— Почтальон это заметил, — процедил он сквозь зубы. — Ему было очень интересно, откуда такое письмо пришло. Потому-то и позвонил. Кажется, он счёл это *забавным*.

Гарри ничего не ответил. Возможно, кто-то и не понял бы, почему дядя Вернон поднимает такой шум из-за чрезмерного количества марок, но Гарри слишком долго прожил с Дёрзли и знал, как безумно их раздражает всё хоть сколько-нибудь необычное. Больше всего их пугало, что кто-то узнает об их связи (пусть даже и отдалённой) с такими людьми, как миссис Уизли.

Дядя Вернон грозно смотрел на Гарри, а тот старался сохранить на лице самое невинное выражение. Если сейчас повести себя правильно, то можно запросто попасть на самое интересное событие за всю свою жизнь. Гарри ожидал, что же скажет дядя Вернон, но тот по-прежнему не произносил ни слова, вперив в племянника злобный взгляд. Наконец Гарри решился нарушить молчание.

— Так что... я могу поехать?

Багровую физиономию дяди Вернона исказила лёгкая судорога. Усы встали дыбом. В голове за этими усами сейчас происходила ожесточённая схватка двух основных дядиных инстинктов, вступивших в острое противоречие. Разрешить Гарри ехать, значит, сделать его счастливым, а против этого дядя Вернон неустанно боролся тринадцать лет. С другой стороны, отъезд Гарри избавлял от него на две недели раньше, чем можно было надеяться, а

дядя Вернон не выносил присутствия Гарри в своём доме. Раздираемый противоположными чувствами, он вновь уставился на письмо миссис Уизли.

– Кто эта женщина? – спросил он, неприязненно разглядывая подпись.

– Вы её видели, – ответил Гарри. – Это мама моего друга Рона, она встречала его, когда мы приехали на Хог... на школьном поезде в конце прошлого семестра.

Он чуть было не произнёс «Хогвартс-Экспресс», но это был верный путь взбесить дядю. Во владениях Дёрзли никто даже не упоминал вслух названия школы Гарри.

Дядя Вернон скривил широченную физиономию, словно припоминая что-то очень неприятное.

– Толстуха такая? – проворчал он наконец. – С кучей рыжих детей?

Гарри нахмурился. Это уж явная глупость со стороны дяди Вернона – обзывать кого-то толстухой, когда его собственный сын Дадли был именно таким лет с трёх, а теперь и вовсе стал больше в ширину, чем в высоту. Дядя Вернон вновь внимательно перечитывал письмо.

– Квиддич, – пробормотал он. – *Квиддич* – это что ещё за чепуха?

Гарри опять почувствовал раздражение.

– Вид спорта, – отозвался он нехотя. – Играют на метлах...

– Ладно, ладно! – торопливо прервал его дядя Вернон.

Гарри не без удовлетворения заметил, что дяде стало не по себе, – он не мог вынести слово «метла» в стенах собственной гостиной и вновь поспешил укрыться за чтением письма. По его губам Гарри разобрал слова: «Пришлите ответ обычным способом». Дядя сдвинул брови:

– Что это она имеет в виду – *«обычным способом»*? – фыркнул он.

– Обычным для нас, – пояснил Гарри и, прежде чем дядя успел остановить его, добавил: – Вы же знаете, совиная почта. Это обычное дело для колдунов.

Дядя Вернон вскипел, как будто Гарри произнёс непристойное ругательство. Затрясшись от злости, он нервно оглянулся на окна, словно ожидая увидеть кого-то из соседей, прижавших уши к стеклу.

– Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не упоминал всей этой пакости под моей крышей? – прошипел он, и его лицо приобрело густо-фиолетовый оттенок. – Здесь даже одежда на тебе та, что мы с Петунией тебе дали!

– Только после того, как Дадли её износил, – холодно отозвался Гарри. И в самом деле, на нём был свитер размеров на пять больше чем надо, так что рукава приходилось закатывать едва ли не наполовину, а свисал он ниже пузырей на коленях его потрёпанных джинсов, которые тоже висели мешком.

– Не смей так разговаривать со мной! – яростно взревел дядя Вернон.

Но Гарри не собирался молчать. Миновали те дни, когда ему приходилось безропотно исполнять каждый пункт идиотских дёрзлевских правил. Он обошёлся без диеты Дадли и не позволит дяде Вернону помешать ему поехать на Чемпионат мира по квиддичу, как бы тому ни хотелось.

Гарри сделал глубокий успокаивающий вдох и сказал:

– Ладно, хорошо, я не увижу Кубка мира. Теперь я могу идти? У меня там не закончено письмо к Сириусу. Вы знаете – мой крёстный отец...

Он сделал это. Он произнёс волшебные слова. Краснота пятнами схлынула с лица дяди Вернона, и оно стало похожим на плохо перемешанное черносмородиновое мороженое.

– Ты... пишешь ему, да? – В голосе дяди Вернона прозвучала претензия на спокойствие, но Гарри видел, как зрачки его маленьких глаз сузились от страха.

– Пишу, – ответил Гарри небрежно. – Я уже давно ему не писал, и вы понимаете, боюсь, он может подумать что-нибудь не то...

И остановился, наслаждаясь действием этих слов. Он почти видел, как закрутились колесики под густыми, тёмными, разделёнными идеальным пробором волосами дядюшки. Если помешать Гарри написать Сириусу, тот может подумать, что с Гарри тут плохо обращаются. А если запретить ехать на Кубок мира, Гарри напишет Сириусу, и маньяк-убийца будет *знать*, что с его крестником плохо обращаются. Выбора не остаётся. Гарри наблюдал, как у дяди в мозгу созревает решение, словно здоровенная усатая физиономия была прозрачной. Мальчику стоило больших усилий сдержать улыбку и сохранить безразличный вид. И вот наконец...

– Ну ладно. Можешь ехать на этот чёртов... эту глупость... короче, Кубок мира. Напиши этим... этим Уизли... пусть имеют в виду... они должны сами забрать тебя. У меня нет времени таскаться с тобой через всю страну. Можешь остаться у них до конца лета. И ещё, скажи своему... своему крёстному отцу... напиши ему... что едешь.

– Хорошо, – просиял Гарри.

Он повернулся и пошёл к дверям гостиной, борясь с желанием вопить и прыгать от радости. Он поедет! Он поедет к Уизли, он поедет на Чемпионат мира по квиддичу!

В холле он едва не налетел на Дадли, притаившегося за дверью с явной надеждой подслушать, как влетит Гарри. Широкая улыбка на лице Гарри совершенно сразила его.

– *Замечательный* завтрак, верно? – спросил Гарри. – Я просто объелся, а ты?

Смеясь над изумлением братца, Гарри помчался к себе в комнату перемахивая через три ступеньки сразу.

Там его поджидала Хэдвиг. Она сидела в клетке, уставившись на него громадными янтарными глазами, и щёлкала клювом, показывая, что чем-то недовольна. Тотчас же обнаружилась и причина её недовольства.

– Ой! – воскликнул Гарри.

Нечто наподобие серого, покрытого перьями теннисного мяча ударило его по голове. Гарри потёр висок, озираясь – что такое? – и увидел крохотную сову, настолько маленькую, что она могла бы уместиться в его ладони. Она возбуждённо носилась по комнате, словно шальная шутиха. Тут только он обратил внимание, что к его ногам упало письмо. Наклонившись, Гарри узнал почерк Рона. Внутри была наспех нацарапанная записка.

«Гарри!

Папа достал билеты! Ирландия против Болгарии, в понедельник вечером! Мама пишет магглам, чтобы те разрешили тебе остаться. Они уже могли получить письмо

— не знаю, насколько маггловская почта быстрая. Всё равно решил отправить тебе письмо со Свином.»

Гарри задержался на слове «Свин», затем поднял глаза на малютку-сову, кружившую вокруг абажура под потолком. Меньше всего на свете она походила на свинью. Может, что-то не разобрал? Гарри вернулся к письму.

«Мы приедем за тобой, нравится это магглам или нет; ты не можешь пропустить Кубок мира. Но мама и папа считают, что сначала для вида надо всё-таки спросить их разрешения. Если они согласятся, срочно присылай Свина с ответом — мы приедем и заберём тебя в воскресенье, в пять часов. Если они скажут нет, всё равно быстро присылай Свина, и мы в любом случае увезём тебя в пять часов в воскресенье.

Гермиона приезжает сегодня днём. Пёрси приступил к работе в департаменте Международного магического сотрудничества. Пока будешь у нас, не упоминай даже слова «заграница», если не хочешь, чтобы он заговорил тебя до смерти.

До скорой встречи,

Рон».

— Уймись! — крикнул Гарри, когда маленькая сова пронеслась прямо над его головой, что-то отчаянно вереща — видимо, очень гордясь, что доставила письмо по назначению. — Давай сюда, понесёшь мой ответ обратно!

Сова села у клетки Хэдвиг, та холодно покосилась на гостью — вот только попробуй подойди ближе!

Гарри взял своё орлиное перо, чистый кусок пергамента и написал:

«Рон, всё в порядке.

Магглы сказали, что я могу ехать. Встретимся завтра в пять. Не могу дождаться.

Гарри».

Он сложил это послание в несколько раз и с большим трудом примотал к левой лапке крошки-совы, пока та взволнованно скакала на правой. Едва письмо было закреплено, сова вновь отправилась в путь — через окно свечой взмыла в небо и пропала из виду.

Гарри повернулся к Хэдвиг.

— Ты готова к долгому путешествию? — спросил он. Хэдвиг с достоинством ухнула.

— Сможешь отнести это Сирнусу? — Он взял письмо. — Подожди, я только допишу.

Он вновь развернул пергамент и торопливо приписал:

«P.S.

Остаток лета я пробуду у моего друга Рона Уизли. Пиши мне туда. Его папа достал билеты на Чемпионат мира по квиддичу!»

Закончив письмо, он привязал его к лапе Хэдвиг — та держалась необычайно спокойно, словно желая продемонстрировать, как должна себя вести настоящая, серьёзная почтовая сова.

— Я буду у Рона, когда ты вернёшься, ясно? — сказал ей Гарри.

Она нежно ущипнула его за палец, со свистящим шорохом развернула огромные крылья и вылетела в открытое окно.

Гарри провожал её взглядом, покуда она не исчезла из глаз, потом нырнул под кровать, вынул заветную доску и достал из тайника изрядный кусок торта. Он сидел на полу и ел, наслаждаясь нахлынувшим на него счастьем. У него торт, а у Дадли ничего, кроме грейпфрута; на дворе — солнечный летний день, завтра он расстанется с Бирючинным проездом, шрам больше не болит, и впереди — Чемпионат мира по квиддичу. Можно пока ни о чём не волноваться — даже о Волдеморте.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НОРУ

К двенадцати часам следующего дня все школьные принадлежности Гарри уже были уложены в чемодан, в том числе и наиболее ценное имущество – плащ-невидимка, который он унаследовал от отца, метла «Всполох» – подарок Сириуса, и зачарованная карта Хогвартса, которую в прошлом году ему вручили Фред и Джордж Уизли. Гарри освободил от запасов еды тайник под кроватью, дважды перепроверил каждую щёлку и закуток в спальне – вдруг оставил где-то перо или учебник, и снял со стены календарь до первого сентября, на котором старательно зачёркивал дни, оставшиеся до возвращения в Хогвартс.

Тем временем атмосфера в доме номер четыре по Бирючинному проезду накалилась до предела. Неминуемый визит в их жилище целой компании колдунов поверг Дёрзли в крайнюю нервозность. Узнав, что Уизли прибудут завтра к пяти часам, дядя Вернон не на шутку встревожился.

– Надеюсь, ты им сказал, этим людям, чтобы они оделись подобающим образом, – проворчал он. – Видел я, в какой хлам вы там рядитесь. Нет чтобы носить нормальную одежду, как подобает порядочным людям.

Гарри ощутил что-то вроде дурного предчувствия. Мистер и миссис Уизли редко бывали одеты «прилично», по меркам Дёрзли. Их дети могли ещё нарядиться на каникулах по магловской моде, но родители обычно ходили в длинных мантиях разной степени изношенности. Гарри мало волновало, что подумают соседи, но его беспокоило, как бы его родственники не нагрубил Уизли, если те и впрямь будут выглядеть согласно худшим представлениям Дёрзли о колдунах.

Дядя Вернон надел свой лучший костюм. Дело тут было отнюдь не в гостеприимстве – он стремился приобрести вид величественный и устрашающий. Дадли, напротив, как-то весь сжался. И совсем не оттого, что диета наконец возымела эффект, а потому, что он просто струхнул. Последняя встреча со взрослым колдуном подарила ему закрученный пороссячий хвостик, высунувшийся наружу прямо сквозь брюки. Чтобы от него избавиться, дяде Вернону и тёте Петунии пришлось заплатить немалые деньги в частной лондонской клинике. Поэтому никто не удивлялся, что он то и дело нервно ощупывал себя сзади и боком передвигался по комнатам, чтобы ещё раз не подставить врагу ту же мишень.

Ланч прошёл почти в полном молчании. Даже Дадли не высказывал недовольства едой (домашний творог с тёртым сельдереем). Тётя Петуния вообще ничего не ела. Скрестив руки на груди и поджав губы, она словно закусала и даже отчасти пожёвывала язык, как будто удерживая гневные речи, готовые обрушиться на Гарри.

– Они, разумеется, приедут на автомобиле? – зарычал через стол дядя Вернон.

– Э-э-э... – протянул Гарри.

Об этом, честно говоря, он не подумал. Как именно Уизли собираются забирать его отсюда? Машины у них больше нет – старенький форд марки «Англия», который у них когда-

то был, ныне одичал и затерялся в дебрях Запретного Леса. Правда, в прошлом году мистер Уизли брал служебную машину из Министерства магии. Может, он так сделает и сегодня?

– Думаю, что да, – ответил Гарри.

Дядя Вернон фыркнул в усы. Будь это обычный случай, он бы непременно спросил, что за автомобиль у мистера Уизли; он всегда оценивал людей по размерам и стоимости их машин. Но Гарри сомневался, что дядя Вернон полюбит бы мистера Уизли, даже если тот бы ездил на «Феррари».

Большую часть дня Гарри провёл у себя в комнате – не было сил смотреть, как тётя Петуния каждую минуту выглядывает на улицу из-за тюлевых штор, словно по телевизору объявили о сбежавшем стаде бешеных носорогов. В конце концов, без четверти пять Гарри спустился в гостиную.

Тётя Петуния в некоем помрачении безостановочно выравнивала пузатый строй диванных подушек. Дядя Вернон делал вид, будто читает газету, но его маленькие глазки оцепенело смотрели в одну точку, и Гарри был уверен, что он изо всех сил прислушивается – не подъезжает ли к дому автомобиль. Дадли забился в кресло, подсунув под себя ладони и крепко сжимая собственный зад. Не желая участвовать в этом психозе, Гарри вышел и присел на ступеньку лестницы в прихожей. Он не сводил глаз с часов, а сердце колотилось от волнения.

Вот и пять, вот уже и шестой час. Дядя Вернон, слегка вспотевший в своём костюме, открыл парадную дверь, высунул голову, обежал взглядом улицу.

– Опаздывают! – буркнул он Гарри.

– Вижу, – ответил тот. – Возможно... м-м-м-м... пробки или ещё что-нибудь...

Десять минут шестого... Пятнадцать... Гарри уже и сам всерьёз беспокоился. В половине шестого из гостиной донёсся торопливый шёпот дяди Вернона и тёти Петунии:

– Никакого уважения.

– У нас ведь могут быть какие-то планы.

– Может, думают, их пригласят на ужин, если они приедут позже?

– Ну, уж этому не бывать, – произнёс дядя Вернон, и Гарри услышал, как он встал и принялся прохаживаться по гостиной. – Заберут мальчишку и свалят, больше им тут нечего делать. Если они вообще приедут. Может, день перепутали. Подобные типы, сдаётся мне, пунктуальностью не отличаются. Или поехали на какой-нибудь дрянной машинке, которая на поддороге и сло-ма-а-а-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Гарри подпрыгнул. Судя по звукам в гостиной, все трое Дёрзли повскакали с мест и в панике куда-то бросились. В следующее мгновение на смерть перепуганный Дадли вылетел в холл.

– Что случилось? – удивился Гарри. – В чём там дело?

Но Дадли как язык проглотил. По-прежнему держась за ягодицы, он со всей возможной для его туши скоростью устремился на кухню. Гарри поспешил в гостиную.

Из камина – тот давно был заколочен досками, и его роль на том же месте исполнял электрокамин с фальшивыми углями – доносился громкий стук и какая-то возня.

– Что это? – задыхаясь, спрашивала тётя Петунья, вжавшись в стену и с ужасом глядя на камин. – Что это, Вернон?

Их сомнения разрешились буквально через секунду – из-за досок стали слышны голоса:

– Ох! Фред, нет, давай назад, назад... Тут какая-то опшибка... Скажи Джорджу, чтобы он не... Ай! Джордж, нет, здесь нет никакой комнаты, быстро назад и скажи Рону...

– Пап, может, Гарри услышит и сумеет нас выпустить...

По доскам позади электрического огня забарабанили кулаки.

– Гарри! Гарри, ты нас слышишь?

Дёрзлы обернулись к Гарри, словно пара разъярённых росомх.

– Что это? – взревел дядя Вернон. – Что происходит?

– Они... ну, они попытались добраться сюда с помощью летучего пороха, – стал объяснять Гарри, борясь с безумным желанием расхохотаться. – Они могут путешествовать через каминь, но вы же заложили его... Сейчас, подождите...

Он подошёл к камину и позвал:

– Мистер Уизли! Вы меня слышите?

Удары прекратились, и за досками кто-то произнёс: «Ш-ш-ш!»

– Мистер Уизли, это Гарри... Здесь не пройти, выход из каминь заложен кирпичами!

– Проклятье! – послышался голос мистера Уизли. – С какой стати им взбрело в голову закрыть камин?

– А у них теперь электрический, – объяснил Гарри.

– В самом деле? – восхитился мистер Уизли. – Эклектический, ты говоришь? Со *штенселем*? Бог ты мой, я должен это увидеть... Дай-ка подумаю... Ох, Рон!

Теперь и голос Рона присоединился ко всем остальным.

– Что мы здесь делаем? Что-то пошло не так?

– Ну что ты, Рон, – саркастически отозвался голос Фреда, – мы ведь всю жизнь мечтали оказаться именно в таком месте...

– Конечно, и вот теперь нам представился такой уникальный случай, – присоединился к нему Джордж. Его голос звучал глухо, словно парня прижало к стене.

– Мальчики, мальчики, – рассеянно произнёс мистер Уизли. – Я пытаюсь придумать, что делать... да... это единственный способ... Гарри, отойди подальше...

Гарри отступил к дивану. Дядя Вернон, невзирая на предупреждение, двинулся вперёд.

– Подождите минутку! – гаркнул он в камин. – Что это вы собираетесь де...

БАБАХ!

Стенку разнесло взрывом. Электрокамин, молодецки взмахнув шнуром, со свистом пролетел через всю комнату, и в туче щебня и щепок на свет явились мистер Уизли, Фред, Джордж и Рон. Тётя Петунья, испустив пронзительный вопль, попятилась назад и споткнулась о кофейный столик; дядя Вернон подхватил её прежде, чем она грохнулась на пол, и, онемев, выпучился на компанию Уизли – все огненно-рыжие, включая Фреда с Джорджем, неотличимо схожих до последней веснушки.

– Ну вот, так-то лучше, – вздохнул мистер Уизли, отряхивая пыль со своей длинной зелёной мантии и поправляя очки. – Ага, вы, должно быть, дядя и тётя Гарри!

Высокий, худой, с залысинами, он шагнул навстречу дяде Вернону, протягивая руку, но тот лишь попятился, волоча за собой тётю Петунию. Дар речи покинул его совершенно. Лучший костюм был в белой пыли, и та же пыль побелила его волосы и усы – можно было подумать, что он внезапно постарел лет на тридцать.

– М-м-м... да... прошу прощения за всё это. – Мистер Уизли опустил руку и оглянулся на развороченный камин. – Это моя вина, мне попросту в голову не приходило, что могут возникнуть затруднения с выходом на противоположном конце... Я подключил ваш камин к сети летучего пороха – ну, понимаете, всего на несколько часов, чтобы забрать Гарри. Строго говоря, маггловские камины не допускаются к подключению, но у меня есть знакомый на пульте управления, он это поправил... Я всё здесь мгновенно приведу в порядок, не беспокойтесь – только зажгу огонь, чтобы отправить мальчиков, и затем восстановлю ваш камин, а сам дезаппарирую...

Гарри был готов поклясться, что Дёрзли не поняли ни единого слова. Они по-прежнему, точно громом поражённые, дико смотрели на мистера Уизли. Тётя Петуния кое-как выпрямилась и спряталась за спину дяди Вернона.

– Привет, Гарри! – радостно воскликнул мистер Уизли. – Ты собрал чемодан?

– Он наверху, – улыбнулся Гарри.

– Мы принесём, – сейчас же вызвался Фред. Подмигнув Гарри, они с Джорджем вышли из комнаты. Близнецы знали, где находится спальня Гарри, – как-то раз глубокой ночью им пришлось вызволять его оттуда; он догадывался, что Фред и Джордж хотят взглянуть на Дадли – они много о нём слышали от Гарри.

– Ну... – сказал мистер Уизли, смущённо потирая руки и подыскивая слова, чтобы разрядить неловкое молчание. – Очень... м-м-м... мило у вас тут.

Поскольку доселе безупречно чистая, без единой пылинки гостиная была теперь покрыта хлопьями сажки и засыпана обломками кирпича, Дёрзли восприняли это заявление без должного энтузиазма. Лицо дяди Вернона вновь налилось кровью, а тётя Петуния опять принялась жевать язык. Они были чересчур напуганы, чтобы сказать что-нибудь связанное.

Мистер Уизли огляделся. Он любил всё, сделанное руками магглов. Ему нестерпимо хотелось подойти и поближе рассмотреть телевизор с видеомэгнитофоном.

– Они работают на экелтричестве, верно? – продемонстрировал он свою осведомлённость. – А, вот и штепсели. Я коллекционирую штепсели и батарейки, – обратился он к дяде Вернону. – У меня очень большая коллекция батареек. Моя жена думает, что я на них свихнулся, но тут уж ничего не поделаешь.

Дядя Вернон, несомненно, тоже считал, что мистер Уизли спятил. Он начал потихоньку отступать к выходу, загораживая собой тётю Петунию, словно опасался, что мистер Уизли может вдруг наброситься на них.

Но тут в гостиную неожиданно вернулся Дадли. Гарри услышал стук своего чемодана по ступеням и сообразил, что эти звуки и выгнали Дадли из кухни. Он бочком пробрался вдоль стенки, не сводя с мистера Уизли расширенных от ужаса глаз, и попытался спрятаться за спинами родителей. На его несчастье, размеров дяди Вернона, достаточных, чтобы заслонить сухопарую тётю Петунию, и близко не хватало для прикрытия Дадли.

– А, это твой кузен, так понимаю, Гарри? – Мистер Уизли предпринял ещё одну мужественную попытку завязать беседу.

– Да, – подтвердил Гарри. – Это Дадли.

Гарри с Роном переглянулись и тут же поспешно отвели взгляды – желание расхохотаться становилось неодолимым. Дадли по-прежнему держался за свой зад, словно боялся, что тот отвалится. Мистер Уизли искренне заинтересовался столь необычным поведением. Судя по его тону, мистер Уизли принимал Дадли за сумасшедшего, точно так же и Дёрзли полагали сумасшедшим его самого, но в отличие от них мистер Уизли проявлял сочувствие, а не испытывал страх.

– Хорошо провёл каникулы, Дадли? – поинтересовался он участливо.

В ответ Дадли заскулил. Его руки ещё теснее сомкнулись на массивном заду.

Фред и Джордж с чемоданом возвратились в гостиную. Войдя, они огляделись и обнаружили Дадли. Их лица расплылись в одинаковых коварных улыбках.

– Ага, хорошо, – сказал мистер Уизли. – Ну, нам пора...

Он засучил рукава мантии и достал волшебную палочку. Дёрзли при этом как один прижались к стене.

– *Incendio!* – приказал мистер Уизли, направив палочку на провал в стене за собой.

В камине сейчас же вспыхнул огонь, затрепав так весело, будто он горел там уже часа два.

Мистер Уизли вынул из кармана маленький, затянутый шнурком мешочек, развязал, взял щепотку порошка и бросил в пламя – оно с гулом взвилось вверх, став при этом изумрудно-зелёным.

– Отправляйся, Фред, – распорядился мистер Уизли.

– Иду, – согласился Фред. – Нет, постойте...

Из его кармана выпал пакетик со сладостями, и по всему полу разлетелись большие конфеты в пёстрых обёртках.

Фред их бросился подбирать, рассовывая по карманам, потом, бодро помахав Дёрзли рукой, подошёл к камину и шагнул прямо в огонь, крикнув: «Нора!» Тётя Петунья судорожно охнула. Раздался свистящий звук, и Фред исчез.

– Теперь ты, Джордж, – сказал мистер Уизли. – И возьми чемодан.

Гарри помог Джорджу занести чемодан в пламя, поставив его стоймя. И вот, скомандовав: «Нора!», под тот же свист пропал и Джордж.

– Рон, ты следующий.

– Увидимся! – весело кивнул Рон семейству Дёрзли. Он улыбнулся Гарри, вошёл в огонь и последовал за братьями.

Остались Гарри и мистер Уизли.

– Ну... до свидания, – простился Гарри с Дёрзли. Те в ответ не вымолвили ни слова. Гарри направился к камину и уже было ступил на край очага, но мистер Уизли протянул руку и вернул его обратно. Колдун в изумлении смотрел на Дёрзли.

– Гарри сказал вам «до свидания». Вы разве не слышали?

– Да неважно, – шепнул ему Гарри. – Правда, мне всё равно.

Но мистер Уизли не убирал руки с его плеча.

– Вы не увидите племянника до следующего лета, – произнёс он с мягким укором. – Право, стоит попроситься.

На лице дяди Вернона вновь проступило бешенство. Для него было откровенной мукой выслушивать поучения о хороших манерах от человека, который только что снёс полстены у него в гостиной.

Но взгляд его маленьких глазок быстро скользнул по волшебной палочке, которую мистер Уизли по-прежнему держал в руке, и дядя Вернон возмущённо проклокотал: «До свидания».

– До встречи, – ответил Гарри, уже заноса ногу над зелёным пламенем, от которого веяло приятным теплом, но в этот момент позади раздалось сдавленное мычание и грянул вопль тёти Петунии.

Гарри обернулся. Дадли больше не стоял за спинами родителей. Повалившись на колени возле кофейного столика, он брызгал слюной и давился какой-то склизкой лиловой штукой длиной в фут, вылезавшей изо рта. После секундной растерянности до Гарри дошло, что лиловая диковина – это язык Дадли, и что перед ним на полу лежит пёстрый конфетный фантик.

Бухнувшись наземь рядом с Дадли, тётя Петуния ухватила за конец невероятно разросшегося языка и попыталась выдернуть его изо рта – ничего удивительного, что Дадли взвыл и заплевался ещё сильнее, стараясь отпихнуть её прочь. Дядя Вернон орал и размахивал руками. Мистеру Уизли пришлось перекрикивать его, чтобы тот смог услышать:

– Не волнуйтесь! Я это сейчас поправлю!

Он кинулся к Дадли с поднятой волшебной палочкой, но тётя Петуния, заголосив ещё пронзительней, бросилась на Дадли сверху, защищая его от мистера Уизли.

– Ну серьёзно! – отчаянно убеждал их мистер Уизли. – Это просто исправить... дело в ириске... Мой сын Фред – он заядлый шутник... Это всего лишь чары Увеличения... По крайней мере, похоже на то... Пожалуйста, дайте мне всё исправить...

Но вместо того чтобы успокоиться, Дёрзли перепутались ещё больше. Тётя Петуния, истерично рыдая, всё дёргала Дадли за язык, словно решила оторвать его вовсе. Дадли задыхался под двойным натиском языка и родной матери, а дядя Вернон, окончательно утратив самообладание, схватил с серванта фарфоровую статуэтку и что есть силы запустил ею в мистера Уизли – тот увернулся, и фигурка вдребезги разлетелась среди развалин камина.

– Ну что вы, в самом деле! – сердито воскликнул мистер Уизли, грозя ему волшебной палочкой. – Я же хочу вам *помочь*!

Взревев, как раненый гиппопотам, дядя Вернон взялся за следующую статуэтку.

– Гарри, иди! Уходи! – приказал мистер Уизли, направив волшебную палочку на дядю Вернона. – Я тут разберусь!

Гарри было жаль пропускать такое веселье, но вторая фигурка, пущенная дядей Верноном, едва не зацепила его левое ухо, и он счёл, что разумнее будет предоставить мистеру Уизли самому разрешить ситуацию. Оглядываясь через плечо, он вошёл в огонь и произнёс: «Нора!». Последнее, что он успел увидеть, был мистер Уизли, взорвавшийся

волшебной палочкой третью фигурку в руке дяди Вернона; завывающая и навалившаяся на Дадли тётя Петунья и язык Дадли, мотающийся подобно большой скользкой змее. В следующую секунду Гарри со страшной скоростью закружило, и гостиная Дёрзли сгинула в потоке зелёных огней.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«УЖАСТИКИ УМНИКОВ УИЗЛИ»

Гарри кружило всё быстрее и быстрее, руки прижало к бокам, неясные очертания каминов вспыхивали, проносясь мимо – его стало мутить, и он зажмурился. Почувствовав, что движение наконец замедляется, Гарри выбросил вперёд руки и остановился как раз вовремя, чтобы не выпасть ничком из очага в кухне Уизли.

– Съел он её? – возбуждённо спросил Фред, протягивая Гарри руку и помогая встать на ноги.

– Да, – ответил Гарри, отряхнувшись. – А что это *было*?

– Ириска «Язык-в-ярд», – сияя, объяснил Фред. – Мы с Джорджем изобрели, всё лето искали, на ком бы попробовать...

Крохотная кухня взорвалась от смеха. За высокобленным деревянным столом рядом с Роном и Джорджем сидели ещё двое рыжих – Гарри их никогда прежде не видел, но сразу сообразил: конечно, это Билл и Чарли, старшие братья Рона.

– Как дела, Гарри? – спросил тот, что сидел ближе, улыбаясь и протягивая широкую ладонь.

Пожимая её, Гарри ощутил под пальцами мозоли и волдыри – значит, это Чарли, работавший с драконами в Румынии. Сложением Чарли напоминал близнецов – коренастый и пониже, чем Пёрси и Рон, – те были худые и долговязые. Широкое добродушное лицо, обветренное и такое веснушчатое, что казалось загорелым; руки мускулистые, и на одной – большой свежий след ожога.

Билл тоже поднялся и, улыбаясь, пожал Гарри руку. Вот кто явился для Гарри полной неожиданностью. Гарри знал, что Билл работает в колдовском банке «Гринготтс», что он был старостой школы «Хогвартс», и Гарри представлял его подобием Пёрси – блюстителем правил и любителем командовать. Однако Билл был по виду *крутой* – другого слова не подберёшь, – высокий, длинные волосы собраны сзади в «конский хвост», в ухе – серьга, что-то вроде клыка на цепочке, одежда такая, что больше к месту на рок-концерте, и, кроме того, ботинки сделаны не из обычной кожи, а из драконьей.

Не успел завязаться разговор, что-то негромко щёлкнуло за плечом Джорджа, и в кухне наконец появился мистер Уизли. Таким сердитым Гарри ещё никогда его не видел.

– Это было *совсем не смешно*, Фред! – загремел он. – Что такое, скажи на милость, ты дал этому мальчику-магглу?

– Ничего я ему не давал, – отвечал Фред с хитрой улыбкой. – Она просто *упала*, и всё... Это его вина, что он поднял её и съел...

– Ты нарочно их в гостиной уронил! – бушевал мистер Уизли. – Ты знал, что он её съест, знал, что он на диете...

– А до каких размеров вырос язык? – не терпелось узнать Фреду.

– Он был четыре фута длиной, когда родители согласились наконец принять мою помощь.

Гарри и братья Уизли разразились хохотом.

— Это *не смешно!* — прикрикнул на них мистер Уизли. — Ваш поступок подрывает отношения между колдунами и магглами! Я полжизни посвятил борьбе против дискриминации магглов, а мои собственные сыновья...

— Мы подкинули эту штуку вовсе не потому, что он маггл! — возмутился Фред.

— А потому, что он большой охотник поиздеваться над слабыми, — добавил Джордж. — Так ведь, Гарри?

— Да, это так, мистер Уизли, — без тени улыбки подтвердил Гарри.

— Это не довод! — не утихал мистер Уизли. — Дождётесь, я всё расскажу вашей маме...

— Что мне расскажешь? — прозвучал позади него голос.

В кухню как раз вошла миссис Уизли. Это была невысокая, полная женщина с приветливым лицом, хотя в этот миг прищуренный взгляд ничего доброго не предвещал.

— Здравствуй, Гарри, милый! — заметила она гостя, улыбнулась и опять повернулась к мужу. — *Что* ты мне расскажешь, Артур?

— М-м, — запнулся мистер Уизли.

Как бы он ни сердился на Фреда с Джоржем, поведать миссис Уизли о происшедшем в его планы не входило. Воцарилось предгрозовое молчание, мистер Уизли смущённо таращился на жену. Сразу за миссис Уизли в кухню вошли две девушки: Гермиона Грэйнджер, подруга Рона и Гарри, и маленькая рыжеволосая младшая сестра Рона, Джинни. Обе радостно улыбнулись Гарри, тот улыбнулся в ответ, и Джинни немедленно стала пунцовой — она была равнодушна к Гарри с момента его первого появления в «Норе».

— *Что* ты мне расскажешь, Артур? — повторила миссис Уизли, переходя на более зловеющий тон.

— Да так, знаешь... ничего особенного, Молли, — зачастил мистер Уизли. — Просто Фред и Джордж... Но я уже сам им выговорил...

— Что они натворили в этот раз? — грозно поинтересовалась миссис Уизли. — Это что, опять их «Ужастики умников Уизли»?

— Рон, может, ты покажешь Гарри, где он будет спать? — вмешалась Гермиона, стоя в дверях.

— Он знает где, — отозвался Рон. — В моей комнате. Он там спал в прошлый...

— Мы могли бы все вместе пойти посмотреть, — с нажимом произнесла Гермиона.

— А-а, — наконец сообразил Рон. — Ладно, идём...

— И мы пойдём! — обрадовался Фред.

— *Вы останетесь здесь!* — рявкнула миссис Уизли.

Гарри и Рон вышли из кухни и следом за Джинни и Гермионой дошли по узкому коридору до шаткой лестницы, зигзагом уходящей на верхние этажи, и начали подниматься по лестнице друг за дружкой.

— Что за «Ужастики умников Уизли»? — спросил Гарри.

Рон и Джинни дружно расхохотались, Гермиона, однако, не спешила присоединиться к ним.

– Мама у них в комнате обнаружила кучу бланков-заказов, когда там убирала, – вполголоса заговорил Рон. – И длиннющие списки ценников на их изобретения – шуточные фокусы, знаешь. Волшебные палочки-надувалочки, конфеты с подвохом, всякие другие штуки. Потрясно! А я и не подозревал, что они такие изобретатели.

– У них в комнате вечно что-нибудь взрывается, но никому и в голову не приходило, что они действительно что-то *придумывают*, – добавила Джинни. – Мы думали, им просто нравится пошуметь.

– Но вот большинство этих штуковин... ну, скорее все... немного опасны, – продолжал Рон. – И, представь себе, они решили продавать их в Хогвартсе. Хотели заработать немного денег. Мама была вне себя! Сказала, что запрещает им делать эти гадости, сожгла все заказы... В общем, страшно на них разозлилась. Да ещё они сдали меньше СОВ, чем она ожидала.

СОВ – это Ступень Обычного Волшебства, экзамен, который сдают в Хогвартсе по достижении пятнадцати лет.

– Был грандиозный скандал, – вставила Джинни. – Мама мечтает, чтобы они пошли на службу в Министерство магии, как папа, а Фред с Джорджем заявили, что хотят только одного: открыть магазин шуток и розыгрышей.

На площадке третьего этажа отворилась дверь, из неё выглянуло сердитое лицо в роговых очках.

– Привет, Пёрси, – сказал Гарри.

– О, здравствуй, Гарри, – кивнул ему Пёрси. – А я всё думал, кто так шумит. Я здесь работаю, понимаете? Должен закончить в срок служебную записку... и сосредоточиться гораздо сложнее, когда всё утро топочут вверх и вниз по лестнице.

– Мы не *топочем*! – возмутился Рон. – Мы ходим. Извини, если помешали сверхсекретным разработкам Министерства магии.

– А над чем ты работаешь? – поинтересовался Гарри.

– Доклад для Департамента международного магического сотрудничества, – с важностью проговорил Пёрси. – Мы хотим стандартизировать толщину котлов. У некоторых – импортного производства – тонковаты стенки, количество протечек за год выросло почти на три процента.

– Твой доклад перевернёт мир, – сказал Рон. – Я ожидаю целую передовицу в «Ежедневном пророке» о протечке котлов.

Пёрси слегка покраснел.

– Можешь насмехаться сколько угодно, Рон, – горячо заговорил он, – но если мы не введём международные стандарты, рынок будет завален некачественной тонкостенной продукцией, представляющей серьёзную угрозу...

– Да, да, хорошо. – Рон поспешил остановить словоизвержение брата, и компания снова двинулась вверх.

Пёрси со стуком захлопнул дверь. Всё время, пока они поднимались, снизу, из кухни, эхом докатывались довольно громкие возгласы. Похоже, мистер Уизли рассказывал жене об присках.

Комната под самой крышей, где спал Рон, почти не изменилась с тех пор, как Гарри ночевал здесь в последний раз. «Пушки Чадли» – любимая команда Рона – носились на тех же плакатах, развешанных по стенам и потолку, а в аквариуме, где когда-то плавала лягушачья икра, теперь сидела одна здоровенная лягушка. Старого крысёнка Корыстика больше не было, его место занял серый совёнок – тот, что принёс письмо Рона на Бирючинный проезд. Он прыгал вверх и вниз в маленькой клетке, отчаянно вереща.

– Заткнись, Свин, – шикнул на него Рон, пробираясь между двумя из четырёх кроватей, втиснутых в комнату. – С нами будут ночевать Фред и Джордж – их спальню отдали Биллу и Чарли. Пёрси в свои покои никого не пускает – он, видите ли, должен *работать*.

– Э-э-э... Почему ты называешь свою сову Свином? – спросил Гарри.

– Придуривается, – ответила за брата Джинни. – На самом деле сову зовут Свинстун.

– Ага, и это вообще не дурное имя, – язвительно заметил Рон. – Джинни его так назвала. Думает, что это мило. Я пытался изменить, но сова привыкла и теперь ни на какие другие имена не откликается. И я его зову Свин. Держу его здесь у себя, потому что он раздражает Эррола с Гермесом. Да и мне докучает.

Свинстун, вполне довольный жизнью, выписывал пируэты по клетке, пронзительно ухая. Гарри хорошо знал Рона и не принял его слова всерьёз. Он помнил: Рон вечно жаловался на Корыстика, но был совершенно убит, когда подумал, что Косолап, кот Гермiony, его съел.

Вспомнив о коте, Гарри повернулся к Гермiony:

– А где Косолап?

– Наверное, в саду, – сказала она. – Любит гоняться за гномами, он их раньше никогда не видел.

– Пёрси, по-моему, доволен работой. – Гарри сел на одну из кроватей, наблюдая, как «Пушки Чадли» влезают и вылетают из плакатов на потолок.

– Доволен? – негодуяще фыркнул Рон. – Он бы ночевал на работе, да папа вечером за ним заходит. Одержимый он. Ты только не упоминай его начальника. «По словам мистера Крауча...», «Как я сказал мистеру Краучу...», «Мистер Крауч считает...», «Мистер Крауч говорил...». Глядишь, не сегодня завтра объявят о помолвке.

– Как прошло лето, Гарри? Хорошо? – спросила Гермiony. – Получил наши посылки с едой?

– Да, спасибо огромное, – кивнул Гарри. – Ваши торты спасли мне жизнь.

– А есть известия от... – начал было Рон, но осёкся, поймав предостерегающий взгляд Гермiony.

Рон хотел спросить о Сириусе, понял Гарри. Рон с Гермiony с риском для жизни спасали его от Министерства магии и волновались о нём не меньше Гарри. Но в присутствии Джинни не стоит говорить о крёстном. Ведь здесь, кроме них троих, никто не верил в его невиновность и не знал, как ему удалось бежать.

– Они там, наверное, уже закончили выяснение отношений, – сказала Гермiony, сглаживая возникшую неловкость: Джинни с любопытством переводила взгляд с Рона на Гарри. – Пойдёмте вниз, поможем вашей маме накрыть на стол.

– Да, давай, – согласился Рон.

Все четверо вышли из комнаты и вновь спустились на кухню, где застали миссис Уизли одну и в самом скверном расположении духа.

– Ужинать будем в саду, – обратилась она к вошедшим. – У нас просто нет комнаты для одиннадцати человек. Девочки, не могли бы вы захватить тарелки? Билл и Чарли уже носят столы, а вилки и ножи возьмите вы двое, – велела она Рону с Гарри и, будучи не в духе, решительней, чем следовало, махнула волшебной палочкой, отчего картофелины, лежавшие в раковине, повывлетали из кожуры с такой энергией, что забарабанили по стенам и потолку. – О *господи!* – воскликнула она, направив палочку на совок, который тут же выпрыгнул из угла и принялся шнырять по полу, собирая картошку. – Эта парочка! – гневно пробурчала она, доставая из буфета горшки и кастрюли. Гарри понимал, что эта реплика относилась к Фреду с Джорджем. – Не знаю, что с ними будет. Честное слово, не знаю! Никаких устремлений, кроме создания всевозможных неприятностей...

Она грохнула на стол объёмистую медную кастрюлю и стала помешивать в ней волшебной палочкой, из которой потёк сливочный соус.

– И ведь не потому, что у них мозгов нет, – раздражённо продолжала она, ставя кастрюлю на плиту и зажигая огонь следующим взмахом палочки. – Мозги-то у них есть, но они растрачивают их попусту. И если не возьмутся за ум, беды не миновать! Я получила из Хогвартса жалоб на их поведение больше, чем обо всех остальных, вместе взятых. Если продолжают в том же духе, это кончится отделом Неправомерного применения магии.

Миссис Уизли ткнула волшебной палочкой в сторону ящика с ножами, и тот, звякнув, открылся. Гарри и Рон отпрянули в сторону – мимо них пронеслись ножи, пролетели через кухню и стали резать картошку, которую совок ссыпал обратно в раковину.

– Понятия не имею, где мы допустили ошибку, – пожала плечами миссис Уизли, отложила волшебную палочку и полезла за другими кастрюлями. – Одно и то же год за годом, одна выходка лучше другой. Ничего не желают слушать... ОЙ! ОПЯТЬ!

Палочка, которую она взяла со стола, вдруг с громким писком стала гигантской резиновой мышью.

– Опять эти поддельные палочки! – закричала миссис Уизли. – Сколько раз я им говорила не разбрасывать их где попало!

Миссис Уизли схватила настоящую волшебную палочку, обернулась и увидела, что от соуса на плите повалил дым.

– Пойдём поможем Биллу и Чарли, – позвал Рон Гарри, взяв побольше столовых приборов.

Покинув миссис Уизли, они через заднюю дверь вышли во двор.

Не успели сделать и двух шагов, как Косолап – рыжий кривоногий кот Гермiony – выскочил из сада, задрав распушённый хвост трубой и преследуя существо, напоминавшее большую грязную картофелину на ножках, ростом едва ли дюймов⁴ десять. Гарри мгновенно узнал в нём гнома. Дробно стуча ножками, гном промчался по двору и прыгнул головой вперёд в сапог, валявшийся перед входной дверью. Косолап запустил лапу в сапог, стараясь

⁴ 1 дюйм = 2.54 см

дотянуться до добычи. Гном залился смехом, будто его щекочут. А из сада послышался оглушительный треск. Там разыгрывалось целое представление. Билл с Чарли волшебными палочками гоняли высоко над лужайкой два старых обшарпанных стола. Столы налетали один на другой – каждый старался сбить стол соперника. Фред и Джордж выступали в качестве болельщиков, Джинни смеялась, а Гермiona топталась возле живой изгороди, явно не зная, что делать, – веселиться или беспокоиться.

Стол Билла с грохотом врезался в стол Чарли и отломил ему ножку. На третьем этаже распахнулось окно, из него выглянула голова Пёрси.

– Может, хватит?! – заорал он.

– Извини, Пёрси, – улыбнулся Билл. – Как там поживают днища котлов?

– Плохо! – рявкнул Пёрси, и окно захлопнулось.

Давясь смехом, Билл и Чарли опустили столы на траву вплотную один к другому. Взмахнув волшебной палочкой, Билл вернул на место оторванную ножку и сотворил из воздуха скатерть.

В семь часов оба стола ломались под тяжестью кулинарных шедевров миссис Уизли, и все девять членов семьи, Гарри и Гермiona уселись есть под ясным, густо-синим небом. Для того, кто всё лето питался неотвратимо черствеющими тортами, это был настоящий пир, и Гарри поначалу больше слушал, чем говорил, подкладывая себе куски пирога с ветчиной и курицей, варёную картошку и салат.

На дальнем конце стола Пёрси рассказывал отцу про свой доклад о котловых днищах.

– Я обещал мистеру Краучу приготовить его ко вторнику, – горделиво вещал он. – Это немного быстрее, чем он ожидал, но я люблю быть в первых рядах. Думаю, он будет мне признателен за то, что я уложился в столь короткий срок. Сейчас в ведомстве очень напряжённая обстановка в связи со всеми приготовлениями к Чемпионату мира. Мы совершенно не получаем никакой помощи от департамента Магических игр и спорта. Людо Бэгмэн...

– Мне нравится Людо, – мягко заметил мистер Уизли. – Это он достал нам такие прекрасные билеты на Чемпионат. Я оказал ему небольшую любезность. У его брата, Отго, была небольшая проблема – он снабдил газонокосилку магическим устройством. Мне удалось замять эту историю.

– Бэгмэн, конечно, *обаятелен*, – снисходительно согласился Пёрси, – но как он умудрился стать начальником департамента... его сравнить нельзя с мистером Краучем! Представить себе не могу, чтобы у мистера Крауча пропал сотрудник ведомства, а он даже не пытался выяснить, что с ним стряслось. Представляешь, Берты Джоркинс нет уже целый месяц. Уехать в отпуск в Албанию и не вернуться?

– Да, я спрашивал о ней Людо, – нахмурился мистер Уизли. – Он говорит, с Бертой и раньше такое случалось. Хотя, должен сказать, будь это сотрудник моего ведомства, я бы забеспокоился...

– Берта *безнадёжна*, – сказал Пёрси. – Я слышал, её всё время переводят из департамента в департамент. От неё больше хлопот, чем толку... Но всё равно Бэгмэну следовало бы начать поиски. Мистер Крауч проявил в этом вопросе личную заинтересованность – она одно время

работала у нас в департаменте, ты же знаешь. Мистер Крауч очень тепло к ней относился. Но Бэгмэн только посмеивается, говорит, что она, скорее всего, напутала с картой и махнула в Австралию вместо Албании. Тем не менее, – Пёрси глубоко вздохнул и сделал изрядный глоток вина из бузины, – у нас в департаменте Международного магического сотрудничества хватает забот и без поиска сотрудников других ведомств. Ты же знаешь, нам поручена организация ещё одного важного мероприятия сразу же после Чемпионата мира.

Пёрси многозначительно прокашлялся и бросил взгляд на тот конец стола, где сидели Гарри, Рон и Гермиона.

– Ты понимаешь, о чём я говорю, папа? – Он слегка повысил голос. – Это пока совершенно секретное мероприятие.

Рон сделал страшные глаза и шепнул Гарри и Гермионе:

– Хочет, чтобы мы стали его расспрашивать, с первого дня, как начал работать. Наверное, это выставка котлов с утопшёнными днищами.

А в середине стола миссис Уизли спорила с Биллом о его серье, которая оказалась недавним приобретением.

– ...с таким ужасным клыком. Честное слово, Билл, что говорят в банке?

– Ма, в банке всем плевать, как я одет, пока я приношу им деньги, – терпеливо разъяснял Билл.

– А волосы, дорогой? Это просто смешно, – продолжала миссис Уизли, нежно поглаживая волшебную палочку. – Позволь мне привести их в порядок...

– А мне нравится, – сказала Джинни, сидевшая рядом с Биллом. – У тебя, мамуля, такие старомодные вкусы. Во всяком случае, они совсем не такие длинные, как у профессора Дамблдора.

Чарли же с Фредом и Джорджем с жаром обсуждали Чемпионат мира.

– Ирландцы точно возьмут Кубок, – невнятно, но убеждённо говорил Чарли с полным ртом картошки. – Они просто разнесли Перу в полуфинале.

– Но у болгар есть Виктор Крам, – заметил Джордж.

– Крам у них единственный приличный игрок, а у Ирландии – семеро, – возразил Чарли. – Ясное дело, я хотел, чтобы в финал вышла Англия. Но... что позор, то позор.

– А что случилось? – с нетерпением спросил Гарри, как никогда сожалея об оторванности от магического мира в дни вынужденного заточения на Бирючинном проезде. Гарри страстно увлекался квиддичем. Он был искателем в команде Гриффиндора с первого года учёбы в Хогвартсе и, кроме того, счастливым обладателем «Всполоха» – одной из самых скоростных мётел в мире.

– Продули мы Трансильванию, триста девяносто – десять, – вздохнул Чарли. – Кошмарное было зрелище. Уэльс обломался на Уганде, а Люксембург прикончил Шотландию.

Мистер Уизли наколдовал свечей: сумерки сгущались, а впереди ещё пудинг. К концу ужина над столом вокруг свечей порхали ночные мотыльки, а тёплый воздух благоухал запахами луговых цветов и жимолости. Гарри наелся как никогда и ощущал удивительную

гармонию с окружающим миром, наблюдая, как кучка гномов, заливаясь безудержным смехом, улепётывает сквозь розовые кусты, по пятам преследуемая Косолапом.

Искоса оглядев стол и убедившись, что вся семья занята разговором, Рон тихонько спросил Гарри:

– Ты в последнее время *получал* известия от Сириуса?

– Да, – вполголоса ответил Гарри. – Дважды. Говорит – всё нормально. Я написал ему позавчера. Ответ может прийти прямо сюда.

Ему вдруг вспомнилось, почему он решил написать это письмо. И чуть было не рассказал Рону с Гермионой про шрам и сон, который его разбудил... Но ни к чему тревожить друзей, да и сам он сейчас так счастлив и умиротворён.

– А время-то! – неожиданно воскликнула миссис Уизли, взглянув на наручные часы. – Всем давно пора быть в постели. Завтра вставать ни свет ни заря, чтобы успеть на Чемпионат. Оставь, Гарри, список всего необходимого для школы. Я завтра буду в Косом переулке, всё равно нужно покупать всем остальным. После финала Кубка может не остаться времени, последний матч растянулся на пять дней.

– Здорово! Если бы и этот был таким же! – восторженно воскликнул Гарри.

– Надеюсь, что нет, – ханжеским тоном отозвался Пёрси. – *Содержаюсь* при мысли, что будет с моим лотком для входящих и исходящих после моего пятидневного отсутствия.

– Вдруг кто-нибудь опять подбросит туда драконьего дерьма! – развеселился Фред.

– Это был образец удобрений из Норвегии. – Пёрси густо покраснел. – В этом не было ничего *личного*!

– Было, – прошептал Фред Гарри, когда они встали из-за стола. – Это мы его прислали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОРТКЛЮЧ

Гарри показалось, что он едва успел коснуться головой подушки, как его уже будила миссис Уизли.

– Пора, Гарри, дорогой, – ласково произнесла она и перешла к кровати Рона.

Гарри отыскал на ощупь очки, надел их и сел. Было ещё темно. Рон что-то невнятно мычал в ответ на попытки матушки растолкать его. В футе от них из неразберихи одеял появились ещё две всклокоченных головы.

– Шо, уж время? – заспанно пробормотал Фред. Они оделись в молчании, зевая и потягиваясь. Всё ещё сонные, спустились на кухню.

Миссис Уизли помешивала содержимое большой кастрюли, стоящей на плите, а мистер Уизли, сидя за столом, проверял внушительную пачку билетов из пергамента. Увидев вошедшую компанию, он встал и раскинул руки: пусть получше рассмотрят его наряд. На мистере Уизли свитер для гольфа и очень старые джинсы, которые ему слегка великоваты, – их держит широкий кожаный ремень.

– Ну как? – Мистера Уизли очень беспокоила его одежда. – Нам полагается добираться инкогнито... Похож я на маггла, Гарри?

– Да, – улыбнулся Гарри. – Очень похожи.

– А где Билл, Чарли и Пё-Пё-Пёрси? – сказал Джордж, безуспешно пытаясь подавить чудовищный зев.

– Они будут аппарировать, – ответила миссис Уизли, ставя кастрюлю на стол и раскладывая овсянку по тарелкам. – Поэтому им можно немного поваляться в постели.

Гарри знал, что аппарирование – дело очень трудное. Маг исчезает в одном месте и мгновенно появляется в другом.

– Они что, ещё спят? – проворчал Фред, пододвигая к себе тарелку с кашей. – А почему, спрашивается, мы не можем аппарировать?

– Потому что вы ещё не в том возрасте и не прошли тестов, – сказала миссис Уизли. – А куда, интересно, пропали девочки?

Она быстрым шагом вышла из кухни и, скрипя ступеньками, вновь отправилась наверх.

– Для аппарирования нужно тест проходить? – спросил Гарри.

– Конечно, – кивнул мистер Уизли, бережно пряча билеты в задний карман. – Кстати, департаменту Магического транспорта на днях пришлось заниматься двумя людьми, которые аппарировали, не имея разрешения. Аппарирование – дело тонкое, легкомысленное отношение к нему может привести к печальным последствиям. Парочка, о которой я говорил, не знала правил, и, представьте себе, их расщепило.

Все, кроме Гарри, содрогнулись.

– Как это, *расщепило*? – растерялся он.

– Полтела осталось на месте, полтела перенеслось, – пояснил мистер Уизли, щедро поливая овсянку патокой. – Естественно, они застряли. Ни туда, ни обратно. Пришлось

вызывать группу Аннулирования случайных магических действий. Была куча бюрократической волокиты, да ещё магглы, наткнувшиеся на их части тела...

Гарри вдруг представилась пара ног и глазное яблоко на тротуаре Бирючинного проезда.

– Но с ними всё в порядке? – испуганно спросил он.

– Да, конечно, – отвечал мистер Уизли таким тоном, как будто это разумелось само собой, – но им пришлось заплатить крупный штраф. Думаю, они вряд ли ещё решатся прибегнуть к аппарированию, как бы ни спешили. С аппарированием шутки плохи. Я знаю многих взрослых колдунов, которые вообще с ним не связываются, предпочитая метлу, – медленней, зато безопаснее.

– А у Билла, Чарли и Пёрси есть разрешение?

– Чарли проходил тест дважды, – ухмыльнулся Фред. – В первый раз он улетел на пять миль южнее, чем было задано, и сверзился на голову почтенной бабушке, занятой покупками, помните?

– Да, но во второй-то раз прошёл успешно. – Миссис Уизли вернулась на кухню в разгар веселья.

– А Пёрси прошёл тест две недели назад, – сказал Джордж. – И теперь каждое утро аппарировать вниз, просто чтобы доказать, что может.

В коридоре слышались шаги, и в кухню вошли Гермиона с Джинни – обе бледные и не совсем проснувшиеся.

– Зачем надо было поднимать нас в такую рань? – села за стол Джинни, протирая глаза.

– Предстоит небольшая прогулка, – ответил мистер Уизли.

– Прогулка? – удивился Гарри. – Мы что, пойдём на игру пешком?

– Нет-нет, это за много миль отсюда, – улыбнулся мистер Уизли. – Нам надо будет пройти совсем недалеко. Дело в том, что большому числу колдунов очень непросто куда-нибудь добраться, не привлекая внимания магглов. Мы и всегда-то путешествуем с большой осторожностью, а уж на такое грандиозное мероприятие, как Чемпионат мира...

– Джордж! – крикнула миссис Уизли так, что все подскочили.

– Что? – спросил Джордж невинным тоном, который, однако, никого не обманул.

– Что у тебя в кармане?

– Ничего!

– Не смей мне лгать!

Миссис Уизли направила волшебную палочку на карман Джорджа и приказала:

– *Accio!*

Из кармана роем вылетели маленькие яркие штучки. Джордж попытался перехватить их, но миссис Уизли оказалась проворнее.

– Мы же велели вам их уничтожить! – возмутилась она. У неё на ладони лежали ириски «Язык-в-ярд». – Уничтожить все до единой! А ну-ка, выворачивайте оба карманы!

Вышла очень неприятная сцена. Близнецы пытались тайно вынести из дома как можно больше конфет. Миссис Уизли удалось помешать этому с помощью Манящих чар.

– *Accio! Accio! Accio!* – командовала она, и конфеты одна за другой вылетали из самых неожиданных мест – из потайных карманов куртки Джорджа и отворотов на джинсах Фреда.

– Мы целых полгода их создавали! – закричал Фред, когда его матушка уничтожила все конфеты.

– Отлично вы полгода провели! – гневно ответила она. – Не удивительно, что больше СОВ вы не получили!

Словом, отъезд проходил не в самой дружеской атмосфере. Миссис Уизли всё ещё сердилась, целуя в щёку мистера Уизли, хотя и не так, как близнецы – забросив на спины рюкзаки, они вышли из дома, не сказав матери на прощанье ни слова.

– Желаю хорошо провести время! – бросила им вслед миссис Уизли. – И *ведите себя прилично*.

Близнецы даже не ответили.

– Билла, Чарли и Пёрси отправлю около полудня, – обещала она мистеру Уизли.

И вся компания двинулась через освещённый луной двор вслед за Фредом и Джорджем. Было прохладно, на горизонте справа неясная зелёная полоска предвещала близкий рассвет. Думая о тысячах колдунов, спешащих на Чемпионат мира по квиддичу, Гарри ускорил шаг и догнал мистера Уизли.

– Как туда *все* доберутся, чтобы магглы ничего не заметили? – спросил он.

– В этом-то и была огромная организационная проблема, – вздохнул мистер Уизли. – Трудность в том, что на Чемпионат придут около ста тысяч колдунов и, естественно, у нас нет магического места соответствующих размеров. Да, существуют места, недоступные для магглов, но представь, каково втиснуть сто тысяч колдунов в Косой переулок или на платформу 9 и 3/4. Следовательно, надо было найти большую хорошую пустошь и принять всевозможные антимаггловские меры предосторожности. Министерство занималось этим месяцами. Первым делом, разумеется, был составлен график прибытия. У кого дешёвые билеты, приезжают за две недели. Какая-то часть колдунов воспользовалась маггловским транспортом, но слишком много их поездов и автобусов занимать, конечно, нельзя. А колдуны, не забывай, едут со всего света. Некоторые, конечно, аппарировать, но надо обеспечить им безопасные места прибытия подальше от магглов. Кажется, нашли для этого удобный лес. Для тех же, кто не хочет или не может аппарировать, решено применить портключи. Это предметы, которые используются для перемещения колдунов в условленное время. С их помощью можно одновременно переправлять довольно большие группы. По всей Британии разбросано две сотни портключей в стратегически важных пунктах, и ближайший от нас – на вершине Стотсхед Хилл. Туда-то мы и направляемся.

Мистер Уизли указал на высокий чёрный бугор впереди за деревней Оттери-Сент-Кэчпоул.

– А что из себя представляют эти портключи? – поинтересовался Гарри.

– Это может быть что угодно. Какие-нибудь простые, бесхитростные вещи, которые не вызвали бы у магглов желания подобрать их... Словом, на их взгляд, просто мусор.

Они шли по тёмному, влажному просёлку, ведущему в деревню; тишину нарушал только звук их шагов. Миновали деревню, забрезжило, чернильный мрак сменила тёмная синева. У Гарри замёрзли руки и ноги; мистер Уизли то и дело поглядывал на часы.

Скоро начался подъём на Стотсхед Хилл, дыхания на разговор уже не хватало; ноги то проваливались в неприметные кроличьи норы, то скользили по густой траве. Каждый вдох вызывал в легких резь, мышцы стало сводить, ещё немного, и Гарри совсем выбьется из сил. Но вот наконец путники вышли на ровную площадку.

– Ух, – с трудом перевёл дыхание мистер Уизли, снимая очки и протирая их свитером. – Что же, мы показали хорошее время – у нас в запасе ещё десять минут.

Гермиона поднялась на вершину последней и с колотьём в боку.

– Теперь остаётся найти портключ, – сказал мистер Уизли, водрузив очки на нос и обшаривая взглядом землю. – Он небольшой... давайте...

Компания разбрелась в разные стороны. Минуты через две дремлющий воздух взорвался криком:

– Иди сюда, Артур! Сюда, сынок, мы нашли его!

На фоне синего неба у другого края вершины замаячили две длинные фигуры.

– Эймос! – Мистер Уизли улыбнулся и зашагал к кричавшему человеку. Все остальные последовали за ним.

Скоро он пожимал руку краснолицему колдуну с жёсткой каштановой бородой. В другой руке у того был старый заплесневелый башмак.

– Знакомьтесь, это Эймос Диггори, – представил его мистер Уизли. – Сотрудник департамента Регулирования и надзора за магическими существами. Насколько я знаю, вы знакомы с его сыном Седриком?

Седрик Диггори – статный юноша лет семнадцати – был капитаном и искателем хаффлапфской команды по квиддичу.

– Привет, – поздоровался со всеми Седрик.

Все тоже приветствовали Седрика, кроме Фреда и Джорджа. Они только холодно кивнули – всё ещё не простили Седрику поражения Гриффиндора в первом матче минувшего года.

– Долго добирались, Артур? – спросил отец Седрика.

– Да нет, – ответил мистер Уизли. – Мы живём вон там, за той деревней. А ты?

– Нам пришлось встать в два, верно, Седрик? Жду не дождусь, когда он сдаст тест по аппарированию... Нет, я не жалею. Чемпионат мира по квиддичу! Да я не пропустил бы его за мешок галлеонов, а наши билеты примерно столько и стоят. Но мне ещё повезло... – Он добродушно оглядел братьев Уизли, Гарри, Гермиону и Джинни. – Это все твои, Артур?

– Нет, только рыжие, – усмехнулся мистер Уизли, указывая на своих детей. – Это Гермиона, приятельница Рона, и его друг Гарри...

– Мерлинова борода! – Глаза Эймоса Диггори расширились. – Гарри? Гарри *Поттер*?

– М-м-м... да, – сказал Гарри.

Он уже привык, что при встрече с ним люди с любопытством таращатся на его шрам, но всё равно чувствовал себя неловко.

– Конечно, Седрик рассказывал о тебе, – заговорил Эймос Дигтори. – Рассказывал, как выиграл у тебя в прошлом году... Я ещё сказал ему, сказал: «Седрик, тебе будет что рассказать внукам... *Ты победил Гарри Поттера!*»

Гарри не знал, что ответить, Фред и Джордж опять помрачнели, а Седрик слегка смутился.

– Гарри сорвался с метлы, папа, – сказал он. – Я же говорил тебе... Это был несчастный случай.

– Да, но *ты*-то не сорвался! – шумно развеселился Эймос, хлопнув сына по спине. – Ты такой скромный, такой джентльмен... Но побеждает лучший. Уверен, Гарри согласен со мной! Один упал с метлы, другой нет. Не надо быть гением, чтобы ответить, кто лучше летает на метле.

– Кажется, уже пора. – Мистер Уизли опять взглянул на часы. – Не знаешь, Эймос, кто-нибудь ещё подойдёт?

– Нет... Лавгуды там уже неделю, а Фосетт не достал билетов, – покачал головой мистер Дигтори. – А больше тут никто не живёт из наших, так ведь?

– Никто, – согласился мистер Уизли. – Осталась минута... Лучше приготовиться.

Он посмотрел на Гарри и Гермиону.

– Вам просто нужно дотронуться до портключика, и всё, даже кончиком пальца будет достаточно...

Не без усилий – мешали громоздкие рюкзаки – все девять сгрудились вокруг старого башмака, который держал Эймос Дигтори.

Вершину холма овеял холодный ветер, все стояли тесным кольцом, никто не произнёс ни слова. И Гарри вдруг подумал, какой странной показалась бы эта сцена случайно забредшему сюда магглу. Девять человек, из них двое взрослых мужчин, вцепились в старый, драный башмак и чего-то ждут в рассветном сумраке...

– Три... – шепнул мистер Уизли, косясь на часы. – Два... Один...

Свершилось! Гарри словно рвануло крюком за живот; ноги оторвались от земли; справа и слева – Рон и Гермиона плечом к плечу с ним; всех куда-то уносит вой ветра, коловращение красок; указательный палец прилип к башмаку, как иголка к магниту...

Ноги вдруг врезались в землю, на него налетел Рон, и оба упали; башмак с глухим стуком шлёпнулся возле самой головы Гарри.

Гарри поднял голову: мистер Уизли, мистер Дигтори и Седрик стоят на ногах, сильно взъерошенные от ветра, все остальные на земле, как они с Роном.

– Пять часов семь минут от Стотсхед Хилл, – прозвучал над ними чей-то голос.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БЭГМЭН И КРАҮЧ

Гарри отцепился от Рона и поднялся на ноги. Они приземлились на вересковую пустошь, окутанную туманом. Прямо перед ними стояли два измотанных и раздражённых колдуна, у одного – массивные золотые часы, у другого – толстый свиток пергамента и перо. Оба одеты на маггловский манер, но очень уж неумело: тот, что с часами, – в твидовом костюме и высоких галошах, а его коллега – в килте⁵ и пончо.

– Доброе утро, Бэзил, – сказал мистер Уизли, подняв башмак и подавая колдуну в клетчатой юбке.

Тот бросил его в стоящий тут же ящик для использованных портключей. Гарри разглядел там старую газету, жестянку из-под пива и проколотый футбольный мяч.

– Здорово, Артур, – устало пробурчал Бэзил. – Не на дежурстве? Некоторым везёт... А мы здесь проторчали всю ночь... Лучше вам уйти с дороги. В пять пятнадцать прибывает большая партия из Шварцвальда... погоди, найду ваше место в лагере... Уизли... Уизли... – Он принялся перематывать исполинский пергамент. – Около четверти мили отсюда, первое поле. Ваш привратник – мистер Робертс. Диггори... Второе поле, спросите мистера Пэйна.

– Спасибо, Бэзил! – Мистер Уизли жестом позвал всех идти за ним.

Шли по безлюдному полю, почти ничего не видя в тумане. Минут через двадцать показался небольшой каменный домик рядом с воротами, за которыми в туманной зыби смутно проступали очертания сотен и сотен палаток, поднимающихся по отлогому склону к тёмной полоске леса на горизонте. Друзья попрощались с обоими Диггори и подошли к двери коттеджа.

Стоявший в дверях человек смотрел на убегающие вдаль палатки. С первого же взгляда Гарри понял: перед ними единственный настоящий маггл на много акров вокруг. Услышав шаги, он повернулся к пришедшим.

– Доброе утро! – приветливо произнёс мистер Уизли.

– Доброе утро, – отвечал маггл.

– Не вы ли будете мистер Робертс?

– Я самый, – подтвердил мистер Робертс. – А вы кто такие?

– Уизли. Два участка заказаны пару дней назад.

– Есть. – Мистер Робертс сверился со списком, приколотым к двери. – Ваш участок у леса... Только на эту ночь?

– Да.

– Платить будете сейчас?

– Да, да... конечно, – закивал мистер Уизли. Отошёл от порога и поманил Гарри.

⁵ Килт – предмет мужской шотландской национальной одежды. Килт представляет собой кусок ткани, обёрнутый вокруг талии, плиссированный (собранный складками) сзади и закреплённый с помощью 2-3 пряжек и ремешков.

– Помоги-ка мне, – попросил он вполголоса, вынул из кармана свёрнутые трубочкой магловские деньги и стал по одной разворачивать. – Это что такое... э-э-э... десятка? Ах да, вот тут маленький номер... значит... это пять?

– Это двадцать, – понизив голос, поправил его Гарри. Он чувствовал себя скованно под взглядом мистера Робертса, ловившего каждое слово.

– Ах да, конечно... Эти кусочки бумаги, никак не запомню...

– Вы что, иностранцы? – поинтересовался привратник у мистера Уизли, возвратившегося с требуемой суммой.

– Иностранцы? – в замешательстве переспросил мистер Уизли.

– Вы не первый, кто никак не разберётся с деньгами, – пояснил мистер Робертс. – Тут двое минут десять назад хотели расплатиться со мной золотыми монетами размером чуть ли не с копак от автомобильного колеса.

– Неужели? – занервничал мистер Уизли. Мистер Робертс принялся рыться в жестяной коробке с мелочью в поисках сдачи.

– Никогда ещё таких толп не собиралось, – заметил он, вновь взглянув на окутанное туманом поле. – Сотни предварительных заказов. Обычно люди просто приезжают...

– Всё правильно? – перебил его мистер Уизли, протянув руку за сдачей, но мистер Робертс не спешил её отдавать.

– Да... – продолжал он задумчиво, – сколько народу! Полно иностранцев. Не просто иностранцев, а каких-то больно чуждых. Тут один разгуливает в килте и пончо.

– А что-то не так? – тревожно спросил мистер Уизли.

– Это похоже... уж не знаю... на какой-то слёт, – покачал головой мистер Робертс. – И все, смотрю, друг с другом знакомы, словно одна большая вечеринка...

Прямо у двери откуда-то взялся колдун в брюках для гольфа.

– *Obliviate!* – произнёс он, направив волшебную палочку на мистера Робертса.

Глаза маггла на мгновение разбежались в стороны, морщины на лбу разгладились, и лицо приобрело безмятежно-сонное выражение – Гарри узнал типичные симптомы изменения памяти.

– Вот вам карта лагеря, – мирно промолвил мистер Робертс, – и сдача.

– Большое спасибо, – сказал мистер Уизли.

Колдун в брюках для гольфа проводил их до ворот. Вид у него был изнурённый, подбородок зарос щетиной, а под глазами залегли лиловые тени. Отойдя подальше, чтобы не слышал мистер Робертс, колдун негромко пожаловался мистеру Уизли:

– Куча проблем с ним. Десять раз на день приходится накладывать чары Памяти, чтобы успокоить. Людо Бэгмэн совсем не помогает. Бегаёт по лагерю, знай себе болтает о бладжерах и квоффлах, да ещё во весь голос. Плевать ему на все антимэгловские предосторожности. Жду не дожусь, когда всё это кончится. Пока, Артур, увидимся.

Он дезаппарировал.

– А разве мистер Бэгмэн не начальник Магических игр и спорта? – удивилась Джинни. – Ему лучше всех должно быть известно, что можно говорить и что нельзя.

– Должно быть. – Мистер Уизли повёл их через ворота на территорию лагеря. – Но Людо всегда был немного... ну... *небрежен* в отношении правил безопасности. Зато другого такого энтузиаста – главу спортивного департамента – днём с огнём не сыщешь. Он сам играл в квиддич за сборную Англии, ты знаешь. И у «Уимбурнских Ос» никогда не было лучшего загонщика.

Они брели вверх по утонувшему в тумане полю вдоль длинных рядов палаток. Многие смотрелись почти обычно – их хозяева явно постарались придать им маггловский вид, хотя и допускали промашки – кто приделал печную трубу, кто добавил шнурок для колокольчика или флюгер. Но иногда попадались палатки настолько откровенно магические, что Гарри стали понятны подозрения мистера Робертса. На полпути встретилось роскошное сооружение из полосатого шёлка, подобное дворцу в миниатюре, с живыми павлинами, разгуливающими у входа. Была даже трёхэтажная палатка с несколькими башенками, а ещё немного дальше – конструкция с палисадником, прудиком для купания птиц, солнечными часами и фонтаном.

– Вечно одна и та же история, – улыбнулся мистер Уизли. – Не можем не повыделываться друг перед другом во время массовых сборищ. Ну, наконец пришли. Вот и наше место.

Участок был на самой опушке леса. На воткнутом в землю шесте красовалась табличка: «Уизли».

– Лучшего места не найти! – довольно потёр руки мистер Уизли. – Спортивное поле как раз за лесом. Ближе уже некуда. – И, сбросив на землю рюкзак, прибавил, слегка волнуясь: – Так, магию использовать запрещено, строго говоря, пока мы на маггловской территории в таком количестве. Палатки ставим своими руками! Это, полагаю, совсем нетрудно... Магглы это постоянно делают. Ну-ка, Гарри, как по-твоему, с чего надо начинать?

Гарри никогда в жизни не приходилось ставить палатку. Дёрзли ни разу не брали его с собой на отдых, оставляли в компании с древней соседкой миссис Фигг. Но с помощью Гермионы определили, куда вбить колья и ставить шесты; и хотя мистер Уизли не столько помогал, сколько мешал – его потряс молоток, – две выдавшие виды двухместные палатки были в конце концов установлены.

Все отступили назад, любуясь творением рук своих. Глядя на эти палатки, никому бы в голову не пришло, что их ставили колдуны. Гарри, однако, задумался: с появлением Билла, Чарли и Пёрси их будет десять. Гермиона, судя по всему, тоже была озабочена – она вопрошающе взглянула на Гарри, когда мистер Уизли на четвереньках заполз в одну из палаток.

– Немного тесновато, – возвестил он из глубины, – но, думаю, поместимся. Идите сюда, взгляните.

Гарри нагнулся, нырнул под входное полотнище, и у него рот открылся: это же как старая трёхкомнатная квартира с ванной и кухней. Но что совсем странно, обставлена в том же стиле, что и квартира миссис Фигг – разномастные кресла, на них вязаные чехлы и вдобавок сильный запах кошек.

– Что ж, мы здесь ненадолго, – заметил мистер Уизли, протирая платком лысину и разглядывая четыре двухъярусные кровати. – Я одолжил это у Пёркинса, он работает у нас в отделе. Он больше особо на пикники не ездит, радикулит разыгрался.

Он взял запыхавшийся чайник и заглянул в него.

– Вода нужна...

– На карте маггла указана колонка, – сказал Рон, забравшись в палатку вслед за Гарри. Его несколько не удивила её вместительность. – Это на другом конце поля.

– Почему бы тебе, Гарри и Гермионе, не сходить за водой? – Мистер Уизли указал на чайник и пару небольших ведёр. – Остальные соберут хворост и разожгут костёр.

– Но ведь у нас есть печь, – возразил Рон. – Почему бы просто...

– Рон, антимагловская безопасность! – Лицо мистера Уизли засветилось предвкушаемым удовольствием. – Когда магглы разбивают лагерь, они готовят на открытом воздухе. Я сам видел, как это делается.

После краткого визита в палатку к девушкам – она оказалась немного меньше и без кошачьей вони – Гарри с Роном и Гермионой отправились через весь лагерь с чайником и ведёрками.

Только что взошедшее солнце разогнало туман, и друзьям открылся целый палаточный город. Они медленно шли между рядов, с любопытством разглядывая палатки и их обитателей. Лишь теперь Гарри начал осознавать, как много в мире ведьм и колдунов; он никогда всерьёз не задумывался, кто и как живёт в других странах.

Лагерь постепенно пробуждался. Первыми зашевелились семьи с маленькими детьми. Гарри никогда раньше не видел таких юных ведьм и колдунов. Крошечный мальчуган не старше двух лет, присев возле палатки, похожей на пирамиду, увлечённо тыкал волшебной палочкой в слизняка на траве, который уже раздулся до размеров сосиски. Когда они подошли к нему, из палатки выскочила мама.

– *Сколько* раз тебе говорить, Кевин? *Нельзя-брат-папину-волшебную-палочку!* Ой!

Она наступила на слизня, хлопок, и тот лопнул. Ещё долго звуки устроенного ею нагоняя долетали до приятелей вперемежку с криками малыша:

– Ты взорвала слизняка! Ты взорвала слизняка!

Чуть подалее две девочки немного постарше Кевина катались на игрушечной метле, которая летала совсем низко – их ножки задевали унизанную росой траву. Колдун из Министерства уже заметил нарушение – пробегая мимо Гарри, Рона и Гермионы, он встревожено восклицал:

– Среди бела дня! Родители, верно, ещё дрыхнут...

Там и тут из палаток появлялись взрослые колдуны, пора было готовить завтрак. Одни, украдкой оглянувшись, зажигали огонь волшебной палочкой, другие неумело и с опаской чиркали спичками, уверенные, что эта штука не сработает. Трое колдунов из Африки, одетые в длинные белые мантии, сидели, углубившись в беседу, и одновременно жарили что-то вроде кролика на ярком лиловатом огне. Неподалёку американские колдуньи зрелого возраста весело болтали, усевшись под расшитым блёстками баннером с надписью «Институт салеминых ведьм», растянутом между палатками.

Дальше начинались палатки, из которых долетали слова совершенно незнакомого языка.

– У меня что-то с глазами или и правда всё вокруг позеленело? – воскликнул Рон.

Но глаза Рона были тут ни при чём. Все палатки на этом участке были густо увиты трилистником, как будто земля здесь вздыбилась странными зелёными холмиками. За откинутыми полотнищами входов можно было различить улыбающиеся лица.

– Гарри! Рон! Гермиона! – услышали друзья собственные имена.

Это был Шеймас Финниган, четверокурсник из Гриффиндора. Он сидел возле палатки, тоже увитой трилистником, вместе с рыжеволосой женщиной (должно быть, его мамой) и его лучшим другом Дином Томасом, тоже учеником из Гриффиндора.

– Как вам украшения? – улыбнулся Шеймас приятелям, когда те подошли поздороваться. – Министерские не то чтобы счастливы.

– Почему бы нам не демонстрировать наш цвет? – сказала миссис Финниган. – Видели бы вы, что болгары повесили на *свои* палатки. Вы, разумеется, болеете за Ирландию? – сверкнув глазами, спросила женщина.

Уверив её, что они, конечно же, болеют за Ирландию, друзья пошли дальше. Хотя, как сказал Рон минуту спустя: «Что ещё можно ответить в таком окружении?»

– Интересно, что такое повесили болгары? – сказала Гермиона.

– Давайте посмотрим. – Гарри указал на россыпь палаток выше по склону, над которыми на ветру развевался красно-зелёно-белый болгарский флаг.

На этих палатках ни зелени, ни украшений, зато на каждой один и тот же плакат – суровое лицо с густыми чёрными бровями. Портрет был живой, но ограничился лишь тем, что хмурился и моргал.

– Крам, – тихо произнёс Рон.

– Что? – спросила Гермиона.

– Крам! – повторил Рон. – Виктор Крам. Искатель болгарской команды!

– Уж очень сердитый, – заметила Гермиона, оглядывая множество Крамов, утрюмо уставившихся на них.

– «*Очень сердитый*»? – Рон возвёл глаза к небу. – Кого заботит, как он выглядит? Он потрясающий. Совсем ещё молодой – лет восемнадцать, или около того. Он *гений*, вечером сама увидишь.

К колонке в дальнем углу поля уже выстроилась небольшая очередь. Гарри, Рон и Гермиона присоединились к ней, встав за двумя мужчинами, увлечёнными жарким спором. Один, колдун в больших летах, был одет в длинную ночную рубашку в цветочек. Второй, явно служащий Министерства, протягивал первому брюки в полоску и чуть не плакал от злости.

– Надень их, Арчи, я тебя прошу! Нельзя разгуливать в таком виде, маггл-привратник наверняка уже что-то заподозрил...

– Я купил это в маггловском магазине, – упрямо возражал старик – Магглы такую одежду носят.

– Маггловские *женщины* их носят, а не мужчины. Мужчины носят вот *это*, – настаивал колдун из Министерства, потрясая полосатыми брюками.

– Не надену! – негодовал Арчи. – Я люблю свежий ветерок вокруг интимных частей тела, так что спасибо!

На Гермиону накатила такой приступ хохота, что она пулей выскочила из очереди и вернулась, когда Арчи набрал воды и удалился.

Обратно с водой шли через лагерь гораздо медленнее, на каждом шагу попадались знакомые лица – хогвартсцы со своими родителями. Оливер Вуд, бывший капитан команды Гриффиндора, недавно окончивший Хогвартс, затащил Гарри в палатку познакомиться с родителями и взволнованно сообщил, что принят во второй состав «Пэдлмор Юнайтед», – буквально на днях подписал контракт. Затем их окликнул Эрни Макмилан, четверокурсник-хаффлапаффец, а через несколько шагов увидели Чоу Чанг, очень красивую девушку, искателя из команды Рэйвенкло. Она улыбнулась и помахала Гарри, который весь облился водой, махая в ответ. Рон понимающе ухмыльнулся, и чтобы отвлечь его, Гарри кивнул на компанию подростков, которых никогда раньше не видел.

– Как, по-твоему, кто это? – спросил он. – Они ведь не из Хогвартса?

– Судя по виду, из какой-то иностранной школы, – предположил Рон. – Я знаю, такие есть, но никогда никого оттуда не встречал. Билл переписывался с одним из Бразилии... кучу лет назад... Даже хотел ехать туда по обмену, но у родителей не было такой возможности, и Билл написал, что не может приехать. Друг по переписке очень обиделся и прислал ему проклятую шляпу – у Билла от неё уши скукожились.

Гарри засмеялся, но не выдал изумления, которое испытал, услышав о других школах колдунов. Увидев в лагере представителей стольких национальностей, он понял, что давно бы надо сообразить, что Хогвартс не единственная на свете школа. Он взглянул на Гермиону, её ничуть не удивил рассказ Рона – уж она, конечно, знала о других школах, вычитала в какой-нибудь книге.

– Вас за смертью посылать, – пробурчал Джордж, когда они наконец вернулись к палаткам Уизли.

– Встретили много знакомых, – отозвался Рон, ставя воду на землю. – А вы ещё даже огонь не развели!

– Отец спичками развлекается.

Мистер Уизли никак не мог разжечь костёр, хотя очень старался. Земля вокруг была усыпана сломанными спичками, но более счастливым его никто никогда ещё не видел.

– Оп! – воскликнул он, когда ему удалось-таки зажечь спичку, которую он тут же от удивления и выронил.

– Позвольте мне, мистер Уизли, – мягко предложила Гермиона, взяла у него коробок и показала, как правильно зажигать.

В конце концов костёр загорелся, но пришлось ждать ещё около часа, покуда пламя стало совсем жарким, чтобы готовить обед. Ожидание не показалось долгим. Их палатки оказались на самой дороге к спортивному полю. Мимо то и дело сновали сотрудники Министерства, они дружески приветствовали мистера Уизли, а тот давал краткие пояснения, в основном для Гарри и Гермионы – его собственные дети давно были в курсе всех министерских дел.

– Это Катберт Мокридж, начальник отдела Связей с гоблинами... А вон Гилберт Уимпил из комитета по Экспериментальным чарам, у него, видите, рога выросли на некоторое время... Привет, Арни... Это Арнольд Писгуд, обливиатор, член группы Аннулирования случайных магических действий, помните?.. А это Бойд и Крокер, Невыразимцы...

– Кто-кто?

– Из департамента Тайн, всё сверхсекретно. Понятия не имею, чем они занимаются.

Наконец костёр разгорелся вовсю, и стали варить яйца и сосиски. Тут подоспели Билл с Чарли и Пёрси.

– Только что аппарировали, пап, – отрапортовал Пёрси. – А, превосходно! Как раз к обеду!

Они уже наполовину опустошили тарелки, как вдруг мистер Уизли вскочил, улыбнулся и замахал рукой, приветствуя идущего к ним человека.

– Ага! – радостно воскликнул он. – Герой дня! Привет, Людо!

Людо Бэгмэн был сегодня, бесспорно, самой заметной личностью, обогнал даже престарелого Арчи в дамской ночной сорочке. На Бэгмэне была длинная мантия игрока в квиддич с поперечными жёлтыми и чёрными полосами, грудь украшало изображение огромной осы. Это был человек могучего телосложения, на котором годы уже оставили свой след. Мантию оттягивало солидное брюшко, которого, конечно же, не было, когда он играл за сборную Англии. Нос его был расплюсчен («Наверно, сломал бладжер», – подумал Гарри), но круглые голубые глаза, короткие светлые волосы и румяные щёки придавали ему вид школьника-переростка. Шёл он так, словно ноги у него на пружинах.

– Эй, на палубе! – весело крикнул Бэгмэн, источая радостное возбуждение. – Артур, старина! – приветствовал он мистера Уизли. – Что за денёк, а? Что за денёк! Лучшей погоды можно ли желать? Близится безоблачная ночь... Почти никаких заминок... Мне здесь и делать нечего!

У него за спиной промчались несколько взмыленных министерских колдунов, спешащих к горящему в отдалении магическому огню: искры от него летели на высоту футов двадцати.

Пёрси тут же протянул ему руку. Конечно, Людо Бэгмэн не лучшим образом руководит своими людьми, но произвести плохое впечатление тоже нельзя.

– Ах, да, – улыбнулся мистер Уизли. – это мой сын Пёрси. Он первый год работает в Министерстве. А это Фред, нет, Джордж, извини. Фред – *воот* он. Это Билл, Чарли, Рон, моя дочь Джинни и друзья Рона – Гермiona Грэйнджер и Гарри Поттер.

Услышав легендарное имя, Бэгмэн на краткий миг задержал дыхание, и глаза, конечно, пробежали по шраму на лбу Гарри.

– Представляю всем, – продолжал мистер Уизли, – Людо Бэгмэна, вы хорошо знаете его имя. Спасибо ему за такие прекрасные билеты!

Бэгмэн заулыбался, замахал руками – о подобном пустяке и говорить нечего.

– Не собираешься делать ставки, Артур? – заинтересованно спросил он, позвякав, похоже, немалым количеством золота в карманах своей чёрно-жёлтой мантии. – Родди

Понтнер уже поставил на Болгарию, что она откроет счёт (я дал ему недурную фору, учитывая, что ирландская тройка самая сильная за последние годы). А малышка Агата Тиммс поставила поддоль в своей ферме угрей, что матч продлится неделю.

– Ага, ну тогда... – пробормотал мистер Уизли. – Дай подумать... Галлеон на победу Ирландии?

– Галлеон? – разочарованно протянул Бэгмэн, однако тут же снова взял себя в руки. – Очень хорошо, галлеон так галлеон... А остальные не примут участия?

– Ещё не доросли до азартных игр, – ответил мистер Уизли. – Да и Молли не одобрит...

– Мы ставим тридцать семь галлеонов, пятнадцать сиклей, три ната, – заявил Фред, а Джордж стал выгребать из карманов все их общие деньги, – на то, что Ирландия победит, но снитч поймает Виктор Крам. Добавим ещё поддельную палочку.

– Не смей предлагать мистеру Бэгмэну такую глупость! – яростно прошипел Пёрси.

Но палочка Людо Бэгмэну понравилась. Только он прикоснулся к ней, она закудаhtала и превратилась в резинового цыплёнка. Мальчишеское лицо Бэгмэна просияло, и он разразился хохотом.

– Просто прелесть! Давно не видел такой забавной штуки! Даю вам за неё пять галлеонов!

Пёрси ошарашенно замер.

– Мальчики, – упавшим голосом заговорил мистер Уизли, – мне бы не хотелось, чтобы вы делали ставки... Это же все ваши сбережения... Ваша мама...

– Не порти людям удовольствие, Артур! – Бэгмэн азартно брэнчал монетами в карманах. – Они уже совсем взрослые и знают, чего хотят! Так вы уверены, что Ирландия победит, но снитч поймает Крам? Мало шансов, ребята, мало... Принимаю у вас ставку на отличных условиях... Плюс ещё пять галлеонов за смешную палочку... итого имеем...

Людо Бэгмэн вытащил книжку и перо и на глазах несчастного мистера Уизли размашисто вписал в неё имена близнецов.

– Замётано. – Джордж взял у Бэгмэна кусок пергамента и спрятал его во внутренний карман мантии.

Бэгмэн опять повернулся к мистеру Уизли.

– Не затруднит плеснуть мне чайку? Я тут ишу Барти Крауча. Возникли затруднения с болгарским коллегой, а я не могу понять ни слова, что он говорит. Барти поможет, он знает полторы сотни языков.

– Мистер Крауч? Полторы сотни? – Маска чопорного недовольства мигом слетела с Пёрси. – Да он говорит более чем на двухстах! На русалочьем, на гоббледикуе, на языке троллей... – Пёрси аж задрожал от волнения.

– Все могут говорить на языке троллей, – усмехнулся Фред. – Они способны только тыкать пальцем да хрюкать.

Пёрси неодобрительно покосился на Фреда и стал энергично подбрасывать хворост в костёр, чтобы ещё раз вскипятить чайник.

– Есть какие-нибудь новости от Берты Джоркинс, Людо? – спросил мистер Уизли Бэгмэна, когда последний сел на траву вместе со всеми.

– Ни единой совушки, – спокойно ответил Бэгмэн. – Но она скоро вернётся. Бедная старушка Берта – память у неё как дырявый котёл и никакой ориентации. Где-то заблудилась, вот помяни моё слово. Вернётся в отдел в октябре, уверенная, что ещё июль. – Бэгмэн взял у Пёрси протянутую ему чашку чая.

– Не думаешь, что пора послать кого-нибудь на поиски? – нерешительно предложил мистер Уизли.

– Барти постоянно мне это говорит. – Бэгмэн наивно захолопал круглыми голубыми глазами. – Но у нас сейчас нет ни одного лишнего человека. Ох, только чёрта помяни! Барти!

У самого костра аппарировал колдун, как небо от земли отличавшийся от Людо Бэгмэна, который сидел, развалившись на траве, в старой осиной мантии. Барти Крауч был сухопарый, подтянутый, пожилой человек, в безупречно свежем костюме и галстуке. Пробор в коротких седых волосах идеально прям, узкие, щёткой, усы, словно выровнены по линейке, а ботинки блестят как лаковые. Понятно, почему он стал идиолом Пёрси. Этот брат Рона был убеждённым сторонником неукоснительного исполнения правил. Таким же, видно, был и мистер Крауч. Он выполнил указание одеться по-магловски так педантично, что запросто мог сойти за банковского служащего. Даже дядя Вернон не распознал бы в нём мага.

– Присядь с нами на травку, Барти! – Весельчак Людо Бэгмэн похлопал по земле рядом с собой.

– Нет, Людо, спасибо, – в голосе Крауча звучало явное нетерпение, – я всюду тебя ищу. Болгары требуют, чтобы мы добавили ещё двенадцать мест в верхней ложе.

– Так они *этого* хотят? А мне показалось, этот парень хотел одолжить пинцет. Акцент слегка тяжеловат.

– Мистер Крауч! – едва дыша, вымолвил Пёрси, изогнувшись в полупоклоне, отчего стал похож на горбуна. – Не желаете ли чашечку чая?

– М-м-м... – Мистер Крауч с лёгким удивлением взглянул на Пёрси. – Да, благодарю, Уэзэрби.

Фред и Джордж фыркнули в чашки; Пёрси, красный как рак, занялся чайником.

– Тебе я тоже хотел сказать два слова, Артур. – Мистер Крауч бросил острый взгляд на мистера Уизли. – Али Башир настроен весьма воинственно. Хочет переговорить с тобой о запрете на ввоз ковров-самолётов.

Мистер Уизли глубоко вздохнул.

– Я послал ему сову с разъяснениями на прошлой неделе. Говорил ему уже сто раз, и ещё раз скажу: ковры признаны магловскими изобретениями и занесены в Реестр объектов, запрещённых для зачарования. Но послушает ли он?

– Сомневаюсь, – покачал головой мистер Крауч, принимая чашку чая из рук Пёрси. – Али Башир отчаянно заинтересован в их ввозе сюда.

– Они ведь не вытеснят в Британии мётлы, как считаете? – спросил Бэгмэн.

– Али уверен, что на нашем рынке семейных летательных аппаратов есть свободная ниша, – продолжал Крауч. – Помню, у моего деда был аксминстерский ковёр, на нём умещалось двенадцать человек. Разумеется, это было до запрещения ковров.

Мистер Крауч, видно, хотел подчеркнуть, что его предки строго придерживались закона.

– Что, много работы, Барти? – беззаботно произнёс Бэгмэн.

– Достаточно, – холодно ответил Крауч. – Организовать портключи на всех пяти континентах – труд немалый, Людо.

– Полагаю, вы оба обрадуетесь, когда это закончится? – произнёс мистер Уизли.

Людо Бэгмэн не скрыл своего изумления.

– Обрадуетесь? Да я никогда так не веселился... к тому же, не то, чтобы у нас на горизонте не было ничего новенького, а, Барти, а?? Будет ещё что организовывать.

Мистер Крауч многозначительно поднял брови.

– Мы же договорились – никакой утечки, пока все детали...

– Ой, детали! – замахал руками Бэгмэн, как будто отгонял комаров. – Всё уже подписано, так? Обо всём договорились, так? Спорю на что угодно – дети не сегодня завтра сами узнают... Я имею в виду, что это будет происходить в Хогвартсе...

– Людо, нас ждут болгары, не забывай! – резко оборвал его мистер Крауч. – Спасибо за чай, Уэзэрби, – прибавил он и отдал нетронутый чай Пёрси.

Бэгмэн с трудом поднялся на ноги – золото в его карманах весело звякнуло – и одним глотком допил оставшийся чай.

– Увидимся позже! – сказал он. – Мы же вместе будем в верхней ложе, я комментирую!

Людо помахал рукой, Крауч сухо кивнул, и оба мгновенно дезаппарировали.

– Что будет происходить в Хогвартсе? – не замедлил спросить Фред. – О чём они говорили?

– Очень скоро узнаете, – улыбнулся мистер Уизли.

– Это информация закрыта до тех пор, пока Министерство не позволит её обнародовать, – напыщенно произнёс Пёрси. – Мистер Крауч абсолютно прав, что не разглашает её.

– Заткнись ты, Уэзэрби, – посоветовал брату Фред.

Солнце клонилось к закату, и напряжение, царившее в лагере, сгущалось, как тучи перед грозой. Казалось, самый воздух задрожал, предвкусывая великое событие. А когда ночь тёмным покровом опустилась над лагерем, последние признаки не очень умелого маскарада исчезли. Министерство, похоже, смирилось с неизбежным, и неприкрытая магия повсюду была ключом.

Каждые несколько футов аппарировали торговцы, неся лотки и толкая тележки, полные невиданных товаров. Тут были светящиеся розетки, зелёные для ирландских болельщиков, красные – для болгарских, выкрикивающие имена игроков; островерхие зелёные шляпы, убранные танцующими трилистниками; болгарские шарфы, расшитые львами, которые и в самом деле рычали; флаги обеих стран, исполняющие национальный гимн, если ими махать; маленькие летающие модели «Всполоха» и коллекционные фигурки прославленных игроков, которые с гордым видом прохаживались по ладони.

– Я всё лето берёг для этого карманные деньги, – сказал Рон, когда они с Гарри и Гермионой бродили среди торговцев, покупая сувениры.

Рон купил шляпу с танцующим трилистником, большую зелёную розетку и – не устоял – маленькую фигурку Виктора Крама, болгарского искателя. Миниатюрный Крам прогуливался взад и вперёд по его ладони, грозно поглядывая на зелёную розетку.

– Смотрите, здесь-то что! – восхитился Гарри, бросившись к тележке, доверху нагруженной предметами, похожими на бинокль. Только эти окуляры были бронзовые и с множеством разных непонятных кнопок и шкал.

– Омнинокли, – с готовностью объяснил колдун-продавец. – Сможете повторить любой эпизод... замедлить ход событий... и разбить игру на части, если нужно. Очень недорого – всего десять галлеонов.

– Лучше б я этого не покупал! – простонал Рон, дёрнув себя за шляпу с трилистником и пожирая глазами омнинокли.

– Три штуки, – решительно сказал Гарри продавцу.

– Нет, не надо! – воскликнул Рон, отчаянно краснея. Он всегда смущался, что денег у него гораздо меньше, чем у Гарри, которому родители оставили небольшое наследство.

– Ты ничего не получишь на Рождество, – успокоил его Гарри, протягивая омнинокли ему и Гермионе. – В ближайшие лет десять!

– Тогда ладно, – улыбнулся Рон.

– О-о-о, спасибо, Гарри, – слегка растерялась Гермиона. – А я тогда куплю нам программки, смотрите...

Вернулись к палаткам со значительно полегчавшими кошельками. Билл, Чарли и Джинни тоже обзавелись зелёными розетками, а мистер Уизли размахивал ирландским флагом. Фред с Джорджем остались без сувениров, ведь они все свои деньги отдали Бэгмэну.

Откуда-то из-за леса раздался глубокий, гулкий звук гонга, и сейчас же среди деревьев вспыхнули зелёные и красные фонари, осветив просеку, ведущую к спортивному полю.

– Пора! – произнёс мистер Уизли, не менее взволнованный, чем его дети. – Ну же, погнали!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЧЕМПИОНАТ МИРА ПО КВИДДИЧУ

Прихватив свои покупки, компания с мистером Уизли во главе поспешила в лес, следуя за светом фонарей. Они слышали шум тысяч людей, шедших вокруг, крики, смех, обрывки песен. Всеобщее лихорадочное возбуждение было необычайно заразительно, Гарри не мог не улыбаться. Всю дорогу через лес – минут двадцать – они громко разговаривали и шутили, пока, наконец, не вышли на противоположную сторону и не оказались в тени гигантского стадиона. И хотя Гарри была видна лишь часть колоссальных золотых стен, окружавших поле, он мог бы с уверенностью сказать, что внутри можно свободно разместить десяток кафедральных соборов.

– Сто тысяч мест, – сказал мистер Уизли, поймав его благоговейный взгляд. – По заданию Министерства здесь целый год трудились пятьсот человек. Магглоотталкивающие чары тут на каждом дюйме. Весь год, как только магглы оказывались где-то поблизости, они вдруг вспоминали о каком-нибудь неотложном деле, и им приходилось срочно убираться восвояси... благослови их Господь, – добавил он нежно, направляясь к ближайшему входу уже окружённому шумной толпой ведьм и колдунов.

– Первокласные места! – заметила колдунья из Министерства, проверяя у друзей билеты. – Верхняя ложа! Прямо по лестнице, Артур, и наверх до самого конца.

Лестницы на стадионе были выстланы ярко-пурпурными коврами. Вся компания пробиралась наверх вместе с толпами болельщиков, которые постепенно рассаживались по трибунам справа и слева от них. Мистер Уизли вёл своих подопечных всё выше и выше; наконец они поднялись на самый верх лестницы и очутились в маленькой ложе на высшей точке стадиона, расположенной как раз на середине между голевыми шестами. Тут в два ряда стояли примерно двадцать пурпурно-золочёных кресел, и Гарри, пройдя к передним местам вместе с Уизли, взглянул вниз и увидел фантастическую картину, которую никогда не смог бы даже вообразить.

Сто тысяч ведьм и колдунов занимали места, расположенные ярусами, поднимающимися вокруг длинной овальной арены. Всё вокруг было залито таинственным золотым светом, который, казалось, излучал сам стадион. С этой высоты поле выглядело гладким, как бархат, в каждом конце стояло по три пятидесятифутовых шеста с кольцами, а прямо напротив, как раз на уровне глаз Гарри, было исполинское чёрное табло – по нему бежали золотые надписи, будто невидимая рука быстро писала и затем стирала написанное – это были светящиеся рекламные объявления.

«Василёк» – метла для всей семьи – безопасно, надёжно, со встроенной противоугонной сигнализацией... Универсальное магическое средство удаления беспорядка миссис Шауэр... Праздничные наряды от «Колдовской Моды» – Лондон, Париж, Хогсмид...».

Гарри оторвался от рекламных строчек и оглянулся: кто же ещё будет с ними в ложе? Пока что она была пуста, если не считать какого-то крохотного создания, пристроившегося на предпоследнем сиденье второго ряда. Это существо, с такими короткими ножками, что

они попросту торчали из кресла, было закутано в чайное полотенце, повязанное на манер тоги, и сидело, уткнувшись лицом в ладони. Зато уши – длинные, как у летучей мыши, – показались странно знакомыми...

– *Добби?* – недоверчиво произнёс Гарри.

Миниатюрное существо подняло голову и раздвинуло пальцы, обнаружив громадные карие глаза и нос, по форме и размеру точно соответствующий спелому помидору. Это не был Добби – хотя, без сомнения, такой же домашний эльф, каким был приятель Гарри, которого тот освободил от его прежних хозяев – семьи Малфоев.

– Сэр, вы назвать меня Добби? – с любопытством пискнул эльф между пальцев.

Голос был выше, чем у Добби, – тоненький, дрожащий голосок, и Гарри заподозрил – хотя с домашними эльфами так сразу не разберёшь, – что перед ним, скорее всего, женщина. Рон и Гермиона тоже повернулись взглянуть: хотя они и много слышали о Добби, но никогда его не видели. Даже мистер Уизли с интересом оглянулся.

– Прощу прощения, – обратился Гарри к эльфу. – Я просто принял вас за одного своего знакомого.

– Но я тоже знать Добби, сэр, – пискнул эльф. Она заслоняла лицо, как будто от резких лучей, хотя верхняя ложа и не была ярко освещена. – Меня зовут Винки, сэр, а вы, сэр, – тёмно-карие глаза расширились до размеров тарелок, остановившись на шраме Гарри, – вы, наверняка, Гарри Поттер!

– Да, это я, – согласился Гарри.

– Добби постоянно говорить о вас, сэр. – Она чуть опустила руки, потрясённо глядя на него.

– Как он там? – спросил Гарри. – Как ему живётся на свободе?

– Ах, сэр! – Винки покачала головой. – Ах, сэр, не подумайте, что я непочтительна, сэр, но я не уверена, что вы оказать Добби услугу, когда отпустить его на волю.

– Почему? – поразился Гарри. – Что с ним случилось?

– Свобода ударить Добби в голову, сэр, – печально сказала Винки. – Метить выше своего чина, сэр. Не может нигде больше устроиться, сэр.

– Почему? – удивился Гарри.

Винки понизила голос на пол-октавы и прошептала:

– *Он хочет оплаты за свою работу, сэр.*

– Оплаты? – не понял Гарри. – Ну... А почему бы его работу не оплачивать?

Винки явно ужаснулась подобной идее и сдвинула пальцы так, что её лицо вновь оказалось наполовину скрытым.

– Домашние эльфы не брать денег, сэр! – приглушённо пропищала она. – Нет, нет, нет. Я говорить Добби, я говорить ему – иди, найди себе приличную семью и осядь, Добби. А он затевать всевозможные буйные увеселения, сэр, это не подобать домашнему эльфу. Эти гулянки твоя до добра не доведут, Добби, говорить я, твоя запросто кончать так, что угодить департамент Регулирования и надзора за магическими существами, словно какой-нибудь обычный гоблин...

– Ну как же ему сейчас немного не повеселиться? – сказал Гарри.

– Домашний эльф не положено веселиться, Гарри Поттер, – сурово заметила Винки. – Домашний эльф делать то, что им велено. Я совсем не выносить высоты, Гарри Поттер, – она покосилась на край ложки и судорожно сглотнула, – но мой хозяин послать меня сюда, и я пойти, сэр.

– Зачем же он вас послал, если знает, что вы не любите высоты? – нахмурился Гарри.

– Хозяин... хозяин хочет, чтобы я занять ему место, Гарри Поттер, потому что он очень занят. – Винки склонила голову перед пустым пространством рядом с собой. – Винки очень бы желать вернуться назад в палатку хозяина, но Винки делать, что ей сказано, Винки хороший домашний эльф.

Она бросила в сторону барьера ещё один испуганный взгляд и снова закрыла глаза. Гарри повернулся ко всем остальным.

– Что, это и есть домашний эльф? – шепнул Рон. – Чудные они, верно?

– Добби ещё чуднее, – искренне заверил его Гарри.

Рон вытащил свой омниокля и принялся испытывать его, рассматривая скопление народа на противоположной стороне стадиона.

– Круто! – воскликнул он, вращая регулятор повтора. – Я могу заставить того старика внизу поковырять в носу ещё раз... и ещё... и ещё...

Гермиона тем временем просматривала свою украшенную кистями программку в бархатном переплёте.

– «Перед матчем будет выступление талисманов команд», – прочитала она вслух.

– О, на это всегда стоит посмотреть, – откликнулся мистер Уизли. – Национальные сборные привозят с родины разных существ. Понимаете, чтобы добавить зрелищности.

В следующие полчаса ложа постепенно наполнялась людьми; мистер Уизли пожимал руки каким-то, судя по виду, очень важным колдунам. Пёрси вскакивал так часто, словно пытался усидеть на ежике. Когда появился министр магии Корнелиус Фадж, Пёрси отвесил такой глубокий поклон, что с него упали и разбились очки. Страшно сконфузившись, он восстановил их волшебной палочкой и дальше уже предпочитал оставаться на своём месте, бросая ревнивые взгляды на Гарри, которого Фадж приветствовал как старого друга. Им уже доводилось встречаться прежде, и Фадж, пожав ему руку в отеческой манере, поинтересовался, как у него дела, и представил его окружающим министра колдунам.

– Гарри Поттер, вы понимаете, – громко втолковывал он болгарскому министру магии, который был одет в роскошную, чёрного бархата с золотом мантию и, похоже, не понимал ни слова по-английски. – *Гарри Поттер*, ну же, вы знаете, кто это... Мальчик, который одолел Сами-Знаете-Кого... Ну *должны* же вы знать, кто это...

Тут болгарский колдун вдруг обратил внимание на шрам Гарри и что-то быстро и взволнованно затараторил, указывая на него.

– Так я и знал, что этим кончится, – устало сказал Фадж Гарри. – Ну не силён я в языках... В таких случаях мне нужен Барти Крауч... Ага, вижу, его домашний эльф занял ему место... Тоже недурно, эти болгарские парни так и норовят выпросить все лучшие места... А, вот и Люциус!

И действительно, вдоль кресел второго ряда к трём свободным местам как раз позади мистера Уизли пробирался не кто иной, как бывший хозяин домашнего эльфа Добби Люциус Малфой с сыном Дрэйко и женщиной, которая, как предположил Гарри, была матерью Дрэйко.

Гарри и Дрэйко Малфой стали врагами с самой первой поездки в Хогвартс. Бледный паренёк с заострённым лицом и бесцветно-белыми волосами, Дрэйко необычайно походил на отца. Его мать тоже была блондинкой – высокая и стройная, она была бы довольно мила, если бы на её лице не присутствовало постоянно такое выражение, будто ей в нос непрестанно лезет какой-то мерзкий запах.

– А, Фадж! – произнёс мистер Малфой, подходя к министру и протягивая руку. – Как дела? По-моему, вы ещё незнакомы с моей женой Нарциссой? И с нашим сыном Дрэйко?

– Добрый вечер, добрый вечер! – Фадж улыбнулся и поклонился миссис Малфой. – А мне позвольте представить вам мистера Обланск...Обалонск... мистера... короче, он болгарский министр магии и не понимает ни слова из того, что я говорю, так что не беспокойтесь. И давайте посмотрим, кто тут у нас ещё? С Артуром Уизли вы знакомы, я полагаю?

Это был напряжённый момент. Мистер Уизли и мистер Малфой посмотрели друг на друга, и Гарри живо вспомнился тот последний раз, когда они встретились лицом к лицу – это было в книжном магазине «Флориш и Блоттс», и дело кончилось дракой. Холодные серые глаза Малфоя скользнули по мистеру Уизли и затем обежали весь ряд.

– Боже правый, Артур, – негромко произнёс он, – что же тебе пришлось продать, чтобы достать места в верхней ложе? Уверен, ты за весь свой дом столько бы не выручил.

Фадж, не слышавший этих слов, говорил:

– Люциус на днях сделал очень щедрое пожертвование больнице магических болезней и травм святого Мунго, Артур, так что здесь он в качестве моего гостя.

– Как... как мило! – промолвил мистер Уизли с натянутой улыбкой.

Мистер Малфой задержал взгляд на Гермионе – та слегка покраснела, но решительно посмотрела в ответ. Гарри было доподлинно известно, что заставило губы Малфоя скривиться – Малфои кичились своей чистокровностью; другими словами, любого человека магловского происхождения считали второсортным. Однако в присутствии министра магии он не осмелился ничего сказать по этому поводу. Малфой насмешливо кивнул мистеру Уизли и продолжил путь к своим местам. Дрэйко послал Гарри, Рону и Гермионе презрительный взгляд и уселся между отцом и матерью.

– Слизняки поганые, – прошептал Рон, когда они с Гарри и Гермионой вновь повернулись к полю.

А в следующий момент в ложу ворвался Людо Бэгмэн.

– Все готовы? – пророкотал он. Его лицо светилось, словно круг эдамского сыра. – Министр, начинать?

– По твоей команде, Людо, – с удовольствием отвечал Фадж.

Бэгмэн выхватил волшебную палочку, направил себе прямо на горло и приказал:

– *Sonorus!*

И с этого мгновения его голос превратился в громовой рёв, заполнивший до предела забитый стадион; этот голос раскатывался над ними, отдаваясь в каждом уголке трибун.

— Леди и джентльмены! Добро пожаловать! Добро пожаловать на финал четырёхста двадцать второго Чемпионата мира по квиддичу!

Зрители разразились криками и аплодисментами. Развевались тысячи флагов, добавляя к шуму разноголосицу национальных гимнов. С гигантского табло напротив сгинуло последнее объявление («*Всекусные бобы Берти Ботта — и каждый рот рискнёт!*») и зажглись слова:

«БОЛГАРИЯ — НОЛЬ, ИРЛАНДИЯ — НОЛЬ».

— А теперь без долгих предисловий позвольте представить вам... Талисманы болгарской сборной!

Правая часть трибун — сплошь в красных флагах — одобряюще заревела.

— Интересно, что же они привезли? — пробормотал мистер Уизли, наклоняясь вперёд. — А-а-а-а! — Он спешно сдёрнул с себя очки и принялся протирать их. — *Вилы*⁶!

— А что это за ви...

Но сотня вил, которых Гарри увидел на арене, ответили на вопрос. Это были женщины — самые прекрасные женщины, каких Гарри только приходилось видеть... они не были — просто не могли быть — людьми. На какой-то момент Гарри был поставлен в тупик, ломая голову над вопросом: «Кто же они такие? Какая сила заставляет их кожу сиять лунным светом, а золотые волосы струиться за ними в неосязаемом ветре?» Но вот грянула музыка, и Гарри разом перестало волновать, что они не люди. Собственно говоря, его вообще перестало что-либо волновать.

Вилы пустились в пляс, и разум Гарри одним махом абсолютно и блаженно опустел. Главное, что он смотрит и смотрит на танцующих вил, а если они перестанут танцевать, неминуемо произойдёт нечто ужасное.

А вилы отплясывали всё быстрее, всё зажигательней, и дикие, бесформенные образы закружились в распалённом мозгу Гарри. Ему захотелось совершить что-то неопишное, небывалое — и прямо сейчас... Может, выпрыгнуть из ложи на арену? Или придумать что-нибудь покруче?

— Гарри, что ты *делаешь*? — донёсся откуда-то издалека голос Гермионы.

Музыка остановилась. Гарри заморгал. Он стоял, перебросив ногу через барьер ложи. В шаге от него Рон замер в такой позе, словно собрался прыгать с трамплина.

Трибуны взорвались недовольными криками — зрители не хотели отпускать вил, и Гарри был на их стороне. Разумеется, он болел за Болгарию и недоумевал, почему к его груди приколот большой зелёный трилистник. Рон тем временем рассеянно обрывал клевер со своей шляпы. Мистер Уизли, чуть улыбаясь, склонился к нему и забрал шляпу из его рук.

— Это тебе ещё понадобится, — заметил он, — как только ирландцы скажут своё слово.

— А? — сказал Рон, таращась с открытым ртом на красавиц вил, которые теперь выстроились вдоль одной из сторон поля.

⁶ Вила — в верованиях и фольклоре южных славян и отчасти словаков женское мифологическое существо, наделяемое преимущественно положительными свойствами. Выглядит как стройная очаровательная девушка с длинными (иногда до земли) распущенными волосами и крыльями.

Гермиона, негодуяще фыркнув, поднялась и втащила Гарри обратно на место, пробормотав:

– Ну *что это*.

– А теперь, – захохотал голос Людо Бэгмэна, – в знак приветствия поднимем наши волшебные палочки... Перед нами талисманы сборной Ирландии!

В следующую секунду нечто похожее на громадную зелёно-золотую комету влетело на стадион. Сделав круг, она распалась на две поменьше, каждая из которых со свистом понеслась кголевым шестам. Связывая два пылающих шара, над полем неожиданно аркой встала радуга.

Бесчисленные зрители дружно издали громогласное «о-о-о-ох» и «а-а-а-ах», глядя на этот фейерверк. Радуга угасла, светящиеся шары вновь соединились и слились, образовав на этот раз исполинский мерцающий трилистник, который взмыл в небо, завис над стадионом, и из него хлынуло нечто наподобие золотого дождя.

– Классно! – воскликнул Рон, когда трилистник воспарил над их головами и из него посыпались тяжёлые золотые монеты, отскакивая от кресел.

Присмотревшись, Гарри разобрал, что летающее чудо составляли тысячи крохотных бородастых человечков в красных камзолах, каждый из которых нёс по маленькой золотой или зелёной лампе.

– Лепреконы! – попытался перекрычать громовые аплодисменты толпы мистер Уизли; многие ещё рыскали и толкались под креслами, собирая золото.

– Это тебе! – радостно пропыхтел Рон, насыпая Гарри полные ладони золотых монет. – За омнинокль! Теперь тебе придётся делать мне рождественский подарок, ха!

Величественный трилистник распался, лепреконы опустились на поле – на противоположную сторону от вил – и, скрестив ноги, расселись, чтобы смотреть матч.

– А теперь, леди и джентльмены, поприветствуем – болгарская национальная сборная по квиддичу! Представляю вам – Димитров!

Фигура в красных одеждах, на метле,двигающаяся с такой быстротой, что казалась размытой, вылетела на поле из дальнего нижнего входа под сумасшедшие аплодисменты болгарских болельщиков.

– Иванова!

Подлетел второй игрок в красной мантии.

– Зограф! Левски! Волчанов! Волков! И-и-и-и-и – *Крам!*

– Вот он, вот он! – завопил Рон, уставившись на Крама в омнинокль.

Гарри, торопясь, настроил свой.

Виктор Крам был худым, темноволосым, с лицом землистого цвета, внушительным крючковатым носом и густыми чёрными бровями. Он походил на большую хищную птицу. С трудом верилось, что ему всего восемнадцать.

– А сейчас, прошу вас, встречаем ирландскую национальную сборную! – надсаживался Бэгмэн. – Представляю: Конолли! Райан! Трой! Маллет! Моран! Куигли! И-и-и-и-и – *Линч!*

Семь зелёных вихрей вырвались на поле. Гарри лихорадочно крутил регулятор на боку своего омнинокля и замедлил движение игроков до такой степени, что мог прочесть слова «Всполох» на каждой метле и видеть их имена, серёбром вышитые на спинах.

— А также из самого Египта — наш судья, почётный председатель Международной ассоциации квиддича, Хасан Мустафа!

Маленький и тощий колдун, совершенно лысый, но зато с усами, которым позавидовал бы даже дядя Вернон, одетый в мантию цвета чистого золота под стать стадиону, вышел на поле. В одной руке он нёс солидных размеров плетёную корзину, в другой — метлу, из-под усов торчал серебряный свисток. Гарри вернул скоростной регулятор омнинокля к норме и внимательно наблюдал, как Мустафа взобрался на метлу и откинул крышку корзины — в воздух взвились четыре шара: малиновый квоффл, два чёрных бладжера и — Гарри увидел его на краткий миг, прежде чем он скрылся из глаз — крошечный крылатый золотой снитч. Пронзительно свистнув, Мустафа взлетел вслед за шарами.

— На-а-а-ачинаем! — взревел Бэгмэн. — Это Маллет! Трой! Моран! Димитров! Снова Маллет! Трой! Левски! Моран!

Такого квиддича Гарри ещё не видел. Он с такой силой прижимал омнинокль к глазам, что очки врезались в переносицу. Скорость игроков была невероятной — гончие перебрасывали друг другу квоффл так быстро, что Бэгмэн едва успевал называть их имена. Гарри снова включил замедлитель на своём омнинокле, нажал кнопку «синхронный комментарий», и с этой минуты видел всё в замедленном темпе, в линзах вспыхивали ярко-лиловые надписи, а шум толпы сотрясал ему барабанные перепонки.

Атакующая схема «Голова ястреба», — прочитал он, глядя, как три ирландских гончих пролетают плечом к плечу — в центре, чуть впереди Трой, справа и слева Маллет и Моран, — преодолевая защиту болгар. «Финт Порскова» — загорелся следующий комментарий, когда Трой сделал вид, будто собирался рвануться что было сил наверх, отвлекая болгарскую гончую Иванову, а сам швырнул квоффл вниз, Моран. Один из болгарских загонщиков, Волков, поравнявшись с бладжером, с молодецкого размаха своей небольшой битой выбил его прямо перед Моран. Та, уклоняясь от бладжера, взяла круто вниз и выронила квоффл, а Левски, шедший ниже, подхватил его.

— Трой открывает счёт! — заорал Бэгмэн, и стадион задрожал от грома оваций и криков восторга. — Десять — ноль в пользу Ирландии!

— Что? — удивился Гарри, растерянно озираясь сквозь омнинокль. — Но ведь квоффл поймал Левски!

— Гарри, если ты не будешь смотреть на нормальной скорости, много чего пропустишь! — прокричала Гермiona, приплясывая на месте и махая руками, в то время как Трой делал по полю круг почёта.

Гарри торопливо взглянул поверх омнинокля и увидел, что лепреконы, наблюдавшие за игрой из-за боковой линии, вновь поднялись в воздух и образовали гигантский мерцающий трилистник. С другой стороны арены на них мрачно смотрели вилы.

Злясь на самого себя, Гарри прокрутил регулятор скорости до обычного режима; игра возобновилась.

Гарри достаточно разбирался в квиддиче, чтобы оценить великолепие ирландских гончих. Они действовали как единое целое и, похоже, читали мысли друг друга, перестраиваясь в воздухе; розетка на груди Гарри непрерывно выкрикивала их имена: «Трой – Маллет – Моран!». В течение десяти минут Ирландия забила ещё дважды, упрочив своё лидерство до тридцати – ноль, чем вызвала шквал оглушительного рёва и аплодисментов со стороны украшенных зелёным болельщиков.

Игра пошла ещё быстрее, но стала жёстче. Волков и Волчанов, болгарские загонщики, лупили по блаждерам со всей свирепостью, целя в ирландских гончих, и старались помешать им применить их коронные приёмы; два раза болгары были отброшены, но вот наконец Иванова сумела прорвать оборону противника, обыграла вратаря Райана и забила первый болгарский гол.

– Заткните уши пальцами! – рявкнул мистер Уизли, когда вилы вновь затанцевали, отмечая такую радость.

Гарри ещё вдобавок закрыл глаза – он хотел сохранить ясное сознание для игры. Спустя несколько секунд он отважился взглянуть на поле – вилы уже остановились и Болгария вновь владела квоффлом.

– Димитров! Левски! Димитров! Иванова! Вот это да! – кричал Бэгмэн.

Сто тысяч колдунов и колдуний затаили дыхание, когда двое искателей – Крам и Линч – спикировали прямо через кучу гончих на такой скорости, что, казалось, они просто прыгнули с самолёта без парашютов. Гарри следил за их полётом в омнинокль, пытаясь разглядеть, где же снитч...

– Они разобьются! – ахнула Гермиона.

Она оказалась почти права – в самую последнюю секунду Виктор Крам вышел из пике и отвернул прочь, однако Линч ударился о землю с глухим стуком, слышимым по всему стадиону. С ирландских трибун раздался чудовищный стон.

– Вот дурачок! – покачал головой мистер Уизли. – Это же был обманный ход Крама!

– Тайм-аут! – объявил Бэгмэн. – Подождём, пока прибывшие на поле медики обследуют Эйдана Линча!

– С ним всё будет в порядке, он только слегка зацепил землю! – Чарли успокаивал Джинни, которая испуганно высунулась за барьер ложи. – Чего Крам, собственно, и добивался...

Гарри поспешно нажал кнопки «повтора» и «синхронного комментария» на омнинокле и припал к окулярам. Крам и Линч уже замедленно вновь пикировали на поле. Поверх изображения вспыхнул комментарий: «*Финт Вронского – опасное отвлечение искателя*». Перед ним было лицо Крама, искажённое от напряжения, когда он точно в нужный миг вышел из падения, в то время как Линч врезался в покрытие. Гарри понял – Крам вовсе и не гнался за снитчем, он просто хотел заставить Линча последовать за собой. Гарри в жизни не видел, чтобы кто-нибудь так летал – можно было подумать, что Краму совсем и не нужна метла. В воздухе он двигался с такой лёгкостью, будто не нуждался ни в какой поддержке и ничего не весил. Гарри перевёл омнинокль в стандартный режим и направил его на Крама. Тот кружил высоко над Линчем, которого приводили в чувство медики со склянками зелий. Гарри

сфокусировал картинку на лице Крама – его тёмные глаза быстро обегали землю вниз, в сотне футов под ним. Пока Линч приходил в себя, Крам, пользуясь случаем, без помех отыскивал снитч.

Наконец Линч поднялся на ноги, к буйной радости бурлящих зелёным трибун, уселся на свой «Всполох» и оторвался от земли. Его воскрешение, похоже, вселило в ирландцев второе дыхание. Как только Мустафа дал свисток о продолжении игры, ирландские гончие бросились в бой, демонстрируя немыслимые чудеса мастерства.

Пятнадцать минут пролетели в жарких схватках, и Ирландия вырвалась вперёд ещё на десять голов – теперь они вели со счётом сто тридцать – десять, и игра стала откровенно грязной.

Когда Маллет в очередной раз помчалась к голевым шестам, крепко прижимая к себе квоффл, болгарский вратарь Зодров рванулся ей навстречу. Всё произошло настолько быстро, что Гарри не успел ничего уловить, но дружный вопль гнева ирландских болельщиков и долгий, пронзительный свисток Мустафы возвестили о нарушении правил.

– Мустафа разбирается с болгарским вратарём относительно нанесения удара – запрещённый толчок локтем! – сообщил Бэгмэн распалённым зрителям. – Так... Да, Ирландия пробьёт пенальти!

Лепреконы, в злости поднявшиеся в воздух, словно рой сверкающих ос, когда Маллет была неправильно атакована, теперь, слетевшись вместе, образовали слова: «ХА-ХА-ХА». На другой стороне поля прелестницы вилы разом вскочили на ноги, яростно распушили волосы и вновь с жаром заплясали.

Все Уизли и Гарри, как один, заткнули уши пальцами, но Гермиона, которую всё это не задевало, вскоре подёрнула Гарри за руку. Он повернулся к ней, и она нетерпеливо вытащила его пальцы из ушей, покатываясь со смеху:

– Посмотри на судьбу!

Гарри посмотрел вниз, на поле. Хасан Мустафа приземлился прямо перед танцующими вилами и вытворял действительно что-то очень странное – картинно напрягал мышцы и заливчато подкручивал усы.

– Так, это уже чересчур! – заявил Бэгмэн, хотя в его голосе звучало изрядное веселье. – Кто-нибудь, потряхните судьбу!

Врач-колдун, заткнув пальцами уши, стремглав промчался через поле и с силой пнул Мустафу в голень. Судья как будто пришёл в себя – в омнинокль Гарри видел, что он выглядит до крайней степени смущённым и что-то кричит на девушек, которые прервали танец и всем своим видом выражают негодование.

– Если я не ошибаюсь, Мустафа хочет удалить с поля болгарскую группу поддержки! – раздался голос Бэгмэна. – А вот *такого* мы ещё не видели... о, это может обернуться плохо...

Так и вышло: болгары Волков и Волчанов, приземлились по обе стороны от Мустафы и начали с ним яростно спорить, с выразительной жестикуляцией показывая на лепреконов, которые с ликованием сложились в слова: «ХИ-ХИ-ХИ!». Мустафу, однако, не убедили доводы болгар; он тыкал пальцем вверх, в небо, явно требуя, чтобы они занялись своим делом, а когда те отказались, дважды коротко свистнул.

– *Два* штрафных удара! – выкрикнул Бэгмэн, и болгарские болельщики взвыли от злости. – А Волкову и Волчанову лучше бы вернуться на метлы... да... что они и делают... и Трой завладевает квоффлом...

Игра достигла невиданного уровня жёсткости. Загонщики обеих сторон вели себя безжалостно, в особенности Волков с Волчановым, которым, кажется, было безразлично, по чему лупят их клюшки, по бладжерам или по игрокам. Димитров ринулся к Моран, державшей квоффл, и чуть не сшиб её с метлы.

– *Нарушение!* – хором взревели ирландские болельщики, поднявшись дружной зелёной волной.

– *Нарушение!* – эхом отозвался магически усиленный голос Людо Бэгмэна. – Димитров задевает Моран – намеренное столкновение – видимо, судья назначит ещё один штрафной – да, вот свисток!

Лепреконы опять взмыли ввысь и, на сей раз, изобразили руку, показывавшую вилам в высшей степени неприличный жест. Вилы вышли из себя. Они заняли боевую позицию на краю поля и стали швыряться в лепреконов пригоршнями огня. В омнинокль Гарри было видно, что сейчас они совсем некрасивые. Наоборот, их лица вытянулись, головы стали головами ужасных птиц со страшными клювами, за плечами выросли длинные, чешуйчатые крылья...

– Вот *потому*, мальчики, – прокричал мистер Уизли, стараясь перекрыть гвалт, – никогда нельзя обращать внимание на одну только внешность!

Поле наводнили представители Министерства. Они пытались разнять вил и лепреконов, но без особого успеха; а тем временем в воздухе разыгрывалась не менее напряжённая драма. Гарри вертел омнинокль туда-сюда, не успевая следить за квоффлом, со скоростью пули переходившим из одних рук в другие...

– Левски – Димитров – Моран – Трой – Маллет – Иванова – снова Моран – **МОРАН ЗАБИВАЕТ ГОЛ!!!**

Но радостные крики болельщиков были едва различимы из-за воплей вил, залпов из волшебных палочек представителей Министерства и гневного рёва болгар. Игра немедленно возобновилась; квоффл был у Левски, перешёл к Димитрову...

Защитник ирландцев, Куигли, широко размахнулся, изо всех сил ударил по пролетающему бладжеру и послал его в Крама. Тот увернулся, но слишком поздно, мяч попал ему в лицо.

Стадион оглушительно застонал; Краму явно сломали нос, он был весь в крови, но свисток не прозвучал. Хасан Мустафа отвлёкся, и Гарри не мог его за это винить: одна из вил швырнула в него горсть огня и подожгла метлу судьи.

Гарри волновался, почему никто не обращает внимания на то, что Крам ранен; пусть он болеет за Ирландию, но из всех игроков на этом поле Крам всё-таки самый потрясающий. Рон явно чувствовал то же самое.

– Тайм-аут! Ах, да посмотрите, не может же он так играть...

– *Смотри на Линча!* – заорал Гарри.

Искатель ирландцев внезапно ушёл в крутое пике, и Гарри был уверен, что это не финт Вронского, это было настоящее...

– Он заметил снитч! – крикнул Гарри. – Он его заметил! Смотри, как он летит!

Не менее половины зрителей сообразили, что происходит; ирландские болельщики встали зелёной стеной, подбадривая своего искателя, но Крам уже завис у него на хвосте. Как он разбирал, куда лететь, Гарри не представлял, мельчайшие капли крови шлейфом отмечали в воздухе его след, он поравнялся с Линчем, и вот уже оба вновь несутся к земле.

– Они разобьются! – взвизгнула Гермиона.

– Нет! – прокричал Рон.

– Линч может! – воскликнул Гарри.

Он был прав: во второй раз Линч грохнулся о землю со страшной силой и тут же исчез под ордой разбушевавшихся вил.

– Снитч, где снитч? – на всю ложу заорал Чарли.

– Он поймал его! Крам его поймал! Всё кончено! – воскликнул Гарри.

Крам, в красной, пропитанной кровью мантии, неторопливо поднялся в воздух – в его высоко поднятой руке искрилось золото.

На табло зажёгся счёт:

«БОЛГАРИЯ - СТО ШЕСТЬДЕСЯТ, ИРЛАНДИЯ - СТО СЕМЬДЕСЯТ».

До зрителей не сразу дошла суть произошедшего. Но затем постепенно, будто неимоверной величины нарастающий поток, гул на трибунах ирландских болельщиков становился всё громче, громче и взорвался громовым воплем ликования.

– ИРЛАНДИЯ ПОБЕДИЛА! – надрывался Бэгмэн, который, как и ирландцы, был захвачен врасплох неожиданным окончанием матча. – КРАМ ЛОВИТ СНИТЧ, НО ПОБЕЖДАЕТ ИРЛАНДИЯ! Бог ты мой, кто мог такое ожидать!

– На кой ему понадобилось ловить снитч? – кричал Рон, прыгая и хлопая в ладоши над головой. – Остановить матч, когда ирландцы были на сто шестьдесят очков впереди, вот идиот!

– Он знал, что им никогда не догнать Ирландию, – ответил Гарри сквозь шум, тоже аплодируя изо всех сил. – Ирландские гончие слишком хороши... он хотел закончить матч на своих условиях, вот и всё...

– Он очень мужественно себя вёл, верно? – сказала Гермиона, склоняясь через барьер, чтобы лучше видеть, как садится Крам. Целая толпа врачей пробивалась к нему через свалку дерущихся вил и лепреконов. – Он ужасно выглядит...

Гарри снова приставил омниокль к глазам. Было очень трудно рассмотреть, что происходит внизу, поскольку над всем полем в безумной радости носились лепреконы, но ему удалось различить Крама, окружённого медиками. Он выглядел ещё более хмурым, чем когда-либо, и неохотно позволял врачам заниматься собой. Вся команда собралась тут же явно в подавленном настроении, они невесело пожимали друг другу руки. А неподалёку ирландские игроки плясали от радости, осыпаемые золотом слетевшихся к ним бородатых талисманов; по всему стадиону развевались флаги, отовсюду гремел ирландский гимн. Вилы опять

вернулись к своему прежнему очаровательному облику, но вид у них был удручённый и печальный.

– Что ж, они храбро сражались, – слышался мрачный голос позади Гарри. Он оглянулся – это был болгарский министр магии.

– Вы говорите по-английски! – возмущённо воскликнул Фадж. – И вы весь день смотрели, как я объясняюсь жестами!

– Ну, это билё очень забавно, – пожал плечами болгарин.

– Ирландская сборная выполняет круг почёта в сопровождении своих талисманов, а Кубок мира по квиддичу вносят в верхнюю ложу! – объявил Бэгмэн.

В глаза Гарри ударил слепящий магический свет, заливший ложу так, чтобы со всех трибун было видно, что происходит внутри. Прищурившись, он увидел двух запыхавшихся колдунов – они внесли увесистую золотую чашу, которую и передали Корнелиусу Фаджу, всё ещё рассерженному из-за того, что весь день понапрасну растрачивал свои способности на язык жестов.

– Давайте громко поаплодируем доблестным проигравшим – сборной Болгарии! – громогласно предложил Бэгмэн.

И вот в верхнюю ложу по лестнице поднялись семеро потерпевших поражение болгарских игроков. На трибунах прокатилась волна благодарных рукоплесканий; Гарри видел блеск и мерцание тысяч и тысяч объективов омниноклей, направленных на спортсменов. Болгары один за другим проходили между рядами кресел, Бэгмэн называл имя каждого, и сначала им пожимал руку их министр, а затем – Фадж. Крам, шедший последним, выглядел очень неважно: вокруг глаз залегли чёрные тени, на лице запеклась кровь; он всё ещё сжимал снитч. Гарри обратил внимание, что на земле он чувствует себя гораздо неуверенней. У Крама было плоскостопие, и он заметно сутулился. Но стоило прозвучать его имени, как весь стадион разразился громоподобным, разрывающим уши рёвом.

Потом появилась ирландская команда. Эйдана Линча вели под руки Моран и Конолли; второе падение явно не прошло для него бесследно, парень основательно окосел, но всё равно улыбался от счастья, когда Трой и Кунгли высоко подняли Кубок, а трибуны под ними бушевали от восторга. У Гарри от хлопанья онемели руки. И наконец, когда ирландская сборная покинула ложу, чтобы сделать ещё один круг почёта на своих мётлах (Эйдан Линч сидел позади Конолли, крепко обхватив его за талию и по-прежнему ошалело улыбаясь), Бэгмэн направил волшебную палочку на собственное горло и произнёс:

– *Quietus!* Они будут обсуждать это годами, – прохрипел он. – Вот уж действительно неожиданный поворот... Жаль, что так быстро закончилось... Ах да... я же вам должен... сколько там?

Фред и Джордж перелезли через кресла и уже стояли перед Людо Бэгмэном с радостными улыбками и протянутыми руками.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ТЁМНАЯ МЕТКА

– *Не* рассказывайте маме о том, что вы делали ставки, – попросил мистер Уизли Фреда и Джорджа, когда они спускались по пурпурно-ковровым ступенькам.

– Не беспокойся, пап, – лучезарно улыбаясь, заверил его Фред. – У нас большие планы насчёт этих денег, и мы не хотим, чтобы у нас их отобрали.

Казалось, в какую-то секунду мистер Уизли уже собирался спросить, что же это за большие планы, но затем, похоже, решил, что лучше этого не знать.

Они скоро присоединились к толпам, которые теперь выходили со стадиона и отправлялись к своим палаткам. Фонари освещали путь, в ночном воздухе разносилось нестройное пение, а над их головами проносились лепреконы, гогоча и размахивая лампами. Когда вся компания в конце концов добралась до палаток, спать никому не хотелось и, оценив разгул веселья вокруг, мистер Уизли согласился, что можно выпить по последней чашке какао перед отбоем. Все с упоением заспорили о матче. Мистер Уизли полемизировал с Чарли о способах нанесения ударов; и продолжалось это до тех пор, пока Джинни не уснула прямо за переносным столиком, разлив какао по полу. Тут уж мистер Уизли велел всем заканчивать словесные баталии и ложиться спать. Гермiona и Джинни ушли в свою палатку, а Гарри и остальные Уизли облачились в пижамы и забрались в свои походные кровати. Из каждого уголка лагеря слышались удалые песни и подозрительные гулкие удары.

– Ох, как же я рад, что не на дежурстве! – сонно пробормотал мистер Уизли. – Представить не могу, каково это – ходить и уговаривать ирландцев, чтобы они заканчивали праздновать...

Гарри, занимавший верхний ярус над Роном, лежал, глядя в брезентовый потолок, наблюдая за огоньками ламп время от времени пролетающих в вышине лепреконов и вновь воскрешая в памяти наиболее впечатляющие приёмы Крама. Гарри не терпелось сесть на собственный «Всполох» и попробовать финт Вронского... Почему-то Оливер Вуд ни на одной из своих ползающих схем никогда не изображал, как этот финт должен выглядеть... Он уже видел себя в мантии с именем на спине, слышал восторженный рёв стотысячной толпы, когда голос Людо Бэгмэна прокатится по стадиону: «И вот на поле... *Pommes!*»

Гарри так и не понял, задремал он или нет – фантазии о том, что он летает, как Крам, незаметно перешли в настоящие сны. Вдруг до него дошло, что он слышит крик мистера Уизли:

– Поднимайтесь! Рон, Гарри, вставайте немедленно!

Гарри поспешно сел, задев головой брезент.

– Чё случилось?

Впрочем, к нему самому уже пришло смутное чувство, будто что-то не так. Звуки в лагере изменились – пения больше не было слышно, доносились тревожные крики и шум беготни.

Гарри спрыгнул со своей койки и кинулся было к одежде, но мистер Уизли, уже натянувший джинсы прямо поверх пижамы, сказал:

– Некогда, Гарри, бери куртку и бегом наружу – быстро!

Гарри поступил, как ему было сказано, и выскочил из палатки, Рон – по пятам за ним.

В свете немногих ещё горевших костров они увидели людей, убегающих в лес от чего-то, что двигалось к ним через поле, выпуская странные огни и гремя чем-то наподобие выстрелов. До друзей донеслись громкий издевательский смех и хмельные выкрики, затем последовала мощная вспышка зелёного света, осветившая всю сцену.

Плотная толпа колдунов с поднятыми волшебными палочками медленно двигалась по полю. Гарри присмотрелся – ему показалось, что у них не было лиц, но тут он разобрал, что их головы были скрыты капюшонами, а лица – масками. В воздухе высоко над ними бились четыре фигуры, корчившиеся в невероятных положениях. Можно было подумать, что колдуны в масках были кукловодами, а люди над ними – марионетками, управляемыми невидимыми нитями, которые поднимались в небо из волшебных палочек. Две из этих фигур были очень малы.

Новые колдуны, присоединяющиеся к марширующей группе, хохотали, указывая на извивающиеся в небе тела. Палатки сминались и падали под наступающими шеренгами. Раз или два Гарри видел, как кто-то из марширующих сносил волшебной палочкой тенты у себя на пути; некоторые загорались, и крики усиливались.

Одна из горящих палаток неожиданно осветила людей наверху, и Гарри узнал одного – мистера Робертса, управляющего лагерем. Остальные трое, судя по всему, были его жена и дети. Один из шедших в строю своей волшебной палочкой перевернул миссис Робертс вверх ногами; её ночная рубашка слетела вниз, открыв взорам необъятные панталоны, она силилась прикрыться, как могла, а толпа внизу вопила и улюлюкала.

– Это паскудство, – пробормотал Рон, глядя, как малыша-маггла закрутило волчком в футах шестидесяти над землёй, его голова безжизненно болталась из стороны в сторону. – Это настоящее паскудство...

Выбежали Гермиона и Джинни, набрасывая куртки поверх пижам, и за ними мистер Уизли. В ту же минуту из палатки мальчишек появились Билл, Чарли и Пёрси, полностью одетые, с закатанными рукавами и волшебными палочками наготове.

– Мы поможем Министерству! – закричал, перекрывая гвалт, мистер Уизли, тоже закатывая рукава. – Вы все – давайте в лес и *держитесь вместе*. Я приду за вами, как только мы с этим разберёмся.

Билл, Чарли и Пёрси уже бежали к наступающей колонне, мистер Уизли бросился следом. Со всех сторон к источнику неприятностей мчались сотрудники Министерства. Бесчинствующая толпа подступила совсем близко.

– Давайте! – Фред схватил Джинни за руку, и они побежали в лес.

Гарри, Рон, Гермиона и Джордж кинулись вслед за ними. Добежав до деревьев, они оглянулись. Толпа стала ещё больше; было видно, как министерские колдуны пытаются пробиться к центру, к людям в капюшонах, но им приходилось туго; похоже, они опасались пустить в ход заклинания – семья Робертсов могла упасть.

Разноцветные фонарики, освещавшие путь к стадиону, погасли; тёмные силуэты потерянно бродили между деревьями, дети плакали, тревожные восклицания и панические голоса эхом отдавались в холодном ночном воздухе. Гарри чувствовал, как его толкают со всех сторон люди, чьих лиц он даже не мог различить. Тут он услышал, как Рон охнул от боли.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила Гермиона, останавливаясь так резко, что Гарри налетел на неё. – Рон, где ты там? Ой, глупо это. *Lumos!*

Она зажгла волшебную палочку и направила узкий луч света через дорогу – Рон лежал, растянувшись на земле.

– Споткнулся о корень, – сердито пробурчал он, вновь поднимаясь на ноги.

– Ну, с ногами такого размера это немудрено, – произнёс голос сзади, манерно растягивая слова.

Гарри, Рон и Гермиона круто обернулись. В двух шагах от них, прислонясь к дереву, с абсолютно безмятежным видом стоял Дрэйко Малфой. Скрестив руки на груди, он наблюдал за событиями в лагере сквозь прогалину в деревьях.

Рон от души и в простых словах дал Малфоем совет, на который никогда бы не осмелился в присутствии мистера Уизли.

– Выбирай выражения, Уизли. – Светло-голубые глаза Малфоя сверкнули. – Не лучше ли вам убраться отсюда? Тебе не понравится, если заметят её, верно?

Он кивнул на Гермиону, и в тот же момент со стороны поля послышался грохот, словно взорвалась бомба, и вспышка зелёного света на мгновение озарила деревья вокруг.

– И что это должно значить? – с вызовом спросила Гермиона.

– Грэйнджер, они ищут *магглов*, – ответил Малфой. – Не хочешь похвалиться своими панталонами? Если не против, составь компанию вон тем, они как раз движутся сюда, а мы все дружно повеселимся.

– Гермиона – ведьма, – огрызнулся Гарри.

– Думай себе что хочешь, Поттер, – злобно улыбнулся Малфой. – Если полагаешь, что они не отличат грязнокровок, оставайся стоять, где стоишь.

– Придержи язык! – рявкнул Рон.

Все присутствующие знали, что «грязнокровки» – крайне оскорбительное название ведьмы или колдуна маггловского происхождения.

– Не обращай внимания, Рон, – спешно сказала Гермиона, хватая Рона за руку – тот уже шагнул к Малфоем.

Тут с другого края леса раздался грохот, какого они ещё не слышали; некоторые вокруг вскрикнули. Малфой подавил смешок.

– Легко пугаются, верно? – лениво протянул он. – Полагаю, твой папочка велел вам всем спрятаться? Кстати, он что – кинулся спасать магглов?

– А где *твои* родители? – воскликнул Гарри с нарастающим гневом. – Там, в масках, я не ошибаюсь?

Малфой повернулся к Гарри, по-прежнему улыбаясь.

– Ну... если бы они там и были, вряд ли бы я тебе сказал, согласись, Поттер.

– Ох, да бросьте, – проговорила Гермиона, с отвращением взглянув на Малфоя. – Пойдёмте отыщем остальных.

– Не высовывай свою лохматую голову, Грэйнджер, – ухмыльнулся Малфой.

– Пойдём, – повторила Гермиона и потащила Рона и Гарри к дороге.

– Готов поспорить на что угодно, его отец – один из той банды в масках! – с гневом заявил Рон.

– Ну, в любом случае люди из Министерства его схватят! – с неподдельным чувством заметила Гермиона. – Вот только не пойму, куда делись все остальные?

Фреда, Джорджа и Джинни нигде не было видно, хотя на дороге было полным-полно людей – все нервно оглядывались на охваченный смятением лагерь.

Неподалёку на дороге громко спорила кучка подростков в пижамах. Завидев Гарри, Рона и Гермиону, к ним обратилась девушка с пышными, вьющимися волосами, быстро заговорив:

– *Où est Madame Maxime? Nous l'avons perdue...*

– Э-э-э... что? – растерялся Рон.

– О! – Девушка повернулась к нему спиной, и, уже отойдя, друзья отчётливо расслышали, как она произнесла: – Огвартс...

– Бобатон, – прошептала Гермиона.

– Что-что? – переспросил Гарри.

– Они, должно быть, из Бобатона, – пояснила Гермиона. – Знаете... академия магии «Бобатон»... Я читала о ней в «Обзоре магического образования в Европе».

– А... да... понятно.

– Фред и Джордж не могли уйти так далеко, – сказал Рон, зажигая вслед за Гермионой волшебную палочку и осматриваясь.

Гарри полез в карман куртки за своей палочкой и нашёл там только омнинокль.

– Ох, нет, не верю... Я потерял свою палочку!

– Ты шутишь?!

Рон и Гермиона подняли свои палочки повыше, чтобы осветить как можно больше земли под ногами, но палочки нигде не было видно. Рон покачал головой:

– Может, она осталась в палатке?

– Возможно, она выпала у тебя из кармана, когда мы бежали? – обеспокоенно предположила Гермиона.

– Да... – пробормотал Гарри. – Возможно...

Он никогда не расставался с волшебной палочкой за всё время пребывания в магическом мире и теперь, оказавшись без неё в самой гуще зловещих событий, чувствовал себя уязвимым.

Вдруг рядом раздался шорох, который заставил всех троих подскочить на месте. Это была Винки, домашний эльф, она с треском продиралась сквозь кусты недалеко. Двигалась она в какой-то своеобразной манере – с явным затруднением, словно нечто невидимое не пускало её.

– Там плохие колдуны! – в смятении пищала она, наклоняясь вперёд в усилиях не снижать темпа. – Люди высоко-высоко в воздухе! Винки уносит ноги прочь!

И она скрылась за деревьями на той стороне дороги, пища и пыхтя в борьбе с удерживающей её неведомой силой.

– Что с ней? – Рон с любопытством посмотрел вслед. – Почему она не может бежать нормально?

– Держу пари, она не спросила разрешения спрятаться, – сказал Гарри. Он подумал о Добби – тот, стоило ему совершить что-то, что хоть чуточку не понравилось бы Малфоям, был вынужден наказывать себя отчаянным самобичеванием.

– Знаете, с домашними эльфами *очень* жестоко обращаются! – возмущённо произнесла Гермиона. – Это рабство, вот что это такое! Смотрите – мистер Крауч погнал её на верх стадиона, чего она до смерти боялась, теперь он наложил заклятие, и она даже убежать не могла, когда те начали топтать палатки! Почему никто ничего с этим не *делает*?

– Ну, так ведь домашние эльфы счастливы, – пожал плечами Рон. – Ты же слышала, что ответила старушка Винки на матче: «Домашним эльфам не положено веселиться» – значит, ей нравится, чтобы ею всё время командовали.

Гермиона сразу начала кипеть.

– Вот такие люди, как *ты*, Рон, и поддерживают несправедливые, прогнившие порядки просто потому, что им лень что-то...

С опушки леса докатился грохот ещё одного взрыва.

– Давайте-ка не останавливаться, – с тревогой перебил её Рон.

Возможно, Малфой говорил правду, возможно, Гермиона действительно была в большей опасности, чем они. Друзья вновь западали вперёд, Гарри машинально всё ещё шарил в карманах, хотя и понимал, что палочки там нет. Тёмная дорога уводила их всё дальше в лес, и они по-прежнему высматривали Фреда, Джорджа и Джинни. Невдалеке компания гоблинов кудахтала над мешком золота, без сомнения, выигранного в тотализатор на матче, – вот кого совершенно не трогали безобразия, творящиеся в лагере. Ещё дальше, войдя в пятно серебряного света, они увидели трёх высоких вил, во всём великолепии стоявших на прогалине в окружении юных колдунов, каждый из которых очень громко говорил.

– Я заработал около ста мешков галлеонов за год, – разглагольствовал один из них. – Я ведь драконоборец и работаю на комитет по Обезвреживанию опасных существ.

– Да никакой ты не драконоборец! – кричал его приятель. – Ты посудомойщик в «Дырявом котле»... А вот я – охотник на вампиров, я их уже штук девяносто уложил...

Третий юнец, чьи прыщи были видны даже в тусклом серебристом свете, который излучали вилы, тоже поторопился вступить в беседу:

– Я уже почти стал самым молодым из всех министров магии, какие только были...

Гарри фыркнул от смеха – он узнал этого прыщавого колдуна, его звали Стэн Шанпайк, и на самом деле он работал кондуктором в трёхъярусном автобусе «Ночной рыцарь».

Гарри уже собрался сказать об этом Рону, но тот, сделав диковато-слабоумное лицо, крикнул собравшимся:

– А я рассказывал, что изобрёл метлу, которая летает до Юпитера?

– Ну *что это!* – опять возмутилась Гермиона, и они вместе с Гарри развернули Рона и увели прочь.

Звуки разговора вил и их поклонников замолкли вдалеке, друзья уже находились в самом сердце леса. Казалось, они здесь одни, вокруг всё затихло. Гарри огляделся.

– Думаю, нам стоит подождать здесь – любого, кто подойдёт, мы услышим за милую.

Не успели эти слова слететь с его уст, как прямо перед ними из-за дерева появился Людо Бэгмэн.

Даже в слабом свете двух волшебных палочек Гарри разглядел разительные перемены в его облике. Он больше не был жизнерадостным и розоволицым, и в его походке не было бодрой упругости – Людо выглядел очень бледным и утомлённым.

– Кто это? – заговорил он, шурясь и стараясь рассмотреть их лица. – Что вы здесь делаете одни?

Друзья удивлённо переглянулись.

– Ну... там что-то вроде мятежа... – сказал Рон.

– Что? – уставился на него Бэгмэн.

– Там, в лагере... какие-то люди захватили семью магглов...

– А, чтоб их! – потрясённо выругался Бэгмэн и, не сказав больше ни слова, дезапшарировал с негромким хлопком.

– Что-то мистер Бэгмэн совсем никакой, как по-вашему? – нахмурилась Гермиона.

– Так или иначе, Людо был великим загонщиком, – ответил Рон. Сойдя с дороги на маленькую прогалину, он уселся на пятачок сухой травы возле дерева. – «Уимбурнские Осы» были чемпионами Лиги три раза подряд, пока он там играл.

Рон достал из кармана крошечную фигурку Крама, поставил её на землю и стал смотреть, как та ходит взад-вперёд. Подобно живому оригиналу, копия была слегка плоскостопа, сутулилась и на земле смотрелась куда менее впечатляюще, чем на метле в воздухе. Гарри прислушался к звукам, доносившимся из лагеря, – пока всё было тихо; возможно, погром закончился.

– Надеюсь, с остальными всё в порядке, – помолчав, произнесла Гермиона.

– С ними всё отлично, – отозвался Рон.

– Представь, если твой отец поймает Люциуса Малфоя. – Гарри присел рядом с Роном, глядя, как миниатюрный Крам тяжёлой поступью расхаживает по палой листве. – Он всегда говорил, что ему хочется получить доказательства против него.

– Да уж, вот что стёрло бы ухмылку с рожи старины Дрэйко, – кивнул Рон.

– А эти несчастные магглы? – взволнованно сказала Гермиона. – Что, если не удастся спустить их вниз?

– Справятся, – успокоил её Рон. – Найдут способ.

– Это же сумасшествие – устраивать такое, когда этой ночью здесь всё Министерство магии! – кипятилась Гермиона. – Я хочу сказать, как они рассчитывали скрыться? Или перепились, или они просто...

Она неожиданно оборвала фразу и посмотрела через плечо. Гарри и Рон тоже поспешно оглянулись. Судя по звукам, кто-то неуверенно брёл к их поляне, за тёмными деревьями слышался шорох нетвёрдых шагов. Потом шаги замерли.

— Эй! — позвал Гарри.

Тишина. Гарри встал на ноги и вгляделся в чёрную стену спутанных ветвей. Было слишком темно, чтобы различить что-то на таком расстоянии, но он чувствовал, что там, в глубине, куда не доставал его взгляд, кто-то есть.

— Кто там? — спросил он.

И тут, без всякого предупреждения, тишину разорвал голос, которого они ещё не слышали в лесу, и издал он отнюдь не панический вопль, а выкрикнул нечто похожее на заклинание:

— *MORSMORDRE!*

Что-то громадное, зелёное, сверкающее вырвалось из того мрака, в которое Гарри пытался проникнуть взглядом, оно пронеслось над верхушками деревьев и взлетело в небо.

— Что за... — охнул Рон, вскакивая на ноги и уставясь на появившуюся диковину.

На какую-то долю секунды Гарри подумалось, что это ещё одна композиция, выстроенная лепреконами, но тут он разобрал, что она изображала колоссальных размеров череп, образованный чем-то наподобие изумрудных звёзд, со змеёй, высунувшейся из рта, словно язык. Пока друзья смотрели, сияющий оскал поднимался всё выше и выше, пылая в облаке зеленоватой дымки и выделяясь на чёрном небе, будто новое созвездие.

Лес вокруг взорвался криками. Гарри не понимал, в чём причина — неужели из-за черепа? Тот взлетел уже настолько высоко, что мог бы осветить весь лес, словно жуткая неоновая вывеска. Гарри поискал глазами того, кто своим колдовством создал этот череп, но никого не увидел.

— Кто там? — позвал он снова.

— Гарри, давай, *пошли!* — Гермиона ухватила его за куртку и потащила назад.

— В чём дело? — встревожился Гарри, увидев её бледное, испуганное лицо.

— Это Тёмная Метка, Гарри! — Гермиона волочила его за собой, насколько хватало сил. — Знак Сам-Знаешь-Кого!

— *Волдеморта...*?

— Гарри, давай!

Гарри повернулся, Рон поспешно прибрал своего малютку-Крама, и все трое побежали через поляну. Но, прежде чем они успели сделать несколько торопливых шагов, послышалась целая серия хлопков, и человек двадцать колдунов, возникнув прямо из воздуха, окружили их.

Мгновенно обернувшись вокруг, Гарри был вынужден признать неприятный факт: каждый из этих колдунов уже держал в руках палочку, и все эти палочки были направлены на него, Рона и Гермиону. Не теряя времени, он заорал: «ЛОЖИСЬ!», бросился на друзей и повалил их на землю.

— *STUPEFY!!!* — проревели двадцать голосов.

Ударил слепящая канонада вспышек, и Гарри почувствовал, что волосы у него на голове зашевелились, словно от порыва сильного ветра. Приподняв чуть-чуть голову, он увидал над собой перекрещивающиеся огненно-красные трассы — они вылетали из волшебных палочек, ударялись о стволы деревьев и рикошетом уносились во тьму.

— Стоп! — загремел знакомый голос. — СТОП!!! *Это мой сын!*

Зловещий ветер перестал трепать волосы Гарри; он приподнял голову ещё чуть выше. Стоявший перед ним колдун опустил палочку. Гарри повернулся и увидел мистера Уизли, испуганно спешившего к ним.

— Рон... Гарри... — Его голос дрожал. — Гермиона... С вами всё в порядке?

— Отойди с дороги, Артур, — раздался холодный резкий голос.

Это был мистер Крауч. Он подошёл вместе с остальными колдунами из Министерства.

Гарри поднялся ему навстречу. Лицо мистера Крауча окаменело от ярости.

— Кто из вас это сделал? — зарычал он. Его колючий взгляд обежал троих друзей. — Кто из вас наколдовал Тёмную Метку?

— Мы этого не делали! — выпалил Гарри.

— Мы вообще ничего не делали! — гневно добавил Рон, потирая локоть и с негодованием глядя на отца. — Почему вы на нас напали?

— Не лгите, сэр! — каркнул мистер Крауч. Его волшебная палочка по-прежнему смотрела на Рона, а глаза были выпучены — похоже, начальник Отдела сотрудничества был слегка не в себе. — Вас застигли на месте преступления!

— Барти, — шепнула ведьма в длинном шерстяном халате, — это же дети, Барти, они бы никогда такого не...

— Кто из вас троих видел, откуда появилась Тёмная Метка? — перебил её мистер Уизли.

— Вон оттуда, — с дрожью сказала Гермиона, указывая на то место, откуда они слышали голос. — Там кто-то был за деревьями... прокричал какие-то слова... какое-то заклинание...

— Так, значит, вон там он стоял, я правильно понял? — Выпученные глаза мистера Крауча теперь впились в Гермиону, всё его лицо выражало недоверие. — Значит, выкрикнул заклинание? Что-то, мисс, вы подозрительно много знаете о том, как появилась Метка.

Но, похоже, за исключением мистера Крауча, никто из министерских колдунов уже не верил сомнительному предположению, что это Гарри, Рон и Гермиона своим колдовством вызвали череп; напротив, после слов Гермионы они опять подняли волшебные палочки и прицелились в том направлении, которое она указала, вглядываясь в темноту за деревьями.

— Мы опоздали, — покачала головой ведьма в шерстяном халате. — Они уже дезапшаривали.

— Я так не думаю, — возразил колдун с косматой каштановой бородой — это оказался Эймос Дигтори, отец Седрика. — Наши Оглушатели накрыли те деревья — вполне вероятно, что мы их достали.

— Эймос, осторожно! — раздался тревожные голоса, когда мистер Дигтори расправил плечи, поднял палочку, пересёк поляну и скрылся в темноте. Гермиона наблюдала за ним, прижав ладони ко рту.

Спустя несколько секунд из зарослей раздался возглас:

– Есть! Мы их взяли! Один здесь! Без сознания! Это... но... чёрт...

– Ты кого-то поймал? – недоверчиво отозвался мистер Крауч. – Кого? Кто это?

Хруст веток, шорох листьев, звук шагов – и мистер Диггори вновь появился из-за деревьев. В руках он нёс какое-то маленькое обмякшее тело. Гарри тотчас узнал приметное чайное полотенце. Это была Винки.

Мистер Крауч не шелохнулся и не проронил ни слова, когда мистер Диггори положил эльфа у его ног. Несколько мгновений он пребывал в оцепенении, по лицу разлилась страшная бледность, горящий взгляд был устремлён на Винки; затем к нему снова вернулось самообладание.

– Быть не может, – выдохнул он. – Нет...

Крауч обошёл мистера Диггори и быстрым шагом отправился к тому месту, где была найдена Винки.

– Без толку, мистер Крауч, – сказал ему вслед мистер Диггори. – Там больше никого нет.

Но мистер Крауч остался глух к его словам. Он принялся рыскать, шурша листьями, по кустам вокруг злополучной поляны.

– Н-да, щекотливая ситуация, – мрачно заметил мистер Диггори, поглядывая на неподвижную фигуру Винки. – Домовой эльф Барти Крауча... То есть я хочу сказать...

– Прекрати, Эймос, – негромко сказал мистер Уизли. – Не думаешь же ты в самом деле, что это был эльф. Тёмная Метка – дело рук колдуна. Для этого требуется волшебная палочка.

– Ну да, – ответил мистер Диггори, – у неё и *была* палочка.

– *Что?*

– Вот посмотри! – Мистер Диггори вынул и показал мистеру Уизли волшебную палочку. – Была у неё в руке. Так что вот уже для начала нарушение третьего пункта «Закона о применении волшебных палочек»: «Никаким нечеловеческим существам не разрешается ношение или использование волшебной палочки».

Тут последовал ещё один хлопок, и рядом с мистером Уизли аппарировал Людо Бэгмэн. Запыхавшийся и растерянный, он задрал голову, тараща на изумрудно-зелёный череп.

– Тёмная Метка! – просипел он, вопрошающе повернувшись к коллегам, и едва не наступил на Винки. – Кто это сделал? Вы поймали их? Барти! Что происходит?

Мистер Крауч возвратился с пустыми руками. Лицо его всё ещё оставалось мертвенно-белым, а руки и несравненные усы щёткой подёргивались.

– Ты где был, Барти? – спросил Бэгмэн. – Почему тебя не было на матче? Твой эльф занимал тебе место, сожри меня горгулья! – Бэгмэн наконец заметил Винки, лежавшую у его ног. – А с ней-то что?

– Я был занят, Людо, – мистер Крауч отвечал сквозь судорогу, едва шевеля губами, – а мой эльф Оглушён.

– Оглушён? Вами, вы имеете в виду? Но зачем?..

И тут на круглом блестящем лице Бэгмэна проступила догадка – он вновь посмотрел вверх, на череп, потом вниз, на Винки, и затем на мистера Крауча.

– *Нем!* – воскликнул он. – Винки? Наколдовала Тёмную Метку? Да она не знает, как это делается! И для такого дела, как минимум, нужна палочка!

– Была у неё палочка, – проворчал мистер Дигтори. – Я нашёл её с палочкой в руках. Если вы в порядке, мистер Крауч, думаю, нам стоит послушать, что она нам скажет.

Крауч даже бровью не повёл в знак того, что слышал мистера Дигтори, но тот, очевидно, воспринял это молчание как согласие. Взяв свою собственную палочку, он прикоснулся к Винки и произнёс:

– *Rennervate!*

Винки слабо пошевелилась. Открыв громадные карие глаза, она ошеломлённо заморгала, дрожа и оглядывая молчащих колдунов, села, уставившись на сапоги мистера Дигтори, потом медленно и боязливо подняла взгляд к его лицу и ещё медленней посмотрела в небо. Плывущий в вышине череп парно отразился в её остановившихся глазах. Винки тяжело вздохнула и разразилась бурными рыданиями.

– Эльф! – сурово произнёс мистер Дигтори. – Ты знаешь, кто я такой? Я член департамента Регулирования и надзора за магическими существами!

Винки заёрзала по земле, прерывисто дыша. Гарри это сразу напомнило Добби – он точно так же вёл себя, совершив, по его мнению, какую-то провинность.

– Как видишь, эльф, здесь кто-то недавно наколдовал Тёмную Метку, – продолжал мистер Дигтори. – А тебя обнаружили минуту спустя на этом самом месте! Объяснись, будь любезна!

– Я... я... я этого не делать, сэр! – воскликнула Винки. – Я не знаю, как делать, сэр!

– Тебя нашли с палочкой в руках! – рявкнул мистер Дигтори, угрожающе потрясая перед ней обнаруженной уликой. На палочку упал зеленоватый свет, заливавший лес, и Гарри неожиданно узнал её.

– Ой, да это же моя! – охнул он.

Все, кто был на прогалине, повернулись к нему.

– Прошу прощения? – не веря своим ушам, спросил мистер Дигтори.

– Это моя палочка! – объяснил Гарри. – Я где-то выронил её!

– Выронил? – с недоверием переспросил мистер Дигтори. – Это что, признание? Ты её выбросил после того, как наколдовал Метку?

– Эймос, подумай, с кем ты разговариваешь! – сердито одёрнул его мистер Уизли. – Что, по-твоему, *Гарри Поттер* способен наколдовать Тёмную Метку?

– Э-э-э... конечно, нет, – промямлил мистер Дигтори. – Извини... Значит, ты выронил её...

– Да, но не здесь. – Гарри показал большим пальцем в сторону той самой купы деревьев, над которой завис череп. – Я хватился её, как только мы вошли в лес.

– Итак... – Взгляд мистера Дигтори снова ожесточился, едва он обратился к Винки, съёжившейся у его ног. – Ты нашла эту волшебную палочку, эльф? Ты её подобрала и задумала с ней поразвлечься, да?

– Я не делать магии с ней, сэр! – взвизгнула Винки, слёзы в два ручья обтекали её нос картошкой. – Я... моя... я просто подняла её, сэр! Я не делать Тёмная Метка, сэр, я не знаю как!

– Это была не она! – заявила Гермиона. Она волновалась, обращаясь ко всем этим министерским колдунам, но от этого говорила ещё решительней. – У Винки тихий пискавый голос, а тот, что произнёс заклинание, был гораздо сильнее! – Гермиона оглянулась за поддержкой к Гарри и Рону. – Он совсем не походил на голос Винки, ведь так?

– Так, – согласился Гарри. – Это определённо был не голос эльфа.

– Да, это был голос человека, – подтвердил Рон.

– Ладно, сейчас мы это выясним, – проворчал мистер Диггори; было похоже, что друзьям не удалось его убедить. – Очень просто выявить последнее заклинание, произведённое палочкой; эльф, тебе об этом известно?

Винки задрожала и неистово затрясла головой, отчего её уши захлопали, как крылья, а мистер Диггори приставил свою волшебную палочку концом к концу к палочке Гарри.

– *Prior Incantato!* – скомандовал он.

Чудовищный змеязыкий череп вырвался из места соединения палочек; Гермиона с ужасом втянула в себя воздух, однако это была лишь тень той зелёной громадины, что нависала над ними; этот череп был словно соткан из густого серого дыма – не более чем призрак ушедшего заклинания.

– *Deletrius!* – приказал мистер Диггори, и дымный череп растаял, как туманное облако. – Ну вот, – сказал мистер Диггори с ноткой свирепого торжества, глядя на судорожно трясущуюся Винки.

– Я не делать этого! – пропищала она, вращая от страха глазами. – Я – нет, моя – нет, я не знаю как! Я хороший эльф, я не пользуюсь палочкой, я не знаю как!

– *Тебя взяли с поличным, эльф!* – проревел мистер Диггори. – *Поймали с орудием преступления в руках!*

– Эймос, – воззвал к его благоразумию мистер Уизли, – ты вот о чём подумай: лишь считанное число колдунов владеют этим заклинанием... ну где она могла ему выучиться?

– Может быть, Эймос хочет нас убедить, – вдруг заговорил мистер Крауч с холодной злостью в голосе, – что я завёл порядок обучать своих слуг вызывать Тёмную Метку?

Воцарилось очень неприятное молчание. Эймос Диггори, похоже, испугался:

– Мистер Крауч... да нет... вовсе нет...

– Ты готов обвинить тех, кто на этой поляне *менее* всего способен наколдовать Тёмную Метку, – Гарри Поттера и меня. Полагаю, ты знаком с историей этого мальчика?

– Конечно... это все знают... – пролепетал мистер Диггори, чувствуя себя до крайности неловко.

– И я надеюсь, ты помнишь, что за свою долгую карьеру я много раз доказывал, что ненавижу и презираю Тёмные искусства и тех, кто их практикует? – Глаза мистера Крауча снова полезли из орбит.

– Мистер Крауч, я... я никогда и не утверждал, что вы имеете к этому какое-то отношение! – пробормотал Эймос Диггори, пунцово краснея за своей косматой бородой.

– Если ты обвиняешь моего эльфа, ты обвиняешь меня, Диггори! – не унимался мистер Крауч. – У кого ещё домовый эльф мог научиться колдовству?

– Она... она могла... да где угодно она могла этого нахвататься...

– Вот именно, Эймос, – вмешался мистер Уизли. – «Где угодно она могла этого нахвататься»... Винки, – доброжелательно обратился он к эльфу, но та вздрогнула, будто он тоже закричал на неё, – где точно ты нашла палочку Гарри?

Винки так отчаянно крутила край своего чайного полотенца, что казалось, оно сейчас разорвётся под её пальцами.

– Я... я находить... находить её здесь, – прошептала она, – здесь... под деревьями, сэр...

– Видишь, Эймос? Кто бы ни создал Тёмную Метку, он дезаппарировал сразу, как только закончил, а палочку бросил. Разумный ход – своя собственная могла бы его выдать. А Винки имела несчастье подобрать её мгновением позже.

– Но тогда, значит, она находилась в фюте от настоящего преступника! – с нетерпением проговорил мистер Диггори. – Эльф! Ты кого-нибудь видела?

Винки затрясло ещё сильнее, чем прежде. Её огромные глаза перебежали с мистера Диггори на Людо Бэгмэна и дальше – на мистера Крауча. Она слотнула и с трудом вымолвила:

– Я никого не видеть, сэр... никого...

– Эймос, – отрывисто произнёс мистер Крауч, – я прекрасно понимаю, что ты должен установленным порядком забрать Винки к себе в департамент для допроса. Однако я прошу разрешить мне самому ею заняться.

Было ясно, что мистер Диггори не в восторге от подобного предложения, но отказать мистеру Краучу у него не хватало духу – тот был слишком видной персоной в Министерстве.

– Можешь быть совершенно спокоен, что она будет наказана, – холодно добавил мистер Крауч.

– Х-х-хозяин, – запинаясь, пролепетала Винки, глядя на мистера Крауча снизу вверх, её глаза до краёв были наполнены слезами, – х-х-хозяин, пожалуйста...

Но лицо мистера Крауча каждой своей чёрточкой выражало непреклонную суровость, во взгляде не было ни капли сострадания.

– Сегодня вечером Винки повела себя так, как я считаю недопустимым, – медленно произнёс он. – Я велел ей оставаться в палатке, пока буду разбираться с неприятностями. Винки послушалась меня. Это значит, что *она получит одежду*.

– Нет! – истошно взывала Винки, падая ниц. – Нет, хозяин! Не надо одежда, не надо одежда!

Гарри знал, что единственный способ освободить домового эльфа от его обязанностей – это подарить ему что-нибудь из настоящей одежды. Было жалко смотреть, как Винки вцепилась в своё полотенце, рыдая у ног мистера Крауча.

– Но она испугалась! – не выдержав, вспыхнула Гермиона. – Ваш эльф был напуган высотой на стадионе и теми колдунами в масках, которые подняли людей в воздух! Вы не можете винить её за то, что она хотела убежать от них!

Мистер Крауч отступил от Винки, как будто боялся испачкать об неё свои сверкающие ботинки.

– Мне не нужен домовый эльф, не исполняющий моих распоряжений, – процедил он ледяным тоном, глядя на Гермину. – Я не нуждаюсь в слуге, который забывает о своём долге и не дорожит репутацией хозяина.

Винки рыдала с такой силой, что эти звуки эхом отдавались по всей поляне.

Наступило тягостное молчание. Нарушил его мистер Уизли, тихо сказавший:

– Ну, я, пожалуй, заберу свою команду и пойду обратно в лагерь, если никто не возражает. Эймс, эта палочка рассказала нам, что могла. Если можно вернуть её Гарри, то, пожалуйста...

Мистер Диггори протянул палочку Гарри, и тот убрал её в карман.

– Пойдёмте, – кивнул им мистер Уизли. Гермину, однако, всё не могла тронуться с места – её взгляд был прикован к плачущему эльфу.

– Гермину! – уже настойчивее позвал мистер Уизли. Гермину повернулась и пошла с прогалины вслед за Роном и Гарри.

– Что будет с Винки? – спросила она, когда они вышли на дорогу.

– Не знаю, – ответил мистер Уизли.

– Но как они обращались с ней! – возмущалась Гермину. – Мистер Диггори всё время называл её «эльф»... а уж мистер Крауч! Он же знает, что она не виновата, и всё-таки хочет выгнать её! Его не заботит, что она была перепугана до смерти – словно она вообще не человек!

– Ну так она и не человек, – заметил Рон. Гермину с гневом повернулась к нему:

– Это вовсе не значит, что у неё нет чувств, Рон, такой подход омерзителен...

– Гермину, я согласен с тобой, – поспешил вмешаться мистер Уизли, – но сейчас не время обсуждать права эльфов. Я хочу как можно скорее вернуться в палатку. Куда делись все остальные?

– Мы их потеряли в темноте, – отозвался Рон. – Пап, отчего все так разволновались из-за этого черепа?

Но мистер Уизли был слишком обеспокоен.

– Я всё объясню, когда мы вернёмся в палатку.

Однако у опушки леса им пришлось задержаться. Тут собралась целая толпа перепуганных ведьм и колдунов, многие из которых, завидев идущего к ним мистера Уизли, кинулись ему навстречу: «Что там творится?», «Кто это наколдовал?», «Артур, это... не... он?».

– Разумеется, это не он, – нетерпеливо ответил мистер Уизли. – Неизвестно, кто это был, они, похоже, дезаппарировали. А сейчас извините, я хочу добраться до постели.

Вместе с Гарри, Роном и Гермину он протиснулся сквозь толпу, и вся компания продолжила путь в лагерь. Здесь всё затихло, лишь дымились несколько сгоревших палаток.

Из домика мальчиков высунулась голова Чарли.

– Пап, что там происходит? – раздался в темноте его голос. – Фред, Джордж и Джинни вернулись, а остальные...

– Я их привёл. – Мистер Уизли наклонился и вошёл в палатку, за ним Гарри, Рон и Гермину.

Билл сидел за кухонным столиком, обмотав руку окровавленной простынёй; рубашка на Чарли была основательно разодрана, а Пёрси щеголял разбитым носом. Фред, Джордж и Джинни хотя и дрожали, но были целы и невредимы.

– Вы их поймали, па? – резко спросил Билл. – Тех, кто запустил Тёмную Метку?

– Нет, – ответил мистер Уизли. – Мы нашли эльфа Барти Крауча с волшебной палочкой Гарри, но никаких следов того, кто наколдовал Метку.

– *Что?* – одновременно воскликнули Билл, Чарли и Пёрси.

– Палочка Гарри? – изумился Фред.

– *Эльф мистера Крауча?* – Пёрси как громом поразило. С помощью троих друзей мистер Уизли объяснил, что произошло в лесу. Когда они закончили свой рассказ, Пёрси прямо-таки раздулся от негодования.

– Считаю, что мистер Крауч совершенно прав, избавляясь от такого эльфа! Сбежать, когда ей было ясно сказано оставаться на месте... опозорить его перед всем Министерством! Как бы это выглядело, если бы она предстала перед департаментом Регулирования и контроля...

– Она ничего плохого не сделала, просто оказалась в неподходящее время в неподходящем месте! – напустилась на него задетая за живое Гермиона; хотя именно она всегда неплохо ладила с Пёрси, а уж если говорить честно, гораздо лучше, чем все остальные.

– Гермиона, колдун такого ранга, как мистер Крауч, не может терпеть рядом эльфа, который, чуть что, начинает как безумный носиться с волшебной палочкой!

– Она не носилась как безумная! – вскипела Гермиона. – Она просто подняла её с земли!

– Послушайте, кто-нибудь мне наконец объяснит, что за штука этот череп? – нетерпеливо перебил их Рон. – Он-то ни на кого не нападал... Почему из-за него столько шума?

– Я же тебе говорила – это эмблема Сам-Знаешь-Кого, – сказала Гермиона, прежде чем кто-нибудь успел открыть рот. – Я читала об этом во «Взлёте и падении Тёмных искусств».

– И её не было видно тринадцать лет, – негромко добавил мистер Уизли. – Конечно, люди запаниковали... Это было словно Вы-Знаете-Кто вернулся.

– Вот этого я никак не пойму, – нахмурил брови Рон. – Я имею в виду... Это же всего-навсего картинка в небе...

– Рон, Ты-Знаешь-Кто и его сподвижники запускали Тёмную Метку всякий раз, когда убивали кого-нибудь, – сказал мистер Уизли. – Ужас, который она внушала... Ты и понятия не имеешь, ты был слишком мал. Просто представь, что подходишь к своему дому, видишь парящую над ним Тёмную Метку и понимаешь, что найдёшь внутри... – Мистер Уизли болезненно сморщился. – Все опасались худшего... самого худшего...

Наступила тишина. Билл, размотав с руки простыню, чтобы посмотреть, как там рана, сказал:

– Ну, сегодня ночью нам это только помешало, кто бы её ни наколдовал. Метка спугнула Пожирателей Смерти. Они все дезапарировали, едва её увидели. Мы не сумели сорвать маску ни с одного, а Робертсов подхватили у самой земли. Им сейчас проводят изменение памяти.

– Пожиратели Смерти? – спросил Гарри. – Кто такие Пожиратели Смерти?

– Так называют себя последователи Сам-Знаешь-Кого, – пояснил Билл. – Мы, наверное, видели сегодня тех, кто ещё уцелел, тех немногих, кто каким-то путём сумел избежать Азкабана.

– У нас нет доказательств, что это были они, – покачал головой мистер Уизли. – Хотя, скорее всего, так оно и есть, – добавил он безнадежно.

– Да держу пари, это они! – с жаром воскликнул Рон. – Пап, мы встретили Дрэйко Малфоя в лесу, и он всё равно что признался нам, что его отец был одним из этих психов в масках! А всем известно, что Малфои были в ближайшем окружении Сами-Знаете-Кого!

– Но зачем сторонникам Волдеморта, – начал было Гарри, но тут все вздрогнули – как и большинство обитателей магического мира, Уизли избегали произносить это имя. – Прошу прощения, – смутился Гарри, – для чего сторонникам Сами-Знаете-Кого поднимать в воздух маглов? Я имею в виду, в чём их цель?

– Цель? – невесело усмехнулся мистер Уизли. – Гарри, они так развлекаются. В прошлом, когда Сам-Знаешь-Кто ещё был в силе, маглов убивали просто так, ради забавы. Думаю, они подвыпили этой ночью и не смогли устоять перед желанием напомнить нам, что их ещё немало повсюду. Небольшая вечеринка старых приятелей, – закончил он с отвращением.

– Но если это *были* Пожиратели Смерти, почему они дезаппарировали при виде Тёмной Метки? – недоумевал Рон. – Они должны были обрадоваться, заметив её, ведь так?

– Пошевели мозгами, Рон, – ответил Билл. – Если это и впрямь были Пожиратели Смерти, то им ведь пришлось попотеть, чтобы не попасть в Азкабан, когда Сам-Знаешь-Кто потерял силу, им надо было врать на все лады, что это он заставлял их убивать и мучить людей. Уверен, если бы он вернулся, они перепугались бы ещё почище нашего. Они бойко отрекались от него, стоило ему лишиться могущества, и возвратились к своей обычной жизни. Не думаю я, что он был бы ими доволен, а ты?

– Так что же... кто бы ни наколодовал Тёмную Метку... – задумчиво произнесла Гермиона, – он сделал это в знак поддержки Пожирателей Смерти или чтобы разогнать их?

– Мы и сами ломаем голову, Гермиона, – ответил мистер Уизли. – Могу сказать одно: это заклинание было известно только Пожирателям Смерти. Наверняка это совершил тот, кто был когда-то одним из них... независимо от того, кто он сейчас... Слушайте, уже очень поздно, и если мама узнает, что тут у нас произошло, она с ума сойдёт от беспокойства. Давайте-ка посним оставшиеся несколько часов и потом ранним портключом постараемся выбраться отсюда.

Гарри влез на кровать, голова его гудела. Он знал, что должен чувствовать себя вымотанным, уже три часа утра, но сна у него не было ни в одном глазу, он был совершенно бодр и крайне встревожен.

Три дня назад – а, кажется, уже целую вечность – его разбудило жжение в шраме. А сегодня ночью, впервые за тринадцать лет, в небе появилась эмблема Волдеморта. Что всё это значит?

Он подумал о письме, которое послал Сириусу перед тем, как покинуть Бирючинный проезд. Получил ли тот его? И когда напишет ответ? Гарри лежал, уставясь в брезент потолка, но фантазии о грядущих полётах уже больше не являлись и ничто не помогало заснуть. Чарли давно уже храпел на всю палатку, когда Гарри наконец задремал.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СКАНДАЛ В МИНИСТЕРСТВЕ

Как и обещал, мистер Уизли разбудил всех через несколько часов. Он свернул палатки магией, и вся компания вышла из лагеря. Мистер Робертс, стоявший в дверях коттеджа, был слегка не в себе, помахав на прощанье, он рассеянно произнёс:

– Счастливого Рождества...

– С ним всё будет нормально, – сказал мистер Уизли. – Иногда после изменения памяти на какое-то время наступает дезориентация... а им пришлось забыть очень многое...

Подходя к тому месту, где были сложены портключи, они издалека слышали хор нетерпеливых голосов – вокруг диспетчера Бэзила столпилось великое множество ведьм и колдунов, и все шумно требовали отправить их из лагеря как можно скорее.

Мистер Уизли коротко переговорил с Бэзилем, вся компания присоединилась к очереди и ещё до восхода солнца закинули старый башмак обратно на Стотсхед Хилл. Они в предутреннем свете вновь прошли через Оттери-Сент-Кэчпоул – у приятелей едва хватало сил на вялые реплики, и каждый с вождением думал о завтраке. За поворотом тропинки, когда впереди уже показалась «Нора», над росистой травой прокатился крик:

– О, слава Богу, слава Богу!

Миссис Уизли бежала навстречу в домашних тапочках, лицо её было бледным и встревоженным, в руке – свёрнутый номер «Ежедневного пророка».

– Артур! Я так волновалась, просто вся извелась...

Она обняла мистера Уизли за шею, «Ежедневный пророк» выпал из ослабевших рук на землю, и Гарри, опустив глаза, прочитал заголовок **«УЖАСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ НА ЧЕМПИОНАТЕ МИРА ПО КВИДДИЧУ»**, дополненный мерцающей чёрно-белой фотографией Тёмной Метки, зависшей над вершинами деревьев.

– Вы все целы, – всхлипнула миссис Уизли, отпустив мужа и в смятении оглядывая компанию покрасневшими глазами. – Вы живы... О, *мальчики*...

Тут, ко всеобщему изумлению, она схватила Фреда и Джорджа и стиснула их в таких жарких объятиях, что они столкнулись лбами.

– Ой! Ма, ты нас задушишь...

– И я кричала на вас перед уходом! – вновь зарыдала миссис Уизли. – Я только об этом и думала! Что, если бы Сами-Знаете-Кто добрался до вас и последнее, что я успела вам сказать, был бы упрёк за то, что сдали недостаточно СОВ! О, Фред... Джордж...

– Ну, Молли, что ты, с нами всё в порядке. – Мистер Уизли деликатно отстранил жену от близнецов и повёл её к дому. – Билл, – добавил он вполголоса, – подними газету, я хочу посмотреть, что там...

Маленькая кухня оказалась набита до отказа. Гермиона приготовила для миссис Уизли чашку крепчайшего чая, в который по настоянию мистера Уизли влили глоток Огденского

Старого Огневиски, а Билл протянул отцу газету. Мистер Уизли быстро пробежал глазами первую страницу, Пёрси заглядывал ему через плечо.

– Этого я и опасался, – с горечью произнёс мистер Уизли. – «Ошибка Министерства... преступники не задержаны... небрежность службы безопасности... Тёмным колдунам удалось скрыться неопознанными... национальный позор...» Кто всё это написал? А... Ну разумеется... Рита Скитер...

– Эта женщина давно уже точит зуб на Министерство магии! – воскликнул охваченный праведным гневом Пёрси. – На прошлой неделе она заявляла, что мы впустую тратим время на крючкотворство по поводу толщины котлов, когда необходимо заниматься истреблением вампиров! Как будто параграфом двенадцатым Директивы по обращению с немагической частью общества конкретно не установлено, что...

– Пёрс, сделай милость, – зевнул Билл, – заткнись, а?

– Тут и обо мне есть... – Глаза мистера Уизли за стёклами очков широко открылись, когда он дошёл до конца статьи.

– Где? – всполошилась миссис Уизли, поперхнувшись своим чаем с виски. – Если бы я видела, я бы хоть знала, что ты жив!

– Тут без имени... Послушай: *«Если испуганные колдуны и ведьмы, которые, затаив дыхание, ожидали новостей у опушки леса и надеялись на какие-то разъяснения со стороны Министерства магии, то их постигло жестокое разочарование. Официальный представитель Министерства, подошедший некоторое время спустя после появления Тёмной Метки, ограничился голословным утверждением, что никто не пострадал, и от дальнейших комментариев отказался. Достаточно ли подобного заявления для того, чтобы пресечь слухи о нескольких телах, вынесенных из леса часом позже, покажет время»*. Ну, я вам доложу... – раздражённо произнёс мистер Уизли, передавая газету Пёрси. – *«Никто не пострадал...»* А что я должен был им сказать? *«Слухи о нескольких телах, вынесенных из леса...»* Вот теперь точно пойдут слухи... после того, как она это напечатала.

Он тяжело вздохнул:

– Молли, мне придётся пойти на службу, надо улаживать всё это дело.

– Я с тобой, отец, – с важностью проговорил Пёрси. – У мистера Крауча сейчас каждый человек на счету. И я смогу лично вручить ему свой доклад о котлах.

И он в спешке покинул кухню.

Миссис Уизли ужасно огорчилась:

– Артур, у тебя же отпуск! Ничего там без тебя на службе не произойдёт, как-нибудь управятся!

– Мне надо идти, Молли, – ответил мистер Уизли. – Кажется, я усугубил ситуацию... Я только переоденусь в мантию и отправлюсь...

– Миссис Уизли, – спросил Гарри, не в силах больше сдерживать нетерпение. – Не появлялась Хэдвиг с письмом для меня?

– Хэдвиг, дорогой? – рассеянно переспросила миссис Уизли. – Нет... нет, вообще никакой почты не было...

Рон и Гермиона с любопытством покосились на Гарри. Выразительно посмотрев на обоих, он сказал:

– Ничего, если я пойду и занесу вещи к тебе в комнату, Рон?

– Ага... я тоже, пожалуй, пойду, – незамедлительно согласился Рон. – А ты, Гермиона?

– Да, – кивнула та, и все трое, выйдя из кухни, быстро зашагали вверх по лестнице.

– Ну, что там, Гарри? – спросил Рон, едва за ними закрылась дверь мансарды.

– Я кое-что вам не рассказал, – заговорил Гарри. – В воскресенье утром я проснулся от того, что у меня снова заболел шрам...

Реакция на это известие оказалась почти в точности такой, какую Гарри представлял себе в спальне на Бирючинном проезде. Гермиона ахнула и немедленно начала сыпать рекомендациями, ссылаясь на множество соответствующих книг и людей – от Альбуса Дамблдора до мадам Помфри, главной медсестры Хогвартса.

Рон сперва просто онемел.

– Но... его же там не было, верно?... Сам-Знаешь-Кого? То есть... ну... в прошлый раз твой шрам разболелся, когда он был в Хогвартсе, ведь так?

– Я уверен, что его не было на Бирючинном проезде, – ответил Гарри. – Но я видел его во сне – его и Питера – того самого, Прихвоста. Всего я сейчас не помню, но они замыслили убить... кого-то.

Какое-то мгновение он колебался, едва не сказав «меня», но не захотел повергать Гермиону в ещё больший ужас – его и так было достаточно у неё в глазах.

– Это был только сон, – попытался подбодрить его Рон, – просто ночной кошмар.

– Пусть так, но ведь он был! – возразил Гарри, глядя в светлеющее небо за окном. – Странно, согласись. Мой шрам болит, и через три дня Пожиратели Смерти устраивают демонстрацию, а в небе снова появляется знак Волдеморта.

– Не-произноси-это-имя! – прошипел Рон сквозь зубы.

Но Гарри даже не обратил внимания.

– А помнишь, что сказала профессор Трелони? В конце того года?

Весь ужас во взгляде Гермионы тут же испарился, она презрительно фыркнула:

– Ох, Гарри, неужели ты придаёшь значение словам этой старой обманщицы?

– Тебя там не было, – возразил Гарри, – и ты её не слышала. В тот раз всё было по-другому. Я же говорил вам – она впала в транс, самый настоящий. И она сказала, что Тёмный Лорд воспрянет вновь... м-м-м... величественней и ужасней, чем когда-либо доселе... и в этом ему поможет слуга – в ту ночь Прихвост и сбежал.

В наступившей тишине Рон растерянно ковырял в дырке своего постельного покрывала с «Пушками Чадли».

– А почему ты спрашивал, не прилетела ли Хэдвиг? – поинтересовалась Гермиона. – Ждёшь письма?

– Я написал Сириусу о шраме, – пожал плечами Гарри. – Теперь жду ответа.

– Мысль хорошая! – сразу оживился Рон. – Готов поспорить, Сириус знает, что делать!

– Я надеялся, что он мне быстро ответит, – сказал Гарри.

– Но мы же не знаем, где сейчас Сириус... Он может быть и в Африке, и ещё дальше, правильно? – резонно заметила Гермиона. – *Такого* путешествия Хэдвиг за пару дней не осилить.

– Да, я знаю, – ответил Гарри, но от зрелища неба без Хэдвиг в квадрате окна ему было тяжело на душе.

– Пойдём, сыграем в квиддич в саду, – предложил Рон. – Давай три на три. Билл, Чарли, Фред, Джордж – никто не откажется, сможешь попробовать финт Вронского...

– Рон, – заявила Гермиона её характерным тоном «напряги-свою-тупую-голову», – Гарри не хочет сейчас играть в квиддич... он устал и встревожен... да и всем нам необходимо поспать...

– Да, я хочу сыграть в квиддич, – неожиданно согласился Гарри. – Подожди, я сейчас возьму «Всполох».

Гермиона вышла из комнаты, пробормотав что-то очень похожее на «мальчишки».

* * *

На следующей неделе и мистер Уизли, и Пёрси дома почти не бывали. Каждое утро оба уходили ещё до того, как все остальные вставали, и возвращались поздно вечером после ужина.

– Это был полный бедлам, – со значительным лицом поведал Пёрси. Дело было в воскресенье вечером, накануне отъезда в Хогвартс. – Всю неделю я только и занимался тем, что гасил огонь – люди непрерывно присылают Ревунов, а те, естественно, если их сразу не вскрыть, взрываются. У меня весь стол в подпалинах, а любимое перо сгорело дотла.

– А почему они все присылают Ревунов? – спросила Джинни, которая подклеивала чаролентой свой экземпляр «Тысячи магических трав и грибов», сидя на коврике у камина в гостиной.

– Выражают недовольство службой безопасности на Чемпионате мира, – ответил Пёрси. – Требуют компенсации за испорченное имущество. Мундунгус Флетчер предъявил иск об ущербе, нанесённом палатке с двенадцатью ванными комнатами, оборудованными не помню сколькими джакузи, хотя я точно знаю, что на самом деле он спал под мантией, растянутой на колышках.

Миссис Уизли взглянула на большие часы в углу. Гарри эти часы очень нравились. Правда, узнать по ним время было совершенно невозможно, зато у них были иные, очень полезные свойства. Там было девять золотых стрелок, и на каждой было вырезано имя одного из членов семьи Уизли. Цифры на циферблате отсутствовали, но имелись надписи, кто где находится. Тут можно было видеть «дом», «школа», «работа» и, кроме того, «потерялся», «больница», «тюрьма», а на том месте, где положено быть двенадцати часам, – «смертельная опасность».

Сейчас восемь стрелок стояли на позиции «дом», но самая длинная, с именем мистера Уизли, никак не желала сдвинуться с отметки «работа». Миссис Уизли вздохнула.

– Твоему отцу не приходилось работать по выходным со времён Сам-Знаешь-Кого, – сказала она. – Они просто заваливают его работой. Он останется без ужина, если сейчас не явится.

– Ну, отец считает, что должен исправить ошибку, допущенную после матча, – отозвался Пёрси. – Но если уж говорить правду, это было не очень-то разумно – делать

публичные заявления, не проконсультировавшись предварительно с начальником департамента...

– Не смей обвинять отца за то, что написала эта гнусная Скитер! – тотчас же вспыхнула миссис Уизли.

– Если бы папа промолчал, то старушка Рита непременно написала бы, что это стыд и срам – никто из Министерства не сделал никаких заявлений, – подал голос Билл, игравший с Роном в шахматы. – Рита Скитер ещё ни о ком доброго слова не сказала. Помните, она однажды брала интервью у всех ликвидаторов проклятий в «Гринготтсе»? Так обозвала меня длинноволосым идиотом.

– Ну, волосы у тебя действительно немного длинноваты, – мягко заметила миссис Уизли.
– Если бы ты только позволил мне...

– Нет, мам.

В окно хлестал дождь. Гермиона сидела, погружённая в «Стандартную книгу заклинаний, уровень 4», три экземпляра которого миссис Уизли купила в Косом переулке для неё, Гарри и Рона, Чарли ремонтировал огнеупорный шлем, Гарри полировал «Всполох» щётками из набора по уходу за метлой – подарка Гермионы к его тринадцатому дню рождения. Фред и Джордж, засев в дальнем углу, достали перья и о чём-то заговорщически перешёптывались, склонив головы над листом пергамента.

– Вы чем это там заняты? – Миссис Уизли с подозрением взглянула на близнецов.

– Домашним заданием, – туманно ответил Фред.

– Не смей меня, вы пока ещё на каникулах.

– Ну да, мы тут кое-чего вовремя не успели... – подтвердил Джордж.

– А вы случаем не пишете новый *бланк заказов*, а? – с недоверием спросила миссис Уизли.
– Может, собираетесь снова взяться за свои «Ужастики Умников Уизли»?

– Ах, мам, – произнёс Фред со страданием во взгляде, – ты только представь – если завтра «Хогвартс-Экспресс» потерпит крушение и мы с Джорджем погибнем, каково тебе будет вспоминать, что последними словами, которые мы от тебя слышали, были необоснованным обвинением?

Все засмеялись, даже миссис Уизли.

– О, ваш папа идёт! – воскликнула она неожиданно, вновь посмотрев на часы.

Стрелка мистера Уизли переместилась с «работы» на «в пути», а через секунду, дрогнув, замерла вместе со всеми, указывая на «дом», и из кухни послышался знакомый голос.

– Иду, Артур! – откликнулась миссис Уизли и торопливо вышла из комнаты.

Минутой позже и сам мистер Уизли вошёл в тёплую гостиную с обеденным подносом в руках. Вид у него был совершенно изнурённый.

– Да, мы сейчас как на раскалённой сковородке, – сказал он миссис Уизли, опустившись в кресло у камина и без всякого интересаковыряя вилкой в подостывшей цветной капусте. – Рита Скитер всю неделю вынюхивала, в каких бы ещё грехах обвинить Министерство, и вот наткнулась на историю об исчезновении бедной Берты. Завтра это будет на первой странице «Пророка». Я ведь *говорил* Бэгмэну уже давно, что нужно послать кого-нибудь на поиски.

– Мистер Крауч говорит то же самое неделю за неделей, – сейчас же вставил Пёрси.

– Краучу крайне повезло, что Рита не докопалась до всего этого дела насчёт Винки, – раздражённо пробурчал мистер Уизли. – Это была бы сенсация недели – его домашний эльф пойман с той самой палочкой, которая наколдовала Тёмную Метку.

– Я думал, все согласны, что эльф, несмотря на невменяемость, *не* запускала Метку! – мгновенно взъерепенился Пёрси.

– А по-моему, мистеру Краучу страшно повезло, что никто из «Ежедневного пророка» не знает о его бессовестном обращении с эльфами! – сердито заявила Гермиона.

– Но послушай, Гермиона, – сорвался в бой Пёрси. – Такой высокопоставленный чиновник Министерства, как мистер Крауч, имеет право требовать беспрекословного повиновения от своих слуг.

– Своих *рабов*, ты хочешь сказать! – повысила голос Гермиона. – Ведь он не *платит* Винки, правильно?

– Думаю, вам лучше пойти наверх и проверить, все ли вещи уложены, – вмешалась в дискуссию миссис Уизли. – Давайте-ка, все вместе...

Гарри собрал свой набор по уходу за метлой, забросил «Всполох» на плечо и вместе с Роном пошёл к лестнице. В мансарде дождь и завывания ветра были ещё слышнее, ко всему этому добавлялись периодические стоны престарелого гуля на чердаке. При их появлении Свин тут же заверещал и снова принялся носиться по клетке, похоже, что вид наполовину упакованных чемоданов поверг его в крайнее волнение.

– Кинь ему «Совячьих вкусностей», – Рон перебросил Гарри пакет через кровать. – Может, он заткнётся.

Гарри протолкнул несколько вкусностей через прутья клетки и повернулся к своему чемодану. Рядом, по-прежнему пустая, стояла клетка Хэдвиг.

– Уже больше недели, – вздохнул Гарри, глядя на покинутый совиный насест. – Рон, как думаешь, Сириуса не схватили?

– Не, это точно было бы в «Пророке» – Министерство уж не упустило бы шанс развонить, что они поймали *хоть кого-то*, верно?

– Да, пожалуй...

– Посмотри-ка, вот это мама накупила для тебя в Косом переулке... И ещё она взяла для тебя немного денег из твоего сейфа... и выстирала все твои носки.

Рон вывалил на раскладушку груды свёртков, а сверху бросил кошелёк и кучу носков. Гарри стал разворачивать покупки. Кроме «Стандартной книги заклинаний, уровень 4» Миранды Госшок он получил связку новых перьев, дюжину свитков пергамента и недостающие ингредиенты для составления зелий – у него были на исходе хребты рыбы-льва и экстракт белладонны. Но только Гарри принялся укладывать бельё в котёл, как за его спиной Рон взвыл с отвращением:

– Это ещё что *такое*?

Он держал в руках нечто похожее на длинное бордовое бархатное платье с заплесневелой на вид кружевной тесьмой на воротнике и такими же кружевными манжетами.

Тут раздался стук в дверь, и вошла миссис Уизли с кипой свежевystиранных хогвартских мантий.

– Это вам, – сказала она, раскладывая их на две стопки. – Постарайтесь положить их так, чтобы они не смялись.

– Мам, ты мне подсунула новое платье Джинни, – с этими словами Рон показал находку матери.

– Это никакое не платье, – терпеливо ответила миссис Уизли. – Это для тебя. Парадная мантия.

– *Что?* – с ужасом спросил Рон.

– Парадная мантия, – повторила миссис Уизли. – В школьном списке сказано, что в этом году вам положено иметь парадную мантию... для официальных случаев.

– Ты прикалываешься? – Рон всё ещё отказывался верить. – Никогда я этого не надену.

– Все их носят, Рон. – Миссис Уизли начала сердиться. – И всем нравится! У твоего отца таких несколько для приёмов!

– Я лучше пойду голым, чем в таком, – упёрся Рон.

– Не болтай глупостей, – настаивала миссис Уизли. – Тебе положено иметь парадную мантию, она есть в списке! Я и Гарри тоже купила... Гарри, покажи ему...

Гарри с опаской развернул последний пакет. Всё оказалось не так страшно – на его парадной мантии не было ни кружев, ни рюшек, она более или менее походила на простой школьный наряд, за исключением того, что была не чёрного, а бутылочно-зелёного цвета.

– Я выбирала под цвет твоих глаз, – с нежностью пояснила миссис Уизли.

– Ну, вот эта-то нормальная! – возмутился Рон, глядя на мантию Гарри. – Почему, спрашивается, мне нельзя что-нибудь в том же роде?

– Потому... ну, словом, для тебя приходится покупать подержанные вещи, а там выбор невелик, – покраснев, сказала миссис Уизли.

Гарри отвернулся. Он был готов разделить с семьёй Уизли всё своё золото из сейфа в «Гринготтсе», но прекрасно знал, что они никогда не возьмут его денег.

– Я ни за что не стану этого носить, – стоял на своём Рон. – Ни за что.

– Хорошо, – отрезала миссис Уизли. – Ходи голый. Гарри, непременно сделай его снимок в таком виде. Видит бог, хорошо посмеяться мне не помешает.

Она вышла, захлопнув дверь. Сзади послышался странный булькающий звук – Свин подавился огромной «Совячьей вкусностью».

– И почему мне всегда достаётся всякий хлам? – со злостью произнёс Рон и отправился прочищать Свинстуну клюв.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«ХОГВАРТС-ЭКСПРЕСС»

Когда Гарри проснулся на следующее утро, в воздухе витала ясно ощутимая хандра по случаю окончания каникул. Сильный дождь по-прежнему барабанил в окна. Они натянули джинсы и свитера – переодеваться в школьные мантии им предстояло уже в «Хогвартс-Экспрессе».

Гарри, Рон, Фред и Джордж как раз спустились до второго этажа, идя завтракать, когда внизу у лестницы показалась обеспокоенная миссис Уизли.

– Артур! – позвала она, подняв голову. – Артур! Срочное сообщение из Министерства!

Гарри спешно вжался в стену – мистер Уизли, в мантии наизнанку, с грохотом промчался мимо и скрылся из виду. Войдя на кухню, Гарри и все остальные увидели, как хозяйка дома торопливо роется в ящиках кухонного стола – «У меня где-то здесь было перо!» – а мистер Уизли склонился к огню и разговаривал с...

Тут Гарри сильно зажмурил и вновь открыл глаза, желая убедиться, что они его не обманывают.

В очаге зависла голова Эймаса Диггори, похожая на большое бородатое яйцо. Она быстро говорила, не обращая ни малейшего внимания на летящие вокруг искры и языки пламени, лижущие уши.

– Соседи-магглы слышали удары и крики и вызвали этих, как ты их называешь, поцейских... Артур, бросай всё и туда...

– Вот возьми! – запыхавшись, произнесла миссис Уизли, подбегая к мистеру Уизли с куском пергамента, пузырьком чернил и помятым пером.

– Нам ещё здорово повезло, что я услышал об этом, – продолжала голова. – Мне случилось пораньше зайти в офис, отослать пару сов, смотрю – что за чёрт? – на выходе вся Комиссия по злоупотреблению магией. Если об этом пронюхает Рита Скитер, Артур...

– А что говорит Безумный Глаз, что там произошло? – спросил мистер Уизли, откупоривая бутылочку с чернилами, окуная перо и готовясь записывать.

Голова мистера Диггори закатила глаза.

– Говорит, что услышал, как кто-то забрался к нему во двор. Вроде бы они собирались залезть в дом, да налетели на его мусорные баки.

– И что же эти баки? – мистер Уизли спешно записывал, брызгая чернилами.

– Подняли адский шум и разбрасывали во все стороны мусор, насколько я понял, – сказал мистер Диггори. – Один бак всё ещё скакал, когда нагрянули поцейские.

Мистер Уизли застонал.

– А злоумышленник?

Голова мистера Диггори вновь закатила глаза.

– Артур, ты же знаешь Безумного Глаза. Ну кому понадобился его двор глухой ночью? Да скорее всего какая-нибудь чокнутая кошка бродила поблизости и залезла в картофельные очистки. Но если Комиссия по злоупотреблению возьмёт Безумного Глаза в оборот, уж ему

не поздоровится – вспомни его прошлое. Нам надо провести его по какому-нибудь второстепенному проступку, что-то по твоему ведомству. Что полагается за разбитые баки?

– Может быть предупреждение, – покачал головой мистер Уизли, сдвинув брови и продолжая торопливо писать. – Безумный Глаз не использовал свою волшебную палочку? Он ни на кого по-настоящему не нападал?

– Держу пари, когда он выпрыгнул из постели, то начал поливать слезами всё, до чего смог достать из окна, но им придётся попотеть, чтобы доказать это – нет ни одного пострадавшего.

– Ладно, я пошёл, – сказал мистер Уизли, засунул пергамент с записями себе в карман и также быстро выскочил из кухни.

Голова мистера Дигтори покосилась на миссис Уизли.

– Ты уж извини, Молли, – заговорила она уже более спокойным тоном, – что потревожили в такую рань и всё такое... но Артур единственный, кто может выручить Безумного Глаза, а тот должен приступить к новой работе сегодня же... И зачем он это устроил именно сегодня ночью...

– Не беспокойся, Эймос, – ответила миссис Уизли. – Уверена, ты не откажешься от тоста перед уходом.

– О, давай, – отозвался мистер Дигтори. Миссис Уизли взяла со стола один из намазанных маслом тостов, ухватила его каминными щипцами и отправила в рот мистеру Дигтори.

– Шпашибо, – невнятно пробормотал он и с лёгким хлопком исчез.

Гарри было слышно, как мистер Уизли торопливо попрощался с Биллом, Чарли, Пёрси и девочками; меньше чем через пять минут он, уже в правильно надетой мантии и с расчёской в руках, снова был на кухне.

– Мне надо спешить. Желаю удачного семестра, мальчики, – сказал мистер Уизли Гарри, Рону и близнецам, накидывая на плечи плащ и готовясь деэппарировать. – Молли, тебя не затруднит подбросить ребят на Кингс-Кросс?

– Разумеется, – ответила она. – Ты там присмотри за Безумным Глазом, а у нас всё будет в порядке.

Мистер Уизли только успел исчезнуть, как в кухню вошли Билл и Чарли.

– Кто-то помянул Безумного Глаза? – поинтересовался Билл. – Что там с ним такое?

– Говорит, будто кто-то пытался вломиться к нему в дом прошлой ночью, – сказала миссис Уизли.

– Безумный Глаз Муди? – задумчиво произнёс Джордж, намазывая тост джемом. – Не тот ли это псих...

– Твой папа очень высокого мнения о Безумном Глазе Муди, – жёстко оборвала его миссис Уизли.

– Ну да, и папа коллекционирует штепсели, – понизив голос, проворчал Фред, когда миссис Уизли вышла из комнаты. – Одного поля ягода ...

– Муди был великим колдуном в своё время, – возразил Билл.

– Они с Дамблдором старые друзья, так ведь? – вспомнил Чарли.

– Ну, Дамблдора в обычном смысле тоже *нормальным* не назовёшь, – не унимался Фред. – То есть я знаю – он гений и всё такое...

– Кто такой Безумный Глаз? – спросил Гарри.

– Он в отставке, раньше работал в Министерстве, – сказал Чарли. – Я встречался с ним однажды, когда отец как-то взял меня с собой на работу. Он был аврором, и одним из лучших... ну, ловцом Тёмных магов, – добавил Чарли, поймав растерянный взгляд Гарри. – Половина камер в Азкабанах заполнена благодаря ему. Он нажил себе массу врагов... в основном это семьи тех, кого он схватил... Ну, и как я слышал, к старости он впал в паранойю. Никому не верит, и всюду ему мерещатся Тёмные колдуны.

Билл и Чарли решили поехать и проводить всю компанию до вокзала Кингс-Кросс. Что касается Пёрси, то он с бесконечными извинениями заявил, что ему настоятельно необходимо быть на службе:

– В такой момент я не могу себе позволить неоправданного отсутствия – мистер Крауч только-только начал по-настоящему полагаться на меня...

– Разумеется, и знаешь что, Пёрси, – серьёзно сказал Джордж, – я думаю, он даже вскоре запомнит, как тебя зовут.

Миссис Уизли решила позвонить с деревенской почты и вызвала три обыкновенных магловских такси, чтобы отвезти их в Лондон.

– Артур пытался достать для нас министерские машины, – шепнула она Гарри, когда они стояли на залитом дождём дворе, наблюдая, как водители перетаскивают шесть тяжелых чемоданов в свои автомобили, – но там не смогли ничего выделить... ох, дорогой, по-моему, не очень-то рады, так ведь?

Гарри не стал говорить миссис Уизли, что магловским таксистам редко доводится возить взволнованных сов, а уж от криков Свина точно звенело в ушах. Не очень поспособствовало делу и то, что немалая часть хлопупшек доктора Филлибустера неожиданно вылетела из-под открывшейся крышки чемодана Фреда и сработала на всю свою мощь – привело это к тому, что тащивший чемодан водитель завопил сначала от испуга, а затем от боли, потому что Косолап с перепугу на всех когтях рванул вверх по его ноге.

Ехать было очень неудобно, учитывая, что пришлось втискиваться на заднее сиденье со своими чемоданами. Косолап после фейерверка пришёл в себя далеко не сразу, и, когда они въезжали в Лондон, Гарри, Рон и Гермиона были изрядно поцарапаны. Друзья с большим облегчением высадились у Кингс-Кросс, несмотря на то, что дождь пошёл ещё сильнее и они вымокли, пока волокли чемоданы через привокзальную толчею.

Теперь Гарри уже привык проходить на платформу 9 и 3/4. Это было просто – всего лишь пройти прямо сквозь сплошной на вид барьер между девятой и десятой платформами. Единственная хитрость заключалась в том, чтобы проделать это незаметно, так, чтобы не привлечь внимания маглов. Сегодня они пошли группами, и первыми отправились Гарри, Рон и Гермиона, особенно заметные благодаря Косолапу и Свинстуну. Они небрежно оперлись о барьер, словно беззаботно болтая... и боком проскользнули сквозь него – и вот перед ними платформа 9 и 3/4.

«Хогвартс-Экспресс» – блестящий красный паровоз – выпускал клубы пара, в которых фигуры на платформе виделись смутными тенями. Свин расшумелся ещё громче, отвечая уханью множества сов через туман. Гарри, Рон и Гермиона пошли искать свободные места и скоро погрузили свой багаж в купе в середине состава, потом вновь спрыгнули на платформу попрощаться с миссис Уизли, Биллом и Чарли.

– Я, возможно, увижу вас раньше, чем вы думаете, – усмехнулся Чарли, обнимая Джинни на прощанье.

– Это как же? – мгновенно наострил уши Фред.

– Увидишь, – махнул рукой Чарли. – Только не говори Пёрси, что я упоминал об этом... как-никак «информация закрыта до тех пор, пока Министерство не позволит её обнародовать»... в конце концов...

– Да уж, хотел бы я вернуться в Хогвартс в этом году, – протянул Билл, засунув руки в карманы и с завистью поглядывая на поезд.

– *Почему?* – в нетерпении выпалил Джордж.

– У вас будет интересный год, – сказал Билл, сверкнув глазами. – Может и получится взять отпуск, чтоб приехать хоть чуть-чуть посмотреть...

– Посмотреть на *что?* – спросил Рон.

Но в этот момент раздался свисток, и миссис Уизли подтолкнула их к дверям вагона.

– Спасибо за то, что позволили нам погостить у вас, миссис Уизли, – сказала Гермиона, когда они уже зашли внутрь, закрыли дверь и говорили, свесившись из окна.

– Да, спасибо вам за всё, миссис Уизли, – закивал Гарри.

– О, я была только рада, мои дорогие, – ответила миссис Уизли. – Я бы пригласила вас и на Рождество... но, думаю, вы все захотите остаться в Хогвартсе... по многим причинам.

– Мам! – раздражённо воскликнул Рон. – Что такое вы втроём знаете, чего мы не знаем?

– Полагаю, всё выяснится уже сегодня вечером, – улыбнулась миссис Уизли. – Это так интересно... И я рада, что они изменили правила...

– Какие правила? – завопили Гарри, Рон, Фред и Джордж одновременно.

– Уверена, профессор Дамблдор вам всё объяснит... Ведите себя хорошо, вы поняли меня? Ты *понял*, Фред? А ты, Джордж?

Но тут паровозные поршни и шатуны с громким шипением пришли в движение, и поезд не спеша тронулся.

– Скажите же нам, что такое происходит в Хогвартсе! – заорал из окна Фред, когда миссис Уизли, Билл и Чарли начали медленно удаляться от них. – Какие правила они изменили?!

Но миссис Уизли только улыбалась и махала вслед, и, прежде чем состав повернул, она, Билл и Чарли дезаппарировали.

Гарри, Рон и Гермиона вернулись в купе. Дождь струями змеился по оконному стеклу, так что ничего не было видно. Рон открыл чемодан, достал бордовую парадную мантию и набросил её на клетку Свинстуна, чтобы приглушить его уханье.

– Ведь Бэгмэн хотел сказать нам, что творится в Хогвартсе, – заметил он, усаживаясь рядом с Гарри. – На Чемпионате, помнишь? А тут родная мать не хочет говорить. Вот что, однако, странно...

– Ш-ш-ш! – неожиданно перебила его Гермиона, приложив палец к губам и указывая на соседнее купе. Гарри и Рон прислушались и уловили знакомый голос с томно растянутыми интонациями, доносившийся из приоткрытой двери.

– Понимаете, отец на самом деле подумывал отправить меня в Дурмстранг, а не в Хогвартс. Он знаком с тамошним директором, разумеется. Ну, вам известно его мнение о Дамблдоре – любителе грязнокровок, а в Дурмстранг этот хлам не допускают. Но мама не одобрила идеи отослать меня в школу так далеко. Отец говорит, что в Дурмстранге подход к Тёмным искусствам куда более разумный, чем в Хогвартсе – ученики их там действительно *изучают*, а не занимаются всей этой чепухой по защите, как мы...

Гермиона встала и, на цыпочках подойдя к двери, прикрыла её, отрезав голос Малфоя.

– Итак, он считает, что ему подошёл бы Дурмстранг, я так поняла? – гневно спросила она. – Вот бы и *катилась* туда – нам бы не пришлось его терпеть.

– Дурмстранг – это ещё одна колдовская школа? – поинтересовался Гарри.

– Ну да, – хмыкнула Гермиона, – и репутация у неё кошмарная. Если верить «Обзору Магического образования в Европе», основное внимание там уделяется Тёмным искусствам.

– Сдаётся мне, я о ней слышал, – неуверенно произнёс Рон. – Где она? В какой стране?

– Этого никто не знает, – подняла брови Гермиона.

– Э-э-э... а почему? – несколько смутился Гарри.

– Между всеми магическими школами веками существует традиционное соперничество. Дурмстранг и Бобатон предпочитают скрывать своё местонахождение – чтобы никто не завладел их секретами, – сухо объяснила Гермиона.

– Прекрати! – засмеялся Рон. – Этот Дурмстранг должен быть размером с Хогвартс! Как это можно спрятать такой громадный замок?

– Но Хогвартс-то спрятан, – удивилась Гермиона. – Это каждому известно... каждому, кто читал «Историю Хогвартса», во всяком случае.

– Значит, тебе одной, – кивнул Рон. – Но всё же – как скрыть такое место, как Хогвартс?

– Он заколдован, – сказала Гермиона. – Если на него посмотрит маггл, то он увидит осыпающиеся руины и знак при въезде: «НЕ ВХОДИТЬ! ОПАСНАЯ ЗОНА!»

– И Дурмстранг для постороннего выглядит просто как развалины?

– Возможно, – пожала плечами Гермиона. – Или на нём магглоотгалкивающие чары, как на стадионе, где проходил Чемпионат мира. А чтобы его не обнаружили иностранные колдуны, его делают ненавистным.

– Повтори-ка.

– Ну, ты же можешь заколдовать здание так, чтобы его не было на карте, верно?

– Э-э-э... если ты так говоришь... – согласился Гарри.

– Но я думаю, что Дурмстранг должен быть где-то далеко на севере, – задумчиво сказала Гермиона. – Там, где очень холодно, потому что у них в униформу входит меховой плащ.

– Эх, а подумайте о возможностях, – мечтательно произнёс Рон. – Было бы легко столкнуть Малфоя с ледника и представить всё дело как несчастный случай... жаль только, что мать его так любит.

Чем дальше на север уходил поезд, тем сильнее и сильнее хлестал дождь. Небо было таким тёмным, а стёкла такими запотевшими, что среди дня горели лампы. По коридору забренчала обеденная тележка, и Гарри взял на всех большую пачку кексов в форме котлов.

Потом, в течение дня, к ним заглянуло множество приятелей, включая Шеймаса Финнигана, Дина Томаса и Невилла Лонгботтома – круглолицего, фантастически рассеянного мальчика, которого воспитывала грозная колдунья – его бабушка. Шеймас всё ещё носил свою ирландскую розетку – её магическая сила заметно ослабела, и хотя она по-прежнему выкрикивала: «Трой! Маллет! Моран!», но уже едва слышно. Примерно через полчаса или около того Гермiona, по горло насытившись бесконечными разговорами о квиддиче, вновь углубилась в «Стандартную книгу заклинаний, уровень 4» и принялась заучивать Манящие чары.

Невилл с завистью слушал, как остальные заново переживают события финала Чемпионата.

– Бабушка не захотела ехать, – убитым тоном произнёс он. – Не стала покупать билеты. Хотя, кажется, там было потрясающе.

– Да уж, – признал Рон. – Взгляни-ка сюда, Невилл...

Он пошарил в чемодане в багажной полке и достал миниатюрную фигурку Виктора Крама.

– Ух ты, – восхитился Невилл, когда Рон поставил Крама на его пухлую ладонь.

– Я видел его так же близко, как тебя – мы же были в верхней ложе...

– Первый и последний раз в твоей жизни, Уизли.

В дверях стоял Дрейко Малфой, а за его спиной маячили его дружки-громилы Крэбб и Гойл. Каждый из них за лето, похоже, вымахал не меньше, чем на фут. Очевидно, они слышали разговор – Дин и Шеймас оставили дверь полуоткрытой.

– Что-то не припомню, чтобы мы тебя приглашали, Малфой, – холодно заметил Гарри.

– Уизли... а *это* что такое? – спросил Малфой, указывая на клетку Свинстуна. Рукав злополучной парадной мантии Рона свисал с неё, покачиваясь в такт движению поезда и выставив на всеобщее обозрение полуистлевшее кружево на манжете.

Рон потянулся убрать наряд подальше с глаз, но Малфой оказался быстрее – ухватив за рукав, он дернул мантию к себе.

– Вы только взгляните! – возликовал Малфой, поднимая мантию и показывая её Крэббу и Гойлу. – Уизли, ты что, всерьёз собирался это *носить*? По-моему, это было очень модно году так в одна тысяча восемьсот девяностом...

– Чтоб тебе дерьмом подавиться, Малфой! – Рон сделался примерно одного цвета со своим парадным одеянием и рванул его назад из рук Малфоя. Последний издевательски захохотал. Крэбб и Гойл тоже разразились идиотским гоготом.

– Что, собираешься принять участие, Уизли? Хочешь принести немного славы родовому имени? Что ж... там и деньги прилагаются, как известно... Сможешь позволить себе приличную мантию, если победишь...

– Ты это о чём? – прорычал Рон.

– Ты собираешься принять участие? – повторил Малфой. – А, полагаю, *ты* хочешь, Поттер? Уж ты никогда не упустишь шанса покрасоваться, верно?

– Или объясни, о чём речь, или убирайся прочь, Малфой, – с раздражением сказала Гермиона поверх учебника.

Радостная улыбка пробежала по бледному лицу Малфоя.

– Только не говорите мне, что вы не *знаете*! – с восторгом воскликнул он. – У тебя же отец и брат в Министерстве, и ты даже не *слышал*? Господи, да *мой* отец всё рассказал мне сто лет назад! Он узнал от Корнелиуса Фаджа. Впрочем, отец всегда общается с высшими чинами Министерства... возможно, твой отец занимает слишком незначительную должность, чтобы его посвящали в подобные вещи, Уизли... да... скорее всего, они просто не обсуждают серьёзных дел в его присутствии...

Ещё раз захохотав, Малфой кивнул Крэббу и Гойлу и вся троица скрылась.

Рон вскочил и захлопнул за ними дверь купе с такой яростью, что стекло разлетелось вдребезги.

– Рон! – укоризненно покачала головой Гермиона. Она вынула волшебную палочку, прошептала: «*Reparo*!» – и осколки, слетевшись вместе, вновь встали в двери целым стеклом.

– Ладно... Делает вид, будто знает всё на свете, а мы не... – со злостью проворчал Рон, – Отец общается с высшими чинами... Папа может получить повышение в любое время... ему просто нравится работать там, где он работает...

– Разумеется, он может, – спокойно сказала Гермиона. – Не позволяй Малфою доставать тебя, Рон...

– Это он-то! Достает меня! Ага, как же! – Рон взял один из оставшихся кексов и сплющил его в лепёшку.

Рон пребывал в скверном расположении духа до самого конца пути. Он не сказал ни слова, пока они переодевались в школьные мантии, и оставался по-прежнему хмурым, когда «Хогвартс-Экспресс» наконец замедлил ход и остановился в непроглядной темноте на хогсמידской станции.

Лишь только двери поезда отворились, в небе грянул гром. Выходя из вагона, Гермиона завернула Косолапа в мантию, а Рон так и оставил свой антикварный наряд на клетке Свина. Ливень был так силен, что они шли, пригнув головы и прищурившись; казалось, будто над головами кто-то непрерывно опрокидывал бессчётное количество вёдер с ледяной водой.

– Привет, Хагрид! – закричал Гарри, увидев гигантский силуэт в дальнем конце платформы.

– Ты в порядке, Гарри? – прогудел Хагрид в ответ, приветственно махая. – Увидимся на банкете, если не потонем!

По традиции, Хагрид переправлял первоодок в замок по воде – через озеро.

— О-о-о, не хотела б я пересекать озеро в такую погоду, — поёживаясь, произнесла Гермиона, когда они вместе с остальными брели вдоль тёмной платформы. Возле станции их поджидала сотня карет без лошадей; Гарри, Рон, Гермиона и Невилл с превеликим удовольствием забрались в одну из них. Дверь с треском захлопнулась, и несколькими минутами позже длинная вереница карет, грохоча и разбрызгивая грязь, покатила по дороге к замку Хогвартс.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ТРИМАГИЧЕСКИЙ ТУРНИР

Сильно кренясь под резкими порывами ветра, кареты миновали ворота со статуями крылатых вепрей по бокам и закрипели по длинной дороге к вершине холма. В окно Гарри видел всё ближе и ближе надвигающийся замок, множество его освещённых окон расплывались и мерцали за плотной завесой дождя. Когда их карета остановилась перед каменной лестницей, ведущей к громадным парадным дверям резного дуба, небо перечеркнула вспышка молнии. Те, кто оказались впереди, уже торопились забежать в замок. Гарри, Рон, Гермиона и Невилл спрыгнули на землю и тоже помчались по ступеням, переводя дух лишь под сводами освещённого факелами холла с его величественной мраморной лестницей.

– Ну нафиг, – Рон встряхнул головой, и брызги полетели во все стороны. – Если это продолжится, озеро точно выйдет из берегов. Я вымок. АААА!

Тяжёлый, красный, полный воды шар упал с потолка прямо Рону на голову и лопнул. Промокший и бессвязно ругающийся Рон шарахнулся в сторону, толкнув в бок Гарри, и тут как раз упала вторая водяная бомба – едва не зацепив Гермиону, она взорвалась у ног Гарри, подняв волну холодной воды и промочив его до носков. Все, кто стоял вокруг, с криками принялись расталкивать друг друга, стремясь убраться из-под обстрела. Гарри поднял голову и увидел парившего футах в двадцати над ними полтергейста Пивза – маленького человечка в шляпе колокольчиком и оранжевом галстуке-бабочке. Его широкая злобная физиономия была искажена от напряжения – он снова прицеливался.

– ПИВЗ! – загремел сердитый голос. – Пивз, спускайся сюда СЕЙЧАС ЖЕ!!!

Профессор МакГонагалл, заместитель директора и глава Гриффиндора, стремительно вышла в холл из Большого Зала; она поскользнулась на залитом водой полу и была вынуждена обхватить шею Гермионы, чтобы не упасть.

– О, простите, мисс Грэйнджер...

– Всё в порядке, профессор, – с трудом выговорила Гермиона, ощупывая горло.

– Пивз, спускайся сюда ЖИВО!!! – рявкнула профессор МакГонагалл, поправляя свою островерхую шляпу и свирепо глядя вверх сквозь очки в квадратной оправе.

– Ничего не делаю! – прокудахтал Пивз, запустив следующей бомбой в группу пятикурсниц, которые с визгом бросились в Большой Зал. – Они всё равно уже мокрые, ведь так? Небольшая поливка! Уииии! – И он пульнул очередным снарядом в компанию только что вошедших второкурсников.

– Я позову директора! – пригрозила профессор МакГонагалл. – Предупреждаю тебя, Пивз...

Пивз высунул язык, швырнул, не глядя, последнюю гранату и унёсся прочь вверх по лестнице, кудахча как сумасшедший.

– Ну, проходите! – резко обратилась к промокшей толпе профессор МакГонагалл. – В Большой Зал, вперёд!

Гарри, Рон и Гермиона, оскальзываясь, побрели через холл и дальше, направо, в двойные двери. Рон едва слышно ругался сквозь зубы, убирая с лица мокрые волосы.

Большой Зал был, как всегда, великолепен и подготовлен для традиционного банкета по случаю начала семестра. Золотые кубки и тарелки мерцали в свете тысяч свечей, плавающих в воздухе над столами. За четырьмя длинными столами Домов расселись ученики, оживлённо переговариваясь; на возвышении, по одну сторону пятого стола, лицом к ученикам, сидели преподаватели. Здесь, в зале, было гораздо теплее. Гарри, Рон и Гермиона, пройдя мимо слизеринцев, рэвенкловцев и хаффлапфцев, уселись вместе с остальными за гриффиндорский стол рядом с Почти Безголовым Ником – привидением Дома. Ник, жемчужно-белый и полупрозрачный, сегодня вечером был одет в свой обычный камзол, но зато с необъятных размеров пышным воротником, служившим одновременно и праздничным украшением, и гарантией того, что его голова не станет уж слишком шататься на не до конца перерубленной шее.

– Добрый вечер, – улыбнулся он друзьям.

– Кому как, – проворчал Гарри, стаскивая с себя кроссовки и выливая из них воду. – Надеюсь, они не будут слишком тянуть с распределением, а то я с голода помираю.

Распределение первокурсников по Домам проводилось в начале каждого учебного года, но, по странному стечению обстоятельств, Гарри не присутствовал ни на одном, кроме своего собственного, так что ему хотелось взглянуть на церемонию.

Тут за столом раздался слабый и дрожащий от волнения голос:

– Здорово, Гарри!

Это был Колин Криви, третьекурсник, для которого Гарри был чем-то вроде героя.

– Привет, Колин, – настороженно отозвался Гарри.

– Гарри, ты себе не представляешь! Нет, Гарри, ты только угадай! Поступает мой брат! Мой брат Дэнни!

– Э-э-э... хорошо, – пробормотал Гарри.

– Он так волнуется! – Колин едва не подпрыгивал на месте. – Надеюсь, он попадёт в Гриффиндор! Скрести пальцы на счастье, а, Гарри?

– М-м-м... хорошо, ладно, – согласился Гарри и снова повернулся к Рону, Гермионе и Нику. – Братья и сёстры обычно поступают на один и тот же Дом, ведь так?

Он судил по семейству Уизли, все семеро представителей которого учились в Доме Гриффиндор.

– Совсем не обязательно, – возразила Гермиона. – Сестра Парвати Патил учится в Рэвенкло, а ведь они близнецы, так что по твоей теории должны непременно быть вместе.

Гарри посмотрел на преподавательский стол. Кажется, там было намного больше пустых мест, чем обычно. Хагрид, ясное дело, вместе с первокурсниками сейчас боролся со штормом на пути через озеро; профессор МакГонагалл, по всей вероятности, руководила уборкой в холле – но ещё одно свободное кресло указывало на отсутствие кого-то неизвестного.

– А где новый преподаватель защиты от Тёмных искусств? – спросила Гермиона, тоже смотревшая на профессоров.

Ещё ни один преподаватель защиты от Тёмных искусств не продержался у них больше трёх семестров. Гарри больше всех любил профессора Люпина, отказавшегося от должности в прошлом году.

– Может, они не сумели никого найти? – обеспокоенно сказала Гермиона.

Гарри ещё раз obeжал глазами профессоров – нет, точно, ни одного нового лица. Малютка-профессор Флитвик, преподаватель чар, сидел на высокой стопке подушек рядом с профессором Спраут, преподавателем гербологии, чья шляпа сидела набекрень на копне разлетевшихся седых волос. Она беседовала с профессором Синистрой с кафедры астрономии. С другой стороны Синистры восседал желтолицый, крючконосый, с салными волосами мастер зелий Снейп – самая неприятная для Гарри фигура в Хогвартсе. Отвращение, которое Гарри испытывал к Снейпу, можно было сравнить лишь с той ненавистью, которую Снейп питал к Гарри. Эти взаимные чувства накалились до предела в прошлом году, когда Гарри помог Сириусу сбежать прямо из-под длинного снейповского носа – Снейп и Сириус были заклятыми врагами ещё с их школьных времён.

Дальше за Снейпом было свободное место, принадлежащее, как предполагал Гарри, профессору МакГонагалл. А рядом, в самом центре стола, сидел профессор Дамблдор – директор школы. Его длинные серебряные волосы и борода блестели в свете огней, а роскошная тёмно-зелёная мантия была расшита звёздами и полумесяцами. Соединив концы длинных тонких пальцев и положив на них подбородок, словно уйдя мыслями куда-то очень далеко, он устремил взгляд в потолок, глядя сквозь свои очки-половинки. Гарри тоже поднял глаза к потолку. Тот, благодаря колдовству, отображал всё то, что в самом деле происходило в небе, и никогда ещё Гарри не видел его таким хмурым. Там клубились чёрные и фиолетовые тучи, и вместе с ударами грома снаружи по потолку огненно ветвились молнии.

– Ох, да когда же? – простонал Рон. – Я готов съесть гиппогрифа.

Не успели эти слова слететь с его уст, как двери Большого Зала отворились и воцарилась тишина. Профессор МакГонагалл провела длинную цепочку первогодков на возвышенную часть зала. Гарри, Рон и Гермиона хоть и промокли, казались совершенно сухими по сравнению с первокурсниками – можно было подумать, что они не ехали в лодке, а добирались вплавь. Все ёжились и от холода, и от волнения, выстроившись шеренгой вдоль преподавательского стола лицом к остальной школе – все, кроме самого маленького мальчика, закутанного в огромное кротовое пальто Хагрида. Пальто было ему настолько велико, что казалось, он выглядывает из чёрного мехового шатра. Его острое личико, высунувшееся из воротника, было болезненно-взволнованным. Встав в ряд со своими отчаянно нервничающими товарищами, он поймал взгляд Колина Криви, выставил два больших пальца и свистящим шёпотом произнёс: «Я упал в озеро!» Он явно этим гордился.

Профессор МакГонагалл выставила перед первокурсниками трёхногую табуретку и водрузила на неё необычайно старую, грязную, заплатанную колдовскую шляпу. К ней были прикованы взгляды всего зала. В наступившем молчании у самых её полей открылась широкая щель наподобие рта, и Шляпа запела:

Тысячу лет или больше уже⁷,
Когда я была соткана,
Четыре колдуна жили здесь, и поныне
Известны их имена.

Гриффиндор храбрый с диких степей,
Рэйвенкло умная с горной равнины,
Хаффлапфф добрая с просторной долины,
Слизерин хитрый с непролазной трясины.

Они разделяли надежду, мечту,
Лелеяли дерзкий план
Юных волшебников научить. Так старт
Школе "Хогвартс" был дан.

Основал из четвёрки каждый свой Дом,
В котором учили лишь тех,
Чьи качества ценились выше других,
Но они отличались у всех.

Ценил Годрик Гриффиндор храбрость превыше
Всего остального на свете.
Считала за лучшее Рэйвенкло то,
Чтобы умными были все дети.

Хаффлапфф Хельга считала трудяг
Достойнейшими для поступления.
А Слизерин больше в людях любил
Амбициозность и к власти стремление.

Пока они живы, то могли без проблем
Любимца найти, уж поверьте.
Но как же достойных им выбрать, когда
Внезапно настигнет их смерть?

Смахнул меня Гриффиндор с головы.
Решенье было найти затруднительно.
Основатели вложили в меня знания свои,
Чтоб могла выбирать я действительно.

⁷ Перевод песни – ar13.

Натяни меня на уши. За всю свою жизнь
Я ошибок не знала ни разу.
Я точно скажу, где же место тебе,
Заглянув лишь однажды в твой разум.

Когда Сортировочная Шляпа закончила петь, весь Большой Зал загремел аплодисментами.

– Когда сортировали нас, она пела другую песню, – заметил Гарри, хлопая вместе со всеми остальными.

– Она каждый год поёт новую, – ответил Рон. – Согласись, это, наверное, довольно скучное занятие – быть Шляпой; так что, я думаю, она целый год сочиняет очередную песню.

Профессор МакГонаггалл уже разворачивала длинный свиток пергамента.

– Когда я назову ваше имя, вы надеваете Шляпу и садитесь на табурет, – обратилась она к новичкам. – Когда Шляпа назовёт ваш Дом, вы встаёте и идёте за соответствующий стол.

– Акерли Стюарт!

Вперёд выступил мальчик, явственно дрожащий с головы до пят, взял Сортировочную Шляпу, надел и сел на табуретку.

– Рэйвенкло! – объявила Шляпа.

Стюарт Акерли снял Шляпу и поспешил к своему месту за рэйвенкловским столом, где все приветствовали его аплодисментами. Гарри уловил случайный взгляд Чоу, искателя команды Рэйвенкло, что-то одобрительно крикнувшей Стюарту, когда тот усаживался, и на какой-то миг к Гарри вдруг пришло странное желание тоже очутиться за рэйвенкловским столом.

– Бэддок Малкольм!

– Слизерин!

Стол в противоположном конце холла забурлил от восторга, Гарри видел, как хлопал Малфой, когда Бэддок присоединился к слизеринцам, и невольно задал себе вопрос – а знает ли Бэддок, что именно слизеринский Дом дал больше Тёмных ведьм и колдунов, чем все остальные. Фред и Джордж засвистели, как только Малькольм Бэддок сел на своё место.

– Брэнстоун Элеонора!

– Хаффлапф!

– Колдуэл Оуэн!

– Хаффлапф!

– Криви Дэннис!

Крошка Дэннис Криви двинулся вперёд, путаясь в хагридовской пшубе – тут, кстати, и сам Хагрид, пытаясь ступать как можно осторожнее, боком протиснулся в зал через дверь позади преподавательского стола. Вдвое выше любого человека и раза в три шире, Хагрид, с его длинными, чёрными, спутанными космами и бородой, имел довольно устрашающий вид, но это было самое обманчивое в мире впечатление – уж Гарри, Рону и Гермионе был прекрасно известен его добродушный характер. Лесничий подмигнул друзьям, усаживаясь с

края преподавательского стола и стал смотреть, как Дэннис Криви надевает Сортировочную Шляпу. Отверстие над полями раскрылось, и...

– Гриффиндор! – произнесла Шляпа свой вердикт. Хагрид захопал вместе с гриффиндорцами, когда Дэннис, радостно улыбаясь, снял Шляпу, положил её на место и поспешил к брату.

– Колин, я упал в воду! – пронзительно закричал он, падая на свободное место рядом. – Это замечательно! А меня кто-то схватил в воде и забросил обратно в лодку!

– Круто! – не менее возбуждённо воскликнул Колин. – Дэннис, наверное, это был гигантский кальмар!

– *Ого!* – восхитился Дэннис. Похоже, в самых смелых мечтах он и не надеялся на такое приключение – во время шторма упасть в бушующее бездонное озеро и затем быть поднятым оттуда громадным водным чудовищем.

– Дэннис! Дэннис! Видишь вон того мальчика? Того, с чёрными волосами и в очках? Видишь его? *Знаешь, кто это, Дэннис?*

Гарри торопливо отвернулся и принялся старательно наблюдать, как Шляпа разбирается с Эммой Ноббс.

Распределение продолжалось. Мальчики и девочки, с большим или меньшим страхом на лицах, один за другим подходили к трёхногой табуретке; очередь сокращалась медленно, и пока что профессор МакГонаггалл перебралась через букву «О».

– Ох, да скорее же, – вздыхал Рон, потирая живот.

– Ну, Рон, распределение гораздо важнее еды, – попробовал поспорить Почти Безголовый Ник в тот момент, когда Лора Мэдди была отправлена в Хаффлпафф.

– Конечно, если ты уже умер, – огрызнулся Рон.

– Я очень надеюсь, что пополнение Гриффиндора этого года проявит себя достойно, – заметил Почти Безголовый Ник, аплодируя, когда Натали Макдональд присоединилась к гриффиндорскому столу. – Мы же не хотим прервать нашу победную серию?

Гриффиндор побеждал в соревновании между Домами уже третий год подряд.

– Причард Грэхэм!

– Слизерин!

– Свирк Орла!

– Рэйвенкло!

И, наконец, на Уитби Кевин! («Хаффлпафф!») Распределение завершилось. Профессор МакГонаггалл унесла и Шляпу, и табуретку.

– Самое время, – пробурчал Рон, схватив нож и вилку и с нетерпением уставившись в золотую тарелку.

Поднялся профессор Дамблдор. Он улыбнулся всем ученикам, приветственно раскинув руки.

– Скажу вам только одно, – произнёс он, и его звучный голос эхом прокатился по всему залу. – *Уплетайте.*

– Давно пора! – с неподдельным чувством закричали Рон и Гарри, так как сразу же после слов директора стоявшие перед ними блюда магическим образом наполнились.

Почти Безголовый Ник со скорбным видом наблюдал, как Гарри, Рон и Гермиона нагружают свои тарелки.

– А-а-а, от эфо лушше, – пробормотал Рон со ртом, набитым картофельным пюре.

– Вам повезло, что банкет вообще состоялся, знаете ли, – продолжил беседу Почти Безголовый Ник. – Сегодня на кухне были неприятности.

– Пошпешу? Чшо слушшилось? – поинтересовался Гарри сквозь изрядный ломоть бифштекса.

– Разумеется, дело в Пивзе. – Ник сокрушённо покачал головой, и та опасно заколебалась. Он осторожно передвинул воротник чуть повыше. – Обычный спор. Пивз выразил желание присутствовать на банкете. Но тут всё ясно, вы его прекрасно знаете – совершеннейший дикарь, не может смотреть на тарелку с едой без того, чтобы не швырнуть ею в кого-нибудь. Мы собрали Совет призраков – Толстый Монах был за то, чтобы предоставить ему шанс – хотя, на мой взгляд, куда более мудрой была позиция Кровавого Барона – тот решительно воспротивился.

Кровавый Барон – это слизеринское привидение, долговязый молчаливый фантом, покрытый серебриющимися пятнами крови. В Хогвартсе он был единственным, кто действительно мог контролировать Пивза.

– Мы так и поняли, что Пивз чем-то разозлён, – мрачно отозвался Рон. – И что же он натворил на кухне?

– О, всё как обычно, – пожал плечами Почти Безголовый Ник. – Учинил разгром и беспорядок. Повсюду раскиданы горшки и кастрюли. Всё плавает в супе. Эльфы чуть с ума от страха не походили.

Блямс! Гермиона опрокинула свой золотой кубок, тыквенный сок разлился по скатерти, сделав большой кусок белого льняного полотна жёлтым, но Гермиона даже не обратила внимания.

– Домашние эльфы есть *здесь*? – Она ошеломлённо уставилась на Ника. – Здесь, в *Хогвартсе*?

– Разумеется. – Почти Безголовый Ник был порядком удивлён её реакцией. – Полагаю, самая большая община в Британии – около сотни.

– Но я никогда ни одного не видела! – поразилась Гермиона.

– Вероятно, потому, что днём они почти не покидают кухни, – ответил Ник – Они выходят только ночью, для уборки... присмотреть за факелами, то да сё... Я хочу сказать, вы и не должны их видеть... Это ведь и есть признак хорошего домашнего эльфа – что вы его не замечаете, не так ли?

Гермиона вперила в него негодующий взгляд:

– Но им *платят*? У них есть *выходные*? А отпуска по болезни, пенсии и всё такое?

Почти Безголовый Ник фыркнул с таким изумлением, что его воротник соскользнул и голова свалилась, повиснув на том клочке призрачной кожи, что всё ещё удерживал её на шее.

– Отпуска и пенсии? – переспросил он, водружая голову обратно на плечи и ещё раз подпирая её воротником. – Домовики не желают получать отпуска и пенсии!

Гермиона посмотрела на свою тарелку с едой, к которой едва успела притронуться, и отодвинула её от себя, положив нож и вилку.

– Да лана, Эммиона, – попытался сказать Рон, по-прежнему с набитым ртом, случайно обрызгав Гарри йоркширским пудингом. – О-о, ишвини, Арри. – Он проглотил. – Гермиона, ты не предоставишь им отпусков, если уморишь себя голодом!

– Рабский труд. – Гермиона буквально задохнулась от гнева. – Вот что создало этот ужин – *рабский труд*.

И она больше не взяла в рот ни кусочка.

Дождь по-прежнему с силой барабанил в высокие тёмные окна. От очередного удара грома задребезжали стёкла и на потолке полыхнула вспышка, озарившая золотые тарелки, исчезнувшие на мгновение с остатками первых блюд и немедленно вернувшиеся с пирогами.

– Пирожное с патокой, Гермиона! – Рон специально помахал так, чтобы соблазнительный запах достиг Гермионы. – А вот, смотри-ка, пудинг с изюмом! Шоколадный торт!

Но ответный взгляд Гермионы до того напомнил ему профессора МакГонагалл, что Рон сдался.

Когда были уничтожены и пироги, а со вновь заблестевших тарелок пропали последние крошки, Альбус Дамблдор снова поднялся со своего места. Гудение разговоров, наполнявшее Большой Зал, сразу же прекратилось, так что стало слышно лишь завывание ветра и стук дождя.

– Итак, – заговорил улыбаясь Дамблдор. – Теперь, когда мы все наелись и напились («Хм!» – с сомнением произнесла Гермиона), я должен ещё раз попросить вашего внимания, чтобы сделать несколько объявлений. Мистер Филч, наш смотритель, просил меня поставить вас в известность, что список предметов, запрещённых в стенах замка, в этом году расширен и теперь включает в себя Визжащие йо-йо, Клыкастые Фрисби и Безостановочно-расшибальные бумеранги. Полный список состоит из четырёхсот тридцати семи пунктов, и с ним можно ознакомиться в кабинете мистера Филча, если, конечно, кто-то пожелает.

Едва заметно усмехнувшись, Дамблдор продолжил:

– Как и всегда, мне хотелось бы напомнить, что Запретный Лес является для всех учащихся запретной территорией, равно как и деревня Хогсмид для тех, кто младше третьего курса. Также для меня является неприятной обязанностью сообщить вам, что чемпионата по квиддичу между Домами в этом году не будет.

– *Что?* – ахнул Гарри. Он оглянулся на Фреда и Джорджа, своих товарищей по команде. Те беззвучно разинули рты, уставившись на Дамблдора и, похоже, онемев от шока.

– Это связано с событиями, которые должны начаться в октябре и продолжиться весь учебный год – они потребуют от преподавателей всего их времени и энергии, но уверен, что вам это доставит истинное наслаждение. С большим удовольствием объявляю, что в этом году в Хогвартсе...

Но как раз в этот момент грянул оглушительный громовой раскат и двери Большого Зала с грохотом распахнулись.

На пороге стоял человек, опирающийся на длинный посох и закутанный в чёрный дорожный плащ. Все головы в зале повернулись к незнакомцу – неожиданно освещённый вспышкой молнии, он откинул капюшон, тряхнул гривой тёмно-серых с проседью волос и пошёл к преподавательскому столу.

Глухое клацанье отдавалось по всему залу при каждом его шаге. Незнакомец приблизился к профессорскому подиуму и прохромал к Дамблдору. Ещё одна молния озарила потолок. Гермиона охнула, и было от чего.

Вспышка резко высветила черты лица пришельца. Таких лиц Гарри ещё не доводилось видеть. Оно словно было вырезано из изъеденного ветрами дерева скульптором, имевшим довольно смутное представление о том, как должно выглядеть человеческое лицо, и вдобавок скверно владевшего резцом. Каждый клочок кожи был испещрён рубцами, рот выглядел просто как кривой разрез, а изрядный кусок носа отсутствовал. Но самая жуть была в глазах. Один был маленьким, тёмным и блестящим. Другой – большой, круглый как монета и ярко-голубой.

Этот голубой глаз непрестанно двигался, не моргая, вращаясь вверх, вниз, из стороны в сторону, совершенно независимо от первого, нормального глаза – а кроме того, он временами полностью разворачивался, заглядывая куда-то внутрь головы, так что снаружи был виден лишь белок.

Незнакомец подошёл к Дамблдору и протянул ему руку, исполосованную шрамами так же густо, как и лицо. Директор пожал её, негромко сказав при этом несколько слов, которые Гарри не расслышал. Похоже, он что-то спросил у вошедшего – тот неулыбчиво покачал головой и тоже вполголоса что-то ответил. Дамблдор кивнул и жестом пригласил его на свободное место по правую руку от себя.

Незнакомец сел, отбросив с лица длинные сивые патлы, и пододвинул к себе тарелку с сосисками; поднял к тому что осталось от его носа и понюхал, после чего достал из кармана плаща маленький нож, подцепил сосиску за конец и начал есть. Его нормальный глаз был устремлён на еду, но голубой без устали крутился в глазнице, озирая зал и учеников.

– Позвольте представить вам нашего нового преподавателя защиты от Тёмных искусств, – жизнерадостно объявил Дамблдор в наступившей тишине. – Профессор Муди.

По обычаю, новых преподавателей приветствовали аплодисментами, но в этот раз никто из профессоров или учеников не захлопал, если не считать самого Дамблдора и Хагрида. Их удары ладонью о ладонь уныло прозвучали при всеобщем молчании и скоро затихли. Всех остальных, видимо, настолько поразило необычайное появление Муди, что они могли только смотреть на него.

– Муди? – шепнул Гарри Рону. – *Безумный Глаз Муди?* Тот самый, которому твой отец отправился помогать сегодня утром?

– Должно быть, – пробормотал Рон благоговейным тоном.

– Что с ним случилось? – прошептала Гермиона. – Что с его *лицом*?

– Не знаю, – ответил Рон, заворожённо глядя на Муди.

Безумный Глаз остался совершенно равнодушен к такому более чем прохладному приёму. Не обращая внимания на стоящую перед ним кружку тыквенного сока, он снова

полез в плащ, вынул плоскую походную флягу и сделал из неё порядочный глоток. Пока он пил, задрав локоть, его мантия на несколько дюймов приподнялась над полом и Гарри углядел часть точёной деревянной ноги, заканчивающейся когтистой лапой.

Дамблдор вновь прокашлялся.

— Как я и говорил, — он улыбнулся множеству студенческих лиц, все взоры которых были обращены к Безумному Глазу Муди, — в ближайшие месяцы мы будем иметь честь принимать у себя чрезвычайно волнующее мероприятие, какого ещё не было в этом веке. С огромным удовольствием сообщая вам, что в этом году в Хогвартсе состоится Тримагический Турнир.

— Вы ШУТИТЕ! — оторопело произнёс Фред Уизли во весь голос, неожиданно разрядив то напряжение, которое охватило зал с самого появления Безумного Глаза.

Все засмеялись, и даже Дамблдор понимающе хмыкнул.

— Я вовсе *не* шучу, мистер Уизли, — сказал он. — Хотя, если уж вы заговорили на эту тему, я этим летом слышал анекдот... словом, заходят однажды в бар тролль, ведьма и лепреккон...

Профессор МакГонаггалл многозначительно кашлянула.

— Э-э-э... но, возможно, сейчас не время... нет... — произнёс Дамблдор. — Так о чём бишь я? Ах да, Тримагический Турнир. Я также, думаю, некоторые из вас не имеют представления о том, что это за Турнир, а те, кто знают, надеюсь, простят меня за разъяснения, и пока могут занять своё внимание чем-нибудь другим. Тримагический Турнир был основан примерно семьсот лет назад как дружеское соревнование между тремя крупнейшими европейскими школами колдовства — Хогвартсом, Бобатоном и Дурмстрангом. Каждую школу представлял выбранный чемпион, и эти три чемпиона состязались в трёх магических заданиях. Школы постановили проводить Турнир каждые пять лет, и было общепризнанно, что это наилучший путь налаживания дружеских связей между колдовской молодёжью разных национальностей. И так шло до тех пор, пока число погибших на этих соревнованиях не возросло настолько, что Турнир пришлось прекратить.

— *Погибших?* — прошептала Гермиона, встревоженно осматриваясь, но большинство учеников в зале и не думали разделить её беспокойство, многие шёпотом переговаривались, и даже Гарри гораздо больше интересовали подробности Турнира, чем какие-то несчастные случаи, произошедшие сотни лет назад.

— За минувшие века было предпринято несколько попыток возродить Турнир, — продолжал Дамблдор, — но ни одну из них нельзя назвать удачной. Тем не менее наши департаменты Магического сотрудничества и Магических игр и спорта пришли к выводу, что пришло время попробовать ещё раз. Всё лето мы упорно трудились над тем, чтобы в этот раз обеспечить условия, при которых ни один из чемпионов не подвергся бы смертельной опасности. Главы Бобатона и Дурмстранга прибудут со своими претендентами в октябре, и выборы чемпионов будут проходить в Хэллоун. Беспристрастный судья решит, кто из учащихся наиболее достоин соревноваться за Тримагический Кубок, честь своей школы и персональный приз в тысячу галлеонов.

— Я буду участвовать! — прошипел на весь стол Фред Уизли — его лицо разгорелось энтузиазмом от перспективы такой славы и богатства. Он оказался далеко не единственным, кто, судя по всему, представил себя в роли хогвартского чемпиона. За столом каждого Дома

Гарри видел людей, с не меньшим восхищением уставившихся на Дамблдора или что-то с жаром шепчущих соседям. Но тут директор заговорил вновь, и зал опять умолк.

– Я знаю, что каждый из вас горит желанием завоевать для Хогwartса Тримагический Кубок, однако главы участвующих школ совместно с Министерством магии договорились о возрастном ограничении для претендентов этого года. Лишь учащиеся в возрасте – я подчёркиваю это – семнадцати лет и старше получают разрешение выдвинуть свои кандидатуры на обсуждение.

Дамблдор слегка повысил голос, поскольку после таких слов поднялся возмущённый ропот – близнецы Уизли, например, сразу рассвирепели.

– Это признано необходимой мерой, поскольку задания Турнира по-прежнему остаются трудными и опасными, какие бы предосторожности мы ни предпринимали, и весьма маловероятно, что учащиеся младше шестого и седьмого курсов сумеют справиться с ними. Я лично прослежу за тем, чтобы никто из учеников моложе положенного возраста при помощи какого-нибудь трюка не подсунил нашему независимому судье свою кандидатуру для выборов чемпиона.

Его лучистые голубые глаза вспыхнули, скользнув по непокорным физиономиям Фреда и Джорджа.

– Поэтому настоятельно прошу – не тратьте понапрасну время на выдвижение самих себя, если вам ещё нет семнадцати. Делегации из Бобатона и Дурмстранга появятся здесь в октябре и пробудут с нами большую часть этого года. Не сомневаюсь, что вы будете исключительно гостеприимны с нашими зарубежными гостями всё то время, что они проведут у нас и что от души поддержите хогwartского чемпиона, когда он или она будет выбран. А теперь – уже поздно, и я понимаю, насколько для всех вас важно явиться на завтрашние уроки бодрыми и отдохнувшими. Пора спать! Вперёд!

Дамблдор сел на место и заговорил с Безумным Глазом. С громким шумом и стуком ученики поднялись на ноги и толпой хлынули к дверям в холл.

– Они не могут так поступить! – заявил Джордж Уизли, который не присоединился к людскому потоку в дверях, а остался стоять, с гневом глядя на Дамблдора. – Семнадцать нам исполняется в апреле, почему же нас лишают шанса?

– Они не помешают мне участвовать, – упрямо сказал Фред, тоже хмуро поглядывая на преподавательский стол. – Чемпионам позволено такое, о чём остальные и мечтать не смеют. И тысяча галлеонов награды!

– Да, – произнёс Рон с мечтательным видом. – Да, тысяча галлеонов...

– Пойдёмте-ка, – предложила Гермиона. – Если вы не пошевелитесь, мы тут останемся в одиночестве.

Гарри, Рон, Гермиона, Фред и Джордж направились в холл, и близнецы занялись обсуждением тех мер, которые может употребить Дамблдор, чтобы не допустить к Турниру тех, кому меньше семнадцати.

– А кто этот беспристрастный судья, который будет решать, кому быть чемпионом? – спросил Гарри.

– Понятия не имею, – ответил Фред. – Но его-то нам и предстоит провести. Я полагаю, Джордж, тут сработает пара капель Старящего зелья...

– Но Дамблдор знает, что вы не проходите по возрасту, – возразил Рон.

– Это-то да, но ведь не он решает, кто станет чемпионом, правильно? – весьма проницательно отметил Фред. – Сдаётся мне, что как только этот судья узнает, кто хочет участвовать, он выберет лучшего из каждой школы и внимания не обратит, сколько тому лет. А Дамблдор только попытается помешать нам подать заявки.

– Там люди гибли, учти! – с беспокойством напомнила Гермиона, когда они прошли через дверь, скрытую гобеленом и начали подниматься по другой, более узкой лестнице.

– Да, да, – беззаботно согласился Фред, – но это когда было... Да хоть бы и так – что за удовольствие без капельки риска? Эй, Рон, а что, если мы и впрямь отыщем способ, как обойти Дамблдора? Ты захотел бы поучаствовать?

– Что думаешь? – спросил Рон у Гарри. – Было бы круто принять участие, верно? Но, наверное, там нужен кто-нибудь постарше... не знаю, может, если бы у нас было побольше знаний...

– У меня знаний точно не хватит, – раздался позади Фреда и Джорджа унылый голос Невилла. – Наверное, моя бабушка захотела бы, чтобы я попытался – она беспрерывно толкует о том, как я должен поддерживать фамильную честь, и мне бы просто пришлось... ой!

Нога Невилла провалилась прямо сквозь ступеньку на середине лестницы – в Хогвартсе было полным-полно лестниц с подобными фокусами, у старшекурсников уже выработалась привычка перепрыгивать такие сюрпризы, но плохая память Невилла была знаменита на всю школу. Гарри с Роном подхватили его под руки и вытащили, в то время как рыцарские доспехи на верхней площадке закрипели и залязгали, заливаясь хриплым смехом.

– Закройся, ты, – буркнул Рон, захлопнув им забрало, когда они проходили мимо.

Друзья дошли до входа в гриффиндорскую башню, загороженного большим портретом Полной Леди в розовом шёлковом платье.

– Пароль? – потребовала она, как только они приблизились.

– Чепуха, – отозвался Джордж. – Мне префект внизу сказал.

Портрет развернулся, открыв проем в стене, в который и пробралась вся компания. Круглая общая гостиная была согрета огнём, потрескивающим в камине, кругом стояли мягкие кресла и столы. Гермиона бросила на весело пляшущее пламя мрачный взгляд, и Гарри отчётливо услышал, как она пробормотала «рабский труд», прежде чем пожелать им спокойной ночи, после чего удалилась в спальню девочек.

Гарри, Рон и Невилл поднялись по винтовой лестнице и наконец попали в собственную спальню, расположенную на самом верху башни. У стен стояли пять кроватей с тёмно-красными пологам, и у каждой в ногах – чемодан владельца. Дин и Шеймас уже легли спать; Шеймас приколот свою ирландскую розетку в изголовье, а Дин прикрепил плакат с Виктором Крамом над столиком у кровати. Прежний плакат с футбольной командой Вест Хэм теперь висел рядом.

— Бред какой-то, — со вздохом покачал головой Рон, посмотрев на совершенно неподвижных игроков.

Гарри, Рон и Невилл надели пижамы и забрались в кровати. Кто-то — без сомнения, домовый эльф — положил грелки между простынями. Было очень здорово лежать в тёплой постели и слушать, как снаружи беснуется буря.

— Ты знаешь, я тоже мог бы участвовать, — сонно пробормотал Рон в темноте. — Если Фред и Джордж придумают, как... Турнир... не попробуешь — не узнаешь, так ведь?

— Наверное. — Гарри перевернулся на другой бок, и череда ослепительных видений возникла перед его внутренним взором. Вот он перехитрил судью, и тот поверил, что ему семнадцать лет... он стал хогвартским чемпионом... вот он стоит, торжествуя, подняв руки перед ликующей школой — крики, рукоплескания... он только что выиграл Тримагический Турнир... Лицо Чоу особенно отчётливо выделяется в пёстрой толпе, оно светится восхищением...

Гарри улыбнулся в подушку, весьма довольный тем, что Рон не может ничего этого видеть.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

БЕЗУМНЫЙ ГЛАЗ МУДИ

На следующее утро буря утихла, хотя потолок в Большом Зале оставался пасмурным; тяжёлые, свинцово-серые тучи клубились над головами, когда Гарри, Рон и Гермиона изучали за завтраком новое расписание. Рядом Фред, Джордж и Ли Джордан решали, как магическим образом повзрослеть и проникнуть на Тримагический Турнир.

– Сегодня неплохо... всё утро на улице. – Палец Рона скользил по колонке уроков на понедельник. – Гербология с хаффлапафцами... и уход за магическими существами... а, чёрт, это у нас со слизеринцами.

– А днём сдвоенное прорицание, – тяжело вздохнул Гарри, посмотрев в конец списка. Прорицание, вслед за зельями, было одним из его самых нелюбимых предметов. Профессор Трелони упорно предрекала смерть Гарри, что ему уже порядком надоело.

– А ты не можешь отказаться от неё, как я? – бодро спросила Гермиона, намазывая тост маслом. – Выбрал бы что-нибудь более разумное, типа арифмантики.

– Я смотрю, ты снова ешь, – заметил Рон, глядя, как Гермиона щедро добавляет джем к намазанному маслом тосту.

– Я нашла лучший способ отстаивать права эльфов, – с вызовом ответила Гермиона.

– Да... и к тому же проголодалась, – усмехнулся Рон.

Над ними послышался шорох многочисленных крыльев – это в открытые окна с утренней почтой влетело не меньше сотни сов. Гарри машинально поднял голову, но ни одного белого пера не промелькнуло в лавине серого и коричневого. Совы кружили над столами, высматривая адресатов писем и посылок. Большая рыже-коричневая сова слетела к Невиллу Лонгботтому и положила ему на колени пакет – Невилл вечно что-то забывал. На другом краю зала филин Дрэйко Малфоя сел на его плечо с обычной, судя по всему, порцией конфет и печенья из дома. Стараясь не замечать переполнившего его разочарования, Гарри вернулся к своей овсянке. Может быть, что-то случилось с Хэвиг и Сириус даже не получил его письмо?

Он был поглощён этими мыслями всю дорогу по раскисшей от дождя тропинке, которая привела их к третьей оранжерее, но тут профессор Спраут отвлекла его, продемонстрировав классу самые уродливые растения, какие Гарри только приходилось видеть. На самом деле они выглядели скорее даже не как растения, а как гигантские чёрные слизи, вертикально торчащие из почвы. Каждый слегка извивался и был усеян множеством блестящих припухлостей, наполненных какой-то жидкостью.

– Бьюботтоберы, – жизнерадостно сказала профессор Спраут. – Их нужно выжимать, будете собирать гной...

– Собирать *что?* – с отвращением переспросил Шеймас Финниган.

– Гной, Финниган, гной, – повторила профессор Спраут. – И учтите, он чрезвычайно ценен, так что постарайтесь не пролить ни капли. Собирать будете вот в эти бутылки. И

наденьте перчатки из драконьей шкуры – неразбавленный гной бьюботюбера способен причинить коже разные неприятности.

Выдавливание бьюботюберов оказалось делом неприятным, но, как ни странно, приносящим удовлетворение. Когда очередной пупырышек лопался, наружу выбрызгивалось немалое количество густой желтовато-зелёной жидкости с сильным запахом бензина. Они аккуратно собирали её в указанные профессором Спраут склянки, так что к концу занятия набралось несколько пинт.

– Мадам Помфри будет счастлива, – заметила профессор Спраут, затыкая пробкой последнюю бутылку. – Гной бьюботюбера великолепное средство от самых тяжёлых форм угреватости, так что ученикам не надо будет прибегать ко всяким отчаянным способам, чтобы избавиться от угрей.

– Как бедняжка Элоиза Миджен, – тихо сказала Ханна Эббот из Хаффлапфа. – Она свои попыталась свести проклятием.

– Глупышка, – покачала головой профессор Спраут. – Но мадам Помфри в конце концов прикрепила ей нос на место.

Удар колокола в замке, прокатившийся над сырыми полями, возвестил окончание урока, и класс разделился – хаффлапфцы отправились в замок, на трансфигурацию, а гриффиндорцы пошли в противоположном направлении, вниз по склону луга к маленькой бревенчатой хижине Хагрида на опушке Запретного Леса.

Хагрид стоял возле своей избушки, держа за ошейник громадного чёрного пса Клыка. Перед ними на земле стояли несколько ящичков, и Клык поскуливал и тянул ошейник, сгорая от желания поближе познакомиться с содержимым. Когда все подошли ближе, до их ушей донёсся странный рокочущий шум, перемежающийся негромкими взрывами.

– Привет! – сказал Хагрид, улыбаясь Гарри, Рону и Гермионе. – Постоим, подожжём слизеринцев – они не зах'тят пропустить такое – взрывохвостые скруты!

– Кто-кто? – спросил Рон.

Хагрид в ответ лишь указал на ящички.

– Ф-е-е! – взвизгнула Лаванда Браун, отпрыгивая назад.

«Ф-е-е», на взгляд Гарри, было почти всё, что можно сказать о взрывохвостых скрутах. Они походили на уродливых, лишённых панциря омаров, омерзительно-бледных и скользких на вид, ноги их торчали из самых странных мест, а где голова, вообще было невозможно разобрать. В корзинах их было примерно по сотне, каждый шесть дюймов в длину. Они ползали друг по другу и слепо стукались о стенки; от них изрядно разило тухлой рыбой. Время от времени из конца тела какого-нибудь скрута вылетали искры, и с негромким «пафф!» его бросало вперёд на несколько дюймов.

– То'ко что вылупились, – с гордостью сказал Хагрид. – Так что вы, того, словом, сможете вырастить их сами! Можем даже проект насчёт этого составить...

– А с какой стати мы должны *хотеть* выращивать их? – раздался холодный голос.

Это подошли слизеринцы, и говорил, естественно, Дрэйко Малfoy, а Крэбб и Гойл тут же понимающе загоготали при этих словах.

Хагрид был озадачен подобным вопросом.

– Я имею в виду, что они *делают*? – уточнил Малфой. – Зачем они *нужны*?

Хагрид даже приоткрыл рот, напряжённо размышляя, и после затянувшейся паузы резко произнёс:

– Эт' разберём на следующих уроках, Малфой. Сёдня вам их надо прост' накормить. Ну, мы... попробуем несколько разных вещей... Я нико'да их раньше не имел, и не уверен, чем их кормить... что у них пойдёт... Так что приготовил муравьиные яйца, лягушачью печень, кусок ужа... просто дайте им всего понемногу.

– Так, сначала гной, теперь вот это, – проворчал Шеймас.

Лишь глубокая симпатия к Хагриду могла заставить Гарри, Рона и Гермиону набрать в горсти хлюпающую лягушачью печень и опустить в корзины, пытаясь соблазнить ею взрывохвостых скрутов. Вдобавок Гарри был не в силах отогнать подозрения, что вся эта затея совершенно бессмысленна, поскольку у скрутов, очевидно, не было ртов.

– Ай! – закричал Дин Томас минут через десять. – Он меня шибанул!

Хагрид с беспокойством поспешил к нему.

– Он с того конца взрывается! – сердито сообщил Дин, показывая Хагриду ожог на руке.

– А, да... это такое случается, когда они... стреляют огнём, – кивнул Хагрид.

– Ой! – снова вскрикнула Лаванда Браун. – Ой, Хагрид, а что это за острая штука на нём?

– Ага, у некоторых из них... есть жало, – с воодушевлением пояснил Хагрид (Лаванда поспешно выдернула руку из корзины). Думаю, это самцы. У самок что-то на манер этих... присосок на животе... они вроде того... могут пить кровь.

– А, ну вот теперь-то я понял, зачем мы их выхаживаем, – желчно заметил Малфой. – Кому не хочется иметь домашнюю зверюшку, которая может обжигать, жалить и кусаться одновременно?

– Даже если они и не очень-то симпатичны, это вовсе не значит, что они бесполезны, – сердито возразила Гермиона. – Драконья кровь обладает удивительной магической силой, но ты ведь не станешь держать дракона у себя дома?

Гарри и Рон улыбнулись Хагриду, а тот украдкой ухмыльнулся в ответ сквозь косматую бороду. Уж кто-кто, а Гарри, Рон и Гермиона прекрасно знали, как их друг хотел домашнего дракона; им одним было известно, что в первый год их учёбы у Хагрида жил недолго злобный норвежский гребнеспин по имени Норберт. Просто Хагрид души не чаял в монстрах – и чем они смертельней, тем лучше.

– Что ж, по крайней мере, скруты маленькие, – сказал Рон, когда они часом позже брели вверх по луку обратно в замок на обед.

– Это *сейчас*, – хмуро отозвалась Гермиона. – Но как только Хагрид выяснит, что они едят, думаю – быть им шесть футов в длину.

– Ну, какое это имеет значение, если они, скажем, вырабатывают лекарство от морской болезни или что-то в этом роде? – лукаво усмехнулся Рон.

– Ты отлично понимаешь, что я сказала это только затем, чтобы Малфой заткнулся, – отмахнулась Гермиона. – Но в сущности-то он прав. Лучше всего было бы передавить большинство из них, прежде чем они начнут бросаться на нас.

Усевшись за гриффиндорский стол, они отдали должное бараньим отбивным и картошке. Гермиона ела с такой скоростью, что Гарри и Рон устали на неё.

– Э-э-э... это что, новый способ отстаивать права эльфов? – поинтересовался Рон. – Следующий ход – довести себя до рвоты?

– Нет, – ответила Гермиона со всем достоинством, какое только позволял набитый брюссельской капустой рот. – Я просто ещё хочу успеть в библиотеку.

– *Что?* – Рон не поверил своим ушам. – Гермиона! Это же первый день учёбы! Нам даже ещё не задали домашнего задания!

Гермиона в ответ лишь пожала плечами и продолжала уминать еду так, словно три дня не ела, после чего вскочила и со словами «Увидимся за ужином!» умчалась прочь.

Когда колокол прозвонил к началу послеполуденных занятий, Гарри с Роном направились в Северную Башню, где тесные каменные ступени вели на самый верх, а там по серебряной лесенке надо было пролезть через круглый люк в потолке. Только так можно было попасть в комнату, где обитала профессор Трелони.

Знакомый сладкий аромат, струящийся от огня в камине, достиг их ноздрей, едва они влезли наверх. Как и всегда, окна были зашторены; круглый кабинет был погружён в тусклый красноватый сумрак, создаваемый множеством ламп, завешанных какими-то шарфами и шальями. Гарри и Рон пробрались через обитые ситцем стулья и пуфы, загромождавшие комнату, и сели за один маленький круглый стол.

– Добрый день.

Гарри даже подскочил – томный голос профессора Трелони раздался прямо за его спиной.

Необычайно худая женщина в громадных очках, делавших её глаза несообразно большими, профессор Трелони устремила на него тот трагический взгляд, который неизменно у неё появлялся, стоило ей завидеть Гарри. Как обычно, в свете камина на ней поблёскивали бесчисленные бусы, цепочки и браслеты.

– Вы чем-то обеспокоены, мой дорогой, – печальным тоном обратилась она к нему. – В последнее время своим Внутренним Оком я вижу ваше храброе лицо покрытым тучами тревоги. И к сожалению, должна сказать, что ваше беспокойство небезосновательно. Вижу для вас грядут трудные времена, увы... очень трудные... Боюсь, то, что страшит вас, и в самом деле произойдёт... и, возможно, раньше, чем вы думаете...

Её голос понизился почти до шёпота. Рон, глядя на Гарри, закатил глаза – тот встретил его взгляд с каменным выражением лица. Профессор Трелони проскользнула мимо них и опустилась в просторное кресло перед камином, лицом к классу. Лаванда Браун и Парвати Патил, страстные почитатели профессора Трелони, устроились на пуфах вплотную к ней.

– Дорогие мои, для нас настало время обратиться к звёздам, – заговорила она. – Движения планет и таинственные знамения являются лишь тем, кто сумел достичь понимания шагов небесного танца. Человеческая судьба может быть прочитана по лучам, исходящим от планет, что сплетаются...

Тут мысли Гарри куда-то поплыли. Ароматический дым всегда действовал на него усыпляюще и одуряюще, а туманные речи профессора Трелони о предсказании судьбы и

подавно никогда не увлекали. Но он никак не мог заставить себя не думать о её словах – «Я боюсь, то, что страшит вас, и в самом деле произойдёт...»

Нет, Гермiona права, подумал Гарри с раздражением, профессор Трелони и в самом деле старая обманщица. Ведь он решительно ничего не боялся в этот момент – ну, если не считать опасений, что Сириуса схватили... Но что может знать об этом профессор Трелони? После долгих размышлений он пришёл к выводу, что все эти её фирменные предсказания – не более чем случайные догадки, подкреплённые нагоняющими страх манерами.

Исключая, правда, тот раз в конце прошлого семестра – тогда она изрекла пророчество, что Волдеморт воспрянет вновь... сам Дамблдор сказал, что, по его мнению, транс был неопровержимым, когда Гарри описал ему, как всё было...

– *Гарри!* – позвал его Рон.

– Что?

Он огляделся – на него смотрел весь класс. Гарри сел поправее, – оказывается, он почти задремал, разморённый теплом и погружённый в свои мысли.

– Я только что говорила, мой дорогой, что вы, без сомнения, рождены под пагубным влиянием Сатурна, – произнесла профессор Трелони не без некоторой обиды в голосе, поскольку было очевидно, что он пропустил её слова.

– Рождён под чем, прошу прощения? – переспросил Гарри.

– Сатурн, дорогой, планета Сатурн! – повторила профессор Трелони, явно задетая тем, что Гарри не был потрясён этим известием. – Я рассказывала, что Сатурн, несомненно, был в пике активности в момент вашего рождения... тёмные волосы... хрупкое сложение... трагические потери в самом начале жизненного пути... Думаю, что не ошибусь, если скажу, что вы родились в середине зимы?

– Нет, – ответил Гарри. – Я родился в июле.

Рон поспешил скрыть свой смех за приступом кашля.

Через полчаса каждый получил запутанную круговую карту неба, на которой нужно было расписать положения планет на день своего рождения. Это была скучнейшая работа, требовавшая постоянно сверяться с таблицами времени и рассчитывать углы.

– У меня тут получается два Нептуна, – сказал Гарри через некоторое время, мрачно глядя на свой лист пергамента. – Такого не может быть, верно?

– А-а-а-ах, – прошелестел Рон, изображая таинственный шёпот профессора Трелони. – Когда в небе появляются два Нептуна, мой милый, это верный знак того, что рождается коротышка в очках, Гарри...

Шеймас и Дин, корпевшие рядом, громко захихикали, но их всех заглушил взволнованный возглас Лаванды Браун:

– Ой, профессор, посмотрите! Кажется, у меня получилась неаспектированная планета! Ой, что бы это могло быть, профессор?

– Это Уран, моя дорогая, – сказала профессор Трелони, всматриваясь в карту.

– А могу я тоже взглянуть на Уран⁸, Лаванда? – ехидно проворковал Рон.

⁸ Игра слов между «Uranus» и «your anus».

К несчастью, профессор Трелони услышала его и, возможно, именно по этой причине в конце занятия задала им непомерное домашнее задание.

— Подробный анализ траекторий планет, влияющих на вас в наступающем месяце со ссылкой на ваш собственный гороскоп, — грозно приказала она тоном, больше похожим на речь профессора МакГонаггалл, чем на её привычное эфирное щебетание. — Всё должно быть готово к следующему понедельнику, и никаких отговорок!

— Старая летучая мышь убогая! — со злостью говорил Рон, когда они вместе с другими учениками спускались в Большой Зал на ужин. — Это ж займёт все выходные, это...

— Что, много задали на дом? — оживлённо поинтересовалась Гермиона, догоняя их. — А профессор Вектор *нам* вообще ничего не задала!

— Что ж, очень мило с её стороны, — проворчал Рон угрюмо.

Они вошли в холл, где народ толпился у дверей в Большой Зал. Друзья отошли в сторонку, и тут позади них раздался громкий голос:

— Уизли! Эй, Уизли!

Гарри, Рон и Гермиона оглянулись и увидели Малфоя, Крэбба и Гойла, чем-то страшно довольных.

— Что? — коротко спросил Рон.

— Твой отец попал в газету, Уизли! — объявил Малфой, размахивая номером «Ежедневного пророка» и стараясь, чтобы его слышало как можно больше народу. — Вот только послушай это:

«ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРОМАХИ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ.»

Создаётся впечатление, что неприятности Министерства магии никак не закончатся, пишет специальный корреспондент Рита Скитер. Недавно подвергнутое критике за бездарную организацию массовых мероприятий на Чемпионате мира по квиддичу и упорную неспособность объяснить исчезновение одной из колдуний, вчера Министерство оказалось втянуто в новый скандал — на сей раз благодаря выходкам Арнольда Уизли из отдела Неправомерного использования маггловских артефактов.»

Тут Малфой поднял глаза:

— Прикинь, они даже его имя правильно написать не могли, как будто он полное ничтожество, а, Уизли?

Теперь слушали уже все, кто был в холле. Малфой эффектным жестом расправил газету и стал читать дальше:

«Арнольд Уизли, два года назад оштрафованный за незаконное владение летающим автомобилем, вчера ввязался в драку с маггловскими блюстителями закона (т. н. полицейскими) из-за нескольких весьма агрессивно настроенных мусорных баков. М-р Уизли, судя по всему, примчался на выручку Безумному Глазу Муди, престарелому экс-автору, уволившемуся из Министерства, когда он окончательно перестал видеть разницу между рукопожатием и попыткой убийства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, явившись к м-ру Муди в его строго охраняемый дом, м-р Уизли обнаружил, что м-р Муди в который раз поднял ложную тревогу. В ходе дальнейших событий м-ру Уизли пришлось несколько раз прибегнуть к преобразованию памяти, прежде чем ему удалось скрыться от

полицейских. При этом м-р Уизли отказался отвечать на вопросы «Ежедневного пророка» о том, зачем ему потребовалось вовлекать Министерство в эту недостойную и чреватую скандалом историю.»

– Тут и картинка есть, Уизли! – ликовав Малфой, развернув и подняв перед собой газету.
– Фотография твоих родителей перед домом – если это можно назвать домом. Твоей мамаше не помешало бы немного сбросить вес, как считаешь?

Рона затрясло от бешенства. Все взгляды были устремлены на него.

– Иди-ка ты знаешь куда, Малфой, – сказал Гарри. – Пошли, Рон...

– Ах да, ты же был у них этим летом, я не ошибаюсь, Поттер? – продолжал веселиться Малфой. – Скажи-ка мне, его матушка на самом деле такая жирная или только на фотографии?

– А *твоя* мамаша, Малфой? – огрызнулся Гарри, вдвоём с Гермионой отгаскивая Рона за мантию, чтобы тот не набросился на Малфоя. – Такое впечатление, словно она только что унюхала кучу дерьма у себя под носом. Скажи-ка, у неё всегда такой вид или это только когда ты рядом?

Бледное лицо Малфоя порозовело:

– Не смей оскорблять мою мать, Поттер!

– Тогда захлопни свою грязную пасть! – отрезал Гарри и повернулся, чтобы уйти.

БАХ!

Несколько человек вскрикнули – Гарри ощутил, как обдало жаром его висок. Он сунул руку в мантию за волшебной палочкой, но, прежде чем успел коснуться её пальцами, громынуло во второй раз, и по вестибюлю прокатился рёв:

– НУ УЖ НЕТ, ПАРЕНЬ!

Гарри круто обернулся. По мраморной лестнице, хромая, спускался профессор Муди. В руке он держал волшебную палочку, направленную на белого хорька, дрожавшего на мощённом плитами полу как раз на том месте, где только что стоял Малфой.

В холле наступила гробовая тишина. Никто, кроме Муди, не смел даже шелохнуться, а тот повернулся и посмотрел на Гарри – то есть на Гарри смотрел его нормальный глаз, а тот, другой, уставился куда-то внутрь.

– Он тебя задел? – прорычал Муди. Голос у него был низкий и сильный.

– Нет, – ответил Гарри. – Промазал.

– Оставь его! – рявкнул Муди.

– Оставить кого? – растерянно спросил Гарри.

– Не ты – он! – Муди ткнул большим пальцем через плечо, указывая на Крэбба, который попытался было поднять белого хорька с пола, но в страхе замер. Похоже, что вращающийся глаз и впрямь был магическим и мог видеть сквозь затылок.

Муди захромал по направлению к Крэббу, Гойлу и хорьку, который, испуганно пискнув, что было сил припустил ко входу в подземелье.

– Я так не думаю! – пророкотал Муди, вновь направляя на хорька волшебную палочку. Тот взлетел в воздух футов на десять, потом звучно шлёпнулся об пол и снова подскочил вверх.

– Мне не нравятся люди, которые нападают на противника со спины, – рычал Муди, а скулящего от боли хорька подбрасывало всё выше и выше. – Гнусный, трусливый, подлый поступок...

Хорька швыряло в воздухе, его лапы и хвост беспомощно болтались.

– Никогда... больше... так... не... делай, – говорил Муди, произнося каждое слово, как только хорёк ударялся об пол и опять взмывал вверх.

– Профессор Муди! – прозвучал возмущённый голос.

По мраморной лестнице спускалась профессор МакГонагалл с громадной стопкой книг в руках.

– Здравствуйте, профессор МакГонагалл, – спокойно сказал Муди, заставляя хорька подсакивать снова и снова.

– Что... что это вы делаете? – спросила профессор МакГонагалл, следуя взглядом за взлетающим всё выше хорьком.

– Учю, – ответил Муди.

– Учи... Муди, *это что, ученик?* – вскрикнула профессор МакГонагалл, и книги посыпались у неё из рук.

– Ну да, – ответил Муди.

– Нет! – вскричала профессор МакГонагалл, бросаясь вниз по ступеням и доставая волшебную палочку. Через секунду на месте хорька с треском появился Дрэйко Малфой – он кучей лежал на полу, его обычно прилизанные белокурые волосы рассыпались по ставшим ярко-красным лицу. Пошатываясь, он поднялся на ноги.

– Муди, мы *никогда* не используем трансфигурацию как наказание! – сказала профессор МакГонагалл слегка севшим голосом. – Профессор Дамблдор вам наверняка об этом говорил!

– Да, кажется, он упоминал об этом, – кивнул Муди, безмятежно почёсывая подбородок.

– Но я подумал, что хорошая встряска...

– Мы оставляем после уроков! Или сообщаем главе Дома, где учится нарушитель!

– Пожалуй, я это сделаю, – согласился Муди, с острой неприязнью покосившись на Малфоя.

Дрэйко, чьи белёсые глаза всё ещё были полны слёз от боли и унижения, злобно посмотрел на Муди, пробормотав неразборчиво что-то о своём отце.

– Да ну? – спокойно заметил Муди и, хромая, сделал два шага к нему. Тупое клацанье его деревянной ноги отозвалось по холлу. – Что же, я давно знаю твоего отца, парень... скажи ему, что Муди как следует присмотрит за его сыном... передай ему это от меня... кстати, это Снейп будет твой глава?

– Да, – с негодованием ответил Малфой.

– Ещё один старый знакомый, – прохрипел Муди. – Мечтал я побеседовать со стариной Снейпом... Пойдём-ка, ты... – Он ухватил Малфоя за плечо и повлёк его ко входу в подвал.

Профессор МакГонагалл несколько мгновений обеспокоенно смотрела им вслед, потом взмахнула волшебной палочкой, заставив упавшие книги снова подняться в воздух и вернуться к ней в руки.

– Ничего мне не говорите, – приказал Рон, когда несколько минут спустя они сели за гриффиндорский стол. Со всех сторон доносились взволнованные разговоры о том, что сейчас произошло.

– Это почему же? – удивилась Гермиона.

– Потому что я хочу навеки сохранить это в моей памяти, – ответил Рон, закрыв глаза с блаженным выражением на лице. – Дрэйко Малфой, отличный прыгающий хорёк...

Гарри с Гермионой засмеялись, и Гермиона принялась раскладывать по тарелкам говядину, приготовленную в горшочках.

– Вообще-то он мог по-настоящему зашибить Малфоя, – сказала она. – На самом деле хорошо, что профессор МакГонагалл его остановила.

– Гермиона! – с гневом воскликнул Рон, сердито открывая глаза. – Ты портишь самый счастливый момент моей жизни!

Гермиона коротко фыркнула и вновь на предельной скорости стала поглощать еду.

– Только не говори мне, что опять собираешься в библиотеку! – хмыкнул Гарри, глядя на неё.

– Собираюсь, – пробормотала Гермиона с полным ртом. – Масса дел.

– Но ты же сказала, что профессор Вектор...

– Это не домашнее задание, – ответила она, в пять минут очистила тарелку и была такова.

Не успела Гермиона отойти, как на её место бухнулся Фред Уизли, глаза его горели восхищением:

– Муди! Как же он крут!

– Ещё круче! – заявил Джордж, усаживаясь напротив Фреда.

– Суперкрут! – согласился Ли Джордан, лучший друг близнецов, проскользнув на место рядом с Джорджем. – У нас был сегодня его урок, – пояснил он Гарри и Рону.

– Ну и как? – с неподдельным интересом спросил Гарри.

Фред, Джордж и Ли обменялись многозначительными взглядами.

– Таких уроков ещё не бывало, – признал Фред.

– Он *знает*, старик, – добавил Ли.

– Знает что? – Рон даже наклонился вперёд.

– Знает, каково это – быть в самом пекле и делать дело, – с чувством произнёс Джордж.

– Какое дело? – не понял Гарри.

– Сражаться с Тёмными искусствами, – сказал Фред.

– Он их все повидал, – кивнул Джордж.

– Потрясный дед, – заключил Ли.

Рон немедленно полез в портфель за расписанием.

– У нас он только в четверг! – разочарованно вздохнул он.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

НЕПРОСТИТЕЛЬНЫЕ ПРОКЛЯТИЯ

Следующие два дня прошли без серьёзных происшествий, если не считать того, что Невилл умудрился расплавить на зельях свой шестой по счёту котёл. Профессор Снейп, который за лето, похоже, достиг нового уровня мстительности, оставил Невилла после уроков, и тот вернулся, совершенно пав духом – ему пришлось выпотрошить целую бочку рогатых жаб.

– Не знаешь, почему это Снейп в таком отвратительном настроении? – спросил Рон у Гарри, пока они наблюдали, как Гермиона учит Невилла Очищающим чарам, чтобы убрать лягушачьи кишки у него из-под ногтей.

– Знаю, – ответил Гарри. – Муди.

Всем было прекрасно известно, что Снейп стремится занять место преподавателя защиты от Тёмных искусств, но у него это не получается уже четвёртый год. Снейп терпеть не мог всех предыдущих преподавателей защиты и не скрывал этого – но явно остерегался высказать открытую враждебность по отношению к Безумному Глазу Муди. И в самом деле, когда бы Гарри ни видел их вместе – во время еды или когда они встречались в коридоре – у него возникало впечатление, что Снейп всячески избегает взгляда Муди – хоть магического глаза, хоть обычного.

– Ты знаешь, по-моему, Снейп его слегка побаивается, – задумчиво сказал Гарри.

Рон мечтательно закатил глаза:

– Представляю, как Муди превращает Снейпа в рогатую жабу и заставляет скакать по его подземелью...

Гриффиндорским четверокурсникам настолько не терпелось попасть на первый урок Муди, что в четверг сразу после обеда они столпились у его класса ещё до того, как прозвонил колокол.

Единственным, кто отсутствовал, оказалась Гермиона – она появилась только к самому началу урока.

– Я была в...

– ...библиотеке, – закончил за неё Гарри. – Давай быстрее, не то без нас займут лучшие места.

Они торопливо расселись прямо перед преподавательским столом, достали свои экземпляры учебников «Тёмные силы. Руководство по самозащите» и стали ждать в непривычной тишине. Вскоре из коридора донеслись клацающие шаги Муди, и он вошёл в класс – такой же странный и пугающий, как и всегда. Им даже была видна его шипастая деревянная нога, высунувшаяся из-под мантии.

– Можете убрать их, – хрипло прорычал он, проковылял к своему столу и сел. – Эти книги. Они вам не понадобятся.

Друзья спрятали учебники обратно в сумки. Рон заметно волновался.

Муди вытащил классный журнал, тряхнул длинной пегой гривой, убирая волосы с покорёженного и усеянного шрамами лица, и стал называть имена, причём его обычный глаз не отрывался от списка, в то время как магический вращался по сторонам, устремляясь на учащегося, когда он или она отзывались.

– Хорошо, – сказал он, когда последний заявил о своём присутствии. – Профессор Люпин написал мне о вашем классе. Похоже, вы достаточно основательно овладели противодействием Тёмным созданиям – прошли боггартов, красных колпаков, хинкипанков, гриндилоу, капи и оборотней – я правильно понял?

Класс согласно зашумел.

– Но вы отстали – и очень отстали – в отношении проклятий. Поэтому я здесь для того, чтобы подтянуть вас в области того, что сами колдуны могут причинить друг другу. У меня есть год, чтобы научить вас, как разбираться с Тёмными...

– А вы не останетесь? – вырвалось у Рона. Магический глаз Муди повернулся и уставился на Уизли. Тому стало здорово не по себе, но почти в тот же момент Муди улыбнулся – в первый раз за всё время, что они его видели. От этого его изуродованное лицо исказилось ещё больше, но тем не менее было приятно убедиться, что Муди способен на что-то дружественное, например, на улыбку. Как бы то ни было, Рон испытал глубокое облегчение.

– Ты будешь сын Артура Уизли, да? – сказал Муди. – Твой отец пару дней назад выручил меня из очень плотного капкана... Да, я пробуду здесь ровно год... окажу любезность Дамблдору... Один год – и назад, в мою тихую обитель.

Он засмеялся горьким смехом, с силой сомкнув свои шишковатые руки.

– Итак, прямо к делу. Проклятия. Они бывают разной силы и формы. Согласно рекомендациям Министерства магии, мне следует обучить вас контрпроклятиям и на этом остановиться. Я не должен показывать вам, каковы из себя запрещённые Тёмные проклятия, пока вы не перейдёте на шестой курс – вас считают недостаточно взрослыми, чтобы до этого времени иметь дело с такими вещами. Но профессор Дамблдор придерживается более высокого мнения о вашей выдержке, он считает, что вы справитесь, а я скажу так, чем раньше вы будете знать противника, тем лучше. Как можно защитить себя от того, чего никогда в жизни не видел? Колдун, который собирается применить к вам запрещённое проклятие, не станет делиться своими планами, он не будет действовать открыто на ваших глазах, вежливо и тактично. Вы должны быть готовы заранее. Вы должны быть бдительны и наблюдательны. Вы должны убрать это, мисс Браун, когда я говорю.

Лаванда подпрыгнула и залилась краской – она как раз показывала Парвати под партой свой законченный гороскоп. Несомненно, магический глаз Муди обладал способностью видеть сквозь дерево точно так же, как он видел через затылок.

– Итак... Кто-нибудь из вас знает, какие проклятия наиболее тяжело караются колдовским законодательством?

Неуверенно поднялись несколько рук, в том числе Рона и Гермионы. Муди кивнул Рону, хотя его магический глаз был по-прежнему устремлён на Лаванду.

– Ну, – робко начал Рон. – Отец говорил мне об одном... оно называется Империиус... или как-то так?

– О да, – с чувством произнёс Муди. – Твой отец *должен* его знать. Проклятие Империи доставило Министерству неприятностей в своё время.

Муди с усилием поднялся на ноги – живую и деревянную, выдвинул ящик стола и достал стеклянную банку. Внутри бегали три здоровенных чёрных паука. Гарри почувствовал, как Рон отодвинулся подальше – он ненавидел пауков.

Муди поймал одного и посадил себе на ладонь так, чтобы всем было видно, затем направил на него волшебную палочку и негромко сказал:

– *Imperio!*

Паук спрыгнул с ладони и завис на тонкой шёлковой нити, раскачиваясь взад и вперёд словно на трапеции. Он напряжённо вытянул ноги и сделал нечто вроде заднего сальто, затем перекусил нить и приземлился на стол, где принялся беспорядочно кувыркаться. Муди шевельнул палочкой, и паук, встав на две задние ноги, вне всяких сомнений, отбил чечётку.

Все засмеялись – все, кроме Муди.

– Думаете, это смешно, да? – прорычал он. – А понравится вам, если я то же самое сделаю с вами?

Смех мгновенно умолк.

– Полная управляемость, – тихо заметил Муди, когда паук сжался в комок и стал перекашиваться по столу. – Я могу заставить его выскочить из окна, утопиться, запрыгнуть в горло кому-нибудь из вас...

Рон невольно слотнул.

– Были времена, когда множество ведьм и колдунов были управляемы при помощи проклятия Империи, – продолжал Муди, и Гарри понял, что он говорит о тех днях, когда Волдеморт орудовал в полную силу. – Министерству пришлось постараться, чтобы выяснить, кто действует по принуждению, а кто по своей доброй воле. Проклятие Империи можно побороть, и я научу вас как, но это требует настоящей твёрдости характера и далеко не всякому под силу. Если возможно, лучше под него не попадать. ПОСТОЯННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ! – рявкнул он, и все подскочили.

Муди подобрал кувыркающегося паука и водворил обратно в банку.

– Кто ещё знает что-нибудь? Другие запрещённые проклятия?

В воздух взвилась рука Гермионы и ещё, к удивлению Гарри, Невилла. До сих пор он не стеснялся показывать свои знания лишь на гербологии – его, бесспорно, любимом предмете. Невилл, похоже, и сам был потрясён своей смелостью.

– Да? – сказал Муди, и его магический глаз, повернувшись, уставился на Невилла.

– Есть такое... проклятие Крусиатус, – произнёс Невилл тихо, но отчётливо.

Муди чрезвычайно пристально смотрел на Невилла, на сей раз уже обоими глазами.

– Тебя зовут Лонгботтом? – спросил он, и его магический глаз вновь скользнул вниз, пробегая список в журнале.

Невилл боязливо кивнул, но Муди воздержался от дальнейших расспросов. Повернувшись к классу, он вынул из банки следующего паука и посадил его на кафедру, где тот оцепенело замер, слишком напуганный, чтобы двигаться.

– Проклятие Крусиатус, – заговорил Муди. – Надо бы чуть побольше, чтобы вы уловили суть.

Он нацелил палочку на паука и скомандовал:

– *Engorgio!*

Паук вырос – теперь он был больше тарантула. Рон, махнув рукой на геройство, отъехал на своём стуле как можно дальше от учительского стола.

Муди снова поднял палочку и шепнул:

– *Crucio!*

В ту же секунду ноги паука прижались к туловищу, он перевернулся на спину и начал ужасно дёргаться, качаясь из стороны в сторону. От него, разумеется, не доносилось ни звука, но Гарри был уверен – будь у паука голос, он визжал бы изо всех сил. Муди не убирал палочки, и паук затрясся и задергался ещё неистовей.

– Прекратите! – воскликнула Гермиона.

Гарри оглянулся на неё. Она смотрела вовсе не на паука, а на Невилла – руки у того были стиснуты на столе, костяшки пальцев побелели, а широко открытые глаза были полны ужаса.

Муди поднял палочку. Ноги паука расслабились, но он продолжал подёргиваться.

– *Reducio!* – приказал Муди, и паук уменьшился до нормальных размеров.

Муди посадил его обратно в банку.

– Боль, – сказал он мягко. – Вам не нужно тисков или ножей, чтобы пытать кого-нибудь, если вы можете применить проклятие Крусиатус... Оно тоже когда-то было очень популярно. Так... Кто знает ещё что-нибудь?

Гарри огляделся. Судя по лицам, все были поглощены мыслями о том, что должно было случиться с последним пауком. Даже рука Гермионы слегка дрожала, когда она подняла её в третий раз.

– Ну? – посмотрел на неё Муди.

– Авада Кедавра, – прошептала Гермиона. Несколько человек посмотрели на неё с тревогой, в том числе и Рон.

– Ага, – ещё одна чуть заметная улыбка скривила неровный рот Муди. – Да, последнее и самое худшее... Авада Кедавра ... Проклятие Смерти.

Он опять запустил руку в банку, и, словно догадываясь, что сейчас произойдёт, третий паук отчаянно заметался по дну, пытаясь увернуться от скрюченных пальцев. Муди его всё-таки поймал и посадил на стол. Паук бросился наутёк по деревянной крышке.

Муди поднял волшебную палочку, и Гарри ощутил внезапный трепет, как от дурного предчувствия.

– *Avada Kedavra!* – каркнул Муди.

Полыхнула вспышка слепящего зелёного света, раздался свистящий звук, будто что-то невидимое и громадное пронеслось по воздуху, и паук мгновенно опрокинулся на спину – без единого повреждения, но, безусловно, мёртвый. Несколько девушек сдавленно вскрикнули. Рон отпрянул назад и едва не рухнул со стула, когда паук заскользил в его сторону.

Муди смахнул мёртвого паука на пол.

– Ужасно, – спокойно сказал он, – неприятно. И никакого противодействия. Невозможно отразить. За всю историю известен лишь один человек, сумевший пережить это, и он сидит сейчас прямо передо мной.

Гарри почувствовал, что краснеет под взглядом обоих глаз Муди; он знал, что и все остальные сейчас тоже смотрят на него. Гарри уставился на пустую доску, словно замороженный, но на самом деле ничего вокруг не видел.

Значит, вот так умерли его родители – точно так же, как этот паук. Наверное, у них тоже не было ни раны, ни отметины? Суждено ли им было просто увидеть зелёную вспышку и услышать свист налетающей смерти, прежде чем жизнь покинула их тела?

Гарри представлял себе смерть своих родителей снова и снова в течение трёх лет – с тех самых пор, как узнал, что они были убиты, с тех пор, как ему стало известно, что произошло в ту ночь: как Прихвост выдал Волдеморту их укрытие, и Тёмный Лорд настиг их.

Как Волдеmort первым убил его отца. Как Джеймс Поттер пытался задержать его и кричал жене, чтобы она брала Гарри и бежала... А Волдеmort шагнул к Лили Поттер, приказывая ей отойти в сторону, чтобы он мог убить Гарри... Как она умоляла убить её вместо ребёнка, отказываясь оставить сына... И Волдеmort убил и её тоже, прежде чем направить волшебную палочку на Гарри...

Гарри знал эти подробности потому, что слышал голоса родителей, когда в прошлом году сражался с дементорами, которые заставляли свои жертвы заново пережить самые страшные воспоминания и, обессилев, захлебнуться в собственном отчаянии...

Муди заговорил вновь – как казалось Гарри, где-то вдалеке. С немалым усилием Гарри заставил себя вернуться к реальности и прислушаться к словам преподавателя.

– Авада Кедавра – проклятие, требующее для выполнения серьёзной магической мощи. Сейчас вы все можете достать свои волшебные палочки, направить на меня и произнести положенные слова – однако сомневаюсь, чтобы у меня от этого хотя бы кровь из носа пошла. Но ничего, я для того и здесь, чтобы научить вас, как это делать.

Возникает вопрос – если всё равно нет контрпроклятия, то зачем я вам это показываю? *Затем, что вы должны знать.* Вы должны ясно представлять себе, как выглядит самое худшее. Недопустимо, чтобы вы вдруг оказались в ситуации, где столкнётесь с этим нос к носу. ПОСТОЯННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ! – взревел он, и весь класс опять подскочил.

– Итак – эти три проклятия – Авада Кедавра, Империус и Крусиатус – известны как Непростительные проклятия. Использование любого из них по отношению к человеческому существу достаточно, чтобы заработать пожизненный срок в Азкабанае. Это то, чему вы должны противостоять. Это то, с чем я должен научить вас бороться. Вам нужна подготовка. Вам нужно быть во всеоружии. Но самое главное – вам нужно приучить себя к *постоянной, неусыпной бдительности!* Достаньте ваши перья... запишите это...

Остаток урока они провели, записывая примечания к каждому из Непростительных проклятий. До самого удара колокола никто не проронил ни слова, но как только Муди отпустил их и они вышли из класса, всех буквально прорвало. Большинство обсуждало

заключения со смесью ужаса и восторга: «Видел, как паук дёргался? А как он убил его – прямо вот так!»

«Они так говорят об этом, – подумал Гарри, – словно побывали на увлекательном шоу». Сам-то он отнюдь не считал увиденное занятным представлением, и, похоже, так же думала Гермиона.

– Быстрее, – озабоченно сказала она Гарри и Рону.

– Что, снова в чёртову библиотеку? – спросил Рон.

– Нет, – резко ответила Гермиона, указывая на боковой коридор. – Невилл.

Невилл одиноко стоял посреди прохода, уставившись в каменную стену тем же испуганным взглядом широко открытых глаз, какой был у него, когда Муди демонстрировал проклятие Крусиатус.

– Невилл, – мягко произнесла Гермиона. Невилл обернулся.

– А, привет, – сказал непривычно высоким голосом. – Интересный урок, верно? Хотел бы я знать, что сегодня на ужин, я... я умираю от голода, а вы?

– Невилл, с тобой всё в порядке?

– О да, всё прекрасно, – пролепетал он всё тем же неестественно высоким тоном. – Очень интересный ужин... я хочу сказать, урок... а что нам дадут поесть?

Рон встревоженно взглянул на Гарри.

– Невилл, что...

Но тут сзади раздался стук и, обернувшись, они увидели хромающего к ним профессора Муди. Все четверо замолкли, с опаской поглядывая на него, но когда он заговорил, это было куда тише и спокойнее, чем тот рык, который они только что слышали.

– Всё в порядке, сынок, – обратился он к Невиллу. – Почему бы нам не зайти ко мне в кабинет? Пойдём-ка... выпьем по чашке чая...

Похуже, перспектива чаепития с Муди напугала Невилла ещё больше. Он замер, не говоря ни слова. Муди навёл свой магический глаз на Гарри.

– А ты, Гарри, как – всё в норме?

– Да, – почти вызывающе ответил Гарри. Голубой глаз Муди чуть заметно задрожал в глазнице, всматриваясь в Гарри. Помолчав, Муди сказал:

– Вы должны это знать. Это жестоко – да, возможно, *но вы должны это знать*. Никакого притворства... да... Пойдём, Лонгботтом, у меня есть несколько книг, которые тебя заинтересуют...

Невилл умоляюще посмотрел на Гарри, Рона и Гермиону, но они молчали, так что Невиллу ничего не оставалось, как дать себя увести – изрытая шрамами рука Муди уже лежала на его плече.

– И как это прикажете понимать? – осведомился Рон, глядя, как Невилл и Муди скрываются за углом.

– Не знаю, – печально отозвалась Гермиона.

– Вот это урок, да? – сказал Рон Гарри и Гермионе по дороге в Большой Зал. – Фред и Джордж были правы, верно? Муди своё дело знает, это точно. Когда он врубил Авада Кедавра, как этот паук *загнулся* – прикончил его прямо...

Но, взглянув на лицо Гарри, Рон смолк на полуслове и больше уже не заговаривал до Большого Зала – там он заметил, что лучше бы заняться предсказаниями профессора Трелони сегодня же вечером, поскольку это дело явно отнимет не один час.

Гермиона не принимала участия в их беседе. Она вновь яростно набросилась на еду, после чего опять умчалась в библиотеку. Гарри с Роном вернулись в гриффиндорскую башню, и Гарри, который весь ужин не мог думать ни о чём другом, теперь уже сам завёл речь о Непростительных проклятиях.

– Как по-твоему, не будет у Муди и Дамблдора неприятностей с Министерством, если там узнают, что мы занимаемся этими проклятиями? – спросил Гарри, когда они подошли к Полной Леди.

– Вполне возможно, – кивнул Рон. – Но Дамблдор всегда всё делал по-своему, да и Муди, я полагаю, годами не вылезал из неприятностей. Сначала стреляет, потом спрашивает – вспомни его мусорные баки. Чепуха.

Услышав пароль, Полная Леди отъехала, открыв проход. Они прошли в гостиную, где было таклюдно и шумно.

– Ну, так что, будем заниматься прорицанием? – спросил Гарри.

– Придётся... – вздохнул Рон.

Они поднялись в спальню взять книги и карты и застали там одного Невилла, читавшего, сидя на кровати. Он выглядел гораздо спокойней, чем в конце урока, хотя далеко ещё не пришёл в себя. Глаза его покраснели.

– Ты как, ничего? – сказал Гарри.

– Да, да, – отозвался Невилл, – всё хорошо, спасибо. Вот, смотрите, профессор Муди дал почитать...

Он показал им книгу – «Магические средиземноморские водные растения и их свойства».

– Оказывается, профессор Спраут сказала профессору Муди, что я хорошо разбираюсь в гербологии, – заметил Невилл. В его голосе прозвучала нотка гордости, какую Гарри редко доводилось слышать прежде. – Он подумал, что мне это понравится.

«Рассказать Невиллу, что говорила профессор Спраут, – подумал Гарри, – это очень тактичный способ подбодрить Невилла». Тот мало от кого слышал, что он хоть в чём-то хорошо разбирается. Это было как раз то, что сделал бы профессор Люпин.

Рон и Гарри, захватив свои экземпляры «Как рассеять туман над будущим», спустились обратно в гостиную, отыскали свободный стол и принялись трудиться над прогнозами текущего месяца. Прошёл час. Они продвинулись очень ненамного, хотя стол был уже завален кусками пергамента, исписанными формулами и символами, а в голове у Гарри стоял такой туман, словно её наполнил ароматический дым из камина профессора Трелони.

– Понятия не имею, что всё это значит, – пробурчал он, уставившись на длинный столбец вычислений.

– Знаешь, – меланхолично вымолвил Рон, волосы у него стояли дыбом, потому что в расстройстве чувств он постоянно запускал в них пальцы, – по-моему, пришло время вернуться к старому испытанному способу предсказаний.

– Что – просто выдумать?

– Ну да. – Рон смёл со стола кучу головоломных схем и окунул перо в чернила.

– В следующий понедельник, – начал он, записывая собственные слова, – у меня, наверное, разовьётся кашель вследствие неблагоприятного соединения Марса и Юпитера. – Он посмотрел на Гарри. – Ты же её знаешь – навороти побольше несчастий, и она это проглотит.

– Ладно, – согласился Гарри, скомкав свои расчёты и забросив их в камин поверх голов болтающих первокурсников. – Итак... В понедельник мне будет угрожать опасность... м-м-м... обжечься.

– Да так оно и есть, – проворчал Рон. – В понедельник нас снова ждёт встреча со скрутами. Хорошо, во вторник я... э-э-э...

– Лишишься ценного имущества, – предложил Гарри, листая в поисках идей «Как рассеять туман над будущим».

– Недурно, – пробормотал Рон, записывая. – По причине... м-м-м... Меркурия. А почему бы тебе не получить удар в спину от того, кого ты считал другом?

– Ух ты, здорово... – Гарри тоже заскрипел пером. – Из-за того, что... Венера находится в двенадцатом доме.

– А в среду мне, я думаю, суждено потерпеть поражение в бою.

– Ах, чёрт, я как раз собирался нарваться на какую-то стычку... Ладно, я проиграю пари.

– Ну правильно, ты держал пари, что я выиграю свою битву.

Они продолжали всю изобретать предсказания (которые становились всё трагичней и трагичней) ещё час. Гостиная постепенно пустела по мере того, как ученики расходились спать. Косолап, побродив вокруг них, вспрыгнул на соседнее кресло и устался на Гарри таким взглядом, каким, наверное, смотрела бы Гермiona, случись ей узнать, что они вытворяют со своим домашним заданием.

Шаря по комнате глазами в поисках ещё не использованных несчастий, Гарри увидел Фреда и Джорджа, сидевших у противоположной стены с перьями в руках над куском пергамента. Зрелище небывалое – близнецы удалились в уголок и тихо трудятся в поте лица. Обычно они предпочитали быть в гуще событий, шумно привлекая к себе внимание. Было что-то таинственное в том, с каким вниманием они склонились над пергаментом, – это напомнило Гарри, как тогда, в «Норе», они тоже сидели вдвоём, записывая что-то. В тот вечер он подумал, что это был новый бланк заказов для их «Ужастиков Умников Уизли», но сейчас, похоже, это было нечто иное. Будь так, они уж точно пригласили бы в компанию Ли Джордана поучаствовать в шутке. «Не измышляют ли ребята какой-нибудь способ пробраться на Тримагический Турнир», – подумалось ему.

Как раз в этот момент Джордж, глядя на быстро писавшего Фреда, отрицательно покачал головой и что-то очень тихо проговорил, однако в тишине пустой комнаты Гарри сумел расслышать слова: «Нет, это звучит так, словно мы обвиняем его, надо как-то поделикатнее...»

Тут Джордж поднял голову и встретился глазами с Гарри. Тот улыбнулся и сейчас же вернулся к своим предсказаниям – ему вовсе не хотелось, чтобы Джордж счёл, что он

подслушивает. Вскоре близнецы свернули пергамент, пожелали спокойной ночи и отправились спать.

Минут через десять после ухода Фреда и Джорджа портретный проём открылся и в гостиную вошла Гермiona – в одной руке она несла свитки пергамента, в другой – коробку, в которой что-то гремело. Косолап замурлыкал, выгнув спину.

– Привет, – сказала она. – Я только что закончила.

– И я тоже! – торжественно объявил Рон, отбрасывая перо.

Гермiona села, сложив свои вещи на свободное кресло и придвинула к себе готовые предсказания.

– Да, не скажешь, что тебя ждёт лёгкий месяц, верно? – заметила она с усмешкой, в то время как Косолап свернулся калачиком у неё на коленях.

– Что ж, по крайней мере, я предупреждён, – зевнул Рон.

– Ага, и собираешься дважды утонуть, – кивнула Гермiona.

– Ой, правда? – воскликнул Рон, спешно просматривая свой прогноз. – Да, одно утопление лучше заменить... пусть меня затопчет разъярённый гиппогриф.

– Думаете, не заметно, что вы всё это просто выдумали?

– Как ты можешь так говорить! – картинно возмутился Рон. – Мы тут вкалывали, как эльфы домашние!

У Гермiony поднялись брови.

– Это просто такое выражение, – торопливо пояснил Рон.

Гарри тоже отложил перо, успешно закончив на предсказании собственной смерти по той причине, что ему снесут голову.

– А что в этой коробке? – поинтересовался он.

– Даже странно, что ты спросил, – отозвалась Гермiona, бросив на Рона ядовитый взгляд. Она открыла крышку и продемонстрировала им содержимое.

Внутри находилось примерно полсотни значков, все разного цвета, но с одними и теми же буквами: РВОТЭ.

– Рвота? – Гарри взял один значок и стал рассматривать. – Это ещё что такое?

– Это не *рвота*, – нетерпеливо сказала Гермiona. – Это движение Р-В-О-Т-Э – Распространение Всеобщего Освобождения Труда Эльфов.

– Никогда о таком не слышал, – заявил Рон.

– Разумеется, не слышал. – Гермiona расправила плечи. – Я только что его основала.

– Да ты что? – Рон, похоже, ничуть не удивился. – И сколько же у вас членов?

– Ну... если вы вступите... будет трое.

– И ты думаешь, мы захотим разгуливать повсюду со значками, на которых написана «рвота»?

– Р-В-О-Т-Э! – раздражённо поправила его Гермiona. – Я собиралась назвать это Движение за Прекращение Возмутительного и Жестокое Обращения с Дружественными Магическими Созданиями и Борьбу за Изменение их Правового Статуса, но это не поместилось. Мы так озаглавим наш манифест.

Она помахала перед ними свитком пергамента.

– Я всё досконально изучила в библиотеке. Рабство эльфов уходит корнями в глубину веков. Не могу поверить, что никто не занялся этим до сих пор.

– Гермиона, открой пошире глаза! – громогласно обратился к ней Рон. – Им! Это! Нравится! Им *нравится* жить в рабстве!

– Наша ближайшая цель, – заговорила Гермиона ещё громче, будто не замечая Рона, – обеспечить домашним эльфам достойный заработок и условия труда. В дальнейшей перспективе – изменение закона о запрещении использования волшебных палочек и попытка добиться представительства эльфов в департаменте Регулирования и надзора за магическими существами, поскольку они там вопиющим образом отсутствуют.

– И как же мы всё это сделаем? – спросил Гарри.

– Мы начнём с набора членов в наше общество, – радостно откликнулась Гермиона. – Думаю, по два сикля за вступление – чтобы купить значок – и на вырученные деньги мы сможем субсидировать нашу пропагандистскую кампанию. Ты будешь казначеем, Рон – я тебе уже приготовила жестянку для сбора средств, а ты, Гарри – ты у нас секретарь, поэтому уже сейчас мог бы записывать, что я говорю, чтобы составить протокол нашего первого собрания.

Наступила пауза. Гермиона смотрела на друзей, сияя как именинница, а Гарри сидел, не зная, то ли злиться на Гермиону, то ли веселиться над Роном, от потрясения временно утратившим дар речи. Тишину нарушил негромкий стук в окно. Гарри оглянулся и в лунном свете увидел снежно-белую сову, сидящую снаружи на каменном подоконнике.

– Хэдвиг! – закричал он, выскочил из кресла, точно его подбросило, и кинулся открывать окно.

Хэдвиг пролетела через комнату и приземлилась на свиток с предсказаниями.

– Давно пора! – воскликнул Гарри, подбегая к ней.

– Она принесла ответ! – Рон возбуждённо указал на замызганный кусок пергамента, примотанный к лапе Хэдвиг.

Гарри поспешно отвязал его и сел читать, а Хэдвиг, пристроившись у него на колене, потряхивала крыльями и добродушно ухала.

– Ну что там? – прерывающимся от волнения голосом спросила Гермиона.

Письмо было очень коротким и выглядело так, словно его нацарапали второпях. Гарри прочёл вслух:

«Гарри, я немедленно вылетаю на север. Новость о твоём шраме – последняя в череде странных слухов, которые здесь до меня доходят. Если он заболит снова – иди прямо к Дамблдору. Тут говорят, что он вызвал из отставки Безумного Глаза; это означает, что он читает знаки – даже если никто, кроме него, этого не делает.

Я скоро буду. Мои наилучшие пожелания Рону и Гермионе. Гляди в оба, Гарри. Сифиус».

Гарри посмотрел на Рона и Гермиону, а те в ответ уставились на него.

– Он летит на север? – прошептала Гермиона. – Он *возвращается*?

– Что за знаки читает Дамблдор? – Рон в недоумении пожал плечами. – Гарри, это о чём?

Но Гарри лишь в ярости ударил себя кулаком по лбу:

– Я не должен был ему говорить!

– Ты это насчёт чего? – удивился Рон.

– Из-за моего письма он решил, что ему необходимо вернуться! – На сей раз Гарри хватил кулаком по столу так, что Хэдвиг перелетела на спинку Ронова кресла, возмущённо ухая. – Он возвращается, потому что уверен – я в беде! А со мной ровным счётом ничего! А для тебя я ничего не припас, – рявкнул он на ни в чём не повинную Хэдвиг, выжидательно щёлкавшую клювом. – Хочешь есть – лети в совятню!

Хэдвиг бросила на него до крайности оскорблённый взгляд и вылетела в открытое окно, на прощанье дав ему крылом что-то вроде подзатыльника.

– Гарри, – начала было Гермиона умиротворяющим тоном.

– Я иду спать, – отрезал Гарри. – Увидимся утром.

Наверху, в спальне, он натянул пижаму и забрался в кровать, но сна у него не было ни в одном глазу.

Если Сириус вернётся и его схватят, это будет его, Гарри, вина. Ну кто его тянул за язык? Разговорился из-за двух секунд боли... Почему у него не достало ума держать свои домыслы при себе?!

Гарри слышал, как через несколько минут в спальню поднялся Рон, но не сказал ему ни слова. Гарри долго лежал, глядя в темноту полога. В спальне царила полная тишина и, немного отвлёкшись от своих мыслей, Гарри обратил внимание, что не слышит привычного похрапывания Невилла. Значит, он не единственный, кому не спится в эту ночь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

БОБАТО́Н И ДУ́РМСТРАНГ

Гарри проснулся, едва забрезжил рассвет. В голове готов план, как будто мозг его работал всю ночь. Он встал, оделся и, стараясь не разбудить Рона, спустился в пустую гостиную. На столе с вечера так и лежит его домашняя работа о прорицаниях. Гарри сел, взял кусок пергамента и написал письмо:

«Дорогой Сириус!

Думаю, мне просто приснилось, что шрам болит. Последнее письмо я писал спросонья. Тебе не за чем возвращаться сюда, всё нормально. Не волнуйся за меня, с головой всё в порядке.

Гарри».

Выскочив из портретного проёма, он поспешил в совятник на самый верх Западной башни. Во всём замке царил тишина, только на пятом этаже к нему пристал Пивз, хотел сбросить на него тяжёлую вазу, но больше никого Гарри не встретил.

Вот наконец и совятник – круглое каменное помещение, окна без стёкол, поэтому холодно и гуляют сквозняки, на застланном соломой полу совиный помёт и обклёванные скелетики мышей и хомяков. Совы всех мыслимых пород сидят ярусами на жёрдочках до самого потолка, он же крыша башни. Почти все спят, и всё-таки отовсюду нет-нет и глянет на него круглый янтарный глаз.

Хэдвиг сидела между сипухой и серой совой. Гарри поспешил к ней, поскользнулся и чуть не упал. Пришлось потрудиться, чтобы сова разлепила веки и обратила на него взор. Однако она тут же повернувшись к нему хвостом – накануне вечером он не поблагодарил её за письмо, и Хэдвиг всё ещё держала на него обиду. В конце концов, Гарри предположил, что она слишком устала, и ему, наверное, придётся одолжить Свинстуну у Рона. Это сподвигло сову протянуть лапу и дать Гарри примотать письмо к ней.

– Найди его как можно скорее, – попросил Гарри, поглаживая её по спине. Он поднёс её к одному из оконных проёмов. – Раньше дементоров.

Хэдвиг клюнула его в палец сильнее, чем обычно, но всё же ласково ухнула в знак примирения, расправила крылья и полетела навстречу солнцу. Гарри проводил её взглядом, на душе было тяжело. Он точно не ожидал, что ответ Сириуса только усилит его тревогу.

* * *

– Но это же *враньё*, Гарри, – резко ответила Гермиона за завтраком, когда он рассказал им с Роном о письме, – Про шрам ты не придумал и ты это знаешь.

– Ну и что? Зато его в Азкабан из-за меня не отправят.

– Перестань, – шикнул Рон на Гермиону, уже открывшую рот, чтобы что-то возразить, и в кои-то веки Гермиона послушалась.

Недели две Гарри, как мог, боролся с тревогой о крёстном. И всё равно по утрам с замиранием сердца ожидал совиную почту, а перед сном в постели ему мерещились страшные видения: Сириуса хватают дементоры где-нибудь в тёмном закоулке Лондона. Жаль, что не было тренировок, квиддич – лучшее лекарство от тяжких мыслей. Зато уроки, особенно защита от Тёмных искусств, стали труднее, да и требовали учителя куда больше.

Ко всеобщему удивлению, профессор Муди объявил, что подвергнет каждого проклятию Имперіус – продемонстрирует его силу и проверит способность учеников к сопротивлению.

– Но, профессор, – неуверенно начала Гермиона, – вы ведь сказали, что это нарушение закона...

Профессор молча взмахнул волшебной палочкой, парты разъехались в стороны, и в середине класса образовалось пустое место.

– ...что к людям это проклятие применять нельзя, – закончила лучшая ученица свою мысль.

– Дамблдор хочет, чтобы вы на собственном опыте познали опасность этого проклятия, – непрерываемым тоном произнёс Муди, его магический глаз впился в Гермиону и парализовал жутким немигающим взглядом. – Но если ты предпочитаешь учиться на горьком опыте – когда кто-то подвергнет тебя проклятию и сможет полностью контролировать, я не стану возражать, это твой выбор. Можешь покинуть урок. – И он указал скрюченным пальцем на дверь.

Густо покраснев, Гермиона прошептала, что имела в виду совсем другое. Гарри с Роном улыбнулись, переглянувшись. Гермиона скорее проглотит гной бьюботюбера, чем пропустит такой важный урок.

Муди по очереди вызывал учеников и накладывал на них проклятие Имперіус. Чего только они не вытворяли, оказавшись в его власти. Дин Томас трижды проскакал вокруг комнаты, распевая национальный гимн. Лаванда Браун вообразила себя белкой. Невилл исполнил гимнастические упражнения, к которым сроду не был способен. Перед проклятием оказались бессильны все, становясь собой, только когда Муди проклятие снимал.

– Поттер, – наконец прохрипел Муди, – твоя очередь.

Гарри вышел на середину класса. Профессор нацелил на него палочку и произнёс:

– *Imperio!*

Удивительное ощущение! Гарри словно воспарил в небо. Никакого беспокойства нет и в помине, только лёгкое, необъяснимое счастье. Блаженство волной окатило его, и всё же он чувствовал себя как в тумане: за ним пристально наблюдают. И тут в пустом черепе эхом отдалось приказание Безумного Глаза:

«Прыгай на стол... Прыгай на стол...»

Гарри послушно согнул колени, приготовясь к прыжку.

«Прыгай на стол...»

«А собственно, зачем?»

Где-то в глубине сознания раздался ещё один голос: «Это же просто глупо!»

«Прыгай на стол...»

«Не прыгну, спасибо. – Второй голос зазвучал чуть твёрже. – Я правда не хочу...»

«Прыгай! ЖИВО!»

Сильная боль пронзила Гарри: он прыгнул, отчаянно при этом сопротивляясь. Врезался в стол, опрокинул его. И, как ему показалось, сломал обе коленные чашечки.

– *Это* уже на что-то похоже, – слышался громкий голос Муди. Полная отзвуков пустота в голове вдруг исчезла. Гарри ясно помнил, что с ним произошло. Боль в коленях усилилась. – Все посмотрите на Гарри! Он боролся и, чёрт побери, почти устоял. Победа была совсем близка! Попробуем ещё раз, Поттер! А вы следите за ним, особенно за глазами. В них всё отражается. Молодец, Гарри! Контролировать *тебя* будет проблемой!

– Нет, как он говорит! – ворчал Гарри, когда час спустя, хромая, выходил с урока защиты. Муди заставил его упражняться до победного конца, и после четвёртой попытки Гарри полностью одолел проклятие. – Можно подумать, будто мы все в любую минуту можем подвергнуться нападению!

– Да, знаю, – ответил Рон, всё ещё прыгавший через ступеньку. Борьба с проклятием далась ему труднее, чем Гарри, но Муди обещал, что самое позднее к обеду эффект проклятия закончится. – Говоря о параное... – Рон обернулся, нет ли сзади Муди. – Неудивительно, что Министерство с радостью от него избавилось. Ты слышал, он рассказывал Шеймасу, что сделал с той ведьмой, которая первого апреля крикнула ему вслед «бу-у»? – продолжал Рон. – И когда, спрашивается, мы успеем изучить приёмы против его Импернуса, если нам столько всего назадавали?

Весь четвёртый курс заметил, что в этом году им стали задавать на дом куда больше. От уроков по трансфигурации взвыл весь класс.

– Вы вступаете в важнейшую фазу обучения магическим искусствам, – наставляла профессор МакГонаггал, угрожающе поблёскивая прямоугольными стёклами очков. – Не за горами экзамен на Ступень Обычного Волшебства...

– Так СОВ будет только на пятом курсе! – взмолился Дин Томас.

– Согласна, Томас. Но готовиться к нему следует заранее. Из всего класса только одна мисс Грэйнджер превратила ежа в более-менее приличную подушку для иголок. Должна напомнить, что ваша подушка, Томас, до сих пор в ужасе сворачивается, стоит поднести к ней булавку.

Гермиона покраснела, едва сдерживая улыбку от переполнявшей её гордости.

А вот на прорицании Рону и Гарри улыбнулась удача. Профессор Трелони объявила, что поставила обоим за сочинение самый высокий балл. Прочитала их предсказания и похвалила за смиренное приятие предстоящих ужасов. Но радость друзей быстро улетучилась. Трелони задала новое такое же задание, на следующий месяц, а у них в головах, как назло, иссяк запас бедствий и катастроф.

Не отстал от других и профессор Биннс по истории магии, задал через неделю сдать сочинение о восстании гоблинов в XVIII веке. Профессор Снейп обрушил лавину противоядий, обещая перед Рождеством кого-нибудь отравить – надо же проверить, как усвоены противоядия. А профессор Флитвик велел прочесть про Манящие чары три толстые книги из списка дополнительной литературы.

Даже Хагрид – и тот их не пощадил. Его обожаемые взрывохвостые скруты росли с ужасающей быстротой, хотя никто не знал, чем же они питаются. И Хагрид, будучи в восторге от этого, предложил провести исследование: через вечер приходить к нему, наблюдать скрутов и делать записи об их бесподобном поведении.

– Я не буду, – наотрез отказался Дрэйко Малфой. – Я с лихвой нагляделся на них во время урока, спасибо.

Улыбка сползла с лица Хагрида.

– Бу'шь делать, шо я велю, – гаркнул он. – Не то я последую примеру профессора Муди... Слышал я, какой из т'я прекрасный хорёк получился!

Гриффиндорцы расхохотались. Малфой зло вспыхнул, даже не нашёлся что возразить. Видно, не забыл ещё наказания Муди.

Гарри, Рон и Гермиона возвращались в замок в самом весёлом расположении духа. Каким же удовлетворением было увидеть, как Хагрид поставил на место Малфоя! Особенно, если вспомнить, что тот в прошлом году из кожи вон лез, чтобы лесничего выгнали из Хогвартса.

Вошли в холл и у порога застряли – дальше и шага не ступишь. На стенде у мраморной лестницы – объявление, возле которого столпилось полсотни учеников. Рон, как самый высокий, встав на цыпочки, громко прочитал через головы:

«Тримагический Турнир. Делегации из Бобатона и Дурмстранга прибывают в Хогвартс в ближайшую пятницу – 30 октября в 6 часов вечера. Уроки в этот день закончатся на полчаса раньше...»

– Здорово! Последний урок – зельеварение! Снейп не успеет никого отравить! – ликовал Гарри.

«...После уроков всем ученикам отнести сумки с учебниками в спальни и собраться перед замком чтобы встретить наших гостей перед началом праздничного пира.»

– Уже через неделю! Интересно, Седрик уже знает? Пойду скажу ему! – Эрни Макмилан из Хаффлапфа с загоревшимся взглядом растолкал учеников и устремился к лестнице.

– Седрик? – недоумённо повторил Рон, глядя вслед убегающему Эрни.

– Дигтори, – объяснил Гарри, – он наверняка собирается принимать участие в турнире.

– Этот придурок будет чемпионом Хогвартса? – хмыкнул Рон, выбираясь с друзьями из толпы.

– Дигтори не придурок. Он тебе не нравится, потому что нанёс поражение Гриффиндору. А я слышала, он прекрасный ученик. К тому же префект, – непререкаемым тоном проговорила Гермиона.

– Зато тебе он очень нравится! Как же, такой *красавчик*, – подколот её Рон.

– Уж извини, но я сужу о людях не по внешнему виду, – возмутилась Гермиона.

Рон громко и напоказ прокашлялся, что прозвучало подозрительно похоже на слово "Локхарт".

Объявление взбудоражило обитателей замка. Куда бы Гарри ни шёл, только и слышно: «Тримагический Турнир». Слухи летали от одного ученика к другому, словно крайне заразная

болезнь: кто будет пытаться стать чемпионом Хогвартса, как будет проходить турнир, чем отличаются ученики Бобатона и Дурмстранга от них самих.

И конечно, замок подвергся генеральной уборке. Несколько потемневших портретов хорошенько почистили и помыли, к их вящему недовольству. Люди на портретах ёжились в своих рамах, сердито бурчали, кривя влажные розовые лица. Рыцарские доспехи заблестели и задвигали руками без скрипа и скрежета. А Аргус Филч в ярости кидался на ребят, забывших вытереть ноги, и даже довёл двух девочек-первоклашек до слёз.

Остальные работники школы тоже нервничали.

– Лонгботтом, пожалуйста, не выдайте кому бы то ни было из Дурмстранга своё неумение исполнить простейшее Замещающее заклинание, – взмолилась профессор МакГонаггалл в конце особенно трудного урока, когда Невилла утраздило пересадить собственные уши на кактус.

И вот наступил долгожданный день. Войдя утром в Большой Зал, ученики на миг замерли – ночью на стены вывесили огромные флаги всех Домов: Гриффиндорский – красный с золотым львом, Рэйвенкло – бронзовый орёл на синем фоне, жёлтый с чёрным барсуком хаффлапфцев и зелёное знамя с серебряной змеей Слизерина. Позади профессорского стола развевалось невероятных размеров полотнище с гербом Хогвартса: большая буква «Н» в окружении льва, орла, барсука и змеи.

Фред с Джорджем уже завтракали. Но опять сидели отдельно от всех и о чём-то шептались, что было им отнюдь не свойственно. И Рон с друзьями, конечно, направился прямо к ним.

– Да-а, дело дрянь, – мрачно сказал Джордж Фреду. – Если он откажется говорить с нами, придётся письмо послать в конце концов. Или прямо в руку сунем, не сможет он нас избегать бесконечно.

– Кто вас избегает? – подсел к ним Рон.

– Лучше бы ты это делал, – буркнул Фред раздражённо.

– А почему дело дрянь? – спросил Рон Джорджа.

– Потому что младший брат слишком приставучий.

– А что вы думаете о Турнире? Хотите в нём участвовать?

– Я спросил у МакГонаггалл, как будут выбирать участников, но она не ответила, – сокрушался Джордж. – Велела замолчать и заняться трансфигурацией енота.

– Интересно, какими будут испытания? – задумался Рон. – Знаешь, Гарри, держу пари, что мы бы справились. Мы и раньше делали опасные вещи...

– Да, но не перед судейской бригадой, – остудил брата Фред.

– А кто судить будет? – спросил Гарри.

– Всегда директора школ-участниц, – подала голос Гермиона. – На Турнире тысяча семьсот девяносто второго года все три участника получили увечья, когда кокатрис, которого они ловили, впал в ярость.

Заметив, что многие с удивлением на неё таращатся, Гермиона, как всегда, начала сердиться: почему все они так мало читают!

– Об этом написано в «Истории Хогwartса»! Правда, в ней не *всё* достоверно. Я бы её назвала «Пересмотренная история Хогwartса». Или «Необъективная и выборочная история Хогwartса, которая преукрашивает неприятные аспекты школы».

– Ты это про что? – не понял Рон, но Гарри сразу догадался, что за этим последует.

– Про *домовых эльфов*! – отчётливо и громко произнесла Гермиона, подтвердив догадку Гарри. – Ни одного раза на протяжении тысячи страниц в «Истории Хогwartса» не сказано, что мы все участвуем в жестоком угнетении сотни рабов!

Гарри покачал головой и принялся за омет. Они с Роном прохладно отнеслись к кампании Гермионы в защиту домовых эльфов. Но это не охладило её пыл. Правда, они купили два значка, чтобы Гермиона хоть немного уюмонилась. Но только выкинули деньги на ветер: менее говорливой она не стала. Хуже того, потребовала носить значки – подавать пример другим. Каждый вечер, придя в гостиную, Гермиона высматривала очередную жертву, загоняла в угол и трясла у неё под носом жестяной банкой со значками.

– Вы понимаете, что вам меняют простыни, топят камины, моют классы, на вас готовят порабощённые магические существа, не получающие за свой труд они ни сикля? – бесстрашно продолжала она вещать.

Некоторые, среди них Невилл, заплатили, просто чтобы Гермиона отвязалась. Кое-кто слегка проникся её словами, но этим дело и ограничилось. А многие и вовсе сочли её приставания за шутку.

Рон возвёл глаза к потолку, заливавшему зал последними лучами осеннего солнца. Фред проявил повышенный интерес к бекону (близнецы не купили значок «РВОТЭ»). А Джордж сказал:

– Слушай, Гермиона, ты-то хоть раз была на кухне?

– Конечно, нет, – отрезала Гермиона. – Насколько я знаю, ученикам не разрешается...

– А мы были, – перебил её Джордж и ткнул Фреда в бок. – И неоднократно. Тырили еду. И видели домовиков. Они там *блаженствуют*. Считают, что лучше работы нет...

– Потому что они необразованны и им промыли мозги, – горячо продолжала Гермиона, но тут зашумела крыльями совиная почта, и она смолкла.

Гарри вскинул голову – к нему летела Хэдви́г. Рон с Гермионой не отрывали от неё тревожного взгляда. Сова села на плечо Гарри, сложила крылья и устало протянула лапу. Гарри отвязал письмо Сириуса и дал ей корку бекона, которую Хэдви́г с благодарностью проглотила. Убедившись, что близнецы заняты обсуждением Тримагического Турнира, он шёпотом прочитал друзьям письмо:

«Неплохая попытка, Гарри.»

Я вернулся в страну и сейчас в надёжном укрытии. Держи меня в курсе всего, что происходит в Хогwartсе. Не используй Хэдви́г, меняй сов. Обо мне не беспокойся, но сам будь начеку. Не забудь, что я сказал тебе про твой шрам.

Сириус».

– А сов менять зачем? – тихо спросил Рон.

– Слишком много внимания к Хэдвиг, – мигом сообразила Гермиона. – Она выделяется. Белоснежная сова, которая часто прилетает в одно и то же место... Ведь полярные совы в наших краях не водятся, так?

Гарри свернул письмо и сунул в мантию, не понимая, уменьшило ли оно тревогу или усилило. Несомненно, Сириусу непросто было вернуться незамеченным. Но с другой стороны, когда Сириус неподалёку, чувствуешь себя спокойнее и не так долго ждёшь ответа на отправленное письмо.

– Спасибо тебе, Хэдвиг, – поглаживал Гарри сову. Сонно ухнув, она нырнула клювом в кубок с апельсиновым соком и взлетела, предвкушая сладкий сон на маковке башни.

В воздухе витало ощущение праздника. На уроках никто себя не утруждал, все мысли были о гостях из Бобатона и Дурмстранга. Даже зельеварение показалось не таким противным, ведь урок сегодня кончался на полчаса раньше. Прозвенел звонок. Гарри и Рон с Гермионой поспешили к себе в башню. Оставили в спальне сумки, надели мантии и помчались вниз по лестнице в холл.

Главы Домов построили учеников в колонны.

– Уизли, поправьте шляпу, – командовала профессор МакГонагалл. – Мисс Патил, уберите эту нелепую вещь с ваших волос. – Парвати нахмурилась и убрала большую декоративную бабочку с конца своей косы.

– Прошу за мной, – сказала профессор МакГонагалл, – первогодки – вперёд. И не толкайтесь.

Рядами спустились по главной лестнице и выстроились перед замком. Был ясный холодный вечер. Сгущались сумерки. Бледная призрачная луна уже вошла над Запретным Лесом. Гарри, стоявший в четвёртом ряду между Роном и Гермионой, заметил среди первоклашек Дэнниса Криви, которого трясло в предчувствии чего-то необычного.

– Скоро шесть, – взглянув на часы, Рон устремил взгляд на дорогу, ведущую к главным воротам. – На чём, по-твоему, они едут? На поезде?

– Сомневаюсь, – сказала Гермиона.

– А как тогда? На мётлах? – предположил Гарри, глядя в небо, усеянное крупными звёздами.

– Не думаю. Путь-то неблизкий.

– Может, портключ? – терялся в догадках Рон. – А может, у них разрешается аппарировать до семнадцати лет?

– На территории Хогвартса аппарировать невозможно, сколько раз тебе говорить, – осекла его Гермиона.

Друзья внимательно обшаривали взглядами небо. Ни малейшего признака летящего предмета. Как всегда, тишь и покой. Гарри стал замерзать. Скорей бы уж появились гости! Может, они придумали какое-то необычное представление? Ему вспомнились слова мистера Уизли на стадионе перед матчем на Кубок мира: «Вечно одна и та же история. Не можем не повыделываться друг перед другом во время массовых сборищ».

К счастью, Дамблдор, стоящий с другими учителями в последнем ряду, в эту минуту воскликнул:

– Ага! Если я уж совсем не ошибаюсь, делегация Бобатона на подходе!

– Где? Где? – обрадовались ребята, вертя головами.

– *Вон!* – крикнул шестикурсник, указывая на Запретный Лес.

Нечто огромное, куда больше метлы, нет, целой сотни метел, летело по тёмно-синему небу, быстро увеличиваясь в размерах.

– Это дракон! – закричал один из первокурсников, совсем потерявший голову.

– Не глупи! Это летучий дом! – уверенно заявил крошка Дэннис Криви.

Его догадка оказалась близка к истине. Гигантский тёмный объект почти касался верхушек деревьев. Льющийся из окон замка свет озарил приближающееся чудо – огромную карету бледно-голубого цвета, размером с большой дом. Её тянула по воздуху дюжина крылатых золотых коней с развевающимися белыми гривами. Каждый из этих коней был величиной со слона.

Первые три ряда учеников подались назад. Заходя на посадку, карета снижалась с бешеной скоростью. И наконец, с оглушительным громом, от которого Невилл, подпрыгнув, наступил на ногу пятикурснику-слизеринцу, копыта золотых коней (размером с хорошее блюдо) коснулись земли на опушке Запретного Леса. Следом приземлилась карета и покатила, подпрыгивая, на гигантских колесах; кони кивали исполинскими головами, выпучив огромные огненно-красные глаза.

Открылась дверца, украшенная гербом: две скрещённые золотые палочки, из каждой вылетают по три красные звезды. С облучка прыгнул мальчик в голубой мантии, наклонился, что-то нашарил на полу кареты и развернул золотые ступеньки. Тут же почтительно отпрыгнул назад, и из кареты появилась чёрная лаковая туфля размером не меньше детских санок, и сразу же за ней изумлённым зрителям явилась её обладательница. Таких великанш Гарри никогда в жизни не видел. Неудивительно, что у кареты и лошадей столь впечатляющие габариты!

Только один Хагрид мог бы с ней помериться: вряд ли он хоть на дюйм её ниже. Впрочем, может потому, что Гарри привык к лесничему, женщина, стоявшая уже на первой ступеньке и озиравшая ряды ошеломлённых зрителей, показалась ему всё-таки выше Хагрида. Она вошла в полосу света, падающего из вестибюля замка, и обнаружилось, что у неё красивое лицо с оливковой кожей, тёмные с поволокой глаза и крупный орлиный нос, блестящие волосы собраны в пучок на затылке. Дама была с головы до ног закутана в чёрную атласную мантию, на шее и толстых пальцах поблёскивали превосходные опалы.

Дамблдор заплодировал. Ученики вторили. Многие вставали на цыпочки, чтобы лучше разглядеть великаншу.

Лицо её расплылось в улыбке. Она подошла к Дамблдору и протянула сверкающую драгоценностями руку. Директор, и сам роста немалого, лишь слегка склонился для поцелуя.

– Дорогая мадам Максим! Добро пожаловать в Хогвартс!

– Дамбледорр, – произнесла мадам Максим грудным голосом. – Надеюсь, вы пгбываете в добгом здгавии?

– Спасибо. Я в превосходной форме.

– Мои ученики, – небрежно махнула она назад огромной ручищей.

Гарри, чьё внимание было приковано к мадам Максим, только теперь заметил вышедших из кареты подростков лет семнадцати-восемнадцати. Их было около дюжины, и все они дрожали от холода в мантиях из тонкого шёлка. Кое-кто обмотал голову тёплым шарфом. Насколько Гарри мог видеть (учеников почти скрыла огромная тень мадам Максим), все они с опаской поглядывали на замок.

– Каггагов уже приехал?

– С минуты на минуту ждём, – сказал Дамблдор. – Вы его будете здесь приветствовать или пойдёте сразу в замок?

– Лучше пойдём в замок. Тут у вас холодно. Только вот кони...

– Наш преподаватель ухода за магическими существами сочтёт за счастье о них позаботиться. Он вот-вот вернётся, только уладит небольшое недоразумение. Его... э-э... подопечные требуют повышенного внимания.

– Его скрутики, – шепнул Рон Гарри, ухмыляясь.

– Моим коням нужен сильный конюший. – Мадам Максим явно сомневалась, что хогвартский учитель справится с её золотыми жеребцами. – Они ошпень кепкие.

– Уж поверьте, кому-кому, а Хагриду эта работёнка по плечу, – улыбнулся Дамблдор.

– Ошпень хогошо! – слегка поклонилась мадам Максим. – Передайте, пожалуйста, мсье 'Агриду, что пьют мои кони только солодовый виски.

– Непременно передам. – Дамблдор тоже в ответ поклонился.

– За мной, – величаво махнула ученикам мадам Максим.

И хогвартсцы расступились, пропуская гостей к каменным ступеням.

– Каких же размеров, по-вашему, дурмстрангские лошади будут? – обратился Шеймас Финниган к Гарри и Рону через головы Парвати и Лаванды.

– Если больше этих – даже Хагриду с ними не справиться, – покачал головой Гарри. – Если, конечно, скруты на него уже не напали. Интересно, что там у него стряслось?

– Может, они убежали? – с надеждой предположил Рон.

– Ой, не говори так, – содрогнулась Гермiona. – Представь, что они будут ползать по территории замка...

Холод начал пробираться до костей. Кто-то поглядывал на небо. Тишину нарушали только фыркание и стук подков золотых коней мадам Максим.

– Слышите? – вдруг воскликнул Рон.

Откуда-то из темноты донёсся престранный звук – гроыхание, сопровождаемое всасывающим хлоппаньем, как если бы гигантский пылесос двигался по речному руслу.

– Озеро! – крикнул Ли Джордан. – Гляньте на озеро.

Стоя на возвышении у замка, они отчетливо видели внизу чёрную гладь воды, которую теперь уже нельзя было назвать гладью. В середине озера появились завихрения, затем огромные пузыри, глинистый берег захлестнули волны, и вдруг в самом центре возникла воронка, как будто на дне вынули огромную пробку. Из самой её сердцевины медленно поднимался длинный чёрный шест.

– Это мачта, – воскликнул Гарри, обращаясь к Рону и Гермione.

Величественный корабль неторопливо всплывал из воды, мерцая в лунном свете. У него был странный скелетоподобный вид, как у воскресшего утопленника. Тусклые огни иллюминаторов походили на светящиеся глаза призрака. С оглушительным всплеском корабль наконец весь вынырнул и, покачиваясь на бурлящей воде, заскользил к берегу. Вскоре раздался звук брошенного на мелководье якоря, и на берег спустили трап.

С борта потянулись пассажиры, их движущиеся фигуры мелькали в свете иллюминаторов. Все они величиной не уступали Крэббу с Гойлом! Но вот они вошли в падающий из окон замка свет, и Гарри увидел, что не такие они и большие, просто на них надеты лохматые шубы. Человек, шедший первым, был одет в другие меха – гладкие, блестящие, серебристые, под стать волосам.

– Дамблдор! – радостно воскликнул он, поднимаясь по склону. – Как поживаете, любезный друг? Как вы?

– Благодарю, прекрасно, профессор Каркаров.

Голос у Каркарова бархатный, с лстивой ноткой. Высокий, худой, как и Дамблдор, но седина не длинная, а козлиная борода с завитком на конце едва скрывает безвольный подбородок. Подойдя к Дамблдору, он взял его руки в свои и крепко тряхнул.

– Старый добрый Хогвартс, – смотрел он, улыбаясь, на замок. Зубы у него желтоватые, а улыбка не вяжется с холодным, пронизательным взглядом. – Как хорошо снова быть здесь... Как хорошо... Виктор, иди сюда. В тепло. Вы не против, Дамблдор? Виктор немного простыл...

Каркаров поманил одного из учеников. Когда тот проходил рядом, Гарри заметил крупный, с горбинкой нос, густые чёрные брови... И без толчка в бок, которым наградил его Рон, и без его возбуждённого шёпота, он узнал этот профиль.

– Гарри, *это Крам!*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

КУБОК ОГНЯ

– Я не верю! – воскликнул Рон.

Хогвартсцы ровным строем поднимались вслед за гостями по каменным ступеням. Рон был вне себя от восторга.

– Крам, Гарри! *Виктор Крам!*

– Да господи, Рон, Крам всего лишь игрок в квиддич, – сказала Гермиона.

– Всего лишь игрок в квиддич? – передразнил её Рон. – Гермиона, это один из сильнейших искателей в мире! Я понятия не имел, что он всё ещё школьник!

В холле, заметил Гарри, Джордан Ли прыгал на цыпочках, чтобы мельком узреть затылок Виктора Крама, а шестикурсницы лихорадочно шарили в складках мантий.

– Поверить не могу, что не захватила с собой хоть одно перо! Как думаешь, он подпишет шляпу губной помадой?

– *Серьёзно?* – надменно произнесла Гермиона, проходя мимо девушек, чуть не дерущихся из-за тюбика губной помады.

– Я бы тоже не прочь взять у него автограф. Гарри, не одолжишь перо? – засуетился Рон.

– Нет. Они все в сумке наверху.

Друзья подошли к своему столу. Рон сел лицом к входной двери, у которой толпились дурмстрангцы во главе с Крамом, высматривая, куда сесть. Гости из Бобатона уже сидели за столом Рэйвенкло, мрачно озираясь по сторонам. Головы у троих были всё ещё замотаны тёплыми шарфами.

– Ну не *настолько* холодно, – сердилась Гермиона. – Почему они плащи не захватили?

– Сюда! Садитесь здесь! – махал гостям Рон. – Сюда! Подвинься, Гермиона, освободи место!

– Что?

– Поздно, – приуныл Рон.

Виктор Крам с однокашниками двинулись к столу слизеринцев. Крэбб с Гойлом были на седьмом небе. А Малфой не преминул тут же вступить с Крамом в беседу.

– Да, давай, подлизывайся, Малфой, – с досадой проговорил Рон. – Спорю, что Крам видит тебя насквозь. Хотя... ему не привыкать ко всеобщему вниманию. Интересно, где они будут ночевать? Гарри, давай позовём их к нам в спальню! Я не прочь уступить ему свою кровать. А сам могу спать и на раскладушке.

Гермиона фыркнула.

– Похоже, настроение у них получше, чем у бобатонцев, – заметил Гарри.

Дурмстрангцы сняли лохматые шубы и с любопытством разглядывали тёмный потолок, усеянный звёздами. Некоторые, не скрывая восхищения, вертели в руках золотые тарелки и кубки.

Смотритель Филч, надевший в честь праздника старый, потёртый фрак, добавил к профессорскому столу ещё четыре кресла – по два слева и справа от Дамблдора.

– Но приехало-то всего два человека, – удивился Гарри. – Зачем Филч поставил четыре кресла? Кто ещё прибудет?

– А? – рассеянно переспросил Рон, жадно пожиравший глазами Крама.

Наконец все заняли свои места, и к профессорскому столу потянулись преподаватели, шествие замыкали профессор Дамблдор, профессор Каркаров и мадам Максим. Увидев своего директора, бобатонцы поспешили встать. За соседними столами раздались смешки. Но подопечные мадам Максим невозмутимо оставались на ногах, пока великанша не опустилась в кресло по левую руку от Дамблдора, стоявшего за столом в ожидании тишины.

– Добрый вечер, леди и джентльмены, привидения и, в особенности, наши гости, – наконец начал он, лучезарно улыбнувшись иноземным ученикам. – С превеликим удовольствием приветствую вас в Хогвартсе! Я надеюсь и верю, что пребывание здесь будет для вас и удобным, и приятным!

При этих словах одна из бобатонских девушек, у которой на голове всё ещё был шарф, насмешливо хихикнула.

– Никто тебя здесь не держит, – прошептала с неприязнью Гермиона.

– Официальное открытие Турнира, – как ни в чём не бывало продолжал Дамблдор, – состоится по окончании пира. А теперь все ешьте, пейте и чувствуйте себя как дома!

Дамблдор сел. Каркаров повернулся к нему и о чём-то оживлённо заговорил.

Блюда, как всегда, начали наполняться едой. На этот раз эльфы-домовики превзошли себя. Каких только кушаний не было, в том числе и заморских!

– А *это* что? – спросил Рон, указывая на блюдо не то с супом, не то с рагу из моллюсков, стоявшее рядом с йоркширским пудингом из говядины с почками.

– Буйябес, – объяснила Гермиона.

– Будь здорова! – пожелал Рон.

– Это *французское* блюдо. Я его ела на каникулах позапрошлым летом. Очень вкусно.

– Поверю тебе на слово, – сказал Рон и потянулся к привычному пудингу.

В зале прибавилось учеников двадцать, не больше, а казалось, яблоку негде упасть. Наверное, из-за одежды гостей. Слишком уж она выделялась на фоне чёрной хогвартской: под шубами дурмстрангцев оказались кроваво-красные мантии.

Минут через двадцать дверь за профессорским столом отворилась и в зал вошёл Хагрид. Сев на обычное место, он сразу же помахал толсто забинтованной рукой Гарри, Рону и Гермионе.

– Скруты в порядке, Хагрид? – спросил Гарри.

– Процветают, – широко улыбнулся лесничий.

– Да, не сомневаюсь, – тихонько сказал Рон. – Похоже, нашли еду по душе. Пальчики Хагрида.

– Будьте добры, пегедайте, пожалуйста, буйябес! – громко попросил чей-то голос.

Это была девушка, не сдержавшая смехок во время приветствия Дамблдора. Она наконец-то сняла шарф, и её белокурые волосы волной падали почти до самого пояса. У неё были большие синие глаза и ровные белые зубы, напомнившие незабвенную улыбку профессора Локхарта.

Рон покраснел до ушей. Взглянул на девушку, открыл было рот, но вместо слов издал бессмысленное бульканье.

– Да, держите, – придвинул к ней блюдо Гарри.

– Вы уже поели?

– Д-да, о-очень вкусно, – еле переводя дыхание, проговорил Рон. Девушка взяла блюдо и осторожно понесла к столу Рэйвенкло. Рон таращился на неё так, словно никогда не видел девушек. Привёл его в чувство смехок Гарри.

– Она – *вила*! – осипшим голосом прохрипел Рон.

– Разумеется, нет, – едко ответила Гермиона. – Ты один уставился на неё с таким идиотским видом.

Но она ошибалась. Многие глядели вслед этой девушке, а некоторые, как и Рон, потеряли дар речи.

– Говорю тебе, это не просто девушка! – вертелся на стуле Рон, стараясь не упускать её из виду. – В Хогвартсе таких нет.

– В Хогвартсе тоже есть, – ответил Гарри, глянув искоса на Чоу Чанг, сидевшую неподалёку от белокурой красавицы.

– Да перестаньте вы оба пялиться! – выпалила Гермиона. – Посмотрите лучше, кто ещё пришёл в зал.

И она кивнула на преподавательский стол. Два пустых кресла наконец обрели хозяев. Рядом с профессором Каркаровым сел Людо Бэгмэн, а слева от мадам Максим – начальник Пёрси мистер Крауч.

– Что они тут делают? – удивился Гарри.

– Они – организаторы Тримагического Турнира, не так ли? – Гермиона, как всегда, знала всё. – Полагаю, приехали посмотреть начало Турнира.

Скоро появились вторые блюда, и среди них опять незнакомые. Рон хорошенько рассмотрел светлое бланманже и слегка подвинул его вправо – пусть заметят за столом Рэйвенкло. Но девушка, похожая на вилу, наверное, была сыта, и бланманже не соблазнило её.

Наконец золотые тарелки опустели, и Дамблдор опять встал с кресла. Зал в ожидании замер. Гарри почувствовал лёгкое волнение. А сидевшие в отдалении от всех близнецы так и впились в директора горящим взглядом.

– Это момент настал. – Дамблдор оглядел, улыбаясь, обращённые к нему лица. – Тримагический Турнир вот-вот будет открыт. Перед тем как внесут ларец...

– Что-что внесут? – не понял Гарри.

Рон только пожал плечами.

– ...я хотел бы коротко объяснить правила нынешнего Турнира. Но прежде позвольте представить наших гостей. Мистер Бартемиус Крауч, глава департамента Международного магического сотрудничества, – слушатели вежливо похлопали – и Людо Бэгмэн, начальник департамента Магических игр и спорта.

Бэгмэну достались щедрые аплодисменты, наверное, благодаря его славе загонщика, а может, просто потому, что вид у него был куда приветливее: Бэгмэн оценил аплодисменты, улыбнувшись и помахав залу рукой, а хмурый Бартемиус Крауч и бровью не повёл, когда Дамблдор назвал его имя. На чемпионате мира, вспомнил Гарри, он был в строгом костюме, а сейчас в мантии колдуна выглядел как-то нелепо. Его усы щёткой и аккуратный пробор странно контрастировали с длинными белыми волосами и бородой Дамблдора.

– Мистер Бэгмэн и мистер Крауч без устали работали несколько месяцев над приготовлениями к Тримагическому Турниру, – продолжал Дамблдор. – И они вместе со мной, профессором Каркаровым и мадам Максим будут оценивать успехи чемпионов.

При слове «чемпионы» зал наострил уши, что, похоже, от Дамблдора не ускользнуло. Он улыбнулся.

– Внесите, пожалуйста, ларец, мистер Филч.

Филч, который до этой минуты прятался где-то в дальнем углу зала, тут же явился к профессорскому столу, неся в руках старинный деревянный ларец, инкрустированный жемчугом. Зал, зашумев, всколыхнулся. Дэннис Криви даже встал на стул, чтобы лучше видеть, но был так мал, что всё равно едва возвышался над соседними головами.

Филч осторожно поставил ларец перед Дамблдором, и тот продолжил объяснения:

– Инструкции к состязаниям уже проверены мистером Краучем и мистером Бэгмэном. Для каждого тура всё готово. Туров – три, состязания основаны исключительно на школьной программе. Чемпионам предстоит продемонстрировать владение магическими искусствами, личную отвагу и умение преодолеть опасность.

При последних словах зал притих, затаив дыхание. А Дамблдор невозмутимо продолжал:

– В Турнире, как известно, участвуют три чемпиона, по одному от каждой школы-участницы. Их будут оценивать по тому, как они справились с очередным состязанием. Чемпион, набравший во всех турах самое большое число баллов, становится победителем. А участников Турнира отбирает из школьных команд беспристрастный выборщик – Кубок Огня.

Дамблдор вынул волшебную палочку и стукнул по крышке ларца три раза. Крышка медленно, со скрипом открылась. Дамблдор сунул внутрь руку и достал большой, покрытый грубой резьбой деревянный Кубок. Ничего примечательного – не будь он полностью наполнен пляшущими синеватыми языками пламени. Дамблдор закрыл крышку, осторожно поставил на неё Кубок, чтобы всё хорошо его видели.

– Желаящие участвовать в конкурсе на звание чемпиона должны разборчиво написать своё имя и название школы на куске пергамента и опустить его в Кубок, – сказал он. – Для того, что бросить своё имя даётся двадцать четыре часа. Завтра вечером, в Хэллоуин, Кубок выбросит имена избранных представлять свою школу на Турнире. Сегодня вечером мы

поместим Кубок в вестибюль, где все желающие участвовать в турнире будут иметь к нему свободный доступ. К участию в Турнире будут допущены только те, кто достиг семнадцати лет. Чтобы несовершеннолетние не подвергались искушению, я очерчу вокруг него Возрастную Черту в вестибюле. Всем, кто младше указанного возраста, пересекать Черту запрещено. И последнее: желающие участвовать в конкурсе, примите к сведению – для избранных Кубком обратного пути нет. Чемпион будет обязан пройти Турнир до конца. Бросив своё имя в Кубок, вы заключаете с ним магический контракт, который нарушить нельзя. Посему сначала убедитесь, что вы действительно хотите участвовать в Турнире, прежде чем бросать имя в Кубок. Ну а теперь, кажется, самое время идти спать. Всем доброй ночи.

– Возрастная Черта! – воскликнул Фред, выходя из зала, глаза у него сверкали. – Её наверняка можно обмануть Старящим зельем, так? А когда имя уже внутри – умора! – Кубок ни за что не узнает, есть нам семнадцать или нет!

– Не думаю, что те, кто младше семнадцати, сумеют выдержать испытания, – возразила Гермiona. – Мы просто ещё мало знаем...

– Говори за себя, – перебил её Джордж. – Гарри, ты ведь хочешь принять участие в конкурсе?

Гарри вспомнил наставление Дамблдора. Всем, кому менее семнадцати, запрещено участвовать в конкурсе. Но он представил себя победителем Турнира... Как же рассердится Дамблдор, *смей* кто-нибудь младше семнадцати переступить Возрастную Черту...

– Где же он? – Рон их не слушал, высматривая в толпе Крама. – Дамблдор не сказал, где ночуют гости из Дурмстранга?

Ответ не заставил себя ждать. Друзья как раз поравнялись со слизеринским столом.

– Всем обратно на корабль, – распорядился Каркаров. – Виктор, как ты себя чувствуешь? Хорошо поел? Может, послать на кухню за глинтвейном? – беспокоился он.

Крам покачал головой и натянул шубу.

– Профессор, мне бы хотелось выпить вина, – разохотился другой ученик.

– Я предлагаю не *тебе*, Поляков, – рявкнул Каркаров, и заботливый отеческий вид мгновенно испарился. – Ты опять, неряха, закапал едой всю мантию!

Он развернулся и повёл учеников к дверям. Гарри с друзьями как раз выходили из зала. Гарри из вежливости пропустил Каркарова вперёд.

– Спасибо, – небрежно бросил Каркаров, мельком взглянув на Гарри, и... застыл в изумлении – прямо-таки уставившись на Гарри, точнее, на его шрам. Его подопечные тоже остановились позади директора, с любопытством таращась на Гарри, на многих лицах читался испуг. Парень в заляпанной едой мантии толкнул локтем стоявшую рядом девушку и беззастенчиво ткнул в Гарри пальцем.

– Да, это Гарри Поттер, – прохрипел кто-то сзади. Профессор Каркаров резко обернулся. Безумный Глаз Муди стоял, опираясь на свою палку, его магическое око, не мигая, буравило директора Дурмстранга.

Каркаров побледнел, на искажённом лице проступила ярость, смешанная со страхом.

– Ты! – только одно слово сорвалось с его губ.

– Да, я, – мрачно кивнул Муди. – И если тебе нечего сказать Гарри Поттеру, то проходи мимо. Ты загораживаешь проход.

Что правда, то правда: позади Муди столпилась половина зала, ожидая, когда пробка в двери рассосётся. Ребята заглядывали через плечо, стараясь увидеть, что там впереди происходит.

Не ответив ни слова, Каркаров поспешно удалился вместе с учениками. Муди долго смотрел ему вслед магическим глазом, изуродованное лицо выражало острую неприязнь.

* * *

По субботам ученики обычно спускались завтракать позже. Но в этот выходной не только Гарри, Рон и Гермиона встали пораньше. В холле, когда они спустились туда, уже собралось человек двадцать, некоторые из зевак жевали тосты.

Все глазели на Кубок Огня. Он стоял в центре холла на табуретке, на которую обычно клали Сортировочную Шапку. Его обегала начерченная на полу золотая линия, образуя окружность радиусом десять футов.

– Кто-нибудь уже бросил своё имя? – спросил у третьекурсницы Рон.

– Дурмстрангцы бросили все. А из Хогвартса я ещё никого не видела.

– Уверен, что ночью кто-то наверняка бросил. Я бы так и сделал. Неприятно, когда в такую минуту на тебя смотрят. Вдруг Кубок тут же плюнет тебе в лицо твоё имя, – сказал Гарри.

Кто-то сзади Гарри хохотнул. Обернувшись, он увидел близнецов и Ли Джордана. Они бежали по лестнице вниз, вид у всех троих был вдохновенный.

– Свершилось, – шепнули они брату и его друзьям. – Мы его выпили!

– Что? – не понял Рон.

– Старящее зелье, тупая ты башка, – пояснил Фред.

– Всего по одной капле, – потёр руки сияющий Джордж. – Нам до семнадцати не хватает лишь несколько месяцев.

– Если кто из нас победит – делим тысячу галлеонов на троих! – Лицо Ли расплылось в широченной улыбке.

– Не думаю, что это сработает, знаете ли, – предупредила Гермиона. – Уверена, уж это-то Дамблдор предусмотрел.

Отчаянные головы пропустили слова Гермионы мимо ушей.

– Готовы? – спросил Фред у дрожащих от нетерпения дружков. – Тогда погнали. Я иду первый...

Гарри наблюдал как зачарованный. Фред вынул из кармана кусок пергамента со словами: «*Фред Уизли, Хогвартс*», подошёл к линии, остановился, переминаясь с мысков на пятки, как пловец перед прыжком с пятидесятифутовой вышки. И, глубоко вздохнув, у всех на глазах переступил золотую черту.

На какой-то миг Гарри поверил, что обман сработал. Джордж, похоже, тоже поверил. Издав победный клич, он без промедления прыгнул за братом. Тут же раздался громкий хлопок, и близнецов, словно невидимой катапультой, выбросило из золотого круга. Пролетев

по воздуху футов десять, они приземлились на холодный каменный пол. Было не только больно, дерзость ещё и кончилась бесславно: хлопнуло второй раз, и у близнецов выросли длинные седые бороды.

Все помирали со смеху, даже Фред с Джорджем, когда поднялись с пола и увидели бородатые лица друг друга.

– Я же предупреждал, – послышался низкий голос Дамблдора: в глазах у него плясали весёлые искорки. – Ступайте к мадам Помфри. Она уже лечит мисс Фосетт из Рэйвенкло и мистера Саммерса из Хаффлапффа. Им тоже захотелось себя состарить. Но, признаться, их бороды ни в какое сравнение не идут с вашими.

Фред с Джорджем отправились в больничное крыло в сопровождении хохотавшего до колик Ли, а Гарри, Рон и Гермиона, тоже посмеиваясь, пошли завтракать. В Большом Зале, как и полагается в канун Дня Всех Святых, под зачарованным потолком порхали стайки летучих мышей, а из каждого угла подмигивали огоньки в прорезях огромных тыкв. Гарри подсел к Дину с Шеймасом, обсуждавшим, кто из хогвартсцев решится бросить своё имя в Кубок.

– Говорят, Уоррингтон бросил, ещё на рассвете, – сообщил Дин. – Ну, тот, похожий на ленивца увалень из Слизерина.

Гарри, игравшего против Уоррингтона в квиддич, даже передёрнуло от отвращения: «Нельзя допустить, чтобы чемпионом стал слизеринец!»

– А хаффлапффы поговаривают о Дигтори, – презрительно пожал плечами Шеймас. – Но вряд ли этот красавчик захочет рисковать своей внешностью.

– Слушайте, – вдруг сказала Гермиона.

Из холла донеслись возбуждённые голоса. Гриффиндорцы повернули головы: в зал входила со смущённой улыбкой Анджелина Джонсон, высокая темнокожая девушка – гончий гриффиндорской команды.

– Ну вот, – сказала она, подсев к друзьям. – Я бросила своё имя.

– Ты шутишь, – изумился Рон.

– Тебе уже семнадцать? – спросил Гарри.

– Разумеется. Бороду ты ведь не видишь, так? – вразумил его Рон.

– На прошлой неделе исполнилось, – сказала Анджелина.

– Я рада, что кто-то из наших решился бросить! – повернулась к ней Гермиона. – Надеюсь, Анджелина, что тебя выберут!

– Спасибо, Гермиона.

– Конечно, уж лучше ты, чем этот красавчик Дигтори, – заметил Шеймас, чем привёл в негодование проходивших мимо хаффлапффцев.

– Что мы сегодня будем делать? – спросил Рон друзей, выйдя после завтрака в холл.

– Мы давно не заходили к Хагриду, – напомнил Гарри.

– Давай, – согласился Рон. – Но до тех пор, пока он не станет уговаривать нас пожертвовать скрутам несколько пальчиков.

Лицо Гермионы вдруг вспыхнуло озарением.

– Только сейчас осознала! – воскликнула она. – Я Хагрида ещё не просила вступить в РВОТЭ! Подождёте меня здесь, пока я за значками сгоняю?

– Чего это с ней? – раздражённо воскликнул Рон, глядя вслед Гермионе, взбегавшей по мраморной лестнице.

– Смотри-ка, Рон, – толкнул Гарри друга. – Твоя приятельница!

Из входных дверей в холл потянулись бобатонцы, и среди них девушка, похожая на вилу. Мадам Максим вошла последняя и гуськом повела свой выводок к Кубку Огня. Стоявшие вокруг Кубка вежливо уступили место вновь прибывшим, с любопытством наблюдая за ними. Один за другим гости переступали золотую линию и бросали кусочки пергамента в синевато-белое пламя – огонь при этом пунцовел и выбрасывал снопы ярко-красных искр.

– А что будет с теми, кого Кубок не выберет? – шепнул Рон Гарри, наблюдая, как вила бросает в огонь пергамент. – Как, по-твоему, они вернутся домой или останутся смотреть Турнир?

– Не знаю. Наверное, останутся. Мадам Максим ведь будет судьёй.

Наконец все бобатонцы побросали имена в Кубок, и мадам Максим вывела их строем наружу.

– Где же *они* ночуют? – Рон подошёл к дверям, провожая их взглядом.

Громкий жестяной стук позади возвестил о возвращении Гермионы с коробкой, полной значков.

– О, хорошо, идём скорее, – Рон поскакал по каменным ступеням, не сводя глаз с «вилы», шедшей рядом с мадам Максим по лугу, сбегаящему к хижине Хагрида.

Друзья шли в том же направлении: хижина стояла на опушке Запретного Леса. Подойдя к ней, Рон получил наконец ответ на мучивший его вопрос. Ярдах⁹ в двухстах от хижины синела гигантских размеров карета, в которой приехали гости из бобатона, и сейчас они вереницей заходили в неё по золотым ступеням. А неподалёку во временном загоне паслись слоноподобные крылатые кони.

Гарри постучал в дверь хижины. Клык тотчас откликнулся громким лаем.

– Как раз вовремя! – Хагрид распахнул дверь. – Думал, вы уж забыли, где я живу.

– Мы были очень, очень заняты, Хаг... – Гермиона от изумления поперхнулась, взглянув на Хагрида. На нём был его парадный (чудовищный!) коричневый костюм и оранжево-жёлтый в клеточку галстук. Но не это было самое страшное. Он, видно, пытался укротить свои волосы с помощью смазки для колёс и даже сделал пробор, разделив одну большую копну на две поменьше. Скорее всего, хотел сделать причёску «конский хвост», но шевелюра оказалась слишком густа. Разумеется, красоты Хагриду это не добавило. Гермиона вытаращилась на него, но взяла себя в руки и спросила: – А-а... где скруты?

– Наруже, рядом с тыквиной грядкой, – расцвёл Хагрид. – Выросли очень. Почти по три фута в длину. Вот только беда – стали друг дружку убивать.

– Не может быть! – сочувственно воскликнула Гермиона, бросив выразительный взгляд на Рона, который хотел было высказаться, глядя на фантастическую причёску Хагрида.

⁹ 1 ярд = 91.44 см

– Да, – печально вздохнул Хагрид. – Я те'рь их в отдельных ящиках держу. Около двадцати всё-таки ещё осталось.

– Какое счастье! – сказал Рон. Хагрид кивнул, не поняв сарказма.

В хижине была всего одна комната. В углу – громадная кровать, застланная лоскутным одеялом. Возле камина под стать обстановке деревянный стол в окружении таких же стульев, под потолком висят копчёные окорока и всякая птица. Хагрид взялся готовить чай, а друзья сели за стол и скоро все увлеклись разговором о предстоящем Турнире. Оказывается, Хагрида он волновал не меньше других.

– Погодите, – улыбался он. – Погодите чуток и увидите такое, чего отродясь не видели. Первое задание... А, мне не надо говорить...

– Да ладно, Хагрид! – подначивали ребята, но лесничий только тряс головой и улыбался.

– Я не хочу вам 'спортить удовольствие, – сказал он, – но это будет потрясающе, точно вам говорю. И чемпионам придётся потрудиться. Вот не ожидал, что доживу до возобновления Тримагических Турниров.

Гостеприимный Хагрид пригласил друзей отобедать: он как раз перед их приходом приготовил, как сказал, мясную запеканку. Но поели они не много: Гермиона обнаружила у себя в тарелке довольно большой коготь, после чего аппетит у ребят сразу пропал. Однако они приятно провели время, пытаясь выведать у Хагрида задание, гадая, кто из претендентов будет выбран и всё ли ещё Фред с Джорджем бородаты.

После полудня зарядил мелкий дождь. Как уютно сидеть у камина и слушать лёгкий стук капель по стеклу. Хагрид сел в кресло штопать носки, и у них с Гермионой завязался спор о домашних эльфах. Она показала ему значки ассоциации, но он наотрез отказался в неё вступать.

– Неладное ты задумала, – насупясь, говорил Хагрид, вдевая в толстую костяную иглу жёлтую шерстяную нитку. – Прислуживать людям у домовиков... э-э... от природы. Любят они это. Ты несчастье принесёшь, если отнимешь их работу, а если попытаешься заплатить им – оскорбишь.

– Но Гарри же освободил Добби, и он на седьмом небе от счастья! – возражала Гермиона. – Мы все слышали: он требует зарплату.

– В каждом племени свой чудик. Я не говорю, что домовики все против свободы. Но большинство из них ты никогда не уговоришь. Нет, нет, Гермиона, не получится ни за что.

Рассерженная Гермиона затолкала обратно в карман коробку со злополучными значками.

В полпятого стало темнеть, и троица решила, что пора возвращаться в замок на пир в честь Хэллоуина и, что важнее, на объявление чемпионов школ.

– И я пойду с вами, – сказал Хагрид, убирая штопанье. – Погодьте секунду.

С этими словами Хагрид встал, пошёл к комоду рядом с кроватью и зарылся в один из ящиков. Вдруг им в нос ударил сильный, неописуемо мерзкий запах.

– Хагрид, что это? – закашлялся Рон.

– А? – У Хагрида в руке был большой пузырёк. – Тебе не нравится?

– Это лосьон после бритья? – спросила Гермиона осипшим голосом.

– О-де-колонь, – по слогам выговорил Хагрид и, покраснев, добавил: – Может, я это... чересчур перелил? Счас смою, погодите... – вконец смутился он и грузной поступью вышел из хижины. Из окна ребята видели, как Хагрид рьяно моется над дождевой бочкой.

– Одеколон? – изумлённо протянула Гермиона. – *Хагрид?*

– А что с его волосами? А костюм этот? – приглушённо спросил Гарри.

– Глядите! – Рон вдруг показал в окно.

Хагрид только что выпрямился и огляделся. Если раньше он покраснел, то теперь его состояние не поддавалось описанию. Все трое вышли из-за стола и осторожно, чтобы не увидел Хагрид, посмотрели в окно: из кареты выходили бобатонцы, возглавляемые мадам Максим; тоже, очевидно, спешили на праздник. Слов Хагрида не было слышно. Но глядел он на великаншу затуманенно-восторженным взором. Гарри лишь однажды видел его таким, когда он любовался дракончиком Норбертом.

– Он идёт в замок с ней! – возмутилась Гермиона. – А я-то думала, он нас подождёт.

Даже не взглянув на хижину, Хагрид вместе с мадам Максим зашагал к замку, бобатонцы спешили сзади, иногда переходя на бег, еле поспевая за этой парой.

– Он вторился! – недоверчиво воскликнул Рон. – Если у них будут дети, то поставят мировой рекорд! Любой их ребёночек будет весить тонну!

Друзья покинули хижину, захлопнув за собой дверь. На улице было уже совсем темно. Поплотнее закутавшись в мантии, они двинулись вверх, к замку.

– Ой, это они – смотрите! – прошептала Гермиона.

Со стороны озера к замку приближались дурмстрангцы. Виктор Крам шагал рядом с профессором Каркаровым. Остальные тянулись сзади. Рон не отрывал взгляда от Крама, тот шёл, не глядя по сторонам, и, опередив неразлучную тройцу, скрылся в дверях замка. Освещённый свечами Большой Зал был уже почти полон. Кубок Огня стоял на преподавательском столе перед пустым креслом Дамблдора. Фред и Джордж, опять с гладкими лицами, как видно, стойчески перенесли разочарование. Гарри, Рон и Гермиона сели рядом.

– Надеюсь, он выберет Анджелину, – сказал Фред.

– Я тоже! – горячо откликнулась Гермиона. – Теперь совсем скоро узнаем!

Ужин, казалось, никогда не кончится. Может, потому, что праздник длился второй день, Гарри не налегал, как обычно, на изысканные блюда. И не он один, все вокруг ёрзали на стульях, тянули шеи, вставали на ноги, всеми овладело нетерпение: скоро ли Дамблдор завершит трапезу? Кого выберут в чемпионы?

Наконец золотые тарелки засияли первозданной чистотой. Зал шумел, гудел и вдруг смолк – Дамблдор поднялся с места. Сидящие по обе стороны от него профессор Каркаров и мадам Максим замерли в напряжённом ожидании. Людо Бэгмэн, как всегда, сиял, подмигивая то тому, то другому в зале. У Крауча, напротив, вид был безучастный, почти скучающий.

– Кубок Огня вот-вот примет решение, – начал Дамблдор. – Думаю, ему требуется ещё минута. Когда имена чемпионов станут известны, попрошу их подойти к столу и проследовать в комнату, примыкающую к залу. – Он указал на дверь позади профессорского стола. – Там они получают инструкции к первому туру состязаний.

Он вынул волшебную палочку и широко ею взмахнул; тотчас все свечи в зале, кроме тех, что горели в тыквах, погасли. Зал погрузился в полутьму. Кубок Огня засиял ярче, искрящиеся синеватые языки пламени ослепительно били по глазам. Но взгляды всех всё равно были прикованы к Кубку, кое-кто поглядывал на часы...

– В любую секунду, – прошептал Ли Джордан, сидящий неподалёку от Гарри.

Пламя вдруг налилось красным, взметнулся столп искр, и из Кубка выскочил обгоревший кусок пергамента. Зал замер.

Дамблдор, протянув руку, подхватил пергамент, освещённый огнём, опять синевато-белым, и громким, отчётливым голосом прочитал:

– *«Чемпион Дурмстранга – Виктор Крам».*

Зал содрогнулся от грохота аплодисментов и восторженных криков.

– Ничего неожиданного не случилось! – громче всех кричал Рон.

Виктор Крам поднялся с места и, сутулясь, двинулся к Дамблдору, повернул направо и, миновав профессорский стол, исчез в соседней комнате.

– Bravo, Виктор! Bravo! – перекричал аплодисменты Каркаров, так что его услышал весь зал. – Я знал, что в тебе это есть!

Постепенно шум в зале стих, внимание всех опять приковано к Кубку. Пламя вновь покраснело, и Кубок выстрелил ещё одним куском пергамента.

– *«Чемпион Бобатона – Флер Делакур!»* – возвестил Дамблдор.

– Смотри, Рон! – крикнул Гарри. – Это она!

Девушка, так похожая на вилу, легко поднялась со стула, откинула назад волну белокурых волос и летящей походкой прошла между столов Гриффиндора и Хаффлапфа.

– Вы только гляньте, как они расстроены! – воскликнула Гермиона, кивнув в сторону стола, где сидели бобатонцы.

Расстроены – слабо сказано, подумал Гарри: две девушки, спрятав лицо в ладони, плакали навзрыд. Флер Делакур удалилась в соседнюю комнату, зал опять утих. Но напряжение, казалось осязаемое на ощупь, усилилось. Осталось только узнать чемпиона Хогвартса!

Всё опять повторилось. Огонь покраснел, посыпались искры. Из Кубка вылетел третий кусок пергамента. Дамблдор поймал его и прочитал:

– *«Чемпион Хогвартса – Седрик Диггори».*

– Нет! – возопил Рон.

Кроме Гарри, его, однако, никто не услышал: взорвался криками стол Хаффлапфа. Все до единого хаффлапфцы вскочили на ноги, топали, вопили до хрипоты, приветствуя идущего к профессорскому столу Седрика. Аплодисменты не смолкали долго. Дамблдор стоял и ждал; вот наконец зал утомился, и он, радостно улыбаясь, смог снова заговорить:

– Превосходно! Мы теперь знаем имена чемпионов. Я уверен, что могу положиться на всех вас, включая учеников Бобатона и Дурмстранга. Ваш долг – оказать всемерную поддержку друзьям, которым выпало защищать честь ваших школ. Поддерживая своих чемпионов, вы внесёте поистине неоценимый вклад...

Дамблдор внезапно остановился, и все сразу поняли почему.

Кубок Огня вдруг покраснел. Посыпались искры. В воздух взметнулось пламя и выбросило ещё один пергамент.

Дамблдор не раздумывая протянул руку и схватил его. Поднёс к огню и воззрился на имя. Повисла длинная пауза. Дамблдор смотрел на пергамент, весь зал смотрел на него. Наконец он кашлянул и прочитал:

— *«Гарри Поттер».*

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ЧЕТЫРЕ ЧЕМПИОНА

Гарри сидел как громом поражённый. Он, верно, ослышался... Может, это сон... Но нет, кажется, явь. Преподаватели и ученики – все устремили на него изумлённые взгляды.

Никаких аплодисментов, только жужжание, как будто в зал залетел рой рассерженных пчёл. Кто-то встал, чтобы лучше рассмотреть приросшего к стулу Гарри.

Профессор МакГонаггалл стремительно встала из-за стола, обойдя Людо Бэгмэна, подошла к Дамблдору и что-то горячо прошептала ему. Директор школы нахмурился.

Гарри повернулся к Рону с Гермионой. Все гриффиндорцы глядели на него, разинув рты.

– Это не я бросил в Кубок своё имя, – растерянно проговорил Гарри. – Вы же знаете, это не я.

Рон с Гермионой ответили ему не менее растерянным взглядом.

Профессор Дамблдор за профессорским столом выпрямился и кивнул профессору МакГонаггалл.

– Гарри Поттер, – сказал он, – подойдите, пожалуйста, сюда.

– Иди, – шепнула Гермиона, подтолкнув.

Гарри поднялся на ноги, запутался в полах мантии и, спотыкаясь, пошёл к преподавательскому столу. Слева и справа столы Гриффиндора и Хаффлапфа. Какой долгий путь – шагать ещё и шагать! Жужжание становится громче, взоры всех сопровождают его, как лучи прожекторов. Минула целая вечность. И вот наконец он смотрит прямо в глаза Дамблдора, под взглядами всех сидящих за столом.

– Тебе в ту дверь, Гарри, – без улыбки произнёс директор.

Гарри двинулся вдоль стола. Прошёл мимо Хагрида, тот не подбодрил его, не подмигнул. Потрясён не меньше самого Гарри и смотрит, как все, – с недоумением. Гарри отворил дверь и очутился в небольшой комнате. На стенах портреты ведьм и колдунов, напротив красивый камин, в котором, постреливая, пылает огонь.

Лица на портретах повернулись к Гарри. Сморщенная, как печёное яблоко, ведьма выскочила из рамы, выпрыгнула в соседнюю к колдуну с моржовыми усами и что-то зашептала ему на ухо.

Виктор Крам, Седрик Диггори и Флер Делакур стояли у камина. На фоне яркого пламени их тёмные силуэты выглядели до странности внушительно. Крам, ссутулившись и о чём-то сосредоточенно думая, притулился к каминной полке. Седрик заложил руки за спину и глядел на огонь. Флер Делакур, откинув назад волну белокурых волос, повернулась к Гарри.

– В чём дело? – спросила она. – Надо вернуться в зал?

Она, видно, подумала, что Гарри за ними послали судьи. Как же им объяснить, что случилось? Он молча стоял и смотрел на трёх чемпионов. Какие они все высокие, совсем взрослые!

Позади него послышался дробный стук шагов, и в комнату вбежал Людо Бэгмэн.

– Невероятно! – воскликнул он, схватив руку Гарри. – Необычайное происшествие! Джентльмены... леди, – обратился он к чемпионам, таща Гарри к камину. – Позвольте представить вам, как бы удивительно ни звучало, *четвёртого* чемпиона Турнира!

Виктор Крам расправил плечи, оглядел Гарри с головы до ног, и его хмурое лицо потемнело. Седрик вопросительно переводил взгляд с Бэгмэна на Гарри, как будто ослышался. Что до Флер, она взмахнула блестящей волной волос и с улыбкой промолвила:

– О! Очень весёлая шутка, мсье Бэгмэн!

– Шутка? – Бэгмэн ещё не пришёл в себя. – Да нет же! Какая шутка! Имя Гарри только что выскочило из Кубка.

Крам чуть сдвинул густые брови. Седрик пребывал в вежливом недоумении. А Флер нахмурилась.

– Это ошибка. – В голосе её звучало презрение. – Он не может согвенываться. Он оппшен маленький.

– Да, но случилось чудо. – Бэгмэн потёр гладкий подбородок и улыбнулся Гарри. – Вы ведь знаете, возрастное ограничение наложили в этом году в целях безопасности. И раз его имя выскочило из Кубка... думаю, теперь уже ничего нельзя поделать... Противоречит правилам. Вы обязаны... А Гарри придётся приложить все усилия.

Дверь позади них опять отворилась. Вошли профессор Дамблдор, мистер Крауч, профессор Каркаров, мадам Максим, профессор МакГонаггалл и профессор Снейп, в открытую дверь на какую-то секунду из зала ворвался гул возбуждённых голосов.

– Мадам Максим! – негодуяще воскликнула Флер. – Они говорят, что этот этот маленький мальчик тоже примет участие.

Безмолвное изумление Гарри сменилось гневом. «*Маленький мальчик*»!

Мадам Максим выпрямилась во весь свой исполинский рост. Макушка красивой головы задела канделябр со свечами, обтянутый атласом внушительный бюст заколыхался.

– Дамблдорр! Что сие означает? – властно промолвила она.

– Я тоже хотел бы это знать! – поддержал французов профессор Каркаров. На лице его застыла каменная улыбка, синие глаза превратились в льдинки. – Два чемпиона от Хогвартса? Что-то не припомню, чтобы школа – хозяйка Турнира – когда-нибудь выставяла двух чемпионов. Может, я плохо знаком с правилами? – С его губ слетел ехидный смешок.

– *C'est impossible*¹⁰. – Мадам Максим опустила огромную, унизанную прекрасными опалами руку на плечо Флер. – Огвагтсу нельзя выставить двух чемпионов, это не есть спгаведливо.

– Мы были уверены, Дамблдор, что Возрастная Черта допустит к участию в конкурсе только учеников старших курсов. – Каменная улыбка не сходила с лица Каркарова. – Иначе мы привезли бы сюда куда больше претендентов.

¹⁰ Это невозможно (фр.)

– Каркаров, это всё проделки Поттера, – вкрадчиво произнёс Снейп, его чёрные глаза зло поблёскивали. – Вины Дамблдора нет в том, что Поттер нарушил правила Турнира. С первого дня появления в школе он уже перешёл все возможные границы...

– Благодарю, Северус, – отчеканил Дамблдор. Снейп умолк и отошёл в сторону, но глаза его продолжали метать злобные искры.

Дамблдор проницательно взглянул на Гарри, тот не отвёл взгляда, пытаясь уловить выражение его глаз сквозь половинки очков.

– Это ты, Гарри, бросил в Кубок своё имя?

– Нет, – под прицелом всех взглядов ответил Гарри. Снейп ехидно хмыкнул, выразив недоверие части присутствующих.

– Может быть, ты просил кого-то из старших бросить в Кубок твоё имя?

– *Нет*, – твёрдо ответил Гарри.

– И, газумеется, он лжёт! – воскликнула мадам Максим.

Снейп тряхнул головой, и по лицу у него расплзлась змеиная улыбка.

– Гарри не смог бы пересечь Возрастную Черту, – вмешалась МакГонагалл, – Уверена, что все с этим согласны...

– Тогда, наверное, ошибся сам Дамблдорр, – пожала плечами мадам Максим.

– Это не исключено, – вежливо отозвался Дамблдор.

– Дамблдор, вы же прекрасно знаете, что не ошиблись, – вспыхнула МакГонагалл. – Это нонсенс! Гарри не мог пересечь Черту и, в чём уверен профессор Дамблдор, не обращался за этим ни к кому из старших учеников. Полагаю, этого объяснения достаточно! – И она смерила Снейпа презрительным взглядом.

– Мистер Крауч, мистер Бэгмэн. – В голосе у Каркарова появились льстивые нотки. – Вы – наши беспристрастные судьи. И вы, конечно, согласны, что происшедшее полностью противоречит правилам?

Бэгмэн вытер носовым платком круглое мальчишеское лицо и глянул на Крауча. Тот стоял в тени, в нескольких шагах от камина. Полумрак старил его, делал похожим на призрака. Но заговорил Крауч обычным брюзгливым тоном.

– Мы должны строго следовать правилам. А в них чётко обозначено: тот, чьё имя выпало из Кубка, обязан безоговорочно участвовать в турнире.

– Да, Барти знает правила как свои пять пальцев! – просиял Бэгмэн и взглянул на протестующих гостей, как бы говоря: спор завершён.

– Я настаиваю на том, чтобы увеличить число моих подопечных, получивших доступ к Кубку Огня. – Каркаров отбросил подобострастный тон, улыбка сползла, лицо злобно исказилось. – Зажгите его ещё раз. Все школы должны иметь равное число чемпионов. Это, Дамблдор, будет честно!

– Поймите, Каркаров, это так не работает, – возразил Бэгмэн. – Кубок Огня погас, и его разожгут не раньше следующего Турнира.

– ... в котором Дурмстранг участвовать точно не будет! – взорвался Каркаров. – После всех встреч, переговоров, компромиссов я ничего подобного не ожидал! И готов хоть сейчас бросить всё и уехать.

– Пустая угроза, Каркаров, – прохрипел голос у двери. – Ты не оставишь своего чемпиона одного. Он должен участвовать. Они все должны. Чемпионы связаны магическим контрактом, как и сказал Дамблдор. Удобно, да?

В комнату вошёл Муди и, хромая, подошёл к огню. Каждый его шаг сопровождался стуком, издаваемым правой ногой.

– Удобно? – переспросил Каркаров. – Боюсь, я не совсем тебя понял, Муди.

Каркаров держался высокомерно, показывая всем, что слова Муди не достойны его внимания, но профессора выдали руки, судорожно сжавшиеся в кулаки.

– Неужели? – спокойно продолжал Муди. – Всё очень просто, Каркаров. Кто-то опустил в Кубок имя Поттера, точно зная, что, выпавши его имя, ему придётся участвовать в Турнире.

– Значит, кто-то успешно помог Огвартсу откусить от одного яблока два раза, – попытожила мадам Максим.

– Полностью согласен, мадам Максим, – кивнул Каркаров. – И я намерен подать протест в Министерство магии и Международную конфедерацию колдунов...

– Уж кому бы подавать протест, так это Гарри Поттеру, – прохрипел Муди. – Но смешно сказать, я ещё и слова от *него* не слышал.

– Ему чего делать протест! – топнула ножкой Флер Делакур. – У него есть возможность участвовать, так? Ми все неделями надеялись быть выбганными. Такая честь для всей школы. Ещё и приз тысяча галлеон – за такой шанс многие готовы умереть!

– Может, кто-то и хочет, чтобы Поттер умер за это. – Муди явно силился придать голосу мягкость.

После этих слов в комнате воцарилось гнетущее напряжение.

Не на шутку встревоженный, Людо Бэгмэн, нервно переступив с ноги на ногу, прервал молчание:

– Муди, старина, что вы такое говорите?!

– Как всем нам известно, Муди считает утро пропащим, не раскрой он к обеду полдюжины заговоров, – во весь голос провозгласил Каркаров. – Небось, и ученикам говорит бояться убийц повсюду. Мягко говоря, странное свойство для преподавателя, который учит, как защищаться от Тёмных искусств. Но вам, Дамблдор, конечно, виднее.

– Мне мерещится? – вновь захрипел Муди. – Фантазия разыралась? Имя Поттера в Кубок подложил искусный колдун или ведьма...

– А доказательства какие? – Мадам Максим всплеснула ручищами.

– Он сумел обмануть предмет, обладающий исключительными магическими свойствами. Только мощнейшие чары Конфундус могли заставить Кубок забыть, что в Турнире участвуют только три школы. Я так думаю, что они внесли имя Поттера, как представителя четвёртой школы, чтобы точно знать, что он будет единственным в этой категории...

– Сдаётся мне, ты тщательно всё это обдумал, – холодно заметил Каркаров. – Занятная гипотеза. А я тут недавно слышал такую историю: ты вбил себе в голову, что один из подарков, которые ты получил в день рождения, – хитроумно замаскированное яйцо

василиска. Ты его взял и разбил вдребезги прежде чем понял, что это каретные часы. Так что ты не обидишься, если мы не станем воспринимать тебя всерьёз...

– Да, существуют люди, умеющие раздуть из мухи слона. – В голосе Муди прозвучала угроза. – Работа у меня такая: разгадывать замыслы Тёмных колдунов, Каркаров. Тебе бы следовало об этом помнить...

– Аластор! – предупреждаяще остановил профессора Муди Дамблдор.

Гарри не понял было, к кому он обратился. Но мигом сообразил, что вряд ли Безумный Глаз настоящее имя Муди. Муди прикусил язык, но с удовольствием поглядывал на залившегося краской Каркарова.

– Нам неизвестно, как это могло произойти, – обратился Дамблдор к присутствующим. – В любом случае, похоже, нам остаётся лишь принять это. Кубок выбрал двоих: Седрика и Гарри. И им ничего не остаётся...

– Но Дамбледорр...

– Дорогая мадам Максим, если вам известен иной выход – буду рад услышать.

Но мадам Максим не проронила больше ни слова, она просто клокотала от гнева. И не только она. Снейп был готов лопнуть от ярости, Каркаров злился не меньше. Один только Бэгмэн был охвачен радостным спортивным волнением.

– Ну что ж, продолжим, – потёр он руки и улыбнулся. – Пора проинструктировать чемпионов, да? Барти, сочтёшь за честь?

– Да, да... Инструкции, – очнулся Крауч от своих мыслей. – Первый тур...

Он подошёл к камину. Вблизи Гарри показалось, что он болен. Вокруг глаз залегли глубокие тени. Тонкую, как папиросная бумага, кожу избородили морщины. На Кубке мира он выглядел куда лучше.

– Первый тур проверит вашу отвагу, – принялся за объяснения Крауч. – Мы не посвящаем вас в то, какое испытание вам предстоит. Смелость перед лицом неизвестности – важное качество для колдуна... Крайне важное... Первый тур состоится двадцать четвёртого ноября в присутствии зрителей и судейской бригады. Участникам Турнира воспрещается принимать от учителей хоть какую-то помощь для прохождения заданий Турнира. Единственное оружие чемпиона – волшебная палочка. По окончании первого тура вы получите инструкцию для второго. Учитывая затраты сил и времени для подготовки к Турниру, чемпионы освобождаются от годовых экзаменов. По-моему, это всё, Альбус? – повернулся Крауч к Дамблдору.

– Да, всё. – Директор Хогвартса взглянул на Крауча с лёгким беспокойством. – Может, Барти, вы переночуете в замке?

– Нет, Дамблдор, я должен вернуться в Министерство. Мы очень заняты, сейчас непростые времена. Вместо меня остаётся молодой Узэрби... большой энтузиаст... по правде говоря, даже слишком большой...

– Ну хотя бы выпейте на дорогу, – предложил Дамблдор.

– Оставайтесь, Барти. Я вот остаюсь! – радостно возвестил Бэгмэн. – В Хогвартсе сейчас куда интересней, чем в офисе!

– Нет, Людо, не могу, – в обычной категорической манере отказался Крауч.

– Профессор Каркаров, мадам Максим, от рюмочки на ночь, надеюсь, не откажетесь?

Но мадам Максим уже опустила руку на плечо Флер, и они быстро пошли к двери, что-то лопоча по-французски. Каркаров поманил Крама, и они, не сказав больше ни слова, тоже поспешили уйти.

– Гарри, Седрик, советую вам идти спать, – улыбнулся Дамблдор своим чемпионам. – Не сомневаюсь, и Гриффиндор, и Хаффлпафф горят желанием отпраздновать ваш успех. Нельзя лишать друзей отличного предлога устроить шумное и весёлое столпотворение.

Гарри глянул на Седрика, тот кивнул, и оба двинулись к двери.

Большой Зал опустел. Свечи в тыквах догорали, придавая их зигзагоподобным улыбкам мерцающий, жутковатый вид.

– Ну вот, Гарри, – Седрик слегка улыбнулся, – опять мы с тобой соперники!

– Опять, – только и мог сказать Гарри. В голове был кавардак, как будто там побывали грабители.

Вышли в холл. Вместо Кубка Огня его освещали обычные факелы.

– Скажи, Гарри, как тебе *удалось* бросить своё имя в Кубок? – спросил Седрик.

– Я не бросал. – Гарри твёрдо посмотрел на Седрика. – Я сказал правду.

– Ну да, ладно... Увидимся, – ответил Седрик. Было видно, что он не верит.

Вместо того чтобы взбежать по мраморной лестнице, Седрик свернул и исчез в правой двери. Гарри постоял, послушал, как он сбегает по каменной лестнице вниз, и пошёл по мраморным ступеням к себе.

Кто-нибудь ещё, кроме Гермiony и Рона, поверит ему или все посчитают, что он сам опустил в Кубок пергамент? Как так вообще можно подумать, когда он будет состязаться с соперниками, которые учились магии на три года дольше его, в крайне опасных заданиях на глазах сотен зрителей? Да, он думал об этом, фантазировал, но в шутку, так... пустые мечты! *Всерьёз* никогда не рассматривал участие...

Зато кто-то другой рассматривал... Кто-то другой хотел, чтобы Гарри принял участие, вот и постарался. Зачем? Чтобы доставить ему удовольствие? Это вряд ли, значит... Потешиться, выставить его дураком? Вероятно, он этого добьётся... Но чтобы *убить*? Очередная навязчивая идея Муди? Мог кто-то сунуть имя Гарри в Кубок ради розыгрыша? Хочет ли действительно кто-то его смерти?

Долго думать не надо. Есть человек, который этого хочет. Давно хочет, с тех пор как ему исполнился год... Лорд Волдеморт. Но как он мог бросить его имя в Кубок Огня? Он ведь сейчас далеко, прячется в неведомых краях, один, слабый, немощный...

Правда, в том сне, который ему приснился перед тем как он проснулся от боли в шраме, Волдеморт не был один... он разговаривал с Прихвостом... планировал убийство Гарри...

Гарри не заметил, как очутился возле Полной Леди. Ноги сами его донесли. Леди была не одна. Та самая старая ведьма, что прыгнула в раму к соседу в комнате с камином, сейчас уютно расположилась на холсте с Полной Леди. Наверное, заскакивала во все картины на семи этажах, пока добралась сюда. Обе дамы смотрели на Гарри с превеликим интересом.

– Так-так-так, – молвила Полная Леди. – Виолетта мне всё рассказала. Кого же избрали в школьные чемпионы?

– Чепуха, – буркнул Гарри.

– Какая ещё чепуха? Ничего подобного! – возмутилась гостья.

– Нет, нет, Ви, это пароль, – успокоила её Полная Леди. И портрет повернулся на петлях, пустив Гарри в гостиную.

Жуткий рёв хлестнул Гарри по ушам, едва не свалив с ног. Десяток рук втащили его в гостиную, где собрался весь Гриффиндор. От крика, свиста и аплодисментов у Гарри голова пошла кругом.

– Надо было и нам сказать, что ты своё имя в Кубок бросил! – завопил Фред. Он был и сердит, и потрясён до глубины души.

– Ты как это сделал, не отрастив бороду? Класс! – взревел Джордж.

– Это не я, – истово произнёс Гарри. – Понятия не имею, как...

– Пусть не я, главное – гриффиндорец! – кинулась ему на шею Анджелина.

– Постарайся, Гарри, взять реванш за прошлогоднее поражение! – воскликнула Кэти Белл, ещё один гончий из гриффиндорской команды.

– У нас тут столько еды, Гарри! Иди ешь!

– Я не голоден, наелся на празднике...

Никто не верил, что он сыт и что он не бросал пергамент со своим именем в Кубок. Никто не замечал, что у героя нет настроения веселиться. Ли Джордан где-то раскопал гриффиндорское знамя и обмотал им Гарри наподобие мантии. Каждый раз, когда он делал попытку пробраться к лестнице в спальни, толпа вокруг него смыкалась, подливая ему ещё сливочного пива, запихивая в руки чипсы и орехи... Все желали узнать, как ему удалось обхитрить Возрастную Черту Дамблдора и положить в Кубок своё имя...

– Это не я, – снова и снова твердил Гарри. – Без понятия, как это произошло.

Судя по лицам, говорить им что-то бесполезно.

– Я устал! – взмолился через полчаса Гарри. – Нет, правда, Джордж, я иду спать.

Ему так сейчас нужны Рон с Гермионой, единственные здравомыслящие люди, но в гостиной их не было. Наконец Гарри удалось выскочить из гостиной, чуть не раздавив малюток Криви, которые пытались поймать его у лестницы. Стряхнув с себя братьев, он, не помня себя, рванул вверх.

К счастью, Рон в спальне один. Лежит на кровати одетый и смотрит вверх.

– Где ты был? – захлопнув дверь, спросил Гарри.

– О, привет, – сказал Рон, натянуто улыбнувшись.

Гарри совсем забыл, что на нём всё ещё намотано гриффиндорское знамя, подарок Ли. Гарри стал спешно его стягивать, не тут-то было. А Рон лежал и безразлично смотрел на попытки избавиться от полотнища.

– Что ж, – сказал Рон, когда Гарри таки справился со знаменем и швырнул его в угол. – Поздравляю.

– Поздравляешь? С чем? – глянул на него Гарри. С улыбкой Рона что-то определённо было не так. Она была похожа на гримасу.

– Да брось ты! Никто не мог переступить Возрастную Черту. Даже Фред с Джоржем. Что использовал? Плащ-невидимку?

– Плащу-невидимке линию не обмануть.

– Понимаю. Будь это плащ, ты бы и мне предложил. Мы ведь под ним вдвоём умещаемся. Значит, нашёл другой способ?

– Слушай. Я не подходил к Кубку. Кто-то другой бросил в него моё имя.

Брови у Рона поползли вверх.

– Зачем?

– Не знаю.

Не отвечать же: «Чтобы убить меня». Это было бы слишком мелодраматично. Брови Рона чуть не слились с рыжими волосами.

– Всё нормально, *мне-то* ты можешь сказать правду. Если не хочешь, чтобы кто-то ещё знал – ладно. Но зачем дальше-то врать, тебя ведь никто за это не накажет, так? Эта подруга Полной Леди, Виолетта, всё нам рассказала. Дамблдор допустил тебя к участию. Тысяча галлеонов, плохо ли? Да ещё экзамены не сдавать.

– Я не бросал в Кубок пергамент с моим именем! – начал злиться Гарри.

– Да ладно, – протянул Рон, точь-в-точь как Седрик, тем же скептическим тоном. – Вот только утром сказал, что бросил бы имя ночью, чтобы никто не видел. Я не тупой, знаешь ли.

– Сейчас, во всяком случае, очень похож.

– Чего-чего? – без следа улыбки, вымученной или какой ещё, протянул Рон. – Тебе пора спать, Гарри. Завтра ведь рано вставать. Всякие там фотосъёмки...

Он задёрнул на кровати полог. Стоящему у двери Гарри осталось лишь глядеть на бархатные бордовые занавески. За ними лежал один из немногих людей, которые, как думал Гарри, обязательно ему поверят.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПРОВЕРКА ВОЛШЕБНЫХ ПАЛОЧЕК

Проснувшись в воскресенье, Гарри не сразу осознал, что накануне произошло. В голове всё перепуталось. Он рванул занавеску полога с одной мыслью: поговорить с Роном, заставить его поверить... только Рона не оказалось на месте. Наверное, ушёл завтракать.

Гарри оделся и по винтовой лестнице сбегал в гостиную. Его появление встретил гром аплодисментов. Куда деваться? Идти в Большой Зал? Там гриффиндорцы обрушат шквал приветствий, как на героя. Остаться здесь? Опять пристанут братья Криви, вон уже машут. Нет, сейчас надо всё обсудить с Гермионой. И Гарри решительно двинулся к выходу, толкнул портрет, выбрался на площадку и нос к носу столкнулся с Гермионой, державшей в руке кипу тостов, завернутую в салфетку.

– Привет. – Гермиона, развернув салфетку, протянула Гарри еду. – Это тебе. Может, прогуляемся?

– Отличная идея, – благодарно согласился Гарри. Спустились на первый этаж, не заглянув в Большой Зал, пересекли холл, вышли наружу и быстро зашагали по лужайке в сторону озера. Корабль стоял у причала, отбрасывая на воду чёрную тень. Утро выдалось прохладным, они шли, жуя тосты, и Гарри без утайки поведал всё Гермионе. Гермиона, к его облегчению, не усомнилась ни в едином слове.

– Конечно, ты тут ни при чём, – кивнула Гермиона, выслушав рассказ о сцене в комнате с камином. – Видел бы ты себя со стороны, когда Дамблдор объявил: «Гарри Поттер»! Но кто, кто же это сделал? Муди прав, Гарри. Ученикам не под силу обмануть Кубок и переступить Черту Дамблдора...

– Ты видела Рона? – перебил её Гарри.

– Да... во... время завтрака, – замялась Гермиона.

– Всё ещё думает, что это моих рук дело?

– Нет... наверное, нет. Кажется, *не совсем*...

– Как это *не совсем*?

– Гарри, неужели тебе не ясно? – отчаянно ответила Гермиона. – Он просто слегка завидует!

– *Завидует?* – с сомнением протянул Гарри. – Чему завидовать-то? Хочет выставить себя идиотом перед всей школой?

– Пойми, Гарри, – принялась терпеливо объяснять Гермиона, – ты всегда в центре внимания...

Гарри хотел возразить что-то резкое, но Гермиона, не дав ему, продолжала:

– Знаю, ты не виноват. Слава тебя не прельщает. Но пойми и Рона. Дома старшие братья, все они в чём-то его превосходят. Ты, его лучший друг, – знаменитость, он всегда в тени, когда вас видят вместе. Рон смирился с этим, никогда даже не заикнётся. Но история с Кубком – это уже перебор.

– Класс, – горько произнёс Гарри. – Просто класс. Передай ему, я с радостью с ним поменяюсь. Ещё и спасибо скажу. Люди всюду пьются на мой лоб, куда ни пойду ...

– Не собираюсь ничего передавать. Поговори с ним сам. Это единственный выход.

– Не собираюсь я за ним бегать и воспитывать! – крикнул Гарри, спугнув дремавших на дереве сов. – Может, он поверит, что я этим не наслаждаюсь, когда я сверну себе шею...

– Не смешно. Абсолютно. – Вид у Гермионы был на редкость тревожный. – Знаешь, что надо сделать сразу, как придём в замок?

– Да, дать Рону хорошего пинка.

– *Написать Сириусу.* Ты должен ему рассказать, что происходит. Он просил держать его в курсе событий в Хогвартсе. Похоже, он почти ожидал что-то подобное. Я захватила с собой перо и пергамент.

– Кончай это. – Гарри обернулся: не подслушивает ли кто? Кругом ни души. И он продолжил: – Сириус сразу же решил приехать в страну только потому, что у меня слегка заболел шрам. Он, наверное, прямо в замок прорвётся, напиши я ему, что кто-то сделал меня участником Тримагического Турнира...

– *Он хочет, чтобы ты ему сообщал.* – В голосе у Гермионы появился кремень. – Он всё равно об этом узнает.

– Как?

– Гарри, об этом помалкивать не будут. – Гермиона говорила очень серьёзно. – Этот турнир знаменит, ты тоже. Удивляюсь, если в «Ежедневном пророке» ещё не вышла статья о том, что ты участвуешь. Ты значишься в половине книг о Сам-Знаешь-Ком. Поверь, будет лучше, если Сириус всё узнает от тебя самого.

– Ладно, ладно, напишу ему.

Гарри бросил в озеро последний кусок хлеба, из воды высунулось огромное щупальце, схватило еду и исчезло. А друзья поспешили обратно в замок.

– Какую сову послать? – спросил Гарри на лестнице. – Сириус просил больше не посылать Хэдвиг.

– Попроси у Рона...

– Ни за что, – отрезал Гарри.

– Что ж, можно взять школьную. Их кто угодно может использовать.

Вошли в советник, Гермиона дала Гарри кусок пергамента, перо и чернильницу и пошла ходить вдоль насестов, разглядывая почтовых сов. Гарри примостился у свободной стены и начал писать.

«Дорогой Сириус!

Как ты просил, сообщаю тебе последние новости из Хогвартса. Ты, наверное, уже знаешь, что в этом году состоится Тримагический Турнир. Так вот, в субботу вечером меня выбрали четвёртым чемпионом. Понятия не имею, кто бросил в Кубок моё имя,

я, конечно, не бросал. Другой чемпион от Хогвартса – Седрик Диггори из Хаффлапфа».

Гарри поставил точку и задумался: может, рассказать крёстному о своих тревогах, поселившихся в сердце со вчерашнего вечера, но не нашёл подходящих слов. И, обмакнув перо в чернила, коротко закончил:

«Надеюсь, у вас с Брыкловом всё в порядке.

Гарри».

– Всё, Гермиона, написал. – Гарри поднялся с пола и отряхнул с мантии солому. На плечо села Хэдвиг и протянула лапу.

– Я не могу тебя сегодня послать. Возьму одну из этих, – сказал он, оглядывая школьных сов.

Хэдвиг громко ухнула и так резко взлетела с плеча, что оставила на нём царапину. Опустилась на насест, повернувшись к Гарри хвостом. Так и сидела всё время, пока Гарри привязывал пергамент к ноге большой синухи.

Синуха улетела. Гарри хотел было погладить Хэдвиг, но та сердито щёлкнула клювом и села под самый потолок, чтобы Гарри не мог к ней прикоснуться.

– Сперва Рон, а теперь ты, – пробурчал Гарри. – *Не моя это вина.*

* * *

Напрасно Гарри думал, что скоро все свыкнутся с его чемпионством и дела как-то наладятся. На другой день начались уроки, и он не мог больше избегать учеников других Домов. Они, как и гриффиндорцы, считали, что Гарри сам бросил в Кубок своё имя. Но, в отличие от гриффиндорцев, были не склонны ликовать по этому поводу.

Хаффлапфцы, обычно дружившие с Гриффиндором, теперь изменили отношение ко всему Дому. Это понятно, они считали, что Гарри покусился на славу их чемпиона Седрика Диггори. Хаффлапфф не был избалован победами, а Седрик, как никто, завоёвывал им награды. Однажды и вовсе обыграл Гриффиндор в квиддич.

Гарри убедился в этом на первом же уроке гербологии. Эрни Макмилан и Джастин Финч-Флетчли, с которыми у Гарри были хорошие отношения, молчали весь урок, хотя вместе работали у одного подноса – пересаживали прыгучие луковицы. Одна луковица, вырвавшись из рук, больно стукнула Гарри по лицу, и хаффлапфцы, неожиданно для него, ехидно прыснули. Даже профессор Спраут явно его сторонилась, понятное дело – глава Хаффлапфа.

С Роном он так и не помирился. Гермиона в Большом Зале садилась между ними и, как могла, поддерживала беседу. С ней бывшие друзья говорили, но друг на друга старались не смотреть.

Он всегда с радостью ожидал уроков Хагрида. Но не сейчас: очень уж не хотелось встречаться со слизеринцами.

На следующий урок по уходу за магическими существами Малфой, как и следовало ожидать, явился с издевательской ухмылкой.

– Эй, парни, смотрите, сам чемпион здесь! – увидев Гарри, обратился он к верным телохранителям Крэббу и Гойлу. – Захватили блокноты? Спешите взять автограф, а то я думаю, он долго не протянет... половина чемпионов на Турнирах-то померла. Сколько надеешься протянуть, Поттер? Держу пари, минут десять первого тура.

Крэбб и Гойл угодливо заржали, а Малфой притих: из задней двери хижины вышел Хагрид, нагруженный шаткой башней из ящиков, в каждом – здоровенный взрывохвостый скрут. Хагрид объяснил, что скруты убивают друг друга из-за избытка подавляемой энергии. И, ко всеобщему ужасу, повелел: чтобы дать энергии выход, каждый ученик должен надеть на скрута ошейник и совершить с ним длительную прогулку. У задания был только один плюс – оно полностью отвлекло Малфоя.

– Вывести их на прогулку? – Он заглянул в один из ящиков. – И куда конкретно мы должны нацепить ошейник? На жало, на взрывной хвост или на присоску?

– Очень просто, пос'редине, – показал Хагрид. – Только это... наденьте перчатки из драконьей кожи. А ты, Гарри, поди сюда, подсобишь мне управиться вот с этим крепышом...

На самом же деле он хотел побеседовать с Гарри наедине.

Он дождался, пока все пойдут выгуливать скрутов, затем повернулся к Гарри.

– Так, значит, ты будешь участвовать... – начал он, очень серьёзно. – Тримагический Турнир... Чемпион школы...

– Один из двух, – поправил его Гарри.

Из-под бровей тревожно блеснули чёрные глаза-жуки.

– Ты не знаешь, кто тебе так удружил?

– Значит, ты веришь... веришь, что это не я? – В порыве благодарности Гарри чуть не бросился ему на шею.

– А то как же, – кивнул Хагрид. – Ты сказал, что не ты, и я поверил. И Дамблдор тоже, и все...

– Знать бы, кто это *сделал*, – горько произнёс Гарри.

Оба посмотрели на лут – ученики рассыпались кто куда. Скруты были уже около трёх футов в длину. И силы хоть отбавляй. От мягкотелых, бесцветных пресмыкающихся не осталось и следа. Теперь на них был толстый серый, вроде брони, панцирь. Походили они на помесь гигантского скорпиона и вытянутого краба, но голова и глаза ещё толком не обозначились. Этими мощными существами управлять было очень трудно.

– Похоже, прогулка им по душе, – довольно улыбнулся Хагрид.

Это он о скрутах, понял Гарри. Ученики были явно не в восторге. То и дело из сопел вырывался огонь, толкая переросшего скорпиона вперёд, и сопровождающих волокло по земле несколько ярдов. Несчастные пытались подняться на ноги, но это им почти не удавалось.

– Ох, не знаю, Гарри... – Хагрид вдруг тяжело вздохнул и с беспокойством взглянул на Гарри. – Чемпион школы... Вечно с тобой что-нибудь стрясётся...

Гарри промолчал. Да, с ним вечно что-то случается. Вот и Гермиона сказала примерно то же во время прогулки вокруг озера. Именно из-за этого, считает она, Рон и перестал с ним разговаривать.

* * *

Следующие несколько дней слились в сплошную чёрную полосу. Нечто похожее было на втором курсе, тогда многие подозревали его в нападениях на школьников. Но Рон-то был на его стороне. Вернись его дружба, легче было бы переживать свалившуюся невзгоду. Но он не пойдёт кланяться Рону, раз Рон не хочет мириться. Хотя ему так одиноко – весь мир ополчился против.

Он понимает хаффлапфцев, как это ни обидно. Они ведь болеют за своего чемпиона. От слизеринцев ничего, кроме злобных выходок, он и не ждал. Они его терпеть не могут. Именно благодаря Гарри Гриффиндор обыгрывал их в квиддич и занимал первое место в соревнованиях между Домами. Но рэйвенкловцы – они-то могли бы болеть и за Седрика, и за него. Но нет. По-видимому, большинство считает, что он хотел обманным путём стяжать себе ещё большую славу.

И конечно, Седрику роль чемпиона подходит куда больше. Он так красив: тёмные волосы, серые глаза, прямой нос. Ещё неизвестно, кем больше восхищаются – им или Крамом. Он сам видел, как шестикурсницы, охотившиеся за автографом Крама, умоляли Седрика расписаться у них на сумках.

Ответа от Сириуса не было. Хэдвиг никак не желала сменить гнев на милость. Предсказания профессора Трелони с каждым днём становились всё более зловещими. А на уроке профессора Флитвика он так плохо применял Манящие чары, что один из всего класса – не считая, конечно, Невилла – получил дополнительное домашнее задание. Гермиона весь урок притягивала к себе всё, что было в классе, – губки для доски, луноскопы, корзины для мусора, они летели к ней, как будто она зачарованный магнит.

– Это совсем не трудно, – утешала его после урока Гермиона. – Просто ты плохо сосредотачиваешься.

– Вот узнать бы почему... – мрачно проворчал Гарри.

Мимо как раз шёл Седрик в окружении девушек с глуповато восторженными улыбками на лицах. При виде Гарри они округлили глаза, как будто столкнулись в коридоре замка со взрывохвостым скрутом.

Ну и пусть таращатся! Вот двойной урок зельеварения – это действительно сушая пытка! Полтора часа в подземелье со Снейпом и слизеринцами, а от них пощады не жди: как он посмел стать чемпионом Хогвартса! Он уже еле вынес одну пятницу. Гермиона сидела рядом, всё время твердя шёпотом: «Не обращай внимания, не обращай внимания». И сегодня, конечно, будет не лучше.

После обеда они с Гермионой спустились в подземелье, возле двери лаборатории толпились слизеринцы, у каждого на груди большой значок. «Неужели РВОТЭ?» – мелькнула безумная догадка. И тут же её опровергла ярко горевшая в полутьме коридора надпись:

*«Поддержи СЕДРИКА ДИШТОРИИ –
НАСТОЯЩЕГО чемпиона Хогвартса».*

– Нравится, Поттер? – заметив Гарри, воскликнул Малfoy. – Но это ещё не всё! Полюбуйся!

Он нажал на значок, красная надпись исчезла, её сменила зелёная:
«ПОТТЕР – СМЕРДЯК».

Слизеринцы загоготали. Все, как один, нажали на значки, и на Гарри отовсюду теперь смотрели блестящие зелёные буквы. Гарри невольно залился краской.

– Очень смешно! – язвительно бросила Гермиона, презрительно глядя на группу слизеринских девчонок во главе с Пэнси Паркинсон, смеявшихся громче всех. – *Верх остроумия!*

Рон стоял у стенки вместе с Дином и Шеймасом. Конечно, он не смеялся, но и не вступился за Гарри.

– Дать тебе, Грэйнджер? У меня их немало, – Малфой протянул Гермионе значок. – Ой, не дотрагивайся до меня. Я только что вымыл руки. Видишь, какие чистые. Не хочу испачкаться о какую-то грязнокровку.

И Гарри не выдержал. Подавляемый гнев прорвался наружу. Не отдавая себе отчёта, он выхватил из кармана волшебную палочку, и слизеринцы, в испуге отпрянув, бросились наутёк.

– Гарри! – предупреждающе крикнула Гермиона.

– Ну, давай, Поттер, – тихо произнёс Малфой, вынимая свою волшебную палочку. – Муди здесь нет, защитит тебя некому. Начинай, коль такой храбрый.

Долю секунды они смотрели друг другу в глаза и затем одновременно крикнули:

– *Furnunculus!*

– *Densaugeo!*

Из палочек выскочили лучи, на поддороге столкнулись и срикошетили. Луч Гарри угодил в физиономию Гойла, луч Малфоя – в Гермиону. Гойл взвыл и схватился за нос, который покрылся огромными безобразными нарывами. Гермиона прижала ладонь ко рту и залилась слезами.

– Гермиона! Что с тобой? – воскликнул Рон, бросился к ней и отнял ото рта руку.

Зрелище предстало не из приятных. Верхние резцы у Гермионы, которые и без того выдавались, стали вдруг расти с ужасающей быстротой. Секунду-другую она походила на бобра, но зубы всё росли, перешагнули губу и уже достигли подбородка. Гермиона в ужасе их ощущала, и из груди у неё вырвался отчаянный вопль.

– Отчего здесь такой шум? – проговорил убийственно вкрадчивый голос.

У дверей лаборатории появился Снейп. Слизеринцы начали наперебой объяснять. Снейп указал длинным жёлтым пальцем на Малфоя:

– Рассказывай ты, Дрэйко.

– Поттер на меня напал, сэр...

– Мы напали друг на друга одновременно! – возразил Гарри.

– ...и попал в Гойла. Видите?

Снейп осмотрел Гойла. Лицо у того походило на иллюстрацию из домашнего пособия по ядовитым грибам.

– Ступай в больничное крыло, – распорядился Снейп.

– *Смотрите*, что Малфой сделал с Гермионой, – воззвал к нему Рон.

Гермиона пыталась руками прикрыть растущие зубы, но они уже коснулись воротника мантии. Подошедшие слизеринки тыкали в неё пальцем из-за спины Снейпа, кривляясь от едва сдерживаемого смеха.

Снейп холодно взглянул на неё.

– Не вижу разницы, – заключил он.

Гермиона громко всхлипнула, повернулась на каблуках и побежала к лестнице, ведущей вверх.

Гарри и Рон, к счастью, вместе заорали на Снейпа. К счастью, потому что оба их голоса эхом отдавались в гулком каменном коридоре, и учитель точно не слышал, что именно они обрушили на него. Но общий смысл до него дошёл.

– Посмотрим, – своим самым шёлковым голосом молвил Снейп. – Минус пятьдесят очков Гриффиндору. Поттер и Уизли останутся после урока, я объявляю, в чём будет состоять наказание. А теперь в класс. Не то будете наказаны на неделю.

В ушах у Гарри звенело. Такая несправедливость! Заклясть бы самого Снейпа. Пусть рассыплется на тысячу слизняков! Гарри прошёл в конец класса и бросил сумку на парту. Рона тоже трясло от гнева. На миг Гарри показалось, что у них с Роном нет никакой размолвки, но только на миг! Рон сел рядом с Дином и Шеймасом, а Гарри опять остался один. В другом конце класса Малфой, повернувшись спиной к Снейпу, нажал на значок и хихикнул. Зелёная вспышка «ПОТТЕР – СМЕРДЯК» опять развлекала слизеринцев.

Гарри сидел на уроке и воображал всякие ужасы. Вот он применил к Снейпу проклятие Крусиатус (интересно, как его применяют?) и Снейп падает навзничь, извивается, как паук, дёргает руками и ногами...

– Займёмся противоядиями! – Снейп обвёл класс злобно поблёскивающими глазками. – Составы у вас готовы? Теперь осторожно заварите их. После чего выберем кого-нибудь и попробуем на нём их действие.

Его глаза встретили взгляд Гарри. И Гарри понял: Снейп отравит именно *его*. Ему отчётливо представилась картина: он берёт свой котёл, подбегает к профессору и опрокидывает посудину на ненавистную голову...

Мечты о расправе над Снейпом прервал стук в дверь.

В класс шмыгнул Колин Криви и, одарив Гарри сияющей улыбкой, подошёл к Снейпу.

– Да? – сухо произнёс глава Слизерина.

– Простите, сэр, но Гарри Поттера вызывают наверх.

Снейп, нагнувшись, приблизил к Колину крючковатый нос, и улыбка сползла с восторженного лица малютки.

– Поттеру предстоит ещё час работы с зельями. Наверх он поднимется после урока.

Колин покраснел.

– Сэр, сэр, его ждёт мистер Бэгмэн, – испуганно проговорил он. – Все чемпионы должны идти. Их, по-моему, будут фотографировать.

Фотографировать! Ну зачем, зачем он это сказал! Гарри кинул взгляд на Рона, тот демонстративно смотрел в потолок.

– Хорошо, хорошо, – прошепел Снейп. – Поттер, оставьте сумку здесь. Вы ещё будете мне нужны для проверки вашего противоядия.

– Пожалуйста, сэр, Гарри надо взять сумку с собой. Все чемпионы там...

– Очень *хорошо!* – рявкнул Снейп. – Бери свою сумку и долой с моих глаз!

Гарри перекинул сумку через плечо и пошёл к двери. Вслед ему на всех столах слизеринцев зажглись зелёные буквы: «ПОТТЕР – СМЕРДЯК».

– Как удивительно, правда, Гарри? – затараторил Колин, стоило только Гарри закрыть за собой дверь. – Только представь себе, ты – чемпион!

– Да, удивительно, – тяжело вздохнул Гарри, поднимаясь в холл. – А для чего они будут фотографировать?

– Думаю, для «Ежедневного пророка»!

– Чудно, – вяло отозвался Гарри. – Этого-то мне и не хватало. Больше публичности.

– Желаю удачи! – попрощался у двери Колин. Гарри постучал и вошёл.

Он очутился в небольшой аудитории. Большинство столов сдвинуты в конец, образуя в центре пустое пространство. Три составлены вместе перед доской и накрыты длинной бархатной скатертью. За ними пять кресел. В одном сидит Людо, беседуя с незнакомой ведьмой в алой мантии.

Виктор Крам, по обыкновению, задумчиво стоит в стороне от всех. Седрик и Флер беседуют. Вид у неё довольный, не то что в день приезда. Она то и дело откидывает голову, и длинные белокурые волосы на свету красиво переливаются. Пузатый коротышка с большой чёрной камерой, слегка дымившейся, краем глаза любит её.

Увидев Гарри, Бэгмэн вскочил и радостно запрыгал к нему.

– А вот и четвёртый чемпион! Входи, Гарри, входи! Не волнуйся, это просто церемония проверки волшебных палочек. Сейчас подойдут члены судейской бригады.

– Проверка волшебных палочек? – озадаченно переспросил Гарри.

– Необходимо проверить, в каком они состоянии, нет ли поломок. Это ваш главный инструмент в соревнованиях. Специалист в этой области сейчас наверху с Дамблдором. После церемонии вас будут фотографировать. Познакомься, Рита Скитер. – Бэгмэн жестом указал на женщину в алой мантии. – Она делает небольшой материал о Турнире для «Ежедневного пророка».

– Не *такой* уж и небольшой, Людо, – поправила Рита, впившись взглядом в Гарри.

Волосы у неё уложены в причудливое сооружение из тугих локонов, нелепо сочетающееся с массивным подбородком; очки отделаны драгоценностями, толстые пальцы, сжимающие крокодиловой кожи сумочку завершаются длинными ногтями, покрытыми пунцовым лаком.

– Нельзя ли до начала церемонии взять у Гарри коротенькое интервью? – обратилась она к Бэгмэну, не отрывая от Гарри глаз. – Самый юный чемпион, несомненно, прибавит статье живости.

– Разумеется! Гарри, ты не возражаешь?

– М-м, – протянул Гарри.

– Вот и отлично. – Красные когти железной хваткой вцепились Гарри в руку повыше локтя. Журналистка потащила его из комнаты и толкнула соседнюю дверь.

– Там очень шумно, – сказала она. – Побеседуем лучше здесь в тихой, уютной обстановке.

Гарри растерянно взглянул на неё: они оказались в каморке для вёдер и швабр.

– Входи, милый. Вот так. Чудненько. – Рита осторожно опустилась на перевёрнутое ведро, усадила Гарри на картонную коробку и закрыла плотно дверь. Каморка погрузилась в темноту. – Что ж, приступим.

Раскрыв крокодиловую сумочку, она извлекла горсть свечей, волшебной палочкой повесила в воздухе и зажгла.

– Гарри, ты не против Прытко Пишущего Пера? Так я смогу более естественно говорить с тобой.

– А что это?

Рита Скитер широко улыбнулась. И Гарри сосчитал у неё во рту три золотых зуба. Рита вынула из сумочки длинное ядовито-зелёное перо и свиток пергамента. Развернула его на ящичке из-под универсального магического пятновыводителя миссис Сковер. Сунула в рот кончик зелёного пера, пососала его и поставила вертикально на пергамент. Перо, слегка подрагивая, балансировало на острие.

– Проба... Я – Рита Скитер. Репортёр «Ежедневного пророка».

Гарри взглянул на перо. Не успела Рита открыть рта, как перо само понеслось по пергаменту:

«Рита Скитер – привлекательная блондинка сорока трёх лет. Её острое перо проткнуло немало раздутых репутаций».

– Отлично, – сказала Рита, оторвала сверху кусок пергамента, скомкала его и сунула в сумочку. – Так-так, – наклонилась она к Гарри. – Что же побудило тебя стать участником Турнира?

– М-м, – опять протянул Гарри. Хотел было что-то сказать, но перо уже строчило:

«Безобразный шрам, подарок трагического прошлого, портит во всём остальном очаровательное лицо Гарри Поттера, чьи глаза...»

– Не обращай на перо внимания, Гарри, – приказала его обладательница.

Испытывая непреодолимое отвращение, Гарри перевёл взгляд на Риту.

– Почему ты решил бросить в Кубок своё имя?

– Я его не бросал. Я не знаю, как моё имя попало в Кубок Огня. Я не подходил к нему.

Рита Скитер вскинула густо очерченную бровь.

– Тебе ничего не будет, Гарри, не бойся. Мы все знаем, что ты нарушил запрет. Но, пожалуйста, не волнуйся. Наши читатели любят бунтарей.

– Но я и не думал ничего нарушать. Я не знаю, кто...

– Что ты чувствуешь перед состязаниями? Вздвонован? Нервничаешь?

– Я... я ещё не знаю... Да, наверное, нервничаю... – сказал Гарри, и внутри у него ёкнуло.

– В прошлом несколько чемпионов погибло, – оживлённо произнесла Рита. – Ты об этом подумал?

– Но ведь говорят, в этом году будет не так опасно.

Между тем перо на пергаменте всё строчило и строчило, туда-сюда, туда-сюда, как на коньках.

– Разумеется, ты и раньше сталкивался со смертью. – Она пристально смотрела на него.

– Что ты тогда испытывал?

– М-м, – в который раз протянул Гарри.

– Может, полученная в детстве травма тебя подстегнула? И ты захотел как-то себя проявить? Подтвердить свою славу? Не потому ли ты поддался искушению участвовать...

– *Не собирався я участвовать*, – начал сердиться Гарри.

– Ты помнишь своих родителей? – сменила тему Рита.

– Нет.

– Как тебе кажется, они бы обрадовались, узнай, что их сын – участник Тримагического Турнира? Гордились бы тобой? Беспокоились? Или бы это им не понравилось?

Гарри разозлился. Да откуда ему знать мнение родителей, останься они в живых?! А эта ведьма так и сверлит его взглядом. Гарри нахмурился и, стараясь не видеть её глаз, смотрел, что пишет перо.

«Когда наша беседа затронула его родителей, эти изумрудные глаза наполнились слезами. Он едва их помнит».

– НЕГ у меня в глазах никаких слёз! – крикнул Гарри.

Рита Скитер не успела ничего ответить – дверь отворилась, Гарри от яркого света замигал и обернулся: в проёме двери стоял Альбус Дамблдор и глядел на репортёра «Пророка» и его жертву, едва уместившихся в тесном чулане.

– *Дамблдор!* – возликовала Рита Скитер. Перо с пергаментом в мгновение ока исчезли с коробки магического пятновыводителя, когти журналистки поспешно защёлкнули застёжку на крокодиловой сумочке. – Как поживаете? – Рита встала и протянула директору Хогвартса крупную мужскую длань. – Надеюсь, вы видели мою летнюю статью о Международной конференции колдунов?

– Отменно омерзительна, – блеснул очками Дамблдор. – Особенно меня потешил мой собственный образ выжившего из ума болтуна.

Рита Скитер нисколько не смутилась.

– Я только хотела подчеркнуть старомодность некоторых ваших идей и то, что многие простые колдуны...

– Был бы счастлив узнать подоплёку вашей грубости, Рита, – сказал Дамблдор, – но боюсь, придётся перенести нашу беседу на другое время. Сию минуту начнётся церемония проверки палочек, а один из чемпионов упрятан в чулан для метел.

Радуясь избавлению от Риты Скитер, Гарри поспешил вернуться в класс. Чемпионы сидели на стульях у двери, и он занял место рядом с Седриком. За накрытым бархатной скатертью столом уже восседали четверо судей: профессор Каркаров, мадам Максим, мистер Крауч и Людо Бэгмэн. Рита расположилась в углу вынула из сумки начатую статью,

разгладила её на колене и, пососав кончик Прытко Пишущего Пера, водрузила его стоймя на пергамент.

– Позвольте представить вам мистера Олливандера, – обратился к чемпионам Дамблдор, заняв место за столом судей. – Он проверит ваши палочки, дабы убедиться в их готовности к турнирным сражениям.

Гарри огляделся и, вздрогнув от неожиданности, увидел пожилого колдуна с большими светло-серыми глазами, тихонько стоящего у окна. Они встречались ранее – именно у него три года назад Гарри купил свою волшебную палочку в Косом переулке.

– Мадемуазель Делакур, начнём с вас, если не возражаете. – Мистер Олливандер вышел на середину класса.

Флер Делакур лёгкой походкой подошла к нему и протянула палочку.

– Хм-м, – протянул Олливандер, повертел её в длинных пальцах как дирижёрскую палочку. Из палочки посыпался сноп розовых и золотых искр. Мастер поднёс её к глазам и внимательно рассмотрел. – Ясно, – сказал он спокойно, – девять с половиной дюймов, не гнётся, розовое дерево. Содержит... Боже милостивый...

– Волос с головы вилы, моей бабужки.

Вот почему она так похожа на вилу! Надо будет сказать Рону, подумал Гарри и тут же вспомнил, что они с Роном поссорились.

– Да... да, – сказал Олливандер. – Я, разумеется, никогда не использовал для палочек волосы вил. Слишком уж они получаются темпераментные. Но каждому своё, и если она вам подходит...

Мистер Олливандер пробежал пальцами по палочке, проверяя, нет ли царапин или каких неровностей.

– *Orchideous!* – воскликнул он, из палочки выскочил букет орхидей.

– Хорошо, очень, хорошо, она в полном порядке, – мастер поймал букет и протянул его Флер вместе с палочкой. – Мистер Диггори, ваша очередь.

Флер полетела на своё место, по пути одарив Седрика улыбкой.

– А-а, узнаю своё изделие, – заметно оживился мистер Олливандер, беря палочку Седрика. – Прекрасно её помню. Содержит один волос из хвоста замечательного экземпляра жеребца-единорога – около семнадцати ладоней в холке. Чуть не проткнул меня рогом, когда я дёрнул его за хвост. Двенадцать с четвертью дюймов, яшень, хорошая упругость. Регулярно её чистите?

– Вчера вечером полировал, – улыбнулся Седрик.

Гарри взглянул на свою палочку – вся в отпечатках пальцев. Он попытался полой мантии незаметно стереть их. Из неё сразу же посыпались золотистые искры. Флер Делакур свысока глянула на него, и Гарри всё оставил как есть.

Мистер Олливандер выпустил из палочки Седрика серебристую спираль дыма на весь класс, остался ею вполне доволен, затем сказал: «Мистер Крам, если вы не против...».

Виктор Крам встал, повёл плечами, ссутулился и подошёл к мастеру. Протянул палочку и, сунув руки в карманы, нахмурился.

– Хм-м. Ежели не ошибаюсь, творение Грегоровича? Прекрасный мастер, хотя стиль не совсем тот, какой... Ну, это ладно...

Он поднёс палочку к глазам и тщательно рассматривал её, вертя так и этак.

– Да... граб и сухожилие дракона? – метнул он взгляд на Крама.

Крам кивнул.

– Толстовата, довольно жёсткая, десять с четвертью дюймов... *Arvis!*

Палочка из саксаула выстрелила как ружьё, из дула выпорхнула стайка щебечущих птичек и вылетела в окно навстречу солнцу.

– Отлично, – сказал Олливандер, возвращая Краму его палочку. – И остаётся... мистер Поттер.

Гарри поднялся с места, прошёл мимо Крама и протянул свою палочку.

– Ах да, – расцвёл мистер Олливандер, глаза его вдруг вспыхнули. – Да, да, да. Я очень хорошо её помню.

И Гарри тоже помнил. Словно это было вчера.

Четыре лета назад, в одиннадцатый день рождения, они вместе с Хагридом зашли в магазин мистера Олливандера купить волшебную палочку. Хозяин сделал все необходимые измерения и стал протягивать ему палочку за палочкой. Гарри перебрал, кажется, все волшебные палочки, пока не нашёл ту, что нужно, – вот эту самую палочку из остролиста, одиннадцать дюймов длиной, содержащую перо из хвоста феникса. Мистер Олливандер тогда несказанно удивился, что Гарри подошла именно эта палочка. «Любопытно, любопытно», – бормотал он. И объяснил почему только после вопроса Гарри. Оказалось, что перо феникса от той же самой птицы, что подарила сердцевину волшебной палочке Лорда Волдеморта.

Этого Гарри никому не рассказывал. Он любил свою палочку, а что до родства с палочкой Тёмного Лорда, ну и пусть – с тётей Петунией то же самое. Так уж получилось, и ничего тут не поделаешь. Только бы мистер Олливандер не упомянул об этом сейчас. Услыхав такое, Прыткое Перо от избытка чувств взорвётся.

Мистер Олливандер изучал его палочку дольше всех. Наконец пустил из неё фонтан вина и возвестил, что палочка по-прежнему пребывает в безупречном состоянии.

– Благодарю всех, – сказал стоящий за судейским столом Дамблдор. – Возвращайтесь на занятия. Хотя, пожалуй, можете идти обедать, урок вот-вот закончится...

Ну, наконец-то сегодня случилось что-то хорошее. Гарри уже собрался уходить, но толстяк с камерой вскочил и прокашлялся.

– А снимки, Дамблдор, снимки! – заволовался Бэгмэн. – Всех судей и участников! Что вы скажете, Рита?

– Да, конечно. Сначала всех вместе, – она опять впиалась взглядом в Гарри, – а потом по отдельности.

Фотографирование заняло много времени. Мадам Максим заслоняла всех, где бы она ни стояла, а фотограф в этой маленькой комнате не мог отойти достаточно далеко, чтобы великанша вошла в кадр. В конце концов ей пришлось сесть, а все остальные встали вокруг. Каркаров наматывал на палец козлиную бородку, чтобы получился ещё один завиток. Крам,

о котором Гарри думал, что тот привык фотографироваться, занял место позади, очевидно, не хотел выпячиваться. Фотограф постоянно хотел выдвинуть на первый план Флер, но Рита каждый раз выбегала и вытягивала в центр Гарри. А когда снимок был готов, настояла, чтобы ещё отдельно сняли участников Турнира.

Наконец все были отпущены. Гарри пошёл обедать, Гермионы всё не было, – наверное, исправляет зубы в больничном крыле. Поел один и пошёл в гриффиндорскую башню, думая по дороге о дополнительной работе по Манящим чарам. В спальне был один Рон.

– К тебе сова прилетела, – буркнул он и махнул в сторону кровати Гарри. На подушке его поджидала большая сипуха.

– А, хорошо.

– Снейп определил наказание – завтра вечером работать у него в классе. – И, не взглянув на Гарри, вышел из комнаты.

Гарри хотел побежать за ним... Поговорить? Или дать затрепщину? Неплохо и то и другое. Но ответ Сирнуса перевесил. Гарри подошёл к сове и отвязал письмо.

«Гарри.

Я не могу сказать в письме всё, что хочу: слишком опасно, вдруг сову перехватят.

Нам нужно переговорить с глазу на глаз. Сможешь сделать так, чтобы мы могли встретиться у камина в вашей гостиной в час ночи с 21-го на 22 ноября?

Я, как никто, знаю, что ты сам за собой приглядываешь, а рядом с Дамблдором и Муди вряд ли кто отважится причинить тебе вред. И всё-таки кто-то, похоже, предпринимает весьма умелые попытки. Кидать твоё имя в Кубок крайне рискованно, особенно под самым носом у Дамблдора.

Будь начеку, Гарри. Я по-прежнему хочу знать обо всём необычном, что происходит в замке. О 22 ноября дай мне знать как можно быстрее.

Сирнус».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ВЕНГЕРСКАЯ ХВОСТОРОГА

Две недели Гарри жил предстоящей встречей с Сириусом. Это было единственное светлое облачко на горизонте, который никогда не казался чернее. Потрясение от свалившегося как снег на голову участия в Турнире слабело, уступая место страху перед близившейся опасностью. Первый тур надвигался неотвратимо. Он маячил впереди, как кошмарное чудовище, которого ни обойти, ни объехать. Гарри никогда так не нервничал ни перед одним матчем, даже перед последним со слизеринцами, решающим судьбу Кубка школы.

Сейчас он вообще не мог думать ни о каком будущем. Казалось, вся предыдущая жизнь вела его к первому туру, и на нём же и собиралась заканчиваться.

Надо признаться, он не представлял себе, как Сириус поможет справиться с этим страхом: ведь ему предстоит продемонстрировать владение магией для решения трудной, опасной и неизвестной задачи, да ещё на глазах у сотен зрителей. Но встреча с другом хоть немного да приободрит. И Гарри ответил крёстному, что будет в назначенное время ждать его в гостиной Дома. Они долго обсуждали с Гермионой, как обезопасить встречу от случайных свидетелей. В худшем случае придётся бросить пакет с начинённой навозом бомбой. А этого бы не хотелось — за бомбу Филч живьём кожу сдерёт.

Тем временем житья в стенах замка вовсе не стало. Рита Скитер опубликовала в «Пророке» статью о Тримагическом Турнире. Но о состязаниях там говорилось мало. Большую её часть составляло красочное жизнеописание Гарри. Едва ли не половину первой страницы занимала его фотография. Фактически вся статья, продолжавшаяся на второй, шестой и седьмой страницах, посвящена только ему, имена чемпионов Бобатона и Дурмстранга перевраны (о них сказано несколько слов в самом конце статьи), а имя Седрика вовсе не упоминалось.

Статья появилась десять дней назад, но до сих пор при воспоминании о ней у Гарри возникает желание провалиться сквозь землю. Рита Скитер такого понаписала, чего он не только в чулане, в жизни своей никогда не говорил.

«Думаю, что свою силу я унаследовал от родителей. Если бы мама с папой увидели меня сейчас, они бы очень мною гордились. Да, по ночам я всё ещё плачу, вспоминая о них, и не стыжусь в этом признаться. Я знаю, на Турнире ничего со мной не случится, потому что родители смотрят на меня с небес...»

Рита Скитер не только превратила его «м-м» в длинные, нудные предложения, но ещё опросила других хогвартсцев, желая узнать их мнение о нём.

«В Хогвартсе Гарри встретил свою любовь. Его близкий друг Колин Криви говорит, что Гарри всюду появляется в обществе Гермионы Грэйнджер, сногшибательной красавицы-магглы, которая, как и Гарри, одна из самых блестящих учеников школы.»

С появлением статьи многие, главным образом слизеринцы, завидев Гарри, цитировали её, отпуская язвительные комментарии.

– Платок нужен, Поттер? А то вдруг на трансфигурации разрежёшься!

– Поттер, с каких это пор ты стал одним из лучших учеников школы? Или это о той школе, которую вы основали вместе с Лонгботтомом?

– Гарри, привет! – окликнул его чей-то голос.

– Да, конечно! – Гарри не успел даже обернуться, когда начал отвечать возможному обидчику: – Все глаза заплакал по умершей маме! Пойду ещё поплачу!

– Да что с тобой? Ты выронил перо!

Это была Чоу Чанг. Гарри покраснел, нагнулся и поднял перо.

– А, да... извини, – только и мог выговорить.

– Э... Удачи тебе во вторник. Надеюсь, ты прекрасно со всем справишься.

Гарри чувствовал себя полным идиотом.

Гермионе тоже доставалось. Но она не отыгрывалась на невинных людях. Гарри восхищало её поведение.

– *Сногшибательная красавица? Эта?* – столкнувшись с Гермионой сразу после статьи Риты, взвизгнула Пэнси Паркинсон. – С чем она её сравнивала, с бурундуком?

– Не обращай внимания, – с достоинством произнесла Гермиона и, гордо подняв голову, будто не слыша, прошла мимо хихикающих девчонок. – Просто не обращай внимания, Гарри.

Но он не может не обращать внимания. И Рон с ним не разговаривал. Так, сообщив Гарри о наложенном на них наказании, Рон больше не сказал в тот вечер ни слова. У Гарри ещё теплилась надежда, что всё у них с Роном наладится, когда они два часа вместе готовили препараты из крысиных мозгов – погружали их по распоряжению Снейпа в соляной раствор. Но как раз в тот день вышла статья Риты Скитер, и Рон, как видно, в который раз убедился, что Гарри только и делает, что гоняется за славой.

Гермиона очень на них сердилась. Подходила то к одному, то к другому, стараясь помирить их. Гарри был непреклонен: он заговорит с Роном, если тот поверит, что не Гарри бросил в Кубок своё имя и попросит прощения за «лжеца».

– Не я это начал, – стоял на своём Гарри. – Это его проблемы.

– Но тебе его не хватает! – теряла терпение Гермиона. – И я точно знаю, ему тоже...

– *Не хватает?* – возмутился Гарри. – Мне и без него *нормально*!

Он говорил неправду. Гермиона ему очень нравилась, но всё-таки она не могла полностью заменить Рона. С ней не повеселишься, всё библиотека да библиотека. Дело в том, что он так и не освоил Манящие чары, наверное, в нём родилось какое-то стойкое внутреннее сопротивление. Гермиона объяснила, что в таких случаях помогает только знание теории, именно поэтому в обеденные перерывы они не выходили из библиотеки.

Виктор Крам тоже проводил за книгами много времени. Его-то что сюда гонит? Изучает чего? Или готовится к первому туру? Гермиона часто жаловалась, что Крам постоянно торчит в библиотеке. Нет, Крам ей не докучал. Но из-за книжных полок за ним вечно подглядывали хихикающие девчонки, и это мешало сосредоточиться.

— Он даже не красавчик! — возмущалась она, глядя на носатый профиль Крама. — Знаменитость, вот девчонки и бегают за ним. Они бы и не взглянули на него, если бы он не владел этим приёмом, «финтом Вонкого»...

— Финтом Вронского, — буркнул Гарри. Его не просто покорило от не так произнесённого термина квиддича, Гарри вдобавок представил себе, что бы почувствовал Рон, услышь он из уст Гермионы «финт Вонкого».

* * *

Странно, когда чего-то страшишься и отдаёшь всё, лишь бы замедлить время, оно, наоборот, мчится как сумасшедшее. Дни перед первым туром летели так, словно кто-то заговорил стрелки часов и они стали бежать с удвоенной скоростью. Куда Гарри ни шёл, страх преследовал его, так же как ехидные замечания, вызванные статьёй Риты Скитер.

В субботу, накануне первого тура, ученикам, начиная с третьего курса, позволили пойти в Хогсмид. По мнению Гермионы, Гарри не мешало бы немного развеяться. Долго его уговаривать не пришлось.

— А как же Рон? — спросил Гарри. — Может, ты хочешь пойти с ним?

— Э-э... — Гермиона слегка покраснела. — Я подумала, мы могли бы с ним встретиться в «Трёх мётлах».

— Нет! — наотрез отказался Гарри.

— Гарри, так глупо это...

— Я пойду, но встречаться с Роном не буду. Надену плащ-невидимку.

— Ладно, как хочешь, — обречённо вздохнула Гермиона. — Но я ненавижу общаться с тобой, когда ты в плаще-невидимке. Не понятно, на тебя я смотрю или куда-то мимо.

В спальне Гарри натянул плащ-невидимку, спустился в холл, и они вместе с Гермионой отправились в Хогсмид.

Под плащом он ощутил себя на удивление свободным. Мимо проходят ученики, у многих приколот значок «Поддержи СЕДРИКА ДИПТОРИ», но Гарри никто не видит — и никаких насмешливых шуточек!

— Зато теперь все на *меня* пялятся, — нахмурилась Гермиона. Они только что вышли из «Пригоршней сладостей» и жевали шоколадки со сливочной начинкой. — Думают, я сама с собой говорю.

— А ты старайся не так сильно шевелить губами.

— Сними, пожалуйста, ненадолго плащ. Здесь никто не станет к тебе приставать.

— Да? А ты оглянись!

Из «Трёх мётел» как раз вышли Рита Скитер и её фотограф. Приглушённо переговариваясь, они прошли мимо Гермионы, не удостоив её взглядом. Гарри пришлось вжаться в стену магазина, чтобы Рита не задела его сумочкой из крокодиловой кожи. Наконец парочка удалилась.

— Она остановилась в деревне. Держу пари, приехала посмотреть первый тур, — сказал Гарри, и ледяная волна страха окатила его. Но он о своём страхе и словом не обмолвился.

Они с Гермионой вообще мало говорили о предстоящем туре. У Гарри было такое чувство, что Гермиона даже думать об этом не хочет.

– Она ушла. – Гермиона смотрела сквозь Гарри в конец Центральной улицы. – Пойдём в «Три метлы», выпьем сливочного пива. Что-то похолодало. С Роном тебе говорить не придётся, – с раздражением закончила она, правильно истолковав молчание Гарри.

В «Трёх мётлах» оказалось полно посетителей; это были главным образом ученики Хогвартса, наслаждавшиеся свободным днём. Но присутствовал ещё и разнообразный колдовской народ, которых в других местах не встретишь. Хогсмид – единственная в Англии деревня, населённая только колдунами, этакая земля обетованная для существ вроде хаг, которые не ахти какие специалисты по части маскировки, не то что колдуны и ведьмы, умеющие переодеться под маггла.

Как трудно передвигаться в плаще-невидимке! Стоит кого-нибудь случайно толкнуть, возникнут всякие неудобные вопросы. Гермиона покупала пиво, а Гарри медленно продвигался вдоль стены к пустому столику в самом углу. По пути он заметил Рона, сидевшего с близнецами и Ли Джорданом. Победив желание дать бывшему другу хороший подзатыльник, он наконец добрался до стола и сел.

Минуту спустя подошла Гермиона и сунула ему под мантию сливочное пиво.

– Идиотский у меня вид, сижу тут совсем одна. Хорошо ещё, что у меня есть чем заняться.

Она достала блокнот со списком участников РВОТЭ. Коротенький список возглавляли имена Гарри и Рона. Казалось, прошла целая вечность с того времени, когда они вместе с Роном сочиняли предсказания, а Гермиона назначила одного казначеем, другого секретарём.

– Может, удастся вовлечь в РВОТЭ кого-нибудь из местных, – мечтательно протянула Гермиона, оглядывая бар.

– Может. – Гарри отпил несколько глотков пива. – Гермиона, когда ты уже оставишь эту идею с РВОТЭ?

– Когда домовые эльфы будут получать приличную зарплату и условия их труда изменятся к лучшему, – прошипела Гермиона, едва шевеля губами. – По-моему, пора переходить к более активным действиям. Ты знаешь, как попасть в школьные кухни?

– Без понятия. Спроси Фреда и Джорджа.

Гермиона погрузилась в размышления, а Гарри, потягивая пиво, разглядывал посетителей. Вид у всех был довольный и весёлый. Эрни Макмилан и Ханна Эббот обменивались карточками от шоколадных лягушек. У обоих на мантии приколоты значки в поддержку Седрика. Подальше у двери сидела Чоу с друзьями из Рэйвенкло. У неё значка не было, и это слегка порадовало Гарри.

Оказаться бы одним из этих счастливиц! Сидел бы сейчас с друзьями, разговаривал, смеялся. Ни о чём не думать, кроме домашних заданий. Не выскочи его имя из Кубка, разве пришёл бы он сюда в плаще-невидимке? Рядом был бы Рон. С азартом бы обсуждали троём, как трудно придётся чемпионам во вторник. Ожидает ли их смертельная опасность? Как бы он жаждал со стороны смотреть состязания, в качестве зрителя! Вместе со всеми болеть за Седрика, сидя на трибуне, в безопасности...

Интересно, как себя чувствуют другие чемпионы? Седрик всё время окружён поклонниками. Кажется, нервничает, но и радостно-взволнован. В коридорах иногда видел Флер Делакур, как всегда надменную и невозмутимую. Крам же безвылазно сидел в библиотеке и корпел над книгами.

Гарри подумал о Сириусе. И тугой узел в груди немного ослаб. Примерно через двенадцать часов они встретятся у камина в гостиной. Если, конечно, ничего не случится, как случается с ним всё последнее время.

– Смотри-ка, Хагрид! – сказала Гермиона.

Над головами сидящих появилась густая копна волос. К счастью, лесничий смыл с неё колёсную смазку. Как это они сразу его не заметили. Гарри осторожно встал во весь рост, и увидел, что Хагрид сидел с Муди и, низко наклонившись, о чём-то беседовал с ним. Как обычно, перед ним стояла здоровенная кружка, Безумный Глаз попивал из своей фляжки. Миловидная хозяйка «Трёх мётел» мадам Розмерта собирала со столов бокалы и неодобрительно поглядывала на фляжку и её обладателя. Очевидно, сочла это оскорблением для своего крющона. Но Гарри знал в чём дело: на последнем уроке учитель защиты от Тёмных искусств сказал, что предпочитает есть и пить из своей посуды пищу собственного приготовления. Тёмным силам ничего не стоит отравить не защищённую заклинанием кружку или тарелку.

Хагрид с Муди встали и пошли к выходу. Гарри помахал им, забыв, что на нём плащ-невидимка. Муди однако остановился, поворотив магический глаз в тот угол, где сидела Гермиона. Похлопал Хагрида пониже лопаток – до плеча не дотягивался, что-то шепнул, и оба направились к столику Гермионы.

– Всё в порядке, Гермиона? – гаркнул Хагрид.

– Привет, – улыбнулась девочка.

Муди, хромая, обогнул стол и наклонился. Его что, заинтересовал блокнот со списком участников РВОТЭ? Но Гарри ошибся.

– Превосходный плащ, Поттер, – прохрипел Муди. Гарри от изумления только что не упал со стула. Лицо Муди было совсем рядом, и рваная ноздря была отчётливо заметна. Муди усмехнулся.

– Ваш глаз... то есть вы...

– Да. Плащ-невидимку он видит насквозь. И скажу тебе, иногда это очень полезно.

Хагрид тоже наклонился, как будто хотел заглянуть в блокнот, а сам прошептал Гарри:

– Гарри, встретимся сегодня в полночь у меня в хижине. Надень этот плащ.

Хагрид выпрямился и прогудел:

– Рад был свидеться, Гермиона, – подмигнул и зашагал к двери. Муди поковылял за ним.

– Почему он хочет встретиться со мной в полночь? – удивился Гарри.

– В полночь? – испуганно переспросила Гермиона. – Что он удумал? Не знаю, стоит ли тебе идти, Гарри... – Гермиона огляделась кругом и тихо шепнула: – Ты можешь опоздать на встречу с Сириусом.

Гермиона, конечно, права. Она предложила послать к лесничему Хэдвиг с запиской, объяснить, что этой ночью он никак не может прийти (если, конечно, Хэдвиг вообще

согласится лететь). Но Гарри всё-таки решил сходить, хотя задерживаться там не будет, только туда и обратно. Очень уж интересно, зачем Хагрид его позвал. Он никогда ещё не приглашал его в гости так поздно.

* * *

В половине двенадцатого Гарри, сидевший в гостиной, сделал вид, что устал, и пошёл в спальню. Натянул плащ-невидимку и на цыпочках спустился вниз. В гостиной ещё было несколько человек. Братья Криви где-то раздобыли пакет со значками в поддержку Седрика и пытались перекодировать эти слова в «*Поддержи ГАРРИ ПОТТЕРА*». Но их старания не увенчались успехом: значки на «*ПОТТЕР – СМЕРДЯК*» заклинило. Гарри неслышно подошёл к портретному проёму, минуту подождал, не спуская с часов глаз. Гермiona, следуя уговору, открыла проём снаружи, назвав Полной Леди пароль. Гарри выскользнул на площадку, шепнул ей: «Спасибо!» – и побежал вниз.

На улице было темным-темно. В хижине лесничего маячил огонёк, Гарри на него и пошёл. Внутри огромной кареты Бобатона тоже горели огни, оттуда донёсся голос мадам Максим. Гарри постучал в дверь хижины.

– Это ты там, Гарри? – Хагрид отворил дверь и огляделся по сторонам.

– Да. – Гарри проскользнул внутрь и стянул с головы плащ. – Что случилось?

– Да есть тут чего те'е показать.

Хагрид пребывал в необычайном волнении. В петлице у него была гвоздика, похожая на огромный артишок. Хагрид больше не применял к волосам смазку для колёс, но, несомненно, пытался сегодня причесаться – в волосах у него застряло несколько зубцов от расчёски.

– Что показать? – подозрительно спросил Гарри. Может, скруты снесли яйца? Или Хагрида опять угрозало купить у заезжего торговца гигантского трёхглавого пса?

– Идём со мной, накинь плащ, води себя тихо-тихо. Клыка не возьмём, он это не любит.

– Послушай, Хагрид, я ненадолго. В час ночи мне нужно быть в замке.

Но Хагрид не слушал, открыл дверь и шагнул во тьму ночи. Гарри пошёл за ним. К его удивлению, лесничий повёл его к бобатонской карете.

– Хагрид, что...?

– Ш-ш-ш... – Лесничий поднёс палец к губам и трижды постучал в дверцу кареты, украшенную скрещёнными золотыми волшебными палочками.

Им открыла сама мадам Максим в накинутой на плечи шёлковой шали. Увидев гостя, она улыбнулась.

– Что, 'Агрид, уже пога? – улыбнулась она.

– Бом-свар, – поздоровался Хагрид и, не спуская с великанши восхищённых глаз, помог ей спуститься по золотым ступенькам.

Мадам Максим закрыла за собой дверь, Хагрид предложил ей руку и они пошли вдоль изгороди, за которой паслись гигантские крылатые кони. Совершенно сбитый с толку, Гарри бежал за ними, боясь отстать. Он что, хочет ему показать мадам Максим? Как будто Гарри раньше её не видел, поди не заметь такую даму!

Но и мадам Максим была не меньше заинтригована.

– Куда вы меня ведёте, 'Агрид? – игриво поинтересовалась его спутница.

– Вам понравится, – прямолинейно заявил он. – Не сом'вайтесь. Но о том, шо увидите, молчок. Вам это знать ещё рано...

– Конечно, конечно, – заверила его мадам Максим, взмахнув длинными чёрными ресницами.

И парочка продолжила путь. Гарри всё сильнее злился, стараясь угнаться за ними, каждую минуту смотрел на часы. Опять, видно, Хагрид затеял какой-то бред! Так и на встречу с Сириусом опоздать недолго. Если они через пять минут не придут на место, он повернёт обратно и помчится в замок. А Хагрид пусть наслаждается лунной прогулкой наедине с мадам Максим.

Шли по опушке Леса, описывая дугу, пока озеро и замок не скрылись из виду. Неожиданно послышались громкие голоса людей и сразу же свирепый душераздирающий рёв.

Хагрид повёл мадам Максим вокруг отдельно стоявшей группы деревьев, Гарри поспешил за ними. На какую-то долю секунды ему почудились яркие костры, вокруг них сновали люди... И тут у Гарри отвалилась челюсть.

ДРАКОНЫ.

По загону, ограждённому крепкими брусьями, ходили на задних лапах четыре огромных злобного вида дракона, издавая громоподобный рык, из клыкастых пастей вырывались в тёмное небо на высоту пятидесяти футов яркие языки пламени. Серебристо-голубой с длинными острыми рогами скалился на колдунов и щёлкал зубами. Зелёный, покрытый гладкой чешуёй, извивался и топал могучими задними лапами. У красного шее украшала бахрома из тонких золотых пик, он выдыхал огонь в виде огромных грибов. Был ещё гигантский чёрный, больше других похожий на ящера, он находился совсем рядом.

Не менее тридцати колдунов, семь или восемь на каждого дракона, старались утихомирить их, крепко держа в руках цепи, прикреплённые к толстым кожаным ремням, опоясывающим шею и лапы драконов. Задрав голову, Гарри, как замороженный, смотрел в глаза чёрного дракона, зрачки у него были вертикальные, как у кошки, и выпучены не то от страха, не то от гнева. Чудище изрыгало жуткие, леденящие кровь вопли.

– Назад, Хагрид! – крикнул колдун у забора, натягивая цепь. – Они стреляют огнём футов на двадцать, знаешь ли. А эта хвосторога на все сорок.

– Разве не красавица? – ласково проговорил Хагрид.

– Не получается! – крикнул один колдун. – На счёт три – Оглушающее заклятие!

Все драконоводы вынули волшебные палочки.

– *Stupefy!* – крикнули они, и из палочек огненной ракетой вылетело Оглушающее заклятие, осыпав звёздным дождём чешуйчатые бока драконов.

Ближайший к Гарри дракон опасно заколыхался на задних лапах, пасть раскрылась в беззвучном рыке, пламя из ноздрей больше не вырывалось, хотя дым всё ещё валил. Очень медленно дракон повалился на землю – несколько тонн плоти – и упал с таким стуком, что, Гарри мог бы в этом поклясться, деревья позади него содрогнулись.

Драконоводы опустили палочки и подошли к поверженным подопечным. Затащили потуже цепи и, торопясь, привязали к чутунным прутьям, вогнанным глубоко в землю с помощью волшебных палочек.

– Хотите взглянуть поближе? – обратился переполненный чувствами Хагрид к мадам Максим. Они подошли к самому забору, а за ними и Гарри. Колдун, предупредивший Хагрида об опасности, повернулся, и Гарри сразу узнал Чарльза Уизли.

– Всё в порядке, Хагрид? – начал, ещё не отдышавшись, Чарльз. – Они скоро придут в себя. Мы их в дорогу усыпили снотворным, думали, им лучше проснуться глубокой ночью, когда темно и тихо. А видишь, что получилось. Они очень недовольны...

– Какие у вас здесь породы? – Хагрид смотрел на чёрного дракона с трепетной нежностью, почти с благоговением. Глаза у спящего дракона полуоткрыты. Из-под тёмного сморщенного века поблёскивает жёлтая полоска.

– Это самка венгерского хвосторога, – сказал Чарльз. – Вон тот – валлийский зелёный обыкновенный. Тот, что поменьше, синевато-серый – шведский тупорылый. А красный – китайский огненный шар.

Чарли огляделся по сторонам, мадам Максим шла вдоль изгороди, разглядывая Оглушённых драконов.

– Не знал, что ты её приведёшь, – нахмурился он. – Чемпионам не положено знать, что им предстоит. А она, конечно же, своему расскажет.

– Прост' подумал, ей будет приятно взглянуть, – не отрывая от драконов восхищённого взгляда, простодушно ответил Хагрид.

– Романтическая прогулка? – Чарли покачал головой.

– Значит, четыре. На каждого по одному дракону. А что они будут с ними делать? Сражаться?

– Кажется, просто пройдут мимо. Мы будем всё время рядом. Если ситуация станет опасной, заклинания тушения наготове. Организаторам понадобились почему-то драконихи-наседки. Понятия не имею почему. Могу только сказать: не завидую тому, кто вытянет хвосторогу. Она сзади так же опасна, как и спереди. Взгляни сам.

И Чарли махнул на хвост, вдоль которого бежал частокол длинных цвета бронзы шипов.

Пятеро служителей из команды Чарли поднесли в огромном решете на одеяле несколько крупных гранитно-серых яиц и осторожно поставили его под самым боком драконихи. У Хагрида из груди исторгся вожделенный вопль.

– Они все у меня сосчитаны, Хагрид, – жёстко сказал Чарли и прибавил: – А как там Гарри?

– Прекрасно. – Хагрид всё ещё пожирал глазами драконьи яйца.

– Надеюсь, после встречи с этой командой он будет в том же самочувствии, – мрачно проговорил Чарли. – Я не решился рассказать матушке, что Гарри ждёт в первом туре. Она и так разве что не расплакалась. «Как они могли включить его в этот Турнир! Он ещё совсем маленький! Я думала, в школе он в безопасности. Думала, возрастное ограничение будет соблюдено», – передразнил он голос миссис Уизли. – Она обливалась слезами, когда читала

эту статью в «Ежедневном пророке». «Он всё ещё плачет по своим родителям, бедняжка. Я этого не знала!»

С Гарри было достаточно. В обществе четырёх драконов и мадам Максим Хагрид его не хватится. Он неслышно развернулся и побежал вдоль опушки к замку.

Теперь ясно, что ему предстоит. К лучшему или нет, что он узнал про драконов? Наверное, всё-таки к лучшему. Во всяком случае, первая волна страха схлынула. А что с ним было бы, если бы во вторник он увидел этих драконов впервые? Да просто упал бы в обморок в присутствии всей школы... а может, всё равно так и выйдет... он всё-таки вооружён волшебной палочкой. Но что такое палочка против 50 футов в высоту, чешуйчатого, огнедышащего дракона, покрытого острыми шипами? Всего-навсего деревянная веточка. И нужно пройти мимо него. Когда все смотрят. *Как?*

До встречи с Сириусом у камина в гостиной оставалось четверть часа. Ему, как никогда, надо поговорить с кем-нибудь. Гарри побежал и неожиданно на что-то наткнулся, упал навзничь, очки съехали в сторону, он едва успел плотнее завернуться в плащ, как чей-то голос совсем рядом воскликнул:

– Ой! Кто здесь?

Гарри замер и взгляделся в очертания колдуна. Он узнал бородку... это был Каркаров.

– Кто здесь? – повторил Каркаров, озираясь по сторонам. Гарри лежал не шелохнувшись. Прошла минута. Каркаров, видно, решил, что столкнулся с каким-то зверем, может, с собакой, потому что поглядел вниз. И, не заметив ничего подозрительного, крадучись, двинулся на голоса, к загону с драконами.

Гарри очень осторожно поднялся на ноги и опять пустился бегом к замку.

Нет никаких сомнений, что делает в лесу Каркаров в такую пору. Тайком покинул корабль – вдруг удастся узнать, что предстоит его чемпиону. Возможно, даже выследил Хагрида с мадам Максим, когда те шли вдоль кромки леса: их трудно не заметить. Осталось пойти на их голоса, и он тоже проникнет в тайну драконов. Значит, во вторник один только Седрик встретится с неизвестной опасностью.

Дойдя до замка, Гарри проскользнул в парадные двери и поднялся по мраморной лестнице. Он сильно запыхался, но хода не сбавил. До встречи у камина осталось всего пять минут... Полная Леди дремала на своём холсте.

– Чепуха! – крикнул он.

– Тебе виднее, – сонно буркнула, не разлепляя глаз, Леди и пустила Гарри в гостиную. Там было пусто, ничем недозволенным не пахло. Значит, удалось обойтись без навозной бомбы.

Гарри скинул плащ-невидимку и рухнул в кресло рядом с камином. В гостиной царил полумрак, освещало её только пламя. На одном из столов – россыпь значков в поддержку Седрика переливалась зелёными отблесками. На них горели буквы «ПОТТЕР – НАСТОЯЩИЙ СМЕРДЯК» – так кончились добрые намерения братьев Криви. Гарри перевёл взгляд на камин и чуть не упал с кресла.

В камине среди языков пламени торчала голова Сириуса. Хорошо, что Гарри видел подобное на кухне Уизли: там в огне очага торчала голова мистера Диггори, не то

перепугался бы до смерти. А так его лицо впервые за несколько дней озарила улыбка. Гарри вскочил с кресла и присел на корточки у камина.

– Ну как ты, Сириус?

Сириус очень изменился. Когда они прощались, лицо было худое, измождённое, на лоб и плечи падали спутанные чёрные космы. Теперь волосы коротко стриженные, чистые, лицо округлилось, помолодело. Он стал походить на фотографию, которая была у Гарри: Сириус на свадьбе Поттеров.

– Это не важно. Как ты?

– Я... – Гарри хотел было сказать «хорошо», но не смог. Его как прорвало. Он говорил обо всем: никто не верит, что он не по собственной прихоти стал участником Турнира; Рита Скитер наврала о нём в «Ежедневном пророке», и теперь, куда бы он ни пошёл, его осыпают градом насмешек; а главное, ему не поверил лучший друг, позавидовал его славе...

– ...и вот только что Хагрид показал мне драконов, наше задание во вторник. Это погибель, – в отчаянии закончил он.

Сириус с состраданием смотрел на Гарри. Глаза у него всё ещё не утратили мёртвого, загнанного выражения, подаренного Азкабаном. Дав крестнику выговориться до конца, он начал:

– С драконами справиться просто, объясню через минуту. У меня совсем мало времени. Я проник в дом незнакомых колдунов, воспользовался их камином, но хозяева могут вернуться в любую минуту. А надо кое о чём предупредить тебя.

– Предупредить? – Гарри приуныл ещё сильнее. Что может быть страшнее драконов!

– Каркаров был Пожирателем Смерти. Ты ведь знаешь, что это такое?

– Да... он... что?

– Он сидел со мной в Азкабанах, но его выпустили. Даю голову на отсечение, Дамблдор потому и пригласил в этом году в Хогвартс аврора, чтобы он глаз с него не спускал. Это Муди раскрыл Каркарова. И в Азкабан его отправил.

– А потом что, выпустили? – медленно проговорил Гарри; казалось, его мозг не справляется с потоком информации. – Почему?

– Он пошёл на сделку с Министерством магии. – Сириус нахмурился. – Сказал, что раскаивается. И готов назвать несколько имён. Многие оказались в Азкабанах по его милости. Там его не очень-то любят, я это знаю наверняка. С тех пор он, насколько мне известно, учит своих учеников Тёмным искусствам в Дурмстранге. Так что будь осторожен с его чемпионом.

– Хорошо. Но... ты думаешь, это Каркаров бросил моё имя в Кубок? Но тогда он классный актёр. Он взбеленился, услышав про это. Требовал исключить меня из соревнования.

– Да, его актёрский талант известен. Удалось же ему убедить Министерство в искреннем раскаянии. И ещё, всё это время я внимательно следил за публикациями в «Ежедневном пророке», Гарри...

– Ты и весь остальной мир, – тяжело вздохнул Гарри.

– ...и, читая в прошлом месяце статью этой Скитер, я сквозь строчки узнал, что перед приездом в Хогвартс Муди подвергся ночному нападению. Знаю, она пишет, это его

очередной бред, – поспешно прибавил Сириус, видя, что Гарри хочет возразить. – Но мне что-то не верится. Думаю, кому-то не хотелось, чтобы он добрался до Хогвартса. Кто-то, думаю, понимал, что его дельце усложнится. И никого это не насторожило: ведь Муди замечал происки врагов слишком часто. Но это не значит, что он уже не в состоянии обнаружить настоящую угрозу. Муди был лучшим аврором в Министерстве.

– И... что ты хочешь сказать? Каркаров пытался меня убить? Но... зачем?

Сириус немного помедлил.

– Я слышал о странных вещах. В последнее время Пожиратели Смерти что-то очень оживились. Вон, на Чемпионате мира по квиддичу заявили. Кто-то послал в небо Тёмную Метку... И ещё. Ты слышал об исчезновении одной ведьмы из Министерства?

– Берты Джоркинс?

– Именно. Она пропала где-то в Албании. По слухам, именно там находится последнее убежище Волдеморта. А ведь она знала, что готовится Тримагический Турнир, так?

– Да, но вряд ли она вдруг взяла и отправилась прямо к Волдеморту.

– Слушай, я хорошо знаю Берту. Мы учились в Хогвартсе примерно в одно время. Берта на несколько лет старше меня. Она круглая дура. Любопытная и без мозгов, совсем. Сочетание не очень, Гарри. Её проще простого заманить в ловушку.

– И... и Волдеморт мог узнать про Турнир? Это ты имеешь в виду? Думаешь, Каркаров здесь по его приказу?

– Не знаю... Я просто не знаю... Каркаров не похож на человека, который вернётся к Волдеморту, пока тот опять не достаточно силён, чтобы защитить его. Но кто бы ни подложил в Кубок твоё имя, у него были на то причины. Турнир, по-моему – самый подходящий способ уничтожить тебя и списать всё на несчастный случай.

– Хороший план, насколько я могу судить, – невесело отозвался Гарри. – Просто не мешать драконам делать своё дело.

– Да, эти драконы. – Сириус говорил теперь очень быстро. – Есть способ, Гарри. Оглушающее заклятие не применяй. Драконы сильны и слишком хорошо защищены магически, чтобы получилось их сразить лишь одним Оглушателем. Нужно подюжины колдунов, чтобы одолеть дракона...

– Знаю. Видел собственными глазами.

– Но ты можешь справиться с драконом один. Есть простое заклятие. Всё, что нужно...

Но Гарри взмахом руки остановил его. Сердце забило так, словно хотело выскочить. С винтовой лестницы донеслись шаги.

– Уходи, – шепнул он Сириусу. – *Уходи!* Сюда кто-то идёт!

Гарри вскочил на ноги, загородив камин. Не ровен час, кто-то увидит голову Сириуса. Такой начнётся... Министерство примчится, Гарри станут допрашивать, где сейчас Сириус...

Позади раздался лёгкий хлопок – Сириус исчез. Гарри смотрел на площадку винтовой лестницы. Кому приспичило разгуливать в час ночи, из-за чего Сириус не успел сказать, как пройти мимо дракона?

Это был Рон. В своей бордовой пижаме с орнаментом. Увидев Гарри, он остановился как вкопанный и осмотрелся.

– Ты с кем разговаривал? – спросил он.

– А тебе какое дело? Что ты по шастаешь ночам?

– Я просто подумал, где ты... Ничего. Пойду спать.

– Просто решил немного повынюхивать, да? – крикнул Гарри. Он понимал, Рон не знает, что наделал, что не хотел этого. Но какое это имело значение! Гарри закусил удила и ненавидел Рона всеми фибрами души – от рыжей макушки до голых лодыжек, торчащих из пижамных штанов...

– Прости, пожалуйста. – Лицо Рона залилось гневным румянцем. – Надо было сообразить, что тебя нельзя беспокоить. Позволю тебе готовиться к следующему интервью в тишине.

Гарри схватил со стола один из значков «ПОТТЕР – НАСТОЯЩИЙ СМЕРДЯК» и запустил им в Рона. Значок угодил прямо в лоб и упал на пол.

– Держи! Наденешь его во вторник. Если повезёт, ещё и шрам на лбу появится. Ты ведь об этом мечтаешь?

И Гарри пошёл через гостиную к лестнице. Он ожидал, что бывший друг остановит его, с радостью получил бы тумака. Но Рон стоял и молчал в своей нелепой пижаме. Гарри промчался мимо него, бросился в спальне на кровать и долго ещё полыхал от злости. Он не слышал, когда Рон вернулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

В воскресенье утром он одевался до странности рассеянно: пытался вместо носка натянуть на ногу шляпу. Наконец оделся, как надо, и поспешил искать Гермиону. Она вместе с Джинни завтракала в Большом Зале. От запаха пиццы Гарри стало мутить. Он подождал, пока Гермиона проглотит последнюю ложку каши, и позвал её прогуляться вокруг озера.

Во время прогулки он рассказал ей о драконах и о том, что сказал ему Сириус. Гарри закончил повествование, когда они делали второй круг.

Её встревожило предупреждение Сириуса остерегаться Каркарова. Но драконы, по её мнению, были куда опаснее.

— Давай сначала подумаем, как тебе остаться в живых до вечера вторника. А тогда вернёмся к Каркарову.

Они шли уже третий круг, вспоминая, какое такое простое заклятие способно победить драконов. В голову ничего не шло, и они отправились в библиотеку. Гарри притащил целую грудку книг о драконах, и друзья принялись искать подходящее заклинание.

— *«Чары для стрижки когтей... Лечение чешуйчатой гнили...»* Нет, это для свихнутых вроде Хагрида, которые хотят, чтобы дракончики не болели...

— *«Драконов победить очень трудно. Их толстую шкуру защищает древняя магия, которое может отменить только очень сильное заклинание».* А по словам Сириуса, с драконом можно справиться с помощью простого...

— Давай посмотрим другие книги. — Гарри отодвинул в сторону «Людей, которые слишком любят драконов». Принёс ещё одну стопку книг и стал просматривать.

Гермиона без устали тараторила у него над ухом:

— Хорошо, есть Замещающие заклинания... Зачем они? Ведь ты же не хочешь заменить ему клыки на винные резинки¹¹. Беда в том, говорится в этой книге, что их шкура непроницаема. Применить заклятие трансфигурации? Нет, с такими гигантами не пройдёт. Даже профессор МакГонагалл не справилась бы. Может, тебя самого подвергнуть трансфигурации? Будешь намного сильнее. Но это заклятие очень сложное, мы его не проходили. Я про него знаю, потому что уже пишу курсовую для СОВ...

— Гермиона, пожалуйста, помолчи хоть немного. Мне надо сосредоточиться, — взмолился Гарри.

Гермиона умолкла, но легче не стало. В голове стояло неотвязное жужжание, мешающее собраться с мыслями. Гарри безнадежно просматривал оглавление «Базовых порч для занятых и раздражительных»: *«Мгновенное скальпирование»*, но у драконов нет шевелюры... *«Перечные чары для дыхания»*, а если у дракона пламя станет сильнее... *«Как скрутить в рог язык»*, этого не хватало, оружие ему ещё дать...

¹¹ Wine gum – это жевательные фирменные пастилообразные сладости, происходящие из Соединённого Королевства.

В библиотеке появился Виктор Крам. Мрачно взглянув на Гарри с Гермионой, он втянул голову в плечи, прошёл мимо, сел в дальний угол, обложившись горой книг.

— О, нет, *опять* он здесь! Что он на своём тупом корабле читать не может? — разозлилась Гермиона. — Пойдём, Гарри, отсюда. Позанимаемся лучше в гостиной. Сейчас сюда сбегутся поклонницы и начнут трещать.

И правда, стайка девчонок на цыпочках скользнула в библиотеку, у одной вокруг пояса был повязан болгарский флаг.

* * *

Ночью Гарри почти не спал. А утром в понедельник всерьёз подумал — первый раз за всё время, — уж не сбежать ли ему из Хогвартса. Спустился в Большой Зал, огляделся по сторонам и понял, что просто не может уйти. Он нигде не был так счастлив... Может, только с родителями, в родном доме, но то время Гарри не помнил.

Нет, лучше уж встретиться с драконами, чем вернуться на Бирючинный проезд к Дадли. И Гарри слегка успокоился. С трудом дожевав бекон (кусок в рот не лез), он вместе с Гермионой поднялся и увидел Седрика Диггори, покидающего стол Хаффлапфа.

Седрик не знает про драконов. Он единственный выйдет на схватку не подготовленным. Маловероятно, что мадам Максим и Каркаров утаили от своих чемпионов задание первого тура.

— Встретимся в оранжерее, Гермиона, — сказал Гарри, посмотрев вслед уходящему Седрику; ему только что пришла в голову одна мысль. — Иди, я тебя догоню.

— Ты опоздаешь. Сейчас прозвенит звонок.

— Я тебя догоню. Хорошо?

Гарри подошёл к мраморной лестнице, Седрик был уже наверху, в окружении шестикурсниц. Эти девушки, завидев его, тотчас начинали цитировать статью Риты Скитер. Гарри следовал за Седриком на расстоянии и заметил, что тот направляется к классу чар. Это подкинуло Гарри идею. Он остановился, вынул палочку и аккуратно прицелился:

— *Diffindo!*

Сумка Седрика лопнула. Из неё посыпались перья, учебники, пергамент, две чернильницы разбились вдребезги.

— Не беспокойтесь, — раздражённо сказал Седрик, когда друзья кинулись ему на помощь. — Скажите Флитвику, что я немного опоздаю.

Именно на это Гарри и рассчитывал. Он спрятал палочку в мантию, подождал, пока приятели Седрика скроются в классе, и подошёл к нему.

— Привет. — Седрик поднял с пола залитый чернилами учебник «Продвинутый курс трансфигурации». — Сумка порвалась, а ведь совсем новая...

— Седрик, в первом туре будут драконы, — быстро произнёс Гарри.

— Что? — переспросил Седрик, поднимая голову.

— Драконы, — повторил Гарри и прибавил, боясь, что выйдет Флитвик узнать, что такое стряслось с Седриком. — Их четыре. По штуке на каждого. Нам надо будет пройти мимо них.

Седрик взглянул на него. В серых глазах читался испуг, какой испытал Гарри субботней ночью.

– Ты уверен? – прошептал Седрик.

– Абсолютно. Сам видел.

– Как ты узнал? Это ведь не положено.

– Неважно. – Гарри не мог сказать правду. Не хотел Хагриду неприятностей. – Знаю не только я, но и Флер с Крамом – Максим с Каркаровым драконов тоже видели.

Седрик выпрямился, в руках чернильницы, перья, книги. Через плечо висит рваная сумка. Он удивлённо, чуть не с подозрением глядел на Гарри.

– Почему ты рассказал мне?

Гарри недоумённо уставился на него. Такой вопрос никогда бы не пришёл Седрику в голову, если бы он своими глазами увидел драконов. Внезапной встречи с такими чудницами Гарри не пожелал бы и заклятому врагу. Хотя, конечно, Малфою или Снейпу...

– Но это же справедливо. Теперь мы все в равных условиях.

Седрик всё ещё смотрел с лёгким подозрением. За спиной послышался знакомый стук деревяшки. Из соседнего класса вышел Безумный Глаз.

– Идём со мной, Поттер, – прохрипел он. – А ты, Диггори, поспеши на урок.

Гарри смотрел на Муди с опаской. Неужели он всё слышал?

– Простите, профессор, я... э-э... иду на гербологию.

– Ничего страшного. Следуй за мной.

Гарри повиновался. Что-то сейчас будет! Вдруг Муди спросит, откуда ему известно про драконов? Скажет ли он Дамблдору про Хагрида? Или сразу же превратит его в хорька? «А что, хорьку легче проскользнуть мимо дракона, – тупо подумал Гарри. – Он маленький, с высоты пятидесяти футов не разглядишь».

Вошли в кабинет. Муди закрыл дверь и пристально посмотрел на него и магическим и обычным глазом.

– Благородный поступок, Гарри, – сказал он спокойно.

Гарри не знал, что сказать, он ждал совсем других слов.

– Садись, – пригласил Муди.

Гарри сел и осмотрелся. Он бывал здесь при двух прежних учителях. Во времена профессора Локхарта на стенах висели его портреты, сияя улыбкой и подмигивая. Когда тут обитал Люпин, вы бы непременно увидели какую-то новую занятную нечисть, припасённую для урока. А сейчас комната полна самых странных предметов. Всё это, наверное, инструменты авроров.

На столе стоял треснутый стеклянный волчок. Хитроскоп – сразу узнал Гарри, у него такой же, только гораздо меньше. В углу на небольшом столике золотой предмет, что-то вроде скрюченной телевизионной антенны, которая не переставая тихо гудела. На стене – зеркало не зеркало, комната в нём не отражалась, но по его поверхности двигались расплывчатые фигуры.

– Нравятся мои распознаватели Тёмной магии? – спросил Муди.

– А это что? – показал Гарри на скрюченную золотую антенну.

– Сенсор секретности. Начинает вибрировать, когда засечёт ложь, тайный умысел. Здесь он, конечно, бесполезен. Слишком много помех. Ученики то и дело говорят неправду, почему не сделали домашних уроков. С того дня, как я здесь, не умолкая гудит. А хитроскоп вообще пришлось отключить – свистит и свистит. Повышенная чувствительность, ловит опасность на расстоянии мили. И конечно, распознаёт не только детские шалости.

– А зеркало для чего?

– Это Зерцало Напастей. В нём сейчас затаились мои враги. Но пока вижу белки их глаз, беда не грозит. А как начнёт грозить, тут-то я и открываю мой сундук.

Издав короткий хриплый смешок, он указал на вместительный сундук под окном. На нём семь отверстий для ключа. Интересно, что в сундуке...

– Так, значит, про драконов тебе известно? – Профессор вернул Гарри на землю.

Именно этого вопроса Гарри боялся. Он ничего не сказал Седрику, и Муди не собирается выдавать Хагрида.

– Не волнуйся, Гарри. – Муди сел, вытянул деревянную ногу с хриплым стоном. – Обман был всегда неотъемлемой частью Тримагического Турнира.

– Я никого не обманывал, – ошетинился Гарри. – Так получилось... случайно...

Муди усмехнулся.

– Я не обвиняю тебя, мальчуган. Я с самого начала говорил Дамблдору, что он-то сам человек благородный, но про Каркарова и Максим такое не скажешь. Они расскажут своим чемпионам всё, что узнают. Они жаждут победы. Хотят обставить Дамблдора, показать, что он лишь человек.

Муди опять усмехнулся с хрипотцой, магический глаз завращался так быстро, что у Гарри даже голова закружилась.

– Так... так ты уже знаешь, как справишься со своим драконом?

– Пока нет.

– Я не намерен тебе помогать, – жёстко произнёс Муди. – Любимчиков у меня нет. Просто могу дать несколько полезных советов. Первый: используй свои сильные стороны.

– У меня нет никаких сильных сторон, – вырвалось у Гарри.

– Извини, – прохрипел Муди, – но раз я говорю, что они у тебя есть, значит, есть. Подумай-ка! Что тебе лучше всего даётся?

Гарри задумался. Лучше всего? Ну, конечно...

– Квиддич, – выпалил он. – Очень полезное умение...

– Верно. – Муди буравил его магическим глазом, который почти остановился. – Ты, я слышал, чертовски хорошо летаешь...

– Да, но... – Гарри смотрел на Муди, вытаращив глаза, – у меня ведь будет только палочка...

– Второй самый общий совет, – перебил Муди. – Используй доброе, простое заклинание и получишь то, что необходимо.

Гарри недоумённо глядел на Муди. Что необходимо?

– Давай, мальчик, – прошептал Муди. – Сложи два совета вместе. Не так уж это и трудно.

И Гарри осенило. Он прекрасно летает, для этого необходима метла. А чтобы заполучить метлу, нужно...

Спустя десять минут Гарри вбежал в оранжерею № 3, второпях извинился перед профессором Спраут и подошёл к Гермионе.

– Гермиона, мне нужна твоя помощь.

– А чем я всё время занимаюсь, интересно? – прошептала она, с беспокойством глядя на Гарри из-за верхушки трепетливого кустика.

– Гермиона, мне необходимо завтра к вечеру овладеть Манящими чарами.

И они приступили к тренировкам. Обедать не стали. Нашли пустой класс, где Гарри изо всех сил старался заставить лететь к нему через комнату различные предметы. Книги с перьями не подчинялись и на полпути падали на каменный пол...

– Сосредоточься, Гарри, *сосредоточься*...

– А я что, по-твоему, пытаюсь сделать? – сердился Гарри. – Огромный поганый дракон почему-то не лезет у меня из головы! Ладно, давай ещё раз.

Он хотел сбежать с прорицания, но Гермиона ни в какую не согласилась пропускать арифмантику, и тренировки не получилось. Пришлось целый час терпеть профессора Трелони, которая пол-урока твердила о расположении Марса по отношению к Сатурну. Это означало, что людей, рождённых в июле, ждёт ужасная, внезапная смерть.

– Смерть, ну и пусть! – не сдержался Гарри. – Только быстрая! Не хочу мучиться.

Рон, казалось, вот-вот прыснет от смеха. Впервые за последнее время он посмотрел прямо в глаза Гарри, но тот был так зол, что не глянул в ответ. Остаток урока Гарри пробовал палочкой притягивать под столом предметы. Опыт удался только с мухой. А может, она просто сама прилетела, и его заслуги тут нет?

После обеда Гарри с Гермионой опять пошли в пустой класс и, чтобы не столкнуться с учителями, надели плащ-невидимку. Тренировались до полуночи. Позанимались бы и подольше, но появился Пивз. Подумал, что Гарри нравится, когда в него бросают вещи, и начал швыряться стульями. Пока шум не привлёк Филча, друзья покинули класс и пошли в гриффиндорскую гостиную. Сейчас там никого не было.

В два часа ночи Гарри стоял, окружённый горой предметов – книгами, перьями, перевёрнутыми креслами, набором Плюй-камней и жабой Невилла, Тревором. Только в последний час он освоил Манящие чары.

– Это лучше, Гарри, гораздо, гораздо лучше, – похвалила усталая, но довольная Гермиона.

– Теперь ясно, что делать, когда я не могу овладеть каким-то заклинанием. – С этими словами Гарри кинул Гермионе словарь рун, чтобы повторить упражнение. – Напутать меня драконом. Что ж...

Он поднял палочку ещё раз:

– *Accio* словарь!

Тяжёлая книга выпорхнула из руки Гермионы, пролетела через комнату, и Гарри схватил её.

– Гарри, ты и вправду научился! – Гермиона была в восторге.

– Лишь бы завтра сработало, – сказал Гарри. – «Всполох» полетит с более дальнего расстояния, чем эти штуки, он в замке, а я буду на улице.

– Неважно, – твёрдо произнесла Гермиона. – Просто как следует сосредоточься, и всё у тебя получится. Лучше нам спать идти. Завтра это лишним не будет.

* * *

Гарри накануне так старательно тренировал чары, что к вечеру страх немного отступил. Зато утром вернулся сполна. Вся школа гудела и волновалась. Уроки закончились в полдень, чтобы все могли, не торопясь, дойти до загона. Что они там увидят, они, конечно, ещё не знали.

Гарри чувствовал странную отстранённость. Ни на доброе слово, ни на насмешки («Поттер, мы запасёмся носовыми платками!») внимания не обращал. Нервное напряжение было так сильно, что ему казалось, что он может потерять голову, когда его выведут к дракону, и он станет насыпать проклятия на всех подряд.

Время как с ума сошло, мчалось семимильными шагами. Только что сидел на первом уроке – истории магии, а уже обед... Утро, куда делось утро? До встречи с драконом остался всего час...

Профессор МакГонаггалл быстрым шагом подошла к нему. Все, кто был в Большом Зале, смотрели на них.

– Поттер, чемпионы уже ушли. Пора готовиться к первому туру.

– Иду. – Гарри поднялся – вилка со звоном упала на тарелку.

– Удачи тебе, Гарри, – шепнула Гермиона. – Всё будет в порядке!

– Угу, – буркнул он, не узнав собственный голос.

Вместе с профессором МакГонаггалл покинули зал. Ей тоже было не по себе. Лицо встревоженное, как у Гермионы. Сошли по каменным ступеням, вышли в холодный ноябрьский полдень, МакГонаггалл опустила руку ему на плечо.

– Не бойся, – сказала она. – И не теряй головы. На случай осложнений дежурят колдуны... Главное, сделай всё, что можешь, плохого о тебе не подумают... Ты в порядке?

– Да, я в порядке.

Пошли к драконам опушкой леса. У купы деревьев, за которыми находился загон, поставили палатку, загородившую монстров. Остановились у входа.

– Войдешь сюда к другим чемпионам, – явно дрожащим голосом сказала профессор МакГонаггалл. – Будешь ждать своей очереди. Там мистер Бэгмэн. Он объяснит вам, что делать... Счастливого тебе.

– Спасибо, – безучастно произнёс Гарри. Профессор удалилась, и Гарри вошёл внутрь.

В углу на низком деревянном стуле сидела Флер Делакур. От былой самоуверенности не осталось и следа, выглядит бледной и вспотевшей. Виктор Крам ещё сильнее хмурится – похоже, нервничает. Седрик ходит из угла в угол. Увидев Гарри, слегка улыбнулся, Гарри ответил тем же, с трудом двигая мышцами лица, которые точно одеревенели.

– Гарри! Отлично! – радостно воскликнул Бэгмэн. – Входи, входи! Чувствуй себя как дома!

Стоя среди бледнолицых чемпионов, Бэгмэн выглядел как слегка перераздутый мультяшный персонаж. На нём опять была его старая форма «Ос».

– Итак, все в сборе. И я сейчас сообщу вам, что делать! – бодро заявил Бэгмэн. – Когда зрители соберутся, я открою вот эту сумку. – Он поднял небольшой мешочек из фиолетового шёлка и потряс им. – В ней копии тех, с кем вам предстоит встретиться. Все они разные. Каждый по очереди опустит руку и достанет, кого ему послала судьба. Ваша задача – *завладеть золотым яйцом!*

Гарри огляделся. Седрик кивнул, дав понять, что понял, о чём речь, и вновь принялся ходить по палатке; он выглядел слегка позеленевшим. Флер и Крам не шевельнулись. Может, боятся, что им поплохеет, если откроют рот? Гарри был близок к этому. Но в отличие от него они-то здесь по собственной воле...

Очень скоро послышался топот множества ног. Зрители шли, шутя, смеясь, возбуждённо переговариваясь... Они казались Гарри существами с другой планеты. Тем временем Бэгмэн развязывал фиолетовый шёлковый мешочек.

– Леди вперёд, – объявил он, предлагая мешочек Флер.

Она опустила внутрь руку и вынула крошечную модель валлийского зелёного с биркой номер два на шее. Флер не выказала ни малейшего удивления, скорее обречённую решительность. Да, Гарри был прав: мадам Максим ей всё рассказала.

Вторым выбирал Крам. Ему выпал китайский огненный шар с номером три. Крам не моргнул и глазом, просто смотрел под ноги.

Седрик вытащил сине-серого шведского тупорылого под номером один. И Гарри понял, что его ожидает. Он сунул руку в мешочек – венгерская хвосторога, номер четыре. Гарри взглянул на дракониху – та растопырила крылья и оскалила крошечные клыки.

– Ну вот! – сказал Бэгмэн. – С этими драконами вам предстоит встретиться. На шее у дракона номер очереди. Всё ясно? Тогда вынужден вас оставить, я сегодня ещё и комментатор. Мистер Дигтори, по свистку первый войдёте в загон, ясно? Гарри, можно тебя на два слова? Снаружи.

– Э-э... да, – протянул Гарри и вышел из палатки вслед за Бэгмэном.

Тот отошёл за деревья и обратился к нему с отеческой заботой в голосе:

– Как ты, Гарри? Могу я чем-то тебе помочь?

– Что? – не сразу понял Гарри. – Я... Нет. Ничем.

– У тебя есть план действий? – Бэгмэн заговорщически понизил голос. – Я хотел бы подкинуть тебе пару советов. – Бэгмэн понизил голос почти до шёпота. – Ты младше всех, Гарри, я бы помог тебе, если, конечно...

– Нет, – перебил Гарри и, чтобы смягчить свою грубость, добавил: – Благодарю, я уже знаю, что делать.

– Никто не *знает*, Гарри, – подмигнул Бэгмэн.

– Нет, я в порядке, – ответил Гарри, гадая, почему он продолжает твердить это всем и чувствовал ли он себя когда-нибудь настолько не в порядке. – У меня есть план действий.

Прозвучал свисток.

– Боже! Мне пора бежать! – спохватился Бэгмэн и поспешил прочь.

Гарри вернулся в палатку, ему навстречу вышел ещё сильнее побледневший Седрик. Гарри хотел пожелать ему удачи, но лишь прохрипел что-то невразумительное.

Гарри, Флер и Крам услышали, как снаружи взревели зрители. Значит, Седрик уже в загоне лицом к лицу с живой копией своего дракончика.

Это было ещё хуже, чем Гарри представлял, вот так сидеть и слушать. Каждую попытку Седрика обойти шведского тупорылого зрители встречали воем, криками и улюлюканьем. Крам по-прежнему сидел, глядя в пол. Флер, как ранее Седрик, расхаживала по палатке. А от комментариев Бэгмэна недолго и с ума сойти.

– О, это было близко, очень близко... Он идёт на риск прямо сейчас! ... *Умный* ход – жаль, не сработал!

Спустя пятнадцать минут оглушительный рёв возвестил, что Седрик перехитрил дракона и схватил золотое яйцо.

– Превосходно!!! – кричал Бэгмэн. – А сейчас оценки судей!

Но результат не назвал. Наверное, судьи показали оценки только трибунам. Вновь раздался свисток.

– Осталось трое! – провозгласил Бэгмэн. – Мисс Делакур, прошу!

Флер дрожала с головы до ног, у Гарри даже шевельнулось внутри сострадание. Она покинула палатку с высоко поднятой головой, сжимая в руке палочку. Гарри и Крам остались вдвоём, сидели в разных углах, избегая взгляда друг друга.

Всё началось сначала.

– Не уверен, что это мудрая тактика! – доносился весёлый комментарий Бэгмэна. – О... почти! Аккуратнее... Боже правый, я думал, сейчас схватит!

Десять минут, и опять взрыв аплодисментов. Значит, Флер тоже справилась. Показывают оценки, тишина... очередная овация... и третий свисток.

– Мистер Крам, ваш выход! – объявил Бэгмэн.

Крам, ссутулясь, вышел, и Гарри остался один. Никогда он не был в таком напряжении: сердце колотится, пальцы дрожат от страха, и как будто никакой палатки нет – видит и зрителей, и единоборство с драконом...

– Вот это дерзость!!! – кричал Бэгмэн. Крики его заглушил жуткий рык китайского огненного шара, трибуны стихли. – Ну и нервы! Не человек, а кремень! Да!!! Он схватил яйцо!!!

Аплодисменты сотрясли морозный воздух, как будто разбилось огромное зеркало. Крам завершил раунд, настала очередь Гарри.

Гарри поднялся на ватных ногах, смутно осознавая происходящее. Он ждал. Вот и свисток. Гарри вышел из палатки, чувствуя, как страх накалился в нём добела. Он брёл мимо деревьев, брёл, брёл и, наконец, загон.

Всё предстало перед ним как в ярком цветном сне. В последние дни с помощью колдовства воздвигли трибуны. С них на Гарри смотрели сотни лиц. В другом конце загона, как огромная курица на яйцах, восседала хвосторога. Крылья полураскрыты, свирепые жёлтые глазки уставились на злоумышленника. Громадный чешуйчатый ящер, весь в шипах, бьёт по промёрзлой земле рогатым хвостом, оставляя глубокие, ярдовой длины следы. Зрители шумят

невообразимо. Болеют они за него или нет? Какая разница! Пришла пора действовать... Надо предельно сосредоточиться... Это единственное спасение...

Он поднял палочку и крикнул:

— *Accio* «Всполох»!

И стал ждать. Всеми фибрами души надеясь, боясь... вдруг чары не сработают... вдруг она не явится... Казалось, Гарри смотрит на всё сквозь мерцающее летнее марево. И загон, и люди вокруг колыхались, странно плыли...

И он услышал, как его «Всполох» мчит к нему, со свистом рассекая воздух. Летит вдоль опушки, уже в загоне, завис позади него, ожидая наездника. Зрители зашумели сильнее... Бэгмэн что-то крикнул, но Гарри уже ничего не слышит... это и не важно...

Перекинул ногу через метлу, взлетел. И произошло чудо.

Когда он взмыл вверх, когда волосы начали развеиваться на ветру, когда лица зрителей стали как булабочные головки, а хвосторога — не больше собаки, Гарри понял: внизу осталась не только земля, но и страх... Он снова в своей стихии.

Просто ещё один матч по квиддичу. Лишь ещё один матч, а хвосторога — очередная уродливая команда соперника.

Гарри глянул на кладку яиц, вон оно, золотое, блестит на фоне серых. Сохранности ради, все лежат между передних лап драконихи.

— Отлично, — скомандовал себе Гарри. — Тактика отвлечения... Вперёд.

Спикировал. Голова хвостороги за ним. Гарри это предвидел и вовремя вышел из пике — там, где он был секунду назад, хлестнула огненная струя. Не привыкать, от блажера уворачиваться не легче.

— Ничего себе!!! Летать он умеет! — комментировал Бэгмэн, перекрикивая визги и охи на трибунах, но Гарри его не слышал. — Вы наблюдаете, мистер Крам?

Гарри взлетел выше, описал круг, хвосторога следила за ним, вращая головой на длинной шее. Сейчас довертишься, голова zakружится... Но нельзя уповать на удачу, как бы опять огнём не стрельнула...

Хвосторога разинула пасть, а Гарри нырнул вниз. На сей раз повезло меньше. И хоть он избежал пламени, но дракониха махнула хвостом, Гарри ушёл влево, однако длинный шип задел плечо, порвав мантию. Плечо как ужалили. Трибуны зашлись в стоне. Ничего, царапина неглубокая... Гарри развернулся, подлетел к хвостороге и стал кружить у неё над спиной. И тут ему пришла в голову идея...

Дракониха не взлетает, стережёт яйца. Извивается, расправляет, сжимает крылья, держит Гарри под прицелом жёлтых, устрашающих глаз. Но отойти от яиц боится. А Гарри нужно, чтобы она сдвинулась с места, иначе про золотое яйцо можно забыть... И отвлекать её нужно аккуратно, постепенно...

Он летал то в одну сторону, то в другую, соблюдая расстояние — под драконий огонь попадать нельзя. Но надо и угрожать, пусть беспокоится. Голова драконихи крутилась за ним, вертикальные зрачки наблюдали, клыки скалились.

Он взмыл выше. Шея у хвосторога удлинилась, голова поднялась, как у змеи по велению заклинателя.

Гарри взлетел ещё на несколько футов, дракониха издала вопль отчаяния. Он муха, которую она жаждет прихлопнуть. Хвост ударил ещё раз, но Гарри вне досягаемости. Стрельнула огнём, он увернулся... дракониха широко раскрыла пасть.

– Давай, – дразнил Гарри, то приближаясь, то отлетая. – Давай, схвати меня. Приди и схвати! Живо...

И дракониха не выдержала, расправила чёрные крылья размером с небольшой самолёт. Гарри среагировал мгновенно. Не успела дракониха понять, в чём дело, куда делся враг, а он уж стремглав мчался вниз к гнезду яиц, незащищённому когтистыми лапами. Оторвав руку от «Всполоха», схватил золотое яйцо...

И на огромной скорости взмыл вверх. Он пролетал над трибунами, держа в здоровой руке тяжёлое яйцо. Казалось, кто-то включил звук. Впервые Гарри услышал шум зрителей. Они неистовствовали, как ирландские болельщики на Чемпионате мира.

– Нет, вы посмотрите на это! – кричал Бэгмэн. – Вы только посмотрите! Самый юный чемпион быстрее всех завладел яйцом! У него есть все шансы на победу!

Гарри увидел, как стражи драконов кинулись укрощать хвосторогу, а у входа в загон уже спешили к нему профессор МакГонагалл, профессор Муди и Хагрид. Они махали, подзывая его к себе. Даже издали видны их улыбки. Пролетая над трибунами, Гарри едва не оглох из-за шума. Он плавно приземлился. Впервые за последние недели на сердце было легко. Гарри выдержал первый тур, он выжил...

– Прекрасно, Поттер! – воскликнула профессор МакГонагалл, когда он соскочил со «Всполоха» – небывалая похвала от неё. Дрожащей рукой она указала на раненое плечо.

– Пока судьи совещаются, идите к мадам Помфри... вон туда, она уже помогла Диггори.

– Ты сладил, Гарри! – басил Хагрид. – Сладил! Да с кем! С самой хвосторогой, а ты слышал слова Чарли, что она самый...

– Спасибо, Хагрид! – громко крикнул Гарри. Не хватало ещё, чтобы лесничий проговорился, что показал драконов.

Профессор Муди был тоже очень доволен, его магический глаз как волчок вращался в глазнице.

– Просто и красиво, Поттер, – прохрипел он.

– Поттер, в палатку первой помощи, пожалуйста... – повторила профессор МакГонагалл.

Так и не отдышавшись, Гарри вышел из загона. У входа в соседнюю палатку стояла разгневанная мадам Помфри.

– Драконы! – возмущалась она, таща Гарри внутрь. Палатку разделили на два отсека. Сквозь занавески проглядывала тень Седрика. Он уже сидел, значит, ранение не опасно. Мадам Помфри осмотрела у Гарри плечо, всё время причитая:

– В прошлом году дементоры, в этом драконы! А на будущий год кого ещё приведут?! Тебе очень повезло, рана неглубокая. Сейчас я её обработаю и буду лечить.

Она промыла порез ваткой, смоченной в красной жидкости. Тампон дымил и обжигал. Но мадам Помфри направила палочку на плечо, и боль как рукой сняло.

– Ну вот, минуту посиди спокойно. *Сиди!* И сможешь пойти узнать результат.

Она вышла, и её голос донёлся из-за перегородки:

– Дигтори, как ты себя чувствуешь?

Гарри не хотелось сидеть. В крови всё ещё кипел адреналин. Он хотел посмотреть, что происходит снаружи, но не успел – в палатку ворвалась Гермiona, за ней по пятам Рон.

– Гарри, ты был великолепен! – зазвенел голос Гермiony. Видно, она очень нервничала, на щеках – следы от ногтей. – Это было изумительно! Честное слово!

Гарри посмотрел на Рона, который был очень бледен и таращился на Гарри, как на призрак.

– Гарри, – на редкость серьёзно сказал он, – кто бы ни положил твоё имя в Кубок, я понял: он хочет тебя прикончить!

Словно и не было этих последних недель. Как будто Гарри встретил Рона впервые после того, как его объявили чемпионом.

– Додумался? – холодно ответил он. – Долго же до тебя доходило.

Гермiona нервно переминалась, поглядывая то на одного, то на другого. Рон открыл рот, подыскивая слова. Гарри знал, что тот готов повиниться, но это было не важно.

– Всё в порядке, Рон, – опередил он друга. – Забудем, и всё.

– Нет, я должен был...

– *Забудем*, – повторил Гарри.

Рон нервно улыбнулся, и Гарри улыбнулся в ответ.

Гермiona расплакалась.

– Чего ты плачешь? – удивился Гарри.

– Какие же вы *тупицы*! – топнула она ногой, и слёзы хлынули у неё из глаз. Обняла их, оттолкнула и убежала, давась рыданиями.

– Во даёт... – покачал головой Рон. – Пошли, Гарри. Сейчас результат объявят.

Ещё час назад о таком счастье Гарри и мечтать не смел. Взяв золотое яйцо и «Всполох», он вышел из палатки. Рядом шагал Рон и быстро говорил:

– Ты был лучшим, вне конкуренции. Седрик сделал странную штуку, трансфигурировал камень в собаку. Хотел отвлечь на неё внимание дракона. Трансфигурация весьма крутая и почти сработала: яйцо-то он схватил, но обгорел. Дракон в последний момент передумал и напал на него вместо лабрадора. Дигтори еле увернулся. Эта Флер применила какие-то чары и попыталась погрузить дракона в транс. Вроде бы сработало, он спал, но вдруг всхрапнул, и из пасти вырвалось пламя. Юбка Флер вспыхнула, но она залила огонь водой из волшебной палочки. Крам, не веришь, ему даже в голову не пришло взлететь! Но, наверное, он второе место займёт. Он каким-то заклинанием засветил дракону прямо в глаз. Всё было хорошо, но дракон заметался от боли и передавил половину настоящих яиц. Краму из-за этого и снизили баллы. Им нельзя было причинять вред.

Рон перевёл дыхание, а они подошли к краю загона. Хвосторогу уже увели, и Гарри только теперь увидел пятерых судей. Они восседали на противоположной стороне, на помосте, задрапированном золотой тканью.

– Судьи оценивают чемпионов по десятибалльной шкале, – пояснил Рон.

Гарри скосил глаза и увидел, как первая судья — мадам Максим — подняла в воздух палочку. Из неё выскочила длинная серебристая лента и нарисовала большую цифру восемь. Зрители зааплодировали.

— Неплохо! — сказал Рон. — Думаю, она сняла два очка из-за царапины на плече.

Следующим был мистер Крауч. Он дал Гарри девять баллов.

— Здорово! — воскликнул Рон, похлопав Гарри по спине.

Дамблдор тоже очертил в воздухе девятку. Зрители ликovali ещё пуще.

Людвиг Бэгмэн поставил все десять.

— Десять? — не поверил Гарри. — Я же получил травму... К чему это он?

— Не жалуйся, Гарри, — восторженно крикнул Рон.

Каркаров был последним. Помедлив, он взмахнул палочкой, и серебристая лента приняла очертания цифры четыре.

— *Что?* — заорал Рон. — *Четвёрка?* Паршивый предвзятый подонок! Краму все десять выставил!

Но Гарри только махнул рукой. Да пусть Каркаров хоть ноль ставит. Возмущение Рона стоит сотни очков. Конечно, он ему этого не сказал, но покидал Гарри загон в отличном настроении. Не только Рон, все гриффиндорцы приветствовали его. Да что говорить! Почти вся школа рукоплескала Гарри не меньше, чем Седрику... А на слизеринцев плевать, что бы они теперь ни придумали, он выдержит.

По дороге в школу их догнал Чарли Уизли.

— Вы с Крамом заняли первое место, Гарри! — сказал он. — Я побегал, надо послать маме сову. Я поклялся ей подробно всё описать — это было что-то невероятное! Да, меня просили тебе передать, чтобы ты вернулся на несколько минут. Бэгмэн хочет поговорить с чемпионами.

Рон обещал подождать, и Гарри вернулся в палатку. Теперь в ней витал дух гостеприимства. Гарри сравнил единоборство с хвосторогой и долгое мучительное ожидание перед этим. Ничего общего, последнее в тысячу раз хуже.

Флер, Седрик и Крам вошли все вместе. У Седрика одна сторона лица была густо намазана оранжевой противоожоговой мазью.

— Молодец, Гарри, — улыбнулся он.

— И ты молодец, — улыбнулся Гарри в ответ.

— Вы *все* молодцы! — ворвался в палатку Людвиг Бэгмэн, на седьмом небе от счастья, как будто лично отнял у драконихи яйцо. — Итак, несколько слов о том, что дальше. У вас будет длинная приятная передышка до второго тура. Он состоится двадцать четвёртого февраля в девять тридцать утра. Но за это время вам будет о чём подумать. Взгляните на золотые яйца, которые у вас в руках, видите, они открываются... вот петельки. Внутри яйца ключ ко второму заданию. Он поможет вам подготовиться. Всё ясно? Уверены? Тогда ступайте!

Гарри вышел из палатки. Рон его ждал, и друзья, болтая, запагали к замку. Гарри хотелось подробнее узнать, как перехитрили драконов другие чемпионы. Купа деревьев, за которой Гарри впервые услышал драконий рык, осталась позади, и, откуда ни возьмись, выскочила ведьма в ядовито-зелёной мантии.

Это была Рита Скитер. На друзей нацелилось Прытко Пишущее Перо.

– Поздравляю, Гарри! – сияя, сказала она. – Гарри, всего два слова! Что ты чувствовал, оказавшись лицом к лицу с драконом? А результат ты считаешь справедливым?

– Отвечу двумя словами, – жёстко произнёс Гарри. – *До свидания!*

И он вместе с Роном запагал в замок.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ФРОНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАБСКОГО ТРУДА

Вечером трое друзей отправились в советник за Свинстуном. Надо сообщить Сириусу, что Гарри сумел пройти дракона невредимым. По пути он поведал Рону рассказ крёстного о Каркарове. Поначалу Рон был потрясён тем, что Каркаров – бывший Пожиратель Смерти, но к тому моменту, как они пришли в советню, уже говорил, что надо было подозревать Каркарова с самого начала.

– Всё сходится, не так ли? – заговорил он, раскинув умом. – Помнишь, Малфой в поезде говорил, что его отец когда-то дружил с Каркаровым? Теперь ясно, где они познакомились. И наверное, это они ходили в масках на Кубке мира... Если это *он* подбросил твоё имя в Кубок, то сейчас он чувствует себя тупицей, верно? Его план не удался, у тебя лишь царапина! Давай сюда, я сам всё сделаю.

Свинстун пришёл в восторг от предложенной ему чести. С радостным уханьем он кружил вокруг Гарри. Рон его поймал, и Гарри привязал письмо к лапке.

– Самое трудное позади, на других турах уж точно будет полегче, – говорил Рон, неся к окну Свинстуна. – Знаешь что? Думаю, тебе по силам выиграть Турнир. Серьёзно, Гарри.

Рон так говорил, чтобы загладить вину, но Гарри всё равно было приятно. А Гермiona прислонилась к стене и, сложив руки, хмуро посмотрела на Рона.

– До окончания Турнира Гарри предстоит ещё немало сделать. Если в первом были драконы, представляете, что будет дальше?

– Всегда готова поднять настроение, да? – усмехнулся Рон. – Вам с профессором Трелони почаше бы общаться.

Он выпустил Свинстуна в окно. Тот пикировал футов двенадцать, но справился и полетел. Ноша была нелёгкая, столь длинных писем Гарри ещё не писал. Он не мог не рассказать почти посекундно про то, как уворачивался от хвостороги, кружил над ней и в конце концов обхитрил.

Когда Свинстуна поглотила тьма, Рон сказал:

– Ладно, потопали вниз. В твою честь, Гарри, устроили вечеринку. Фред с Джоржем натаскали из кухни уйму еды.

Их появление гостиная встретила единодушным воплем приветствия. Столы, каминная полка, всё, что можно, заставлено кувшинами с тыквенным соком, сливочным пивом, горами пирожных и другими лакомствами. Ли Джордан пускал безопасные влажные чудо-фейерверки доктора Флибустера, и воздух заполнили разноцветные искры и звёзды. Дин Томас, признанный художник, нарисовал несколько плакатов. На большинстве из них Гарри на «Всполохе» кружится над хвосторогой. Ещё на двух – Седрик, с головой, объятай пламенем.

Как бывало раньше, друзья опять сидели вместе. Гарри взял себе еды: он порядком проголодался, ведь в последнее время кусок в горло не лез... Он не мог поверить в такое счастье – Рон рядом, первый тур позади, а до второго ещё целых три месяца!

– Чёрт, тяжёлое! – Ли Джордан взвесил на ладони золотое яйцо, оставленное Гарри на одном из столов. – Открой его, Гарри! Посмотрим-ка, что там внутри!

– Гарри должен сам отгадать загадку золотого яйца, – тут же вмешалась Гермиона. – Согласно правилам Турнира...

– И как пройти дракона я тоже должен был додуматься сам, – прошептал Гарри так, что никто кроме Гермионы его не услышал. Она виновато улыбнулась.

– Да, Гарри, открывай! – несколько человек поддержало Ли.

Джордан протянул Гарри яйцо, тот запустил ногти в опоясывающую скорлупу бороздку и с усилием раскрыл.

Яйцо было полое и совершенно пустое. Но комнату тут же прорезал жуткий, пронзительный вой. Гарри вспомнил – так играл на пиле оркестр привидений на юбилее Почти Безголового Ника.

– Закрой! – зажал уши Фред. Гарри захлопнул.

– Что это такое? – посмотрел на яйцо Шеймас Финниган. – Похоже на банши. Может, тебе с одной из них предстоит сразиться?

– Словно кого-то пытаются! – пролепетал побледневший Невилл, опрокинув на пол сосиски. – Наверное, к тебе применяют проклятие Крусиатус!

– Не глупи, Невилл. Это противозаконно, – заявил Джордж. – Они не посмеют использовать Крусиатус на чемпионах. Кажется, этот звук походил на пение Пёрси... Гарри, наверное тебе придётся напасть на него пока он будет в душе.

– Гермиона, не изволишь взять тартинку с джемом? – предложил Фред, протягивая тарелку.

Гермиона поглядела на Фреда подозрительно.

– Не бойся, – улыбнулся Фред. – Не колдовал я над ними. Вот бисквитов с заварным кремом лучше остерегаться.

А Невилл как раз откусил бисквит. Услышав слова Фреда, он поперхнулся и выплюнул сладкое кушанье.

– Шутка, не переживай, Невилл! – рассмеялся Фред.

Гермиона взяла тартинку и спросила:

– Фред, ты всё это принёс с кухни?

– А то, – просиял Фред и тоненько пропищал, изображая домашнего эльфа. – «Сэр! У нас есть для вас всё! Всё, всё, всё!» Чертовски услужливы. Скажи я, что сильно голоден, жареного быка бы отвалили!

– А как ты туда проник? – невинным голосом поинтересовалась Гермиона.

– Проще простого. Там есть картина, корзинка с фруктами, за ней потайная дверь. Пощекочи грушу, та хихикнет, и... – Фред остановился и вопросительно посмотрел на Гермиону. – А зачем тебе это?

– Просто, – быстро сказала Гермиона.

– Собираешься организовать забастовку домашних эльфов? – хмыкнул Джордж. – Забросашь их листовками и попытаешься поднять на восстание?

Кое-кто хихикнул, Гермиона промолчала.

– Пожалуйста, не расстраивай домовиков лекциями о пользе одежды и зарплаты! – воззвал к ней Фред. – А то в итоге они прекратят готовить!

Обстановку разрядил Невилл – превратился в здорового кенаря.

– Прости меня, Невилл! – перекрывая всеобщий хохот, крикнул Фред. – Я забыл. Мы именно на *бисквиты* наложили порчу!

Примерно минуту Невилл линял. Как только перья опали – он принял нормальный облик. И даже засмеялся вместе с другими.

– Канареечные бисквиты! – торжественно объявил Фред. – Наше с Джорджем изобретение! Семь сиклей порция – налетай!

Только в час ночи Гарри, Рон, Невилл, Шеймас и Дин отправились в спальню. Гарри поставил крошечную фигурку венгерской хвостороги на свою тумбочку. Дракончик зевнул, свернулся калачиком и закрыл глазки.

А Хагрид знал, что говорит, подумал Гарри, задёргивая полог. И вправду милое создание, даже очень...

* * *

Начало декабря принесло в Хогвартс ветер с мокрым снегом. Проходя мимо корабля дурмстрангпцев, Гарри всегда вспоминал, что хоть по замку и гуляют сквозняки, но зато есть камин, да и толстые стены защищают от холода. Корабль качался на волнах, паруса рвались в суровое небо. Да и в карете Бобатона, наверное, тоже не слишком жарко. Хагрид, заметил Гарри, не оставляет коней мадам Максим без солодового виски. Паров, постоянно источаемых корытом в углу конюшни, хватало, чтобы на уроке ухода за магическими животными весь класс был слегка навеселе. Это мешало, ведь они всё ещё работали с ужасными скрутами, и ясная голова была очень нужна.

– Не уверен я, впадают ли они в спячку, – поведал Хагрид продрогшему классу на продуваемой ветром тыквенной грядке. – Поглядим, берёт их зимой дрема или не берёт... Поместим их вот в эти ящики.

Скрутов осталось всего десять: страсть убивать друг друга прогулками не отшибло. Длина их приблизилась к шести футам. Толстая серая броня, мощные чешуйчатые лапы, испускающие огонь хвосты, жала и присоски – более отталкивающих существ Гарри никогда не видел. Хагрид принёс ящики, выложенные пуховыми одеялами и подушками, и класс в унынии уставился на них.

– Прост' заведём сюда, – объяснял Хагрид. – закроем крышками и глянём, шо будет.

Но скруты и не думали впасть в спячку. В уютные ящики их загнали силой, крышки прибили гвоздями. Такой заботы скруты не оценили. Разнесли ящики, выскочили и давай носиться по тыквенным грядкам, усеянным дымящимися обломками дощечек.

– Не бойтесь! Не бойтесь! – кричал лесничий. Большинство учеников во главе с Малфоем, Крэббом и Гойлом спрятались в хижине Хагрида и забаррикадировали дверь. Гарри, Рон и Гермиона остались среди тех, кто поспешил на подмогу Хагриду. Сообща они смогли изолировать и связать девятых скрутов, ценой множества ран и ожогов. Остался один.

– Не пугайте его! Не пугайте! – молил Хагрид, смотря, как Гарри и Рон выпускают из палочек снопы искр по скруту, что приближался к ним, угрожающе выгнув за спиной подрагивающее жало. – Накиньте на хвост верёвку, чтоб он других не поранил!

– Да, нам это не нужно! – огрызнулся Рон, вместе с Гарри прижавшись к стене хижины и продолжая искрами отражать атаку скрута.

– Так, так, так... Выглядит *весело*.

За смертельным номером, опёршись на изгородь, наблюдала Рита Скитер. Сегодня на Рите был тёплый малиновый плащ с воротником из лилового меха, крокодиловая сумочка, как всегда перекинута через плечо.

Хагрид прыгнул вперёд и прижал к земле скрута, загнавшего в угол Гарри и Рона. Из хвоста зверя вырвалась струя огня, испепелившая растущие рядом тыквы.

– Вы кто? – спросил Хагрид, набросив на жало верёвку и затянув петлю.

– Рита Скитер. Репортёр «Ежедневного пророка», – улыбнулась, сверкнув золотыми зубами, ведьма.

– Так ведь Дамблдор сказал, что вам... э-э... запретили здесь появляться. – Хагрид нахмурился, спрыгнул со слегка помятого скрута и потащил его к собратям.

Рита сделала вид, что не слышит.

– Как называются эти восхитительные существа? – ещё шире улыбнулась она.

– Взрывохвостые скруты, – ответил Хагрид.

– Неужели? – проявила живейший интерес Рита. – Никогда о них не слышала. Откуда они?

Гарри заметил, как сквозь щетину лесника проступила краска. Действительно, где их *раскопал* Хагрид? Гермиона подумала о том же и быстро сказала:

– Правда, они очень интересные, Гарри?

– Что?! – удивился он. Гермиона наступила ему на ногу, Гарри всё понял. – Да, да. Очень интересные.

– Гарри! И *ты* здесь! – повернулась к нему Рита. – Тебе нравится уход за магическими существами? Это один из твоих любимых предметов?

– Да, – твёрдо произнёс Гарри. Хагрид взглядом поблагодарил его.

– Мило. Очень мило. Давно преподаёте? – обратилась она к Хагриду.

Рита окинула глазами Дина с исцарапанной щекой, Лаванду и её прожжённую мантию, Шеймаса, который дул на пальцы, и обратила взор к окну хижины. В хижину набился чуть ли не весь класс. Мальчишки прижались носом к стеклу, ожидая завершения битвы.

– Второй год, – произнёс Хагрид.

– Мило... Думаю, вы не против интервью? Поделитесь опытом обращения с магическими существами? Вы, наверное, знаете, в «Пророке» по средам выходит зоологическая колонка. Мы бы написали про этих... разрывохвостых скрутов.

– Взрывохвостых скрутов! – горячо поправил Хагрид. – Да... почему бы и нет?

Тяжёлое предчувствие сжало сердце Гарри. Но как предупредить Хагрида втайне от Риты? Никак! Стой и смотри, как они договариваются о неторопливом обстоятельном

интервью через неделю в «Трёх мётлах». В замке прозвенел звонок с урока, пора идти в Хогвартс.

– Пока, Гарри! – жизнерадостно крикнула вслед Рита Скитер. – Хагрид, встречаемся в пятницу вечером!

– Она все его слова переверёт, – тяжело вздохнул Гарри.

– Останется только надеяться, что он не ввёз тех скрутов незаконно, – в отчаянии сказала Гермиона. Троица переглянулась: это было вполне в духе Хагрида.

– Хагрид бывал и не в таких передрягах, Дамблдор никогда его не уволит, – успокоил друзей Рон. – Худшее, что случится – Хагрид расстанется со скрутами. Простите... я сказал худшее? Да это самое лучшее!

Гарри с Гермионой рассмеялись, на душе стало легче, и друзья поспешили обедать.

Зато на прорицаниях Гарри повеселился вовсю; они всё ещё чертили звёздные карты и делали по ним предсказания. Но теперь друг опять рядом и всё видится совсем в другом свете. До ссоры профессор Трелони была очень довольна ими – они так лихо предсказывали себе мучительную смерть. Сегодня же они то и дело прыскали, слушая о проделках Плутона, портящего людям жизнь. И витавшая в небесах профессор Трелони начала раздражаться.

– Я *думаю*, – заговорила Трелони замогильным голосом, – *кое-кто* вёл бы себя не столь *легкомысленно*, если бы узрел то же, что я прошлой ночью в магическом кристалле. Вчера вечером я сидела, погружённая в рукоделие, как вдруг ощутила внезапный порыв. Я встала, села перед шаром и устремила взор в его кристальные глубины. И увидела, что кто-то на меня глядит. Как, по-вашему, кто?

– Старая безобразная летучая мышь в огромных очках? – прошептал Рон.

Гарри изо всех сил пытался сохранить серьёзную мину.

– *Смерть*, дорогие мои.

Парвати и Лаванда в ужасе прижали ладони ко рту.

– Да, – выразительно кивнула профессор Трелони. – Она кружила над замком, спускалась всё ниже, ниже... Как хищная птица...

Трелони в упор взглянула на Гарри; тот, не скрывая, зевнул во весь рот...

Урок закончился, и Гарри с Роном, спустившись по лестнице, с наслаждением вобрали в лёгкие свежий воздух.

– В сотый раз узрела мою смерть! Да если бы я умирал каждый раз после её предсказания, я был бы уже медицинским чудом.

– Чем-то вроде привидения повышенной плотности, – со смехом добавил Рон. Мимо них прошеествовал Кровавый Барон, его широко раскрытые глаза злое свёркнули. – К счастью, домашнее задание сегодня не надо делать. Хорошо бы Гермионе Вектор дала гору заданий. Люблю бездельничать, когда она работает.

Но Гермиона не пришла ужинать, в библиотеке её тоже не оказалось. Там был только Виктор Крам. Рон слонялся вдоль книжных полок, поглядывая на Крама и шёпотом советуясь с Гарри, не попросить ли у него автограф. У соседних полок несколько девушек были озабочены тем же. И у Рона мигом пропал интерес. Из библиотеки пошли обратно в башню.

– Куда же она подевалась? – недоумевал Рон.

– Не знаю. – Гарри пожал плечами и прибавил: – «Чепуха!»

Едва портрет Полной Леди стал поворачиваться, сзади послышался топот бегущего человека. Это была Гермиона:

– Гарри! – задыхаясь позвала она, резко затормозив около него. У Полной Леди брови поползли вверх. – Гарри, пойдём со мной! Быстрее, ты просто *обязан* туда пойти! Случилось что-то невероятное! Пожалуйста...

Гермиона схватила его за руку и потащила в коридор.

– Да что случилось? – спросил Гарри.

– Я покажу тебе, когда доберёмся. Скорее!

Гарри посмотрел на Рона, тот был явно заинтересован.

– Ладно, идём. – Гарри ступил в коридор за Гермионой. Рон поспешил следом.

– О, не обращайтесь на меня внимания! – возмутилась Полная Леди. – Не извиняйтесь за беспокойство! Я просто повисю широко открытой здесь, пока вы не придёте, так?

– Да, спасибо, – бросил Рон через плечо.

Миновав шесть этажей, они по мраморной лестнице спустились в холл.

– Гермиона, куда мы идём? – не выдержал Гарри.

– Увидите, увидите через минуту! – последовал возбуждённый ответ.

Сойдя с последней ступеньки, она ринулась в дверь, через которую ушёл Седрик Диггори в тот вечер, когда Кубок выбросил их имена. Гарри никогда здесь не был. Ступеньки кончались в подземном коридоре, но не мрачном, вроде того, что вёл к Снейпу, а широком, ярко освещённом факелами. Стены украшали весёлые картинки с едой.

– Постой-ка, – сказал Гарри в середине коридора, – погоди минуту, Гермиона.

– Что? – Она взглянула на него глазами, полными предвкушения.

– Я понял, к чему всё это.

Он толкнул Рона и показал на картину за Гермионой. На огромном серебряном блюде красовались фрукты.

– Гермиона! – всплеснул руками Рон. – Ты опять хочешь втянуть нас в эту рвоту!

– Нет, нет! Что ты! – поспешно возразила Гермиона. – И это никакая не *рвота*, Рон...

– Ага, переименовала небось? – прищурился Рон. – Как мы теперь зовёмся? Фронт Освобождения Рабского Труда? Не я попрусь на эту кухню, чтобы мешать им работать, и не собираюсь...

– Я и не прошу тебя! – нетерпеливо оборвала Гермиона. – Я только что была тут, поговорила с ними. И я встретила... Гарри, пошли *же*, лучше я покажу тебе!

Она снова схватила Гарри за руку, подтащила к картине с фруктами и пощекотала указательным пальцем зелёную грушу. Та захихикала и вдруг превратилась в большую зелёную дверную ручку. Гермиона дёрнула её, распахнула дверь и с силой толкнула Гарри в спину, заставив его войти внутрь.

У него был один миг, чтобы оглядеться. Очень высокий потолок, а сама кухня такая же, как Большой Зал над ней. Вдоль каменных стен были нагромождены начищенные до блеска кастрюли и сковородки, в дальнем конце располагался исполинских размеров кирпичный очаг. И тут из недр кухни на Гарри с визгом налетело маленькое существо.

– Гарри Поттер, сэр! *Гарри Поттер!*

В следующую секунду визжащий эльф с силой ударился Гарри в живот, выбив из него весь дух, и сжал его в объятиях так сильно, что Гарри забеспокоился о своих рёбрах.

– Д-добби?! – воскликнул Гарри, придя в себя.

– Да, да! Добби, сэр! Это Добби! – верещал голосок на уровне его пояса. – Добби так мечтал, так надеялся увидеть сэра Гарри Поттера, и сэр Гарри Поттер пришёл повидаться!

Добби отпустил его и отступил назад. Зелёные большущие, как теннисный мяч, глаза от радости подёрнулись слезами. Он почти не изменился; острый, как карандаш, нос, уши словно у летучей мыши, длинные пальцы и ступни. Вот только одежда совсем другая.

Живя у Малфоев, Добби ходил в старой-престарой наволочке. Сейчас же домовик вырядился весьма странным образом. Нацепил невесть что, почище колдунов на Чемпионате мира. На голове вместо шапки стёганный чехольчик, который надевают на чайник, к нему приколоты яркие значки; на голой груди галстук с узором из подков; что-то вроде детских футбольных шорт и разномастные носки. Один из них, чёрный, Гарри снял когда-то со своей ноги и хитростью заставил Малфоя швырнуть его Добби, чем и освободил эльфа. Другой носок – розовый в оранжевую полосу.

– Добби, что ты тут делаешь? – опешил Гарри.

– Добби пришёл работать в Хогвартс, сэр! – выпалил Добби. – Профессор Дамблдор дал Добби и Винки работу, сэр!

– Винки? – переспросил Гарри. – Она тоже здесь?

– Да, да, сэр! – Добби схватил Гарри за руку и потащил в глубь кухни между длинными деревянными столами. Их было четыре, каждый стоял точно под столами в Большом Зале. Сейчас они пусты, ужин кончился, но, наверное, час назад ломались от блюд, доставляемых вверх через кухонный потолок.

Сотня маленьких эльфов выстроились вдоль стен кухни, гостеприимно кланяясь и приседая, когда Добби вёл мимо них Гарри. На всех одинаковое одеяние – полотенце с гербом Хогвартса, повязанное в виде тоги, так была когда-то одета и Винки.

– Винки, сэр! – произнёс Добби, остановившись у кирпичного очага.

Винки сидела на табуретке у очага. В отличие от Добби, она, очевидно, не сама подбирала себе одежду. Аккуратненькая короткая юбка, блузка и в тон с ними синяя шляпа с прорезями для ушей. Однако в отличие от Добби, имевшем чудаковатый, но чистый и аккуратный наряд, Винки явно не заботилась о своей одежде. Блузка в пятнах супа, на юбке прожжена дырка.

– Привет, Винки! – поздоровался Гарри.

Винки задрожала, и слёзы фонтаном брызнули из её огромных карих глаз, заливая блузку. Точно так же было и после финального матча Чемпионата мира по квиддичу.

– Винки, – произнесла Гермiona. Она и Рон прошли вслед за Гарри и Добби в конец кухни. – Винки, дорогая, не плачь, пожалуйста...

Но та зарыдала ещё сильнее, Добби же обратил сияющий взор на Гарри.

– Не изволит ли Гарри Поттер чашку чая? – громко пискнул он, перекрывая плач Винки.

– Э... да, хорошо.

В мгновение ока позади Гарри запрыгали шесть домовиков, неся большой серебряный поднос с чайником, тремя чашками, а также молочником и блюдом, полным пирожных.

– Вот это обслуживание! – воскликнул Рон. Гермиона метнула на него гневный взгляд, но эльфы были явно счастливы. Низко поклонившись, они удалились, а Добби принялся разливать гостям чай.

– Давно ты здесь, Добби? – спросил Гарри, принимая чашку.

– Всего неделю, сэр Гарри Поттер! – лучезарно улыбнулся эльф. – Добби пришёл к профессору Дамблдору, сэр. Вы не представляете, сэр, как тяжело домовому эльфу, которого уволили, найти новое место! Так трудно, сэр! Вправду, очень трудно!

При этих словах Винки взвыла ещё громче. Её нос походил на перезрелый помидор, блузка промокла насквозь, но она и не думала остановиться.

– В поисках работы, сэр, Добби два года бродяжничал по стране! – причитал бывший домовик Малфоев. – Но так и не нашёл работу, сэр, потому что Добби требовал зарплату!

Эльфы слушали с живым интересом, а тут дружно отвернулись, словно Добби сказал что-то грубое и непристойное.

Гермиона похвалила домовика:

– Молодец, Добби!

– Благодарю вас, мисс! – улыбнулся Добби. – Но колдунам не нужны домовые эльфы, которые просят зарплату, мисс. Они говорили, это не пристало порядочным эльфам, и хлопали дверью перед носом Добби! Добби любит работать, но хочет носить наряды и получать деньги, сэр Гарри Поттер, за свой труд... Добби – свободолюбивый эльф!

Хогвартские домовики отпрянули от Добби, как от прокажённого. Только Винки осталась на месте, рыдая ещё пуще.

– Однажды Добби нанёс визит Винки и увидел, что она тоже свободна! – расцвёл Добби.

Тут Винки бросилась с табуретки и, упав ничком на каменные плиты, заколотила по полу крошечными кулачками. Гермиона встала рядом с ней на колени и принялась успокаивать, но Винки была безутешна.

Её истошные вопли заполнили кухню, и Добби продолжал повествование на пронзительной ноте.

– Добби пришла в голову мысль, сэр Гарри Поттер! Почему бы Добби и Винки вместе не поискать работу. А Винки спросила: «Разве есть где работа для двух домовиков?» И Добби стал думать, и его осенило – *Хогвартс*! И Добби с Винки пришли к профессору Дамблдору, сэр, и профессор Дамблдор взял нас!

Добби весь искрился от восторга, на глазах выступили слёзы счастья.

– Профессор Дамблдор сказал, ежели Добби хочет зарплату, он получит зарплату, сэр! И вот Добби – свободный эльф. Добби получает один галлеон в неделю и один выходной в месяц!

– Не очень-то много! – возмутилась Гермиона, наклонившись над Винки, которая всё ещё голосила и стучала кулачками.

– Профессор Дамблдор предложил Добби десять галлеонов в неделю и два выходных, – По тельцу домовика пробежала дрожь, словно такое богатство и праздность напугали его. – Но Добби отказался, мисс. Добби свободолюбивый эльф, но много денег ему не нужно, мисс. Добби просто любит трудиться!

– Винки, сколько платит тебе профессор Дамблдор? – ласково спросила Гермиона.

Она очень заблуждалась, думая, что этот вопрос улучшит настроение бедняжке. Винки перестала плакать, села, подняла на Гермиону огромные карие глаза, и её мокрое лицо преисполнилось гневом.

– Да, Винки – запятнавший себя эльф! Но Винки зарплату не требует! – пропищала она. – Винки так низко не пала! Винки очень-очень стыдно быть свободной!

– Стыдно? – недоумённо переспросила Гермиона. – Винки, ты что?! Это мистеру Краучу должно быть стыдно, а не тебе! Ты не сделала ничего дурного! Он ведь ужасно к тебе относился...

Винки поднесла руки к прорезам в шляпе и плотно зажала уши.

– Вы оскорбить моего хозяина, мисс! Не надо обижать мистера Крауча! Мистер Крауч хороший колдун, мисс! Мистер Крауч правильно поступил, уволив гадкую Винки!

– Винки никак не привыкнет к свободе, сэр Гарри Поттер, – шепнул Добби. – Винки забыла, что больше не зависит от мистера Крауча. Ей можно говорить всё, что хочет, но она этого не делает.

– Значит, домовым эльфам нельзя высказывать мнение о своём хозяине? – спросил Гарри.

– Это другое, сэр Гарри Поттер, – неожиданно Добби стал серьёзным. – Это одно из правил подчинения домовых, сэр. Мы храним их тайны и наше молчание. Мы поддерживаем честь семьи, и мы никогда не говорим дурно о ней – хотя профессор Дамблдор говорит, что не настаивает на этом. Профессор Дамблдор сказал нам, мы можем... можем...

Добби занервничал и поманил Гарри.

– Он сказал, что мы можем звать его ... старым чокнутым чудилой, если хотим, сэр! – смущённо шепнул Добби и испуганно хихикнул. – Но Добби не хочет, Гарри Поттер, – снова запищал он, трясая головой и хлопая ушами. – Добби очень, очень сильно любит профессора Дамблдора, сэр, и с гордостью хранит его тайны.

– А про Малфоев теперь можешь говорить всё что хочешь? – улыбнулся Гарри.

В больших глазах Добби мелькнул испуг.

– Добби... Добби может, – неуверенно протянул он и гордо расправил узкие плечи. – Добби скажет Гарри Поттеру. Его старые хозяева были... были... *плохие Тёмные колдуньи!*

На какой-то миг Добби застыл, дрожа от собственной дерзости. Затем бросился к столу и что было сил забился об него головой, приговаривая:

– *Плохой Добби! Плохой Добби!*

Гарри схватил домовика за галстук и оттащил от стола.

– Благодарю, сэр Гарри Поттер, благодарю, – с придыханием проговорил Добби, потирая голову.

– Тебе бы практиковаться побольше, – сказал Гарри.

– Практиковаться?! – гневно пискнула Винки. – Постыдись, Добби! Как ты смеешь говорить такое о своих хозяевах!

– Они больше мне не хозяева, Винки! – с вызовом произнёс Добби. – Добби теперь не волнуется, что они скажут!

– Ты плохой эльф, Добби! – простионала Винки, и слёзы опять покатались из её глаз. – Бедный мой мистер Крауч! Как он обходится без Винки? Ему очень трудно без меня, без моей помощи! Я всю свою жизнь ухаживать за Краучами, до меня моя мама ухаживать, до неё моя бабушка... Что бы они сказали, узнай о свободной Винки? Позор, какой позор! – Она спрятала лицо в юбку и опять зарыдала.

– Винки, – твёрдо произнесла Гермiona, – поверь мне, мистер Крауч прекрасно обходится без тебя. Мы недавно его видели...

– Вы видите моего хозяина?! – ахнула Винки. Оторвав от юбки заплаканное лицо, она вытаращилась на Гермionу. – Здесь, в Хогвартсе?

– Да, – кивнула Гермiona. – Он и мистер Бэгмэн – судьи Тримагического Турнира.

– Мистер Бэгмэн тоже приехать? – пискнула Винки и, к немалому удивлению Гарри с друзьями, рассердилась. – Мистер Бэгмэн плохой колдун! Очень плохой колдун! Мой хозяин его не любит! Совсем не любит!

– Бэгмэн плохой? – удивился Гарри.

– Да, – подтвердила Винки, глаза её возмущённо засверкали. – Мой хозяин такое рассказал Винки! Но Винки его не выдаст! Винки умеет хранить секреты! Бедный хозяин, бедный мой хозяин! Винки больше не может ему помочь! – снова заплакала в рыданиях Винки.

Ни одного разумного слова больше не удалось от неё добиться. Друзья оставили страдалицу и сели пить чай. Добби беспечно болтал о своей жизни свободного эльфа, о том, какую обновку хочет купить.

– Добби хочет купить свитер, Гарри Поттер! – радостно возвестил он, ткнув пальцем в голую грудь.

– Слушай, Добби, – предложил Рон, которому эльф очень понравился. – Я отдам тебе свой свитер. Мама связала его на Рождество. Она всегда мне их дарит. Тебе нравится бордовый цвет?

Добби просиял.

– Мы уменьшим его для тебя, – продолжал Рон. – Он очень подойдёт к твоему чехлу от чайника на голове.

Друзья собрались уходить, эльфы окружили их, предлагая с собой всякую еду. При виде того, как они кланяются и приседают, Гермiona со страдальческим лицом отказалась. А Гарри с Роном без зазрения совести набили карманы пирожками и пирожными.

– Большое спасибо! – крикнул Гарри эльфам, дружной толпой шедшим за ними до дверей. – Пока, Добби!

– Гарри Поттер, а Добби можно приходить повидаться с вами, сэр? – робко спросил свободный эльф.

– Конечно, можешь, – ответил Гарри, и Добби подпрыгнул от радости.

– Знаете что? – уже на лестнице сказал Рон. – Я всё время поражался, как это Фред с Джорджем ухитряются стырить столько еды. А выходит, проще простого. Домовики жаждут тебя засыпать вкусностями!

– Я думаю, это лучшее, что только могло случиться с этими домовыми, знаете, – произнесла Гермиона, ведя друзей к мраморной лестнице. – Я имею в виду, что Добби пришёл сюда работать. Другие домовые увидят, как он счастлив, будучи свободным, и постепенно до них дойдёт, что они тоже этого хотят!

– Осталось надеяться, что они не станут слишком пристально присматриваться к Винки, – сказал Гарри.

– Она скоро перестанет плакать, – с некоторым сомнением произнесла Гермиона. – Шок пройдёт, и Винки привыкнет к Хогвартсу. Без Крауча ей будет гораздо лучше.

– Но ведь она его любит, – проговорил Рон, жуя пирожное.

– Но почему ей не нравится Бэгмэн? – спросил Гарри. – Интересно, что Крауч про него говорил?

– Наверное, что глава департамента из него неважный, – предположил Рон. – Но у Бэгмэна хоть чувство юмора есть.

– Не скажи это при Пёрси, – улыбнулась Гермиона.

– Да уж, не скажу. Пёрси ни за что не стал бы работать с тем, у кого есть чувство юмора, – согласился Рон, принимаясь за шоколадный эклер. – Пёрси не распознал бы шутку, даже если гольшпом перед ним сплясать с чехлом от чайника на голове.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

НЕОЖИДАННАЯ ЗАДАЧА

– Поттер! Уизли! *Будьте добры, обратите внимание!*

Возмущённый голос профессора МакГонагалл ударом кнута рассёк воздух. Гарри с Роном подпрыгнули, оторвавшись от игры, которую затеяли в самом конце урока трансфигурации. Друзья уже сделали, что полагалось: превратили цесарку в морскую свинку, вернули в изначальный вид, и она опять заперта в клетке, стоящей на учительском столе (свинка Невилла по-прежнему была пернатой). Они уже списали с доски домашнее задание (опишите способы, применяемые в трансформациях при межвидовых превращениях). Звонок вот-вот прозвенит, и Гарри с Роном, забыв обо всем, сражались на «мечах» – игрушечных волшебных палочках, изобретённых Фредом и Джорджем: у Рона в руке жестяной попугай, у Гарри – резиновая пикша¹².

– Поттер и Уизли в кои-то веки порадовали нас: наконец-то ведут себя соответственно возрасту, – выговаривала профессор. В этот момент голова пикши оторвалась и мягко шлёпнулась на пол – попугай Рона секунду назад отсёк её. – Объявление касается всех. Приближается Йольский бал¹³, традиционная часть Тримагического Турнира и возможность завязать с нашими гостями дружеские и культурные связи. Бал для учеников с четвёртого курса и старше, хотя, конечно, вы имеете право пригласить бального партнёра и с младших курсов...

Лаванда Браун во всеуслышание приснула. Парвати Патил ткнула её в бок, едва сдерживая смех, так что рот перекосялся, и обе уставились на Гарри. Профессор МакГонагалл и бровью не повела. Вопиющая несправедливость, обиделся Гарри: им с Роном только что от неё досталось, хотя ничего такого они не сделали.

– Форма одежды – парадная, – продолжила МакГонагалл. – Бал начнётся в восемь часов вечера в первый день Рождества в Большом Зале. Окончание бала в полночь. И ещё несколько слов... – Профессор МакГонагалл окинула класс выразительным взглядом. – На Йольские балы, конечно, приходят, чтобы расслабиться, повеселиться, – проговорила она с явным неодобрением.

Лаванда ещё громче хихикнула. На этот раз Гарри понял, что её рассмешило: профессор трансфигурации всегда была крайне собранной и очень серьёзной.

– Это, однако, НЕ значит, – профессор строго оглядела класс, – что мы ослабим правила поведения, которые предписаны учащимся Хогвартса. Я буду в крайней степени недовольна, если ученик Гриффиндора каким-либо образом опорочит школу.

Прозвенел звонок. Класс зашумел, заторопился на перемену, прятали учебники в сумки, сумки закидывали через плечо.

¹² Пикша – вид лучепёрых рыб из семейства тресковых.

¹³ Yule Ball (Yule – Йоль, языческий праздник в самые короткие дни в году; в 1–3 книгах бал назывался "Рождественским")

Профессор МакГонагалл, стараясь перекрыть шум, попросила Гарри ненадолго задержаться.

Решив, что ему предстоит головомойка за обезглавленную пикишу, Гарри мрачно проследовал к учительскому столу.

Подождав, пока весь класс уйдёт, профессор МакГонагалл сказала:

– Чемпионы, Поттер, и их партнёры...

– Какие партнёры?

Профессор подозрительно глянула на него, как будто почувствовала в словах иронию.

– Партнёры для Йольского бала, Поттер, – сказала она строго. – Ваши *партнёры для танца*.

У Гарри внутри что-то ёкнуло и оборвалось.

– Партнёры для танца? – Он покраснел до ушей и поспешно прибавил: – Я не танцую.

– Танцуете. – Профессор опять стала сердиться. – В Хогвартсе существует традиция: бал открывают чемпионы в паре с выбранным партнёром.

Гарри вдруг представил себя в цилиндре и фраке, и его сопровождает девушка вся в оборках и бантиках: так наряжалась тётя Петунья, собираясь на приём, устраиваемый фирмой дяди Вернона.

– Я не танцую, – повторил он.

– Такова традиция, – твёрдо заявила профессор МакГонагалл. – Вы чемпион Хогвартса и будете делать то, что положено его представителям. Так что подумайте, пожалуйста, о партнёрше, Поттер.

– Но я...

– Вы меня слышали, Поттер, – не допускающим возражения тоном проговорила МакГонагалл.

* * *

Неделю назад Гарри сказал бы, что найти партнёра для бала – пустячное дело, не чета поединку с венгерской хвосторогой. Но теперь, после поединка, он с большей охотой согласился бы на ещё одну схватку.

Гарри не мог вообразить, что столько народу решит остаться в Хогвартсе на Рождество. Он-то, конечно, всегда оставался, не ехать же в самом деле на Бирючинный проезд. Но в прежние годы оставшихся можно было по пальцам пересчитать. Нынче из старшекурсников не уехал никто. И все помешаны на Йольском бале, по крайней мере девчонки. Сколько же их в Хогвартсе! Он только теперь это заметил. И все они шептались и хихикали по закоулкам замка, давились смешками, если мимо проходил мальчик. А сколько волнений и разговоров о нарядах для предстоящего праздника!

– И что они ходят все вместе? – спросил Гарри у Рона, увидев стайку девочек, которые поглядывали на Гарри, хихикая. – Как тут к одной подойти и пригласить?

– Может, оттащить её в сторону с помощью лассо? – предложил Рон. – Ты уже выбрал, кого заарканить?

Гарри не ответил. *Выбрать*-то он выбрал, а пригласить не хватает духу. Чоу на год старше его, и такая красивая! Да ещё играет в квиддич. В общем, пользуется огромным успехом.

Но Рон, кажется, подозревал, что творится в душе у Гарри.

– Знаешь что, – сказал он, – тебе нечего волноваться. Ты – чемпион. Ты только что победил венгерскую хвосторогу. Спорим на что хочешь, у тебя от девчонок отбоя не будет?

Помня о недавней ссоре, Рон изо всех сил старался подавить прорывающуюся горечь. Но самое интересное – Рон оказался прав.

На другой же день третьекурсница-хаффлаффка в кудряшках, с которой Гарри ни разу и словом не перемолвился, пригласила его на бал. Он был так поражён, что у него непроизвольно вырвалось «нет», не успел он остановиться и осмыслить происшедшее. Девочка, обидевшись, ушла, а Гарри пришлось терпеть колкости Дина, Шеймуса и Рона всю историю магии. Через день Гарри получил ещё два приглашения – от второкурсницы и, к своему ужасу, от пятикурсницы, у которой был такой мощный вид, что он даже испугался – откажет он ей, и она пошлёт его в нокаут.

– А она хорошенькая, – отдал ей должное Рон, перестав смеяться.

– Она меня на фут выше, – никак не мог прийти в себя Гарри. – Только вообрази, как я буду выглядеть с ней в паре!

Ему вспомнились слова Гермiony, сказанные про Крама: «Он им нравится только потому, что он чемпион». И Гарри часто думал: пошли бы эти девчонки с ним на бал, не будь он чемпионом? А однажды спросил себя: пригласи его Чоу пришли бы ему на ум эти слова Гермiony?

Но в целом, должен был признаться Гарри, несмотря на неотвратимо надвигающийся бал, жизнь его решительно изменилась к лучшему. И причина этому – золотое яйцо, похищенное у хвостороги. Он почти не сталкивался в коридорах с открытым недружелюбием. Скорее всего, этим Гарри обязан Седрику. Наверняка он сказал хаффлаффцам оставить Гарри в покое в благодарность за спасительную подсказку. Уменьшилось и число значков «*Поддержи СЕДРИКА ДИПТОРИ*». Дрэйко Малфой, конечно, не упустил случая подразнить его выдержками из статьи Риты Скитер, но они вызывали всё меньше смеха. И ещё одна радость – статья о Хагриде в «Ежедневном пророке» не появилась.

– Ей, похож', мало дела до магических животных, – сказал Хагрид друзьям на последнем уроке осеннего семестра, когда они спросили, как прошло интервью. К их огромному облегчению, Хагрид отказался от прямого общения учеников со скрутами. Теперь они просто сидели позади хижины за верстаками и готовили для зловредных созданий свежие кушанья. – Просто она хотела пог'рить о те'е, Гарри, – продолжал Хагрид, понизив голос. – Я ей сказал, что мы друзья с того самого дня, как я тебя... э-э... от Дёрзли спас. «Никогда не приходилось делать ему выговор за четыре года? Никогда не разыгрывал вас на уроках? – спросила она». Я ответил «Ни разу» и, по-моему, ей это не сильно понравилось. Хотела, наверное, услышать, шо ты, Гарри, был ходячим ужасом.

– Конечно, хотела, – бросил Гарри куски драконьей печени в большой металлический таз и опять взял нож, чтобы отрезать ещё немного. – Не может же она всё время писать о маленьком храбром герое-мученике, это быстро наскучивает.

– Ищет новый подход к любимой теме, – мудро заметил Рон, снимая скорлупу с яиц саламандры. – Она, верно, ожидала услышать, что Гарри – несовершеннолетний преступник с мозгами набекрень.

– Но это же не так! – простодушный Хагрид был потрясён.

– Ей бы взять интервью у Северуса Снейпа, – мрачно заметил Гарри. – Вот уж кто снабдил бы её вожделенным материалом. «С первого дня появления в школе Поттер уже перешёл все возможные границы...»

– Это он так сказал? – изумился Хагрид, а Рон с Гермионой, не выдержав, рассмеялись. – Конеш', ты нарушил несколько правил. Но ты же хороший парень, Гарри!

– Твоё здоровье, Хагрид! – улыбнулся Гарри.

– Хагрид, ты пойдёшь на бал в Рождество? – спросил Рон.

– Думаю заглянуть, да... – прохрипел Хагрид. – Будет, наверное, на что посмотреть. Ты открываешь танцы Гарри, правда? С кем ты идёшь?

– Пока ещё ни с кем. – Гарри почувствовал, что краснеет. Впрочем, Хагрид не стал дальше расспрашивать.

Последние дни семестра были на редкость шумными. Какие только слухи не витали по замку о предстоящем бале. Гарри и половине не верил. Поговаривали, например, что Дамблдор купил у мадам Розмерты восемьсот бочек хмельной медовухи. Но то, что приглашена группа «Странные сестрички», похоже, было правдой. Кто такие «Странные сестрички», Гарри понятия не имел, ведь в доме Дёрзли не было колдовского радио. Но судя по ажиотажу среди выросших под музыку КРС (Колдовской Радиосети), это была очень известная группа.

Некоторые учителя, среди них и Флитвик, махнули рукой на старшекурсников, ополоумевших от предстоящего бала. Он позволил на своём уроке в среду играть кто во что горазд, а сам беседовал с Гарри о блестящем применении Манящих чар на первом задании Тримагического турнира. Другие учителя были не столь великодушны. Ничто не могло сбить с курса профессора Биннса – ведь даже его собственная смерть не охладила его страсти к чтению лекций, поэтому такая мелочь, как Рождество, уж точно не могла этому помешать. Поразительно, как ему удавалось превратить кровавые, жестокие восстания гоблинов в рассказ, равный по скуке докладу Пёрси о днищах котлов. Профессора МакГонагалл и Муди заставляли учеников работать на уроке до последней секунды. И конечно, Снейп скорее бы усыновил Гарри, чем позволил бездельничать в лаборатории зельеварения. Окинув класс не предвещающим ничего доброго взором, он сообщил, что на последнем уроке будет контрольная по противоядиям.

– До чего вредный тип! – возмущался Рон в тот день вечером. – Обрушил на нас контрольную в последний день. Ведь надо ему испортить конец семестра, завалив нас проверками.

– М-м... Ты, кажется, не очень себя утруждаешь, – сказала Гермиона, глядя на него поверх записей по зельеварению. Рон строил карточный замок из колоды «Разрывного Щелчка» – занятие куда более рискованное, чем возведение домиков из обычных карт маглов: это сооружение могло в любую минуту взорваться.

– Но это ведь Рождество, Гермиона, – благодушно заметил Гарри, в десятый раз перечитывая «Полёт с «Пушками», придвинувшись к камину.

Гермиона и его окинула укоризненным взглядом.

– А я-то думала, ты займёшься другим, более полезным делом, – сказала она, – если не хочешь учить противоядия.

– Каким, например? – спросил Гарри, следя за тем, как Джоун Дженкинс из «Пушек» метнул бладжер в гончих из команды «Летучие мыши» из Балликастла.

– Загадкой яйца!

– Да успокойся, Гермиона. У меня уйма времени до двадцать четвёртого февраля.

После первого тура Гарри спрятал золотое яйцо к себе в чемодан и с тех пор ни разу его не вынимал. Впереди два с половиной месяца – ещё успеет понять, что означают скрип и визг под золотой скорлупой.

– Но, может, для разгадки нужны недели и недели. Представь себе, все додумаются, в чём состоит вторая задача, а ты нет. Вид у тебя будет идиотский.

– Гермиона, оставь Гарри в покое. Он заслужил хотя бы короткий отдых, – вмешался Рон, пристроив две последние карты на замок. Конструкция вдруг взорвалась, опалив ему брови.

– Отлично выглядишь, Рон ... под стать твоей праздничной мантии, подойдёт точно!

Это были Фред и Джордж. Они присели за стол к Гарри, Рону и Гермионе, пока Рон на ощупь пытался определить нанесённый урон.

– Можно, Рон, воспользоваться твоим Свинстуном? – спросил Джордж.

– Нет, он улетел с очередным письмом. А зачем вам?

– Джордж хочет пригласить его на бал, – саркастично заметил Фред.

– Надо отправить письмо, безмозглая твоя голова, – пояснил Джордж.

– И кому это вы оба всё время пишете? – поинтересовался Рон.

– Не суй нос куда не надо. А то и его подпалишь, – пригрозил Фред волшебной палочкой. – Ну что, обзавелись уже парой для танцев?

– Нет.

– Поспешите. А то всех красавиц разберут, и вам с Гарри ничего не достанется.

– А ты с кем пойдёшь? – спросил Рон.

– С Анджелиной, – без тени смущения сообщил Фред.

– Что? – изумился Рон. – А ты её уже пригласил?

– Верное замечание, – Фред повернул голову и крикнул через всю гостиную: – Эй, Анджелина!

Анджелина, стоя у камина, беседовала с Алисией Спиннет.

– Что? – ответила она, посмотрев в сторону Фреда.

– Пойдёшь со мной на бал?

Анджелина оценивающе взглянула на него.

– Пойду, – ответила она, улыбнувшись, и продолжила прерванную беседу.

– Вот и всё, – сказал Фред, – Проще простого.

Он встал, зевнул и сказал Джорджу:

– Пойдём возьмём школьную сову.

И близнецы ушли. Рон перестал ощупывать опалённые брови, поглядел на дымящиеся развалины карточного замка и перевёл взгляд на Гарри.

– Он прав. Мы *должны* что-то сделать, ну... пригласить кого-то. Не хотим же мы остаться с парочкой троллей.

– Остаться с *кем*, простите? – вспыхнула Гермиона.

– Ну, знаешь... – Рон пожал плечами. – Я лучше пойду один, чем, например, с этой... Элоизой Миджен.

– У неё прыщей почти уже нет. И она очень хорошая!

– У неё нос не в середине лица!

– Понятно, – Гермиона опять оцетинилась. – То есть, ты пригласишь самую красивую девушку – конечно, которая пойдёт с тобой, – пусть даже характер у неё ужасный?

– Да, что-то в этом роде ...

– Ладно, я пошла спать, – сказала Гермиона, сгребла свои записки и, не прибавив больше ни слова, почти бегом отправилась к себе в спальню.

* * *

Администрация школы, обуреваемая желанием поразить гостей из Бобатона и Дурмстранга, проявила небывалую изобретательность. Замок никогда ещё не выглядел так нарядно. Нетающие снежинки запорошили перила мраморной лестницы, традиционные двенадцать ёлок Большого Зала увешаны всем возможным, начиная со светящихся ягод остролиста и заканчивая настоящими золотыми ухающими совами, а рыцарские доспехи пели рождественские гимны, когда к ним кто-нибудь приближался. Только представьте себе, услышать из пустого шлема пение: «О, чистые души, стекайтесь во храм¹⁴...» При этом вторая половина гимна благополучно отсутствовала. Смотрителю замка Филчу несколько раз приходилось извлекать из доспехов Пивза, откуда тот, спрятавшись, заполнял пробелы в песнях строками собственного сочинения и весьма похабного содержания.

Гарри пока так и не пригласил на бал Чоу. Они с Роном совсем извелись, хотя Гарри и напоминал другу, что ему можно прийти и без девушки. А вот Гарри волей-неволей придётся обзавестись какой-нибудь девушкой – ему ведь открывать бал.

– На худой конец, есть Плакса Миртл, – мрачно пошутил он. Привидение Миртл обитала в женском туалете на третьем этаже.

– Гарри, – решительно заявил Рон в пятницу утром, – мы должны, стиснув зубы, сделать это. – Он говорил так, словно речь шла о взятии неприступной крепости. – Давай дадим слово, к вечеру мы должны знать, с кем идём на бал.

– Э... давай, – согласился Гарри.

Но ни разу за весь тот день Гарри не застал Чоу одну, ни в обед, ни на переменах. Он столкнулся с ней по дороге на урок истории, но она была опять в окружении подружек. Неужели она *никогда* не ходит одна? Может, напасть на неё у дверей в туалет? Но она и туда

¹⁴ Католический гимн «O Come, All Ye Faithful», также известный как «Adeste fideles».

идёт не одна. Если, однако, в ближайший час он не пригласит её, она, конечно, будет приглашена другим.

На контрольной у Снейпа он никак не мог сосредоточиться и забыл добавить главную составную часть в противоядие – безоаровый камень – а это означало, что он получит низший балл. Но сейчас ему всё равно. Нужно набраться храбрости, чтобы сделать то, что должен. Едва прозвонил звонок, он схватил сумку и бегом из подземелья.

– Встретимся за ужином, – крикнул он Рону с Гермией и помчался, прыгая через две ступеньки, вверх.

Он просто подойдёт к ней и подзовёт на пару слов. Всего-то навсего... Он обегал несколько коридоров, по которым всюду сновал народ. И наконец (раньше, чем ожидал!) увидел её – она выходила с урока защиты от Тёмных искусств.

– Чоу! Можно тебя на два слова?

Конечно, подружки Чоу снова стали хихикать. Это гнусное хихиканье должно быть запрещено законом! Чоу, однако, не захихикала.

– Конечно, – сказала она и отошла с ним на приличное расстояние от девочек.

Гарри взглянул на неё, и душа у него ушла в пятки.

– М-м, – начал он. Нет, он не может её пригласить. Не может! Но должен! Чоу стояла и недоумённо смотрела на него.

Слова вылетели изо рта ещё до того, как Гарри совладал с языком.

– Ты-хтела-ти-сомнабал?

– Прости, что?

– Ты... Ты хотела бы пойти со мной на бал? – Ну зачем, *зачем* он начал краснеть?

– О, Гарри, мне очень жаль, – Чоу тоже покраснела, и было видно, что она говорит правду, – но я уже обещала пойти с другим.

– А-а, – протянул Гарри.

И вот что странно: секунду назад его внутренности корчились, как змеи. А сейчас он их вообще перестал ощущать.

– А, понятно...

– Мне очень жаль, правда, – тихо повторила Чоу.

– Всё в порядке...

Они стояли и глядели друг на друга, пока Чоу не сказала:

– Ну, я тогда...

– Конечно, конечно, – ответил Гарри.

– Пока! – сказала Чоу и пошла к подругам, всё ещё красная до корней волос.

– С кем ты пойдёшь? – выпалил ей вслед Гарри, не справившись с собой.

– А... С Седриком. Седриком Диггори.

– Понятно.

Все внутренности «вернулись» на свои места. Только теперь они были наполнены свинцом.

Забыв об ужине, Гарри понуро побрёл к своей башне. На каждом шагу в ушах эхом отдавался голос Чоу: «С Седриком. Седриком Диггори». Раньше Седрик ему, в общем-то,

правился, несмотря на то, что однажды он вырвал у него победу в решающем матче. Седрик был красив, все его уважали и вообще, и как чемпиона. Но сейчас Гарри вдруг понял – на самом-то деле Седрик просто красавчик, ничем другим не лучше других, да и умом не блещет.

– Светляки, – буркнул он новый пароль, введённый со вчерашнего дня.

– Да, милый, верно, – защебетала Полная Леди, поправила на голове пропиту золотом ленту и повернулась на петлях, открывая входной проём.

Войдя в гостиную, Гарри осмотрелся и увидел, к своему изумлению, в дальнем углу Рона, лицо у которого было пепельно-серое. Рядом сидела Джинни и говорила с ним тихим ласковым голосом. Утешала, наверное.

– Что с тобой, Рон? – Гарри подошёл к ним.

Рон поднял голову, на лице его застыло выражение ужаса.

– Зачем я это сделала? – вопрошал он срывающимся голосом. – Что на меня нашло, не понимаю.

– О чём ты? – спросил друга Гарри.

– Он... он пригласил пойти с ним на бал Флер Делакур, – ответила вместо брата Джинни. Гарри показалось, что она старательно прячет улыбку, но руку Рона она гладила с искренней жалостью.

– *Что?*!

– Не знаю, что меня дёрнуло! – Рон чуть не вскрикнул. – На что я надеялся? Кругом было столько народу. Я просто сошёл с ума. И все вылупились на меня! Я шёл мимо неё в холл, она стояла и разговаривала с Дигтори. Вдруг на меня что-то нашло. И я её пригласил!

Рон застонал, спрятав лицо в ладони. И с трудом продолжал:

– А она глянула на меня, как на слизняка или ещё чего хуже. И даже не ответила. А я... я... не знаю... пришёл вдруг в себя и со всех ног бежать.

– В ней течёт кровь вилы, – сказал Гарри. – Ты был прав. У неё бабушка была вила. Ты тут ни при чём. Держу пари, что она применила древние чары, целясь его в Дигтори, а попала в тебя. И она зря время потеряла. Он пригласил Чоу Чанг.

Рон вскинул на Гарри глаза.

– Я только что её пригласил. И она мне это сказала, – произнёс Гарри на одной ноте. У Джинни после этих слов с лица исчезла улыбка.

– Сумашествие, – воскликнул Рон. – Выходит, только у нас двоих нет пары. Да ещё у Невилла. Знаешь, кого он приглашал? *Гермиону!*

– *Что?* – Эта новость окончательно всё перепутала в голове у Гарри.

– Да-да! – Кровь опять прилила к щекам Рона, и он рассмеялся. – Невилл сам мне сказал после зелий! Говорит, Гермиона так всегда к нему хорошо относилась, помогала делать уроки, готовить зелья и всё такое... А она ему ответила, что уже дала согласие кому-то другому. Ха-ха! Если бы! Просто не захотела пойти на бал с Невиллом... Да и никто не захочет!

– Не смей смеяться! – рассердилась Джинни.

Во входном проёме появилась Гермиона.

– Почему никто не был на ужине? – обратилась она к друзьям.

– Потому... Да перестаньте вы смеяться! Потому что этих двоих только что отвергли девушки, ну те, которых они пригласили на бал! – объяснила Джинни.

Гарри с Роном поперхнулись смешком.

– Ну спасибо, Джинни, удружила, – кисло проговорил Рон.

– Всех красавиц уже разобрали, Рон? – гордо тряхнула головой Гермиона. – Теперь уже и Элоиза Миджен стала хорошенькой? Надеюсь, нет, даже уверена – ты ещё найдёшь *где-нибудь* кого-нибудь, кто тебе не откажет.

Рон вдруг посмотрел на неё совсем другим взглядом, точно впервые увидел.

– Гермиона! А Невилл прав, *ты* – стоящая девчонка!

– Неплохо подмечено, – ехидно произнесла Гермиона.

– Ты могла бы пойти на бал со мной или с Гарри!

– Не могла бы.

– Да ладно тебе, – сказал Рон по-приятельски. – Нам нужна пара. Будем глупо выглядеть, если у всех пара будет, а у нас нет...

– Я не могу пойти с вами. – Гермиона вдруг покраснела. – Я уже иду с другим.

– Ни с кем ты не идёшь. Ты просто так сказала, чтобы отвязаться от Невилла!

– Отвязаться? Ты *так* думаешь? – В глазах у Гермионы заплясали опасные огоньки. – *Ты*, Рон, три года не замечал, что я «стоящая девчонка». Но нашлись люди, которые это заметили!

Рон вытаращил на неё глаза.

– Ладно, ладно, – улыбнулся он. – Мы это тоже знаем. Ну что? Идёшь с нами?

– Я уже сказала! – Гермиона по-настоящему рассердилась, – Я пойду с другим!

Она вихрем вылетела из гостиной и помчалась к себе в спальню.

– Она врёт, – уныло сказал Рон ей вслед.

– Нет, не врёт, – тихо сказала Джинни.

– С кем же это она идёт?

– Я не скажу, это её дело.

– Ну ладно, – сказал Рон в полной растерянности. – Это становится смешно! *Ты*, Джинни, иди с Гарри, а я просто...

– Я не могу. – Джинни тоже покраснела. – Я иду с... Невиллом. Когда Гермиона отказала ему, он пригласил меня. А я подумала... мне ведь иначе не попасть на бал... Я только на третьем курсе. – Вид у Джинни был несчастный. – Ну, я пошла ужинать, а вы как хотите. – Она встала и, понурив голову, побрела из гостиной.

– Что это на всех нашло? – вытаращился Рон на Гарри.

Как раз в этот миг Гарри заметил Парвати с Лавандой – они входили в гостиную. Пора предпринять решительный шаг.

– Подожди меня здесь, – бросил он Рону, вскочил, подошёл прямо к Парвати и, не задумываясь, выпалил: – Парвати, пойдёшь со мной на бал?

Парвати захихикала. Гарри терпеливо дождал, пока хихиканье кончится, держа в кармане мантии скрещённые пальцы.

– Хорошо, пойду, – наконец сказала она, вспыхнув обжигающим румянцем.

– Спасибо, – поблагодарил с огромным облегчением Гарри. – А ты, Лаванда, не могла бы пойти с Роном – прибавил он.

– Она идёт с Шеймасом, – ответила за подругу Парвати, и обе принялись хихикать чуть не с ожесточением.

Гарри вздохнул.

– У тебя нет никого на примете, кто мог бы пойти с Роном? – понизив голос, произнёс Гарри, чтобы Рон не услышал.

– А Гермiona Грэйнджер? – спросила Парвати.

– Её уже пригласили.

Парвати изумлённо вскинула брови.

– Да? И *кто* же? – спросила она недоверчиво.

– Понятия не имею. – Гарри пожал плечами. – Так как быть с Роном?

– А знаешь что, – медленно проговорила Парвати, – моя сестра Падма... наверное, ты её знаешь... Она из Рэйвенкло. Я скажу ей, если хочешь.

– Прекрасная мысль! Дай мне знать, когда поговоришь с ней.

И Гарри вернулся к Рону. Да, этот бал потребовал от него героических усилий, хотя и вряд ли того стоил. Теперь одна надежда – что нос у Падмы Патил расположен точно по центру.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ЙОЛЬСКИЙ БАЛ

Несмотря на то, что на рождественские каникулы четверокурсникам задали очень много уроков, Гарри не спешил садиться за книги сразу по окончании семестра и всю неделю до Рождества только и делал, что развлекался. Многие не поехали домой, и в гостиной Гриффиндора было почти так желюдно, как в учебные дни. Гостиная даже как бы слегка уменьшилась, такой в ней стоял гвалт.

Канареечные бисквиты Фреда и Джорджа пользовались большим успехом, и первые дни каникул кто-нибудь то и дело обростал жёлтыми перьями. Но очень скоро гриффиндорцы распознали подвох и стали с опаской принимать предложенное угощение: вдруг внутри окажется канареечный бисквит? Джордж с Фредом по секрету рассказали Гарри, что готовят ещё кое-что почище, и Гарри дал зарок ничего съедобного из рук близнецов не брать. Он ещё не успел забыть Дадли и ириску «Язык-в-ярд».

И замок, и двор давно были укрыты пушистым снежным ковром. Голубая карета Бобатона сидела в снегу, как огромная обледенелая тыква; хижина Хагрида смахивала на пряничный домик; иллюминаторы дурмстрангского корабля заледенели, а мачты и снасти побелели от мороза. Эльфы в кухне трудились не покладая рук, и обеденные столы ломились от изысканного жаркого и соблазнительных десертов. Все радовались жизни, только Флер Делакур удавалось найти, на что пожаловаться.

— Эта ваша еда слишком тяжёлая. Моя парадная мантия будет мне мала! — недовольно воскликнула она как-то вечером в Большом Зале. Гарри, Рон и Гермиона как раз выходили оттуда — Рон, пригнувшись, прятался за спиной Гарри, чтобы Флер его не заметила.

— Ох, вот это трагедия, — с иронией посочувствовала Гермиона. Но Флер уже вышла в холл и не слышала её слов. — Много ж она о себе возомнила.

— Гермиона, а с кем ты идёшь на бал? — Рон прямо-таки сторал от любопытства и уже не раз задавал этот вопрос — вдруг Гермиона проговорится.

— Не скажу, потому что ты станешь смеяться.

— Уизли, ты прикалываешься? — послышался за спиной голос Малфоя. — Ты всерьёз говоришь, что кто-то её пригласил на бал? Эту зубастую грязнокровку?

Гарри и Рон чуть не кинулись на него с кулаками, а Гермиона, обернувшись, замахала кому-то и воскликнула:

— Здравствуйте, профессор Муди!

Малфой побледнел, прыжком развернулся, и глаза его забегали — Муди всегда появлялся, где его меньше всего ждали. Но тот ещё доедал жаркое за профессорским столом.

— Что, хорёк, испугался? — насмешливо спросила Гермиона, и друзья со смехом двинулись вверх по мраморной лестнице.

— Гермиона, — вдруг сощурился Рон, — твои зубы...

— Что мои зубы?

— Они другие. Я только сейчас заметил...

— Конечно, другие. Ты что думал, я так и буду ходить с клыками? Забыл, какие наколдовал Малфой?

— Да нет, они вообще стали другие. Не такие, как раньше. До того, как Малфой порчу наложил. Все прямые и... и нормального размера...

Гермиона лукаво улыбнулась, и Гарри тоже заметил: у Гермионы совсем другая улыбка.

— Помните, я побежала тогда к мадам Помфри? Она дала мне зеркало, сказала, сейчас зубы будут уменьшаться и когда станут, как прежде, махнуть ей. А я... я махнула чуть позже, и они так красиво уменьшились. — Гермиона расплылась в улыбке. — Маме с папой, конечно, не понравится. Я столько раз их просила уменьшить мне зубы, а они хотят, чтобы я ходила в скобках. Мои родители стоматологи, они считают, что зубы и магия... Смотрите, Свинстун вернулся!

Сова Рона сидела на верху перил, украшенных сосульками, и громко без умолку верещала, к её лапке был привязан свёрнутый в трубку кусок пергамента. Все проходившие мимо смеялись, тыкая в крохотную сову пальцем, а несколько девочек-третьюкурсниц даже остановились.

— Глядите, какая малютка! Просто *прелесть*!

— Мелкий тупой пернатый мерзавец! — прошипел Рон. Вбежав по ступенькам, он схватил Свинстуну в кулак. — Письма надо сразу отдавать адресату. Нечего тут прохлаждаться у всех на виду!

Голова Свинстуна торчала из кулака Рона, и совёнок даже защебетал от счастья. Третьекурсницы оторопело таранились.

— Идите отсюда! — Рон затряс кулаком, в котором был Свинстун, тот от счастья заверещал ещё сильнее. — Вот, Гарри, держи, — прибавил Рон негромко, когда обиженные третьекурсницы убралась подобру-поздорову. Рон отвязал письмо и передал Гарри, Гарри спрятал его в карман, и все трое поспешили к себе в башню, чтобы без помех прочитать ответ Сириуса.

В гостиной все развлекались кто во что горазд, не обращая на других внимания. Гарри, Рон и Гермиона уселись подальше у тёмного окна, занесённого снегом, и Гарри стал читать вслух:

«Дорогой Гарри!

Поздравляю тебя, ты отлично справился с хвосторогой. Тот, кто опустил твоё имя в Кубок, сейчас очень разочарован. Я хотел предложить проклятие Конджанктивайтус: самое слабое место дракона — глаза,»

— Именно этим воспользовался Крам, — прошептала Гермиона.

«а ты придумал лучше, я впечатлён.

Но успокаиваться рано. Позади только первое испытание; у того, кто вовлёл тебя в состязание, будет ещё возможность подставить тебя под удар. Гляди в оба, особенно сейчас. Ведь тот, о ком мы говорили, наверняка где-то совсем рядом. Будь предельно осторожен, чтобы не попасть в беду.

Держи меня в курсе, я хочу знать обо всех странностях.

Сириус».

– Совсем как Муди, – тихо сказал Гарри, пряча письмо во внутренний карман. – «Постоянная бдительность!» А я что, хожу зажмурившись, натыкаюсь на стены?

– Он прав, Гарри, – возразила Гермиона. – У тебя впереди два испытания. Давно пора взяться за загадку яйца...

– Да у него ещё куча времени! Давай, Гарри, сыграем в шахматы, – предложил Рон.

– Да, давай, – согласился Гарри и посмотрел на Гермину. – Гермину, тут такой шум, всё равно толку не будет. Я даже не расслышу, что там в яйце.

– Пожалуй, ты прав. – Гермину вздохнула и стала следить за игрой, в которой Рон поставил Гарри замечательный мат с помощью пары отчаянно дерзких пешек и сверхвоинственного слона.

* * *

Рождественским утром Гарри проснулся, как будто его что-то разбудило. Он открыл глаза и едва не свалился с кровати: прямо на него в темноте таращились круглые зелёные глазницы.

– *Добби*?! – вскрикнул Гарри. – Не *делай* так!

– Добби просит прощения, сэр, – виновато пискнул эльф и отпрыгнул, прижав к губам длинные тонкие пальцы. – Добби пришёл поздравить Гарри Поттера с Рождеством и подарить подарок. Добби не хотел пугать Гарри Поттера. Гарри Поттер позволил Добби навещать его, сэр.

– Всё в порядке, – смягчился Гарри. Он всё ещё тяжело дышал, но сердце уже перестало колотиться. – В другой раз просто толкни, если я буду спать, и не наклоняйся надо мной так низко...

Гарри отдернул полог, нащупал на столике у кровати очки и надел их. Воскликание Гарри разбудило Рона, Шеймаса, Дина и Невилла, и они выглядывали, слегка раздвинув пологи, заспанные и взъерошенные.

– Кто на тебя напал, Гарри? – сонно пробормотал Шеймас.

– Ничего, это Добби, – ответил Гарри. – Спите.

– А, подарки! – Шеймас заметил коробки у кровати.

Рон и Дин с Невиллом, раз уж проснулись, тоже поспешили заняться подарками. А Гарри снова поглядел на Добби. Тот нервно стоял у его кровати, переживая из-за того, что огорчил Гарри. На голове у эльфа красовался стёганный колпак для чайника, на верхушке которого, зацепившись петелькой, висела ёлочная игрушка.

– Можно, Добби поднесёт Гарри Поттеру подарок? – робко спросил он.

– Конечно. Э... У меня тоже кое-что есть для тебя.

Гарри соврал, он ничего не припас для Добби, но поспешил открыть чемодан и достал оттуда пару старых жёлтых носков дяди Вернона. Они сильно растянулись: Гарри хранил в них хитроскоп, подаренный на прошлое Рождество. Он выудил его и со словами «Извини, что забыл завернуть» протянул носки старому приятелю.

Добби растаял от умиления.

– Носки – любимая одежда Добби, сэр! – Он тут же стащил с ног свои разномастные носки и натянул бывшие дяди Вернона. – У Добби их семь пар, сэр... но, сэр... – Эльф подтянул носки до самых шорт, и глаза у него расширились. – Продавец в магазине ошибся, он дал Гарри Поттеру два носка одного цвета!

– Как же ты, Гарри, допустил такой промах? – подмигнул Рон. По всей его постели валялись клочки разноцветной бумаги, коробки и подарки. – Иди сюда, Добби, вот тебе бордовая пара. Будешь надевать один жёлтый, другой бордовый. И ещё новый свитер.

С этими словами он протянул Добби пару носков и свитер, присланный миссис Уизли. Добби был сражён такой щедростью.

– Как вы добры, сэр! – Глаза у него увлажнились, и он до земли поклонился Рону. – Добби знал, сэр, что сэр замечательный колдун, ведь он – лучший друг Гарри Поттера, но сэр ещё щедр, благороден и бескорыстен...

– Добби, это всего-навсего носки, – смутился Рон так, что уши покраснели. Но вид у него был явно довольный. – Ничего себе, Гарри! – Рон распечатал подарок от Гарри – форменную шляпу его любимой команды «Пушки Чадли». – Класс! – И он тут же натянул шляпу на голову.

А Добби тем временем вручил Гарри свой небольшой подарок. Гарри развернул его – ну, конечно, носки!

– Добби их сам связал, сэр, – захлёбываясь от счастья и гордости, сообщил эльф. – Шерсть Добби покупает на собственные деньги, заработанные.

Левый носок был ярко-красный с узором из метел, правый – зелёный с золотистыми снитчами.

– Они... они очень... что ж, спасибо, Добби. – Гарри надел носки, и эльф прослезился.

– Добби пора, сэр. Мы стряпаем рождественский ужин, сэр. – И эльф, помахав всем на прощанье, поспешил в кухню.

А Гарри стал разглядывать остальные подарки. Они были куда замысловатее собственноручного изделия Добби, но первенство по скромности, конечно, принадлежало подарку Дёрзли – один-единственный пакетик с бумажной салфеткой. Они, похоже, не забыли ириску «Язык-в-ярд». Гермиона подарила Гарри книгу «Команды по квиддичу Великобритании и Ирландии»; Рон – большой пакет бомб-вонючек; Сириус – складной перочинный ножик с отмычками для всех замков и шилом, которое мгновенно распутывает все узлы; Хагрид – огромную коробку любимых лакомств Гарри: всевкусные бобы Берти Ботта, шоколадные лягушки, дующаяся жвачка Друбла и шипучие шмельки. Миссис Уизли, конечно, прислала очередной свитер (зелёный с драконом на груди, должно быть, Чарли рассказал ей о хвостороге) и большущий пакет домашних пирожков с мясом.

Сложив подарки, Рон и Гарри спустились в гостиную, где их ждала Гермиона, и все вместе пошли завтракать.

До обеда все возились с подарками у себя в башне, а потом вернулись в Большой Зал, где их ждало роскошное рождественское угощение. Столы так и ломились от жареных индеек, пудингов и кучи колдовских хлопупшек Криббиджа.

После чего отправились прогуляться. Пушистый снег лежал нетронутой пеленой, только к кораблю Дурмстранга и карете Бобатона протоптаны дорожки. Тут же замелькали снежки – любимое зимнее развлечение Гарри и братьев Уизли. Гермиона предпочла наблюдать сражение со стороны, а около пяти часов вечера сказала, что пора готовиться к балу и вернулась в замок.

– Ты что, три часа будешь готовиться? – крикнул вслед Рон, зазевался и получил от Джорджа увесистым снежком по макушке.

– С кем ты идёшь? – опять не сдержал любопытства Рон, но Гермиона лишь махнула ему, взбежала по каменной лестнице и исчезла в дверях замка.

Полдника сегодня не было: Йольский бал начинался с угощения. К семи часам стемнело, не прицелишься, и воины, все облепленные снегом, побежали в башню. Полная Леди сидела в раме вместе с Виолеттой, подружкой с нижнего этажа, обе изрядно навеселе, внизу картины валялись пустые коробки из-под шоколадных конфет с ликерной начинкой.

– Светляки, – мальчишки называли пароль.

– Верно, са-сапляки, – хихикнула Полная Леди и пустила их внутрь.

В спальне Гарри, Рон, Шеймас и Невилл облачились в праздничные мантии и чувствовали себя неловко, особенно Рон. Он вертелся перед зеркалом в углу и с отвращением себя разглядывал. Но факт оставался фактом: его наряд больше всего смахивал на женское платье. Отчаянно пытаясь придать себе более мужественный вид, Рон использовал чары Ножниц. Это сработало довольно неплохо: кружева на воротнике и манжетах исчезли, только вот на манжетах от них осталась неряшливая бахрома.

– Понять не могу, как это вы заполучили самых красивых девчонок в классе, – пробормотал Дин, увидев Гарри с Роном.

– Животный магнетизм, – пробурчал Рон, выдёргивая торчащие из манжета нитки.

Гриффиндорская гостиная уже наполнялась участниками бала. На всех вместо обычных чёрных мантий – цветные. На лестнице Гарри ожидала Парвати в ярко-малиновой мантии, которая очень ей шла. Парвати и правда была очень красивая, чёрные волосы заплетены в длинную, перевитую золотой лентой косу, на запястьях золотые браслеты. Гарри с облегчением заметил, что она не хихикает.

– Ты... э-э... здорово выглядишь, – неловко произнёс он.

– Спасибо, – поблагодарила Парвати и, обратившись к Рону, сообщила: – Падма ждёт тебя в холле.

– Ясно, – кивнул Рон и огляделся. – А где Гермиона?

Парвати пожала плечами.

– Пойдём, Гарри?

– Пойдём, – вздохнул Гарри: с каким бы удовольствием он остался в гриффиндорской гостиной. Когда они проходили мимо Фреда, тот весело ему подмигнул.

В холле яблоку было негде упасть от учеников, ожидавших, когда же двери зала распахнутся и начнётся долгожданный бал. Многие всё ещё искали в толпе своего кавалера или даму с других Домов. Парвати нашла сестру Падму и познакомила её с Гарри и Роном.

– Привет, – вскинула голову Падма. Она не уступала сестре красотой, бирюзовая мантия очень ей шла, как малиновая Парвати. Падма была не в восторге от внешнего вида Рона – взгляд её тёмных глаз задержался на следе отрезанных кружев.

– Привет, – мрачно отозвался Рон, не глядя на Падму: глаза его кого-то высматривали в толпе. – О, нет...

Заметив приближавшуюся Флер Делакур, Рон шагнул за спину Гарри и пригнулся. Она шла в сопровождении Роджера Дэвиса, капитана команды рэйвенкловцев. В мантии из серебристо-серого атласа Флер выглядела восхитительно. Подождав, пока эта пара пройдёт, Рон вынырнул из-за спины друга и стал оглядываться.

– Да где же Гермiona? – опять спросил он.

Из подземной гостиной по лестнице поднялись слизеринцы. Впереди выпагивал Малфой в чёрной бархатной мантии с высоким воротником, из-за чего напомнил Гарри пастора. Пэнси Паркинсон в вычурной бледно-розовой мантии держала Малфоя за руку. Крэбб и Гойл были оба в зелёном и походили на замшелые валуны; дам для них, злорадно отметил Гарри, как и следовало ожидать, не нашлось.

Дубовые входные двери тяжело отворились, и в холл вошли гости из Дурмстранга во главе с профессором Каркаровым. Сразу за ним шёл Крам с незнакомой красивой девочкой в голубой мантии. Пока двери были раскрыты, Гарри успел заметить, что перед замком на лужайке был возведён грот, полный розовых кустов, среди которых высились скульптуры Санта-Клауса и северного оленя. Над кустами и скульптурами порхали разноцветные светячки – это были настоящие живые феи.

– Участники Турнира, пожалуйста, пройдите сюда, – прозвучал голос профессора МакГонаггалл.

Парвати просияла, поправив изящным движением ленты. «До скорого», – помахали они друзьям и двинулись через пропускающую их галдящую толпу туда, куда показала профессор. Справа от двери было небольшое свободное пространство, где и стояли все чемпионы с партнёрами. МакГонаггалл была в мантии из красной шотландки, тулью шляпы украшал скорее безобразный венок из чертополоха. Она объяснила чемпионам, что пока им надо постоять здесь: они войдут в зал парами, церемонно, после того, как все остальные усядутся за столы. Флер Делакур с Роджером Дэвисом встали первыми у самых дверей. Дэвис не верил своему счастью и не отрывал зачарованного взгляда от красавицы Флер. Подошли Седрик с Чоу, Гарри отвернулся: не хотел сейчас говорить с ними; взгляд его упал на девочку, стоявшую с Крамом, и у него от удивления раскрылся рот.

Это была Гермiona.

Только совсем не похожая на себя. Волосы, обычно напоминавшие воронье гнездо, гладко расчёсаны и скручены на затылке в красивый блестящий узел, лёгкая мантия небесно-голубого цвета, да и держалась совсем иначе, наверное, потому, что плечи не оттягивает тяжёлый ранец. И она улыбалась, да, немного скованно, но уменьшенные передние зубы были заметны как никогда. Гарри не мог понять, как он их раньше не увидел.

– Привет, Гарри! Привет, Парвати! – махнула им Гермiona.

Парвати уставилась на Гермиону, не веря своим глазам. И не она одна. Двери в Большой Зал распахнулись, и толпа хлынула в зал. Поклонницы Крама, те, что устраивали засаду в библиотеке, проходя мимо, казалось, готовы были убить её. Пэнси Паркинсон вытаращила глаза, и даже Малфой от изумления не смог придумать какое-нибудь оскорбление. Один только Рон, поравнявшись с Гермионой, не удостоил её взглядом.

Когда все наконец уселись по местам, МакГонаггал велела оставшимся встать друг за другом парами и следовать за ней. При их появлении весь зал захлопал, и профессор МакГонаггал повела их к большому круглому столу в дальнем конце, за которым сидели судьи.

Стены зала серебрились искусственным инеем, с тёмного, усыпанного звёздами потолка свисали гирлянды из омелы и плюща. Длинные обеденные столы исчезли, вместо них – сотня столиков, каждый человек на десять. На столиках уютно горят фонарики.

Гарри шёл, боясь одного – как бы у всех на глазах не споткнуться. А счастливая Парвати упивалась всеобщим вниманием и с такой силой тащила Гарри вперёд, что он ощущал себя собачкой на поводке, которую хозяин ведёт по кругу на собачьей выставке. Недалеко от судейского стола Гарри заметил Падму с Роном. Падма выглядела угрюмой, Рон же, прищурившись, не сводил глаз с Гермионы.

Дамблдор, возглавлявший судейский стол, встретил подошедшие пары сияющей улыбкой, Каркаров смотрел на Крама и Гермиону подозрительно, совсем как Рон. Людо Бэгмэн в пурпурной мантии, расшитой золотыми звёздами, громко аплодировал вместе со всеми. Мадам Максим, сменившая чёрную атласную униформу на свободную мантию из лёгкого светло-лилового шёлка, тоже вежливо хлопала. Не было только мистера Крауча. Вместо него пятым за столом судей важно восседал Пёрси Уизли в тёмно-синей с иголочки мантии. Остальные места предназначались для участников состязания с их парами.

Многозначительно глянув на Гарри, Пёрси слегка выдвинул незанятый стул, Гарри понял намёк и сел рядом. Не успел он раскрыть рта, как Пёрси поведал ему радостную новость:

– Меня повысили, – заявил Пёрси, не успев Гарри и рта раскрыть, таким тоном, словно провозглашал своё избрание Верховным правителем вселенной. – Я назначен личным помощником мистера Крауча и представляю его на вашем балу.

– А почему он сам не пришёл? – спросил Гарри, уж очень ему не хотелось весь вечер слушать очередную лекцию о котлах.

– Боюсь, мистер Крауч болен и болен серьёзно. Ему нездоровится с самого Чемпионата мира. Ничего удивительного, с такими переработками. Да и годы не те, хотя, конечно же, великолепен и гениален, как всегда. Но Министерство на Чемпионате мира потерпело фиаско, вдобавок его очень расстроила домовуха Блинки, или как её там. Мистер Крауч, конечно, её выгнал сразу же, но... я бы сказал, нужно двигаться дальше. Однако он остался без прислуги и хозяйство с её уходом разладилось. К тому же на нас свалился этот Турнир, тяжёлые последствия Чемпионата мира, да ещё Скитер со своим Прытко Пишущим Пером... Он, бедняга, заслужил тихое Рождество дома. Я рад, что он знает, что у него есть человек, на кого можно положиться и оставить вместо себя.

Гарри так и подмывало спросить Пёрси, прекратил ли мистер Крауч называть его Уэзэрби, но он удержался.

Отливающие золотом тарелки, перед которыми лежали меню, всё ещё были пустые. Гарри нерешительно взял карточку с рождественской виньеткой и огляделся — официантов нет. Дамблдор, однако, внимательно изучал список блюд, после чего заказал, глядя в свою тарелку: «Свинные отбивные!»

И тотчас появились свинные отбивные. Тут же смекнув, что делать, все взяли меню, и золотые тарелки наполнились едой. Гарри с любопытством глянул на Гермину: как ей новый способ подавать кушанья, не лишняя ли работа для эльфов? Но Гермину и думать забыла о РВОТЭ. Она увлечённо беседовала с Виктором Крамом и едва ли замечала что именно ест.

Гарри не слышал ни разу, чтобы Крам с кем-то разговаривал. Он всё больше молчал, а теперь разговорился, да ещё с явной охотой.

— У нас тоже есть дворец, — услышал Гарри, — не такой большой и комфортабельный, как ваш, всего четыре этажа. И очаги мы топим только для колдовства. Но территория наша больше и красивей, правда, зимой день совсем короткий, а ночь длинная, мало времени любоваться. Зато летом мы долго летаем над озёрами и горами...

— Ну-ну, Виктор, — рассмеялся Каркаров, но глаза его были холодные и пустые, — смотри не скажи чего-нибудь лишнего, а то твоя очаровательная собеседница найдёт к нам дорогу.

Дамблдор улыбнулся, и в глазах у него запрыгали искорки смеха.

— У тебя, Игорь, всё тайны да тайны. Можно подумать, ты не любишь гостей.

— Понимаешь, Дамблдор, мы все печёмся о своих владениях. — Каркаров оскалил жёлтые зубы. — И ревностно оберегаем вверенные нам очаги знаний. Мы по праву гордимся, что никто, кроме нас, не знает все их секреты, и мы бдительно храним их. Разве не так?

— А я, Игорь, не стал бы утверждать, что знаю все секреты Хогвартса, — дружелюбно ответил Дамблдор. — Не далее как сегодня утром отправился я в туалет, свернул не туда, и очутился в прелестной, совершенно незнакомой комнате с превосходной коллекцией ночных горшков. Позже я вернулся получше осмотреть её, а комнатка-то исчезла. Я, конечно, всё равно её отыщу. Возможно, она доступна только в полшестого утра, а может, когда месяц в фазе одна четверть или когда слишком полный мочевого пузырь.

Гарри прыснул в тарелку с гуляшом. Пёрси нахмурился, а Дамблдор чуть заметно подмигнул Гарри.

Тем временем Флер Делакур, изящно повернув голову в сторону своего кавалера, обсуждала убранство замка.

— Всё это егунда! — обвела она взглядом искрящиеся инеем стены Большого Зала. — У нас во дворце Тгапезную укашают ледяные скульптуры. Они не тают и пегеливаются всеми цветами адуни. А у нас еда пгосто пгевосходна! И есть хог лесных нимф, который поёт пока мы едим. В холлах никаких ужасных ыцагей без головы. А если попгобует залететь в Бобатон полтегейст, его выгонят вот *так*! — И Флер с силой хлопнула по столу ладонью.

Роджер Дэвис слушал её заворожённо, часто пронося свою вилку мимо рта. У Гарри создалось впечатление, что любование Флер отнимает у Роджера остатки разума, и он не понимает ни слова из того, что она говорит.

– Абсолютно верно, – стукнул он по столу, повторяя за Флер. – Вот *так*. Да.

Гарри окинул взглядом зал. Хагрид сидел за одним из учительских столов и, не отрываясь, глядел в их сторону. На нём был всё тот же ужасный бурый с ворсом костюм. Он махнул рукой, и мадам Максим, заметил Гарри, ответила тем же. Опаловое ожерелье на её могучей шее мягко переливалось, отражая огоньки фонарей.

Гермиона учила Крама произносить её имя: он звал её «Геримона».

– Гер-ми-о-на, – медленно, по слогам произнесла Гермиона.

– Герм-ивона, – повторил Крам.

– Гораздо лучше, – похвалила Гермиона, заметила, что Гарри на неё смотрит, и улыбнулась.

После ужина Дамблдор встал и пригласил всех последовать его примеру. Взмахнул волшебной палочкой, столы отъехали к стенам, образовав пустое пространство. Ещё один взмах, и вдоль правой стены выросла сцена – с ударными, гитарами, лютней, виолончелью и волейбой.

На сцену вышла группа «Странные сестрички», встреченная восторженными рукоплесканиями. У них были длинные растрёпанные волосы, чёрные мантии нарочито порваны и потёрты. Гарри с нетерпением ждал, чтобы они заиграли, совсем забыв, что за этим последует. Сестрички разобрали инструменты, фонарики на столах погасли, и участники состязания со своими парами стали подниматься со своих мест.

– Пойдём, – шепнула Парвати. – Сейчас полагается танцевать.

Вставая, Гарри запутался в полах своей мантии. «Странные сестрички» заиграли грустный медленный танец. Чемпионы и их пары вышли на середину зала, которая была ярко освещена. Гарри старался избегать устремлённых на него взглядов (краешком глаза он всё же заметил, как Шеймас с Дином махнули ему, посмеиваясь). Парвати решительно взяла обе его руки, одну положила себе на талию, другую крепко сжала.

«Не так уж и плохо», – подумал Гарри, неторопливо описывая круги (вела Парвати). Гарри глядел поверх голов, но скоро и сами зрители, разобравшись на пары, присоединились к танцующим, так что чемпионы больше не были в центре внимания. Рядом с ним танцевали Невилл с Джинни, которая всё время морщилась – Невилл то и дело наступал ей на ноги. Дамблдор вальсировал с мадам Максим. Она была выше Дамблдора (верх его шляпы доставал ей до подбородка), однако для женщины её габаритов мадам Максим танцевала очень грациозно. Безумный Глаз неуклюже топтался в тустепе с профессором Синистрой, которая явно опасалась его деревянной ноги.

– Недурные носки, Поттер, – прохрипел Муди, буравя магическим глазом мантию Гарри.

– А... да, – улыбнулся Гарри. – Их связал для меня домовик Добби.

– Какой он *ужасный*! – шепнула Парвати на ухо Гарри. Деревянная нога Муди бухала уже далеко, и он не мог слышать её слов. – По-моему магические глаза давно пора *запретить*.

Услышав последнюю дрожащую ноту, выведенную волынкой, Гарри облегчённо вздохнул. Все захлопали, а Гарри мгновенно высвободился из объятий Парвати.

– Пойдём посидим? – предложил он. «Странные сестрички» заиграли новую песню, весёлую и быструю.

– Ой... но... это действительно классная песня! – возразила Парвати.

– Нет, мне не нравится, – соврал Гарри и повёл Парвати к столикам у стенки мимо Фреда и Анджелины, которые так лихо отплясывали, что другие пары шарахались от них, боясь за свою жизнь. За одним из столиков сидели Рон с Падмой.

– Ну как бал? – Гарри опустился на соседний стул и откупорил бутылочку сливочного пива.

Рон промолчал. Он не сводил глаз с Гермионы и Крама, которые танцевали неподалёку. Падма сидела, скрестив руки, закинув одну ногу на другую, и притоптывала в такт музыке, недовольно поглядывая на Рона, который, казалось, совсем забыл о её существовании. Парвати села рядом с Гарри в ту же позу, что и сестра, и в ту же минуту к ней подошёл ученик из Бобатона и пригласил на танец.

– Гарри, ты не возражаешь? – спросила Парвати.

– Что? – спросил Гарри, глядя на Чоу и Седрика.

– Ничего, – бросила Парвати и пошла танцевать, только он её и видел.

Подошла покрасневшая Гермиона и села рядом.

– Привет, – сказал Гарри. Рон промолчал.

– Очень жарко, – обмахивалась ладонью Гермиона. – Виктор пошёл за напитками.

Рон взглянул на неё испепеляющим взглядом.

– *Виктор?* А звать его *Вики* он ещё не просил тебя?

– Что с тобой? – Гермиона удивлённо вскинула брови.

– Сама не понимаешь?

Гермиона перевела взгляд на Гарри, но тот лишь пожал плечами.

– Рон, да что...

– Он из Дурмстранга! Он соперник Гарри! Против Хогвартса! А ты... ты... – Рон подыскивал слово, которое описало бы преступление Гермионы. – Ты *братасишься с врагом* – вот что!

Гермиона рот открыла от изумления.

– Не будь ты идиотом! – наконец вымолвила она. – «С *врагам!*» Скажи-ка честно, кто прыгал от радости, когда Виктор приехал? Кто хотел взять у него автограф? У кого в спальне его статуэтка?

Рон пропустил все эти обвинения мимо ушей.

– Он, конечно, пригласил тебя, когда вы были в библиотеке?

– Да. Ну и что? – Щёки у Гермионы покраснели ещё больше.

– Наверное, ты хотела записать его во рвоту?

– Ничего подобного, он сам ко мне подошёл! Если *действительно* хочешь знать, он каждый день ходил в библиотеку, чтобы поговорить со мной. И никак всё не репался, пока

не набрался смелости, – выпалила Гермиона на одном дыхании и стала пунцовой, как мантия Парвати.

– Да, да, так он тебе сказал, – съехидничал Рон.

– Ты на что намекаешь?

– Понятно на что. Он ведь учится в школе Каркарова, да? Знает, с кем ты дружишь... Ему нужно кое-что о Гарри выведать или подобраться к нему поближе, чтобы сглазить...

Гермиона взглянула на Рона так, как будто он дал ей пощёчину.

– Он меня о Гарри вообще не спрашивал, *ни одного раза*, – сказала она дрожащим голосом.

Рон поменял тактику со скоростью света.

– Тогда, значит, ему просто нужна твоя помощь с загадкой яйца. Представляю, как вы уютно сидите рядышком в библиотеке...

– Я *никогда* не стану ему помогать разобраться с этим яйцом! – сверкнула глазами Гермиона. – *Никогда!* Как ты смеешь такое говорить! Я хочу, чтобы победил Гарри. И он это знает, правда, Гарри?

– Интересно ты это демонстрируешь, – продолжал наскакивать Рон.

– Вся цель этого Турнира, чтобы колдуны из разных стран подружились!

– Ничего подобного! Главное – это победа!

Рон с Гермионой кричали так, что окружающие стали уже на них поглядывать.

– Послушай, Рон, – Гарри попытался утихомирить друга, – меня нисколько не трогает, что Гермиона пришла на бал с Крамом...

Но слова Гарри Рон тоже пропустил мимо ушей.

– Что ж ты не идёшь к своему Вики? Он тебя, наверное, обыскался!

– *Не называй его Вики!* – Гермиона вскочила и побежала через зал, сталкиваясь с танцующими парами.

Рон глядел ей вслед, и на лице у него смешались ярость и удовлетворение.

– Ты, наконец, пригласишь меня танцевать? – спросила Падма.

– Нет, – отрезал Рон, всё ещё глядя вслед Гермионе.

– Ну и отлично. – Падма поднялась, подошла к сестре, и для неё тотчас нашёлся кавалер, тоже француз. Гарри даже показалось, что тут не обошлось без Манящих чар, так быстро он появился.

– А где Гермивонна? – к друзьям с двумя бокалами подошёл Крам.

– Без понятия, – глядя исподлобья, ответил Рон. – Потерял её, что ли?

Лицо у Крама помрачнело.

– Передайте ей, если увидите, я имею напитки. – И он, ссутулив плечи, ушёл.

Тут же появился важный, как индюк, Пёрси.

– Что, Рон, с Виктором Крамом уже подружился? – воскликнул он, потирая руки. – Прекрасно! Это и была наша цель – международное магическое сотрудничество.

К огорчению Гарри, Пёрси сел рядом на свободный стул. Стол судей опустел. Дамблдор танцевал с профессором Спраут, Людо Бэгмэн – с МакГонагалл, мадам Максим с Хагридом носились в бешеном вальсе по всему залу, грозя сбить с ног пары, танцующие в опасной с

ними близости. Не танцевал один Каркаров, он вообще куда-то исчез. Очередная песня кончилась, и все снова захлопали в ладоши. Людо Бэгмэн поцеловал руку МакГонагала и пошёл к столу, и тут его настигли близнецы Фред и Джордж.

– Они сообщают, что делают, раздражая высшие чины Министерства? – нахмурился Пёрси, подозрительно глядя на братьев. – Никакого уважения...

Впрочем, Бэгмэн скоро избавился от близнецов, увидел Гарри, махнул рукой и подошёл.

– Надеюсь, мои братья не докучают вам, мистер Бэгмэн? – без промедления спросил Пёрси.

– Что? А нет, несколько! Они более подробно рассказали мне о фальшивых волшебных палочках, они ведь такие выдумщики, и спросили, будет ли на них спрос. Я пообещал свести их с моими знакомыми в магазине шуток «Зонко».

Пёрси не обрадовался тому, что услышал. Приедет домой, сразу побежит жаловаться мамочке, подумал Гарри. Похоже, у Фреда с Джорджем грандиозные планы, раз они решили через магазины продавать свои безделушки с подвохом.

Бэгмэн, повернувшись к Гарри, открыл было рот, но Пёрси опередил его:

– Как, по-вашему, проходит Турнир, мистер Бэгмэн? У нас в ведомстве все довольны, правда, небольшая оплошность с Кубком Огня... – Он поглядел на Гарри. – Но затем всё пошло как по маслу, не так ли?

– О, да, – сияя, подтвердил Бэгмэн. – Все получили огромное удовольствие. Жаль, старина Бартли не приехал. Как он поживает?

– Я не сомневаюсь, мистер Крауч поправится в самое ближайшее время, – с важностью заверил Пёрси. – Но тем временем, я более чем готов за него потрудиться. И не только развезать по балам... – Пёрси непринуждённо рассмеялся. – Нет, мне пришлось разбираться со всем, что накопилось за время его отсутствия. Вы ведь слышали, Али Башира поймали на контрабандном ввозе ковров-самолётов. Сейчас ведём трудные переговоры с трансильванцами, настаиваем, чтобы они подписали Международный запрет дуэлей. У меня в начале года была встреча с их главой Магического сотрудничества...

– Пойдём погуляем, – шепнул Рон Гарри, – подальше от Пёрси.

И под предлогом, что хотят выпить чего-нибудь ещё, друзья встали, по краю зала обошли танцующих и вышли в холл. Парадные двери были распахнуты настежь, в розовом саду мерцали, порхая с куста на куст, крохотные феи. Мальчики спустились по лестнице и очутились в гроте, полном цветущих розовых кустов, между ними бежали извилистые дорожки, мощённые цветной плиткой, над кустами высились каменные статуи. Где-то плескалась вода, должно быть, фонтан. Здесь и там на резных скамьях сидели ученики, отдыхая от танцев. Гарри с Роном пошли вглубь сада и скоро услышали знакомый ненавистный голос.

– Не вижу, Игорь, никаких причин для беспокойства.

– Северус, ты не можешь притворяться, как будто ничего не происходит! – с явной тревогой возразил Каркаров, понизив голос: вдруг кто подслушает. – Тучи сгущаются все последние месяцы, и меня, не стану скрывать, это очень тревожит...

– Тогда беги, – посоветовал Снейп. – Беги, я уж как-нибудь объясню твоё бегство. Что до меня, я остаюсь в Хогвартсе.

Голоса слышались всё ближе, и скоро из-за поворота появились их обладатели. Снейп с каким-то особым озлоблением раздвигал кусты волшебной палочкой, оттуда с испуганными возгласами то и дело выскакивали тёмные фигурки, а Снейп так и сыпал наказания. Мимо него проплынула девочка.

– Минус десять очков Хаффлапфу, Фосетт, – прокрипел он. – Минус десять и Рэйвенкло, Стеббинс, – следом за девочкой из кустов выскочил мальчик.

– А вы что тут делаете? – заметил Снейп Гарри и Рона.

Каркаров, явно недовольный такой встречей, нервно схватил кончик козлиной бородки и стал накручивать её на палец.

– Просто гуляем, – кратко ответил Рон. – Правилами ведь это не запрещено?

– Ну и продолжайте гулять, – рыкнул Снейп и вихрем пронёсся мимо, только мелькнула за спиной, как надутая ветром, чёрная мантия. Каркаров не отставал от него. Рон с Гарри пошли дальше.

– Что так могло встревожить Каркарова? – тихо спросил Рон.

– И с каких это пор они со Снейпом на «ты»?

Друзья дошли до большого каменного оленя, за которым искрились струи мощного фонтана. На скамье у самой воды сидели две огромные фигуры, любясь лунными бликами.

– Я как вас увидел, сразу всё понял, – раздался охрипший голос Хагрида.

Гарри и Рон замерли: в такие минуты лучше, наверное, людям не мешать... Гарри оглянулся и увидел сзади за кустом Флер Делакур с Роджером Дэвисом. Он хлопнул Рона по плечу и кивнул в их сторону, можно вернуться назад и незаметно проплынуть мимо – они были слишком заняты друг другом. Но при виде Флер у Рона от страха расширились глаза, он бешено замотал головой и потащил Гарри дальше в тень кустов и оленя.

– Что вы поняли, 'Агрид? – промурлыкала басом мадам Максим.

Как же быть? Хагриду только свидетелей не хватало. Не хотел бы Гарри быть сейчас на его месте. Лучше всего заткнуть уши и громко замычать какую-нибудь мелодию. Но это невозможно. По спине каменного оленя полз жук, Гарри принялся разглядывать его, но жук был неинтересный, и он невольно слышал каждое слово тайной беседы друга.

– Понял, шо мы с вами... од'наковые. У вас кто, отец или мать?

– Я не понимаю вас, 'Агрид...

– У меня – мать. Может, самая последняя в Британии. Я её и не помню толком... она нас бросила. Мне и трёх годков не было. Да и какая из неё мамка! Не в их это обычае. Шо с ней стало? Не знаю. Может, давно померла...

Мадам Максим молчала. Гарри, сам того не желая, оторвал взгляд от жука и прислушался. Хагрид никогда не рассказывал им о своём детстве.

– Сердце отца это разбило, когда она ушла. Крохотной такой был, папа мой. Я его в шесть лет на комод сажал, коли надоест шибко. Очень его это смешило... – Хагрид замолчал. Мадам Максим сидела, не шелохнувшись, и молча глядела на серебристые струи

фонтана. — Отец, конечно, меня растил... а потом взял и помер — я только в школу пошёл. И мне уж тут всё самому пришлось. Дамблдор, однако, помог. Всегда был такой добрый...

Хагрид вытянул из кармана огромный шёлковый в крапинку платок и громко высморкался.

— Ну... ладно... хватит обо мне. Шо насчёт вас? Вы-то по матери, по отцу?

Мадам Максим вдруг поднялась и сказала:

— Здесь холодно. — Но какой бы холодной ни была погода, голос её звучал ещё холоднее. — Я, пожалуй, пойду внутрь.

— А? Нет, не уходите! Я... Я никогда не встречал других, как я.

— Других *каких?* — ледяным тоном спросила мадам Максим.

«Промолчи, Хагрид, не отвечай», — мысленно просил Гарри. Он стоял в тени, стиснув зубы, и надеялся, что Хагрид не ответит...

— Полувеликанов, конечно же!

— Да как вы смеете?! — вскричала мадам Максим. Флер и Роджер выскочили из своего укрытия, как пробка из бутылки. — Меня ещё в жизни так не оскорбляли! Полувеликан? Муа? Я... я пгосто шигока в кости!

И она умчалась, с треском ломая кусты. Испуганные светлячки стайками взмывали в воздух, а Хагрид остался сидеть на скамье и глядел ей вслед — в темноте нельзя было разобрать, что выражало его лицо. Потом он встал и пошёл, но не в замок, а во мрак ночи, в сторону своей хижинки.

— Давай, — сказал Гарри. — Пошли.

Но Рон не сдвинулся с места.

— В чём дело? — Гарри поглядел на Рона.

Рон повернулся к Гарри, услышанное явно ошеломило его.

— Ты знал, что Хагрид наполовину великан?

— Нет. А что тут такого? — пожал Гарри плечами. И по взгляду Рона понял, что опять сморозил чужь — да когда же он будет знать всё о магическом мире! Детские годы он провёл у магглов, и многое, что колдуны впитали с молоком матери, было для него неведомо. Таких белых пятен с каждым годом становилось всё меньше. Но вряд ли кто из колдунов сказал бы, «что тут такого», узнай он, что мать их друга — великанша.

— Пойдём в замок, там объясню, — сказал Рон. Флер и Роджер испарились, наверное нашли кусты погуще. Гарри и Рон поспешили в Большой Зал. Падма с Парвати сидели за дальним столом в окружении бобатонцев, Гермиона всё ещё танцевала с Крамом. Рон с Гарри устроились за столиком подальше от танцующих.

— Ну? — напомнил Гарри. — Так что такое с великанами?

— Ну они... как бы это сказать... — Рон не мог найти подходящего слова. — Не очень хорошие...

— Ну и что? С Хагридом-то всё в порядке.

— Да знаю. Только, чёрт, он правильно делает, что молчит об этом. — Рон повертел головой. — Я думал, на него в детстве случайно наложили чары Увеличения или тому подобное. Кому приятно об этом говорить...

– Ладно, пусть его мать великанша. Но он-то тут при чём?

– Конечно, всем, кто Хагрида знает, наплевать на это. Ведь им известно, что он неопасен, – медленно проговорил Рон. – Только понимаешь, Гарри, они очень злые. Как говорит Хагрид, это у них от природы, они как тролли... им просто нравится убивать, все это знают. Хотя в Британии все великаны перевелись.

– А что с ними случилось?

– Ну, они всё равно вымирали, а потом ещё и авроры постарались. За границей, говорят, великаны ещё есть, в основном в горных пещерах прячутся ...

– И кого только мадам Максим думает обмануть? – Гарри взглянул на неё: она сидела за столом судей одна, грустная. – Если у Хагрида в жилах великанская кровь, то у неё и подавно. Широка в кости... Только у динозавра, наверное, кости шире.

Весь остаток бала Гарри и Рон просидели в своём уголке, разговаривая о великанах, танцевать им обоим не хотелось. Гарри старался не глядеть на Чоу и Седрика: когда он на них глядел, у него руки чесались хорошенько кого-то стукнуть.

Когда в полночь «Странные сестрички» закончили играть, им напоследок громко аплодировали. Затем все пошли в холл. Многие ожидали, что бал продлится дольше, но Гарри посчитал за счастье отправиться в кровать. Этот вечер ему весёлым не казался.

Они с Роном вместе со всеми вышли в холл. Гермиона пожелала Краму спокойной ночи, и тот отправился к себе на корабль. Холодно взглянув на Рона, она молча прошла мимо и стала подниматься по мраморной лестнице. Гарри и Рон двинулись следом, но на полпути Гарри окликнул Седрик Диггори.

– Эй, Гарри!

Чоу ждала Седрика внизу.

– Да? – холодно ответил Гарри.

По Седрику было видно, что он не хотел бы говорить при Роне, так что Рон хмуро пожал плечами и пошёл наверх.

– Слушай, – начал Седрик, понизив голос, – я у тебя в долгу за дракона. Золотое яйцо. Оно у тебя воет, если открыть?

– Ну, воет.

– Тогда... прими ванну, ясно?

– Что-что?

– Прими ванну... только захвати с собой яйцо. Открой его в горячей воде и послушай. Это наведёт тебя на мысль, поверь мне.

Гарри вытаращил глаза.

– Вот что. Иди в ванную префектов. Шестой этаж, четвёртая дверь слева от статуи Бориса Бестолкового. Пароль – «Сосновая свежесть». Ну всё, мне пора, пойду кое с кем попрощаюсь...

Седрик снова улыбнулся и побежал вниз, где его ждала Чоу.

Гарри побрёл один к себе в башню. Это был крайне странный совет. Как это ванна поможет разгадать загадку воющего яйца? Может, это Седрик так шутит? Может, хочет выставить его дураком, чтобы он в глазах Чоу не выдержал сравнения с Седриком?

Полная Леди и её подруга Ви мирно похрапывали в раме. Гарри долго им кричал пароль «Светляки», наконец докричался, и они были чрезвычайно этим недовольны. А пройдя в гостиную, Гарри обнаружил Рона и Гермиону, стоящих с красными лицами футах в десяти друг от друга и орущих что есть мочи.

– Тебе это не нравится, да? Но ты прекрасно знаешь, что надо было делать! – кричала Гермиона. Красивый узел на затылке растрепался, лицо перекосилось от гнева.

– О, да?! – прокричал в ответ Рон. – И что же?!

– Самому пригласить меня на бал, и не в последнюю минуту, когда уже некого выбирать!

Рон хотел что-то сказать, но только открывал рот, как рыба, вытщенная из воды. Гермиона развернулась на каблуках и вихрем взлетела по лестнице в свою спальню. Рон обернулся к Гарри.

– Ну, – ошеломлённо пробормотал он, – Ну... Это всего лишь доказывает... Ничего она не поняла...

Гарри промолчал: он был слишком рад тому, что помирился с Роном, чтобы пытаться вразумить его прямо сейчас. Однако, по мнению Гарри, Гермиона поняла всё гораздо лучше.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

СЕНСАЦИЯ РИТЫ СКИТЕР

В День подарков¹⁵ все спали долго. Днём в гостиной было хоть илюдно, но тихо. Разговаривали неохотно, часто зевали. Волосы у Гермионы снова торчали пышной копной, и она призналась Гарри, что перед балом хорошенько полила их снадобьем «Простоблеск» для укладки волос, но...

– Слишком много с ним мороки, чтобы каждый день использовать, – буднично добавила она, почёсывая мурлыкающего Косолапа за ухом.

Рон и Гермиона держались друг с дружкой учтиво-холодно, о вчерашней ссоре не вспоминали, как будто заранее договорились. Не теряя времени, Гарри и Рон сразу же рассказали Гермионе о прогулке Хагрида с мадам Максим. Новость о том, что Хагрид – полувеликан, не потрясла Гермиону так, как Рона до этого.

– Да, я так и думала. Он, конечно, не настоящий великан, настоящие футов двадцать ростом. Но, честно, вся эта истерия вокруг великанов... Ну не могут они все быть такими ужасными... Это то же предубеждение, что и насчёт оборотней... Просто нетерпимость, не так ли?

Рону пришло в голову едкое замечание, но он смолчал, опасаясь, должно быть, новой ссоры. Он ограничился тем, что поджал губы и покачал головой. Когда Гермиона отвернулась.

Пора было браться за домашние задания, которыми они пренебрегали в первую неделю каникул. После празднеств все находились в некоем расслабленном состоянии. Все, кроме Гарри, который начинал уже слегка нервничать.

24 февраля теперь воспринималось гораздо ближе, а за разгадку золотого яйца он ещё и не брался. Всякий раз, зайдя в спальню, Гарри доставал яйцо, раскрывал и внимательно слушал вой, надеясь всё же найти в нём хоть какой-то смысл. Он силился вспомнить, не напомним ли этот звук о чём-нибудь, кроме оркестра поющих пил, но чего-то подобного он раньше не слышал. Пробовал закрыть и трясти яйцо, чтобы проверить, изменится ли после звук, но он оставался прежним. Гарри задавал яйцу вопросы, стараясь перекричать вой, – всё без толку. Даже катнул его разок по комнате, не надеясь, впрочем, на успех.

Конечно, он не забыл подсказку Седрика, но Седрик теперь был у него не в чести, и Гарри решил пока обойтись без его помощи. В самом деле, если бы Седрик действительно хотел помочь Гарри, то его намёк не был бы таким загадочным. Гарри ведь сказал Седрику открытым текстом, в чём будет заключаться Первое задание. А Седрик взамен советует искупаться в ванне. Лучше обойтись без подобной чепухи, особенно от того, кто разгуливает по замку рука об руку с Чоу.

¹⁵ Оригинальное название праздника Boxing Day. Обычно переводят на русский язык как «День подарков», однако буквальное значение – «День коробок» (имеются в виду именно коробки, в которые кладут подарки). Дата – 26 декабря. Это официальный нерабочий день в Британском Содружестве и многих других европейских странах.

Наступил первый день семестра. Гарри нагрузил сумку книгами, пергаментом и перьями и стал, как всегда, ходить на уроки. Загадка золотого яйца тяготила, словно жернов на шее, как будто он ещё и яйцо носил с собой на занятия.

На улице по-прежнему лежали сугробы; стёкла теплицы профессора Спраут заросли ледяными узорами, гляди не гляди, ничего за окном не увидишь. В такую погоду на урок ухода за магическими животными никто особо не рвался. Правда, Рон заметил, что со скрутами не замёрзнешь, ведь придётся от них улепётывать. А уж если скруты хижину Хагрида подожгут – совсем будет жарко.

Добравшись хижины, они обнаружили у двери их пожилую колдунью с короткой стрижкой и выдающимся вперёд подбородком.

– Быстрее, звонок прозвенел пять минут назад, – ещё издалека недовольно приказала она.

– Вы кто? А где Хагрид? – спросил её Рон.

– Меня зовут профессор Граббл-Планк, – представилась ведьма. – Я буду временно вести у вас уход за магическими животными.

– А Хагрид где? – повторил громко Гарри.

– Нездоров.

За спиной у Гарри кто-то злорадно хихикнул. Он обернулся – к хижине приближался Дрэйко Малфой с прочими слизеринцами. У всех был весёлый вид и появление профессора Граббл-Планк их нисколько не удивило.

– Прошу следовать за мной. – Учительница пошла вдоль загона, где ёжились и подрагивали от холода огромные золотые лошади Бобатона.

Гарри, Рон и Гермиона двинулись следом, то и дело оглядываясь на хижину Хагрида: окна занавешены – может, у Хагрида жар и он лежит там совсем один.

– А что с ним? – едва поспевая за учительницей, спросил Гарри.

– Не ваше дело, – отрезала Граббл-Планк, словно Гарри спросил из праздного любопытства.

– Очень даже моё, – возразил Гарри. – Что с Хагридом?

Но профессор как будто оглохла. Обогнули загон – лошади для тепла сбились в кучку – и пошли дальше к Лесу. На опушке к одному из деревьев был привязан великолепный единорог.

Девочки так и ахнули.

– Какой красивый! – всплеснула руками Лаванда Браун. – Где она его раздобыла? Их так трудно поймать!

Единорог был чистейшей белой масти, и по сравнению с ним даже снег выглядел сероватым. Он волновался, месил золотыми копытами снег, то и дело вскидывая голову с прямым, как стрела, рогом.

Гарри устремился было вперёд, но профессор Граббл-Планк остановила его, жёстко ткнув в грудь.

– Мальчикам остаться. Единороги предпочитают женскую руку. Девочки, вперёд, осторожнее. Идём медленно, не торопясь...

И профессор во главе кучки девочек осторожно двинулась к единорогу, а мальчики остались у ограды загона.

– Что с ним, как ты думаешь? Может, скрут... – спросил Гарри Рона, едва сердитая профессор отошла.

– О нет, Поттер, на него не нападали, – сказал тихо Малфой. – Просто ему стыдно показать свою уродливую рожу.

– Ты это о чём? – резко обернулся к Малфою Гарри.

Тот запустил руку в карман и достал свёрнутую газету.

– На, полюбуйся, – ухмыльнулся он, скроив притворно-жалостливую гримасу. – Не хотел тебя огорчать, да, видно, придётся...

Гарри взял газету, развернул и начал читать. Рон, Шеймас, Дин и Невилл, заглядывая через плечо, присоединились к нему. Газетная статья начиналась с фотографии Хагрида, выглядел он на ней как настоящий головорез.

«ГИГАНТСКАЯ ОШИБКА ДАМБЛДОРА»¹⁶

Альбус Дамблдор, эксцентричный директор школы колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс», никогда не боялся совершать спорные назначения на должность, пишет Рита Скитер, наш специальный корреспондент. В сентябре нынешнего года он удивил многих в Министерстве магии тем, что сделал учителем защиты от Тёмных искусств свихнувшегося экс-аврора, печально известного Аластора «Безумного Глаза» Муди, имеющего привычку нападать на любого, кто сделает рядом с ним резкое движение. Но Безумный Глаз Муди просто сама доброта и ответственность по сравнению с получеловеком, преподающим уход за магическими животными.

Рубеус Хагрид, которого, по собственному признанию, отчислили из Хогвартса на третьем году обучения, с давних пор работал лесничим при школе благодаря Дамблдору. В прошлом году, однако, Хагрид, пользуясь своим непостижимым влиянием на директора, получил должность учителя ухода за магическими животными. Более достойным кандидатам на это место было отказано.

Хагрид, ужасающих размеров и грубой наружности человек, использовал обрётённую власть, чтобы запугивать учеников, демонстрируя им чудовищ. Пока Дамблдор не обращал внимания, за время нескольких ужасных уроков многие ученики получили серьёзные увечья.

– На меня бросился гиппогриф и поранил, а моего друга Винсента Крэбба укусила червеплюх, – сообщил нам учащийся четвёртого курса Дрэйко Малфой. – Мы все терпеть не можем этого Хагрида, но слишком запуганы, чтобы говорить.

Хагрид и дальше намерен запугивать учеников. Месяц назад в беседе с репортёром «Ежедневного пророка» он рассказал, что вывел новый вид монстров, помесь мантикор с огненными крабами, и назвал их взрывохвостыми скрутами. Эти взрывохвостые скруты очень опасны. Эксперименты по выведению магических животных, как известно, проводятся только с разрешения департамента Регулирования и надзора за магическими существами. Но Хагрид, очевидно, считает себя выше таких мелочей.

¹⁶ В оригинале статья называется «DUMBLEDORE'S GIANT MISTAKE». Здесь игра слов, т.к. giant в переводе с английского – великан.

– Я занимаюсь этим забавы ради, – пояснил он, прежде чем сменить тему разговора.

С недавних пор «Ежедневный пророк» обладает неопровержимыми доказательствами, что Хагрид не чистокровный колдун, каким он всегда притворялся. Он даже не человек. Его мать не кто иная, как великаниша Фридульфы, чьё нынешнее местонахождение неизвестно.

Великаны жестоки и кровожадны, весь прошлый век они воевали между собой и едва не истребили себя полностью. Горстка оставшихся в живых примкнула к Тому-Кого-Нельзя-Называть, и именно они виновны в самых чудовищных массовых убийствах магглов времён его террора.

Большинство великанов – слуг Тому-Кого-Нельзя-Называть были истреблены аврорами Министерства магии, но Фридульфы среди них не было. Возможно, бежала за границу и была принята в одну из горных общин великанов. Судя по урокам ухода за магическими существами, сын Фридульфы унаследовал свирепость матери.

Говорят, что Хагрид, как ни удивительно, дружит с мальчиком, благодаря которому Сами-Знаете-Кто лишился силы и могущества, после чего матери Хагрида, как и прочим соратникам Сами-Знаете-Кого, пришлось бежать. Гарри Поттер, возможно, не знает горькой правды о своём огромном друге. Долг Альбуса Дамблдора – известить Гарри Поттера и других учеников о том, что иметь дело с полувеликанами чрезвычайно опасно.»

Гарри дочитал статью и взглянул на Рона. Тот раскрыл рот и вытаращил глаза.

– Откуда она узнала? – прошептал он.

– Ты откуда взял, что Хагрида «терпеть не могут»? А о нём какая чушь написана? – Гарри указал на Крэбба. – Когда это его червепаюх кусал? У них и зубов-то нет!

Крэбб, довольный собой, хохотнул.

– Надеюсь, теперь-то этого идиота выгонят. – Малфой злобно сверкнул глазами. – Полувеликан... А я-то думал, он в детстве бутылку «Скелероста» выпил... Вот папочки с мамочками засуетятся: а вдруг он сожрёт их деток... ха-ха-ха...

– Ты... ты...

– Эй, вы там слушаете? – прикрикнула профессор Граббли-Планк.

Девочки окружили единорога и ласково гладили его по бокам и шее. Гарри невидящими глазами глядел на увенчанную рогом голову. Он весь дрожал от гнева, и газетный лист трясся у него в руках. Профессор громко перечисляла магические свойства единорогов, чтобы её слова долетали и до мальчиков.

– Хорошо бы она у нас осталась! – воскликнула Парвати Патил после урока по дороге в замок. – Вот это, я понимаю, уход за магическими животными. Нормальные существа, как, например, единороги, а не всякие там чудища...

– А как же Хагрид? – Гарри сердито поглядел на Парвати, шагая по каменной лестнице.

– А что? Будет лесничим, как и был, – пожала она плечами.

После бала Парвати держала себя с Гарри холодно. Пожалуй, надо было обращать на неё побольше внимания, хотя она и так не скучала, подумал Гарри. Вон, всем болтает, что у неё в следующий выходной свидание в Хогсмиде с тем мальчиком из Бобатона.

– Очень хороший урок, – сказала Гермiona в Большом Зале. – Я и половины не знала из того, что профессор Граббли-Планк рассказала нам о единорогах...

– Посмотри-ка на это! – Гарри сунул ей под нос статью из «Ежедневного пророка».

Гермиона пробежала листок глазами, разинула рот совсем как Рон и задала тот же самый вопрос:

– Откуда Скитер всё это узнала? Неужели сам Хагрид ей сказал?

– Нет, – Гарри подошёл к гриффиндорскому столу и сел с размаху на стул. – Он и нам-то этого не говорил. Думаю, она здорово разозлилась на Хагрида из-за того, что он не стал на меня наговаривать. И начала разносить всё вокруг, чтобы отомстить ему.

– Может, она подслушала его разговор на балу с мадам Максим? – предположила Гермиона.

– В саду мы бы её заметили, – ответил Рон. – Её на территорию школы не пускают. Хагрид говорит, Дамблдор запретил...

– А может, у неё плащ-невидимка? – предположил Гарри, достал из горшочка кусок курицы, в сердцах плюхнул себе на тарелку, так что брызги полетели во все стороны. – Спряталась в кустах и подслушала, не постеснялась.

– Как вы с Роном? – заметила Гермиона.

– Мы не пытались его подслушивать! – обиделся Рон. – У нас выбора не было! Просто этому балде приспичило рассказывать о матери-великанше в таком месте, где его мог кто угодно услышать!

– Надо пойти к нему, – решил Гарри. – Сегодня вечером, после прорицания. Попросим его снова вести уроки. Ты разве не *хочешь*, чтобы он вернулся? – Гарри исподлобья взглянул на Гермиону.

– Я... что ж, не стану притворяться, мне действительно было приятно для разнообразия побывать на нормальном уроке по уходу за магическими животными... Но я, конечно, хочу, чтобы Хагрид вернулся, разумеется! – поспешила добавить Гермиона, поймав разъярённый взгляд Гарри.

После ужина вышли из замка и побрели по глубокому снегу к хижине Хагрида. На стук внутри глухо залаял Клык.

– Хагрид, это мы! – крикнул Гарри и снова заколотил в дверь. – Открой!

Хагрид молчал. Клык заскулил, зацарапал дверь, но дверь не отворилась. Они пробарабанили в дверь минут десять, а Рон даже сбегал и постучал в окно, но Хагрид так и не вышел. Друзья махнули рукой и пошли обратно в замок.

– *Нас*-то он почему не пускает? – размышляла Гермиона. – Он что, думает, нас заботит, человек он или полувеликан?

Похоже, Хагрид думал, что не всё равно. Он не показывался всю неделю: за завтраком, обедом и ужином его место за учительским столом пустовало, в лесу и окрестностях замка он не появлялся, а уроки ухода за магическими существами по-прежнему вела профессор Граббл-Планк. Малфой открыто злорадовался.

– Что, Поттер, скукаешь по своему приятелю-полукровке? Одиноко тебе без человека-слона? – шептал он Гарри на ухо, когда рядом был учитель, – боялся получить оплеуху.

В середине января объявили прогулку в Хогсמיד. Гермиона очень удивилась, узнав, что Гарри тоже собрался идти.

– Я думала, ты воспользуешься тем, что в общей комнате будет тихо, – сказала она. – И всерьёз займешься яйцом.

– Я уже почти её разгадал, – соврал Гарри. – Есть неплохая идея.

– Правда? – поразилась Гермiona. – Вот молодчина!

Гарри кольнула совесть, но он отмахнулся. На разгадку яйца есть больше месяца... А Хогсмид... Может, там будет Хагрид, и, может, они упроят его вернуться.

В субботу все вместе вышли из замка и пошли к воротам. Холод пробирал до костей. Дурмстрангский корабль стоял у берега на своём месте. На палубе появился Виктор Крам в одних плавках. При всей своей худобе он наверняка отличался отменным здоровьем: уверенно вспрыгнул на борт и, вытянув вверх руки, нырнул в озеро.

– Двинулся! – воскликнул Гарри. Голова Крама вынырнула посередине озера. – Холодина такая, январь на дворе!

– Откуда он приехал, там ещё холоднее, – сказала Гермiona. – Наша вода ему, наверное, кажется тёплой.

– Но в озере живёт гигантский кальмар! – Беспокойства в голосе Рона не было, скорее надежда.

– Он очень славный, знаешь ли, – нахмурилась Гермiona. – И вообще не такой, как можно подумать про дурмстрангца. У нас ему больше нравится, он мне сам сказал.

Рон в ответ промолчал. После бала он ещё ни разу не заговаривал о Викторе Краме, а в День подарков Гарри нашёл у него под кроватью крохотную ручку, оторванную, судя по цвету одежды, от фигурки игрока сборной Болгарии.

Пока они шли по слякотной Центральной улице, Гарри всюду высматривал Хагрида, но, не заметив его ни в одном из магазинов, предложил заглянуть в «Три метлы».

В пабе было, как всегда,людно. Гарри окинул взглядом столики – Хагрида не оказалось и здесь. Гарри сразу сник, поплёлся вслед за Роном и Гермियोной к стойке бара и заказал кружку сливочного пива у мадам Розмерты, мрачно подумав, что лучше было остаться в замке и послушать лишний раз вой из яйца.

– Интересно, бывает он *когда-нибудь* на работе? – шепнула Гермiona. – Смотрите!

Она указала на зеркало за стойкой бара. В нём отражался Людо Бэгмэн. Он сидел в дальнем тёмном углу с группой гоблинов и что-то им тихо и быстро говорил. Гоблины угрожающе глядели на него исподлобья, скрестив на груди руки.

«Что это Бэгмэн здесь делает в выходной день?» – подумал Гарри. До следующего тура ещё далеко, судить пока нечего. Гарри снова взглянул в зеркало на Бэгмэна. Начальник Департамента магических игр и спорта был чем-то явно обеспокоен, совсем как той ночью в лесу, когда в небе появилась Тёмная Метка. Бэгмэн посмотрел в сторону бара, заметил Гарри и поднялся из-за стола.

– Один момент, один момент! – громко сказал он гоблинам и, надев на себя неизменную мальчишескую улыбку, поспешил к Гарри. – Гарри! Как дела? Рассчитывал тебя здесь увидеть! Надеюсь, всё в порядке?

– Да, спасибо, – ответил Гарри.

– Можно с тобой переброситься парой слов наедине? Вы не против? – спросил Бэгмэн у Рона и Гермियोны.

– Нет... – ответил Рон и с Гермioniой пошёл искать свободный столик.

Бэгмэн взял Гарри под руку и увёл его к дальнему концу стойки, подальше от мадам Розмерты.

– Хочу тебя ещё раз поздравить с победой над хвосторогой. Молодчина!

– Спасибо, – поблагодарил Гарри.

Бэгмэн, видно, хотел что-то ещё сказать, поздравить можно было и при Роне с Гермioniой. Но он почему-то медлил, посмотрел в зеркало на гоблинов, те, не отрываясь, глядели на него и на Гарри раскосыми чёрными глазами.

– Просто кошмар какой-то, – тихо сказал Бэгмэн Гарри, заметив, что и Гарри глядит на гоблинов. – С английским у них не очень-то, прямо как у болгар на Чемпионате мира. Но те хоть жестами могут изъясняться, так что другой человек поймёт. А эти тараторят на гоббледикуе, а я из их языка знаю только одно слово: «бладвак», что значит «кирка». У меня, разумеется, это слово с языка не сорвётся, а то, чего доброго, подумают, что я угрожаю. – Бэгмэн закончил тираду смешком.

– Что им от вас нужно? – спросил Гарри. Гоблины следили за каждым движением Бэгмэна.

– Как бы тебе объяснить... – Бэгмэн вдруг заёрзал на стуле. – Они ищут Барти Крауча.

– А почему здесь ищут? Он же в Лондоне, в Министерстве, ведь так?

– Честно говоря, я... без понятия, где он сейчас. Как бы сказать, он... перестал ходить на работу. Уже недели две. Его помощник Пёрси Уизли говорит, что он заболел. Вероятно, приказы присылает с совами. Только, чур, никому ни слова, ладно? Тут и так Рита Скитер суётся куда только может. Готов поспорить, что эту историю она превратит в нечто жуткое. Будет всех убеждать, что он пропал, как недавно Берта Джоркинс.

– А Берта Джоркинс нашлась?

– Нет ещё. – На лице Бэгмэна снова появилось беспокойство. – Я послал на розыски. («Давно пора», – подумал Гарри.) Куда она запропастилась? До она Албании точно *добралась*, там она виделась с двоюродным братом. Потом поехала на юг к тётке, и по пути бесследно пропала. Что с ней стряслось – ума не приложу. Сбежала? На неё вроде не похоже. Но всё же... Да что это мы с тобой о гоблинах да о Берте Джоркинс? Лучше расскажи о себе. – Бэгмэн понизил голос. – Как с загадкой яйца?

– Э... неплохо, – соврал Гарри.

Но Бэгмэн, похоже, догадался, что Гарри говорит неправду.

– Послушай, Гарри, – сказал он, переходя на шёпот. – Что-то здесь явно нечисто... Тебя ведь принудили участвовать в Турнире, ты не вызывался.... И если... – Тут он заговорил совсем неслышно, и Гарри наклонился вперёд. – Если я могу чем помочь... Направить тебя... Ты мне нравишься... И с драконом разделался так умно. Так что, ты просто скажи...

Гарри поглядел Бэгмэну прямо в лицо. Такое розовощёкое, с голубыми глазами, точно у младенца.

– Мы должны сами разгадать эту загадку, не так ли? – осторожно ответил Гарри. Пусть начальник департамента Магических игр и спорта не думает, что Гарри Поттер его укоряет.

– Да... да, конечно, – нетерпеливо подхватил Бэгмэн. – Просто мы все очень хотим, чтобы победу одержал ученик «Хогвартса».

– Вы и Седрику предлагали помощь?

По лицу Бэгмэна пробежало облачко.

– Нет, не предлагал. Как бы тебе объяснить... Говорю тебе, ты мне понравился. И я именно тебе хотел бы помочь...

– Спасибо большое. Я почти разгадал загадку, ещё пара дней, и всё станет ясно.

Гарри и сам толком не знал, почему отказался. Бэгмэн ему чужой человек, и помощь его смахивает на жульничество. Дружеские советы Рона, Гермионы или Сириуса – дело совсем другое.

Бэгмэн явно обиделся, но тут подошли Фред и Джордж, и он больше ничего не прибавил.

– Здравствуйте, мистер Бэгмэн, вот уж не думали вас здесь сегодня встретить! – воскликнул Фред. – Позвольте вас угостить?

– Нет... – Бэгмэн напоследок разочарованно взглянул на Гарри. – Нет, ребята, большое спасибо...

Близнецы с таким же разочарованием посмотрели на Бэгмэна; тот насушился, словно Гарри здорово его подвёл, и стал прощаться.

– Ладно, мне пора бежать. Рад был с вами повидаться. Удачи, Гарри.

И он поспешил к двери. Гоблины повскакали со стульев и пустились вдогонку. Гарри подсел к Рону и Гермионе.

– Чего он хотел? – спросил Рон.

– Предлагал помощь в решении загадки яйца.

– Он не должен! – опешила Гермиона. – Он же судья. Тебе и помощь уже не нужна, правда?

– В общем, правда...

– Сомневаюсь, что Дамблдору бы понравилось узнать, как Бэгмэн предлагает сжульничать! – неодобрительно сказала Гермиона. – Надеюсь, Седрику он помощь тоже предлагал.

– Нет, я спрашивал.

– Причём тут Диггори! – возмутился Рон, и Гарри в душе с ним согласился.

– Вид у этих гоблинов был не очень-то дружелюбный. – Гермиона отхлебнула из кружки. – Что они тут делали?

– Бэгмэн сказал, они ищут Крауча. Он болеет, его уже давно нет на работе.

– Может, Пёрси его отравил? – сказал Рон. – Наверное, думает, что если Крауч откинется, то он сам станет начальником департамента Международного магического сотрудничества.

Гермиона укоризненно глянула на Рона, как будто хотела сказать: «Таковыми вещами не шутят».

– Зачем гоблинам Крауч? Они обычно имеют дело с департаментом Регулирования и надзора за магическими существами.

– А может, им нужен переводчик? – пожал плечами Гарри. – Крауч языков сто знает.

– Пожалела маленьких бедненьких гоблинов? – пошутил Рон. – Хочешь ещё ОЗУГ открыть? Общество защиты уродливых гоблинов?

– Ха-ха-ха, – саркастически произнесла Гермиона. – Гоблины и сами за себя постоять могут. Ты, наверное, плохо слушал профессора Биннса? Забыл, что он рассказывал о восстаниях гоблинов?

– Нет, – одновременно сказали Гарри и Рон.

– Ну так я вам скажу. Гоблины на равных общаются с колдунами. – Гермиона отхлебнула из кружки. – Они очень умны. Это вам не домовые эльфы, не способные за себя постоять.

– Ох ты ж, – Рон взглянул на входную дверь.

Рита Скитер только что вошла. На репортёрше сегодня плащ бананового цвета, ногти покрыты ядовито-розовым лаком. Сопровождал её пузатенький фотограф. Скитер взяла пару бокалов, и они сели за столик неподалёку от троих друзей, не спускавших с неё глаз. Говорила Скитер быстро и была явно чем-то довольна.

– Он сегодня неразговорчив, правда, Бозо? Почему, как ты думаешь? И что ему понадобилось от этих гоблинов? Достопримечательности им показывает... Что за бред! Врать он никогда не умел. Как, по-твоему, стоит покопаться в этом деле? Статью назовём так «Позор Людо Бэгмэна, бывшего главы Департамента магических видов спорта». А? Надо только подыскать историю под это название.

– Опять собираетесь испортить кому-то жизнь? – громко спросил Гарри.

Кое-кто из сидящих вокруг обернулись. Рита Скитер увидела Гарри и расширила глаза.

– Гарри! – радостно воскликнула она. – Вот так сюрприз! Посиди с нами...

– Я к вам на пушечный выстрел не подойду! Как вы могли написать про Хагрида такую мерзость?!

Скитер вскинула густо подведённые брови.

– Читатели имеют право знать правду, Гарри. Я всего лишь честно делаю свою работу...

– Что с того, что он полувеликан? – продолжал бушевать Гарри. – Он замечательный!

В пабе примолкли. Мадам Розмерта глядела из-за стойки, раскрыв рот; мёд лился через край кувшина, который она держала в руке.

Улыбка на губах Скитер слегка дрогнула, но тут же стала ещё шире. Поспешно раскрыв сумочку из крокодиловой кожи, она достала пергамент и Прытко Пишущее Перо.

– Как насчёт интервью о Хагриде, которого знаешь *ты*, Гарри? Что скрывается за горой мускулов? А ваша неправдоподобная дружба? Что за этим стоит? Он заменяет тебе отца?

Гермиона вскочила, сжимая в руке кружку, как гранату.

– Вы гнусная женщина! – проговорила она сквозь стиснутые зубы. – Вам без разницы что и о ком писать, лишь бы было поскандальней. Теперь за Людо Бэгмэна взялись...

– Сядь, глупая девчонка, и не говори о том, чего не знаешь, – холодно сказала Скитер, глядя на Гермиону с ледяным презрением. – Я знаю о Людо Бэгмэне такое, от чего у тебя

волосы на голове дыбом встанут. Хотя в этом ты *не* нуждаешься... — прибавила она, взглянув на копну волос Гермионы.

— Гарри, Рон, пойдёте отсюда, — позвала Гермиона. Троица под взглядами всего паба пошла к двери. На пороге Гарри обернулся. Прытко Пишущее Перо Скитер быстро-быстро бегало по куску пергамента. Друзья вышли на улицу и поспешили к замку.

— Теперь она и о тебе напишет, — с опаской произнёс Рон.

— Пусть попробует! Покажу я ей! Глупая девчонка, это я-то? — Гермиона дрожала от гнева. — Найду, как с ней расквитаться. Сперва про Гарри, потом про Хагрида...

— Риту Скитер лучше не злить, — сказал Рон. — Она и про тебя что-нибудь накопает...

— Мои родители «Ежедневный пророк» не читают, так что этим меня не напугаешь. Прятаться не стану.

Гермиона шла так быстро, что Гарри с Роном едва за ней поспевали. Только однажды на памяти Гарри она так сердилась. Когда ударила Малфоя по лицу.

— И Хагрид больше не будет прятаться! Нельзя ему позволять этой, с позволения сказать, даме, себя расстраивать! *Живее* давайте!

И Гермиона побежала что есть духу к воротам замка с двумя крылатыми вепрями на столбах и прямо к хижине Хагрида. Гарри с Роном вприпрыжку за ней.

Занавески на окнах домика егеря были все также задёрнуты, изнутри доносился лай Клыка. Забарабанив в дверь, Гермиона закричала:

— Хагрид! Хагрид, хватит уже! Мы знаем, что ты дома! Какая разница, великанша твоя мать или нет. Не позволяй этой дуре Скитер так доводить тебя! Открывай, Хагрид, ты же...

Дверь отворилась.

— Давно по... — Гермиона осеклась на полуслове. На пороге вместо Хагрида стоял Альбус Дамблдор.

— Добрый день, — приветливо улыбнулся он.

— А... А мы к Хагриду, — пролепетала Гермиона.

— Я так и подумал, — сказал Дамблдор, весело поблёскивая глазами. — Почему бы вам не зайти?

— Э... хорошо, — согласилась Гермиона.

И они все трое вошли в хижину. Клык, не медля, разлаялся как сумасшедший, кинулся на Гарри и принялся лизать ему уши. Гарри отстранил собаку и огляделся.

Хагрид сидел за столом, на котором стояли две большие кружки чаю. Вид у него был ужасный: глаза опухли, лицо в красных пятнах, а уж о волосах и говорить нечего — нечёсанные, они смахивали на огромный моток спутанной проволоки.

— Привет, Хагрид, — сказал Гарри. Хагрид приподнял голову и просипел:

— Пр'вет.

— Надо бы ещё чаю, — сказал Дамблдор, достал волшебную палочку и покрутил ею в воздухе. Над столом появился поднос с чайником и чашками на блюдцах и тарелка пирожных. Дамблдор опустил поднос и пирожные на стол, все уселись и немного помолчали. — Хагрид, ты слышал, что кричала за дверью мисс Грэйнджер? — сказал Дамблдор.

Гермиона слегка покраснела, но Дамблдор улыбнулся ей и продолжил: – Судя по тому как Гермиона, Гарри и Рон ломились в дверь, они по-прежнему хотят дружить с тобой.

– Разумеется, хотим! – воскликнул Гарри. – Неужто из-за этой коровы Скитер... простите, господин директор, – прибавил он, виновато глядя на Дамблдора.

– Я не расслышал, Гарри, что ты сказал. Глухота приключилась, что ли? – ответил Дамблдор, глядя в потолок и вертя пальцами друг вокруг друга.

– А-а... ну да, – сконфуженно кивнул Гарри. – Я только хотел сказать... Хагрид, неужели ты подумал, будто нас волнует, что эта... женщина про тебя написала?

Две огромные слезы выкатились из глаз Хагрида и потекли на густую бороду.

– Вот живое доказательство моих слов, Хагрид. – Дамблдор всё ещё глядел в потолок. – Я тебе показывал письма от родителей, которые тебя помнят с тех пор, как сами учились в Хогвартсе. Они пишут, что, если только я попробую тебя уволить, они найдут, куда обратиться...

– Не все. Не все хотят, чтоб я оставался.

– Долго же тебе придётся сидеть, запершись в хижине, если хочешь дожидаться, пока тебя все полюбят. – Дамблдор чуть нахмурился и поглядел на Хагрида поверх очков. – С тех пор как я стал здесь директором, не проходит недели, чтобы в школу не прилетела сова с письмом от недовольных моей работой. Ну и что же мне делать? Забаррикадироваться у себя в кабинете и никого не видеть и не слышать?

– Но вы же не полувеликан, – прохрипел Хагрид.

– Хагрид, а у меня кто родственники? Семейство Дёрзли! – не выдержал Гарри.

– В самую точку, – подхватил Дамблдор. – Моего брата Аберфорта обвинили в том, что он испытывал на козле недопустимые чары. Все газеты про это писали. И что, спрятался Аберфорт от всех? Ничего подобного! Продолжал как ни в чём не бывало работать. Правда, я не уверен, умеет ли он читать. Может, это вовсе и не мужество...

– Возвращайся, Хагрид, и продолжай преподавать, – тихонько сказала Гермиона. – Пожалуйста, вернись. Мы очень скучаем.

Хагрид слотнул, и по его щекам и бороде потекли новые потоки слёз. Дамблдор поднялся из-за стола.

– Хагрид, заявление об уходе я не подпишу. В понедельник приступай к работе. Жду тебя в половине девятого к завтраку в Большом Зале. И никаких отговорок. Всем доброго дня.

Дамблдор на прощанье почесал Клыка за ухом и ушёл. Хагрид закрылся огромными ручищами и зарыдал. Гермиона погладила его по плечу. Хагрид отнял руки от лица и поглядел заплаканными глазами на друзей.

– Великий человек... Дамблдор...

– Это точно, – подтвердил Рон. – Можно мне пирожное, Хагрид?

– Ну, конечно! – Хагрид вытер слёзы тыльной стороной ладони. – Прав он, вы все правы... Я это сглупил... Старикун-пане было бы за меня стыдно, так я расклеился... – Он снова заплакал и тут же смахнул слёзы. – Не показывал я вам отцовскую карточку? Счас...

Он встал, подошёл к кухонному шкафу, выдвинул ящик и достал старую выцветшую фотографию: на плече Хагрида сидит крошечный колдун с глазами Хагрида и такими же, как у него, улыбочками морщинками в уголках глаз.

Судя по яблоне, на фоне которой они снимались, Хагрид был уже ростом семь или восемь футов, но совсем ещё мальчик: без бороды, лицо круглое, гладкое – лет одиннадцати, не больше.

– Здесь меня тольк' приняли в Хогвартс, – вскрикнул Хагрид. – Отец себя не помнил от радости! Хоть колдун из меня мог и не выйти – из-за матери... Да, по чести, не больно-то я был силен в магии... но, по крайней мере, он не дожил до моего исключения. Помер, когда я был на втором курсе... Только Дамблдор и заботился обо мне после смерти папы. Устроил лесничим. Людям он верит, вот что главное, даёт шанс исправиться... Не такой, как другие начальники. Был бы у человека какой талант, а уж он-то его приютит. Что ж делать, коли семья неподходящая, сам-то он, может, и ничего... Да кто на это глядит? Рады напраслину возвести... А другие ещё и прикидываются: кость, говорят, широкая. Ни за что не скажут: «Я такой, какой есть, и всё тут». Отец говорил: «Никогда себя не стыдись. Всегда найдётся тот, кому ты не понравишься. А ты плюнь на таких, другого они не стоят». Прав он был. А я дурень, дубина. И *она* такая же, вот что. «Широка в кости...» Ну и пусть её со своими костями!

Гарри, Рон и Гермиона смущённо переглянулись. Лучше полсотни взрывохвостых скрутов вывести на прогулку, чем признаться Хагриду, что подслушали нечаянно его разговор с мадам Максим. Хагрид, впрочем, не замечал, что у него сорвалось с губ, и продолжал как ни в чём не бывало.

– Знаешь, Гарри, когда я впервые тебя повстречал, ты мне немного меня самого напомнил. – Хагрид оторвал от фотографии заблестевший взгляд. – Родителей у тебя нету, в школу идти боялся: а ну, как не выйдет, ну, как не придёшься ко двору? А вот, гляди-ка – чемпион школы! – помолчав немного, Хагрид прибавил: – Знаешь, чего я хочу? – серьёзно сказал он. – Покажи им. Выиграй. Пусть знают, чистая у тебя кровь, нет ли – неважно. Нельзя стыдиться того, кто ты есть. Пусть знают, прав Дамблдор, не зря принимает в школу всех, кто к магии способен. Ну как у тебя с драконьим яйцом?

– Отлично. Просто отлично.

Заплаканное лицо Хагрида расплылось в улыбке.

– Вот умница! Покажи им всем, Гарри, покажи им. Победи их всех.

Солгать Хагриду – совсем не то, что солгать другим. Весь вечер в замке у Гарри в глазах стояло счастливое бородатое лицо Хагрида, верившего в победу Гарри. Неразгаданная тайна яйца тяжёлым грузом лежала на сердце: пора забыть про гордость и разобраться, чего стоит намёк Седрика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ЯЙЦО И ГЛАЗ

Принять ванну лучше всего ночью, решил Гарри: кто знает, сколько уйдёт на разгадку золотого яйца? А ночь длинная. Не очень-то приятно быть обязанным именно Седрику, но, конечно, лучше всего подойдёт ванная префектов. В ней мало кто моется, таких можно пересчитать по пальцам. Значит, никто не помешает.

Гарри тщательно подготовился к вылазке. Школьный смотритель Филч уже раз поймал его ночью в неподобающем месте и снова попадаться совсем ни к чему. Самое главное – плащ-невидимка, а в качестве вспомогательного средства он возьмёт ещё Карту Мародёра, с ними не так опасно нарушать школьные правила. На Карте весь замок Хогвартс с потайными ходами и коридорами, сокращающими путь, и что очень важно, Карта показывает людей в замке в виде точек, помеченных именами. Точки движутся по переходам и комнатам, так что Гарри сразу заметит приближающегося к ванной человека.

В четверг вечером Гарри поспешил в спальню, надел плащ-невидимку, спустился опять в гостиную и стал ждать. На этот раз, в отличие от вечера, когда Хагрид показал ему драконов, снаружи к гостиной подошёл Рон и в назначенную минуту сказал Полной Леди пароль «Банановые оладыи».

– Удачи, – прошептал он прощмыгнувшему мимо него Гарри, и полез в гостиную.

Идти под плащом было неудобно – тяжёлое яйцо под мышкой, а в руке перед глазами зачарованная карта. К счастью, в залитых лунным светом коридорах было тихо и безлюдно. На поворотах Гарри сверялся с Картой: никаких опасных встреч не предвиделось. Вот и статуя Бориса Бестолкового, на лице недоумение, перчатки надеты не на ту руку. Гарри отсчитал от статуи нужную дверь, подошёл ближе и шёпотом произнёс пароль «Сосновая свежесть», как советовал Седрик.

Дверь скрипнула и отворилась. Гарри проскользнул в ванную, запер дверь на задвижку, снял плащ-невидимку и огляделся.

Да, только ради такой ванной захочешь стать префектом. Просторная комната выложена белым мрамором. С потолка свисает великолепная люстра с горящими свечами. Посередине комнаты прямоугольный бассейн – тоже из белого мрамора, по краям него около сотни золотых кранов, украшенных самоцветами, у ближнего края трамплин. На окнах льняные занавеси почти до пола; в углу большая стопка белых пушистых полотенец. На стене единственная картина в золотой рамке – на скале спит русалка, светлые волосы разбросаны по лицу и слегка колыхаются всякий раз, когда она всхрапывает.

Гарри положил на пол плащ, яйцо и Карту и подошёл к бассейну, шаги гулким эхом отдавались в пустой мраморной комнате. Как бы ни была роскошна ванная, как бы ни хотелось открыть хоть несколько кранов, Гарри никак не мог отделаться от мысли, что Седрик просто решил над ним подшутить. Как можно, купаясь в бассейне, разгадать тайну золотого яйца? Тем не менее, Гарри положил полотенце, плащ и Карту с яйцом поближе к краю бассейна, встал на колени и открыл сразу несколько кранов.

Из кранов полилась вода с пеной для ванн. Такой пены Гарри ещё не видывал. Из одного вырывались розовые и голубые мыльные пузыри размером с футбольный мяч, из другого текла густая белоснежная пена. На такую пену, кажется, можно лечь. Третий кран выпускал душистые лиловые облака, и они медленно расплывались над самой поверхностью воды. Гарри открывал и закрывал краны, любуясь разноцветными струями. Особенно ему понравилась лёгкая струя, вся из пузырьков, которая, едва касаясь воды в бассейне, тут же взлетала в воздух и на мгновение застывала высокими арками. Бассейн хоть и немаленький, очень быстро наполнился горячей водой, пеной и пузырями. Гарри закрыл краны, снял халат, тапочки, пижаму и осторожно опустился в воду.

Бассейн был довольно глубокий, Гарри едва касался ступнями дна. Он несколько раз переплыл бассейн туда и обратно, вернулся к яйцу, встал у бортика и призадумался. Приятно, конечно, купаться в горячей душистой воде, полной разноцветной пены и пузырьков, вот только разгадка ни на йоту не приблизилась.

Гарри стряхнул пену с рук, взял с пола яйцо и раскрыл. Знакомый пронзительный вой разнёсся по ванной, эхом отражаясь от мраморных стен – разобрать в нём что-то не было никакой возможности! Гарри поскорее захлопнул яйцо: не услышал бы Филч! Неужели и правда, это шутка Седрика? И тут вдруг случилось такое, от чего Гарри дёрнулся, поскользнулся, выпустил из рук яйцо, и оно, упав на пол, откатилось к стене.

– Я бы на твоём месте опустила его в воду, – произнёс чей-то голос.

От неожиданности Гарри наглотался пены. Переведя дух, встал и увидел привидение хмурой девочки, сидевшее, скрестив ноги, на кране. Это была Плакса Миртл. Она жила в туалете тремя этажами ниже и часто рыдала в трубе под раковиной, а тут вдруг появилась в ванной префектов.

– Миртл! – возмутился Гарри. – Я... Я же совсем голый!

Под толстым слоем пены, правда, ничего не видно, но Гарри почему-то подумал, что Миртл с его прихода сидела в одном из кранов и подглядывала.

– Я зажмурилась, когда ты разделся и полез в ванну, – сказала Миртл, мигая за толстыми стёклами очков. – Ты *сто лет* не приходил меня навестить.

– Да, правда... – Гарри согнул колени, чтобы Миртл, кроме головы, ничего не видела. – Но мне в твой туалет нельзя, он для девочек.

– Раньше тебя это не смущало. Ты торчал там всё время, – сокрушалась Миртл.

Миртл говорила правду. Гарри с Роном и Гермионой, бывало, часами сидели в туалете Миртл, который тогда не работал. Варили тайком запрещённое Многосущное зелье, превратившее Гарри и Рона на час в двойников Крэбба и Гойла, что помогло им проникнуть в гостиную слизеринцев.

– Мне за это был нагоняй, – ответил Гарри. Это было не совсем так, просто, выйдя однажды из туалета Миртл, Гарри нарвался всего лишь на Пёрси. – И я перестал к тебе заходить.

– А... Понятно... – Плакса Миртл ущипнула на подбородке прыщик. – Что ж... Всё равно... Яйцо опусти в воду. Так Седрик Диггори делал.

– Ты и за ним шпионила? – поморщился Гарри. – Каждый вечер здесь объявляешься, смотришь, как купаются префекты?

– Изредка... – слушала Миртл. – И ещё ни разу не выходила из крана, ни с кем не заговаривала.

– Какая честь, – мрачно съязвил Гарри. – Закрой глаза.

Миртл послушно прижала ладони к очкам, а Гарри вылез из бассейна, обернувшись полотенцем, принёс золотое яйцо. И опять нырнул в бассейн. А Миртл, взглянув сквозь пальцы, посоветовала:

– Давай же... Открой его под водой.

Гарри опустил яйцо в воду и раскрыл. На этот раз яйцо не завывало, в нём забулькала какая-то песенка, но слов её Гарри не разобрал.

– Тебе тоже надо нырнуть, – командовала Миртл с удовольствием. – Давай!

Гарри набрал в грудь воздуха, сел под водой на мраморный пол и прислушался: из раскрытого яйца звучал хор голосов, от которых у него мурашки побежали по коже:

Ищи, где наши голоса звучать могли бы,
Но не на суше – тут мы немые, словно рыбы.
Ищи и знай, что мы сумели то забрать,
О чём ты будешь очень сильно горевать.
Ищи быстрее – лишь час тебе на розыск дали
На возвращение того, что мы украли.
Ищи и помни, отправляясь в этот путь,
Есть только час, потом пропажи не вернуть.

Гарри оттолкнулся от пола, вынырнул и, встряхнув головой, откинул волосы с лица.

– Ну что, слышал? – поинтересовалась Миртл.

– Ага. «Ищи, где наши голоса звучать могли бы...» Выходит, они... погоди-ка, послушаю ещё раз. – Гарри опять набрал в грудь воздуха и нырнул под воду.

Он нырял ещё три раза, пока наизусть не запомнил песню золотого яйца. После чего принялся ходить по комнате, ломая голову. Миртл сидела на краё и молча глядела на него.

– Гм... Надо найти людей, которые не могут говорить на земле... – рассуждал Гарри. – Кто бы это мог быть?

– Долго думаешь, – развеселилась Миртл.

Только раз на памяти Гарри Плакса Миртл так сияла. Тогда её обрадовали кошачья морда и хвост, которые Гермiona обрела под действием своего зелья.

Гарри окинул ванную комнату взглядом. Поющие голоса слышны только под водой, значит, их обладатели под водой и живут. Гарри поделился догадкой с Миртл.

– И Диггори до этого дошёл, – ухмыльнулась она. – Лежал-лежал, думал-думал, пока все пузыри в бассейне не полопались.

– Под водой... под водой... Миртл, скажи, а кто живёт у нас в озере, кроме гигантского кальмара?

– Да мало ли кто! Я иногда прогуливаюсь в озере. То по собственной воле, то по чужой. Иной раз сижу в бачке, а кто-нибудь спустит воду, когда я не ожидаю...

Гарри вообразил, как Миртл летит по канализационной трубе вместе с содержимым унитаза, поёжился и спросил:

– Ну, а кто там живёт, говорящий по-человечески? погоди...

Взгляд Гарри упал на единственную в ванной картину.

– А русалки с русалами в озере есть?

– О, молодец, – Глаза Миртл заискрились. – У Дигтори это заняло намного больше времени! А ведь *она* тогда не спала, – Миртл с отвращением кивнула в сторону русалки, – кокетничала и хихикала, хлопала плавниками...

– Так вот что это значит! – радостно воскликнул Гарри. – Во втором испытании надо найти в озере русалок с русалами и... и...

До Гарри вдруг дошёл смысл разгадки, и он сник, словно из него вытащили пробку и вся радость вытекла. Плавать он не очень. Практики почти не было. Дадли учили плавать, но тётя Петунья с дядей Верноном, похоже, надеялись, что в один прекрасный день Гарри утонет и освободит их от своего присутствия. Бассейн длиннее этого раза в два – не помеха, но большое озеро... и глубокое... и с водным народом, живущим наверняка на самом дне...

– Миртл, – медленно спросил Гарри, – как я там буду *дышать*?

У Миртл на глаза навернулись слёзы.

– Какая бестактность! – пробормотала Миртл и полезла в карман за носовым платком.

– Бестактность? – не понял Гарри.

– Говорить о дыхании при *мне*! – возопила Миртл на всю ванную. – Я не... – хлопнула она, – не дышу... столько лет... – прижала к лицу носовой платок и громко высморкалась.

Гарри вспомнил – Миртл очень обижалась, когда заговаривали о смерти. Другие привидения не были столь ранимы.

– Прости, я не хотел... Я просто забыл...

– Да-а, очень, очень легко забыть, что Миртл умерла, – рыдала Плакса Миртл. – Про меня про живую все забывали. А уж когда я умерла, моё тело и не искали. Я всё знаю, сидела там и ждала. Оливия Хорнби вошла в туалет и крикнула: «Перестань дуться, Миртл. Профессор Диппет велел тебя привести...» – и вдруг увидела моё тело. До самой смерти потом помнила – уж я постаралась. Частенько являлась ей, чтобы не забыла. На свадьбе её брата, как сейчас помню...

Гарри не слушал Миртл, вдумываясь в песню русалок. Они пели: «...мы сумели то забрать, о чём ты будешь очень сильно горевать». Значит, они что-то украли, и надо будет это вернуть. Но что?

– ...Она, конечно, нажаловалась в Министерство магии, чтобы я перестала её преследовать, и мне пришлось вернуться сюда. Так я с тех пор и живу в моём туалете.

– Ладно, – рассеянно бросил Гарри. – Теперь я гораздо ближе к цели. Зажмурься, пожалуйста, я оденусь.

Он достал со дна ванны яйцо, вылез, хорошенько вытерся полотенцем, надел пижаму и халат.

– Заглянешь ко мне в туалет? – уныло спросила Миртл, когда Гарри поднял плащ-невидимку.

– Э... я попробую... – ответил Гарри, а сам подумал: разве что все другие туалеты испортятся. – Пока, Миртл. Спасибо за помощь. – И натянул плащ-невидимку.

– Пока, – всхлипнула на прощанье Миртл и нырнула обратно в кран.

Гарри вышел из ванной в тёмный коридор и сверился с Картой: нет ли кого поблизости. Точки с именами Филча и миссис Норрис у себя в кабинете. Вроде бы все ещё спят, кроме полтергейста Пивза, – он носится в Зале почёта этажом выше. Гарри двинулся было в сторону своей башни, как вдруг нечто иное на Карте зацепило его взгляд. Нечто странное.

Не только Пивз гулял по замку. В нижней комнате слева – в кабинете Северуса Снейпа мечется точка, подписанная... «Бартемиус Крауч».

Гарри уставился на точку. Мистер Крауч вроде как болен, даже на работу не ходит, и на Йольском балу не был. Что же он делает в час ночи в Хогвартсе? Точка сновала по всей комнате, останавливаясь то в одном углу, то в другом.

Гарри в нерешительности помедлил, но любопытство пересилило. Он развернулся и пошёл к ближайшей лестнице, ведущей вниз. Надо выяснить, что же затеял мистер Крауч.

Гарри неслышно спускался по ступеням, но несколько картин, однако же, обернулись на скрип половиц и шорох пижамы. Этажом ниже Гарри, пройдя полкоридора, приподнял висевший на стене гобелен и вышел на узкую лестницу, которая сокращала путь на два этажа. Он всё время смотрел на Карту, удивляясь... Как это мистер Крауч, такой правильный, законопослушный, вдруг среди ночи забрался в чужой кабинет?

Он опять пошёл вниз и вдруг провалился одной ногой в дыру. Его так занимало странное поведение мистера Крауча, что совсем забыл о ложной ступеньке, куда вечно проваливался Невилл. Гарри неуклюже дёрнулся и золотое яйцо, ещё влажное, выскользнуло из подмышки. Он наклонился вперёд, пытаясь его поймать, но было слишком поздно: яйцо поскакало по ступеням с таким грохотом, словно кто-то бил в большой барабан. Плащ-невидимка пополз с плеча, Гарри успел подхватить его, но выронил Карту Мародёров, которая упала шестью ступенями ниже. Нога Гарри по колено застряла в дыре, до Карты не дотянуться.

Золотое яйцо набрало скорость, пролетело сквозь гобелен на лестничной площадке, раскрылось и завывало на весь коридор.

Гарри вынул волшебную палочку, хотел убрать изображение на Карте, но не достал. Поправил плащ, выпрямился, прислушиваясь, от ужаса зажмурил глаза... и почти сразу услышал:

– ПИВЗ!!!

Смотритель Филч вышел на охоту. Он был ещё далеко, но Гарри узнал торопливую стариковскую походку и хриплый сердитый голос.

– Ты чего там грохочешь? Весь замок поднимешь на ноги! Я доберусь до тебя, Пивз, доберусь, ты... а это ещё что такое?

Шаги затихли, послышался металлический щелчок и вой прекратился – это Филч поднял яйцо и закрыл его. Гарри стоял, не шелохнувшись, и слушал, ногу крепко зажал в

магической ступеньке. Филч станет искать Пивза, откинет гобелен, а Пивза-то тут и нет... Но, если пойдёт наверх – наткнётся на Карту Мародёра... Тогда и плащ-невидимка не поможет, Филч сразу заметит на Карте точку «Гарри Поттер» – там, где он стоит.

– Яйцо? – тихо произнёс Филч на лестничной площадке. – Моя дорогая! – Миссис Норрис очевидно была с ним. – Это же подсказка Тримагического Турнира! Принадлежит чемпиону школы!

У Гарри заколотилось сердце и потемнело в глазах.

– Пивз! Да ты воруетшь! – ликуя, заорал Филч. Он отдёргнул гобелен и сунул в брешь голову, лицо одутловатое, выпуклые глаза навыкате. Филч поглядел вверх, вниз и никого не увидел.

– Что, спрятался? Я до тебя доберусь, Пивз. Ты стащил подсказку Турнира, Пивз... За это Дамблдор выпшвырнет тебя, вороватого полтергейста паршивого ...

Филч пошёл вверх по лестнице, худая серо-коричневая кошка бежала рядом. Глаза миссис Норрис – два фонаря – глядели прямо на Гарри. И ему снова пришло в голову: вдруг кошки видят человека под плащом-невидимкой. От плохих предчувствий ему стало нехорошо. А Филч в старом фланелевом халате был всё ближе, ближе. Гарри ещё раз дёрнул ногу, но только глубже увяз. Филч вот-вот увидит Карту или, хуже того, наткнётся на самого Гарри.

– Филч? Что тут происходит? – раздался голос.

Остановившись шагах в двух от Гарри, Филч обернулся. Внизу лестницы появился тот, кого Гарри боялся больше, чем Филча – Северус Снейп. Судя по ночной рубашке, он только что встал с постели, а судя по выражению лица, был зол как собака.

– Это Пивз, профессор, – злобно прошептал Филч. – Он сбросил это яйцо с лестницы.

Снейп взбежал по лестнице к Филчу. Гарри стиснул зубы, ожидая, что бешеный стук сердца вот-вот его выдаст...

– Пивз? – Снейп глядел на яйцо в руках Филча. – Но Пивз не мог забраться в мой кабинет...

– Яйцо лежало у вас в кабинете, профессор?

– Разумеется, нет! Я услышал грохот и вой...

– Верно, профессор, это яйцо катилось...

– ...и пошёл посмотреть...

– ...его кинул Пивз...

– ...по дороге я заметил, что в моём кабинете горят факелы, а дверца шкафа приоткрыта! Кто-то там хозяйничал!

– Но Пивз не мог...

– Конечно не мог! Я запечатываю кабинет заклинанием, которое может снять только колдун. – Снейп поглядел вверх сквозь Гарри, потом вниз. – Идёмте, Филч, помогите найти взломщика.

– Я... Да, профессор, но...

Филч с сожалением поглядел сквозь Гарри. Другой такой возможности поймать Пивза с поличным не скоро дождётся.

«Иди. Ну *иди со Снейпом!* Ну, пожалуйста», – мысленно просил Гарри. Миссис Норрис выглянула из-за ног хозяина. Наверняка учуяла запах... Зачем только налил в ванну столько душистой пены?

– Профессор, – скулил Филч, – теперь-то уж директор меня послушает. Пивз украл вещь ученика. Это шанс навсегда выпвырнуть его из замка...

– Филч, плевать мне на вашего жалкого полтергейста. В мой кабинет залезли...

Клак. Клак. Клак.

Снейп осёкся. Оба с Филчем посмотрели вниз. Между их голов Гарри увидел Муди. Безумный Глаз вышел из-за гобелена в длинной ночной рубашке, поверх которой был наброшен старый походный плащ. Он, как всегда, опирался на свою палку.

– Вечеринка в пижамах? – ухмыльнулся Муди.

– Мы с профессором Снейпом слышали шум, – поспешил объяснить Филч. – Полтергейст Пивз, как обычно, швырялся чем попало. А профессор Снейп обнаружил, что кто-то забрался в его каби...

– Замолчите! – прошипел Снейп.

Муди шагнул к лестнице, поглядел магическим глазом на Снейпа, потом на Гарри.

Гарри встрепнулся. *Муди же видит сквозь плащ-невидимку.* Забавная сцена ему представилась: Снейп в ночной рубашке, у Филча в руках золотое яйцо, а Гарри увяз ногой в одной из ступенек. От изумления кривой рот Муди повело в сторону. Несколько мгновений они с Гарри глядели друг другу в глаза. Затем Муди устремил голубой глаз на Снейпа.

– Я верно расслышал? Кто-то проник к вам в кабинет, Снейп?

– Неважно.

– Напротив, очень важно. Кому понадобилось забраться в ваш кабинет?

– Предполагаю, что ученику. – На жирной коже виска Снейпа забилась жилка. – Это не первый раз. Воруют вещества для зелий из моего личного запаса. Варят незаконные смеси.

– Стало быть, вещества для зелий? А может, вы чего прячете в вашем кабинете, а?

Цвет лица Снейпа из землистого стал кирпичным, жилка на виске забилась сильнее.

– Вы, Муди, отлично знаете, что я ничего не прячу, – с тихой угрозой произнёс он. – Вы и сами тщательно обыскали мой кабинет.

Улыбка перекосила без того кривое лицо Муди.

– Такова работа аврора, Снейп. Дамблдор приказал приглядывать...

– Дамблдор мне доверяет, – возразил Снейп сквозь зубы. – Я отказываюсь верить, что он приказал вам обыскивать мой кабинет!

– Конечно доверяет. Он вообще людям верит. Даёт им возможность начать новую жизнь. А я считаю, есть пятна, которые не смываются. Понятно, о чём я?

При этих словах Снейп схватил правой рукой левую, как будто запястье вдруг пронзила сильная боль. Муди рассмеялся.

– Идите спать, Снейп.

– Никто не давал вам права приказывать мне! – Снейп резко отпустил запястье, словно разозлился на самого себя. – Я имею такое же право, как и вы, бродить ночью по школе.

– Вот и бродите. – В голосе Муди прозвучала нешуточная угроза. – Как-нибудь встретимся ещё в тёмном коридоре... Вы, кстати, что-то вон там обронили.

Гарри с ужасом заметил, что Муди указывает на Карту Мародёра. Снейп и Филч разом обернулись, и Гарри решился на отчаянный шаг: вскинул под плащом руки, замахал профессору Муди и, указывая на себя, одними губами произнёс:

– Это моё! *Moë!*

Лицо Снейпа искажила догадка, и он поспешно потянулся за Картой.

– *Accio* пергамент! – опередил его Муди. Карта приподнялась, скользнула сквозь пальцы Снейпа и опустилась в руку Муди.

– Ошибочка вышла, – невозмутимо произнёс он. – Это моё. Должно быть, случайно выронил...

Снейп чёрными глазками взглянул на Карту в руке Муди, на яйцо в руке Филча, и его осенило...

– Поттер, – процедил он сквозь зубы.

– Что? – спросил Муди, свернул Карту и спрятал в карман.

– Поттер! – рыкнул Снейп и взглянул на то место, где стоял Гарри, как будто видел его. – Это яйцо Поттера. Я узнал и пергамент. Он тоже принадлежит Поттеру. Мальчишка где-то здесь! В своём плаще-невидимке!

Снейп вытянул, как слепой, руки и стал медленно подниматься по лестнице, ноздри у него раздувались, как будто он принюхивался. Гарри откинулся назад, кончики пальцев Снейпа, казалось, вот-вот коснутся его...

– Нет там никого, Снейп! – крикнул Муди. – Но я с удовольствием сообщу директору, что первым вам на ум пришёл именно Гарри Поттер!

– И что? – спросил Снейп в считанных дюймах от Гарри, не убирая рук.

– А то, что Дамблдору не вредно знать, кто на Поттера точит зуб. – Муди дохромал до лестницы. – Да и мне хотелось бы кое-что прояснить... – Неверный свет факела мерцал на его искромсанном лице, отчего шрамы и изувеченный нос казались ещё страшнее.

Снейп смотрел на Муди. Гарри его лица не видел. На мгновение никто не говорил и не шевелился. Затем Снейп опустил руки.

– Я только подумал, – произнёс Снейп с деланным спокойствием, – что Поттер опять стал бродить по ночам... Такая уж у него несчастная привычка... Его надо от неё отучить... для его же собственной пользы...

– А, понятно, – мягко сказал Хмури. – Заботитесь о Поттере, значит?

С минуту Снейп и Муди молча глядели друг на друга. Миссис Норрис громко мяукнула, вертя головой в поисках источника банного аромата.

– Пойду-ка я спать, – кисло проговорил Снейп.

– Лучшая мысль за всю ночь, – заметил Муди. – Дайте-ка мне это яйцо, Филч...

– Не дам! – Филч вцепился в свою добычу, как в любимое чадо. – Это улика против Пивза, профессор.

– Это яйцо участника Турнира. Дайте его мне. Скорее!

Снейп спустился и, не прибавив ни слова, прошёл мимо Муди. Филч позвал миссис Норрис, кошка зыркнула ещё раз на Гарри, повернулась и побежала к хозяину. Гарри тяжело дышал, слушая, как удаляется Снейп. Филч отдал яйцо Муди и тоже ушёл, бросив напоследок своей кошке:

– Ничего, моя дорогая, утром пойдём с тобой к Дамблдору, всё ему про Пивза расскажем...

Где-то хлопнула дверь. Гарри поглядел на Муди. Оставив палку внизу, тот тяжело похрамал вверх.

– Едва пронесло, Поттер.

– Да, я... спасибо, – пролепетал Гарри.

– Что это такое? – Муди вынул из кармана Карту Мародёра.

– Карта Хогвартса, – отмахнулся Гарри, надеясь, что Муди извлечёт его ногу из дыры в лестнице. Нога начала сильно болеть.

– Борода Мерлина, – прошептал Муди, разглядывая карту. Магический глаз заметался по волосатым переплетениям линий. – Нет, Поттер, это не просто карта.

– Вообще-то полезная штука. – У Гарри от боли навернулись на глаза слёзы. – Профессор Муди, вы не могли бы меня вытащить?..

– Что? Ах, да... Конечно...

Муди взял Гарри за руки и дёрнул, нога выскочила из дыры, и Гарри прыгнул на ступеньку выше. Муди не отрываясь глядел на карту.

– Слушай-ка, Поттер, – медленно проговорил он, – ты, случайно, не видел, кто ходил по кабинету Снейпа? На карте, конечно.

– Видел, – признался Гарри. – Мистер Крауч.

Магический глаз тотчас обшарил всю Карту. Муди явно встревожился.

– Крауч? Ты... Ты уверен, Поттер?

– Уверен.

– Ладно, в замке его больше нет. Гм... Крауч... Весьма любопытно...

Ещё с минуту Муди молча глядел на карту. Эта новость что-то для него значила, и Гарри очень захотелось узнать что. Спросить не спросить? Страшновато... Гарри вообще побаивался Муди, но ведь Муди только что помог ему избавиться от больших неприятностей...

– Профессор Муди, скажите, пожалуйста, зачем мистеру Краучу было забираться в кабинет профессора Снейпа?

Магический глаз Муди оторвался от карты и, чуть подрагивая, пронизывающе поглядел на Гарри. Муди, казалось, прикидывает, сказать или нет, и если сказать, то что именно?

– Я бы так ответил, Поттер, – начал он наконец. – Говорят, Безумный Глаз помешался на ловле Тёмных магов, да только Безумный Глаз по сравнению с Бартни Краучем пустое место.

Он снова поглядел на Карту. Но Гарри на этом не успокоился.

– Профессор Муди, а может быть, это из-за... то есть, может быть, мистер Крауч что-то подозревает...

– Что, например? – резко спросил Муди.

Как бы не проговориться! Ни к чему Муди знать, что у Гарри есть источник информации за стенами замка. Станет ещё выпытывать про Сириуса...

— Ну, не знаю... — ответил Гарри. — Последнее время тут происходит много непонятного. В «Ежедневном пророке» об этом писали... Тёмная Метка на Кубке мира, Пожиратели Смерти, да и вообще...

Муди удивлённо посмотрел на Гарри.

— А ты, гляжу, парень не промах, — сказал он, и его магический глаз вернулся к Карте. — Крауч, возможно, занят именно этим. Очень возможно. Слухи сейчас ходят престранные. Без Риты Скитер, конечно, не обошлось... Многие занервничали. — Ухмылка ещё больше перекосила его кривое лицо. — Если я кого ненавижу, — пробормотал он себе под нос, глядя в левый нижний угол Карты, — так Пожирателя Смерти, который разгуливает на свободе...

Гарри с изумлением взглянул на Муди. Неужели правда? Да нет, не может быть.

— А теперь, Поттер, кое-что я у *тебя* спрошу. — Муди перешёл на деловой тон.

У Гарри душа ушла в пятки. Сейчас Муди спросит, откуда у него эта Карта — магическая вещь весьма сомнительного происхождения. Целая история, как она попала ему в руки. В ней замешаны и его собственный отец, Фред с Джорджем, профессор Люпин, прошлогодний учитель защиты от Тёмных искусств. Гарри собрался с духом, приготовившись отвечать на скользкие вопросы. Муди поднял Карту перед собой и спросил:

— Можно мне позаимствовать её на время?

— А! — вымолвил Гарри. Очень жаль карты, но какое счастье, что Муди не спросил, откуда она у него. Да к тому же Муди здорово ему помог, так что он у Муди в долгу. — Да, хорошо.

— Молодец, — прохрипел Муди. — Она очень мне пригодится. *Её-то* мне, может, и не доставало... А теперь, Поттер, скорее в постель!

Они вместе поднимались по лестнице. Муди не отрывал глаз от Карты, как будто раздобыл сокровище, равного которому нет во всём свете. Шли молча, у двери своего кабинета Муди остановился и поглядел на Гарри.

— Поттер, тебе приходило в голову стать аврором?

— Нет, — изумлённо ответил Гарри.

— Ты подумай об этом на досуге. Хорошенько подумай... Кстати, ты ведь взял с собой яйцо не просто погулять с ним по замку?

— Э... нет, — улыбнулся Гарри. — Я загадку разгадывал.

Муди моргнул, его магический глаз снова заходил ходуном.

— Для поиска идей нет ничего лучше ночной прогулки. Верно, Поттер? Увидимся утром. — Он вошёл в кабинет и, всё ещё глядя на Карту, закрыл за собой дверь.

Гарри побрёл в башню Гриффиндора, думая о Снейпе, о Крауче, обо всём происходящем... Зачем Крауч притворился больным, а сам ночью объявляется в Хогвартсе? Что, по его мнению, Снейп прячет у себя в кабинете?

Муди считает, что Гарри может стать аврором! Интересная идея... Гарри вошёл в спальню, снял плащ-невидимку и вместе с золотым яйцом спрятал в свой чемодан. Для

начала неплохо бы выяснить, все ли авторы так изувечены. А уж тогда решать, стоит ли им становиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ

– Ты же говорил, что разобрался с подсказкой в яйце! – негодовала Гермиона.

– Тише ты! – сказал Гарри сердито. – Мне надо было просто уточнить детали, понятно?

Гарри, Рон и Гермиона сидели за последней партой на уроке чар. Проходили Отбрасывающие чары, которые действовали как Манящие, только наоборот. Профессор Флитвик снабдил учеников подушками: другие предметы, что были в классе, могли больно ушибить или даже повредить кого-нибудь. Учитель полагал, что уж подушкой-то, даже если она полетит не туда, никого не пришибёшь. Так-то оно так, да вышло всё по-другому. Невилл, к примеру, всё норовил вместо подушки запустить что-нибудь ещё, раз даже самого профессора Флитвика запустил.

– Забудь ты об этом яйце хоть на минуту! – прошипел Гарри, а мимо со свистом безропотно пролетел профессор Флитвик и угодил на высокий шкаф. – Я пытаюсь тебе рассказать о Снейпе с Муди...

Ученики так увлеклись весёлыми полётами подушек, что не обращали больше ни на что внимания, и можно было спокойно поговорить. Гарри пол-урока шёпотом пересказывал приключения прошедшей ночи.

– Снейп сказал, что Муди обыскивал и его кабинет? – спросил шёпотом Рон с живым интересом в глазах. Взмахом волшебной палочки он кинул подушку, она взвилась в воздух и сбила с Парвати шляпу. – Выходит... может, Муди и за Снейпом приглядывает, как за Каркаровым?

– Не знаю, просил ли его Дамблдор, но он точно это делал, – ответил Гарри и, не особо задумываясь, повёл волшебной палочкой, его подушка перевернулась на парте и плюхнулась на пол. – Муди вроде говорил, будто Дамблдор держит Снейпа здесь, потому что даёт ему шанс исправиться.

– Что? – Рон расширил глаза. Его очередная подушка взмыла в воздух, ткнулась в канделябр и шлёпнулась Флитвику на стол. – Гарри... а может, Муди думает, что это *Снейп* подкинул твоё имя в Кубок Огня?

– Ой, Рон, – Гермиона поджала губы и покачала головой. – Мы уже думали, что Снейп хочет убить Гарри, а оказалось, что он его спасал. Ты не забыл?

Она заклинанием откинула подушку; подушка пролетела весь класс и угодила как раз куда нужно – в коробку. Задумавшись, Гарри поглядел на Гермиону... Снейп, и правда, однажды его спас, но вот что странно: Снейп ненавидел Гарри, точно так же, как раньше ненавидел его отца, когда отец ещё учился в школе. Снейп обожал его наказывать за плохое поведение и не упускал случая отобрать у Гриффиндора очки, предлагал даже отчислить Гарри из школы.

– Мало ли, что сказал Муди, – продолжала Гермиона. – Дамблдор не дурак, он не ошибся, поверив Хагриду и профессору Люпину, хотя другие бы им работу не дали. Так почему он со Снейпом вдруг должен ошибиться, даже если Снейп слегка...

— ...злыдень, — быстро закончил Рон. — С чего бы тогда, по-твоему, всем подряд ловцам Тёмных магов обыскивать его кабинет?

— Почему мистер Крауч прикидывается больным? — продолжала Гермиона, не обращая на слова Рона внимания. — Забавно получается, что он не может прийти на Йольский бал, но при желании может сюда забраться.

— Ты из-за этой эльфихи Винки Крауча не любишь, — сказал Рон и запустил подушкой в окно.

— А тебе просто нравится думать, что Снейп что-то замышляет, — парировала Гермиона и отправила следующую подушку в коробку.

— Надо узнать, что такого натворил Снейп и почему ему потом поверили, — пробормотал Гарри, кинул подушку, и она, к его удивлению, опустилась прямо на подушку Гермионы.

* * *

Сириус просил Гарри сообщать ему обо всём необычном, что делается в Хогвартсе. Гарри тем же вечером написал про то, что мистер Крауч побывал в кабинете Снейпа, и как Снейп говорил с Муди. Отправив письмо, Гарри стал думать о том, что для него было сейчас важнее всего: как двадцать четвёртого февраля провести под водой без воздуха целый час.

Однажды Гарри рассказал Рону об аквалангах, и Рон предложил снова воспользоваться Манящими чарами и достать в ближайшем маггловском городе в магазине акваланг, ласты и маску. Но Гермиона тут же в пух и прах разнесла его предложение, сказав, что даже если Гарри и сумеет научиться плавать с аквалангом на протяжении часа, то его наверняка исключат из Турнира за нарушение Международного кодекса магической секретности. Врядли магглы не заметят летящий в небе акваланг.

— Лучше всего, — сказала Гермиона, — превратиться во что-нибудь, например, в подводную лодку. Жаль, что мы ещё не проходили превращение человека! Оно будет только на шестом курсе. Лучше пока и не пытаться, может плохо кончиться...

— Да уж, мне вовсе не улыбается расхаживать с перископом, торчащим из головы, — заметил Гарри. — Может, напасть на кого-нибудь при Муди, чтобы он меня во что-нибудь такое...

— Не думаю, что он даст тебе выбор, во что превратиться, — серьёзно сказала Гермиона. — Нет, по-моему, лучший вариант — это какие-нибудь чары.

И Гарри с мыслью, что ещё немного и начитается на всю оставшуюся жизнь, снова обложился пыльными книгами и принялся искать заклинание, которое поможет ему выжить без кислорода. Гарри, Рон и Гермиона проводили в библиотеке все большие перемены, вечера и даже выходные. Гарри выпросил у МакГонаггалл разрешение посещать Особую секцию библиотеки, даже попросил помощи у сердитой, грифоподобной библиотекарши мадам Пинс, но нужного заклинания они так и не нашли.

Гарри то и дело от отчаяния прошибал холодный пот, и он стал рассеян на уроках. Гарри никогда раньше не обращал особого внимания на озеро, он к нему привык так же, как к Запретному Лесу или к самому замку. Теперь всякий раз, садясь в классе у окна, он всё

глядел и глядел на огромное зеркало из ледяной воды стального цвета, а тёмное дно озера представлялось ему таким же далёким, как луна.

Также, как и перед схваткой с хвосторогой, время стало куда-то улетучиваться, словно часы заколдовали, и они ужасно заспешили. До двадцать четвёртого февраля – неделя (ничего, ещё есть время)... пять дней до двадцать четвертого (пора бы уже что-то найти)... три дня (пожалуйста, пусть я хоть что-нибудь найду... *пожалуйста...*).

За два дня до второго тура у Гарри пропал аппетит. В понедельник во время завтрака вернулась бурая сова с ответом от Сириуса, и это была единственная за всё время отрада. Гарри отвязал свёрнутый в трубочку кусок пергамента, развернул и прочитал: «*Сообщи дату следующей прогулки в Хогсмид*».

Это было самое короткое письмо Сириуса. Гарри поглядел, не написано ли чего на обороте, но там было пусто.

– Только через выходные, – прошептала Гермиона, прочитав записку через плечо Гарри. – На вот моё перо, отправь сейчас же сову обратно.

Гарри написал число и месяц прямо на обороте записки Сириуса, привязал её к лапе бурой совы, и сова улетела. Гарри грустно поглядел ей вслед. А чего он ещё ждал? Совета, как продержаться под водой? Торопился написать про разговор Снейпа с Муди и совсем забыл спросить про загадку яйца.

– Зачем ему знать день посещения Хогсмиды? – удивлённо спросил Рон.

– Не знаю, – ответил Гарри. Записка была так коротка, что вся радость исчезла, и Гарри снова приуныл. – Пойдёмте, сейчас уход за магическими животными...

Урок снова вёл Хагрид. И то ли в извинение за взрывохвостых скрутов, то ли оттого, что скрутов осталось всего два, то ли из-за желания доказать, что он ничем не хуже профессора Граббл-Планк, но с самого своего возвращения к работе Хагрид продолжил её уроки о единорогах. Об этих магических существах он, как оказалось, знал столько же, сколько о чудовищах, хотя, будь у единорогов вместо рогов ядовитые клыки, он бы говорил об их повадках с большей охотой.

Для урока Хагрид поймал двух маленьких единорожиков. Взрослые единороги белого цвета, а жеребята – золотые. Парвати и Лаванда пришли в совершеннейший восторг, даже у Пэнси Паркинсон при виде двух малышек перехватило дыхание, хотя она всеми силами старалась это скрыть.

– Жеребят заметить проще, чем взрослых, – объяснил Хагрид. – Года в два они делаются серебряными, а рога вырастают годам к четырём. Взрослыми они становятся в семь лет и уж тогда только белеют. Жеребята доверчивые, мальчиков не так боятся. Коль хотите, можете погладить. Дайте им сахарку.

– Что, Гарри, идут дела? – спросил потихоньку Хагрид, отходя, чтобы ученики смогли погладить единорожиков.

– Да, – ответил Гарри.

– Волнуешься?

– Чуть-чуть.

– Гарри, – Хагрид похлопал громадной рукой Гарри по плечу, у Гарри подогнулись коленки. – Я тоже волновался за тебя перед хвосторогой. А ты вон её как! Я-т' знаю, раз ты её захотел, так уж добьёшься. Я за те'я спокоен. Всё у тебя будет путём. Подсказку-то ты отгадал?

Гарри кивнул, хотя ему страшно захотелось признаться, что он понятия не имеет, как продержаться под водой без воздуха целый час. Он взглянул на Хагрида: может, Хагрид нырял в озеро, там ведь много кто живёт? Ведь за остальными-то животными Хагрид присматривал...

– Ты победишь, – уверенно пробасил Хагрид, снова похлопал Гарри по плечу, и Гарри по щиколотку завяз ногами в грязи. – Я знаю. Нутром чую. *Ты победишь, Гарри.*

Хагрид уверенно поглядел в глаза Гарри и радостно улыбнулся. Ну разве можно его огорчить? Гарри через силу улыбнулся и отошёл, сделав вид, что ему хочется вместе со всеми поласкать маленьких единорогов.

* * *

Вечером перед вторым испытанием Гарри уже казалось, словно его заточили в кошмар. Он понимал, что если и отыщется подходящее заклинание, придётся очень постараться, чтобы овладеть им за одну ночь. Как он мог допустить такое? Почему так поздно взялся за загадку-подсказку яйца? Почему отвлекался на уроках? А вдруг кто-нибудь из учителей рассказывал, как дышать под водой?

Как только стемнело, Гарри, Рон и Гермиона пришли в библиотеку и лихорадочно просматривали страницу за страницей книги с заклинаниями, массивные стопки которых громоздились на столах и отгораживали ребят друг от друга. Каждый раз, когда Гарри встречалось слово «вода», сердце ёкало от радости, но уже в следующую минуту опускались руки: чаще всего оказывалось, что это очередное *«Налейте в котёл две пинты воды, всыпьте половину фунта толчёного листа мандрагоры, положите головастика...»*.

– Всё без толку, – безнадёжно сказал Рон из-за своей книжной баррикады. – Здесь ничего. *Ничего*. Есть чары Засухи, но они только для луж да прудов годятся, а озеро осушить таким способом и думать нечего.

– Должно быть что-то, – пробормотала Гермиона, пододвигая поближе свечу к толстому тому «Забытых старинных заклинаний и чар». От усталости у неё болели глаза, а тут ещё и мелкие буквы. – Невыполнимое задание вам бы никогда не дали.

– Именно это они и сделали, – возразил Рон. – Иди-ка ты, Гарри, завтра к озеру, сунь в него голову и крикни погромче этим русалкам да русалам, чтобы поскорее вернули то, что у тебя украли. Всё равно, приятель, это лучшее, что можно сделать.

– Должен быть выход! – сердито буркнула Гермиона. – Должен!

Гермиона, похоже, восприняла отсутствие нужной информации в библиотеке словно личное оскорбление. Книги ещё ни разу её не подводили.

– Знаю, что надо было делать, – сказал Гарри, уронив голову на книжку «Нахальные уловки для ловкачей-нахалов». – Надо было выучиться на анимага, как Сириус.

– Точно. Захотел и обернулся золотой рыбкой, – подхватил Рон.

– Ну или лягушкой, – Гарри зевнул от усталости.

– Превращаться в животных учатся годами, а потом ещё надо и зарегистрироваться, и ещё много чего, – сказала Гермиона, сощурившись и пробегая глазами содержание книги «Странные колдовские дилеммы и их решения». – Помните, МакГонаггалл рассказывала... надо зарегистрироваться в отделе Неправомерного применения магии ... в какое животное превращаешься, особые приметы и всё прочее, чтобы не злоупотреблял...

– Да я пошутил, Гермиона, – отмахнулся Гарри. – Сам знаю, что до завтрашнего утра не научусь превращаться в лягушку.

– Ой, это вообще бесполезно, – воскликнула Гермиона, захлопнув «Странные колдовские дилеммы». – Кому на планете Земля захочется, чтобы волосы у него из носа росли колечками?

– Я не прочь, – послышался голос Фреда Уизли. – Это была бы фишка!

Гарри, Рон и Гермиона разом оторвались от книг. Фред с Джорджем показались из-за стеллажей с книгами.

– А вы тут что делаете? – спросил Рон братьев.

– Тебя как раз ищем, – ответил Джордж. – МакГонаггалл тебя разыскивает. И тебя, Гермиона, тоже.

– Зачем? – удивилась Гермиона.

– Не знаю, – пожал плечами Фред. – Хотя, вид у неё был довольно мрачный.

– Она нам велела вас обоих в её кабинет привести, – подытожил Джордж.

Рон с Гермионой поглядели на Гарри, у Гарри всё внутри похолодело. Сейчас им от МакГонаггалл достанется.

Должно быть, она заметила, что они ему всё время помогают, а он должен всё делать сам.

– Встретимся в гостиной, – сказала Гермиона, встав со стула. – И захвати побольше книг, ладно?

– Хорошо, – спокойно ответил Гарри.

И Гермиона с Роном, с тревогой на лицах, ушли. В восемь часов мадам Пинс погасила все лампы и свечи и выгнала Гарри из библиотеки. Гарри взял столько книг, сколько мог унести, и, сгибаясь под их грузом, вернулся в гриффиндорскую гостиную, подвинул стол к креслу в углу и стал снова искать нужное заклинание. В «Сумасбродной магии для чудаковатых чародеев» ничего... в «Руководстве по средневековому волшебству» тоже... в «Антологии чар восемнадцатого века» ни слова о погружении под воду, и в книге «Страшные обитатели глубин», и в книге «Колдовские силы, о которых вы и не подозревали, и что с ними делать теперь, после осознания» тоже ничего.

Пришёл Косолап, улёгся у Гарри на коленях, свернулся клубком и мирно замурлыкал. Гостиная понемногу пустела. Все гриффиндорцы перед сном, совсем как Хагрид, бодро и весело желали Гарри удачи. Они были уверены не меньше Хагрида, что Гарри преодолет второе испытание так же успешно, как и первое. Гарри на пожелания молча кивал головой, в горле словно мяч для гольфа застрял. К полуночи в гостиной остался только он и кот Косолап. Уже все книги были пролистаны, а Рон и Гермиона так и не вернулись.

Всё. Ничего не выйдет. Придётся утром пойти к озеру и сказать судьям...

Гарри представил себе, как он подходит к судейскому столу и говорит, что не может пройти испытание. Бэгмэн выпучит от изумления глаза; Каркаров радостно оскалит жёлтые зубы; Флер Делакур скажет: «Так и знала... Он слишком мал, всего лишь маленький мальчик». А Малфой выйдет вперёд и выпятит грудь со значком «*Поттер – смердяк*». Хагрид не поверит своим глазам и ужасно огорчится...

Совсем позабыв о Косолапе, Гарри вскочил на ноги. Кот свалился на пол и зашипел, искоса поглядел на Гарри, выставил трубой похожий на ёрш для мытья бутылок хвост и важно удалился. Гарри помчался по винтовой лестнице в спальню. Скорее взять плащ-невидимку, вернуться в библиотеку и сидеть там, если надо, хоть всю ночь...

Четверть часа спустя Гарри пробрался в библиотеку и прошептал:

– *Lumos*.

На кончике волшебной палочки вспыхнул свет, и Гарри пошёл вдоль стеллажей, выбирая книги о порчах и чарах, книги о русалках и русалах, о водяных чудищах, о знаменитых ведьмах и колдунах, книги о магических изобретениях, проще говоря, все книги, где хоть что-то могло говориться о выживании под водой. Набрав охапку книг, Гарри сел за стол и принялся пролистывать один толстый том за другим при слабом свете волшебной палочки, изредка сверяясь с часами.

Час ночи... два часа... после каждой книги, чтобы не отчаиваться, Гарри говорил себе: «Следующая книга... значит, в следующей... в следующей...»

* * *

Русалка на картине в ванной префектов подняла высоко над головой его «Всполох» и хихикала, а Гарри скакал как пробка в мыльных пузырях под её утёсом.

– А ты достань! – зло посмеивалась русалка. – Давай, прыгай!

– Не могу, – захлёбываясь, кричал Гарри и пытался схватить метлу. – Отдай её мне!

Русалка ткнула его в бок древком метлы и захохотала.

– Больно же! Отстань! Ай...

– Гарри Поттер должен проснуться.

– Не толкайся...

– Добби должен разбудить Гарри Поттера, сэр. Гарри Поттер должен проснуться.

Гарри открыл глаза. Пока он спал, плащ-невидимка соскользнул с головы, а щека прилипла к странице книги «Есть волшебная палочка – найдётся и выход». Гарри поднял голову и, щурясь от яркого дневного света, поправил очки.

– Гарри Поттер должен спешить! – пискнул Добби. – До второго испытания десять минут! Гарри Поттер...

– Десять минут? – осипшим спросонья голосом спросил Гарри. – Десять... Как, десять?!

Он поглядел на часы. Девять часов двадцать минут! У Гарри душа ушла в пятки.

– Скорее, Гарри Поттер! – Добби дёрнул Гарри за рукав. – Вам нужно быть у озера вместе с другими чемпионами, сэр!

– Поздно, Добби, – безнадёжно сказал Гарри. – Я не пойду, я не знаю, как...

– Гарри Поттер *пройдёт* испытание! – запищал эльф. – Добби знает, что Гарри Поттер не нашёл нужную книгу, Добби сам нашёл её.

– Ты нашёл? Ты ведь даже не знаешь, что будет во втором испытании...

– Добби знает, сэр! Гарри Поттер должен нырнуть в озеро, отыскать Уизи...

– Чего отыскать?

– ...и отобрать Уизи у русалок.

– Да Уизи-то что такое?

– Ваш Уизи, сэр, Уизи. Он подарил Добби свитер. – Добби дёрнул свой бордовый свитер, из-под которого торчали шорты.

– *Что?* Они... они *Рона* украли? – не поверил услышанному Гарри.

– То, чего Гарри Поттеру будет очень не хватать, сэр! А через час...

– «Едва лишь час пройдёт, искать уж будет поздно, покража пропадёт...» – продолжил Гарри, расширенными от ужаса глазами глядя на эльфа. – Что же делать, Добби?

– Гарри Поттер должен съесть вот это, – пискнул эльф, запустил руку в карман шорт и вытащил комок чего-то, что напоминало скользкие серо-зелёные крысиные хвосты. – Перед тем, как нырять в озеро, сэр – жабросли!

– А для чего они? – Гарри с недоверием глядел на слизистый комок.

– Они помогут дышать под водой, сэр.

– Добби, а ты точно знаешь? – в отчаянии спросил Гарри.

Он ещё не забыл, что Добби уже однажды хотел ему помочь, и в результате у Гарри из руки исчезли все кости.

– Добби точно знает, сэр, – убедительно ответил эльф. – Добби много чего слышит, сэр. Добби зажигает в замке огни и моет полы, Добби слышал, как профессор МакГонаггалл и профессор Муди говорили про следующее испытание... Добби не позволит Гарри Поттеру потерять Уизи!

Все сомнения у Гарри исчезли. Вскочив на ноги, снял плащ-невидимку и запихал его в рюкзак, выхватил у Добби жабросли, сунул в карман и выскочил из библиотеки, эльф следовал за ним по пятам.

– Добби пора на кухню, сэр, – пропищал Добби в коридоре. – Добби будут искать. Удачи, Гарри Поттер, сэр, удачи!

Гарри уже промчался по коридору и, сбегая по лестнице через три ступеньки, крикнул:

– Пока, Добби!

В вестибюле ещё копошились запоздалые ученики, они только что позавтракали и шли из Большого Зала к озеру поглядеть на второе испытание. Они с удивлением смотрели, как Гарри пронёсся мимо них, выскочил в раскрытые дубовые двери и скатился вниз по парадной лестнице, сбив с ног Колина и Дэнниса Криви.

Гарри побежал по лужайке. На улице было солнечно и морозно, на противоположном берегу озера высились трибуны, те самые, что стояли в ноябре вокруг загона с драконами. Трибуны были забиты до отказа, ученики оживлённо переговаривались, и невнятный гомон, отражаясь от воды, доносился до Гарри. На ближнем берегу у самой воды стоял покрытый

золотой парчой стол судей, и Гарри напрямик помчался туда. Седрик, Флер и Крам уже стояли у судейского стола и ждали его.

Гарри подбежал, резко остановившись у стола, и случайно забрызгал грязью Флер.

— Я... здесь... — запыхавшись, проговорил он.

— Где ты был? — важно с укором спросил кто-то. — Испытание вот-вот начнётся.

Гарри увидел за судейским столом вместо мистера Крауча Пёрси Уизли, мистер Крауч снова не приехал.

— Ну-ну, Пёрси, — вмешался Людо Бэгмэн, при появлении Гарри явно чувствовавший облегчение. — Дай ему хотя бы отдышаться.

Дамблдор дружелюбно улыбнулся Гарри, Каркаров и мадам Максим холодно поглядели в его сторону, сразу было видно, что они его не ждали.

Гарри согнулся и упёрся руками в колени, тяжело дыша. В боку кололо, словно между рёбер зажали нож, а времени на отдых уже не осталось. Людо Бэгмэн расставил участников вдоль берега озера на расстоянии десяти футов друг от друга. Гарри стоял с краю, рядом с ним Крам в плавках и с волшебной палочкой наготове.

— Всё в порядке, Гарри? — прошептал Бэгмэн, отставляя Гарри от Крама ещё на несколько футов. — Знаешь, что делать?

— Ага, — ответил Гарри, потирая бок.

Бэгмэн нервно дёрнул плечом и вернулся к судейскому столу, направил волшебную палочку на горло, как тогда, на Кубке мира, и произнёс: «*Sonorus*!» — его голос тут же понёсся через озеро к высоким трибунам.

— Ну, что ж, все участники готовы ко второму испытанию. Начнём по моему свистку. За час они должны найти то, что у них отобрали. Итак, на счёт три: раз... два... *три!*

Холодный неподвижный воздух огласил пронзительный свист, трибуны взорвались криками и рукоплесканиями. Гарри, не глядя, что делают другие участники испытания, скинул ботинки, стянул носки, достал из кармана комок жаброслей, сунул в рот и побрёл в озеро.

Вода в озере была ледяная и резала ноги, как будто это была не вода, а огонь. Мантия и брюки промокли, и чем глубже Гарри заходил, тем тяжелее они становились; он зашёл в воду уже по колено, даже глубже, ноги немели и скользили на плоских, заросших илом камнях. Гарри усердно жевал скользко-резиновые, как щупальца осьминога, жабросли. Зайдя в воду по пояс, он остановился, проглотил и стал ждать.

На трибунах засмеялись. Гарри понимал, что выглядит глупо, просто спускаясь в озеро без какой-либо магии. Он дрожал от холода и весь покрылся гусиной кожей, холодно стоять в ледяной воде, да ещё ветер треплет волосы. На трибунах смеялись всё громче, особенно старались слизеринцы, свистели и улюлюкали, и Гарри старался не глядеть туда.

Вдруг Гарри почувствовал, словно ему на лицо наложили невидимую подушку, зажали рот и нос, он судорожно вздохнул, и у него закружилась голова. Лёгкие опустели, а слева и справа на шее словно полоснули бритвой...

Гарри схватился ладонями за шею и почувствовал под ушами широкие щели, которые открывались и закрывались, словно хватали воздух... *Появились жабры*. Без дальнейших раздумий Гарри сделал единственную вещь, которая имела смысл – нырнул в воду.

Глоток ледяной воды показался глотком жизни. Голова перестала кружиться, второй глоток воды плавно прошёл сквозь жабры, и мозг насытился кислородом. Гарри поглядел на руки, в зелёной озёрной воде они казались призрачными, а между пальцами выросли перепонки. Он изогнулся и взглянул на ноги – голые ступни вытянулись и тоже сделались перепончатыми, вместо ступней у Гарри отросли ласты.

Ледяная вода вдруг стала просто прохладной, приятной и удивительно лёгкой. Гарри вытянул руки, сделал ими сильный гребок, заработал ногами-ластами и удивился, как быстро он плывёт. И видел он теперь ясно и далеко, и можно было не моргать. Скоро Гарри заплыл так глубоко, что уже не мог различить поверхности озера, и направился прямо ко дну.

Гарри поплыл вдоль дна. Тишина давила на уши. Вода у дна была мутная, и видел Гарри теперь лишь футов на десять вокруг себя. Под ним расстился удивительный мутный пейзаж, новые картины словно выскакивали из темноты по мере того, как он быстро плыл вперёд. То вырастали целые леса чёрных трепещущих водорослей, то широкие илестые луга с редкими валунами. Гарри заплывал всё ниже и ниже, к середине озера, он широко раскрыл глаза и старался заглянуть подальше, туда, где за серой пеленой воды смутно маячили тени.

Маленькие серебристые рыбки стрелами проносились мимо. Раз или два Гарри казалось, что впереди его поджидает чудище, но, подплыв ближе, он обнаруживал либо почерневшее бревно, либо ком водорослей. Других участников Турнира, русалок с русалами, Рона и – к счастью – гигантского кальмара видно не было.

Картина под ним сменилась, теперь, насколько хватало глаз, внизу простиралась долина светло-зелёных водорослей высотой в два фута, казавшихся переросшей травой. Гарри всё глядел вперёд, не мигая, стараясь различить, что его ждёт впереди по очертаниям в полутьме. Вдруг кто-то схватил его за ногу.

Гарри обернулся и увидел гриндилоу. Маленькое, рогатое водное чудище вылезло из водорослей, крепко схватило Гарри длинными пальцами и оскалило острые клыки. Гарри сунул перепончатую руку в карман и стал нащупывать волшебную палочку, нащупал, и тут из зарослей появились ещё два гриндилоу, схватили Гарри за мантию и потащили ко дну.

– *Relashio!* – беззвучно крикнул Гарри, и из рта у него вырвался пузырь воздуха, а из кончика волшебной палочки вместо привычных искр гриндилоу обдало струёй кипятка. Их зелёная кожа в местах попадания кипятка приобретала красный оттенок. Гарри вырвал ногу из костистых пальцев и быстро поплыл прочь, через плечо наугад посылая в чудищ новые потоки кипятка. Гриндилоу то и дело хватили его за ноги, но он отбрыкивался и, в конце концов, угодил пяткой одному прямо в лоб. Ошеломлённый гриндилоу скосил глаза и уплыл прочь, его приятели погрозили Гарри костлявыми кулаками и спрятались в водорослях.

Гарри отплыл подальше, остановился, спрятал волшебную палочку в карман мантии, огляделся и прислушался. Тишина давила сильнее, чем когда-либо. Гарри описал круг. Он заплыв уже очень глубоко, а кроме колышущихся водорослей ещё ничего не нашёл.

– Ну как дела?

Гарри чуть удар не хватил. Он рывком повернулся и увидел Плаксу Миртл, едва различимую в тёмной воде, огромные глаза привидения за толстыми очками в перламутровой оправе глядели не мигая.

— Миртл! — хотел крикнуть Гарри, и вместо этого у него изо рта вылетел большой пузырь. Плакса Миртл захихикала.

— Плыви вон туда, — указала она. — Я с тобой не поплыву. Они мне не нравятся, вечно гоняются за мной, если я подбираюсь слишком близко.

Гарри в благодарность поднял вверх оба больших пальца и поплыл в указанном направлении, держась повыше над водорослями, на случай, если там прячутся другие гриндилоу.

Плыл Гарри, как ему показалось, по меньшей мере, минут двадцать. Он плыл над целой долиной чёрного ила, и от того, что он плыл, илистая муть приподнималась и крутилась вихрями. И, наконец, он вдалеке услышал обрывок западающей в память русалочьей песни.

Ищи быстрее — лишь час тебе на розыск дали
На возвращение того, что мы украли...

Гарри поплыл быстрее. Впереди в мутной воде показался громадный камень. На камне — рисунок: русалы держат в руках копьё и гонятся за чудовищем, по виду — гигантским кальмаром. Гарри миновал стороной камень и поплыл на русалочью песню.

...Минуло полчаса — спеши!
Скорей пропажу заberi...

Вдруг из тьмы показались очертания домов, слепленных прямо из булыжников и поросших водорослями. В тёмных окнах виднелись лица... эти лица были совсем не похожи на мордашку русалки с картины в ванной префектов.

Серая кожа и длинные-длинные тёмно-зелёные волосы, жёлтые глаза, неровные зубы, на шеях — ожерелья из гальки. Гарри плыл мимо, а они злобно на него глядели. Несколько русалов и русалок выплыли из своих каменных хижин с копьёми в руках и, мощно работая серебристыми хвостами, подплыли взглянуть поближе.

Гарри быстрее поплыл по русалочьей улице; каменных хижин становилось всё больше, вокруг некоторых были разбиты сады водорослей, а у двери одной хижины даже сидел привязанный к колу домашний гриндилоу. Отовсюду выплывали новые русалки и русалы, с любопытством разглядывали гостя, указывали друг другу на перепонки на руках и ногах и на жабры Гарри и перешёптывались. Гарри завернул за угол, и его глазам предстало удивительное зрелище.

На обрамлённой несколькими домами площади собралась толпа русалок и русалов. В середине площади высилась гигантская статуя русала, высеченная из цельного куска скалы, перед статуей выстроился русалочий хор и пел песню участникам Турнира. К хвосту статуи были привязаны четыре человека.

Рона привязали между Гермियोной и Чоу Чанг. Ещё там была девочка лет восьми с серебристыми волосами, как у Флер Делакур. Гарри догадался, что это её сестра. Все четыре пленника крепко спали, склонив головы на плечи, у всех четырёх из рта тянулись вверх тоненькие струйки пузырьков.

Гарри поспешил к пленникам, ожидая, что русалы нападут на него со своими копьями, но те нападать и не думали. Толстые скользкие верёвки, которыми привязали Рона, Гермioniу, Чоу и сестру Флер, были из водорослей и очень крепкие. Гарри сразу вспомнил о перочинном ножике, что подарил ему Сириус на Рождество, но ножик спрятан в дорожном чемодане в замке и здесь ему ничем не поможет.

Гарри огляделся. У русалов в руках были копья. Гарри метнулся к русалу семи футов ростом с длинной зелёной бородой и ожерельем из акульих зубов и жестами попросил у него копьё. Русал рассмеялся и покачал головой в знак отказа.

– Мы не помогаем, – сказал он хриплым резким голосом.

– Да что ТАК-то! – рассердился Гарри (но из рта вылетели только пузыри). Он попробовал вырвать у русала копьё из рук, но ничего не вышло, русал только смеялся и качал головой.

Тогда Гарри стал кружить над площадью в поисках чего-нибудь острого.

Дно озера в этом месте было сплошь усыпано осколками камней. Гарри выбрал камень позазубристей, вернулся к статуе и принялся пилить им верёвку. Минут через семь верёвка вокруг Рона была перепилена, и Рона – по-прежнему без сознания – тихонько понесло течением над самым дном.

Гарри снова огляделся. Ни Седрика, ни Флер, ни Крама. Да где ж они застряли? Почему не торопятся? Гарри подплыл к Гермione и начал перепиливать и её верёвку.

Его тут же схватили несколько пар мускулистых рук. Пять или шесть русалов тянули его прочь от Гермione и со смехом трясли головами.

– Забирай своего пленника, – сказал один из них, – других оставь...

– Ни за что! – выпустил пузыри Гарри.

– Твоё задание вернуть своего друга... других оставь...

– Она тоже мой друг! – кричал Гарри, указывая на Гермioniу, и огромный серебряный пузырь беззвучно появился из его рта. – И их я тут умирать не оставляю!

Голова Чоу лежала на плече у Гермione, девочка с серебристыми волосами походила на зелёное привидение. Гарри попробовал было вырваться из рук русалов, но те только сильнее расхохотались. Гарри судорожно принялся искать глазами других участников. Ну где же они, наконец? Может, он успеет поднять на поверхность Рона и вернуться за Гермioneй и остальными? А сможет ли он их найти потом? Гарри поглядел на часы – часы остановились.

Вдруг русалы и русалки что-то увидели и стали указывать пальцами куда-то вверх. Гарри обернулся, поглядел вверх и увидел Седрика. Седрик плыл к русалочьей деревне, на голове у него был большой пузырь, из-за чего черты его лица казались шире, чем на самом деле.

– Я заблудился! – проговорил Седрик одними губами. – Флер и Крам тоже скоро будут.

У Гарри словно гора с плеч свалилась. Седрик достал из кармана перочинный ножик и перерезал верёвку, которой была привязана Чоу, обхватил Чоу и уплыл с ней наверх.

Гарри остался ждать. Где же Флер и Крам? Час скоро кончится, и тогда, если верить песне, пленников уже не вернуть...

Вдруг послышались вопли русалок. Русалы отпустили Гарри и обернулись, обернулся и Гарри. К ним плыло чудовище: человеческое туловище в плавках и голова акулы — видимо, Виктор Крам попытался превратиться в акулу.

Акулочеловек подплыл к Гермione и попробовал вцепиться зубами в верёвку вокруг неё. Но верёвка была короткая, и своими новыми челюстями, предназначенными для чего-то более крупного, Краму было нелегко её зацепить. Мало того, такие попытки могли привести к ранению самой пленницы. Гарри подскочил к Краму, хлопнул его по плечу и протянул камень с зазубринами. Крам схватил камень, сейчас же перепилил верёвку, обхватил Гермione за талию и, даже не взглянув на Гарри, помчался наверх.

Что же делать? Если бы точно знать, что Флер приплывёт... А её нигде не видно... Делать нечего...

Гарри снова схватил камень — Крам его кинул на дно, — но русалы обступили Рона и незнакомую девочку и закачали головами.

Гарри выхватил волшебную палочку.

— С дороги!

Из рта выскочил только пузырь воздуха, но русалы его поняли, потому что перестали смеяться и, расширив от страха жёлтые глаза, глядели на палочку. Их много, а Гарри один, но понятно по их испугу, что колдуны из них такие же, как из гигантского кальмара.

— Считаю до трёх, — выпустил Гарри из рта очередную струю пузырей и на всякий случай показал русалам три пальца. — Раз (он загнул один палец)... два (загнул другой)...

Русалы разлетелись кто куда. Гарри кинулся к маленькой девочке и принялся пилить её верёвку, скоро и девочка стала свободна. Он обхватил девочку вокруг талии, схватил Рона за воротник мантии и поплыл вверх.

Плыть и тащить за собой такой груз было тяжело, руками он грести уже не мог, только из всех сил работал ластами, но Рон и сестра Флер, словно мешки с картошкой, тянули его на дно... Гарри глядел вверх. Ещё очень глубоко, вода впереди чёрная...

Русалы с русалками плыли следом. Они легко носились вокруг и глядели, как он выбивается из сил, стараясь скорее доплыть до поверхности. Время скоро выйдет. Тогда они утащат его обратно на дно? Может, они людоеды? Ноги Гарри сводила судорога от усилий; его руки ужасно болели под весом Рона и девочки...

Стало тяжело дышать. Шея снова заболела, вода снова становилась мокрой на вкус... Наверху уже светлее... Светлее...

Гарри с такой силой заработал ногами, что ноги словно взвыли от боли, а голова пропиталась водой. Гарри больше не мог дышать... нужно вздохнуть... нужно плыть дальше... нужно плыть...

И он ощутил, как голова пробила поверхность озера. От чудесного, свежего прохладного воздуха закололо мокрое лицо. Гарри глотал воздух и наслаждался им, словно впервые в жизни вздохнул полной грудью. Рона и девочку он держал на плаву вместе с собой. Зеленоволосые русалы с русалками всплыли следом за ним, но улыбались.

Трибуны радостно завопили и засвистели, все вскочили на ноги. Должно быть, решил Гарри, все думали, что Рон с маленькой девочкой захлебнулись, но нет, Рон и девочка проснулись и открыли глаза. Девочка смутилась и испугалась, а Рон выплюнул воду, замигал от яркого света и, повернувшись к Гарри, сказал:

– Вот ведь сырость! – тут он увидел сестру Флер. – А эту ты чего вытащил?

– Флер так и не приплыла. Что же мне было делать? Не оставлять же её там? – еле переводя дыхание, ответил Гарри.

– Гарри, балбес, ты что, принял песню всерьёз? Дамблдор не позволил бы никому из нас утонуть!

– Но в песне говорилось...

– Да это для того, чтобы вы там не возились и поскорее нас нашли. Надеюсь, ты не торчал там дольше нужного, изображая героя.

Гарри почувствовал себя очень глупо и одновременно его охватило раздражение. Рону легко говорить, *он*-то спал, он не знает, как там, на дне, жутко, когда вокруг эти русалы с копьями в руках, способные убить в любой момент.

– Давай, – сказал Гарри, – помоги мне с ней, вряд ли она хорошо плавает.

И они вдвоём потянули за собой сестру Флер к берегу, где уже ждали судьи; двадцать русалов плыли вместе с ними, словно почётный караул, и распевали хриплыми голосами скрипучие песни.

Мадам Помфри возилась на берегу с Гермией, Крамом, Седриком и Чоу, укутывая их в толстые шерстяные одеяла. Дамблдор и Людо Бэгмэн улыбались Гарри и Рону, но Пёрси был блее простыни и казался беспомощным подростком. Он не стал дожидаться, пока Рон и Гарри доплывут до берега, и сам поплёпал по воде им навстречу. Флер Делакур билась в истерику и вырывалась из рук мадам Максим с криком:

– Габгизэль! *Габгизэль!* Она жива? Она ганена?

– С ней всё в порядке, – пытался крикнуть Гарри, но от усталости и говорить-то мог еле-еле, не то что кричать.

Пёрси подхватил Рона и потащил к берегу («Да отвяжись ты, Пёрси! Я и сам дойду!»); Дамблдор с Бэгмэном поддерживали Гарри под руки, Флер наконец вырвалась из крепких рук своего директора и схватила сестру в охапку.

– Там гиндилоу... они на меня напали... о моя сестгёнка, я уже думала... я думала... – и она разрыдалась.

– А ну-ка, иди сюда! – приказала мадам Помфри Гарри, подхватила его, подтащила к остальным, завернула в шерстяное одеяло так крепко, будто смирительную рубашку на него натянула, и влила в рот какого-то очень горячего зелья, от которого у Гарри пар из ушей повалил.

– Молодец, Гарри! – воскликнула Гермия. – Молодец! Сам обо всём догадался.

– Ну... – Гарри уже собирался рассказать ей о Добби, но заметил, что Каркаров пристально на него глядит. Из всех судей только он не радовался возвращению Гарри, Рона и маленькой сестры Флер и остался сидеть за столом. – Да, сам, – сказал Гарри громко, чтобы и Каркаров его услышал.

– Гермивонна, у тебя водный жук на голове, – сказал Крам.

Гарри показалось, что Крам хочет привлечь внимание Гермiony и, может быть, напомнить, что это он только что спас её, вызволив со дна озера, но Гермiona нетерпеливо смахнула с головы жука и сказала:

– Жаль, что ты не успел вовремя... Ты долго нас искал?

– Да нет... я вас быстро нашёл...

Гарри почувствовал себя ещё глупее. Здесь, на суше, стало яснее ясного, что Дамблдор ни за что не дал бы умереть пленникам, не доплавив до них участники. Почему он просто не забрал Рона и не уплыл? Вернулся бы первым... Седрик с Крамом времени зря не теряли на возню с остальными пленниками; русалочью песню они всерьёз не приняли...

Дамблдор склонился у воды и беседовал с русалкой, самой дикой и злобной на вид из всего водного народа; должно быть, она была среди своего племени главной. Дамблдор издавал те же резкие скрипучие звуки, что и русалы с русалками, когда они над водой, значит, Дамблдор знал русалочий язык. Дамблдор разогнулся, повернулся к остальным судьям и сказал:

– Надо бы посоветоваться перед тем, как ставить оценки.

Судьи собрались в кучку. Мадам Помфри отобрала Рона у Пёрси, подвела его к Гарри и остальным, дала ему одеяло и напоила Перечным зельем, потом отправилась за Флер и её сестрой. У Флер были исцарапаны и изрезаны лицо и руки, изодрана мантия, но ей самой было не до того, и она ни за что не хотела позволить мадам Помфри промыть раны.

– Пгиглядите за Габгизель, – попросила она мадам Помфри, а сама подошла к Гарри.

– Ты спас её, – сказала она, переводя дыхание. – Хотя она и не была твоим пленником.

– Спас, – ответил Гарри, а сам в душе пожалел, что не оставил всех трёх девчонок привязанными к статуе.

Флер наклонилась и расцеловала Гарри в обе щёки (Гарри вспыхнул и подумал, что у него сейчас снова пар из ушей повалит), а после обернулась к Рону.

– И ты помогал... – сказала она.

– Да, – ответил с надеждой тот. – Помогал, немного...

Флер быстро наклонилась и расцеловала и его. Гермiona была из-за этого взбешена, но тут за спинами участников раздался громоподобный, магически усиленный голос Людо Бэгмэна, от неожиданности все они вздрогнули, а зрители на трибунах притихли.

– Леди и джентльмены, предводительница русалов Муркус поведала нам, что в точности произошло на дне озера. Напоминаю, что действия чемпионов оцениваются по пятидесятибальной шкале. Итак...

– Мисс Флер Делакур продемонстрировала замечательное владение чарами Пузыреголовости, но на неё напали гриндилоу, и она не сумела спасти своего пленника. Мы решили поставить ей двадцать пять очков.

На трибунах захлопали.

– Я не достойна, – хриплым голосом проговорила Флер, качая своей очаровательной головкой.

– Мистер Седрик Дигтори также использовал чары Пузыреголовости и первым вернулся со своим пленником, но вернулся на минуту позже установленного времени, – хаффлапаффы на трибунах разразились криками и аплодисментами, а Чоу поглядела на него светящимися от радости глазами. – Мистеру Дигтори мы ставим сорок семь очков.

Гарри сник, если уж Седрик не успел вовремя, то сам он и подавно.

– Мистер Виктор Крам продемонстрировал неполное превращение, что, впрочем, не помешало ему выполнить задание, и он вернулся вторым. Его оценка – сорок очков.

Каркаров надулся от гордости и захлопал громче всех.

– Мистер Гарри Поттер с успехом воспользовался жаброслями, – продолжал Людо Бэгмэн. – Он вернулся последним и потратил на задание гораздо больше условленного времени. Однако предводительница русалов сообщила нам, что мистер Поттер первым нашёл пленников и задержался на дне только потому, что желал вернуть на сушу не только своего собственного, а непременно всех пленников.

Рон и Гермиона кинули на Гарри взгляд, одновременно восхищённый и жалобный.

– Почти все судьи, – тут Бэгмэн неприятно взглянул на Каркарова, – посчитали, что такое поведение говорит о высоких моральных качествах и заслуживает высшей оценки. Однако... оценка мистера Поттера – сорок пять очков.

У Гарри сердце заколотилось от счастья, он разделил с Седриком первое место. Рон и Гермиона, не ожидавшие такого результата, глядели на Гарри, раскрыв рты, а потом радостно засмеялись и громко захлопали вместе с остальными учениками.

– Вот так, Гарри! – крикнул Рон. – Ты, оказывается, не тупил, а демонстрировал высокие моральные качества!

Флер тоже хлопала изо всех сил, а Крам приуныл, попытался снова заговорить с Гермионой, но та от восторга не обращала на него внимания.

– Третье и последнее испытание состоится на закате двадцать четвёртого июня, – продолжил Бэгмэн. – За месяц до этого чемпионам Турнира объявят, что это будет за испытание. Благодарю вас всех за поддержку чемпионов.

«Всё», – ошеломлённо думал Гарри, идя в группе чемпионов и пленников вслед за мадам Помффри в замок, чтобы переодеться в сухую одежду. – «Всё, прошёл... теперь можно обо всём забыть до двадцать четвёртого июня...»

И Гарри, поднимаясь по каменной лестнице замка, решил, что, когда в следующий раз отправится в Хогсмид, обязательно купит Добби столько пар носков, сколько дней в году.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БРОДЯГИ

После второго испытания всем стало любопытно узнать подробности подводного приключения, а, стало быть, и на долю Рона перепала часть славы Гарри. Оба просто купались в лучах известности. Рон по десять раз на дню пересказывал свои злоключения, и с каждым разом рассказ у него выходил чуточку по-иному. Сперва Рон рассказывал правду, по крайней мере, он говорил то же, что и Гермиона: пленников привели в кабинет МакГонагалл, там Дамблдор их заколдовал, пообещав, что с ними всё будет в порядке, и что они проснутся, как только снова окажутся на поверхности озера. Через неделю Ронов рассказ превратился в леденящую душу историю, из которой следовало, что на него напали и выкрали из замка, ему пришлось в одиночку отбиваться от полусотни до зубов вооружённых русалов и русалок, и они его, в конце концов, одолели, связали и уволокли на самое дно озера.

Рон теперь привлекал всеобщее внимание, и Падма Патил стала к нему благосклоннее, каждый раз, встречаясь с ним в коридоре, она старалась заговорить.

— Но перед этим я сунул в рукав волшебную палочку, — уверял её Рон. — Я мог расправиться с этими водными болванами в любой момент...

— И что бы ты сделал, храпом их распугал? — вставила ироничное замечание Гермиона. Теперь её все дразнили дамой сердца Виктора Крама, и так ей досадили, что ничего не стоило вывести её из себя.

Рон покраснел до кончиков ушей и после уже говорил лишь о заколдованном сне.

Март выдался сухим и ветреным. Сов сносило порывами, они сбивались с курса, и почта приходила с опозданием. Бурая сова, которую Гарри отослал к Сириусу с запиской о дне посещения Хогсмид, вернулась только в пятницу во время завтрака. Птица была вся растрёпанная и взъерошенная. Только Гарри отвязал от её ноги записку с ответом Сириуса, как она тут же улетела, видимо, боялась, что её снова куда-нибудь отошлют.

Сириус, как и в прошлый раз, писал кратко.

«В два часа дня в субботу будь у перелазы при повороте на Хогсмид (со стороны «Дервиш и Бэнз»). Захвати с собой столько еды, сколько сможешь».

— Он что, в Хогсмид вернулся? — удивился Рон.

— Похоже на то, не так ли? — ответила Гермиона.

— Поверить не могу, — испугался Гарри. — Если его поймут...

— До сих пор ведь не поймали? — сказал Рон. — Да и дементоров в Хогсмиде больше нет.

Гарри сложил записку, спрятал в карман и призадумался. Если честно, очень хочется повидаться с Сириусом. Поэтому идти на последний урок — сдвоенное зельеварение — было куда легче обычного.

У дверей класса сбились в кучку Малфой, Крэбб с Гойлом и Пэнси Паркинсон со своими подружками из Слизерина. Они вместе что-то разглядывали и громко смеялись. Похожая на мопса Пэнси высунулась из-за толстого плеча Гойла и задорно глянула на Гарри, Рона и Гермиону.

— А вот и они! Вот и они! — хихикнула она, и кучка слизеринцев распалась. У Пэнси в руках оказался журнал «Намедни с ведьмой». На обложке красовалась какая-то кудрявая ведьма, она улыбалась во все свои тридцать два зуба и держала волшебную палочку над пирогом.

— Для тебя там есть что почитать, Грэйнджер! — крикнула Пэнси и швырнула журнал Гермионе, та вздрогнула от неожиданности, но поймала. Дверь подвала распахнулась, показался Снейп и махнул им, чтобы заходили.

Гермиона, Гарри и Рон устроились, как обычно, за последней партой. Как только Снейп повернулся к ним спиной, чтобы написать на доске ингредиенты для нового зелья, Гермиона украдкой раскрыла под партой журнал и стала листать. Статья, что она искала, оказалась в середине журнала. Гарри и Рон наклонились поближе. Сверху страницы была цветная фотография Гарри, а под ней шла коротенькая заметка, озаглавленная «Тайна разбитого сердца Гарри Поттера».

«Гарри Поттер мальчик необыкновенный, но как все мальчики его возраста испытывает муки юности. Рано потерявший родителей и лишённый родительской любви, он думал, что обрёл утешение в своей верной подруге в Хогвартсе, магглорождённой Гермионе Грэйнджер. Но догадывался ли он, что очень скоро ему придётся перенести новый удар судьбы и новую утрату?»

Мисс Грэйнджер простая, но амбициозная девочка, которую тянет к знаменитостям, и одного Гарри Поттера ей мало. С тех пор как в Хогвартс приехал Виктор Крам, искатель сборной Болгарии, триумфатор недавнего Чемпионата мира, мисс Грэйнджер продолжает играть чувствами обоих мальчиков. Безаветно влюблённый Крам уже пригласил её на летние каникулы в Болгарию и признался, что «ещё никогда ничего подобного к девушкам не испытывал».

Как бы то ни было, сомнительно, что естественное очарование мисс Грэйнджер стало причиной симпатии к ней двух несчастных мальчиков.

— Она просто уродина, — говорит о ней Пэнси Паркинсон, миловидная, привлекательная ученица четвёртого курса. — Но она умна, и ей вполне по силам сварить приворотное зелье. В этом-то, я думаю, всё и дело.

Приворотные зелья запрещены в школе «Хогвартс», и Альбус Дамблдор, без сомнения, заинтересуется причиной успеха своей ученицы. А доброжелателям Гарри Поттера останется только надеяться, что в следующий раз он отдаст своё сердце более достойной.»

— Ну, что я говорил? — прошептал Рон Гермионе, глядя в журнал. — Предупреждал ведь, что не надо злить Риту Скитер. В итоге она из тебя какую-то... ночную бабочку сделала!

Напряжение исчезло с лица Гермионы, и она прыснула.

— Ночную бабочку? — трясаясь от смеха, переспросила она и взглянула на Рона.

— Моя мама так их называет, — пролепетал смущённо Рон, и его уши покраснели.

— Если это лучшее, на что Рита способна, то она теряет хватку, — сквозь смех сказала Гермиона и бросила журнал на незанятый стул. — Такая чупы!

Гермиона поглядела в сторону слизеринцев, те таращились на них с Гарри в надежде, что «голубки» смутятся и расстроятся. Вместо того Гермиона ухмыльнулась, помахала им

рукой и вместе с Гарри и Роном принялась доставать ингредиенты, необходимые для Умострящего зелья.

– Странно всё-таки, – задумчиво проговорила Гермиона немного спустя, держа в одной руке ступку с сушёными скарабеями, а в другой – пестик, – откуда Рита Скитер узнала...?

– Что узнала? – Рон резко повернулся к ней. – Ты что, *правда*, варишь приворотное зелье?

– Глупости не говори, – Гермиона снова принялась толочь скарабеев. – Нет, просто... откуда она узнала, что Виктор Крам пригласил меня на летние каникулы?

Гермиона зарделась и отвернулась.

– Как? – опешил Рон и со стуком уронил пестик.

– Он меня пригласил сразу, как выгнали из озера. Вернул себе свою нормальную голову вместо акульей, мадам Помффри укутала нас одеялами, он отвёл меня подальше от судей, чтобы они не слышали, и предложил, если у меня нет планов на лето, приехать...

– И что ты ответила? – Рон взял с парты пестик и, пристально глядя на Гермиону, совсем забыв про жуков в ступке, принялся толочь парту.

– Он тогда, и *вправду*, сказал, что ничего подобного никогда не чувствовал, – продолжала Гермиона и покраснела, Гарри даже показалось, будто от неё идет жар. – Но как она услышала? Её, там не было... или была? Может, у неё плащ-невидимка, и она пробралась в Хогвартс поглядеть второе испытание?

– Что ты ему *ответила*? – повторил вопрос Рон и с такой силой застучал по столу пестиком, что стол покрылся вмятинами.

– Ну, мне тогда было не до него, я ждала вас с Гарри...

– Ваша жизнь, мисс Грэйнджер, без сомнения, полна любопытных событий, – раздался ледяной голос, – но не следует обсуждать её на моих уроках. Минус десять очков Гриффиндору.

Пока они разговаривали, Снейп незаметно подошёл к ним и встал за их спинами. Весь класс глядел на них; Малфой воспользовался удобным случаем и продемонстрировал значок с надписью «*Поттер – смердяк*».

– А, так вы ещё и журналы на уроках читаете! – прибавил Снейп и взял со стула «Намедни с ведьмой». – Ещё минус десять очков Гриффиндору. Ах, ну, конечно... – Снейп увидал статью Скитер, и у него заблестели глаза. – Поттеру необходимо следить за публикациями в прессе...

Слизеринцы загоготали, Снейп угрожающе улыбнулся, и, к ярости Гарри, стал читать заметку вслух.

– «*Разбитое сердце Гарри Поттера*»... что же, Поттер, у вас болит на этот раз? «*Гарри Поттер мальчик необыкновенный...*»

Настала очередь Гарри залиться краской. А Снейп ещё и после каждого предложения останавливался, чтобы слизеринцы могли вдоволь насмеяться. В исполнении Снейпа заметка звучала десятикратно хуже.

– «...А доброжелателям Гарри Поттера остаётся только надеяться, что в следующий раз он отдаст своё сердце более достойной», – ухмыльнулся Снейп и под гоготанье слизеринцев свернул

журнал в трубочку. — Пожалуй, лучше будет вас троих рассадить, чтобы вы могли сосредоточиться на зельях, а не любовных переживаниях. Вы, Уизли, останетесь здесь. Мисс Грэйнджер сядет вон там, с мисс Паркинсон. А Поттер передо мной, за первой партой. Вперёд. Живо.

Гарри, дрожа от ярости, швырнул рюкзак и ингредиенты для зелья в котёл и потащил его к незанятой парте перед самым столом учителя. Снейп пошёл следом, уселся за свой стол и стал глядеть, как Гарри достаёт вещи из котла. Гарри, стараясь не глядеть на Снейпа, снова принялся толочь скарабеев, представляя себе, что каждый жук — это профессор зельеварения.

— Похоже, что это внимание прессы, Поттер, раздувает ваше и без того большое самомнение, — негромко сказал Снейп, когда класс успокоился.

Гарри смолчал. Снейп и раньше пытался вызвать его на грубость. Можно не сомневаться, он ищет предлог отнять до конца урока у Гриффиндора ещё очков пятьдесят.

— Вы, может быть, полагаете, будто весь магический мир от вас без ума? — продолжал Снейп тихо, так что никто, кроме Гарри, его не слышал (Гарри толоч сушёных скарабеев, хоть они и превратились уже в ступке в мелкий порошок). — Лично мне нет никакого дела, сколько раз вашу фотографию печатали в газетах. Для меня вы, Поттер, лишь несносный мальчишка, который считает, будто школьные правила не для него.

Гарри высыпал перетёртых в пыль скарабеев в котёл и принялся резать корень имбиря. От злости у него дрожали руки, но глаз он не поднимал, будто не слышал, что говорит ему учитель.

— Так вот, предупреждаю вас, Поттер, — угрожающим, вкрадчивым голосом продолжал Снейп, — я не погляжу, что вы знаменитость, попробуйте ещё только раз забраться в мой кабинет...

— Я близко к вашему кабинету не подходил! — огрызнулся Гарри, позабыв о своей мнимой глухоте.

— Не врете! — прошипел Снейп, непроницаемым взглядом буравя Гарри. — Шкура бумсланга и жабросли — из моего личного запаса. И я знаю, кто их украл.

Гарри смело, не мигая, поглядел Снейпу прямо в глаза, как глядят честные люди. Он, и правда, ничего не крал у Снейпа. Порошок из шкуры бумсланга на втором курсе стащила Гермiona, он им был нужен для Многосущного зелья. И сколько бы Снейп ни подозревал Гарри, доказать он этого так и не смог. Ну а жабросли украл, конечно, Добби.

— Не понимаю, о чём вы говорите, — холодно солгал Гарри.

— В ту ночь, когда залезли в мой кабинет, вас в спальне не было, я это точно знаю, Поттер! — прошипел Снейп. — И я не намерен терпеть ваше поведение, даже если вашим поклонником сделался и Безумный Глаз Муди. Ещё одна попытка забраться в мой кабинет, Поттер, и поплатитесь за это!

— Хорошо, — безразличным тоном ответил Гарри и снова стал нарезать имбирный корень. — Буду иметь в виду на тот случай, если мне когда-нибудь захочется туда забраться.

Снейп сверкнул глазами и сунул руку под мантию. Гарри на секунду решил, что Снейп выхватит волшебную палочку и заколдует его, но Снейп вынул крохотный пузырёк с прозрачным как слеза зельем. Гарри пристально поглядел на пузырёк.

– Знаете, что это, Поттер? – спросил Снейп, злобно сверкая глазами.

– Нет, – искренне ответил Гарри.

– Это Веритасерум. Сыворотка правды, настолько сильная, что достаточно и трёх капель, чтобы вы сейчас же всему классу выдали все свои тайны, – злобно произнёс Снейп. – Использование этого зелья, конечно, строго ограничено правилами Министерства. Но может так случиться, что я случайно, скажем, за ужином пронесу руку над вашим тыквенным соком, и рука *дрогнет*, – он слегка встряхнул пузырёк, – и вот тогда, Поттер, мы и узнаем, были вы в моём кабинете или нет.

Гарри ничего не ответил, снова взял корень имбиря и нож и принялся резать. Ни сыворотка правды, ни угроза Снейпа её применить ему не понравились. Гарри подавил дрожь от мысли, что он может сказать, прими он этого зелья.... Как он выдаёт своих друзей, Гермиону и Добби, а потом рассказывает о переписке с Сириусом... и – у Гарри всё внутри похолодело – о своих чувствах к Чоу... Гарри ссыпал кусочки корня имбиря в котёл и подумал, не последовать ли примеру Муди, не пить ли из собственной фляжки.

В дверь подземелья постучали.

– Войдите, – спокойно сказал Снейп.

Ученики обернулись к входу. Дверь открылась, вошёл Каркаров и направился между рядами парт к учительскому столу, вызвав своим появлением удивление и любопытство учеников. Каркаров был взволнован и крутил свою козлиную бородку.

– Нам надо поговорить, – сказал он, подойдя к Снейпу. Каркарову явно не хотелось, чтобы кроме Снейпа его кто-нибудь услышал, поэтому он едва открывал рот и походил на плохого чревовещателя. Гарри продолжал тщательно резать корень имбиря, а сам наострил уши.

– После урока поговорим... – так же тихо, как и неожиданный посетитель, начал Снейп, но Каркаров перебил его.

– Нет, сейчас, пока ты не можешь слинять, Северус. Ты меня избегаешь.

– После урока, – отрезал Снейп.

Гарри сделал вид, что хочет проверить, достаточно ли налил желчи броненосца, поднёс стеклянный стаканчик к глазам, а сам искоса глянул на учителя и его гостя. Каркаров был крайне взволнован, а Снейп сердился.

Каркаров до самого конца двоянного зельеварения ходил за спиной Снейпа. Боялся, видимо, что Снейп и в этот раз сбежит. Гарри хотелось узнать, зачем пожаловал Каркаров, и за две минуты до звонка он нарочно опрокинул пузырёк желчи броненосца на пол. Остальные ученики шумно собирались, потом толпились, выходя из класса, а он присел за котёл и стал вытирать разлитую желчь, прислушиваясь к разговору.

– Что за срочность? – прошипел Снейп.

– Вот что, – ответил Каркаров.

Гарри выглянул из-за котла: Каркаров закатал левый рукав мантии и показал Снейпу что-то у себя на запястье.

– Ну? – тихо спросил Каркаров, почти не шевеля губами. – Видишь? Неужели не ясно? Она не была такой чёткой с тех пор, как...

– Убери! – вскрикнул Снейп, и его глаза забегали по классу.
– Неужели ты не заметил? – взволнованно спросил Каркаров.
– Позже поговорим, Каркаров! – взорвался Снейп. – Поттер, вы что здесь забыли?
– Вот собираю желчь броненосца, профессор, – невинными глазами глядя на Снейпа, ответил Гарри и показал мокрую тряпку.

Каркаров, встревоженный и злой, развернулся на каблуках и вылетел вон из класса. Гарри совсем не хотелось оставаться наедине с профессором зельеварения, он торопливо побросал учебники и ингредиенты для зелий в рюкзак и поспешил убраться из подземелья. За дверью его поджидали Рон и Гермиона, и ему не терпелось рассказать им, что он услышал.

* * *

На следующий день после обеда Гарри, Рон и Гермиона отправились в Хогсмид. Небо прояснилось, и всюду светило солнце. Друзьям стало жарко, и на полпути до деревни все трое сняли плащи и закинули их на плечи. Гарри нёс в рюкзаке еду для Сириуса; за обедом они стащили со стола дюжину куриных ножек, батон хлеба и наполнили фляжку тыквенным соком.

По дороге они заглянули в магазин одежды колдунов от Гладрэга и купили для Добби подарок. Они долго выбирали носки и всякий раз весело хохотали, найдя новую забавную пару. Среди многих пар одна сверкала вышитыми золотыми и серебряными звёздами, а другая, когда становилась слишком пахучей, истопно вопила. В половине второго вышли из магазина, прошлись по Центральной улице, миновали магазин «Дервиш и Бэнгз» и направились к краю деревни.

В этой направлении Гарри ещё прогуливался. Тропинка часто петляла, дома попадались всё реже и реже, скоро они вышли из Хогсмида и пошли к горе, в тени которой деревня и расположилась. Тропинка вильнула в последний раз, и у её конца обнаружился приступок у ограды. Опёршись на него передними лапами, с газетой в зубах, их поджидал тощий чёрный пёс, очень знакомый на вид.

– Здравствуй, Сириус, – поприветствовал пса Гарри.

Пёс нетерпеливо обнюхал сумку Гарри, вильнул хвостом, развернулся и затрусил между кустов к каменистому подножию холма. Гарри, Рон и Гермиона перешли через ограду и отправились следом.

Сириус привёл их к самому холму, сплошь усеянному камнями. Ему, на его четырёх лапах, подниматься было легко, а Гарри, Рон и Гермиона тяжело отдувались. Сириус поднимался всё выше и выше. Почти с полчаса они взбирались по крутому каменистому склону. Сириус бежал впереди, тропка виляла, и на поворотах он оборачивался, помахивая хвостом. Солнце жарило нещадно, трое друзей обливались потом, лямки рюкзака резали Гарри плечи.

Потом Сириус вдруг куда-то исчез, ребята подошли и увидели в скале узкую расщелину. Они проникли внутрь и очутились в прохладном тёмном гроте. В дальнем конце грота, привязанный верёвкой к большому камню, сидел гиппогриф Брыклов. Брыклов был

наполовину серой лошадьё, наполовину огромным орлом, и чуть только они вошли, сердито и важно посмотрел на них огненным глазом. Трое друзей низко поклонились гиппогрифу, тот ещё с полминуты, словно раздумывая, взирал на них свысока и, в конце концов, тоже преклонил перед ними чешуйчатые передние лапы. Гермiona побежала погладить его по шее. Гарри не отрывал глаз от чёрного пса, который вскоре обернулся его крёстным.

На Сириусе опять была прежняя поношенная серая мантия. Со времени разговора с Гарри через камин волосы у него отросли ещё больше, но только теперь они были вновь немыты и спутаны. Он здорово исхудал.

– Курица! – воскликнул он хриплым голосом, вынув изо рта старый номер «Ежедневного пророка» и бросив его на землю.

Гарри снял с плеч рюкзак, достал упакованные куриные ножки и хлеб и подал Сириусу.

– Спасибо, – сказал Сириус, развернул еду, схватил ножку, сел прямо на пол и запустил в курицу зубы. – Я тут в основном крысами питался. Из Хогсмиды много не утащишь, а то можно внимание привлечь.

Он ухмыльнулся, и Гарри, опешивший от услышанного, заставил себя ухмыльнуться в ответ.

– Что ты здесь делаешь, Сириус?

– Исполняю обязанности крёстного, – ответил тот, по-собачьи обгрызая куриную ножку. – Да ты не беспокойся, я очень даже дружелюбный бродячий пёс.

Он всё ещё ухмылялся, но заметил беспокойство во взгляде Гарри и серьёзно прибавил:

– Хочу быть поближе. Ты в последнем письме... Ладно, просто скажем, что тут что-то назревает. Я краду старые газеты, и, судя по тому, что пишут, не я один это чую.

Он кивнул на пожелтевшие номера «Ежедневного пророка» на полу грота, Рон подобрал их и стал листать. Но Гарри на этом не успокоился.

– А вдруг тебя поймают? Вдруг узнают?

– Кроме вас троих да Дамблдора, никто в этом месте и не знает, что я анимаг, – пожал плечами Сириус и продолжил обсасывать куриную косточку.

Рон толкнул Гарри локтем в бок и передал ему номера «Ежедневного пророка», указав на две статьи. Одна шла под заголовком «Таинственная болезнь Бартемия Крауча», вторая – «Поиски работницы Министерства. Министр магии берёт расследование под свой личный контроль».

Гарри пробежал глазами статью о Крауче. Каждая фраза так и кричала: *«...никто не видел с самого ноября... дом, кажется, пуст... в больнице св. Мунго нам отказались разъяснить... Министерство не подтверждает слухи об опасной болезни...»*

– Почитать, так он умирает, – сказал Гарри. – А сумел же добраться сюда... Значит, не так уж он и болен...

– Мой брат – личный помощник Крауча, – заметил Сириусу Рон. – Он говорит, Крауч переутомился на работе.

– Хотя, он и *вправду* плохо выглядел, когда я его видел в последний раз, – продолжал Гарри, читая статью. – А было это в тот вечер, когда моё имя появилось из Кубка...

– Поплатился за то, что выгнал Винки, – раздался голос Гермионы, гладившей Брыкляюва. Гиппогриф доклевывал за Сириусом куриные кости. – И теперь, я уверена, жалеет об этом. За домом-то некому приглядеть.

– Наша Гермиона просто помешалась на эльфах-домовиках, – заметил Рон Сириусу и мрачно поглядел на подругу.

Сириус, однако, этой историей заинтересовался:

– Крауч выгнал своего домового эльфа?

– Да, во время Чемпионата мира по квиддичу, – ответил Гарри и рассказал о том, как появилась Тёмная Метка, и как Винки поймали на месте преступления с волшебной палочкой Гарри в руках, и как мистер Крауч при этом рассердился.

К концу рассказа Сириус встал и принялся мерить грот шагами.

– Давайте всё проясним, – спустя минуту сказал он, размахивая очередной куриной ножкой. – Сперва вы увидели эту эльфиху на трибуне для особо важных гостей. Она заняла Краучу место. Так?

– Так, – дружно подтвердили Гарри, Рон и Гермиона.

– Но Крауч на матч не пришёл. Так?

– Да, – ответил Гарри, – кажется, он сказал, что был слишком занят.

Несколько минут Сириус молча кружил по гроту.

– Гарри, а ты проверял свои карманы после того, как вышел со стадиона? Волшебная палочка была при тебе?

– М-м, – задумался Гарри. – Нет, не проверял. Да она мне и не нужна была до того, как мы пошли в лес. А в лесу я сунул руку в карман, а там только омниокль, – Гарри широко раскрыл глаза и поглядел на Сириуса. – Ты думаешь, тот, кто послал Тёмную Метку, украл мою волшебную палочку ещё там, на трибуне для особо важных гостей?

– Вполне возможно, – кивнул Сириус.

– Винки не крала твоей волшебной палочки, – отрезала Гермиона.

– Эльфиха не одна была на трибуне, – заметил Сириус, нахмурившись. – Кто ещё сидел позади тебя?

– Да много кто, – ответил Гарри. – Болгары... Корнелиус Фадж... Малфой...

– Вот именно – Малфой! – воскликнул вдруг Рон, да так громко, что эхо покатилося по гроту, а Брыкляов удивлённо вскинул голову. – Малфой – вот это кто!

– Кто ещё? – спросил Сириус.

– Больше никого, – ответит Гарри.

– Вообще-то был. Людо Бэгмэн, – напомнила Гермиона.

– Ах, да...

– Бэгмэна я не знаю, – сказал Сириус, не переставая расхаживать по гроту. – Знаю только, что он играл в команде «Уимбурнские Ось». Что он за человек?

– Да он ничего... Всё предлагает мне помочь выиграть Турнир.

– Вот как? – Сириус нахмурился ещё больше. – Это ему ещё зачем?

– Говорит, я ему приглянулся.

– Гм, – Сириус призадумался.

– Он был в лесу перед тем, как появилась Тёмная Метка, – сказала Сириусу Гермиона. – Помните? – обернулась она к мальчикам.

– Верно, да ведь в лесу же он не остался, – заметил Рон. – Мы ему ещё рассказали о суматохе, и он тут же отправился в лагерь.

– Ты-то откуда знаешь, куда он отправился? – возразила Гермиона. – Он мог куда угодно дезаппарировать.

– Да завязывай! – скептически сказал Рон. – Может, ещё скажешь, что это Людо Бэгмэн наколдовал Тёмную Метку?

– Уж скорее он, чем Винки, – не уступала Гермиона.

– Говорил же, – Рон многозначительно поглядел на Сириуса, – она помешалась на этих эль...

Сириус поднял руку, тем самым веля Рону помолчать.

– Кто-то наколдовал Тёмную Метку, потом нашли этого эльфа с волшебной палочкой Гарри, и что сделал Крауч?

– Побежал в кусты поглядеть, – ответил Гарри, – но никого там больше не было.

– Ну да, – пробормотал Сириус. – Конечно, он хотел бы повесить это на кого-то ещё вместо своего домового... а потом он выгнал её?

– Да, выгнал! – возмущённо воскликнула Гермиона. – И только за то, что она не осталась в своей палатке и не попала под...

– *Оставишь* ты когда-нибудь своих эльфов в покое? – не выдержал Рон.

Но Сириус покачал головой и сказал:

– Нет, Рон, Гермиона лучше твоего поняла, кто такой Крауч. Если хочешь узнать человека получше, смотри на то, как он обращается с подчинёнными, а не равными себе.

Он провёл рукой сверху вниз по небритому лицу и крепко задумался.

– Во время матча он куда-то пропадает... заставил эльфа занять ему место на трибуне, а сам даже не зашёл поглядеть на матч. Потом изо всех сил старается устроить Тримагический Турнир и, в конце концов, перестаёт приезжать и на Турнир... Не похоже это на Крауча. Брыкляува сьем, если Крауч раньше из-за болезни пропускал на работе хоть день.

– Так ты знаешь Крауча? – спросил Гарри, Сириус помрачнел, и на лице у него появилось такое же страшное выражение, как и в ту ночь, когда Гарри увидел его впервые и подумал, что он убийца.

– О, Крауча я знаю хорошо, – тихо сказал он. – Это он подписал приказ о моём заключении в Азкабан – без суда.

– *Что?* – в один голос воскликнули Рон и Гермиона.

– Шутишь?! – опешил Гарри.

– Нет, не шучу, – покачал головой Сириус и оторвал зубами кусок курятины. – Крауч тогда ещё работал начальником департамента Поддержания магического правопорядка, вы разве не знали?

Гарри, Рон и Гермиона покачали головами.

– Его прочили на место министра магии. Барти Крауч сильный колдун, ему почти нет равных в колдовстве – и в жажде власти. Нет, Волдеморта он не поддерживал, – поспешил

сказать Сириус, заметив выражение лица Гарри. – Барті Крауч всегда был против Тёмной магии. Но тогда многие были против, а на самом деле... да нет, вам не понять... вы ещё слишком молоды...

– То же и отец говорил на Кубке мира, – заметил Рон, и в его голосе слышалась нотка раздражения. – Вы проверьте, поймём ли мы.

Сириус ухмыльнулся.

– Хорошо, проверю.

Он прошёлся по гроту туда и обратно и продолжил:

– Представьте себе, что Волдеморт силён, как раньше. Никто не знает его сторонников, кто на него работает, а кто нет. Вы знаете, что он может управлять людьми так, что они будут творить ужасные вещи, не в силах остановиться. Вам страшно за себя, за семью, за друзей. Каждую неделю приходят сообщения о новых убийствах, новых исчезновениях, новых замученных пытками... Министерство магии растерялось, там не знают, что делать, пытаются скрыть всё от маглов, а маглов и самих убивают. Повсюду ужас, паника, беспорядки... Так это было.

– В такие времена и проявляются лучшие качества у одних и худшие у других. Не знаю, может, методы Крауча и были хороши в самом начале. Его быстро повышали по службе, и он начал настоящую охоту на сторонников Волдеморта. Аврорам дали большие полномочия, убивать они стали чаще, чем арестовывать. И не одного меня без суда передали дементорам. Крауч отвечал жестокостью на жестокость, разрешил применять против подозреваемых Непростительные проклятия. Можно сказать, он сделался таким же беспощадным и жестоким, как и те, кто были на Тёмной стороне. У него были свои сторонники, они считали, что он поступает верно, многие даже хотели, чтобы он занял пост министра магии. Когда Волдеморт исчез, все думали, что избрание Крауча – это лишь вопрос времени... Но тут-то всё и рухнуло, – Сириус мрачно улыбнулся. – Сына самого Крауча поймали с кучкой Пожирателей Смерти, которым удалось избежать Азкабана. Они, как оказалось, пытались разыскать Волдеморта и вернуть его к власти.

– Поймали *сына* Крауча? – не поверила своим ушам Гермиона.

– Ага, – Сириус бросил кость гиппогрифу, сел на пол грота, взял хлеб и разломил пополам. – Каким сюрпризом это стало для старины Барті, я представляю. Надо ему было побольше времени уделять семье. Хоть изредка приходить домой пораньше... чтобы получше узнать собственного сына.

Сириус стал крупными кусками откусывать хлеб и глотать, почти не жуя.

– А его сын *был* Пожирателем Смерти? – спросил Гарри.

– Без понятия, – не переставая есть, ответил Сириус. – Когда его поймали, я уже был в Азкабана. Я уже потом всё это узнал, когда сбежал из тюрьмы. Парня схватили в компании людей, которые точно были Пожирателями Смерти. Может быть, он просто оказался в плохом месте в плохое время, как эта ваша эльфиха.

– А Крауч пытался вызволить сына? – прошептала Гермиона.

Сириус расхохотался, и хохот его был похож на собачий лай.

– Вызволить сына? Крауч? А я-то думал, ты, Гермиона, поняла, что это за человек. Всё, что способно бросить тень на его репутацию, необходимо было уничтожить, всю жизнь он посвятил тому, чтобы стать министром магии. Ты же видела, как он поступил со своим домашним эльфом, угодившим в историю с Тёмной Меткой. Разве не понятно после этого, что за человек Крауч? Всех его отцовских чувств хватило только на то, чтобы устроить над сыном суд, и то лишь для того, чтобы показать всем, как он ненавидит сына... а потом он его отправил прямиком в Азкабан.

– Он собственного сына дементорам отдал? – в ужасе спросил Гарри.

– Отдал, – ответил Сириус уже безо всякого веселья. – Я сам видел, как дементоры его вели, стоял у окна в двери и смотрел. Ему было не больше девятнадцати. Посадили в камеру рядом с моей. К вечеру он уже кричал и звал свою мать. Потом, правда, успокоился, через несколько дней... все успокаиваются... во сне только кричат...

С минуту Сириус безразлично глядел в одну точку, словно ему изнутри чем-то заслонили глаза, и всё стало ясно без слов.

– И он всё ещё в Азкабане? – спросил Гарри.

– Нет, – со вздохом ответил Сириус. – Нет, его там уже нет. Года не прошло, как он умер.

– Умер?

– Там многие умирают, – печально сказал Сириус. – Большинство сходят с ума и перестают есть. Теряют стремление жить. Можно было даже сказать, когда узник умрёт, потому что дементоры чувствуют смерть и радуются. А сын Крауча и так уже болел, когда его привезли. Краучу с женой, как важному министерскому работнику, позволили перед смертью его навестить. Вот тогда я и видел Крауча в последний раз, он шёл мимо моей камеры и чуть не нёс жену на руках. Она тоже потом недолго прожила. Умерла от горя. Сгорела, словно свечка, как и сын. А Крауч даже не приехал забрать тело сына. Я видел, как дементоры похоронили его за стенами крепости.

Сириус поднёс было ко рту кусок хлеба, но передумал есть, схватил фляжку с тыквенным соком и в один приём осушил до дна.

– Когда казалось, что дело в шляпе, старина Крауч потерял всё. – Сириус утёр губы тыльной стороной ладони. – Только что герой, министром магии чуть не стал, и вдруг... умер сын, жена, имя опозорено, и – я слышал, как сбегал из тюрьмы – его уже не так любят, как раньше. Стоило мальчику умереть, как его стали все жалеть, и многие себя спрашивали: как это мальчик из хорошей семьи попал в такую компанию? Только один ответ и напрашивался: отцу было не до него. Пост министра занял Корнелиус Фадж, а Крауча перевели на должность начальника департамента Международного магического сотрудничества.

Воцарилось долгое молчание. Гарри думал о том, как на Чемпионате мира по квиддичу в лесу Крауч выпучил от гнева глаза на своего провинившегося эльфа-домовика. Так вот, оказывается, почему Крауч взбесился, когда нашёл своего эльфа под Тёмной Меткой. Он вспомнил сына, позор и то, как он потерял доверие коллег по Министерству.

– Муди мне сказал, что Крауч просто помешался на ловле Тёмных магов, – сказал Гарри Сириусу.

– Да, я тоже слышал, что это стало его манией, – кивнул Сириус. – По-моему, он всё ещё пытается вернуть прежнюю популярность поимкой очередного Пожирателя Смерти.

– Поэтому он и забрался в кабинет Снейпа! – торжествующе воскликнул Рон, глядя на Гермиону.

– Да, только смысла это не имеет, – ответил Сириус.

– Имеет! – воскликнул Рон. Сириус покачал головой:

– Слушай, если Крауч подозревает Снейпа, почему не приезжает судить ваш Турнир? Лучше повода, чтобы следить за ним, регулярно приезжая в Хогвартс, и придумать нельзя.

– Так ты думаешь, Снейп может быть в чём-то замешан? – спросил Гарри, но тут вклинилась Гермиона.

– Без разницы, что вы скажете, а Дамблдор Снейпу доверяет и...

– Да ладно тебе, Гермиона, – отмахнулся Рон. – Дамблдор, конечно, гениальный и всё такое, но это не значит, что его теперь ни одному Тёмному магу не провести...

– А зачем он тогда на первом году обучения спас Гарри? Почему не дал ему умереть?

– Не знаю. Может, он испугался, что Дамблдор его выпшвырнет из...?

– А ты что скажешь, Сириус? – громко спросил Гарри, и Рон с Гермионой прекратили спор.

– Скажу, что они оба правы, – ответил тот, задумчиво глядя на Рона и Гермиону. – С тех пор, как я узнал, что Снейп здесь преподаёт, сам всё время думаю, зачем Дамблдор взял его в школу. Снейп всегда увлекался Тёмными искусствами, этим он славился ещё со школы. Тогда уже ходил весь такой худой, немытый, с длинными сальными волосами. – При этих словах Сириуса Рон и Гарри с улыбкой переглянулись. – На первом курсе он знал больше заклинаний, чем добрая половина семикурсников, и был в шайке слизеринцев, которые почти все потом стали Пожирателями Смерти. – Сириус стал перечислять имена, загибая пальцы. – Розье и Уилкис – этих двоих убили авроры за год до падения Волдеморта. Лестрэндж, муж и жена, – в Азкабане. Эйвери, я слышал, отвертелся, заявил, будто служил Тёмному Лорду под проклятием Империи, и всё ещё на свободе. А вот Снейпа, насколько я знаю, Пожирателем Смерти даже не называли, да только это ещё ничего не значит. Поймали-то не всех. Снейпу ума и хитрости хватит, чтобы от неприятностей держаться подальше.

– Снейп знает Каркарова довольно хорошо и не хочет, чтобы об этом узнали, – сказал Рон.

– Ага, видел бы ты выражение лица Снейпа, когда Каркаров заявился вчера на урок зельеварения! – прибавил Гарри. – Каркаров хотел с ним переговорить и сказал, что Снейп его избегает. Каркаров сильно волновался. Он что-то показал Снейпу у себя на запястье, только я не видел что.

– Что-то показал на запястье? – удивлённо переспросил Сириус, рассеянно провёл пятернёй по немытым волосам и пожал плечами. – Ладно, я тоже не имею ни малейшего представления ... Но раз Каркаров сам не свой и пришёл к Снейпу за советом...

Сириус некоторое время глядел на стену грота, и на его лице наконец появилось выражение горечи.

– Всё же Дамблдор Снейпу доверяет, и хотя Дамблдор доверяет таким людям, которым другие ни за что бы доверять не стали, думаю, он никогда бы не взял в Хогвартс слугу Волдеморта.

– А что тогда Муди с Краучем понадобилось в его кабинете? – не сдавался Рон.

– Ну, Муди-то, скорее всего, каждый угол в Хогвартсе обшарил и кабинеты всех учителей, – медленно проговорил Сириус. – Уж кто-кто, а он-то знает как уберечься от Тёмных искусств. Я вообще не уверен, доверяет ли *он* хоть кому-то, и, после всего, что он видел, тут нечему удивляться. Хотя в его пользу можно сказать, что он никогда не убивал, будь у него другой выход. Всегда по возможности оставлял в живых. Он, конечно, никому не спускал, но никогда не опускался до того, чтобы поступать, как Пожиратели Смерти. А вот Крауч... это совсем другое дело... а болен ли он в самом деле? Если болен, так чего притащился в такую даль, в кабинет Снейпа? А если здоров... то чего добивается? Из-за какого такого неотложного дела не пришёл на трибуну для особо важных гостей? И чем он таким занят, что не может приехать на Турнир?

Сириус замолчал и стал опять глядеть на стену грота. Брыкляов принялся шарить по каменному полу в поисках потерянных косточек.

Сириус взглянул на Рона.

– Ты говоришь, твой брат личный помощник Крауча? А ты не мог бы спросить его, давно ли он видел Крауча?

– Попробую, конечно... – неуверенно ответил Рон. – Только бы Пёрси не почувал, что я в чём-то Крауча подозреваю. Он без ума от своего шефа.

– А вы пока могли бы разузнать, как там дела с Бертой Джоркинс. – Сириус указал на один из номеров «Ежедневного пророка».

– Бэгмэн мне говорил, что они её ещё не нашли, – сказал Гарри.

– Да, про него в статье пишут, – кивнул на газету Сириус. – Он там жалуется, что у Берты дырявая память. Может, она, конечно, и изменилась с тех пор, как мы были знакомы, только раньше она ничего не забывала, совсем даже наоборот. Особым умом она не блистала, но память на сплетни зато была превосходной. От этого она и во все неприятности попадала, забывала, что иногда полезно держать рот на замке. В Министерстве она, скорее всего, мешалась... поэтому, может, Бэгмэн и не заморачивался с поисками так долго ...

Сириус тяжело вздохнул и потёр глаза.

– Который час?

Гарри поглядел на часы, но они, с тех пор как он поплавал в озере, перестали ходить.

– Половина четвёртого, – сказала Гермиона.

– Пора вам в замок. – Сириус встал на ноги. – Вот что... – Он нахмурился и поглядел на Гарри: – Нечего вам бегать из школы ко мне, понятно? В случае чего – пишите письмо. Пишите, если случится что-нибудь необычное. А сами без разрешения из школы не выходите, лучше случая и не придумаешь, чтобы напасть на вас.

– Да на меня до сих пор никто и не думал нападать, – сказал Гарри, – кроме дракона и пары гриндилоу...

Сириус сердито на него взглянул.

– Неважно... Я вздохну свободно, только когда Турнир окончится, а окончится он только в июне. И вот что ещё: когда говорите обо мне, называйте меня Шмыгалз, ладно?

Сириус передал Гарри фляжку из-под тыквенного сока и салфетку из-под куриных ножек и пошёл попрощаться с Брыклявом.

– Я вас провожу до деревни. Может, удастся стащить свежую газету...

Сириус снова превратился в большого чёрного пса, они вместе вышли из грота, спустились по склону горы, пересекли усеянное камнями подножие и остановились у перелаза через ограду. Сириус позволил всем трем погладить себя по голове, повернулся и помчался вокруг деревни.

Гарри, Рон и Гермиона вернулись в замок.

– Интересно, знает Пёрси то, что рассказал Сириус о Крауче? – сказал Рон по дороге к замку. – А хотя, может, ему всё равно... А может, он только ещё больше станет Краучем восхищаться... Да, Пёрси любит правила. Он просто сказал бы, что Крауч отказался их нарушить ради собственного сына.

– Пёрси ни за что не отдаст никого из своей семьи дементорам, – рассердилась Гермиона.

– Не знаю, – вздохнул Рон. – Если он решит, что из-за нас пострадает его карьера... Пёрси крайне амбициозен, знаешь ли...

Трое друзей поднялись по парадной каменной лестнице в вестибюль замка. Из Большого Зала летели запахи вкусного ужина.

– Бедняга Шмыгалз, – сказал Рон, втягивая носом аромат жаркого. – Должно быть, он и вправду любит тебя, Гарри... представь себе: есть одних только крыс...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

БЕЗУМИЕ МИСТЕРА КРАУЧА

В воскресенье сразу после завтрака Гарри, Рон и Гермиона отправились в совятник отослать письмо Пёрси. В письме Рон по просьбе Сириуса спрашивал брата, когда он в последний раз видел мистера Крауча. Послали Хэдвиг, она давно уже скучала без дела. Сова вылетела в окно, друзья ещё немного постояли, проводили её взглядом и спустились в кухню подарить Добби купленные для него носки.

Эльфы-домовики так им обрадовались, что гурьбой ринулись снова кипятить для них чайник, на каждом шагу раскланивались и были очень вежливы. Добби ошалел от восторга при виде подарков.

– Гарри Поттер слишком добр к Добби! – пропищал он, утирая слёзы на огромных глазах.

– Да что ты, Добби! Если бы ты не принёс жабросли, я бы пропал, – ответил Гарри.

– А эклеров у вас, случайно, не осталось? – спросил Рон, оглядывая радостно кланяющихся эльфов.

– Ты только что позавтракал, – нахмурилась Гермиона, а четыре эльфа уже на всех парах летели к ним, держа над головами большой серебряный поднос с пирожными.

– Надо захватить что-нибудь и для Шмыгалза, – заметил Гарри.

– Вот именно! – подхватил Рон. – Свину будет чем заняться. Вы не дадите нам чего-нибудь с собой? – обратился Рон к окружившим их эльфам, те радостно поклонились и помчались за едой.

– Добби, а где Винки? – спросила Гермиона, оглядывая кухню.

– Винки вон там, у камина, мисс, – ответил Добби и опустил уши.

– Боже мой, – воскликнула Гермиона, заметив Винки.

Гарри тоже поглядел в сторону камина. Винки сидела на том же самом стуле, что и раньше, но она была так чумаза, что различить её на фоне закопчённой кирпичной стены было не так-то просто. Одежда на ней была давно нестирана и местами порвалась. Она держала в руках бутылку сливочного пива и, слегка раскачиваясь на стуле, глядела на огонь. В довершение картины Винки на всю кухню икнула.

– Винки выпивает шесть бутылок в день, сэр, – шёпотом сообщил Гарри Добби.

– Ну, оно же некрепкое, – сказал Гарри.

Добби покачал головой.

– Для эльфа-домовика крепкое, сэр.

Винки снова икнула, и эльфы, что принесли эклеры, искоса на неё глянули, укоризненно покачали головами и снова взялись за работу.

– Винки тоскует по дому, Гарри Поттер, – жалостливо шепнул Добби. – Винки всё ещё думает, что мистер Крауч её хозяин. Добби ей говорит, сэр, что теперь её хозяин профессор Дамблдор, но она не слушает Добби.

Гарри вдруг словно осенило, он подошёл к камину и наклонился к эльфихе.

– Эй, Винки, – спросил Гарри, – ты, случайно, не знаешь, что с мистером Краучем? Он почему-то перестал приезжать на Тримагический Турнир.

Винки очнулась, поглядела на Гарри, покачалась немного и переспросила:

– Хозя-зйин больше не – ик – приезжает?

– Да. Мы его с самого первого тура не видели. В «Ежедневном пророке» пишут, он заболел.

Эльфиха снова покачалась, мутными глазами глядя на Гарри.

– Хозяин – ик – заболел?

У неё задрожала нижняя губа.

– Но мы не уверены, так ли это, – быстро прибавила Гермиона.

– Хозяину нужна – ик – его Винки! – запричитала эльфиха. – Хозяин – ик – один не справится...

– Другие люди, Винки, вполне справляются и без прислуги, – наставительно заметила Гермиона.

– Винки вам – ик – не просто – ик – какая-нибудь прислуга, – Винки вздёрнула нос и принялась раскачиваться так сильно, что пиво из бутылки выплёскивалось на её и без того грязную рубашу. – Хозяин доверяет – ик – Винки – ик – самые важные – ик – самые большие секреты...

– Какие? – спросил Гарри.

Винки замотала головой и чуть не вылила на себя весь остаток сливочного пива в бутылке.

– Винки ни за что не расскажет – ик – секреты хозяина, – заявила она, закачалась ещё сильнее и, нахмурившись, косо поглядела на Гарри. – Вы – ик – вынюхивать, вот.

– Винки не смеет так разговаривать с Гарри Поттером! – накинулся на неё Добби. – Гарри Поттер храбрый и благородный, и Гарри Поттер совсем не вынюхивает!

– Суёт! Он вынюхивает – ик – про дела – ик – моего хозяина. Винки – ик – честный эльф-домовик. Винки – ик – держит рот на замке – ик – а кто – ик – лезет, да нос суёт... – Винки вдруг закрыла глаза, сползла со стула на коврик перед камином и громко захрапела. Пустая бутылка из-под сливочного пива покатилась прочь по выложенному каменными плитами полу.

Прибежали пять или шесть эльфов с большой скатертью в клеточку, с отвращением на лицах накрыли Винки скатертью и подоткнули края так, чтобы её совсем не было видно, один из эльфов подобрал бутылку.

– Нам очень жаль, что вам пришлось это увидеть, сэры и мисс! – понурясь, пропищал другой эльф, сокрущённо качая головой. – Мы надеемся, что вы не станете судить по Винки обо всех нас.

– У неё горе, – сказала Гермиона, потрясённая увиденным. – Приободрили бы её лучше, а не прятали под простынёй.

– Простите, мисс, – сказал с низким поклоном тот же эльф, – домовик не имеет права горевать на работе. Мы должны служить хозяину, а не горевать.

– Да ради всего святого! – вознегодовала Гермиона. – Слушайте меня, все вы! Вы имеете право быть несчастными наравне с колдунами! Вам полагается зарплата, отпуск и хорошая одежда. Вы не должны выполнять приказы и делать то, что вам не нравится! Вот вам пример – Добби.

– Не впутывайте в это Добби, мисс, – пробормотал испуганно Добби. Эльфы перестали улыбаться и глядели на Гермиону, словно на опасную сумасшедшую.

– Вот вам ваша еда, – пискнул эльф из-под локтя Гарри и сунул ему в руки большой окорок, десяток пирожных и фрукты. – Прощайте.

Домовики тесно обступили Гарри, Рона и Гермиону и стали теснить прочь из кухни, подталкивая ручонками в спины.

– Спасибо за носки, Гарри Поттер! – виновато крикнул Добби со своего места у камина, где на коврике похрапывала под скатертью в клеточку Винки.

Гарри, Рона и Гермиону вытолкнули из кухни и захлопнули за ними дверь.

– Не могла помолчать? – упрекнул Гермиону Рон. – Они нас больше не пустят. Как мы теперь у Винки про мистера Крауча выводим?

– Как будто ты об этом беспокоишься! – парировала Гермиона. – Тебе бы только живот набить.

В общем, денёк выдался ничего себе. Вечером все трое уселись в гостиной за домашнюю работу. Рон с Гермионой всё время переругивались, Гарри, в конце концов, не выдержал, взял еду для Сириуса и один пошёл в совятник.

Маленькому Свинстуну было не по силам одному взлететь на гору с целым окороком, и Гарри взял ему в подмогу пару школьных синух. В полёте они представляли весьма необычное зрелище: две большие совы, одна маленькая и кулёк между ними. Гарри проводил их взглядом, облокотился на подоконник и стал глядеть на окрестности замка. Смеркалось. Тёмные верхушки деревьев волновались и шумели от ветра, трепетали паруса дурмстрангского корабля. Сквозь кольцо дыма, поднимавшееся из печной трубы хижины Хагрида, пролетел филин, направился к замку, обогнул совятник и скрылся из виду. Гарри поглядел вниз: Хагрид усердно копал перед хижинной землю. Что это он там копает? Похоже на новую грядку. А, может, и нет. Из кареты Бобатона вышла мадам Максим. Она подошла к Хагриду и определённо попыталась завести с Хагридом разговор. Гарри, конечно, не мог их слышать; Хагрид перестал копать, опёрся на лопату, но похоже, не был расположен к беседе, потому что очень скоро мадам Максим вернулась в свою карету.

Гарри не хотелось снова идти в гостиную Гриффиндора и слушать перебранку Рона с Гермионой. Он остался в совятнике до темноты и глядел, как Хагрид копает землю; потом одна за другой начали просыпаться совы и улетать на охоту, и Гарри отправился спать.

* * *

К утру запасы плохого настроения у Рона и Гермионы истощились. Накануне Рон с мрачным видом предсказывал, что из-за Гермионы эльфы-домовики нарочно станут плохо готовить для Гриффиндора; но Рон ошибся, и яичница с беконом и копчёная рыба на завтрак были такими же вкусными, как и всегда, чему Гарри несказанно обрадовался.

Прилетели совы и принесли почту. Гермиона нетерпеливо приглядывалась к кружащим над головами птицам.

– Пёрси ещё не написал ответ, – сказал Рон. – Мы же только вчера Хэдви́г отправили.

– Да нет, просто я подписалась на «Ежедневный пророк», надое́ло все новости узнавать от слизеринцев, – ответила Гермиона.

– Верно мыслишь! – ответил Гарри и тоже стал глядеть на сов. – Гляди-ка, Гермиона, тебе везёт...

К Гермионе спускалась серая сова.

– Это не газета, – разочарованно сказала Гермиона. – Это...

Серая сова села на стол прямо перед ней и едва не угодила в тарелку, следом прилетели четыре сипухи, большая бу́рая сова и неясый.

– Ты что, сразу на все газеты и журналы подписалась? – спросил Гарри и едва успел схватить бокал Гермионы: совы стали толкаться на столе, потому что каждая желала доставить свое письмо первой, и бокал чуть не сшибли.

– Да что это... – Гермиона взяла письмо у серой совы, распечатала и стала читать. – А, серьёзно! – пролепетала она, краснея.

– Что там такое? – поинтересовался Рон.

– Это... глупости какие-то... – Гермиона передала письмо Гарри. Оно было написано не от руки, а составлено из букв, вырезанных, должно быть, из «Ежедневного пророка» и наклеенных на лист бумаги.

«Ты гаДкаЯ девЧОнка.

ГаРРи ПоттЕр ЗасЛУжил ЛучшЕ.

УБирАЙся к свОим маГлам».

– Они все такие! – растерянно сказала Гермиона, распечатав все остальные письма. – «Гарри Поттер найдёт кого-нибудь и получше...» «Сварить бы тебя в лягушачьей икре...» *Ай!*

Гермиона раскрыла последний конверт, и ей прямо на руки полился жёлто-зелёный кисель с запахом бензина, по коже тут же пошли жёлтые, как от ожога, пузыри.

Рон осторожно взял конверт, понюхал и сказал:

– Неразбавленный гной быбоботюбера.

Гермиона попыталась стереть гной с рук салфеткой, от боли из её глаз потекли слёзы, кожа покрылась язвами и распухла, словно Гермиона надела толстые бугристые перчатки. Совы, что принесли Гермионе письма, поднялись и улетели.

– Беги в больничное крыло, – посоветовал Гарри. – Мы скажем мадам Спраут, где ты.

Гермиона прижала руки к груди и выбежала из Большого Зала.

– Я ведь её предупреждал: не зли Риту Скитер! – сказал Рон. – Вот, послушай. – Он взял одно из писем и прочитал: – *«Я прочитала в «Ведьмином досуге» о том, как ты дурачишь Гарри Поттера, а он уже и так много потерпелся. В следующий раз я найду конверт побольше и пришлю тебе настоящее проклятие».* Чёрт, ей надо быть поосторожней.

На урок гербологии Гермиона так и не пришла. После гербологии Гарри и Рон вышли из теплицы и направились на уход за магическими существами, а из замка в это время вышли и стали спускаться по лестнице Малфой, Крэбб и Гойл. Позади шла со своими подружками

из Слизера Пэнси Паркинсон, они перешёптывались и хихикали. Пэнси заметила Гарри и крикнула:

– Что, Поттер, порвал со своей подружкой? Чего она за завтраком так огорчилась-то?

Гарри её проигнорировал: незачем ей знать, каких бед наделала статья в «Ведьмином досуге», только позлорадствует.

Хагрид, объявивший на последнем уроке, что единорогов они уже полностью прошли, ждал их у своей хижины, а у его ног стояли новые деревянные ящики. У Гарри по телу побежали мурашки от мысли, что это, может быть, очередной выводок скрутов. Он с опаской подошёл, издали заглянул в ящики и вздохнул с облегчением: там сидели чёрные пушистые длинноносые зверьки. Передние лапы у зверьков были плоские как лопаты; зверьки вежливо глядели на учеников, как бы искренне удивляясь оказанному им вниманию.

– Эт' вонюхлеры, – сказал Хагрид, едва ученики обступили ящики. – Живут они больше в шахтах. Любят разные блестящие штуки... ну вот, полюбуйтесь.

Пэнси Паркинсон громко взвизгнула. Один из зверьков ни с того ни с сего подпрыгнул и чуть не вцепился зубами в наручные часы Пэнси, но она успела вовремя отпрыгнуть.

– Маленькие полезные кладонскатели, – радостно сообщил Хагрид. – Давайте-ка устроим маленькое соревнование. Вон там, видите, вскопано? – Хагрид указал на тот самый клочок земли, что он копал, когда Гарри стоял у окна советника. – Я там зарыл золотые монеты. Чей вонюхлер найдёт больше всех, тот получит приз. Только все украшения с себя снимите. Выбирайте себе по вонюхлеру, сейчас начнём.

Гарри снял часы и спрятал в карман. Часы, правда, не ходили, и он носил их по привычке. Потом он выбрал себе зверька, взял на руки, и вонюхлер тут же сунул длинный нос ему в ухо и с интересом понюхал. Он был настолько пушистым и мягким, что походил на игрушку.

– Погодьте! Тут ещё вонюхлер, – воскликнул Хагрид, глядя в один из ящиков. – Кого у нас нет? Где Гермiona?

– Пошла в больничное крыло, – ответил Рон.

– Потом расскажем, – тихо прибавил Гарри: Пэнси Паркинсон подслушивала.

Такого весёлого урока ухода за магическими существами у них ещё не было. Вонюхлеры ныряли во вскопанную землю, словно в воду, выныривали, спешили к своим ученикам и выплёвывали им в руки золотые монеты. Зверёк Рона старался усерднее других, и скоро у Рона на коленях выросла хорошая кучка золота.

– Хагрид, а можно такого купить и держать дома, как домашнее животное? – восхищённо спросил Рон, когда его вонюхлер в очередной раз нырнул в землю, обдав его дождём из комьев земли.

– Твоя мама этой животине не обрадуется, Рон. Вонюхлер весь дом срод, – улыбнулся лесничий. – Сдаётся мне, они нашли всё, я сто монет-то всего и зарыл, – прибавил он, обходя взрытую землю. Зверьки, однако, продолжали нырять. – А вот и Гермiona.

Гермiona, и правда, шла к ним по лужайке. Руки у неё были забинтованы, и выглядела она неважно. Пэнси Паркинсон сощурилась, глядя на неё.

– Ну, поглядим, у кого сколько, – сказал Хагрид. – Сосчитайте-ка монеты. Воровать без толку, Гойл, золото лепрекконское, – Хагрид сощурил свои чёрные глаза. – Всё равно исчезнет через пару часов.

Гойл с кислой миной вывернул карманы. Оказалось, что больше всех монет нашёл вонюхлер Рона, и Хагрид подарил Рону большую плитку шоколада из «Пригоршни сладостей». В замке зазвонили в колокол к обеду. Все отправились в замок, а Гарри, Рон и Гермиона остались помочь Хагриду посадить вонюхлеров в ящики. Гарри заметил, что из окна кареты Бобатона за ними наблюдает мадам Максим.

– Что у тебя с руками-то, Гермиона? – обеспокоенно спросил Хагрид.

Гермиона рассказала о полученных утром письмах, об упрёках и обвинениях и о последнем письме, полном сока бьюботнобера.

– А-а-а... не переживай, – мягко сказал Хагрид. – Когда Рита Скитер написала о моей маме, мне тоже слали такие письма. *«Вы чудовище и вас надо выгнать из школы». «Ваша мать убивала невинных людей, и будь у вас хоть капля совести, вы бы уже давно утопились».*

– Не может быть! – поразилась Гермиона.

– Да. – Хагрид принялся ставить ящики с вонюхлерами один на другой у стены хижины. – Они просто психи. Письма больше не открывай, в огонь их – и дело с концом.

– Урок ты пропустила реально интересный, – сказал Гарри по пути обратно в замок. – Такие забавные эти вонюхлеры. Так ведь, Рон?

Рон хмуро глядел на плитку шоколада, что ему подарил Хагрид.

– Ты чего? – спросил его Гарри. – Не вкусно?

– Вкусно. Почему ты не сказал мне о золоте?

– О каком золоте? – не понял Гарри.

– О том, что я тебе отдал на Чемпионате мира по квиддичу. Лепрекконское золото, что я тебе отдал за омнинокль. На трибуне для особо важных гостей. Ты мне не сказал, что оно исчезло.

Гарри пришлось напрячь память, чтобы понять, какое золото Рон имеет ввиду.

– А, то золото... – вспомнил он, наконец. – Ну, не знаю... Я и не заметил, что оно пропало. Я тогда вообще только о волшебной палочке и думал.

Они поднялись по парадной лестнице, вошли в вестибюль и пошли в Большой Зал на обед.

– Должно быть, здорово иметь такую кучу денег, – отрывисто сказал Рон, когда они усадились за стол и положили себе бифштексы с Йоркширским пудингом, – чтобы даже не заметить пропажи целого кармана галлеонов.

– Слушай, я тогда другим был вообще-то занят, – нетерпеливо ответил Гарри. – Как и все мы, не забыл?

– Я не знал, что лепрекконское золото исчезает, – пробурчал Рон. – Я думал, что отдаю тебе долг. Не надо было на Рождество дарить мне шляпу «Пушек Чадли».

– Забудь ты об этом, ладно?

Рон ткнул вилкой в картофелину, поднял её вверх и стал на неё глядеть.

– Ненавижу бедность.

Гарри с Гермионой переглянулись. Ни он, ни она не знали, что на это ответить.

– Это паршиво, – продолжал Рон, глядя на картофелину. – Правильно Фред с Джорджем хотят достать денег. Вот бы и мне тоже. Вот бы мне вонюхлера.

– Вот и хорошо, теперь не надо думать, что тебе подарить на следующее Рождество, – весело сказала Гермиона, но Рон продолжал мрачно глядеть на картофелину. – Да ладно тебе, Рон, могло быть и хуже. У тебя всё-таки руки не в гное бьюботюбера. – Гермиона с трудом держала нож и вилку, отёк с рук ещё не спал, и пальцы гнулись плохо. – *Ненавижу* эту Скитер! – вдруг выпалила она. – Я с ней расквитаясь. Даже если это будет последнее, что я сделаю!

* * *

Всю следующую неделю Гермиона продолжала получать письма ненависти. Она последовала совету Хагрида и больше их не вскрывала, но некоторые из её недоброжелателей нарочно присылали Ревунов, которые взрывались прямо над столом Гриффиндора и орали ругательства на весь Большой Зал. Так что даже те, кто не читал «Намедни с ведьмой», знали все подробности любовных отношений Гермионы с Гарри и Виктором Крамом. Гарри до смерти надоело всем объяснять, что они с Гермионой всего лишь друзья.

– Скоро это всё утихнет, – заверил Гарри Гермиону. – Только не обращай внимания... Помнишь, как она тогда написала обо мне и всем это в конце концов надоело.

– Я хочу знать, как она подслушивает чужие разговоры, когда её в школу не пускают, – недобро сверкая глазами, сказала Гермиона.

После следующего урока защиты от Тёмных искусств Гермиона задержалась в классе, чтобы спросить о чём-то профессора Муди. Все остальные просто бежали из класса, учитель устроил им такую контрольную по отклонению порчи, что почти все покидали поле боя с потерями. У Гарри дёргались уши, и он придерживал их ладонями.

Гермиона догнала Гарри и Рона в коридоре пять минут спустя.

– Рита не надевает плащ-невидимку, – отдуваясь, сообщила она, отведя ладонь Гарри от подрагивающего уха, чтобы он её услышал. – Муди мне сказал, что не видел её у судейского стола и вообще нигде у озера.

– Гермиона, имеет ли смысл говорить тебе бросить эту затею? – произнёс Рон.

– Нет! – тряхнула та головой. – Я хочу знать, как она подслушала наш с Виктором разговор. *И* как она узнала о матери Хагрида.

– Может, она повесила на тебя жучок, – предположил Гарри.

– Жучок? – не понял Рон. – Это что, вроде как клопов на неё напустила?

Гарри стал рассказывать ему о крохотных микрофончиках и магнитофонах.

Рон от таких чудес техники пришёл в неописуемый восторг, но Гермиона перебила Гарри:

– Вы что, так *никогда* и не прочитаете «Историю Хогwartса»?

– А зачем? – пожал плечами Рон. – Ты её наизусть знаешь, если что – тебя и спросим.

– Все эти заменители колдовства, которыми пользуются маглы – электричество, компьютеры, радары и прочее, – все начинают сходиться с ума поблизости от Хогwartса,

атмосфера здесь перенасыщена колдовством. Поэтому, Рита Скитер подслушивает с помощью магии, по крайней мере, должна... только бы понять, как... и если это незаконно, уже её...

— У нас что, других забот нет? — с укором спросил Рон. — В довершение ко всему, мы ещё объявим вендетту Рите Скитер?

— Я тебя и не прошу помогать! — отрезала Гермиона. — Сама прекрасно справлюсь!

Она развернулась на каблуках, даже не взглянув в сторону мальчиков, ушла обратно вверх по мраморной лестнице. Можно было сказать наверняка, что она отправилась в библиотеку.

— Спорим, что на этот раз она вернётся с коробкой значков «Ненавижу Риту Скитер»? — предложил Рон.

Однако Гермиона так и не попросила друзей помочь ей отомстить Рите Скитер, за что они были ей благодарны. Накануне пасхальных каникул им стали задавать гораздо больше домашней работы. Гарри искренне удивлялся Гермионе: как это можно делать всю домашнюю работу, да ещё и успевать читать про методы магического подслушивания? Сам он с домашним заданием едва справлялся, не забывая, впрочем, регулярно посылать еду Сириусу в грот на горе. Он ещё с прошлого лета помнил, что такое постоянный голод. В каждую посылку он вкладывал записку, где писал, что ничего необычного не случается, и Пёрси ответа на их письмо ещё не прислал.

Хэдвиг вернулась только в один из последних дней пасхальных каникул. Она принесла посылку с пасхальными яйцами и домашними ирисками от миссис Уизли, а ещё в посылке оказалось письмо от Пёрси. Гарри и Рону миссис Уизли прислала по яйцу размером с драконье, а Гермионе — крохотное, меньше куриного. Гермиона, когда его увидела, очень расстроилась.

— А твоя мама, Рон, случайно, не читает «Намедни с ведьмой»? — огорчённо спросила она.

— Читает, — ответил Рон с полным ртом ирисок. — Она его ради рецептов выписывает. Гермиона печально поглядела на крохотное яйцо.

— Может, прочитаем, что пишет Пёрси? — поспешно предложил Гарри.

Письмо оказалось коротким, было заметно, как Пёрси раздражён.

Вот что он писал:

«Я уже много раз сообщал «Ежедневному профоку», что мистер Крауч находится в отпуске, который он давно заслужил. Он регулярно присылает мне с совами инструкции. Сам я его не видел, но уж почерк-то его я знаю, можете мне поверить. У меня и без того много забот, чтобы ещё пытаться развеять эти глупые слухи. Прошу не беспокоить меня без надобности.

Поздравляю с Пасхой».

* * *

Обычно после пасхальных каникул Гарри начинал усердно тренироваться к последнему в сезоне матчу по квиддичу. Но в этом году турнир по квиддичу отменили, и вместо этого

надо было готовиться к третьему, последнему заданию Тримагического Турнира, а что это будет за задание и как к нему готовиться, Гарри ещё не знал. На последней неделе мая профессор МакГонагалл задержала его в классе после урока трансфигурации.

— Сегодня в девять часов вечера вам надо будет пойти на площадку для квиддича, Поттер, — сообщила она. — Там мистер Бэгмэн объяснит вам и другим участникам, что вас ждёт в третьем туре.

В половине девятого Гарри пошёл к условленному месту, а Рон и Гермиона остались в башне Гриффиндора. В холле Гарри нагнал Седрик Диггори, он тоже направлялся на площадку.

Они вместе вышли из дверей замка. Вечер был пасмурный.

— Как ты думаешь, что это будет? — спросил Седрик Гарри, когда они стали спускаться по каменной лестнице. — Флер всё говорит о подземных ходах, думает, что мы будем искать сокровища.

— Ну, это ещё полбеды, — ответил Гарри и подумал, что на этот случай попросит у Хагрида воннохлера, зверёк сокровища и найдёт.

Они прошли тёмной лужайкой к стадиону и вошли через арку в трибунах. Седрик увидел площадку и остановился как вкопанный.

— Что с ней сделали? — с возмущением воскликнул он.

Площадка для квиддича всегда была ровная и гладкая, а теперь на ней появились длинные низенькие стены, которые шли во всех направлениях и пересекали друг друга.

— Да это живая изгородь, — сказал Гарри, подойдя поближе.

— Эй, идите сюда! — весело окликнул их Людо Бэгмэн.

Он стоял в самой середине площадки, а с ним Виктор Крам и Флер Делакур. Гарри и Седрик пошли к ним, перешагивая через стены живой изгороди. Флер приветливо улыбнулась Гарри. С тех пор, как он достал её сестру со дна озера, она в Гарри души не чаяла.

— Ну, что скажете? — довольный собой, спросил Бэгмэн, едва только Гарри и Седрик перебрались через последнюю стену. — Здорово растёт? Глядишь, через месяц Хагрид их вырастит футов до двадцати. Не бойтесь, — прибавил он, глядя на вытянувшиеся лица Гарри и Седрика, — Турнир кончится, и получите вы свою площадку для квиддича назад, не волнуйтесь. Ну что, поняли, что это такое?

Все молчали.

— Лабиринт, — догадался первым Крам.

— Верно! Лабиринт. Так что третье задание простое. Тримагический Кубок поставят в центре. Первый, кто до него дотронется, получит больше всех очков.

— Надо просто проходить лабиринт? — удивилась Флер.

— Тут будут препятствия, — потёр руки Бэгмэн, раскачиваясь на пятках. — Хагрид приготовит всяких существ... и заклятия тоже будут, надо будет и их обойти... ну и всё такое прочее... Первыми в лабиринт войдут те, у кого больше очков. — Бэгмэн улыбнулся Гарри и Седрику. — Потом мистер Крам. Потом мисс Делакур. У каждого из вас будет возможность победить, всё зависит от того, как вы справитесь с препятствиями. Веселья хватит!

Гарри было хорошо известно, что за существ Хагрид приготовит для такого случая, и он подумал, что будет не до веселья. Однако он вежливо кивнул вместе с другими участниками.

— Ну ладно, если нет вопросов, тогда пойдёмте в замок, что-то стало холодать...

И он поспешил мимо Гарри к выходу со стадиона. Едва успел Гарри подумать, что сейчас Бэгмэн снова будет предлагать помощь, как Крам взял его за плечо.

— Мы можем поговорить?

— Ну... да, — удивлённо ответил Гарри.

— Пройдёмся?

— Давай.

Бэгмэн, заметив это, встревожился.

— Гарри, тебя подождать?

— Нет, не стоит, мистер Бэгмэн, — сдерживая улыбку, ответил Гарри. — Думаю, я найду замок самостоятельно, спасибо.

Гарри и Крам вместе вышли со стадиона, но Крам не пошёл, как думал Гарри, к своему паруснику. Вместо того он направился к Запретному Лесу.

— Зачем мы туда идём? — спросил Гарри, когда они миновали хижину Хагрида и ярко освещённую карету Бобатона.

— Не хочу, чтобы нас слушали, — ответил Крам. Недалеко от загона с лошадьми Бобатона нашлось тихое укромное местечко. Крам остановился в тени деревьев и обернулся к Гарри.

— Мне надо знать, — нахмурившись, спросил он, — что у вас с Гермивонной.

Гарри ожидал, что за такими предосторожностями последует что-то посерьёзнее, и в недоумении поглядел на Крама.

— Ничего, — ответил он, но Крам продолжал хмуро глядеть на него. Гарри вдруг заметил, насколько Крам его выше, и решил всё-таки объяснить.

— Мы просто друзья, — сказал он. — Она не моя девушка и никогда ей не была. Просто эта Скитер распустила сплетни.

— Гермивонна очень часто о тебе говорит, — Крам недоверчиво глядел на Гарри.

— Ну да, — ответил Гарри, — мы же с ней *друзья*.

Он не мог поверить, что у него происходит подобный разговор с Виктором Крамом, знаменитым на весь мир искателем. Кроме того, восемнадцатилетний Крам принимал Гарри за равного... за настоящего соперника...

— И вы никогда... между вами не было...

— Нет, — твёрдо ответил Гарри.

Лицо Крама прояснилось. Он ещё с минуту глядел на Гарри и потом сказал:

— Ты очень хорошо летаешь. Я видел на первом испытании.

— Спасибо. — Гарри расплылся в улыбке и сразу почувствовал себя выше ростом. — А я видел, как ты играл на Чемпионате мира. Этот финт Вронского...

Вдруг позади Крама, в деревьях, что-то зашевелилось. Гарри не понаслышке знал, кто обитает в Запретном Лесу, и тут же, не раздумывая, схватил Крама за руку и оттащил в сторону.

– Что такое?

Гарри только покачал головой, продолжая напряжённо глядеть туда, где, как ему показалось, что-то двигалось. Он достал из кармана волшебную палочку.

И тут из-за высокого толстого дуба вышел, покачиваясь, человек. В первую минуту Гарри его не узнал, но потом понял, что это... мистер Крауч.

Мистер Крауч выглядел так, будто провёл в дороге несколько дней и всё время шёл пешком. Брюки на коленях были прорваны и испачканы кровью; он был небрит, лицо исцарапано и от истощения посерело. Волосы на голове и усы были немывты и давно не стрижены. В общем, вид у него был чудной, а вёл он себя и того чуднее. Мистер Крауч размахивал руками, бормотал что-то себе под нос, и разговаривал с кем-то, кого видел только он один. Он живо напомнил Гарри старого бродягу с улицы, Гарри его видел, когда однажды Дёрзли взяли его с собой в магазин за покупками. Тот бродяга тоже разговаривал с воздухом; тётя Петунья схватила тогда Дадли за руку и перетасила на противоположную сторону улицы, подальше от старика, а дядя Вернон разразился длинной тирадой насчёт того, что бы он сделал со всеми этими бродягами и попрошайками.

– Это судья? – спросил Крам, тоже узнав Крауча. – Он ведь работает в вашем Министерстве.

Гарри кивнул, помялся в нерешительности и медленно пошёл к мистеру Краучу. Крауч, впрочем, не обратил на него ни малейшего внимания и продолжал беседовать с деревом:

– ...А после этого, Уэзэрби, уведомьте Дамблдора письмом о количестве учеников из школы Дурмстранг, которые придут на Турнир. Каркаров сообщил, что их будет двенадцать...

– Мистер Крауч? – осторожно позвал Гарри.

– ...и отправьте сову к мадам Максим, возможно, она захочет привезти больше учащихся, чем хотела, так как Каркаров решил взять двенадцать... Вот, Уэзэрби. Вы выполните то, о чём я вас прошу? Выполните?.. Выпол... – мистер Крауч выпучил глаза, уставился на дерево и неслышно что-то забормотал, потом вдруг покачнулся и рухнул на колени.

– Мистер Крауч, вы в порядке? – громко спросил Гарри.

Крауч завращал глазами. Гарри обернулся и поглядел на Крама, Крам стоял неподалёку и с тревогой глядел на Крауча.

– Что с ним? – спросил он.

– Без понятия, – ответил Гарри. – Слушай, сходи-ка и позови кого-нибудь...

– Дамблдора! – простонал Крауч, схватил Гарри за мантию и подтащил ближе к себе, хотя Гарри он как будто и не видел. – Мне надо... увидеть... Дамблдора...

– Хорошо, мистер Крауч, – ответил Гарри. – Я вам помогу подняться и мы пойдём...

– Я... совершил... глупость... – прошептал мистер Крауч. Вёл он себя как самый настоящий сумасшедший. Глаза у него вылезали из орбит и бегали туда-сюда, а из уголка рта по подбородку струилась слюна. Было заметно, что каждое слово стоит ему огромных усилий. – Должен... сказать... Дамблдору...

– Встаньте, мистер Крауч, – громко и ясно сказал Гарри. – Встаньте, я отведу вас к Дамблдору.

Мистер Крауч вдруг поглядел прямо на Гарри.

– Кто... ты? – прошептал он.

– Я учусь здесь, в школе, – ответил Гарри, оглянувшись на Крама, в надежде на помощь, но Крам пугливо держался поодаль.

– Ты не... *его*? – еле слышно проговорил Крауч, почти не шевеля губами.

– Нет, не его, – ответил Гарри, хотя не имел ни малейшего понятия, о чём Крауч говорит.

– Ты... Дамблдора?

– Да, да.

Крауч подтащил его ещё ближе к себе; Гарри попытался высвободить край мантии из руки Крауча, но ничего не вышло.

– Предупреди... Дамблдора...

– Я приведу его, только отпустите меня, – попросил Гарри. – Отпустите, мистер Крауч, и я его вам приведу...

– Благодарю вас, Уэзэрби, а когда закончите с этим, принесите мне чашку чая. Скоро приедут жена с сыном, вечером мы идём на концерт с мистером и миссис Фадж, – быстро забормотал Крауч дереву, словно напрочь забыл о существовании Гарри, а Гарри просто опешил и даже не сразу заметил, что Крауч выпустил его мантию. – Да, благодарю вас, мой сын получил двенадцать СОВ, да-да, это очень высокая оценка, я очень рад, да. Принесите мне, пожалуйста, записку министра магии Андорры, думаю, я успею набросать ответ...

– Побудь здесь с ним, – велел Гарри Краму. – Я приведу Дамблдора, я его быстрее найду, я знаю, где его кабинет...

– Он сумасшедший, – ответил Крам, со страхом глядя на Крауча.

Крауч всё ещё беседовал с деревом, как будто это был Пёрси.

– Просто постой здесь с ним – и всё! – Гарри встал и хотел было бежать к замку, но Крауч снова встрепенулся, обхватил Гарри вокруг колен и притянул обратно к себе.

– Не... оставляй... меня... одного, – попросил он, снова тараща глаза. – Я... убежал... должен предупредить... рассказать... увидеть Дамблдора... моя вина... это всё моя... Берту убили... всё моя вина... сын... я виноват... сказать Дамблдору... Гарри Поттер... Тёмный Лорд... сильнее... Гарри Поттер...

– Отпустите меня, мистер Крауч, я приведу Дамблдора, – взмолился Гарри и метнул яростный взгляд на Крама. – Да помощи же ты!

Крам с опаской приблизился и присел рядом на корточки.

– Смотри, чтобы он никуда не ушёл, – велел Гарри и вытащил мантию из руки Крауча. – Я приведу Дамблдора.

– Только скорее, ладно? – крикнул вдогонку Крам.

Гарри выбежал из Леса и помчался по тёмной поляне к замку. Вокруг было пусто, Бэгмэн, Флер и Седрик уже ушли. Гарри взлетел по лестнице, распахнул дубовые двери, ворвался в вестибюль и побежал по мраморной лестнице на третий этаж.

Пять минут спустя Гарри уже мчался по коридору к каменной гаргутье, что торчала в стене в середине коридора.

– Ли-лимонный щербет! – отдуваясь, крикнул Гарри. Это был пароль входа на потайную лестницу, что вела к кабинету Дамблдора, по крайней мере, такой пароль был два года назад. Пароль, судя по всему, изменили, потому что гаргутья не ожила и не отпрыгнула в сторону, а вместо этого продолжала как ни в чём не бывало зло глядеть на Гарри.

– Двигайся ты! – заорал он. – Живо!

Гарри знал, что это бесполезно: в Хогвартсе ничто никогда не шевелилось, когда на него просто прикрикнешь. Он глянул направо, налево по коридору. Может, Дамблдор в учительской? Гарри что есть духу побежал к лестнице, как вдруг...

– Поттер! – раздался голос.

Гарри остановился как вкопанный и обернулся.

С потайной лестницы за гаргутьей сошёл Снейп, он поманил Гарри рукой, а гаргутья позади него вернулась на своё место.

– Что вы здесь забыли, Поттер?

Гарри помчался обратно.

– Мне надо видеть профессора Дамблдора! – крикнул он, подбежал к Снейпу и остановился. – Там... в лесу... мистер Крауч. Он просит...

– Что это за чушь? – сверкнул глазами Снейп. – Вы о чём сейчас?

– Мистер Крауч, из Министерства! – закричал Гарри. – Он болен, а может... Он в лесу, он хочет увидеть Дамблдора! Скажите пароль...

– Директор занят, Поттер, – сказал Снейп и улыбнулся неприятной улыбкой.

– Мне надо сказать Дамблдору! – ещё громче закричал Гарри.

– Вы меня не слышали, Поттер?

Снейп явно наслаждался тем, что не позволял Гарри получить то, что ему сейчас было нужнее всего.

– Да послушайте же вы! – рассердился Гарри. – Крауч не в своём уме... говорит, что хочет о чём-то предупредить...

Потайной ход за спиной Снейпа открылся, и из него показался Дамблдор в длинной зелёной мантии.

– Что тут такое? – удивлённо спросил он, глядя поочередно то на Гарри, то на Снейпа.

– Профессор! – выпалил Гарри и шагнул вперёд, чтобы опередить Снейпа. – Мистер Крауч здесь... в Запретном Лесу. Он хочет с вами поговорить.

Гарри думал, что Дамблдор станет задавать вопросы, но, к счастью, тот и не думал ни о чём спрашивать.

– Показывай дорогу, – коротко сказал Дамблдор и поспешил следом за Гарри, а Снейп остался стоять у гаргутьи, причём выглядел страшнее раза в два.

– Гарри, что говорил мистер Крауч? – спросил Дамблдор, спускаясь по мраморной лестнице.

– Что хочет вас предупредить... что сделал что-то ужасное... о своём сыне говорил... и о Берте Джоркинс... и... и о Волдемorte... кажется, что Волдеморт стал сильнее...

– Правда? – они вышли из замка, на улице уже стемнело, и Дамблдор прибавил шаг.

– Он ведёт себя не как нормальный человек, – сказал Гарри, едва поспевая за широким шагом директора. – Он, по-моему, не понимает, где он. Говорит-говорит как будто с Пёрси Уизли, а потом вдруг говорит, что хочет видеть вас... Он там остался с Виктором Крамом.

– Вот как? – И Дамблдор зашагал ещё быстрее, так что Гарри пришлось бежать. – Кто ещё видел Крауча?

– Никто. Мы с Крамом разговаривали, мистер Бэгмэн рассказал нам о третьем испытании, потом все ушли, а мы остались, а потом мистер Крауч пришёл из леса...

– Где они? – спросил Дамблдор, заведя в темноте карету Бобатона.

– Вон там. – Гарри обогнал Дамблдора, указал направление и повёл прямо в лес. Крауча он не слышал, но куда идти помнил; здесь, недалеко от кареты Бобатона... где-то здесь...

– Виктор! – крикнул он. Никто не ответил.

– Они были здесь, – сказал он Дамблдору. – Я точно помню, где-то здесь...

– *Lumos!* – произнёс Дамблдор и поднял над головой вспыхнувшую волшебную палочку.

Из темноты показывались одно за другим деревья, круг света падал на землю. И вдруг свет выхватил из темноты чьи-то ноги.

Дамблдор и Гарри поспешили туда, на траве лежал без сознания Виктор Крам. Крауча и след простыл. Дамблдор опустился на колени рядом с Крамом и осторожно приоткрыл ему одно веко.

– Оглушили, – мягко произнёс он и стал при свете волшебной палочки оглядывать ближайшие деревья, свет отражался от его очков-половинок.

– Привести кого-нибудь? – спросил Гарри. – Может, мадам Помфри?

– Нет, – торопливо ответил Дамблдор. – Стой здесь.

Он поднял волшебную палочку высоко над головой и направил её кончик в сторону хижины Хагрида. Что-то серебристое, словно призрак птицы, вылетело из неё и помчалось между деревьев. Потом Дамблдор наклонился над Виктором Крамом, навёл палочку на него и прошептал:

– *Rennervate!*

Крам открыл глаза. Он выглядел ошеломлённым. Потом он увидел Дамблдора и попытался сесть, но Дамблдор положил руку ему на плечо и не позволил.

– Он на меня напал, – слабым голосом проговорил Крам, прижав руку к голове. – Старик на меня напал. Я обернулся поглядеть, куда убежал Поттер, а он напал на меня сзади.

– Полежи пока спокойно, – сказал Дамблдор.

Послышался тяжёлый топот, и, тяжело дыша, прибежал Хагрид, а вместе с ним и Клык. Хагрид держал в руках арбалет.

– Профессор Дамблдор! – воскликнул он, расширив глаза. – Гарри! Что здесь...

– Хагрид, приведи скорее профессора Каркарова, – велел Дамблдор. – Скажи ему, что напали на его ученика. А после этого найди профессора Муди...

– Ну, это уже ни к чему, я и так здесь, – своим хриплым голосом сказал Муди, быстро хромая к ним, опираясь на палку и держа в руке волшебную палочку со светом на кончике.

– Проклятая нога, – выругался он. – Давно бы уже пришёл... Что тут стряслось? Снейп говорил, будто Крауч...

– Крауч? – ничего не понимая, переспросил Хагрид.

– Приведи Каркарова, Хагрид, пожалуйста, – отрезал Дамблдор.

– Ах, да... правд', профессор... – забормотал Хагрид, повернулся и поспешил прочь, Клык побежал следом.

– Не знаю, где Барти Крауч, – сказал профессору Муди Дамблдор, – но только нужно найти его поскорее.

– Ясно, – ответил Муди и пошёл в лес.

Гарри и Дамблдор молчали до тех пор, пока снова не послышался топот Хагрида и громкое дыхание Клыка.

Каркаров едва поспевал за ними. На нём была шуба из блестящего серебристого меха, он был взволнован и бледен.

– Что это такое? – воскликнул он, увидев Крама лежащим на земле, а рядом с Крамом Дамблдора и Гарри. – Что случилось?

– На меня напали, – сказал Крам, сел и стал тереть голову руками. – Этот мистер Крауч или как там его...

– Крауч на тебя напал? *Крауч?* Судья Тримагического Турнира?

– Игорь, – начал было Дамблдор, но Каркаров выпятил грудь, подошёл ближе и яростно впился в свою шубу.

– Это подлость! – вскричал он, указывая пальцем на Дамблдора. – Вы все сговорились. Вы с вашим Министерством магии под ложным предлогом заманили меня сюда. Это нечестное соревнование, Дамблдор! Сначала вы протаскиваете Поттера в Турнир, хотя он не годится по возрасту. Теперь ваш приятель из Министерства пытается вывести из строя *моего* чемпиона. Это уже пахнет двурушничеством и подкупом! А вы ещё смее говорить об укреплении международных связей колдунов, возрождении традиций, о том, что надо забыть старые разногласия! Вот, что я думаю о *вас*!

И Каркаров плюнул на землю, едва не попав на сапоги Дамблдора. Хагрид, не долго думая, схватил его за грудки, приподнял над землёй и прижал к дереву.

– Извиняйся! – зарычал он и затряс огромным кулаком перед носом Каркарова, а тот только хватал ртом воздух и болтал ногами.

– Хагрид, *нет!* – сверкнув глазами, прикрикнул Дамблдор.

Хагрид повиновался, отпустил Каркарова, и тот съехал по дереву вниз и осел у корней, а с дерева ему на голову упало несколько мелких сучков и листьев.

– Будь добр, Хагрид, проводи Гарри в замок, – строго велел Дамблдор.

Хагрид, тяжело дыша, грозно поглядел на Каркарова.

– Может, мне лучше остаться, господин директор?..

– Отведи Гарри в школу, – повторил Дамблдор. – Прямо в башню Гриффиндора. А ты, Гарри, оттуда ни ногой. Если тебе захочется что-то сделать, отправить кому-нибудь сову или ещё что-то, из башни не выходи, это может подождать до утра. Ты меня понял?

– Да, – глядя в глаза директору ответил Гарри. Откуда Дамблдор узнал? Гарри только что подумал, что надо сейчас же написать письмо Сириусу и послать Свинстуна.

– Я оставляю вам Клыка, господин директор, – сказал Хагрид, всё ещё угрожающе глядя на Каркарова, который, запутавшись в своей шубе и корнях дерева, лежал на земле. – Останься, Клык. Пойдём, Гарри.

И они вдвоём вышли из леса, прошли мимо кареты Бобатона и направились к замку.

– Как он смеет! – ворчал Хагрид, проходя мимо озера. – Как он смеет обвинять Дамблдора! Дамблдор не тот человек, не станет он такого делать. Как будто Дамблдор только и думал, как бы *тебя* в Турнир пропихнуть! Да я ещё не видал, чтобы Дамблдор так беспокоился, как за весь этот Турнир. А ты? – вдруг сердито обернулся Хагрид к Гарри. Гарри в недоумении поглядел на Хагрида. – Тебя-то чё понесло с этим долбанным Крамом? Он же из Дурмстранга, Гарри! Он ведь тебя прямо там сглазить мог! Муди тебя ничему не научил? Ты подумай, что он с тобой мог сделать...

– Крам – нормальный парень, – сказал Гарри, поднимаясь по лестнице и входя в вестибюль. – И сглазить он меня не собирался! Он хотел поговорить о Гермионе...

– Ладно, я сам с нашей Гермионой поговорю, – пригрозил Хагрид, топая по лестнице. – Чем меньше вы с этими иностранцами якшаетесь, тем лучше. Нельзя им верить, вот что.

– При этом тебе с мадам Максим, значит, можно, – рассердился Гарри.

– Шоб я больше про неё не слышал! – В эту минуту на Хагрида было страшно взглянуть. – Раскусил я её! Подмазаться хочет, хочет, чтоб я ей сказал, что будет в третьем испытании. Вот как! Верь им после этого!

Хагрид словно взбесился, и Гарри был рад-радёшенек распроститься с ним у портрета Полной Леди. Он вошёл сквозь проём за портретом в гостиную и поспешил прямо в тот угол, где сидели Рон и Гермиона, чтобы рассказать им, что случилось.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СОН

– Выходит, то ли мистер Крауч напал на Виктора, то ли кто-то напал на них обоих, а Виктор не видел кто. – Гермиона потёрла лоб.

– Наверняка Крауч, – сказал Рон. – Поэтому, когда Гарри вернулся с Дамблдором, его и не было. Удрал.

– Это вряд ли. – Гарри покачал головой. – Он на ногах еле стоял, куда ему было дезаппарировать!

– Да *нельзя* в Хогвартсе дезаппарировать! Я вам сто раз говорила! – ответила Гермиона.

– Ну, ладно. А если так: Крам напал на Крауча – постойте, дайте скажу, – а потом Оглушил себя! – предложил Рон, радуясь собственной догадке.

– Ага, а мистер Крауч после испарился, – ухмыльнулась Гермиона.

– Ах, да...

Дело было на рассвете. Гарри, Рон и Гермиона поднялись рано и пришли в совятник отослать весточку Сириусу. Сова с запиской улетела, друзья встали у окна и глядели на подёрнутые туманом окрестности школы. Они за полночь просидели в гостиной, все спорили о мистере Крауче, не выспались, и у всех троих были мешки под глазами и бледные лица.

– Повтори ещё раз, Гарри, – попросила Гермиона, – что именно сказал мистер Крауч?

– Говорил уже, много смысла в его словах не было. Он хотел о чём-то предупредить Дамблдора. Вроде сказал, что Берта Джоркинс умерла... И всё повторял, что это его вина... и что-то там ещё про сына...

– Да, это действительно *его* вина, – выпалила Гермиона.

– Он был точно не в своём уме. То с женой и сыном разговаривал, будто они живые, то отдавал распоряжения Пёрси.

– А что он там говорил о Сам-Знаешь-Ком? – боязливо спросил Рон.

– Ну, что он набирается сил, – неохотно ответил Гарри.

Друзья немного помолчали, и Рон деланно уверенным голосом сказал:

– Ты думаешь, он не в своём уме? Ну так, значит, он просто бредил...

– Нет, уж о Волдемorte-то он говорил, как здоровый человек. – Рон, услышав имя Тёмного Лорда, вздрогнул, но Гарри сделал вид, будто не заметил. – Говорить ему было трудно, но он понимал, где он и чего хочет. И всё твердил, что хочет видеть Дамблдора.

Гарри отвернулся от окна и поглядел на насесты под потолком. Совы возвращались с ночной охоты; то и дело новая сова влетала в окно с мышью в клюве, и насесты понемногу заполнялись.

– Если бы не Снейп, – вздохнул Гарри, – может, мы бы успели вовремя. «Директор занят, Поттер... Что за чушь, Поттер?» – передразнил он учителя. – Почему он не может просто не мешать?

– Может, он хотел тебя задержать? – сказал Рон. – А может... постой, как, по-твоему, скоро он мог бы добраться до леса? Мог он вас с Дамблдором опередить?

– Разве что летучей мышью обернулся.

– С него станется... – пробормотал Рон.

– Надо спросить профессора Муди, нашёл ли он мистера Крауча, – сказала Гермиона.

– С моей Картой нашёл бы, – ответил Гарри.

– Если только Крауч не ушёл слишком далеко, – заметил Рон. – На Карте-то только замок с окрестностями...

– Ш-ш-ш! – вдруг остановила их Гермиона.

На лестнице послышались шаги. Судя по голосам, шли двое и о чём-то спорили.

– Это называется шантаж! Из-за этого мы можем нехило влипнуть...

– ...мы старались быть вежливыми; пора уже, подобно ему, играть грязно. Ему не понравится, если в Министерстве магии узнают, что он проделывал...

– Всё равно. Разговоры разговорами, а письмо – это шантаж.

– Посмотрим, станешь ли ты жаловаться, если нам заплатят хорошо.

Дверь советника распахнулась, и на пороге, увидев Гарри, Рона и Гермиону, замерли Фред и Джордж.

– Вы что тут делаете? – разом воскликнули Рон и Фред.

– Пришли отправить письмо, – дружно ответили Гарри и Джордж.

– Так рано? – вместе подняли брови Гермиона и Фред.

Фред ухмыльнулся.

– Ладно, – сказал он. – Мы не спрашиваем, что вы тут делаете, а вы не спрашиваете нас.

В руке он держал запечатанный конверт. Гарри поглядел на адрес, но Фред – не то случайно, не то нарочно – прикрыл его рукой.

– Не смеем вас задерживать. – Фред иронично поклонился и указал на дверь.

Рон не тронулся с места.

– Кого вы вздумали шантажировать? – спросил он.

Ухмылка сошла с губ Фреда, а Джордж, напротив, глянул на Рона и улыбнулся.

– Да не глупи, это просто шутка, – сказал он небрежно.

– Звучало это иначе.

Фред с Джорджем переглянулись.

– Я тебя предупреждал, Рон: не суй нос не в своё дело, а то как бы тебе его не оторвали. Какое твоё...

– Если вы кого-то шантажируете, это уже моё дело. Джордж прав, вы можете серьёзно влипнуть.

– Я же тебе сказал, что мы шутили, – сказал Джордж, подошёл к Фреду, взял у него из рук письмо и стал привязывать его к ноге ближайшей совы. – Ты, Рон, прямо как наш братец Пёрси. Продолжай в том же духе и тоже станешь префектом.

– Ни за что! – вскипел Рон.

Джордж поднёс сову с письмом к окну и выпустил, сова улетела, а он повернулся к Рону и улыбнулся.

– Ну, а раз так, то перестань всем указывать. Увидимся.

И они с Фредом ушли. Гарри, Рон и Гермиона переглянулись.

– Вам не кажется, что они что-то об этом знают? – прошептала Гермиона. – О Крауче и обо всём остальном?

– Нет, – возразил Гарри. – Будь это что-нибудь важное, они бы кому-нибудь рассказали. Они бы рассказали Дамблдору.

Рона эти слова не успокоили, он всё равно тревожно покусывал губу.

– В чём дело? – спросила его Гермиона.

– Может, рассказали бы, а может, и нет, – ответил Рон. – Они теперь помешаны на деньгах. Я это заметил, когда шатался с ними, пока мы... ну...

– Не разговаривали, – подсказал Гарри. – Да, но шантаж...

– Они бредят собственной лавкой шуточных товаров. Я раньше думал, что они это только так – позлить маму, а оказалось, нет. Учиться им ещё только год, вот они и думают, что делать дальше. Папа помочь им не может, а на магазин нужно золото.

Настала очередь Гермионе проявить беспокойство.

– Нужно-то нужно, но не станут же они из-за этого нарушать закон. Или станут?

– Станут ли? Не знаю, – усмехнулся Рон. – До сих пор пай-мальчиками они не были.

– Да, вот только это уже *закон*. – Гермиона не на шутку испугалась. – А не глупые школьные правила. За шантаж чисткой пробирок не отделаешься! По-моему, тебе лучше рассказать обо всём Пёрси...

– Рехнулась ты, что ли? Сказать Пёрси? Он, чего доброго, последует примеру Крауча и сдаст их. – Рон поглядел на окно, через которое вылетела сова с письмом Фреда и Джорджа. – Пойдёмте-ка лучше завтракать.

Друзья вышли из совятника и стали спускаться по винтовой лестнице.

– Думаете, к профессору Муди идти ещё рановато? – спросила Гермиона.

– Да, – ответил Гарри. – В такую рань он, пожалуй, решит спросонья, что мы его прикончить хотим, и, недолго думая, через дверь нас и поджарит. Лучше подождём до перемены.

Редко история магии тянулась так долго, как на этот раз. Гарри то и дело поглядывал на часы Рона – свои он выкинул. Но и Роновы шли что-то уж очень медленно, и Гарри решил, что они тоже сломались. Все трое от усталости готовы были уснуть хотя бы тут же, на парте; даже Гермиона и та отбросила перо, подперла голову рукой и мутными глазами глядела на профессора Биннса.

В конце концов прозвенел звонок, и друзья поспешили в класс защиты от Тёмных искусств. Учитель Муди как раз выходил из класса, похоже было, что он и сам очень устал. Его человеческий глаз готов был сомкнуться, и от этого лицо Муди казалось кривее обычного.

– Профессор Муди, – позвал Гарри, пробираясь сквозь толпу учеников.

– Здравствуй, Поттер, – ответил своим скрипучим голосом Муди. Магический глаз учителя защиты от Тёмных искусств устремился на спешивших куда-то робких первокурсников, повернулся зрачком внутри головы, проводил их за угол. Потом вернулся на

место, и Муди сказал: – Заходите. – Он пропустил Гарри, Рона и Гермиону вперёд, вошёл сам и закрыл дверь.

– Вы нашли его? – сразу же спросил Гарри. – Мистера Крауча?

– Нет, – ответил Муди, дохромал до учительского стола, сел, крикнув, вытянул свою деревянную ногу и достал фляжку.

– А по Карте вы искали? – спросил Гарри.

– А как же? – Муди отхлебнул из фляжки. – Вызвал её прямо в лес из моего кабинета, как ты вызвал метлу. Крауча на ней не было.

– Значит, он *всё-таки* дезаппарировал? – сказал Рон.

– *Невозможно, Рон, дезаппарировать в окрестностях замка!* – Гермиона сверкнула глазами. – Профессор, а есть другие способы исчезнуть отсюда?

Магический глаз уставился на Гермиону, слегка дрожа.

– Подумай на досуге о карьере аврора, – сказал он ей. – Правильно рассуждаешь, Грэйнджер.

Гермиона зарделась от смущения и удовольствия.

– Невидим он тоже не был, – сказал Гарри. – Карта всё равно бы показала. Выходит, он всё-таки покинул тогда территорию замка.

– Вопрос только, он сам это сделал или кто-то заставил? – заметила Гермиона.

– Да, кое-кто мог. Взял да затащил его на метлу и улетел себе преспокойно, – сказал Рон и с надеждой взглянул на Муди, ему хотелось услышать, что и у него есть задатки аврора.

– Могли его и украсть, пожалуй, – согласился Муди.

– Может, он в Хогсмиде, как, по-вашему? – спросил Рон.

– Он может быть где угодно, – Муди покачал головой. – Одно мы знаем точно: здесь его нет.

Учитель широко зевнул, шрамы на его лице вытянулись, а зубов в кривом рте оказалось очень мало.

– Значит, так. Дамблдор сказал, вы себя сыщиками воображаете. Бросьте. Краучу всё равно не поможете. Дамблдор сообщил в Министерство, и его будут искать. А ты, Поттер, готовься-ка, лучше, к третьему испытанию.

– Что? Ах, да...

Гарри и думать забыл про лабиринт с тех пор, как был там прошлым вечером с Крамом.

– О нём-то тебе и надо теперь думать, – сказал Муди и почесал свой покрытый шрамами небритый подбородок. – Дамблдор говорит, тебе такие штуки не впервой. Вроде как ты на первом курсе добрался-таки до Философского Камня, хоть было там, где споткнуться.

– Мы ему помогали, – вставил Рон. – Я и Гермиона.

Муди улыбнулся.

– Ну, так помогите ему и на этот раз, и тогда я очень удивлюсь, если он не выиграет. А пока, Поттер, – постоянная бдительность. Постоянная бдительность. – Он глотнул побольше из фляжки, и его магический глаз повернулся в сторону окна. В окно был виден верхний парус дурмстрангского корабля. – А вы двое, – его обыкновенный глаз глядел на Рона и

Гермиону, – от Поттера не отходите. Поняли? Я хоть и приглядываю за всем, но всё равно, – чем больше глаз, тем лучше.

* * *

На следующее утро прилетела сова от Сириуса. Она села рядом с Гарри, а ещё одна сова, коричневая с рыжим, опустилась перед Гермионой с «Ежедневным пророком» в клюве. Гермиона взяла газету, пробежала глазами по первым страницам и усмехнулась:

– Она ещё не прослышала про Крауча.

И Гермиона присоединилась к Гарри и Рону, ей хотелось узнать, что Сириус пишет о загадочных событиях предпоследней ночи.

«Гарри, ты о чём вообще думал, решив прогуляться с Виктором Крамом до леса? Пообещай мне, что ни с кем никуда больше ночью не пойдёшь. В школе находится кто-то очень опасный. Для меня очевидно, что это он помешал Краучу увидеться с Дамблдором, и, может быть, он прятался где-то рядом. Тебя могли убить.

Твоё имя не случайно оказалось в Кубке Огня. И если кто-то собирается тебе навредить, то времени у него осталось совсем мало. Держись вместе с Роном и Гермионой, не выходи поздно из гриффиндорской башни и готовься к третьему испытанию. Потренируйся Оглушать и Разоружать противника. Узнать новые порчи не помешает. Краучу ты ничем не поможешь. Без нужды не высовывайся и будь осторожен. Следующим письмом пообещай мне больше не лезть, куда не следует.

Сириус».

– И он ещё будет меня учить! – возмущённо воскликнул Гарри. – Можно подумать, сам в школе вёл себя хорошо.

– Он о тебе беспокоится, так же как Муди и Хагрид, – резко возразила Гермиона. – Пора бы к ним прислушаться!

– Весь год никто не пытался на меня напасть. Никто вообще ничего мне не сделал...

– Вот только твоё имя в Кубок подсунули. И сделали это не просто так. Шмыгалз прав. Наверное, они просто выжидают. Может, они задумали напасть на тебя на третьем испытании?

– Слушай, – раздражённо сказал Гарри, – допустим, Шмыгалз прав, кто-то Оглушил Крама и украл Крауча. Тогда он *должен* был прятаться рядом, где-то там, за деревьями, так? Так зачем же он ждал, пока я уйду, а? Что-то не похоже, чтобы он гонялся за мной.

– Может, потому что убийство в лесу не выставить несчастным случаем, – возразила Гермиона. – А вот, если бы ты вдруг погиб в лабиринте...

– При этом на Крама напасть не побоялись. Тогда меня почему не укокопили там же? Взяли бы, да и устроили всё так, будто у нас с Крамом была дуэль или что-то подобное.

– Я тоже, Гарри, не понимаю почему, – с отчаянием в голосе ответила Гермиона. – Только тут столько странностей творится, и мне это не нравится... Муди прав и Шмыгалз прав: тебе надо побольше думать о третьем испытании, начни готовиться прямо сейчас. Напиши Шмыгалзу и пообещай, что не будешь больше убегать в одиночку.

* * *

Никогда территория Хогвартса не выглядела столь заманчиво, ведь теперь Гарри был вынужден сидеть взаперти. В следующие несколько дней свободное время Гарри проводил в библиотеке с Роном и Гермионой, выискивая полезные порчи, или в пустых классах, куда они проникали, чтобы попрактиковаться. Особенно он налегал на новое для него Оглушающее заклинание. Рону с Гермионой порядком доставалось.

– Нельзя ли стащить миссис Норрис? – предложил Рон в понедельник на большой перемене. Друзья закрылись в классе чар. Гарри в пятый раз Оглушил его, снова оживил, и Рон лежал, растянувшись, на спине. – Потренируешься на ней. Или на Добби, он для тебя на всё согласится. Нет, я не жалею, – Рон с опаской поднялся на ноги, потирая мягкое место, – просто у меня уже всё болит...

– Ещё бы, ты всё время падаешь мимо подушек, – нетерпеливо заметила Гермиона, перекладывая в очередной раз подушки. Эти же самые подушки они учились отбрасывать заклинанием на уроке Флитвика, и профессор оставил их до следующего урока в шкафу. – Просто падай назад.

– Когда тебя Оглушили, Гермиона, не так-то легко прицелиться, – сердито проворчал Рон. – Может, сама попробуешь?

– Ну, ладно, Гарри и так уже научился, – поспешила сказать Гермиона. – Разоружающие чары мы пробовать не будем, Гарри это давно умеет. А вечером, я думаю, мы займёмся...

Гермиона поглядела на внушительный список заклинаний, который они составили в библиотеке.

– Вот, смотрите: Непролазный сглаз. Он должен сделать медленными движения всего, что на тебя нападает, Гарри. Начнём с него.

Зазвенел звонок. Друзья торопливо засунули подушки в шкаф и вышли из класса.

– Увидимся за обедом, – сказала Гермиона и побежала на арифмантику.

Гарри и Рон направились в Северную Башню в кабинет предсказаний. В коридорах из высоких окон на пол и стены падали широкие полосы золотистого солнечного света. Небо было такое голубое, будто его покрыли эмалью.

Когда мальчики поднялись к площадке, с которой начиналась серебряная лестница, Рон произнёс:

– Сегодня в классе Трелони мы сваримся: она никогда не гасит свой камин.

Рон оказался прав. В классе было жарко, как в раскалённой духовке. А Трелони ещё, по обыкновению, подбрасывала в огонь ароматные травы, и в горячем воздухе стоял приторный дурман. У Гарри закружилась голова. Когда профессор Трелони на минутку отвернулась, чтобы отцепить шаль от светильника, Гарри быстро потянулся к занавешенному окну, приоткрыл его и сел обратно в кресло. Лицо теперь приятно обдувало свежим ветерком.

– Мои дорогие! – Трелони села в кресло с подголовником и обвела взглядом класс. Толстые очки увеличивали её глаза, и от этого у неё был очень странный вид. – Мы с вами почти уже прошли предсказания по расположению планет. Однако как раз сегодня Марс занял на небе весьма интересное положение, и для нас с вами это замечательная возможность изучить его влияние на судьбу. Я погашу свет, а вы поглядите, пожалуйста, сюда...

Она взмахнула волшебной палочкой, и светильники погасли, комнату освещал только огонь от камина. Профессор Трелони достала из-под своего кресла миниатюрную модель солнечной системы под стеклянным куполом. Выглядела эта модель чудесно. В центре, как и полагается, сияло солнце, вокруг солнца в воздухе вращались все девять планет, а вокруг планет их спутники. Гарри со скукой глядел, как профессор показывает удивительный угол, под которым Марс сошёлся с Нептуном. Его попеременно омывали то запахи ароматных трав, то свежий ветерок. Где-то за занавесью жужжало какое-то насекомое. Веки смыкались...

Гарри летел на спине филина по голубому небу к старому увитому плющом дому, дом стоял на склоне высокого холма. Приятный ветер дул в лицо. Они спускались всё ниже и ниже и, наконец, влетели в тёмное разбитое окно в верхнем этаже дома. Миновали полутёмный коридор, влетели в дверь в конце коридора и очутились в слабо освещённой комнате с наглухо заколоченными окнами.

Гарри слез со спины филина. В комнате был камин, и у камина стояло кресло, повернутое к двери спинкой. Филин пролетел через комнату, завернул прямо в кресло и исчез. На полу рядом с креслом двигались две тёмные фигуры.

Одна принадлежала большой змее, другая человеку. Низкорослому лысеющему человеку, со слезящимися глазами и острым носом. Он лежал, скрючившись, на коврике перед камином, всхлипывал и хрипел.

– Тебе повезло, Прихвост, – раздался ледяной голос из глубины кресла, куда опустился филин. – Очень повезло. Твоя ошибка нам не повредила... Он мёртв.

– Мой лорд, – с трудом произнёс человек на полу. – Мой лорд, я... я так рад... простите...

– Нагини, – продолжал ледяной голос, – тебе сегодня не повезло. Я пока не позволю тебе пообедать Прихвостом. Ну, ничего, ничего, Гарри Поттером полакомишься.

Змея зашипела, и Гарри увидел её трепещущий язык.

– Теперь, Прихвост, – сказал холодный голос, – пожалуй, одно небольшое напоминание о том, что больше ошибок я не потерплю...

– Мой лорд... нет... умоляю вас...

Из-за кресла показался кончик волшебной палочки, и голос произнёс:

– *Crucio!*

Прихвост закричал так, будто каждая клеточка его тела горела, его крик оглушил Гарри, и кроме этого крика Гарри ничего не слышал, шрам на лбу мальчика пронзила резкая боль. Гарри тоже закричал. Волдеморт услышит... узнает, что Гарри здесь...

– Гарри! *Гарри!*

Гарри открыл глаза. Он лежал на полу в классе профессора Трелони, прижав ладони к лицу. Шрам на лбу всё ещё пылал, было больно до слёз. Одноклассники обступили его кольцом, Рон стоял рядом на коленях и испуганно глядел на Гарри.

– Ты как? В порядке?

– Разумеется, он не в порядке, – сказала взволнованная профессор Трелони. Её огромные глаза с интересом глядели на Гарри. – Что с вами случилось, Поттер? Вы что-то увидели? Какое-то предостережение? Что же?

– Ничего, – солгал Гарри и сел на полу.

Он весь дрожал и оглядывался на тени за спиной. Голос Волдеморта звучал так близко...

– Вы схватились за голову. Вы катались по полу и держались за шрам на лбу. Я знаю, Поттер, что это значит. Уж я-то в этом кое-что понимаю.

Гарри поглядел на неё.

– Лучше я пойду пойду в больничное крыло. Голова раскалывается.

– Дорогой мой, на вас явно подействовали вибрации ясновидения моей комнаты. Если вы уйдёте, то лишитесь возможности увидеть дальше, чем когда-либо...

– Я хочу видеть только лекарство от головной боли.

Гарри поднялся на ноги. Встревоженные дети отступили.

– Увидимся позже, – шепнул Гарри Рону, подхватил рюкзак с книжками и пошёл к люку.

У профессора Трелони был при этом такой огорчённый вид, будто её лишили последней радости в жизни.

Гарри спустился по лестнице, но в больничное крыло не пошёл, да и не думал туда идти. Гарри решил последовать совету Сириуса насчёт того, что делать, если шрам заболит снова, и направился прямо в кабинет Дамблдора. Гарри шёл по коридорам и думал о сне. Сон был как будто наяву, совсем как тот, от которого Гарри проснулся на Бирючинном проезде. Мальчик перебрал в уме все детали: не забыл ли чего? Волдеморт сказал, что Прихвост ошибся, но филин принёс доброе известие, ошибка исправлена, кто-то мёртв, и Прихвоста не скормят змею. Вместо него ей скормят Гарри...

Гарри, задумавшись, прошёл мимо каменной гаргульи, сторожившей вход в кабинет Дамблдора. Он остановился, огляделся и вернулся ко входу. Ему вдруг пришло на ум, что он не знает пароль.

– Лимонный щербет? – спросил он на всякий случай.

Гаргулья не пошевелилась.

– Ну, ладно. Грушевый леденец. М-м... лакричная палочка. Шипучий шмелёк. Лучшая взрывная жвачка Друббла. Всевкусные бобы Берти Ботта... нет, не пойдёт, он их не любит, верно? – Гарри рассердился. – Мне нужно срочно его увидеть!

Гаргулья не двинулась с места. Гарри в сердцах размахнулся и пнул её ногой и ушиб пальцы, а гаргулья всё равно не подвинулась.

– Шоколадная лягушка! – Гарри прыгал на одной ноге. – Сахарное перо! Тараканья гроздь!

Гаргулья ожила и отпрыгнула, за ней показался проход. Гарри заморгал глазами.

– Тараканья гроздь? – изумился он. – А я ведь просто пошутил...

Гарри нырнул в проход, встал на первую ступень каменной винтовой лестницы, дверь за ним закрылась, лестница медленно понесла его вверх и остановилась у полированной дубовой двери с латунным дверным молотком.

Из-за двери доносились голоса. Гарри сошёл на небольшую площадку у двери и прислушался, не решаясь постучать.

– Боюсь, Дамблдор, я не вижу связи. Не вижу вообще, – говорил Корнелиус Фадж, министр магии. – По словам Людо, Берте ничего не стоит заблудиться. Согласен, что слишком долго мы не можем её найти, но ведь нет никаких доказательств, что с ней что-то случилось. И уж тем более я не вижу здесь никакой связи с исчезновением Барти Крауча.

– А что по-вашему, министр, приключилось с Краучем? – прохрипел Муди.

– Два варианта, Аластор. Либо Крауч в конце концов тронулся – учитывая его биографию, скорее всего так и есть, – сошёл с ума и где-нибудь бродит...

– Что-то уж очень быстро он бродит, Корнелиус, – совершенно спокойно заметил Дамблдор.

– Либо... – Фаджу явно неприятно было об этом говорить. – Нет, лучше повременить с выводами до тех пор, пока я не увижу место, где это произошло. Вы, кажется, сказали, что около кареты Бобатона? Дамблдор, что вы скажете об этой женщине?

– Она хороший директор, и она замечательно танцует.

– Будет вам, Дамблдор, в самом деле! – рассердился Фадж. – Можно подумать, если она нравится Хагриду, так она и впрямь безобидна. Они далеко не все такие уж безобидные. И ваш Хагрид, кстати, тоже – с его пристрастием ко всяким чудовищам...

– Мадам Максим я подозреваю не больше, чем Хагрида, Корнелиус. И есть возможность, что в вас просто-напросто говорит предубеждение, – как и прежде, спокойно сказал Дамблдор.

– Не пора ли нам закрутиться? – вмешался Муди.

– Да, верно, пойдёмте прогуляемся, – подхватил мысль Муди Фадж.

– Нет, я не про это. Поттер хочет поговорить с вами, Дамблдор. Он стоит за дверью.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

СИТОДУМ

Дверь кабинета открылась.

– Здравствуй, Поттер, – сказал профессор Муди. – Проходи.

Гарри вошёл. Он уже был однажды в кабинете у Дамблдора – красивой круглой комнате, стены которой увешаны портретами прежних директоров и директрис Хогвартса. Сейчас все они крепко спали.

Корнелиус Фадж, с нежно-зелёным котелком в руках и, как обычно, в полосатой мантии, стоял у стола Дамблдора.

– Гарри! – радостно воскликнул Фадж, шагнув ему навстречу. – Как дела?

– Хорошо, – солгал Гарри.

– Мы обсуждаем ту ночь, когда мистер Крауч оказался на территории замка, – продолжил Фадж. – Это ведь ты его нашёл?

– Да, – кивнул Гарри. Притворяться, будто он не слышал их разговор, бессмысленно, и он добавил: – Но мадам Максим я не заметил, а ей не так-то легко спрятаться.

Дамблдор, блеснув глазами, улыбнулся ему из-за спины Фаджа.

– В общем, да, – слегка смутился Фадж. – Мы собираемся сейчас прогуляться вокруг замка, Гарри... может, тебе вернуться пока в класс...

– Я хотел поговорить с вами, профессор, – быстро сказал Гарри, глядя на Дамблдора.

Директор бросил на него испытующий взгляд:

– Подожди меня здесь, Гарри. Осмотр территории не займёт много времени.

Они молча вышли из комнаты и затворили за собой дверь. Прошла минута-другая. Стук деревянной ноги Муди удалялся по коридору этажом ниже. Гарри огляделся.

– Привет, Фокс, – сказал он.

Фокс, феникс профессора Дамблдора, сидел на золотой жёрдочке рядом с дверью. Он был размером с лебедя и, сияя ало-золотым оперением, взмахнул длинным хвостом и дружелюбно подмигнул Гарри.

Гарри уселся в кресло перед столом Дамблдора. Несколько минут он невидящим взглядом смотрел на портреты прежних директоров и директрис Хогвартса, мирно посапывающих в своих рамах. Гарри размышлял над только что услышанным и машинально потирал рукой шрам. Шрам больше не болел.

Каким-то образом, находясь в кабинете Дамблдора и понимая, что вскоре он расскажет директору о своём сне, Гарри чувствовал себя гораздо спокойнее. Он вскинул глаза на стену позади стола и увидел на полке старую, залатанную Сортировочную Шляпу. Рядом с ней в стеклянном футляре покоился величественный серебряный меч, украшенный рубинами. Гарри сразу его узнал. Этот меч он извлёк тогда из Сортировочной Шляпы на втором году обучения. Ранее меч принадлежал Годрику Гриффиндору, основателю их Дома. Гарри глядел на него, вспоминая, что помощь подоспела, когда надежды на спасение уже не было... А что это за странные серебристые отблески на стеклянном футляре? Он осмотрелся и

увидел ярко мерцающую полосу серебристо-белого света. Источником был находившийся позади него чёрный шкафчик, дверца которого была неплотно закрыта. Гарри бросил взгляд на Фокса и, немного помедлив, встал из-за стола, подошёл к шкафчику и открыл дверцу.

Внутри стоял неглубокий каменный сосуд, опоясанный по краю резными письменами и символами. От содержимого исходило яркое серебристое свечение. Ничего подобного Гарри никогда не видел, даже не мог понять, жидкость это или газ. Вещество непрерывно двигалось: то его поверхность морщит рябь, как воду дуновение ветра, то пробегают круги. Что это – свет, ставший жидкостью, или ветер, ставший твёрдой субстанцией?

Ему очень захотелось провести по нему ладонью, ощутить пальцами, но почти четыре года пребывания в магическом мире подсказывали: окунать руку в сосуд непонятно с чем было бы верхом глупости. Он вытащил волшебную палочку, настороженно огляделся и легонько ткнул содержимое палочкой. Непонятное вещество стало быстро вращаться.

Сунув голову в шкафчик, Гарри заглянул в сосуд. Молочно-белая поверхность стала прозрачной, как стекло. Дна не было – где-то глубоко открылась огромная комната, как будто он смотрит в круглое окно, находящееся в потолке.

Зал был скудно освещён; Гарри подумал, что это могло быть где-то под землёй, так как не было окон, свет давали факелы, развешанные по стенам, точь-в-точь такие же, как в Хогвартсе. Гарри склонился так низко, что почти коснулся носом подобия стекла. Вдоль стен до самого потолка амфитеатром поднимались скамьи, заполненные колдунами и колдуньями, посередине зала – пустое кресло, в котором чувствовалось что-то зловещее. С подлокотников кресла свисали цепи, очевидно для того, чтобы приковывать сидящих в нём.

Где же зал находится? Ясно, что не в замке; здесь он не видел ничего подобного. Да и на скамьях только взрослые, а в Хогвартсе учителей раз в десять меньше. Эти люди явно чего-то ждут: сидят молча, глаза у всех устремлены в одном направлении.

Сосуд был круглый, а зал квадратный, и Гарри не видел, что делается по углам. Наклонился ещё ниже, завертел головой, пытаясь увидеть...

И кончик носа коснулся прозрачной поверхности...

Кабинет Дамблдора вдруг покачнулся, Гарри полетел головой вперёд внутрь сосуда: никакого стекла не оказалось, и Гарри втянуло в чёрный ледяной водоворот...

И вот он уже сидит на верхней скамье в том самом зале, который только что разглядывал сверху. Гарри взглянул наверх, ожидая увидеть круглое окно, через которое он только что смотрел, но там был лишь тёмный каменный потолок.

Тяжело дыша, Гарри огляделся. Никто из сидящих в комнате (а здесь собралось сотни две колдунов и ведьм), казалось, не заметил свалившегося откуда-то сверху четырнадцатилетнего парня. Гарри повернулся к сидящему рядом колдуну, и из груди у него вырвался изумлённый возглас, разнесшийся эхом по всему залу.

С ним рядом сидел Альбус Дамблдор.

– Профессор! – понизив голос, воскликнул Гарри. – Простите... Я не хотел... Я только заглянул в тот сосуд у вас в кабинете... Я... Где мы?

Но Дамблдор даже не шевельнулся. Он совершенно не обращал на Гарри внимания. Как и все здесь сидящие, он не сводил глаз с двери в дальнем углу. Гарри в замешательстве

установился на директора, потом медленно обвёл взглядом зал, снова посмотрел на Дамблдора. И тут до него дошло...

Однажды Гарри уже был в таком месте, где никто его не видел и не слышал. Тогда сквозь страницы зачарованного дневника он очутился в воспоминании. Сейчас, наверное, происходит что-то подобное...

Гарри поднял руку, на какой-то миг замер и махнул ею перед самым носом у Дамблдора. Дамблдор не моргнул, не обернулся на Гарри и даже бровью не повёл. Сомнения нет, Гарри занесло в чью-то память. Настоящий Дамблдор никогда бы его не проигнорировал. К тому же рядом с ним сидел не нынешний Дамблдор. Но, впрочем, очень похож на нынешнего, седая как лунь борода во всяком случае та же. Значит, происходило это не так давно. Но что это за место и кого колдуны ждут?

Гарри огляделся внимательнее. Зал, без сомнения, находится под землёй. Скорее, это не зал, а что-то вроде огромного подземного каземата. Место было мрачное. На стенах ни картин, ни украшений, только ряды скамеек, поднимающиеся вверх, чтобы каждый видел кресло с цепями на подлокотниках.

Не успел он поразмыслить о месте, куда попал, из дальнего угла донёсся звук шагов, дверь отворилась, и вошли три человека. Вернее, один человек и два дементора.

Гарри пробрал ледяной холод. Огромного роста, в капюшонах, скрывающих лица, дементоры медленно заскользили к стоящему в центре креслу, впившись в руки идущего между ними человека своими мёртвыми и гниющими на вид руками. Тот едва волочился, вот-вот упадёт в обморок, и Гарри разделял его ужас... Сейчас, внутри чьей-то памяти, он мог бы не бояться дементоров, но воспоминание о них было слишком свежо. Зрители сидели, оцепенев, пока дементоры, опустив человека в кресло с цепями, не удалились из комнаты. Дверь за ними захлопнулась.

Гарри присмотрелся к узнику и с удивлением узнал в нём Каркарова. В отличие от Дамблдора, Каркаров выглядел гораздо моложе; волосы и бородку седина ещё не тронула. Вместо теперешней шёлковой, струящейся мантии на нём было жалкое потрёпанное рубище. Его била крупная дрожь. Цепи кресла на глазах у Гарри ожили, сверкнув золотом, и обвили руки пленника, приковав его к креслу.

— Игорь Каркаров, — раздался скрипучий голос слева от Гарри. (Он оглянулся, сидевший с другой стороны мистер Крауч поднялся с места: волосы тёмные, морщин на лице немного, подтянут, собран.) — Вас доставили из Азкабана для дачи показаний перед Министерством магии. Вы заявили, что можете сообщить нам важную информацию.

Каркаров выпрямился, насколько позволяли цепи.

— Да, сэр. — Он был смертельно испуган, и всё-таки Гарри различил в его голосе знакомые ележные нотки. — Я хочу быть полезным Министерству. Хочу помочь. Я... мне известно, что Министерство намерено задержать... э-э... последних сторонников Тёмного Лорда. Я очень хочу помочь... чем могу...

По скамьям пронёсся шёпот. Одни смотрели на Каркарова с интересом, другие с откровенным недоверием. Справа знакомый голос рыкнул:

— Мразь.

Гарри нагнулся, чтобы увидеть человека, сидящего за Дамблдором. Это был Безумный Глаз Муди, хотя его внешность заметно отличалась от нынешней. Магического глаза у него ещё нет, оба настоящие целы и смотрят на Каркарова с сильнейшей неприязнью.

— Крауч собирается выпустить его, — тихо прошептал он Дамблдору. — Они договорились. Я полгода его выслеживал, наконец поймал. А Крауч хочет отпустить его... если он назовёт ещё несколько имён. Лучше выслушать его, я считаю, и отправить обратно к дементорам.

Дамблдор неодобрительно хмыкнул, поведя длинным крючковатым носом.

— А-а, я совсем забыл... Ты, Альбус, не любишь дементоров, — желчно усмехнулся Муди.

— Да, это так, — спокойно ответил Дамблдор. — Я давно считаю, что Министерство зря пригласило в союзники такого рода существ.

— Но для этой мрази...

— Вы сказали, что можете сообщить нам несколько имён, Каркаров, — продолжил Крауч. — Мы вас слушаем.

— Вы должны понять, — заторопился Каркаров, — Тот-Кого-Нельзя-Называть всегда действовал под покровом строжайшей секретности... он предпочитал, чтобы мы... я хотел сказать, его сторонники... я очень, очень глубоко раскаиваюсь, что был когда-то в их числе...

— Не тяни, выкладывай, — вырвалось у Муди.

— ...Мы не знали друг друга, не знали имён... Это было известно только ему одному...

— Разумная тактика, защищающая от предателей вроде тебя, — не унимался сосед Дамблдора.

— Но вы, однако, можете сообщить нам *несколько* имён? — спросил мистер Крауч.

— Я... да... могу. — Каркарову не хватало дыхания. — И... и всё это ближайшие помощники Тёмного Лорда. Они на моих глазах выполняли его приказы. Я назову их имена в подтверждение того, что совсем от него отрекаюсь. Меня переполняет столь глубокое раскаяние, что я не нахожу...

— Какие имена? — резко потребовал мистер Крауч. Каркаров шумно вдохнул.

— Во-первых, Антонин Долохов. Я... я сам видел, как он пытал многих маглов. И тех, кто... кто был против Тёмного Лорда...

— И сам помогал ему, — закончил Муди.

— Долохов уже пойман, — заявил Крауч. — Сразу же после вас.

— Пойман? Очень, очень рад слышать.

Но вид у него свидетельствовал о другом. Известие было для него ударом. Одно имя не сработало.

— Кто ещё? — холодно спросил Крауч.

— Ах, да... Ещё Розье, — поторопился добавить Каркаров. — Ивэн Розье.

— Розье нет в живых. Его выследили скоро после вашего ареста. Он оказал сопротивление и был убит.

— И прихватил с собой кусочек меня, — прошептал Муди.

Гарри снова наклонился вперёд и увидел, как сосед указал Дамблдору на свой изуродованный нос.

– Он... он ничего другого не заслуживал. – В голосе Каркарова звучало отчаяние: он боялся, что его донос не будет иметь никакой ценности. Каркаров покосился на дверь, за которой его ожидали дементоры.

– Ещё кто-нибудь? – спросил Крауч.

– Да! Трэверс... он помог убить Маккиннонов. Малсибер... применял проклятие Империи, принуждая многих людей творить ужасные вещи... Ещё Руквуд, он был шпион, поставлял Тому-Кого-Нельзя-Называть информацию, которую добывал в Министерстве.

На этот раз попадание в яблочко. Зрители взволнованно зашептались.

– Руквуд? – переспросил Крауч, кивнув ведьме, сидевшей скамейкой ниже. Та принялась быстро что-то записывать. – Августус Руквуд из департамента Тайн?

– Да, он, – закивал Каркаров. – Для сбора информации он, несомненно, использовал хорошо отлаженную шпионскую сеть, существующую в Министерстве и за его стенами...

– Трэверса и Малсибера мы уже задержали, – прервал его мистер Крауч. – Хорошо, Каркаров, если это всё, вас вернут в Азкабан, пока мы будем решать...

– Не всё! – в отчаянии воскликнул Каркаров. – Я знаю ещё кое-кого!

В свете факелов Гарри видел, как на лице у него выступил пот. Смертельная бледность резко контрастировала с чёрными волосами и бородкой.

– Снейп! – вдруг вырвалось у него. – Северус Снейп!

– Снейпа оправдал этот Совет, – холодно произнёс Крауч. – За него поручился Альбус Дамблдор.

– Нет! – крикнул Каркаров ещё громче и хотел встать с кресла, забыв про приковавшие его цепи. – Уверю вас! Снейп – Пожиратель Смерти!

Дамблдор поднялся со скамьи.

– Я уже свидетельствовал по этому делу, – спокойно сказал он. – Северус Снейп был когда-то Пожирателем Смерти. Но примкнул к нам задолго до падения Лорда Волдеморта и, пойдя на огромный риск, стал нашим агентом. Сейчас он такой же Пожиратель Смерти, как и я.

Гарри повернулся и взглянул на Муди. Вид у него был явно скептический.

– Хорошо, Каркаров, – холодно проговорил Крауч. – Вы нам помогли. Я пересмотрю ваше дело. Вы будете возвращены в Азкабан до...

Голос Крауча становился всё тише и совсем смолк. Гарри огляделся. Подземелье таяло, как в клубах дыма, осязаемым осталось только его тело, всё остальное погрузилось в медленно вращающуюся тьму...

Неожиданно подземный зал возник снова. Гарри сидит на другом месте, слева от мистера Крауча. И вся атмосфера в зале другая – напряжения нет, вид у всех чуть ли не весёлый. Колдуны и колдуньи переговариваются друг с другом, как будто пришли на матч по квиддичу. Внимание Гарри привлекла ведьма в лиловой мантии, сидевшая двумя рядами ниже, у неё были короткие светлые волосы, во рту кончик ядовито-зелёного пера. Ошибиться невозможно – Рита Скитер, только моложе. Гарри огляделся. Дамблдор опять сидит рядом, справа и в другой мантии. Мистер Крауч ещё более усталый, очень худой и мрачный... Гарри понял: ещё одно воспоминание... другой день... другой суд.

Дверь в дальнем углу открылась, и в зал вошёл Людо Бэгмэн.

Этот Людо ещё не сошёл с дистанции и был, напротив, в отличной спортивной форме – высок, строен, мускулист, с ещё целым носом. Садясь в кресло, он явно нервничал, но цепи не шевельнулись и не приковали его, как Каркарова. Бэгмэн взбодрился, окинул взглядом аудиторию, помахал кому-то и даже слегка улыбнулся.

– Людо Бэгмэн, вы доставлены в Совет Магического Законодательства, чтобы ответить на предъявленные вам обвинения, связанные с деятельностью Пожирателей Смерти, – произнёс мистер Крауч. – Мы выслушали свидетельства по вашему делу и готовы вынести приговор. Хотели бы вы что-нибудь прибавить к вашим предыдущим показаниям, прежде мы объявим наше решение?

Гарри не верил своим ушам. Людо Бэгмэн – Пожиратель Смерти?

– Только одно, – смущённо улыбаясь, произнёс Бэгмэн. – Я... я понимаю, что вёл себя как идиот...

У двух-трёх сидящих поблизости колдунов на лицах расплылись снисходительные улыбки. Мистер же Крауч смотрел на Людо Бэгмэна с откровенной неприязнью и самым суровым осуждением.

– Что правда, то правда, парень, – буркнул кто-то за спиной Гарри. Он оглянулся и снова увидел Муди. – Не знай я, что он всегда был глуповат, я бы подумал, что блаждеры из него выбили все мозги...

– Людовик Бэгмэн, вы были задержаны при передаче информации сторонникам Лорда Волдеморта. – заявил мистер Крауч. – Я предлагаю в качестве наказания тюремное заключение в Азкабана сроком не менее...

Со скамеек понеслись сердитые выкрики. Несколько колдунов и ведьм вскочили с мест и гневно потрясали кулаками в сторону мистера Крауча.

– Но я же сказал вам, я понятия не имел, что происходит! – Бэгмэн пытался перекричать шум в зале. Его круглые голубые глаза расширились от страха. – Старик Руквуд был другом моего отца... Я даже представить себе не мог, что он заодно с Сами-Знаете-Кем! Думал, что собираю информацию для Министерства! Руквуд обещал устроить меня туда на работу... когда уйду из квиддича... Не всю же мне жизнь подставлять голову под блаждеры!

В зале раздались смешки.

– Ставлю решение обвинения на голосование, – холодно продолжил мистер Крауч, повернувшись к правой стороне зала. – Господа присяжные, прошу поднять руки тех, кто за заключение ...

Гарри тоже посмотрел вправо. «За» не проголосовал никто. Многие в зале захлопали. Одна из ведьм-присяжных поднялась с места.

– Да? – прохрипел Крауч.

– Мы хотели бы поздравить мистера Бэгмэна с великолепной игрой в субботу за сборную Англии в матче против Турции, – одним духом произнесла ведьма.

Мистер Крауч едва не взорвался. Подземный зал звенел от аплодисментов. Бэгмэн встал и, широко улыбаясь, кланялся.

– Неслыханно! – повернулся Крауч к Дамблдору, когда Бэгмэн покинул зал. – Руквуд обещал устроить его на работу!.. День, когда Людо Бэгмэн станет сотрудником Министерства, будет для нас чёрным днём...

И подземелье опять растворилось в тумане. Когда оно снова приобрело чёткие очертания, Гарри огляделся. Они с Дамблдором сидели недалеко от мистера Крауча, но теперь атмосфера в зале была совсем иной. Гробовую тишину нарушали судорожные всхлипы тоненькой хрупкой ведьмы, сидевшей по другую сторону мистера Крауча. Дрожащими руками она прижимала ко рту носовой платок. Гарри поднял глаза на Крауча и увидел, что он выглядит ещё более мрачным и измождённым. Лицо приняло землистый оттенок, на виске билась жилка.

– Введите их, – эхом разнёсся его голос в притихшем зале.

Боковая дверь снова открылась. На этот раз в зал вошли шесть дементоров. Они сопровождали нескольких заключённых. Многие зрители, перешёптываясь, повернулись к мистеру Краучу.

Обвиняемые опустили в кресла, стоявшие в центре зала, цепи сейчас же приковали их к подлокотникам. Пленников было четверо: плотный мужчина, равнодушными глазами глядевший на Крауча; второй был худощавым – с нервно подёргивающимися губами; женщина с тяжёлыми веками и короной блестящих, чёрных волос – она сидела в кресле как на королевском троне; и юноша, которому не было и двадцати, соломенные волосы рассыпались по лицу, молочно белая кожа в веснушках. Всё его тело сотрясала дрожь. Худенькая ведьма, сидевшая рядом с Краучем, плакала, уткнувшись в носовой платок.

Крауч поднялся и посмотрел на заключённых. Лицо его исказила лютая ненависть.

– Вас доставили в Совет по магическому законодательству, – громко и ясно произнёс он, – чтобы вынести приговор. Вы обвиняетесь в преступлении, гнуснее которого...

– Отец, – крикнул юноша, – отец... пожалуйста...

– ...этот зал ещё не слышал. – Крауч повысил голос, чтобы заглушить слова сына. – Мы выслушали свидетельства, доказывающие вашу вину. Вы все обвиняетесь в том, что похитили аврора Фрэнка Лонгботтома и подвергли его проклятию Крусиатус. Вы думали, что он знает, где находится ваш исчезнувший хозяин, Тот-Кого-Нельзя-Называть...

– Отец, я в этом не участвовал! – ещё громче крикнул прикованный к креслу юноша. – Клянусь тебе! Не отправляй меня опять к дементорам...

– Вы также обвиняетесь в том, – надрывал голос мистер Крауч, – что, не узнав ничего от Фрэнка Лонгботтома, вы подвергли проклятию Крусиатус и его жену. Вы намеревались вернуть власть Тому-Кого-Нельзя-Называть, чтобы продолжать сеять зло, чем вы, без сомнения, занимались, пока ваш хозяин был в силе. И я прошу присяжных...

– Мама! – воскликнул юноша. (Хрупкая маленькая ведьма, сидевшая рядом с мистером Краучем, билась в рыданиях.) – Мама! Останови его! Мама, это не я, клянусь, это не я!

– И я прошу присяжных, – крикнул Крауч во всю силу лёгких, – тех, кто как я, считают пожизненный срок в Азкабана заслуженным наказанием, поднять руки.

Присяжные единогласно поддержали обвинителя. Зрители захлопали, как в своё время хлопали Бэгмэну, только сейчас на их лицах застыло мрачное торжество. Юноша, срываясь на визг, крикнул:

– Нет! Мама, нет! Я не делал этого, не делал! Я ничего не знал! Не отправляй меня туда! Останови его!

Дементоры вернулись в зал. Трое взрослых узников поднялись с кресел. Женщина, взглянув на Крауча из-под тяжёлых век, воскликнула:

– Тёмный Лорд вернётся, Крауч! Можете запереть нас в Азкабане! Мы и там будем ждать его! Он воспрянет и придёт за нами! Он вознаградит нас сполна, больше, чем всех остальных! Мы одни остались ему верны! Старались найти его!

Светловолосый юноша пытался вырваться из рук дементоров. Но весь зал, и даже Гарри, чувствовал – дементоры высасывают из него силы. Со скамей неслись насмешливые выкрики, многие вскочили на ноги. Женщина с короной волос быстрым шагом вышла из зала, а юноша всё продолжал неравную борьбу.

– Я твой сын! – крикнул он, бросив умоляющий взгляд на Крауча. – Я же твой сын!

– Ты мне не сын! – Голос Крауча перекрыл все остальные звуки, глаза почти вылезли из орбит. – У меня нет сына!

Худенькая колдунья захлебнулась рыданиями и обмякла без чувств в кресле. Крауч, казалось, этого не заметил.

– Уведите их! – крикнул он дементорам, брызжа слюной. – Уведите немедленно, и пусть они там сгниют!

– Отец! Отец, я не виноват! Нет! Нет! Отец, прошу!

– Думаю, Гарри, пора возвращаться в кабинет, – тихо произнёс кто-то над ухом Гарри.

Гарри вздрогнул и повернулся на голос. Затем удивлённо глянул направо. Рядом с ним сидит Альбус Дамблдор, наблюдая, как дементоры волокут из зала сына Крауча. Слева тоже стоит Альбус Дамблдор и смотрит прямо ему в глаза.

– Пойдём, – сказал Дамблдор, тот, что слева, и взял Гарри за локоть. Гарри почувствовал, что взмывает вверх. Подземелье вдруг бесследно растаяло. На мгновение воцарился мрак, Гарри сделал медленный кувырок, приземлился прямо на ноги и опять очутился в полном солнца кабинете директора Хогвартса. Перед ним в шкафчике серебристо поблёскивает каменный сосуд, рядом стоит Альбус Дамблдор.

– Профессор, я знаю, что нельзя... я не хотел... дверца шкафчика была приоткрыта... – пролепетал Гарри.

– Вполне тебя понимаю, – сказал Дамблдор. Поднял сосуд, перенёс на отполированный до блеска стол, сел в своё кресло и жестом пригласил Гарри сесть напротив.

Гарри сел, не сводя глаз с сосуда. Содержимое его снова стало опаловым, по его вращающейся поверхности то и дело пробежала рябь.

– Что это? – спросил Гарри, которого вдруг пробрала дрожь.

– Это? Это – ситодум, – ответил Дамблдор. – Иногда я чувствую, что голова у меня переполнена мыслями и воспоминаниями. Тебе, наверное, знакомо это чувство?

– М-м... – протянул Гарри неуверенно. По правде говоря, ему никогда не приходилось испытывать ничего подобного.

– В такие минуты, – продолжал Дамблдор, – я прибегаю к ситодуму. Сливаю туда лишние мысли, а потом обдумываю их на досуге, в свободную минуту. Видишь ли, когда воспоминания материализованы, легче уловить причины и следствия и составить верную картину происходящего.

– Вы хотите сказать, эта... смесь – ваши *мысли*? – поразился Гарри, глядя на серебристые завихрения в мраморном сосуде.

– Именно так, – ответил Дамблдор. – Я тебе покажу.

Дамблдор вытащил из мантии палочку, коснулся ею своих серебристых волос у виска и медленно её отвл. Гарри показалось, что одна лоснящаяся прядь прилипла к ней, но он тут же понял, что это не волосы, а нити молочно-белого вещества, наполнявшего каменную чашу. Дамблдор добавил туда очередную мысль, и Гарри с изумлением увидел собственное лицо, плавающее на его беспокойной поверхности.

Дамблдор взялся длинными пальцами за края сосуда и стал слегка раскачивать, как раскачивает решето золотонискатель, намывающий драгоценные крупы... Лицо Гарри плавно превратилось в лицо Снейпа, рот у него открылся, и он заговорил, обращаясь к потолку:

– Она проявляется... У Каркарова тоже... Гораздо сильнее и чётче, чем раньше... – Слова его отдавались лёгким эхом.

– Я мог бы связать эти события и без посторонней помощи, – вздохнул Дамблдор. – Ну, да ладно...

Он посмотрел вверх очков-половинок на Гарри. Тот не сводил глаз с плавающего в ситодуме лица Снейпа.

– Я как раз работал со своими воспоминаниями, как вдруг приехал мистер Фадж, и пришлось убрать сосуд. Очевидно, я слишком поторопился и не запер шкафчик. Естественно, он вызвал твоё любопытство.

– Простите, пожалуйста, – промямлил Гарри.

– Любопытство – не порок, – покачал головой Дамблдор. – Но его надо держать в узде...

Слегка нахмурившись, он коснулся содержимого сосуда волшебной палочкой. Оттуда тотчас выросла фигура пухлой, обиженно нахмурившейся девушки лет шестнадцати и стала медленно вращаться. Ноги её всё время оставались в ситодуме, и она не обращала внимания ни на Гарри, ни на профессора Дамблдора.

– Он наложил на меня порчу, профессор Дамблдор, – вдруг заговорила девушка, голос её, как и голос Снейпа, гулко отдавался. – А я ведь только дразнила его, сэр, сказала, что видела, как он в четверг целовался с Флоренс за оранжереей...

– Но зачем, Берта, – печально спросил Дамблдор, глядя на кружащуюся фигурку, – зачем тебе понадобилось следить за ним?

– Берта? – прошептал Гарри, глядя на девочку. – Это... это Берта Джоркинс?

– Да, – кивнул Дамблдор, ещё раз помешав палочкой свои мысли. Берта исчезла, и они снова опалово засеребрились. – Такой я помню её в школе.

Отсветы из ситодума озаряли лицо Дамблдора, и Гарри поразился, как стар директор. Он понимал, годы делают своё дело, но почему-то никогда не думал о нём как о старике.

– Ты, Гарри, хотел мне что-то сказать, – вдруг тихо промолвил Дамблдор. – До того, как погрузился в мою память.

– Да, хотел, профессор... Я был на уроке предсказания и... э-э... уснул.

Он замолчал, ожидая выговора, но Дамблдор сказал только:

– Понимаю. Продолжай.

– И мне приснился сон. Сон о Волдеморте. Он мучил Прихвоста... Вы ведь знаете, кто такой Прихвост...

– Знаю, пожалуйста, продолжай, – поторопил Дамблдор Гарри.

– Волдемонт получил совиной почтой письмо. И сказал, кажется, что ошибка Прихвоста исправлена. Прибавил, что кто-то умер. И что он не скормит Прихвоста змее... рядом с его креслом была большая змея. А ещё сказал... сказал, что вместо него скормит змее меня. Потом наложил на Прихвоста проклятие Крусиатус... и тут у меня заболел шрам. Я сразу проснулся, такая была боль.

Дамблдор молча взирал на него.

– Вот и всё...

– Ясно, – тихо сказал Дамблдор. – Ясно. Скажи, а ещё когда-нибудь в этом году шрам у тебя болел, не считая того раза, когда ты проснулся летом?

– Нет... А как вы узнали, что у меня летом болел шрам? – не сдержал Гарри изумления.

– Не ты один переписываешься с Сириусом, – ответил Дамблдор. – Я тоже поддерживаю с ним связь после его побега из Хогвартса. Это ведь я предложил ему укрытие в той пещере в горах, как самое безопасное место.

Дамблдор встал и принялся расхаживать за столом. Несколько раз касался виска палочкой, извлекал мысль и стряхивал её в ситодум. Мысли вращались всё быстрее, сливаясь в перламутровое пятно – ничего не поймёшь.

– Профессор, – тихонько произнёс Гарри спустя пару минут.

Дамблдор остановился и взглянул на него.

– Прошу прощения, – сказал он и снова сел за стол.

– Вы... вы знаете, почему у меня болит шрам?

Дамблдор пристально посмотрел на Гарри.

– У меня есть одно предположение, но не более того. Я считаю, что шрам у тебя начинает болеть, когда Лорд Волдемонт совсем близко и питает к тебе особенно сильную ненависть.

– А... почему?

– Потому что вы связаны проклятием, которое не подействовало, – ответил Дамблдор. – Это не обычный шрам.

– Значит, вы думаете... то, что было во сне... реально происходило?

– Возможно, – ответил Дамблдор. – Я бы даже сказал, весьма вероятно. Гарри, а Волдеморта ты видел?

– Нет, – ответил Гарри. – Только спинку кресла. Но... но в кресле ведь всё равно ничего не было. У него же нет тела. Хотя... как он мог держать палочку? – медленно проговорил Гарри.

– Действительно, как?

Оба помолчали. Дамблдор, вперив взгляд в пространство, иногда подносил палочку к виску и добавлял ещё одну серебристую паутинку к бурлящей опаловой смеси в сосуде.

– Профессор, – первый нарушил молчание Гарри, – вы думаете, к нему возвращается сила?

– К Волдеморту? – переспросил Дамблдор, бросив на Гарри поверх ситодума так хорошо знакомый пронизательный взгляд, от которого Гарри всегда становилось не по себе: ему казалось, что директор видит его насквозь, лучше даже, чем магический глаз Муди. – Могу, Гарри, только высказать свои предположения.

Дамблдор снова вздохнул и показался Гарри ещё более старым и усталым, чем обычно.

– Время, когда к Волдеморту возвращались силы, было отмечено несколькими исчезновениями. Так, бесследно исчезла Берта Джоркинс, как раз там, где Волдеморта видели последний раз. Это установлено точно. Исчез также мистер Крауч... здесь, на территории школы. Пропал ещё один человек, на сей раз маггл. Естественно, на этот факт Министерство, к сожалению, не обратило внимания. Его звали Фрэнк Брайс, он жил в деревне, где вырос отец Волдеморта. Его никто не видел с прошлого августа. В отличие от многих моих друзей в Министерстве, я читаю маггловские газеты...

Дамблдор бросил на Гарри встревоженный взгляд.

– Мне кажется, эти исчезновения связаны между собой. А в Министерстве так не думают... Ты, наверное, слышал об этом, стоя за дверью.

Гарри кивнул. В кабинете опять воцарилась тишина: Дамблдор потянул из виска мысли, добавляя их к содержимому сосуда. Гарри понимал, пора уходить, но любопытство приковало его к креслу.

– Профессор, – снова обратился он к Дамблдору.

– Да, Гарри, – ответил директор.

– Э-э... можно спросить... про этот суд, который я видел... в ситодуме?

– Можно, – помрачнел Дамблдор. – Я много раз там бывал, некоторые процессы встают в памяти яснее других... Особенно сейчас...

– А тот суд, где... где вы меня нашли. Суд над сыном Крауча... Они говорили о родителях Невилла?

Дамблдор пристально посмотрел на Гарри.

– Разве Невилл не рассказывал тебе, почему он живёт с бабушкой?

Гарри покачал головой. Как же так могло выйти, что за четыре года общения с Невиллом он ни разу не спросил его об этом.

– Да, они говорили о родителях Невилла. Его отец Фрэнк был аврором, как профессор Муди. Его с женой пытали, хотели выведать, где находится Волдемо́рт. Ты сам слышал.

– И они умерли? – тихо спросил Гарри.

– Нет. Они потеряли рассудок, – в голосе Дамблдора звучала горечь, какой Гарри никогда не слышал. – Они оба сейчас в больнице магических болезней и травм святого Мунго. Невилл, полагаю, навещает их с бабушкой на каникулах. Но они не узнают его...

Гарри сидел, потрясённый. Как же так, за четыре года не удосужиться спросить...

– Известные, всеми уважаемые люди, – продолжал Дамблдор. – Произошло это после падения Волдеморта, когда все уже считали себя в безопасности. Нападение вызвало беспрецедентную волну гнева. От Министерства требовали немедленно найти преступников. К сожалению, показания Лонгботтомов – учитывая их состояние – были не совсем надёжные.

– Значит, возможно, сын мистера Крауча был невиновен? – медленно проговорил Гарри.

– Об этом мне ничего не известно, – покачал головой Дамблдор.

Опять замолчали, Гарри смотрел, как в ситодуме ходят кругами воспоминания. Ещё два вопроса жгли его... но они касались живых людей...

– Э-э... – начал он, – а мистер Бэгмэн...

– Ни разу с тех пор не обвинялся в пособничестве Тёмным силам, – спокойно ответил Дамблдор.

– Хорошо, – поспешил сказать Гарри, не отводя взгляда от каменного сосуда. (Дамблдор перестал добавлять мысли, и серебристое кружение замедлилось.) – А...

Ему нелегко было произнести имя, но ситодум пришел на помощь. На его поверхности опять появилось лицо Снейпа. Дамблдор увидел его и поднял глаза на Гарри.

– Никаких обвинений не было предъявлено и профессору Снейпу, – сказал он.

Гарри посмотрел в ярко-голубые глаза Дамблдора и выпалил давно мучивший его вопрос:

– А почему вы думаете, что он и правда перестал поддерживать Волдеморта?

Дамблдор несколько секунд смотрел Гарри прямо в глаза и затем спокойно ответил:

– А это, Гарри, касается только нас двоих: профессора Снейпа и меня.

Гарри понял, что разговор окончен. Дамблдор не рассердился, но что-то в его голосе подсказало: пора уходить. Он поднялся, Дамблдор тоже.

– Гарри, пожалуйста, – сказал директор, когда Гарри уже подошёл к двери, – никому ни слова о родителях Невилла. Он один вправе рассказать о них, когда будет к этому готов.

– Да, профессор, – ответил Гарри, взявшись за ручку двери.

– И ещё...

Гарри обернулся.

Дамблдор стоял у ситодума. Серебристые отблески ходили по его лицу, и он казался совсем старым. Он молча смотрел на Гарри, потом сказал:

– Удачи тебе в третьем туре.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ТРЕТЬЕ ЗАДАНИЕ

– Дамблдор тоже считает, что Ты-Знаешь-Кто становится сильнее? – прошептал Рон.

Гарри поведал Рону и Гермионе обо всём, что видел в ситодуме, и ещё о многом, услышанном от Дамблдора. И, конечно же, поделился с Сириусом: из кабинета директора сразу бросился в совятник и отправил ему письмо. В тот вечер друзья опять засиделись в Общей гостиной допоздна. Говорили, говорили, пока голова не распухла. И Гарри понял профессора Дамблдора: иногда мозг так переполнен мыслями, что их необходимо куда-то выплеснуть.

Рон молча смотрел на огонь в камине. Его била мелкая дрожь, хотя вечер был тёплый.

– Значит, он доверяет Снейпу? – спросил Рон. – Неужели правда доверяет? Но ведь он знает, что Снейп был Пожирателем Смерти!

– Да, – кивнул Гарри.

Гермиона минут десять молчала. Она сидела, обхватив руками голову, не отводя глаз от колен. И ей, похоже, не помешал бы сейчас ситодум.

– Рита Скитер, – наконец сказала она.

– Как сейчас можно о ней думать! – не поверил ушам Рон.

– Я не о ней думаю, – ответила Гермиона, обращаясь к своим коленям. – А о её словах... Помнишь, что она сказала мне в «Трёх мётлах»? «Я знаю о Людо Бэгмэне такое, от чего у вас бы волосы на голове встали дыбом!» Наверное, именно этот суд она и имела в виду. Она была тогда в зале и знает, что он передавал какие-то сведения Пожирателям Смерти. Да и Винки говорит: «Мистер Бэгмэн плохой колдун». Крауч, конечно, был в ярости, что Бэгмэну удалось выйти сухим из воды, и он наверняка говорил об этом дома.

– Но ведь Бэгмэн-то участвовал в этом по неведению, верно?

Гермиона пожала плечами.

– А Фадж считает, что *мадам Максим* напала на Крауча? – повернулся Рон к Гарри.

– Да, – ответил Гарри. – Но только потому, что Крауч исчез около кареты Бобатона.

– Вот о ком мы никогда всерьёз не думали, – медленно произнёс Рон. – В ней наверняка есть великанская кровь, а она это скрывает...

– И правильно делает, – резко бросила Гермиона, подняв голову. – Вспомни, что было с Хагридом, когда Рита узнала тайну его матери. Вспомни Фаджа – он готов во всём обвинить мадам Максим только потому, что один из её предков был великаном. Кому охота на своей шкуре испытать подобные предрассудки? Я бы тоже говорила, что у меня просто широкая кость, лишь бы скрыть опасную правду.

С этими словами Гермиона взглянула на часы и ахнула:

– Мы сегодня совсем не тренировались! По плану у нас Непролазный сглаз. Завтра начнём прямо с него! Пошли наверх, Гарри, тебе нужно выспаться.

Гарри и Рон медленно поднялись к себе в спальню.

Натягивая пижаму, Гарри скользнул взглядом по кровати Невилла, видевшего уже третий сон. Он сдержал слово и ничего не сказал друзьям о его родителях. Сняв очки, уютней улёгся и попробовал себе представить, каково это – иметь родителей живых, но не способных тебя узнать. Гарри часто жалели незнакомые люди, узнав, что он сирота, но Невилл, конечно, заслуживает большего сочувствия. Лёжа в темноте, слыша похрапывание Невилла, Гарри вдруг ощутил такую ненависть к мучителям мистера и миссис Лонгботтом... Вспомнил крики одобрения, когда дементоры волокли из зала сына Крауча и других заговорщиков... Сейчас он понимал зрителей... Вдруг вспомнилось смертельно-бледное лицо молящего о пощаде юноши, и пришло осознание: этот юноша спустя год умер...

«И всё это Волдеморт, – думал Гарри, лёжа с открытыми глазами. – Всё дело в нём. Это он разрушал семьи, губил жизни...»

* * *

Предполагалось, что Рон с Гермионой готовятся к экзаменам, которые окончатся в день третьего тура состязаний. Но у них почти всё время уходило на Гарри – ему, по их мнению, предстояло куда более важное дело.

– О нас не волнуйся, – отрезала Гермиона, когда Гарри напомнил про экзамены: он ведь мог бы и один тренироваться. – По крайней мере, по защите от Тёмных искусств высший балл нам обеспечен. Мы бы никогда столько про эти порчи не узнали на занятиях!

– И вообще это отличная тренировка для будущих авроров! Надеюсь, мы все ими станем. – Голос Рона звенел энтузиазмом. В приливе чувств он наложил Непролазный сглаз на влетевшую в класс осу, которая тут же замерла в воздухе.

Наступил июнь, и все в замке опять заволновались, не могли дождаться последнего тура соревнований. Гарри каждую свободную минуту практиковал различные порчи. Перед третьим заданием он чувствовал себя гораздо увереннее. Конечно, оно будет и сложным, и опасным, но Муди прав: ему уже приходилось обводить вокруг пальца чудовищ и преодолевать зачарованные барьеры. А в этот раз он знает, что его ждёт, и, конечно, сможет подготовиться к предстоящему испытанию.

Профессору МакГонаггал в конце концов надоело наткаться на Гарри с Роном и Гермионой во всех углах и закоулках замка, и она позволила им в обеденный перерыв заниматься в кабинете трансфигурации. Гарри быстро овладел Непролазным сглазом, который замедляет действия врага и может даже ненадолго остановить его. Неплохо получалось Сокращательное проклятие, оно легко убирало с пути все крупные твёрдые препятствия. В библиотеке Гермиона отыскала ещё полезное заклинание Четырёх Сторон, которое ставило волшебную палочку строго на север, что может очень помочь не заблудиться в лабиринте. Правда, пока ещё не давались Щитовые чары, возводящие вокруг колдуна невидимую защиту, успешно отражавшую мелкие заклятия: Гермионе удалось пробить щит с помощью Желеного сглаза, и он минут десять ковылял на ватных ногах, пока Гермиона искала в толстенной книге противосглаз.

– У тебя всё прекрасно получится, – ободрила она Гарри, вычёркивая из списка выученные заклятия. – Кое-что из всего этого наверняка пригодится.

– Идите скорее сюда! – Рон стоял у окна и глядел вниз. – Что там Малфой делает?

Гарри с Гермионой подошли. Малфой стоял под деревом, его верные дружки Крэбб и Гойл несли рядом караул и во весь рот ухмылялись. Малфой, приблизив к губам неплотно сжатый кулак, говорил в него что-то.

– Очень похоже на разговор по рации, – произнёс заинтересованно Гарри.

– Это невозможно, – отрезала Гермиона. – Я вам уже говорила: в Хогвартсе эти штуки не действуют. Иди сюда, Гарри, – вернулась она на середину комнаты, – давай ещё раз попробуем Щитовые чары.

Теперь Сириус присылал сову каждый день. Он, как и Гермиона, был озабочен одним – сделать всё, чтобы Гарри благополучно справился с последним заданием, остальное отошло для него на задний план. В каждом письме он напоминал крестнику: что бы ни происходило за стенами Хогвартса, никакой самостоятельности, всё равно он ни на что повлиять не сможет.

«Если Волдеморт действительно набирает силу, – писал Сириус, – главная моя забота – обеспечить твою безопасность. Но пока ты под защитой Дамблдора, тебе ничего не грозит, и всё-таки старайся избегать малейшей опасности. Думай над тем, как преодолеть лабиринт, всё остальное после».

Чем ближе двадцать четвёртое июня, тем сильнее Гарри нервничал, но всё же не так, как перед первым и вторым турами. Во-первых, сомнений нет: на этот раз он очень хорошо подготовлен. И, во-вторых, это финальный бросок: проиграй он или выиграй, Турнир закончится, и все тревожения останутся позади.

* * *

В день Турнира во время завтрака за гриффиндорским столом было особенно шумно. Совиная почта принесла Гарри открытку от Сириуса с пожеланием удачи – всего только кусок пергамента с отпечатком грязной собачьей лапы, но у Гарри всё равно потеплело на сердце. Как обычно, прилетела сипуха, принесла Гермионе свежий номер «Ежедневного пророка». Она развернула газету и поперхнулась, забрызгав всю первую страницу тыквенным соком.

– Что такое? – хором спросили её Гарри с Роном.

– Ничего, – торопливо ответила Гермиона, пытаясь спрятать газету, но Рон успел выхватить её.

Он увидел крупный заголовок на первой странице и возмущённо воскликнул:

– Да ладно! Старая эта корова! Именно сегодня!

– Что там? – спросил Гарри. – Снова Рита Скитер?

– Нет, – ответил Рон и, так же как Гермиона, попытался куда-нибудь деть газету.

– Опять обо мне? – спросил Гарри.

– Да нет, – дрогнувшим голосом возразил Рон.

Не успел Гарри выдернуть газету у него из рук, Дрэйко Малфой уже кричал из-за стола слизеринцев:

– Эй, Поттер! Поттер! Как твоя голова? Как себя чувствуешь? Надеюсь, ты нас не покусасешь?

У Малфоя в руках была та же газета. Слизеринцы рассмеялись и, как один, повернулись в сторону Гарри — интересно, что он сейчас сделает.

— Дай-ка взгляну, — сказал Гарри Рону.

Рон неохотно передал газету. Гарри развернул газету и увидел своё фото под огромной шапкой:

«ГАРРИ ПОТТЕР НЕЗДОРОВ И ОПАСЕН»

Мальчик, сокрушивший Того-Кого-Нельзя-Называть, сейчас нездоров и, возможно, опасен, — сообщает наш специальный корреспондент Рита Скитер. — Недавно стали известны тревожные факты, касающиеся странного поведения Гарри Поттера. Эти факты вызывают серьёзные опасения: сможет ли он дальше участвовать в столь трудном соревновании, как Тримагический Турнир, и даже в принципе учиться в школе «Хогвартс».

Эксклюзивная информация, полученная «Ежедневным профоком», подтверждает, что Поттер постоянно теряет сознание на уроках и часто жалуется на боль в шраме (отметина на лбу — следствие проклятия, которым Сами-Знаете-Кто пытался его убить). В понедельник наш специальный корреспондент стал свидетелем того, как Поттер выбежал из кабинета предсказаний, заявив, что из-за сильной боли в шраме он более не в состоянии присутствовать на уроке.

Ведущие специалисты больницы магических болезней и травм Святого Мунго полагают, что мозг Поттера, возможно, пострадал во время нападения Сами-Знаете-Кого и что многократные жалобы на боль в шраме — проявление застарелой психической нестабильности.

— Возможно даже, что он притворяется, — заявил один из специалистов. — Известно, что это один из многих способов привлечь к себе внимание окружающих.

«Ежедневному профоку» удалось выяснить некоторые тревожные обстоятельства, касающиеся Гарри Поттера, которые директор Хогвартса Альбус Дамблдор утаил от магической общественности.

— Поттер может говорить на Рассеязе, — сообщил нам Дрэйко Малфой, четверокурсник из Хогвартса. — Пару лет назад в замке был совершён ряд нападений на учащихся. Многие подозревали в них Поттера: в Дуэльном клубе на глазах у всех он в приступе ярости натравливал змею на другого ученика. Но тогда всё это замяли. Кроме того, у Поттера в друзьях оборотни и великаны. Похоже, стремление к власти может толкнуть его на что угодно.

Рассеяз, т. е. способность разговаривать со змеями, давно считается одним из видов Тёмных искусств. Не зря самый известный Рассегуб современности — Сами-Знаете-Кто. Член Лиги Защиты от Тёмных искусств, пожелавший остаться неназванным, заявил, что, по его мнению, необходимо возбудить расследование в отношении всех Рассегубых колдунов.

— Лично я, — сказал он, — испытываю большое недоверие к каждому, кто умеет разговаривать со змеями, поскольку этих тварей часто используют в самых зловещих видах Тёмной магии и они традиционно ассоциируются со злом в чистом виде. И конечно, все, кто водит дружбу с такими носителями зла, как оборотни и великаны, не могут не обладать склонностью к насилию.

Альбусу Дамблдору следует серьёзно подумать, допускать ли такого ученика к участию в

Тримагическом Турнире. Существует опасность, что Поттер, буруеваемый безрассудным стремлением выиграть, захочет прибегнуть к Тёмным искусствам, ведь третье задание Турнира сегодня вечерам.»

– Очередная глупость в мой адрес, – заметил Гарри, небрежно сворачивая газету.

За столом слизеринцев Малфой, Крэбб и Гойл веселились вовсю: крутили пальцами у виска, корчили дебилские рожи и высовывали языки, шевеля ими на манер змей.

– Но как она узнала, что у тебя на предсказаниях заболел шрам? – удивился Рон. – В замке её, конечно, не было. И она не могла ничего слышать...

– Окно-то было открыто, – ответил Гарри. – Я открыл его сам, чтобы вдохнуть воздуха.

– Но вы были на самом вершине Северной Башни! – воскликнула Гермиона. – Стоя на земле, ничего не услышишь!

– Но это же ты исследовала магические способы подслушивания! – напомнил Гарри. – Вот и объясни нам, как она умудрилась подслушать!

– Я пыталась, – сказала Гермиона, – но я... мне...

Внезапно лицо её приняло странное, отсутствующее выражение. Она медленно подняла руку и запустила пальцы в волосы.

– Ты в порядке? – беспокоился Рон.

– Да, – выдохнула Гермиона. Она опять взлохматила пальцами свою гриву, потом медленно поднесла руку ко рту, как будто говорила в невидимую рацию. Гарри с Роном, ничего не понимая, уставились друг на друга.

– У меня идея, – произнесла Гермиона, глядя в пространство. – Кажется, я знаю... потому что так никто бы не увидел... даже Муди... и она смогла бы забраться на подоконник... но у неё ведь нет разрешения... *точно* нет разрешения... Похоже, она у меня в руках! На пару секунд в библиотеку слетаю – просто хочу убедиться!

С этими словами Гермиона схватила сумку и выбежала из Большого Зала.

– Эй! – крикнул Рон вслед. – У нас через десять минут экзамен по истории магии! Чёрт, – протянул он, оборачиваясь к Гарри. – Эту Скитер она, похоже, реально ненавидит, раз даже про экзамен забыла. Что ты будешь делать на экзамене у Биннса – читать?

Гарри, как все участники Турнира, был освобождён от экзаменов. Просто сидел на задней парте и выписывал в книгах новые порчи для третьего задания.

– Да, наверное, – ответил Гарри. Но в этот миг к ним подошла профессор МакГонагалл.

– Поттер, все участники Турнира собираются после завтрака в комнате, примыкающей к залу.

– Но ведь соревнование начнётся вечером! – воскликнул Гарри, испугавшись, что перепутал время, и уронил на мантию кусочек яичницы.

– Мне это известно, Поттер. В комнате собрались семьи участников Турнира. Они приглашены посмотреть последнее состязание. И сейчас у вас будет возможность пообщаться.

С этими словами она отошла от стола. А Гарри смотрел ей вслед, разинув рот.

– Она и правда думает, что Дёрзли сюда приедут? – опарашено спросил он Рона.

– Не знаю, – пожал тот плечами. – Ладно, мне пора, я опаздываю к Биннсу. Увидимся.

Зал быстро пустел. Гарри видел, как Флер Делакур поднялась из-за стола рэйвенкловцев и, догнав Седрика, прошла в соседнюю комнату. Сразу за ними медленно, чуть сутулясь, двинулся Крам. Гарри не торопился закончить завтрак. Ему не хотелось туда идти – у него не было семьи, во всяком случае такой, что приехала бы поддержать его в трудную минуту. Он уже было поднялся из-за стола, думая удалиться в библиотеку и поискать новые порчи, как дверь комнаты приоткрылась, оттуда высунулась голова Седрика.

– Гарри, иди скорее! – крикнул он. – Твои тебя заждались!

Гарри был совсем сбит с толку: не могли же Дёрзли взять и приехать сюда? Он пересёк Большой Зал и толкнул дверь в комнату.

Седрик с родителями стояли прямо за дверью. Крам в дальнем углу быстро разговаривал по-болгарски с матерью и отцом. Оба были черноволосы, а крючковатый нос Крам явно унаследовал от отца. В другом углу щебетала по-французски Флер со своей матерью. Её младшая сестрёнка Габриэль стояла рядом, держась за мамину руку. Увидев Гарри, она замахала ему рукой, он тоже махнул ей. И тут увидел у камина сияющих миссис Уизли и Билла. Обрадованный Гарри чуть не бегом бросился к ним.

– Сюрприз! – воскликнула миссис Уизли, нагнулась и поцеловала его. – Мы приехали болеть за тебя, Гарри!

– Как жизнь? – спросил Билл, улыбаясь и тряся его руку. – Чарли тоже хотел приехать, но не смог отпроситься с работы. Он нам рассказывал, как ты потрясающе справился с хвосторогой!

Гарри заметил, что Флер Делакур с большим интересом поглядывает на Билла из-за плеча мамы. Она явно не возражала ни против длинных волос, ни против серёг с клыками.

– Это здорово, что вы приехали! – Гарри благодарно взглянул на миссис Уизли. – А я уж было подумал... неужели Дёрзли...

– М-м, – поджала губы миссис Уизли. Она никогда не критиковала Дёрзли в присутствии Гарри, но всякий раз, когда упоминалось их имя, в глазах у неё загорался недобрый огонь.

– Потрясающе снова вернуться в школу! – огляделся кругом Билл. Виолетта, приятельница Полной Леди, подмигнула ему из своей рамы. – Я не был тут целых пять лет. А что, портрет чокнутого рыцаря всё ещё здесь? Сэра Кэдогана?

– Здесь, – ответил Гарри. Он с этим чудачком познакомился в прошлом году.

– А Полная Леди?

– Её ещё я помню, – сказала миссис Уизли. – Один раз она так меня отчитала! Я вернулась в спальню в четыре часа утра...

– Где же ты была всю ночь? – Билл изумлённо посмотрел на мать.

Миссис Уизли улыбнулась.

– Мы с твоим отцом гуляли, – ответила она. – А ему досталось от Аполлиона Прингла, тогдашнего смотрителя... у отца до сих пор заметны следы...

– Можешь повести нас на экскурсию по замку, Гарри? – спросил Билл.

– Давайте, – согласился Гарри, и все трое двинулись к двери в Большой Зал.

Поравнявшись с семейством Дигтори, Гарри поймал неприязненный взгляд отца Седрика Эймаса.

– А-а, вот и ты! – воскликнул он, окинув Гарри взглядом с ног до головы. – Бьюсь об заклад, ты уже не так уверен в себе. Седрик догнал тебя по очкам!

– Что? – недоумённо спросил Гарри.

– Не обращай на него внимания, – тихо сказал ему Седрик, нахмурившись. – Он вне себя после той статьи Риты Скитер о Тримагическом Турнире... помнишь, где она написала, что ты – единственный чемпион Хогвартса...

– И он даже не удосужился опровергнуть её слова! – громко воскликнул Эймас Дигтори, чтобы и миссис Уизли с Биллом, уже в дверях, могли услышать его. – Но ты покажешь ему, Сед. Ты ведь однажды уже победил его.

– Рита Скитер спит и видит, как бы устроить новый скандал, – рассердилась миссис Уизли. – Ты, Эймас, работаешь в Министерстве и давно мог бы её раскусить!

Мистер Дигтори, судя по виду, собрался разразиться гневной тирадой, но жена положила на его руку ладонь, и он, пожав плечами, отвернулся.

Гарри прекрасно провёл утро с Биллом и миссис Уизли. Они обошли всю территорию замка, Гарри показал им карету Бобатона и корабль Дурмстранга. Миссис Уизли очень заинтересовалась Дракучей Ивой, посаженной уже после неё. И потом долго вспоминала лесничего Огга, который был перед Хагридом.

– Как Пёрси? – спросил Гарри, когда они обходили теплицы.

– Не очень, – ответил Билл.

– Он очень расстроен, – добавила миссис Уизли, понизив голос и оглянувшись. – В Министерстве хотят замолчать исчезновение мистера Крауча. Пёрси вызывали на допрос, спрашивали про инструкции, которые он получал от мистера Крауча. Похоже, все думают, что эти инструкции писал не Крауч. Пёрси сейчас тяжело. Ему не дали разрешения заменить сегодня вечером его начальника. Вместо него пятым судьёй будет Корнелиус Фадж.

К обеду возвратились в замок.

– Мам! Билл! – удивлённо воскликнул Рон, увидев их за гриффиндорским столом. – Что вы здесь делаете?

– Приехали болеть за Гарри на последнем состязании! – объяснила, улыбаясь, миссис Уизли. – Должна сказать, так приятно изредка самой не готовить обед. Как твой последний экзамен?

– А-а... Порядок! – ответил Рон. – Не мог вспомнить имена всех вождей восставших гоблинов, пришлось кое-какие придумать. (Миссис Уизли мгновенно посуровела.) Всё нормально, – успокоил её Рон, положив на тарелку солидную порцию корнуэлльского пирога с мясом. – У них у всех были имена типа Бодрод Бородатый, Гарг Грязный, так что ничего страшного.

Скоро к ним присоединились Фред, Джордж и Джинни, и Гарри показалось, что он опять вернулся в «Нору». Он и думать забыл о Турнире, лишь появление Гермионы в середине обеда вернуло его к действительности, и он вспомнил о её утреннем озарении про Риту Скитер.

– Ну, рассказывай...

Гермиона покачала головой и выразительно глянула в сторону миссис Уизли.

– Здравствуй, Гермиона, – натянуто произнесла миссис Уизли.

– Здравствуйте, – улыбка сползла с лица Гермионы при виде сурового лица миссис Уизли.

Гарри перевёл взгляд с одной на другую и сказал:

– Миссис Уизли, вы ведь не поверили той ерунде, которую Рита Скитер настрочила для «Намедни с ведьмой»? Потому что Гермиона не моя девушка.

– А-а! – протянула миссис Уизли. – Конечно же, я не поверила.

Её обращение с Гермионой стало гораздо сердечнее.

Гарри, Билл и миссис Уизли весь день гуляли вокруг замка и вернулись в Большой Зал только к вечернему пиршеству. За столом для преподавателей сидели уже и Людо Бэгмэн, и Корнелиус Фадж. Бэгмэн, как всегда, весел и оживлён, Фадж, напротив, мрачен и неразговорчив. Сидевшая рядом мадам Максим смотрела только в тарелку, и Гарри показалось, что глаза у неё красные. Хагрид то и дело поглядывал в её сторону.

Несмотря на обилие праздничных блюд, Гарри почти ничего не ел: его уже била нервная дрожь. Постепенно заколдованный потолок менял синеву дня на алые закатные краски сумерек. Наконец Дамблдор поднялся из-за стола и весь зал притих.

– Леди и джентльмены, через пять минут я приглашу вас пойти на поле для квиддича, где начнётся третье, последнее состязание Тримагического Турнира. Чемпионов прошу сейчас проследовать на стадион за мистером Бэгмэном.

Гарри встал, все гриффиндорцы зааплодировали. Уизли и Гермиона пожелали ему удачи, и он вместе с Седриком, Флер и Крамом вышел из Большого Зала.

– Как ты, Гарри? – спросил Бэгмэн, спускаясь по каменным ступеням главного крыльца.
– Уверенно себя чувствуешь?

– Всё в порядке, – ответил Гарри. И не солгал: конечно, он нервничал, но, повторив в уме все заклинания и порчи, которые знал наизусть, нутром ощутил, что уверенности ещё прибавилось.

Скоро подошли к стадиону. Поле для квиддича изменилось неузнаваемо. По всему периметру поднялась плотная живая изгородь высотой в двадцать футов. Прямо перед ними в изгороди чернеет проём – вход в лабиринт. Коридор внутри него, образованный густым кустарником, был тёмным и жутковатым.

Через пять минут на стадионе появились первые зрители. Воздух наполнился взволнованными голосами и звуками сотен шагов – зрители торопились занять отведённые им трибуны. Небо окрасилось в густой тёмно-синий цвет, и на нём зажглись первые звёзды. К Бэгмэну и участникам подошли Хагрид и профессора МакГонагалл, Муди и Флитвик. У профессоров на шляпах, у Хагрида на спине кротового жилета светились большие красные звёзды.

– Мы будем патрулировать снаружи, – сообщила участникам состязания профессор МакГонагалл. – Если кто-нибудь попадёт в беду и почувствует, что требуется подмога, пошлите в воздух сноп красных искр, и мы незамедлительно придём на помощь. Всё ясно?

Чемпионы кивнули.

– Тогда вперед! – весело скомандовал Бэгмэн четверым патрульным.

– Удачи, Гарри, – шепнул Хагрид, и патрульные разошлись в разные стороны, каждый на свой пост вокруг лабиринта. Коснувшись палочкой горла, Бэгмэн тихо произнёс:

– *Sonorus!*

И тут же его усиленный колдовством голос разнёсся по всему стадиону:

– Леди и джентльмены, третье и последнее состязание Тримагического Турнира начинается! Разрешите мне напомнить вам турнирное положение участников на сегодняшний день! Первое место делят между собой мистер Седрик Диггори и мистер Гарри Поттер, оба – школа «Хогвартс», у каждого восемьдесят пять очков!

Крики, гром аплодисментов разбудили птиц в Запретном Лесу, и они с тревожным гомоном поднялись в тёмное ночное небо.

– На втором месте мистер Виктор Крам, институт «Дурмстранг», восемьдесят очков! – снова гром аплодисментов. – И на третьем месте – мисс Флер Делакур, академия «Бобатон»!

Гарри разглядел на трибуне миссис Уизли, Билла, Рона и Гермиону. Они вежливо аплодировали Флер. Он махнул им рукой, они увидели и тоже обрадовано замахали.

– Итак, Гарри и Седрик, по моему свистку! – пророкотал Бэгмэн. – Три... два... один...

Он резко свистнул, и Гарри с Седриком устремились внутрь лабиринта.

Высоченная живая изгородь бросала на дорожку чёрную тень. То ли изгородь была чересчур густой, то ли была зачарована, но звуки стадиона тут же стихли, едва они вступили во тьму лабиринта. Гарри даже показалось на миг, что он под водой. Он вытащил палочку, приказал: «*Lumos!*» – и услышал, как Седрик произнёс позади то же самое.

Прошли вместе яров пятьдесят и оказались у развилки. Глянули друг на друга.

– Пока, – сказал Гарри, свернув влево. Седрик пошёл направо.

Бэгмэн снова дунул в свисток. Значит, в лабиринт вошёл Крам. Надо спешить. Выбранная им дорожка казалась совершенно пустынной. Он повернул вправо и прибавил шагу, подняв палочку над головой, чтобы свет от неё падал как можно дальше. Впереди было по-прежнему пусто.

Вдалеке снова прозвучал свисток Бэгмэна: значит, все чемпионы внутри лабиринта.

Гарри то и дело оглядывался. К нему опять вернулось привычное ощущение, что за ним следят чьи-то глаза. Небо с каждой минутой становилось чернее, тени сгущались и в лабиринте.

Дорожка привела к очередной развилке.

Укажи, – прошептал он волшебной палочке, держа её на ладони. Палочка сделала один оборот и замерла, указывая направо, в густую изгородь. Значит, север там, а центр лабиринта, как ему было известно, – на северо-западе. Самое лучшее – свернуть влево и при первой возможности взять правее.

Впереди по-прежнему никого. Гарри свернул направо, и там пусто, никаких препятствий. Гарри стал нервничать – всё ещё ни одной опасности. Тут что-то не то. Лабиринт как будто заманивал в ловушку, усыпляя внимание. За спиной что-то прощуршало.

Гарри выставил вперёд палочку и обернулся, готовый отразить нападение. В луче света возник Седрик, выскочивший откуда-то справа. Его всего трясло, рукав мантии дымился.

– Взрывохвостые скруты Хагрида! – прошептал он. – Гигантские! Я еле от них отбился!

Седрик кивнул и исчез за очередным поворотом. Гарри чуть не бегом устремился вперёд – от скрутов лучше держаться подальше! На следующей развилке свернул за угол и увидел...

Навстречу ему скользит дементор. Высотой в двенадцать футов, лицо спрятано под капюшоном, гниющие чешуйчатые руки выставлены вперёд. Дементор явно чувствует его присутствие и движется прямо на него. Гарри услышал его хриплое дыхание, на лице проступил холодный пот, но он знал, что делать...

Сосредоточился на самой счастливой мысли – лабиринт с его ужасами позади и они с Роном и Гермионой празднуют окончание Турнира. Гарри поднял палочку и воскликнул:

– *Expecto patronum!*

Из дула палочки вырвался серебряный олень и поскакал навстречу дементору, который при виде оленя сделал шаг назад и запутался в полах плаща. Гарри ещё никогда не видел, чтобы дементору помешал плащ.

– Погоди-ка! – крикнул он, продвигаясь под защитой Патронуса. – Ты же боггарт! *Riddikulus!*

Боггарт с громким треском взорвался и растаял в облачке дыма. Серебряный олень, к сожалению, тоже исчез, а от такой бы компании Гарри не отказался... Но делать нечего, надо спешить. Гарри прислушался и, беззвучно ступая, двинулся вперёд, держа палочку как можно выше.

Налево... направо... снова налево... два раза упёрся в тупик. Опять применил заклинание Четырёх Сторон. Палочка показала, что он слишком уклонился к востоку. Вернулся к развилке, свернул теперь направо и увидел перед собой странный золотистый туман. Гарри осторожно подошёл и осветил его. Похоже на какие-то чары. Интересно, нельзя ли его взорвать?

– *Reducto!* – воскликнул он.

Заклинание пронзило туман насквозь, не причинив ему никакого вреда. Как же он забыл: заклятие предназначено для твёрдых тел! Что будет, если просто взять и пройти сквозь этот туман? Но стоит ли рисковать? Может, лучше вернуться и пойти в обход?

Колебания прервал раздавшийся неподалёку вопль.

– Флер! – крикнул Гарри.

Опять тишина. Он огляделся по сторонам. Что с ней? Вопль явно донёсся откуда-то спереди. Гарри глубже вдохнул и ринулся в золотистую дымку.

Мир тут же перевернулся вверх ногами. Гарри свисал с земли, волосы дыбом, очки висят на дужках, того и гляди упадут в бездонное небо. Он тут же схватил их, прижал к носу и, преисполненный ужаса, замер. Ноги его как будто приклеились к траве, ставшей зелёным потолком. А внизу тонULO в бесконечности усыпанное звёздами небо. Оторви он от травы ногу и сделай шаг, он навсегда распростится с землёй.

«Думай, – приказал он себе, чувствуя, как кровь приливает к лицу, – думай!»

Но он не знал ни единого заклинания, которое могло вернуть на место небо и землю. Решится ли он шагнуть?

Он слышал, как стучит в висках кровь. Выбор прост: или двинуться вперёд вверх ногами, или бросить в небо сноп красных искр, подождать помощи и выбыть из Турнира.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть бездонной отвесной пустоты и осторожно оторвал правую ногу от зелёного потолка.

Мир тут же вернулся на привычное место. Гарри рухнул на колени, почувствовав упоительно твёрдую, сырую от росы землю. От пережитого потрясения всё его тело на миг превратилось в студень. Он несколько раз глубоко вдохнул, успокоился, поднялся на ноги и, выйдя из золотистой дымки, оглянулся: дымка невинно мерцала в лунном свете.

У развилки Гарри остановился посмотреть, не видно ли каких-нибудь следов Флер. Он был уверен, что слышал её крик. С чем она столкнулась? Что с ней? Сигнала бедствия не было, но это ещё ничего не значит. Может, всё обошлось, и она движется дальше. Не исключено, однако, что она в беде, и даже палочку поднять не в состоянии. Гарри свернул вправо, беспокоясь всё сильнее. И в то же время глубоко в подсознании мелькнула мысль: одним участником меньше...

Судя по крику, Флер, наверняка, выбыла из игры. Кубок где-то рядом, он почти до него дошёл. А что, если он и правда победит? На мгновение Гарри опять увидел себя с Кубком в руках перед всей школой, – первый раз с той минуты, как услышал своё имя среди чемпионов...

Минут десять не было ничего, кроме тупиков. Дважды свернул не туда в одном и том же месте. Наконец-то незнакомая дорожка, Гарри бросился бежать. Движущийся источник света создавал на живой изгороди причудливую игру теней. Ещё поворот, и он обнаружил перед собой взрывохвостого скрута.

Седрик не преувеличил: скрут был *гигантским* и напоминал десятифутового скорпиона. Огромное изогнутое жало покоилось на спине, толстый панцирь тускло поблёскивал в свете волшебной палочки.

– *Stupefy!*

Заклинание отлетело рикошетом от брони скрута – Гарри едва успел уклониться, но оно задело макушку головы. Запахло палёными волосами. Скрут выстрелил в ответ огнём и понёсся навстречу обидчику.

– *Impedimenta!* – крикнул Гарри. И это заклинание срикошетило.

Гарри поспешно отступил, потерял равновесие и упал.

– *Impedimenta!*

Скрут в нескольких дюймах от него замер. Заклинание попало в мягкое, не защищённое бронёй брюхо. Тяжело дыша, Гарри оттолкнул неподвижное чудище и со всех ног бросился бежать: Непролазный сглаз действует недолго, минут через пять взрывохвостый скрут опять станет опасным.

Он свернул влево и упёрся в тупик, свернул направо – ещё тупик. Гарри остановился, перевёл дух и воплотил заклинание Четырёх Сторон. Затем вернулся к развилке, взяв

направление на северо-запад и бросился было вперёд. Но тут за изгородью он услышал такое, что заставило его замереть на месте.

– Что ты делаешь? – кричал Седрик. – Какого чёрта ты творишь?

И следом голос Крама:

– *Crucio!*

В тот же миг уши его пронзил отчаянный вопль Седрика. Потрясённый Гарри рванул вперёд, только бы не ошибиться поворотом! Никаких поворотов впереди не было. Осталось одно – Сокращательное проклятие. Оно подействовало, правда, не очень сильно, в изгороди образовалась небольшая дыра. Гарри смог просунуть в неё только ногу. Он начал пинать ногами по колючим сплетениям ежевики, ломая ветви, пока не образовалось подходящее отверстие. Гарри пролез в него, порвав мантию. Глянув направо, он увидел, как на земле извивается от боли Седрик, а над ним стоит Крам.

Услышав треск, Крам повернул голову и сорвался с места, но Гарри успел нацелить палочку.

– *Stupefy!* – крикнул он.

Заклинание поразило Крама в спину, он на мгновение замер и рухнул ничком в траву. Гарри бросился к Седрику. Он уже перестал извиваться и теперь лежал, тяжело дыша, прижав ладони к лицу.

– Всё в порядке? – Гарри схватил руку Седрика.

– Да, – выдохнул Седрик. – Не могу поверить... он подкрался сзади... я услышал, обернулся... а он уже и палочку на меня направил...

Он поднялся на ноги. Его трясло.

– Просто не верится... мне казалось, он ничего... – Гарри глядел на распростёртого соперника.

– Мне тоже.

– Ты слышал, как кричала Флер? – спросил Гарри.

– Слышал, – ответил Седрик. – Ты думаешь, Крам мог и её...

– Не знаю, – медленно произнёс Гарри.

– Ну что, оставим его здесь?

– Нет, – возразил Гарри. – Наверное, лучше всего послать сноп искр. Патрульные подойдут и заберут его. Тут его скрут сожрёт.

– Он заслужил, – пробурчал Седрик, но всё же поднял палочку и пустил в небо сноп красных искр. Искры рассыпались облачком и зависли над тем местом, где лежал Крам.

Несколько секунд Гарри с Седриком стояли в темноте, оглядываясь по сторонам.

– Ладно, – сказал Седрик. – Идём дальше...

– Что? – спросил Гарри. – А... да... конечно.

Странный это был миг. Только что Крам сплотил их. И вот опять соперники. Оба молча устремились вперёд по тёмной дорожке, на развилке Гарри свернул влево, Седрик направо. Скоро шаги Седрика стихли.

Гарри шёл, время от времени сверяясь с заклинанием Четырёх Сторон. Теперь он состязается только с Седриком, и ему вдруг, как никогда, захотелось одержать победу. Но в

голове копошилась одна мысль. Как мог Крам решиться применить против человека Непростительное проклятие? Муди сказал на уроке, что за это отправляют в Азкабан до конца жизни. Вряд ли Крам такой ценой хотел выиграть Кубок... Гарри прибавил шаг.

Теперь тупики попадались всё чаще. В лабиринте стало темно, хоть глаз выколи, значит, скоро центр, конец состязания. На длинном, прямом отрезке пути опять почудилось шевеление, и свет палочки озарил существо, которое он знал только по картинке в «Монструозной книге монстров».

Это был сфинкс с телом огромного льва, головой женщины, тяжёлыми когтистыми лапами и длинным жёлтым хвостом с коричневой кисточкой на конце. Когда Гарри приблизился к женщине-львице, она оборотила к нему могучую голову и уставилась большими миндалевидными глазами. Гарри нерешительно поднял палочку. Но львица с женским лицом не присела в прыжке, а просто ходила туда-сюда поперёк дорожки, загораживая проход.

– Ты близок к цели, – произнесла она низким, хриловатым голосом. – Кратчайший путь лежит именно здесь.

– Может... может, тогда вы меня пропустите? – спросил Гарри, догадываясь, каков будет ответ.

– Нет, – ответила она, не останавливаясь. – Пока не отгадаешь мою загадку. Отгадаешь с первой попытки – пропущу. Не отгадаешь – напад. Ничего не ответишь – позволю уйти назад.

У Гарри засосало под ложечкой: разгадывать загадки – конёк Гермионы. Он прикинул, велик ли риск. Если загадка окажется слишком трудной, он просто смолчит и уйдёт искать другую дорогу в центр.

– Хорошо, – сказал он. – Слушаю вашу загадку.

Женщина-львица уселась посреди дорожки и произнесла такой стих:

Сначала ты букву вторую возьми¹⁷
Того, кто таится в тени.
Кто секреты крадёт, чьё молчание лжёт,
Кто следы замечает свои.
Затем вспомни то, что кричишь ты в лесу,
Когда, заблудившись, бредёшь.
А третье всегда и в конце тупика,
И в начале конца обретёшь.
Всё вместе сложи и получишь того,
Кого ты, хоть видел не раз,
Целовать бы не смог никогда, ни за что...
Так кто он? Скажи мне сейчас!

– А можно... можно ещё раз, только чуть-чуть помедленнее? – вежливо попросил он.

¹⁷ Перевод загадки – Мария Спивак; редакция перевода – ar13

Сфинкс моргнула, загадочно улыбнулась и повторила загадку.

– И всё это вместе означает существо, которое я не смог бы поцеловать? – спросил Гарри.

Сфинкс благосклонно улыбнулась. Гарри решил, что это утвердительный ответ, и принялся лихорадочно думать. Существует множество тварей, которых он ни за что не поцеловал бы. Например, взрывохвостый скрут. Но загадка сфинкса явно о ком-то другом. Начать надо с подсказок.

– Того, кто таится в тени, – пробормотал Гарри – Кто секреты крадёт, чьё молчание лжёт... Ммм... это, наверное, какой-нибудь жулик. Нет-нет, это ещё не отгадка! Крадёт секреты?.. Шпион?.. то есть что, «ш»? Ну ладно, потом ещё можно подумать. Э-э... не могли бы вы повторить про тупик?

Она повторила.

– Всегда в конце тупика... – произнёс Гарри. – В начале конца... ерунда какая-то. А вторую подсказку ещё раз можно?

Сфинкс прочла строчки второй подсказки.

– Что кричишь ты в лесу, когда, заблудившись, бредёшь... – пробормотал Гарри. – Ммм... это... это... «ау!». Я кричу «ау»!

Сфинкс улыбнулась ему.

– П... ау... пау..., – повторял Гарри, меряя шагами дорожку. – Существо, которое я не хотел бы поцеловать... Паук!

Сфинкс расплылась в улыбке, поднялась на ноги и посторонилась.

– Спасибо! – воскликнул Гарри, потрясённый собственной сообразительностью, и рванул вперёд.

Он наверняка у цели, наверняка... палочка сказала, он на верном пути... Если больше ничего страшного не случится, он выиграл....

Снова развилка. Он опять прошептал «Укажи!» и палочка, сделав круг, указала направо. Гарри бросился по правой дорожке, в конце которой скоро забрезжил неяркий свет.

И Гарри увидел: в сотне ярдов от него на постаменте сияет вожаденный Кубок. Гарри прибавил ходу, но тут из-за кустов слева, опережая его, на дорожку выскочил Седрик.

Седрик будет у Кубка первый! Он несётся изо всех сил. Ноги у него длинные, рост выше. Не догнать...

И вдруг Гарри заметил, как возвышаясь над кромкой изгороди, по дорожке, пересекающейся с той, по которой бегут они, что-то огромное стремительно двигалось в их сторону. Однако Седрик, сосредоточившись на Кубке, существо не замечал...

– Седрик! – заорал Гарри. – Слева!

Седрик вовремя оглянулся – он ещё успеет перед самым носом чудовища миновать поворот и избежать столкновения! Но он споткнулся и на полной скорости рухнул на землю. Палочка вылетела из руки. И тут же из-за угла вышел огромный паук и двинулся к Седрику.

– *Stupefy!* – крикнул Гарри.

Заклинание ударило в огромное волосатое тело, но он с таким же успехом мог бы попасть в него камнем. Паук слегка покачулся, забыл про Седрика и устремился к Гарри.

– *Stupefy! Impedimenta! Stupefy!*

Бесполезно. Паук был то ли слишком велик, то ли его магический заряд был очень силен, но заклинания только раздражили его. На какой-то миг Гарри, похолодев, увидел над собой восемь сверкающих чёрных глаз, щёлкнули острые жвала, и паук кинулся на него. Чудовище, схватив его передними лапами, подняло вверх. Гарри отчаянно бил ногами по нему, один раз нога попала по жвалам, и её пронзила нестерпимая боль.

– *Stupefy!* – теперь уже крикнул Седрик, но и его заклинание оказалось бессильно. Гарри последним усилием поднял палочку.

– *Expelliarmus!* – крикнул он.

Сработало – паук выпустил Гарри, и он с высоты двенадцать футов упал прямо на покалеченную ногу, которая подвернулась под ним. Не мешкая, он направил палочку пауку в брюхо, точно так же, как скруту минут десять назад.

– *Stupefy!* – раздалось сразу два голоса: его и Седрика.

И два заклинания сокрушили мощь паука – он повалился набок, расплющив изгородь, ворох мохнатых лап перегородил дорожку.

– Гарри! Ты в порядке? Он не раздавил тебя? – услышал Гарри.

– Нет, – крикнул в ответ Гарри, тяжело дыша.

Нога у него сильно кровоточила, разорванная мантия была испачкана какой-то густой липкой слизью. Гарри хотел подняться, но повреждённая нога дрожала и не хотела держать его вес. Всё же, ухватившись за изгородь, он сумел встать и оглядеться.

Тримагический Кубок поблёскивал в двух шагах за спиной у Седрика.

– Бери Кубок, – тяжело выдохнул Гарри. – Скорее бери. Ты рядом.

Но Седрик не двигался. Он просто стоял и смотрел на Гарри, потом обернулся и взглянул на Кубок. Гарри видел, как ему хочется шагнуть вперёд, взять в руки главный приз Турнира. Но Седрик снова повернулся к Гарри и, собравшись с духом, отчеканил:

– Нет, бери ты. Ты выиграл. Сегодня ты дважды мою шею спас.

– Это к Турниру не относится, – ответил Гарри. В душе у него бушевали противоречивые чувства: нога болела, все кости ныли после борьбы с пауком. Седрик снова опередил его, так же как опередил, пригласив Чоу на бал, но он гнул своё. – Говорю тебе, я не буду играть в догонялки на раненой ноге. Побеждает тот, кто первый коснётся Кубка. И это будешь ты.

Седрик сделал несколько шагов в сторону оглушённого паука, увеличивая расстояние между собой и Кубком, и покачал головой:

– Нет.

– Перестань играть в благородство. Не тяни время, бери Кубок. Надо как-то выбираться отсюда.

Седрик смотрел, как Гарри, держась за изгородь, пытается устоять на ногах.

– Ты рассказал мне про драконов, – возразил Седрик. – Если бы не это, я провалился бы ещё на первом задании.

– Мне тоже помогли. – Гарри пытался стереть кровь с ноги подолом мантии. – А ты мне помог с яйцом, так что мы квиты.

– Но и мне помогли с яйцом.

– Ну и что? Мы всё равно квиты, – ответил Гарри, пытаясь осторожно опереться на больную ногу. Нога предательски дрожала, так как при падении он её вывихнул.

– Тебе за второе задание полагалось больше очков, – не сдавался Седрик. – Ты остался на дне, чтобы освободить всех заложников до одного. Я мог бы поступить так же.

– Я – единственный тупица, кто принял ту песенку всерьёз! – в голосе Гарри звучала горечь. – Бери Кубок!

– Нет.

Переступив через паучьи лапы, Седрик встал рядом с Гарри, который смотрел на него во все глаза. Седрик был очень серьёзен. Он понимал, что отказывается от славы, которой его Дом не видал уже несколько веков.

– Иди, – твёрдо сказал Седрик. Судя по лицу, решение далось ему не легко, но оно было принято бесповоротно: он стоял с каменным лицом, скрестив руки на груди, и не отрываясь смотрел на Гарри.

Гарри перевёл взгляд с Седрика на Кубок. На одно сияющее мгновение он представил себе, как выходит из лабиринта с Кубком в руках. Поднимает Кубок над головой, слышит рёв толпы, видит сияющее от восторга лицо Чоу – так ясно, так близко... Картина растаяла, на её месте возникло хмурое, упрямое лицо Седрика.

– Давай пойдём оба, – сказал Гарри.

– Что?!

– Вместе его возьмём. Это не только наша с тобой победа. Это победа Хогвартса. Мы её завоевали вдвоём.

Седрик изумлённо смотрел на Гарри.

– Ты... ты уверен?

– Да, – ответил Гарри. – Да... мы ведь всё время помогали друг другу. И добрались сюда оба одновременно. Так что и возьмём его вместе.

Седрик, казалось, не верит своим ушам, но ещё миг – и лицо его просияло счастливой улыбкой.

– Отлично, – сказал он. – Идём.

Он взял Гарри под локоть и помог ему доковылять до тумбы, где стоял желанный трофей. Оба протянули руки к сияющим ручкам Кубка.

– На счёт три, ладно? – предложил Гарри. – Один... два... три!

И они вместе коснулись Кубка.

В то же мгновение Гарри почувствовал знакомый рывок где-то под ложечкой. Ноги оторвались от земли. Рука, держащая Кубок, не разжималась. Кубок куда-то понёс его сквозь завывание ветра и пёстрый вихрь красок, и вместе с ним бок о бок летел Седрик.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

КОСТЬ, ПЛОТЬ И КРОВЬ

Гарри неудачно приземлился: вывихнутая нога подогнулась, и он рухнул на землю. Рука, наконец, оторвалась от Кубка. Гарри поднял голову.

– Где мы? – спросил он.

Седрик молча покачал головой. Помог Гарри подняться, и оба огляделись.

Местность вокруг ничем не напоминала Хогвартс. Не было гор, окружавших замок, похоже, они преодолели много миль, может даже сотню. Они стояли посреди тёмного густо заросшего кладбища, справа за огромным тисом чернел силуэт небольшой церкви. Слева – холм, на склоне которого стоял старый красивый особняк.

Седрик посмотрел на Тримагический Кубок.

– Тебе кто-нибудь говорил, что Кубок – это портключ?

– Нет, – ответил Гарри. Он с любопытством оглядел кладбище. Кругом тихо-тихо и как-то нереально. – Это что – часть задания?

– Не знаю. – Седрик явно нервничал. – Достанем палочки?

Гарри согласился. Он был рад, что предложил это Седрик. Оба вынули палочки. Гарри всё оглядывался, и опять явилось странное ощущение, что за ними следят.

– Кто-то идёт, – вдруг сказал он.

Пристально всматриваясь в темноту, они заметили, как медленно, огибая могилы, к ним приближается человек. Роста невысокого, лицо скрыто капюшоном, в руках свёрток, который он несёт с осторожностью. Расстояние между ними сокращалось, человек подошёл совсем близко, и Гарри увидел, что у него на руках младенец... А может, просто свёрток с одеждой?

Гарри чуть опустил палочку, посмотрел на Седрика. Седрик ответил озадаченным взглядом. И оба воззрились на коротышку-незнакомца, который остановился возле высокого мраморного надгробья футах в шести от них. Секунду-другую все трое не спускали друг с друга глаз.

И тут случилось то, чего Гарри меньше всего ожидал: шрам взорвался такой болью, какой он никогда прежде не испытывал. Палочка выпала, он закрыл лицо руками, и упал на траву. Он ничего не видел, чувствовал только, что голова раскалывается от боли.

Откуда-то издалека, сверху донёсся холодный, пронзительный голос:

– *Убей лишнего.*

Послышался свистящий звук, и в темноте проскрипел другой голос:

– *Avada Kedavra!*

Вспышка зелёного света была видна и сквозь веки, Гарри услышал, как рядом рухнуло что-то тяжёлое. Боль в шраме стала невыносимой, его вырвало, и стало немного легче. В ужасе от того, что он сейчас увидит, Гарри открыл слезящиеся глаза.

Рядом с ним распластался Седрик. Он был мёртв.

Гарри казалось, он целую вечность всматривается в лицо Седрика, в его широко распахнутые серые глаза, пустые, как окна нежилого дома, в полуоткрытые губы, удивлённое

лицо. На самом деле прошло лишь мгновение, и не успел он осознать происшедшее, его леденящую невозможность, как почувствовал, что его ставят на ноги.

Коротышка в плаще, положив свёрток на землю, зажёл волшебную палочку и потащил Гарри к мраморному надгробью. Затем развернул его и прислонил к камню спиной. Но Гарри всё-таки успел заметить при слабом свете палочки высеченное на камне имя «ТОМ РИДДЛ».

Человек в плаще стал привязывать Гарри к надгробию, обматывая тугими верёвками от шеи до лодыжек. Под капюшоном слышалось прерывистое, лихорадочное дыхание. Гарри попытался сопротивляться, но коротышка ударил его кулаком, и Гарри заметил, что на руке у него не хватает пальца. Стало ясно, кто скрывается под капюшоном: Прихвост.

– Ты! – выдохнул Гарри.

Прихвост ничего не ответил. Он кончил колдовать с верёвками и теперь трясущимися руками ощупывал каждый узел, проверяя, крепко ли Гарри привязан. Убедившись, что Гарри не может пошевелиться, Прихвост вытащил из-под плаща чёрную тряпку и грубо запищал её в рот пленнику. Затем, так же молча, обошёл Гарри и скрылся у него за спиной. Гарри не мог повернуть головы и видел лишь то, что перед ним.

Тело Седрика лежит футях в двадцати. Сразу за ним в свете звёзд блестит Кубок. Палочка Гарри у самых его ног. Замотанный в мантию свёрток, который Гарри принял за младенца, лежит рядом с надгробьем. Кажется, и правда в нём кто-то есть: свёрток неуклюже зашевелился. Гарри смотрел на него, шрам снова обожгла боль, и он вдруг отчётливо понял – он не хочет знать, что в свёртке... не хочет, чтобы его открывали...

Под ногами раздался шорох. Гарри глянул вниз: по траве вокруг надгробья скользит огромная змея. Снова послышалось быстрое, прерывистое дыхание Прихвоста. Похоже, он тащит что-то тяжёлое. Вот он опять в поле зрения, волочит каменный котёл, в котором слышится плеск воды. Котёл огромный, в нём бы уместился крупный мужчина; таким Гарри не приходилось пользоваться.

Свёрток, лежащий на земле, зашевелился сильнее. Находящееся там существо, казалось, рвётся наружу. Прихвост сунул под котёл волшебную палочку, и оттуда выстрелили языки пламени. Змея поспешно уползла в темноту.

Жидкость в котле нагрелась очень быстро. Помимо пузырей, на её поверхности появились пунцовые искры, словно жидкость тоже воспламенилась. Пар становился всё гуще, и скоро фигура у костра превратилась в расплывчатое пятно. Кто-то в свёртке теперь уже лихорадочно метался. И Гарри снова услышал пронзительный, ледяной голос:

– *Скорее!*

Кипящая поверхность жидкости вся превратилась в искры и сверкала, точно усыпанная бриллиантами.

– Всё готово, хозяин.

– Пора... – изрёк ледяной голос.

Прихвост развернул свёрток, раскрыв то, что было внутри. Гарри издал задушенный кляпом крик.

Как будто Прихвост перевернул камень на земле, и под ним оказалось что-то уродливое, слизистое, слепое; но увиденное было хуже, в сто раз хуже. Принесённое Прихвостом на кладбище существо напоминало скорчившегося младенца. Но напоминало только очертаниями, во всём остальном оно ни капли не походило на человеческого детёныша. Чешуйчатое безволосое тело цвета сырого мяса, слабые, тонкие ручки и ножки, а лицо — такого ни у одного ребёнка отродясь не было — приплюснутое, как у змеи, с блестящими красными глазами-щёлками.

Существо казалось почти беспомощным. Оно протянуло ручки к Прихвосту, обняло за шею, и Прихвост его поднял.

В этот миг капюшон упал у него с головы, и Гарри увидел на бледном лице крайнее отвращение. Прихвост поднял свою ношу над котлом, и искры, танцующие на поверхности жидкости, осветили на мгновение плоское злобное лицо. Прихвост опустил существо в котёл, и оно с шипением исчезло. Гарри услышал, как тельце мягко стукнулось о каменное дно котла.

Пусть, пусть он утонет, стучало в голове Гарри. Шрам его разрывался от невыносимой боли... Пожалуйста... Пусть утонет...

И тут Прихвост заговорил. Голос его дрожал, выдавая панический страх. Он поднял палочку, закрыл глаза и с трудом произнёс:

— *Кость отца, отданная без согласия, возроди своего сына!*

К ужасу Гарри, земля у него под ногами разверзлась, оттуда выпорхнула тонкая струйка праха и, повинувшись мановению палочки, нырнула в кипящую жидкость. Сверкающая поверхность, зашипев, лопнула, искры разметало по сторонам, и жидкость в котле стала ядовито-голубой.

Поскуливая от ужаса, Прихвост вытащил из-под плаща длинный тонкий серебряный кинжал и снова заговорил, на сей раз каждое слово сопровождая истеричным всхлипом:

— *Плоть... слуги... отданная добровольно... оживи... своего... хозяина!*

Вытянул перед собой правую руку, ту, на которой нет пальца, крепко сжал кинжал в левой и замахнулся.

Гарри мгновенно понял, что сейчас будет, и успел зажмуриться. Но уши-то он не мог зажать и невольно услышал безумный вопль, пронзивший ночь, прошедший через Гарри, как будто Прихвост ударил кинжалом и его. Что-то со стуком упало на землю, Прихвост захрипел, и тут же раздался всплеск зелья, вызвавший у Гарри приступ дурноты. Он не смог открыть глаза... но даже сквозь веки увидел — зелье вспыхнуло кроваво-красным...

Прихвост всхлипывал и скулил от боли. Гарри вдруг почувствовал на лице чужое дыхание и понял, что Прихвост подошёл вплотную к нему.

— *К-кровь недруга... взятая насильно... воскреси... своего врага!*

Гарри не мог ему воспротивиться. Скосив глаза, тщетно пытаясь выпутаться из верёвок, увидел, как трясётся серебряный кинжал в оставшейся руке Прихвоста. Острый конец проколол кожу на сгибе локтя, и по разорванной мантии потекла тёплая кровь. Всё ещё хрипло дыша от боли, Прихвост вынул из кармана стеклянный пузырёк и поднёс к раненой руке Гарри, чтобы пузырёк наполнился.

Пошатываясь, Прихвост вернулся к котлу и плеснул в него кровь. Жидкость мгновенно стала ослепительно белой. Покончив с приготовлением зелья, Прихвост без сил упал на колени и тут же кулём повалился на землю. Он лежал скорчившись, баюкая кровавый обрубок, и тихо постанывал.

Котёл кипел, сверкающие искры летели во все стороны, от их слепящего блеска всё вокруг погрузилось в непроглядную черноту. Ничего не происходило...

Пусть утонет, пусть произойдёт ошибка, молил Гарри.

Но искры погасли, из котла взметнулся столб белого пара, он становился всё гуще, и Гарри больше не видел ни Прихвоста, ни Седрика – пар заполнил всё.

«...Зелье не вышло... он утонул... пожалуйста... пожалуйста... пусть он умрёт...»

Но вот в облаке пара, идущего из котла, Гарри, холодея от ужаса, стал различать очертания высокого, худого, как скелет, человека.

– Одень меня, – произнёс из пара ледяной голос.

Всхлипывая и прижимая к груди изуродованную руку, Прихвост с трудом встал на ноги, поднял левой рукой с земли чёрную мантию с капюшоном и одной рукой накинул её на голову и плечи хозяина.

Живой скелет ступил из котла на землю, не сводя глаз с Гарри. А Гарри не мог отвести взгляд от лица, что три года преследовало его в ночных кошмарах: кожа белее кости, красные злобные глаза, тупой змеиный нос, узкие щёлки ноздрей...

Лорд Волдеморт возродился.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ПОЖИРАТЕЛИ СМЕРТИ

Волдеморт отвёл взгляд от Гарри и принялся осматривать собственное тело. Его руки с напоминающими паучьи лапы длинными бледными пальцами ощупывали плечи, грудь, лицо. Красные глаза, зрачки которых, подобно кошачьим, превратились в щёлочки, горели в темноте ещё пронзительнее. Охваченный восторгом, он вытянул вперёд руки и начал сгибать и разгибать пальцы, не обращая ни малейшего внимания ни на окровавленного, лежащего на земле Прихвоста, ни на огромную змею, которая снова приползла и обвилась вокруг памятника с привязанным к нему Гарри. Волдеморт запустил одну из своих рук с неестественно длинными пальцами в карман мантии и вытащил оттуда волшебную палочку. Он нежно погладил её, а потом поднял и направил на Прихвоста. Тот в мгновение ока взлетел в воздух и рухнул к подножию памятника, к которому был привязан Гарри. Всклипы и стоны стали громче. Волдеморт поднял свои багровые глаза на Гарри и засмеялся пронзительным, ледяным смехом.

Прихвост обернул свой обрубок мантией, и теперь она блестела от пропитавшей её крови.

– Мой лорд... – задыхаясь, простонал он, – мой лорд... вы обещали... вы же обещали...

– Протяни руку, – процедил небрежно Волдеморт.

– Хозяин... спасибо, хозяин...

Прихвост протянул свой окровавленный обрубок, но Волдеморт снова захохотал:

– Другую руку, Прихвост.

– Хозяин, пожалуйста... *пожалуйста*...

Волдеморт наклонился над своим слугой, дёрнул вперёд его левую руку и одним движением задрал рукав мантии выше локтя. Гарри увидел на коже какой-то знак, похожий на ярко-красную татуировку, в которой, приглядевшись, узнал Тёмную Метку, такую же, как появилась в небе во время Чемпионата мира: череп с вылезавшей изо рта змеей. Волдеморт внимательно осмотрел Метку, не замечая громких вскрипов Прихвоста, которые уже превращались в судорожные рыдания.

– Она снова здесь, – тихо произнёс он, – они снова её заметят... теперь мы посмотрим... теперь мы узнаем...

И он прижал свой длинный указательный палец к Метке на руке Прихвоста.

Шрам на лбу Гарри снова обожгла боль, а от вопля Прихвоста зазвенело в ушах. Волдеморт убрал палец, и Гарри увидел, что Метка стала угольно-чёрной.

С выражением злобного удовлетворения на лице Волдеморт выпрямился и огляделся вокруг.

– Сколько же окажется храбрецов, что явятся сюда, когда они почувствуют это? – прошептал он, запрокидывая голову и всматриваясь в звёзды. – И сколько окажется глупцов, что решат держаться отсюда подальше?

Он стал расхаживать взад-вперёд перед Гарри и Прихвостом, то и дело окидывая взглядом кладбище. Через минуту-другую он снова посмотрел на Гарри, остановился, и жестокая улыбка исказила его змееподобное лицо.

— Ты, Гарри Поттер, стоишь на останках моего покойного отца, — тихо прошипел он. — Он был маглом и дураком... как и твоя дорогая мамочка. Но они оба пригодились нам, не правда ли? Твоя мать погибла, защищая тебя... а я сам убил своего отца, и посмотри, как он мне помог, уже будучи покойником...

Волдеморт снова расхохотался и принялся мерить шагами кладбище, а змея скользила за ним в траве.

— Видишь этот дом на склоне холма, Поттер? Там жил мой отец. Моя мать, колдунья, жила в этой деревне и влюбилась в него. Но он бросил её, когда она рассказала ему кто она такая... Он не любил магию, мой папаша... Он бросил её и вернулся к своим маглам-родителям ещё до моего рождения, Поттер, а она умерла, родив меня, и я вырос в магловском приюте... Но я поклялся найти его... я отомстил ему, этому дураку, который дал мне своё имя... *Там Риддл...*

Он не останавливался ни на минуту, переводя взгляд с одной могилы на другую.

— Послушать только, как я тут рассказываю историю моей семьи... — тихо заметил он. — Похоже, я становлюсь сентиментальным... Смотри, Гарри! Вот возвращается моя *настоящая* семья...

Внезапно ночную тишину нарушил шорох развевающихся мантий. Среди могил, под огромным тисом, везде, где была тень, возникали фигуры колдунов. Все они были в масках, на головах у них были капюшоны. Один за другим они двигались к ним... медленно, осторожно, как будто не веря своим глазам. Волдеморт молча стоял посреди кладбища и глядел на них. Наконец один из Пожирателей Смерти упал на колени, подполз к Волдеморту и поцеловал подол его чёрной мантии.

— Хозяин... хозяин... — пробормотал он.

Остальные Пожиратели Смерти сделали то же самое. Один за другим они подползали на коленях к Волдеморту и целовали его мантию прежде, чем подняться и отойти в сторону. Мало-помалу они образовали круг, внутри которого находились могила Тома Риддла, Гарри, Волдеморт и корчащийся на земле, всхлипывающий Прихвост. В этом кругу были прогалины, как будто они оставили место для кого-то ещё. Но сам Волдеморт, похоже, никого больше не ожидал. Он внимательно оглядел скрытые капюшонами лица и хотя никакого ветра не было, по кругу пробежал тихий шорох, как будто все стоящие в нём вздрогнули.

— Добро пожаловать, Пожиратели Смерти, — тихо сказал Волдеморт. — Тринадцать лет... прошло тринадцать лет со дня нашей последней встречи. И всё же вы ответили на мой зов, будто это было вчера... значит, нас всех по-прежнему объединяет Тёмная Метка? *Или нет?*

Он снова запрокинул к небу своё ужасное лицо и с шумом втянул воздух. Его щёлочки-ноздри раздулись.

— Я чую вину, — произнёс он. — Воздух насквозь провонял виной.

Стоящие в кругу снова вздрогнули: каждый как будто пытался и не смел сделать шаг назад.

– Я вижу, вы живы и здоровы, силы ваши не иссякли – вы так быстро прибыли! – и я спрашиваю себя... а почему этот отряд колдунов так и не пришёл на помощь своему хозяину, которому они клялись в вечной верности?

Никто не произнёс ни слова. Никто не певельнулся, если не считать Прихвоста, который лежал на земле, всхлипывая и баюкая свой кровотокающий обрубок.

– И я отвечаю, – продолжил Волдеморт свистящим шепотом, – они, должно быть, поверили, что я повержен, что я погиб. Они снова вернулись в стан моих врагов, и клялись в своей невиновности, в том, что они ничего не знали, что были околдованы... И я спрашиваю себя: как они могли верить, что я не восстану вновь? Те, кто знал, как я защитил себя от смерти? Те, кто своими глазами видели доказательства моей безмерной силы, когда я был самым могущественным из ныне живущих колдунов? И я отвечаю: может, они поверили, что существует ещё более могучая сила, которая может уничтожить даже Лорда Волдеморта... может, они теперь клянутся в верности другому... может, этому защитнику грязнокровок и магглов Альбусу Дамблдору?

При упоминании имени Дамблдора стоящие в кругу зашевелились, послышалось бормотание, кое-кто покачал головой.

Волдеморт не обратил на них внимания.

– Я разочарован... признаюсь, я весьма разочарован...

Один из Пожирателей Смерти неожиданно бросился вперёд и рухнул к ногам Волдеморта. Тело его сотрясала дрожь.

– Хозяин! – крикнул он. – Хозяин, прости меня! Прости нас всех!

Волдеморт с хохотом поднял палочку и произнёс:

– *Crucio!*

Пожиратель Смерти начал извиваться и кричать от боли. Гарри был уверен, что эти крики не могут не услышать жители деревни... пусть появится полиция, промелькнула у него отчаянная мысль... кто-нибудь... что-нибудь...

Волдеморт снова поднял палочку. Измученный Пожиратель Смерти перестал корчиться и лежал на спине, тяжело дыша.

– Поднимайся, Эйвери, – тихо сказал Волдеморт. – Встань. Ты просил прощения? Я не прощаю. И ничего не забываю. Тринадцать долгих лет... Тринадцать лет верной службы – и тогда, может быть, я вас прощу... А вот Прихвост уже оплатил часть своего долга, правда, Прихвост?

Он бросил взгляд на Прихвоста, который продолжал всхлипывать.

– Ты вернулся ко мне не доказать свою верность. Ты вернулся, потому что испугался своих старых друзей. Ты заслужил эту боль, Прихвост. И ты знаешь это, правда?

– Да, хозяин, – простонал Прихвост. – Пожалуйста, хозяин... умоляю...

– И всё же ты помог мне снова обрести тело, – холодно продолжал Волдеморт, глядя как всхлипывает лежащий на земле Прихвост. – Каким бы бесполезным предателем ты ни был, ты всё же помог мне... а Лорд Волдеморт награждает тех, кто ему помогает...

Волдеморт снова поднял палочку и взмахнул ею. В воздухе остался след, похожий на расплавленную полосу серебра. Через мгновение бесформенная полоса превратилась в сверкающую копию человеческой кисти. Сияя в темноте, как луна, кисть тут же опустилась и приросла к окровавленному запястью Прихвоста.

Всхлипывание мгновенно прекратилось. Тяжело дыша, Прихвост поднял голову и, не веря своим глазам, смотрел на серебряную кисть, так безупречно соединённую с его собственной рукой, что казалось, он надел ослепительно сияющую перчатку. Он согнул и разогнул серебряные пальцы, а потом, дрожа, поднял с земли какой-то прутик и растёр его в порошок.

– Мой лорд, – прошептал он. – Хозяин... она прекрасна... спасибо... *спасибо...*

Он на коленях подполз к Волдеморту и поцеловал край его мантии.

– И пусть твоя верность будет неколебима, Прихвост, – сказал Волдеморт.

– Конечно, мой лорд... навсегда, мой лорд...

Прихвост поднялся и занял своё место в кругу. Он не сводил глаз со своей новой руки, а лицо его блестело от слёз. Волдеморт подошёл к стоящему справа от него Пожирателю.

– Люциус, мой скользкий друг, – прошептал он, остановившись перед ним. – Мне говорили, что ты не отрёкся от прежней жизни, хотя и был вынужден надеть личину приличного человека. Ты, я думаю, по-прежнему готов возглавить тех, кто не прочь помучить магглов? И всё же ты не попытался найти меня, Люциус... должен сказать, твои подвиги на Чемпионате мира по квиддичу позабавили меня... но разве не разумнее было бы направить свои силы на поиски своего хозяина, на помощь ему?

– Мой лорд, я всегда был настороже, – тут же послышался из-под капюшона голос Люциуса Малфоя. – Если бы я заметил хоть какой-то знак, любой намёк на ваше присутствие, я бы тут же, немедленно явился к вам, ничто не могло бы помешать мне...

– Тем не менее, ты бежал от моей Метки, когда преданный мне Пожиратель Смерти запустил её в небо прошлым летом, – лениво заметил Волдеморт, и мистер Малфой тут же умолк. – Да, мне всё известно, Люциус... ты меня разочаровал... я ожидаю от тебя более верной службы.

– Конечно, мой лорд, конечно... вы милостивы, благодарю вас...

Волдеморт двинулся вдоль круга и остановился у большого промежутка между Малфоем и следующим Пожирателем Смерти: здесь, похоже, не хватало двоих.

– Здесь должны стоять супруги Лестрэндж, – тихо произнёс Волдеморт. – Но они замурованы в Азкабане. Они были преданы мне. Они предпочли отправиться в Азкабан, нежели отречься от меня... Когда стены Азкабана рухнут, они будут вознаграждены так, как и мечтать не могли. Дементоры присоединятся к нам... они наши естественные союзники... мы призовём изгнанных великанов... все мои верные слуги вернутся ко мне, и целая армия существ, сеющих страх...

Он снова пошёл по кругу. Мимо некоторых Пожирателей Смерти он проходил молча, перед другими останавливался и говорил с ними.

– Макнейр... Прихвост говорит, ты сейчас уничтожаешь опасных животных по заданию Министерства магии? Скоро у тебя появятся жертвы поинтереснее, Макнейр. Лорд Волдеморт позаботится об этом...

– Спасибо, хозяин... спасибо, – пробормотал Макнейр.

– А здесь, – Волдеморт подошёл к двоим самым высоким Пожирателям Смерти, – здесь у нас Крэбб... Ты сработал лучше на этот раз, правда Крэбб? И ты, Гойл?

Оба неуклюже поклонились, глухо бормоча:

– Да, хозяин...

– Конечно, хозяин...

– То же самое касается и тебя, Нотт, – тихо обратился Волдеморт к фигуре, ссутулившейся в тени мистера Гойла.

– Мой лорд, я падаю ниц перед вами, я ваш самый верный и покорный...

– Достаточно, – произнёс Волдеморт.

Он остановился перед самой большой прогалиной в кругу и глядел на пустое место своими ничего не выражающими, красными глазами, как будто видел стоящих перед ним людей.

– А здесь у нас не хватает шестерых... Трое погибли, служа мне. Один побоялся вернуться... он пожалеет об этом. Один, я думаю, покинул меня навсегда... он, конечно, будет убит... и ещё один, самый верный мой слуга, который уже мне снова помогает.

Пожиратели Смерти зашевелились. Гарри видел, как они сквозь маски бросают взгляды друг на друга.

– Он сейчас в Хогвартсе, мой преданный слуга, и именно благодаря ему сюда прибыл наш юный друг...

– Да, – безгубый рот Волдеморта искривился в усмешке, и все стоящие в кругу перевели взгляд на Гарри. – Гарри Поттер любезно присоединился к нам, чтобы отпраздновать моё возрождение. Осмелюсь даже назвать его моим почётным гостем.

Повисла тишина. Пожиратель справа от Прихвоста сделал шаг вперёд и из-под маски донёсся голос Люциуса Малфоя.

– Хозяин, мы жаждем узнать... умоляем вас рассказать нам... как вы добились этого... этого чуда... как вам удалось вернуться к нам...

– Это удивительная история, Люциус, – произнёс Волдеморт. – И она начинается... и заканчивается... моим юным присутствующим здесь другом.

Он медленно подошёл к Гарри и встал рядом с ним. Теперь взгляды всех были направлены на них обоих. Змея продолжала описывать круги в траве.

– Вы, конечно, знаете, что этого мальчика называли причиной моего падения? – тихо произнёс Волдеморт. Он перевёл свои красные глаза на Гарри, и шрам пронзила такая боль, что Гарри едва не вскрикнул. – Вам известно, что в ночь, когда я потерял свою силу и своё тело, я хотел убить его. Его мать погибла, пытаясь спасти его... и невольно дала ему защиту, которой, признаюсь, я не предусмотрел... Я не мог дотронуться до него.

Волдеморт поднял длинный белый палец и поднёс его к щеке Гарри.

– Его мать оставила на нём след своей жертвы... Это очень древняя магия, и я должен был вспомнить... глупо было не подумать об этом... но это неважно, теперь я могу прикоснуться к нему.

Гарри почувствовал прикосновение холодного пальца, и голова его едва не разлетелась на куски от вспыхнувшей боли.

Волдеморт тихо рассмеялся ему прямо в ухо, а потом убрал палец и продолжил свой рассказ.

– Должен признаться, друзья мои, я просчитался. Моё проклятие было отражено глупой жертвой этой женщины и попало в меня самого. О-о... это запредельная боль, друзья мои, и я к ней был совершенно не готов. Я был вырван из тела, я стал меньше, чем дух, чем самое захудалое привидение... но всё-таки я был жив. Чем я был, не знаю даже я... Я, прошедший дальше, чем кто бы то ни было, по тропе, ведущей к бессмертию. Вы знаете мою цель – победить смерть. И похоже, какой-то из моих экспериментов сработал... потому что я не погиб, а ведь это проклятие должно было меня убить. Но я стал слабее любого живого существа, и я не мог себе помочь... потому что у меня не было тела, а для необходимого заклинания требовались манипуляции волшебной палочкой... Помню только, что секунду за секундой, бесконечно долго, я заставлял себя существовать... Я обосновался в далёкой глуши, в лесу, и я ждал... я был уверен, что кто-нибудь из моих верных Пожирателей Смерти попытается разыскать меня... кто-нибудь придёт и осуществит магию, которую я сам осуществить не могу, и поможет мне вернуться в моё тело... но я ждал напрасно...

По безмолвному кругу Пожирателей Смерти снова пробежала дрожь. Волдеморт замолчал. Напряжение нарастало.

– У меня осталась лишь одна способность, – продолжил Волдеморт через некоторое время, – я мог овладевать другими телами. Но я не отваживался приближаться к местам, где было много людей, потому что знал, что авроры не прекратили поиски. Иногда я вселялся в животных – чаще всего, конечно, в змей – но это было лишь немногим лучше, чем оставаться просто духом, потому что тела животных очень плохо приспособлены к занятиям магией... а когда я в них вселялся, жизнь их становилась на удивление короткой; ни одно из животных долго не протянуло... Потом... четыре года назад... казалось, появилось верное средство вернуться. Молодой, глупый и доверчивый колдун забрался в лесную глушь, где обитал я. О, он показался мне тем самым шансом, о котором я так долго мечтал... Он был учителем в школе Дамблдора... его было легко подчинить себе... он привёз меня сюда, в эту страну, и через некоторое время я вселился в его тело, чтобы тщательно следить за тем, как он выполняет мои приказы. Но план мой провалился. Мне не удалось завладеть Философским Камнем. Мне не удалось обеспечить себе бессмертие. Мне снова помешали... и снова Гарри Поттер...

Повисла тишина. Никто не шевелился, замерли даже листья на тисе. Пожиратели Смерти были неподвижны, и лишь глаза блеснули сквозь прорези масок, направленные на Волдеморта и на Гарри.

– Мой слуга умер, когда я покинул его тело, и я снова стал таким же слабым, как раньше, – продолжил Волдеморт. – Я вернулся в глушь, туда, где прятался, и, не стану лукавить, тогда

я засомневался, удастся ли мне вообще вернуть свои силы... да, это, пожалуй, было самое тяжёлое для меня время... я не мог рассчитывать заполучить ещё одного колдуна... и я уже отбросил всякую надежду на то, что кого-нибудь из моих Пожирателей Смерти заботит, что случилось со мной...

Кое-кто из колдунов в кругу пошевелился, но Волдеморт не обратил на них ни малейшего внимания.

— И вдруг, меньше года назад, когда я уже оставил всякую надежду, это, наконец, случилось... ко мне вернулся мой слуга, Прихвост. Он симитировал свою смерть, чтобы избежать правосудия, но те, кого он раньше считал друзьями, разоблачили его, и он решил вернуться к хозяину. Он искал меня в тех краях, которые уже давно слухи связывали с моим именем... ему, конечно, помогли крысы. У Прихвоста вообще какая-то мистическая связь с крысами, правда, Прихвост? Его грязные маленькие друзья рассказали ему, что в дебрях албанских лесов есть место, которое они обходят стороной, место, где тёмная тень овладевает телами маленьких зверушек, и бедные маленькие зверушки гибнут... Но путь ко мне был нелёгок, правда, Прихвост? Однажды вечером, проголодавшись, он легкомысленно остановился в таверне на окраине того самого леса, где он рассчитывал меня найти... И надо же такому случиться — там сидела за столом Берта Джоркинс из Министерства магии! А теперь посмотрите, как судьба благоволит Лорду Волдеморту. Прихвосту мог быть конец, и с ним растаяли бы и мои надежды на возрождение. Но Прихвост продемонстрировал находчивость, которой я от него никогда не ожидал, и уговорил БERTу Джоркинс выйти прогуляться вместе с ним. Он заколдовал её... и привел её ко мне. И Берта Джоркинс, которая могла бы разрушить всё, вместо этого стала даром небес за гранью моих самых дерзких мечтаний... Ведь, после недолгих уговоров, выяснилось, что она просто кладёзь ценнейшей информации. Она рассказала мне о том, что в этом году в Хогвартсе состоится Тримагический Турнир. Она сообщила мне о Пожирателе Смерти, который будет счастлив выполнить любое моё задание, если мне удастся установить с ним контакт. Она поведала мне многое... но средства, которыми я воспользовался, чтобы преодолеть наложенные на неё чары Памяти, оказались слишком сильны. Когда я извлёк из неё всю необходимую информацию, её тело и разум были практически полностью разрушены. Она выполнила своё назначение. Вселиться в её тело было невозможно, и я избавился от неё.

Волдеморт улыбнулся своей ужасной улыбкой. Его красные глаза были равнодушны и безжалостны.

— Вселиться в тело Прихвоста, я, конечно, не мог, потому что он считался погибшим, и его появление на людях вызвало бы слишком много вопросов. Но он был слугой, который был мне необходим, и хотя колдун из него никакой, Прихвост, следуя моим указаниям, помог мне вернуться в собственное, пусть и неполноценное, тело, в котором я существовал, готовя всё необходимое для настоящего возрождения... одно-два заклинания моего собственного изобретения... немного помощи от моей дорогой Нагини, — Волдеморт посмотрел на непрерывно скользящую вокруг него змею, — зелье, сваренное из крови единорога и змеиного яда, которым поделилась со мной Нагини... и вскоре я вернул себе почти человеческий облик, в котором мог путешествовать.

После небольшой паузы он продолжил:

– Я знал, что украсть Философский Камень теперь было невозможно – Дамблдор проследил за тем, чтобы его уничтожили. Но сейчас мне нужна была прежде всего жизнь смертного существа, бессмертие могло и подождать... Я упростил себе задачу. Теперь моей целью было вернуться в прежнее тело и вернуть себе прежние силы. Я знал, как добиться этого; заклинание, что вернуло меня сегодня к жизни – это старинная Тёмная магия. Мне нужны были три мощнейших ингредиента. Ну, один из них у меня уже был, так, Прихвост? Плоть, отданная слугой... Кость отца легко было найти здесь, где он похоронен. Но кровь врага... Прихвост конечно, предпочёл бы, чтобы я использовал любого подвернувшегося под руку колдуна, правда, Прихвост? Любого колдуна, который ненавидит меня... ведь очень многие ненавидят меня до сих пор. Но я знал, чья кровь мне нужна. Если я хочу возродиться ещё более могущественным, чем до падения, мне нужна кровь Гарри Поттера. Мне нужна была кровь того, кто лишил меня силы тринадцать лет назад. Тогда защита его матери будет всегда со мной, будет течь и в моих венах... Но как добраться до Гарри Поттера? Ведь он сам не подозревал, насколько сильно он защищён. Дамблдор всё продумал ещё тринадцать лет назад, когда устраивал его будущее. Дамблдор использовал древнюю магию, защищавшую Поттера до тех пор, пока он находился под опекой своих родственников. Даже я не мог добраться до него... Да, конечно, был ещё Чемпионат мира по квиддичу... Я подумал, что там, вдали от родных и от Дамблдора его защита будет слабее, но я тогда был ещё слишком слаб, чтобы пытаться похитить мальчишку, окружённого целой толпой колдунов из Министерства... А потом он вернулся в Хогвартс, где день и ночь находился прямо перед крючковатым носом этого магглолюбивого придурка. Так как же захватить его? Естественно, пользуясь информацией, предоставленной Бертой Джоркинс. С помощью моего верного Пожирателя Смерти, внедрённого в Хогвартс, имя Гарри Поттера попало в Кубок Огня. Опять же с помощью моего верного Пожирателя Смерти Гарри Поттер выиграл этот Турнир и первым коснулся Кубка, который мой слуга превратил в портключ. Кубок перенёс его сюда, подальше от защиты и помощи Дамблдора, прямо ко мне в руки. И вот он здесь... Мальчишка, которого вы все считали моим победителем...

Волдеморт медленно шагнул вперёд и повернулся лицом к Гарри Поттеру. Он поднял палочку:

– *Crucio!*

Боль была совершенно невыносимой: кости, казалось, вот-вот расплавятся, голова разлетится на куски, глаза закатились. Гарри хотелось только, чтобы эта мука прекратилась... Забыться... Умереть...

И вдруг всё кончилось. Он обессилено повис на верёвках, которыми его привязали к могильному памятнику отца Волдеморта. Перед ним, как в тумане, горели кроваво-красные глаза. Хохот Пожирателей Смерти прогремел в ночи.

– Сами видите, глупо было считать, что этот мальчишка мог когда-либо быть сильнее меня, – произнёс Волдеморт. – Но я хочу, чтобы никто больше не заблуждался по этому поводу. Гарри Поттер избежал смерти по счастливой случайности. И сейчас я докажу это, убив его здесь и сейчас, у вас на глазах, здесь, где нет ни Дамблдора, который помог бы ему,

ни матери, чтобы снова умереть за него. Я дам ему шанс. Он сможет сражаться, и у вас не останется ни малейшего сомнения, кто из нас двоих сильнее... Чуть-чуть потерпи, Нагини, – шепнул он змее, и та заскользила по траве туда, где стояли Пожиратели Смерти и смотрели на них во все глаза.

– Отвяжи его, Прихвост, и верни ему палочку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

«PRIORI INCANTATEM»

Прихвост подошёл к Гарри, который пытался найти опору для ног, чтобы, когда его отвяжут, не рухнуть на землю. Прихвост поднял свою новую серебряную руку, вытащил у Гарри кляп изо рта и одним движением разрезал верёвки.

Может быть, на какую-то долю секунды у Гарри в голове промелькнула мысль о бегстве, но вывихнутая нога дрожала, а Пожиратели Смерти сжали кольцо вокруг Гарри и Волдеморта так, что в нём больше не было пустых мест. Прихвост отошёл к телу Седрика, вернулся с волшебной палочкой и сунул её грубо в руку Гарри, не глядя на него. После этого он снова занял своё место в кругу Пожирателей Смерти.

– Тебя учили сражаться на дуэли, Гарри Поттер? – тихо спросил Волдемор. Его красные глаза горели во тьме.

К Гарри, как из прошлой жизни, пришло смутное воспоминание о том, что два года назад он очень недолго ходил в Дуэльный клуб в Хогвартсе... Всё, чему он там научился, – это Разоружающее заклинание, «*Expelliarmus*»... И какой в этом толк, даже если ему и удастся лишить Волдеморта палочки, когда он окружён Пожирателями Смерти, которых человек тридцать, не меньше? Он не представлял, что могло бы сейчас ему помочь. Он знал, что вот-вот случится то, о чём Муди предупреждал много раз – неотразимое проклятие Авада Кедавра... Волдемор был прав – здесь не было его матери, чтобы снова умереть за него... Он совершенно незащищён...

– Мы должны поклониться друг другу, Гарри, – сказал Волдемор, слегка склонившись. При этом лицо его всё равно было обращено к Гарри. – Ну же, приличия надо соблюдать... Дамблдор был бы рад увидеть твои хорошие манеры... поклонись смерти, Гарри...

Пожиратели Смерти снова захохотали. Безгубый рот Волдеморта растянулся в улыбке. Гарри стоял, выпрямившись. Он не позволит Волдеморту играть с ним, как кошка с мышью... Он не доставит ему перед смертью этого удовольствия...

– Я сказал, *поклонись*, – повторил Волдемор и махнул палочкой.

Гарри почувствовал, как его позвоночник изогнулся, будто кто-то с силой прижимал его к земле. Пожиратели Смерти загоготали громче прежнего.

– Очень хорошо, – тихо произнёс Волдемор и снова повёл палочкой. Давление на спину Гарри ослабело, и он смог выпрямиться. – А теперь встань ко мне лицом как мужчина... встретить смерть, гордо выпрямившись, как умер твой отец... А теперь – дуэль начинается.

Волдемор занёс палочку, и прежде чем Гарри успел что-либо сообразить, его снова настигло проклятие Крусиатус. Боль была настолько сильна, что, казалось, заслонила собой весь мир, так что он не мог даже понять, где он... раскалённые добела ножи пронзали каждый дюйм кожи, голова готова была разлететься на куски от боли; он кричал так громко, как никогда в жизни...

И вдруг всё прекратилось. Гарри перекатился на живот и с трудом поднялся на ноги. Он не мог унять дрожь, сотрясающую тело, также, как не мог унять её Прихвост, после того, как отсёк себе руку. Он попытался сделать шаг, и, шатаясь, врезался в стену Пожирателей Смерти, и те оттолкнули его к Волдеморту.

– Маленькая передышка, – сказал Волдеmort. Щёлки его ноздрей раздувались от возбуждения. – Маленькая пауза... Больно, правда, Гарри? Ты ведь не хочешь, чтобы я сделал это снова?

Гарри молчал. В этих безжалостных красных глазах он ясно прочёл свою судьбу, он умрёт как Седрик... Он умрёт, и с этим ничего не поделаешь... Но плясать под дудку Волдеморта он не собирается. Он не подчинится ему... не станет молить о пощаде...

– Я спросил тебя, хочешь ли ты, чтобы я сделал это снова? – сказал Волдеmort. – Отвечай! *Imperio!*

Гарри почувствовал, как мысли, все до одной, улетучились из его головы... ах, какое это было блаженство – не думать... Казалось, что его куда-то уносят тёплые волны, что он безмятежно дремлет... Только скажи «нет»... скажи «нет»... только скажи «нет»...

«Не скажу, – прозвучал в голове решительный голос. – Не скажу».

«Только скажи «нет»...»

«Не буду, я же сказал...»

«Только скажи «нет»...»

– НЕ БУДУ!

Эти слова вырвались изо рта Гарри, и эхо разнесло их по всему кладбищу. Приятное состояние полудрёмы мгновенно исчезло, и снова вернулось ощущение боли, которое осталось в его теле после проклятия Крусиатус. Гарри снова понимал, где находится, и что его ждёт...

– Не будешь? – тихо переспросил Волдеmort. Пожиратели Смерти больше не смеялись. – Не скажешь «нет»? Гарри, прежде, чем ты умрёшь, я должен научить тебя слушаться старших... может, поможет ещё одна маленькая доза боли?

Волдеmort снова поднял палочку, но на этот раз Гарри был готов; долгие тренировки по квиддичу дали о себе знать – он тут же упал на землю, быстро перекатился и оказался за мраморным памятником на могиле отца Волдеморта. Проклятие угодило в памятник, и плита треснула.

– Мы тут не в прятки играем, Гарри, – тихий, холодный голос Волдеморта звучал совсем рядом. Раздался очередной взрыв смеха Пожирателей Смерти. – От меня не спрячешься. Может, ты устал от нашей дуэли? Может, ты хочешь, чтобы я закончил её сейчас, Гарри? Тогда выходи, Гарри... выходи и мы поиграем... это будет быстро... и, может быть, это даже не больно... я не знаю... я никогда не умирал...

Гарри лежал за могильным камнем и думал о том, что ему конец. Надежды не было... помощи ждать неоткуда. Шаги Волдеморта раздавались всё ближе, и Гарри почувствовал, что страха больше нет. Он не умрёт, сжавшись в комочек, как ребёнок, играющий в прятки; он не умрёт на коленях у ног Волдеморта... он умрёт, гордо выпрямившись, как его отец, и пытаясь защититься, даже если это невозможно...

Не дожидаясь, пока Волдеморт высунет своё змеиное лицо из-за памятника, Гарри поднялся, крепко сжал волшебную палочку и, держа её перед собой, бросился навстречу Волдеморту.

Тот был к этому готов, и в тот же самый миг, когда Гарри крикнул: «*Expelliarmus!*», раздался крик Волдеморта: «*Avada Kedavra!*»

Из палочки Волдеморта вырвался зелёный луч, а из палочки Гарри – красный. Они встретились в воздухе, на полпути, и Гарри почувствовал, как палочка в его руках завибрировала, будто через неё пропускали электрический ток. Рука его приросла к палочке, и он не смог бы выпустить её, даже если бы захотел. Сейчас соединяющий обе палочки узкий луч, был не красным и не зелёным, но пронзительно-золотым. Гарри, изумлённо проследив взглядом за этим лучом, увидел, что палочка Волдеморта тоже вибрирует и трясётся в его длинных белых пальцах.

А потом случилось то, чего Гарри совершенно не ожидал – его ноги оторвались от земли. Они с Волдемортом оба поднялись в воздух, а концы их палочек по-прежнему соединяла сверкающая золотая нить. Они улетели в сторону от могилы отца Волдеморта и приземлились на поляне, где могил не было. Пожиратели Смерти бежали за ними и кричали, спрашивая у своего хозяина, что им делать. Затем Пожиратели снова окружили их, некоторые потянулись за палочками, змея скользила у них под ногами.

Луч золотого света, соединяющий Гарри и Волдеморта неожиданно расщепился на множество тонких сияющих лучиков. Палочки их оставались соединены, а золотые нити сплетали вокруг Гарри и Волдеморта сверкающий купол паутины. Вскоре дуэлянты оказались как бы в клетке из света, а за стенками клетки рыскали, как шакалы, Пожиратели Смерти, и крики их, казалось, доносились откуда-то издалека...

– Ничего не делать! – крикнул Волдеморт своим приспешникам, и Гарри увидел, как его красные глаза расширились от удивления. Волдеморт явно не понимал, что происходит, и теперь из всех сил старался разорвать золотую нить, соединяющую волшебные палочки. Гарри вцепился в свою палочку ещё крепче, обеими руками, и нить осталась цела. – Ничего не делать без моей команды! – прокричал Волдеморт Пожирателям Смерти.

В этот момент в воздухе поплыла прекрасная, неземная мелодия... её издавала каждая из нитей паутины золотого света, которые вибрировали вокруг Гарри и Волдеморта. Гарри узнал эти звуки, несмотря на то, что слышал их до этого только раз... это была песня феникса...

Для Гарри это был звук надежды... самое прекрасное и желанное, что только он слышал в своей жизни... он чувствовал, что эти звуки не просто витают в воздухе рядом с ним, они звучат у него внутри... эта мелодия была связана с Дамблдором, и ему показалось на мгновение, будто друг шепнул ему на ухо: «Не позволяй связи распасться».

«Я знаю, – ответил Гарри музыке. – Я знаю, что я не должен допустить этого...»

Но как только он это подумал, удерживать связь стало намного тяжелее. Его палочка сильно завибрировала... теперь уже палочки соединял не луч, теперь это было похоже на огромные бусины света, которые скользили по золотой нити. Гарри увидел, что бусины

движутся от Волдеморта к нему и тут же почувствовал, как палочка сердито вздрогнула в его руках.

Чем ближе придвигалась к нему ближайшая бусина, тем горячее становилась его волшебная палочка. Дерево в его ладони раскалилось настолько, что Гарри казалось – палочка вот-вот вспыхнет. Бусина придвинулась ещё ближе, и палочка возмущённо затряслась. Если бусина приблизится вплотную, палочка этого явно не выдержит, она уже сейчас вот-вот разлетится на куски...

Гарри сосредоточил все свои мысли на том, чтобы заставить бусины двигаться в обратном направлении – от него к Волдеморту. Разъярённые глаза его были устремлены на бусины, в ушах звучала песня феникса – и мало-помалу бусины замедлили движение, остановились, а потом потекли обратно... Теперь палочка Волдеморта вибрировала так, что готова была развалиться. Сам же Волдеморт выглядел потрясённым и почти испуганным...

Первая бусина теперь дрожала в нескольких дюймах от палочки Волдеморта. Гарри не понимал, зачем ему это, не знал, чего он этим добьётся... но сейчас он сосредоточился на том, чтобы загнать эту бусину света в палочку Волдеморта. Медленно... очень медленно... ещё немного вперёд по золотой нити... бусина вздрогнула и влилась в палочку.

Сразу же из палочки Волдеморта раздалась крики боли... потом глаза Волдеморта расширились от ужаса, когда из его волшебной палочки показалась рука из густого дыма и тут же исчезла... призрак руки, подаренной Прихвосту, снова крики боли... потом из кончика палочки показалось что-то большое, гораздо больше руки, серое нечто из густого, плотного дыма... голова... грудь... руки... всё туловище Седрика Диггори.

Потрясение было так велико, что Гарри мог запросто выпустить свою палочку из рук, и лишь инстинкт самосохранения помешал ему сделать это. Золотая нить осталась цела, несмотря на то, что плотный серый призрак Седрика Диггори (неужели это призрак? Он кажется таким плотным!) целиком появился из палочки Волдеморта, будто его выдавили из узкого тоннеля... Тень Седрика выпрямилась, посмотрела на золотой луч, соединяющий палочки, и сказала:

– Держись, Гарри.

Его голос, казалось, донёсся откуда-то издалека. Гарри посмотрел на Волдеморта... его красные глаза расширились от потрясения... он, как и Гарри, не ожидал ничего подобного. Гарри услышал вопли испуганных Пожирателей Смерти, которые продолжали кружиться за границей золотого купола.

Снова раздалась крики боли... и снова что-то появилось из палочки... тень ещё одной головы, за которой тут же показались руки и тело... Старик, которого Гарри когда-то видел во сне, также, как и Седрик, выбирался из палочки... его призрак или тень – неважно, что это было – упало на землю рядом с тенью Седрика. Он выпрямился, опираясь на свою палку, окинул взглядом Гарри, Волдеморта, золотую паутину...

– Значит, он действительно колдун? – сказал старик, глядя на Волдеморта. – Этот тип меня убил... покажи ему, мальчик...

Из палочки показалась следующая голова... эта, похожая на вылепленную из густого дыма статую, была женской... Руки Гарри отчаянно тряслись, он старался удержать свою

палочку на месте. Призрак упал на землю, поднялся и посмотрел на разворачивающуюся перед ним битву.

Тень Берты Джоркинс уставилась на Гарри, глаза её расширились, и она крикнула:

– Не отпускай ни в коем случае! – Голос её, как и голос Седрика, звучал будто издалека. – Не дай ему добраться до тебя, Гарри! Не отпускай!

Она и две другие серые фигуры двигались теперь по кругу внутри золотой паутины, а Пожиратели Смерти бегали снаружи... жертвы Волдеморта шептали Гарри ободряющие слова и что-то шипели своему убийце.

Из волшебной палочки Волдеморта показалась очередная голова, и Гарри сразу понял, кто это... он как будто был уверен в этом с того самого момента, когда увидел призрак Седрика... уверен, потому что именно эту женщину он вспоминал этой ночью чаще всего...

Дымчатая тень молодой женщины с длинными волосами упала на землю, встала, посмотрела на него... Гарри, руки которого немилосердно тряслись, смотрел в призрачное лицо своей матери.

– Отец сейчас будет... – тихо сказала она. – Он хочет увидеть тебя... всё будет хорошо... держись...

И он появился... сначала его голова, потом тело... туманный силуэт высокого мужчины с растрёпанными как у Гарри волосами... Джеймс Поттер появился из палочки Волдеморта, опустился на землю и выпрямился. Отец подошёл к Гарри, посмотрел на него и заговорил тем же, доносящимся как бы издалека голосом, что и все остальные, только тихо, чтобы не услышал смертельно побледневший от страха перед своими жертвами, которые кружили вокруг него, Волдеморт:

– Когда связь будет разорвана, мы задержим его на мгновение... мы дадим тебе немного времени... ты должен добраться до портключика, он вернёт тебя в Хогвартс... Понял, Гарри?

– Да, – выдохнул Гарри, сражаясь с палочкой, которая скользила в руках и в любой момент могла вырваться.

– Гарри... – прошептал призрак Седрика, – возьми моё тело с собой, ладно? Отнеси моё тело родителям...

– Хорошо, – ответил Гарри. Лицо его исказилось от напряжения – теперь он с трудом удерживал палочку в руках.

– Сделай это сейчас, – прошептал отец. – Приготовься бежать. Давай, сейчас...

– СЕЙЧАС! – крикнул Гарри.

В любом случае, дольше удерживать палочку он уже не мог. Он сильно рванул её вверх, и золотая нить порвалась. Световой купол исчез, песня феникса растаяла в воздухе. Но призрачные фигуры жертв Волдеморта не исчезли. Они сжимали кольцо вокруг Волдеморта, скрывая Гарри от его глаз.

А Гарри бежал, как никогда в жизни. Он сбил с ног двух остолбеневших Пожирателей Смерти и принялся петлять между памятников. Вслед ему неслись проклятия, но Гарри уворачивался и только слышал треск могильных плит. Он бежал к телу Седрика, не вспоминая о вывихнутой ноге. Всё его существо было сосредоточено на том, что ему предстояло сделать...

– *Oглушить его!* – раздался вопль Волдеморта. Гарри нырнул за мраморного ангела, в десяти футах от Седрика, и увидел только стрелы красного света. Крыло ангела с треском отвалилось под ударами заклинаний. Сжав покрепче палочку, он выскочил из своего укрытия и проревел:

– *Impedimenta!* – Гарри взмахнул палочкой в сторону преследующих его Пожирателей Смерти.

Послышался сдавленный крик, и Гарри понял, что задержал, как минимум, одного. Времени оглядываться не было. Он перепрыгнул через Кубок и снова бросился на землю, чтобы увернуться от направленных на него заклятий. Гарри протянул руку и ухватился за тело Седрика...

– Отойдите! Я убью его! Он мой! – крикнул Волдеморт.

Гарри держал Седрика за запястье. Его и Волдеморта разделял теперь всего один памятник, но тело Седрика слишком тяжело, а до Кубка не дотянуться...

В темноте вспыхнули красные глаза Волдеморта. Гарри увидел, как его рот изгибается в улыбке, а рука поднимает палочку.

– *Accio!* – крикнул Гарри, указав палочкой на Тримагический Кубок.

Кубок взлетел и тут же очутился рядом. Гарри поймал его за ручку...

Он услышал яростный вопль Волдеморта в тот самый момент, когда почувствовал уже знакомый рывок под ложечкой. Портключ сработал, и теперь вихрем красок и ветра их с Седриком уносило отсюда... Они возвращались...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

ВЕРИТАСЕРУМ

Гарри со всего маху врезался в землю, приняв лицом траву и ощутив её запах. Когда портключ понёс его, он закрыл глаза и так и лежал, не открывая их. Он не двигался. От падения из него вышибло весь дух. Голова кружилась так, что земля под ним, казалось, раскачивалась как палуба корабля. Чтобы как-то остановить это безостановочное раскачивание, Гарри вцепился ещё крепче в Седрика и в гладкую холодную ручку Кубка. Ему казалось, что если он отпустит их, то непременно соскользнёт в черноту, медленно окружающую его сознание. Шок и физическое изнеможение вжали его в землю вдыхать запах травы и ждать... ждать, пока кто-нибудь что-нибудь сделает... что-нибудь случится... всё это время он ощущая тупую, постоянную боль в шраме...

Водоворот звуков оглушил его и сбил с толку. Голоса, шаги, крик доносились отовсюду... Гарри оставался на земле, лицо его исказила болезненная гримаса, как будто вся эта какофония была продолжением ночного кошмара, и он ждал, когда это закончится...

Вдруг его схватили чьи-то руки и резко перевернули на спину.

– Гарри! *Гарри!*

Он открыл глаза. Над ним было звёздное небо и лицо Альбуса Дамблдора. Вокруг них сжималось кольцо теней – это была окружившая их толпа, которая становилась всё больше и больше. Гарри почувствовал, как земля под ним вибрирует от множества приближающихся шагов.

Кубок принёс его на край лабиринта. Гарри видел возвышающиеся над ним трибуны, фигурки двигающихся там людей, звёзды над головой.

Гарри отпустил Кубок, но ещё крепче прижал к себе Седрика. Он поднял свободную руку и ухватил Дамблдора за запястье. Лицо директора то становилось отчётливым, то снова расплывалось.

– Он вернулся, – прошептал Гарри. – Волдеморт вернулся.

– Что случилось? Что происходит?

Сверху над Гарри возникло побелевшее от ужаса лицо Корнелиуса Фаджа.

– Бог мой! Диггори! – прошептал он. – Дамблдор... он мёртв!

Слова эти тут же пронесли над окружавшей их толпой, которая сотней голосов выплеснула эту ужасную новость в тьму ночи:

– Он мёртв! Он *мёртв!* Седрик Диггори! *Мёртв!*

– Гарри, отпусти его, – услышал он голос Фаджа. Гарри почувствовал, как кто-то пытается разжать его пальцы, но только ещё сильнее сжал их.

Над ним наклонилось расплывчатое лицо Дамблдора.

– Гарри, ему уже не поможешь. Всё кончено. Отпусти его.

– Он хотел, чтобы я принёс его обратно, – пробормотал Гарри. Ему казалось очень важным объяснить это. – Он хотел, чтобы я принёс его обратно к родителям...

– Хорошо, Гарри... а теперь отпусти его, ну же...

Дамблдор наклонился и с силой, неожиданной в таком худом и старом человеке, поднял Гарри и поставил его на ноги. Гарри покачнулся. В голове бухал тяжеленный молот. Вывихнутая нога тряслась, так что опереться на неё было невозможно. Толпа, беспокойно шевелясь, наступала, тёмные тени придвигались всё ближе.

– Что с ним? Что с ним случилось? *Диггори мёртв!*

– Ему нужно в больничное крыло! – громко заявил Фадж. – Ему плохо, он ранен... Дамблдор, родители Диггори, они здесь, на трибуне... Я отведу Гарри, Дамблдор, я отведу его в больничное...

– Нет, я предпочёл бы...

– Дамблдор, сюда бежит Эймос Диггори... вот он... вам не кажется, что лучше было бы вам сообщить ему... прежде, чем он увидит...

– Гарри, оставайся здесь...

Девочки кричали, истерически всхлипывали... Окружающее странно мерцало у Гарри перед глазами...

– Всё хорошо, сынок, вот и я... пойдём... в больничное крыло...

– Дамблдор сказал мне остаться, – заплетающимся языком произнёс Гарри. Пульсирующая боль в шраме была так сильна, что, казалось, его вот-вот вырвет; всё вокруг было смазано, как будто зрение отказалось работать...

– Тебе нужно лечь... пойдём, ну же...

Кто-то большой и сильный то ли тянул, то ли нёс Гарри сквозь испуганную толпу. Со всех сторон доносились всхлипы, крики и плач. Мужчина, поддерживая его, вывел его из толпы и теперь они двигались к замку. Через лужайку мимо озера и дурмстрангского корабля. Гарри не слышал ничего кроме тяжёлого дыхания человека, помогавшего ему идти.

– Что случилось, Гарри? – спросил человек, помогая Гарри подняться по каменным ступенькам крыльца.

Клак. Клак. Клак. Это был Безумный Глаз Муди.

– Кубок – это портключ, – ответил Гарри. Они пересекали холл. – Перенёс нас с Седриком на кладбище... а там был Волдеморт... Лорд Волдеморт...

Клак. Клак. Клак. Вверх по мраморным ступеням...

– Там был Тёмный Лорд? И что случилось?

– Убили Седрика... Они убили Седрика...

– А потом?

Клак. Клак. Клак. По коридору...

– Сварил зелье... вернул себе тело...

– Тёмный Лорд вернул себе тело? Он вернулся?

– А потом появились Пожиратели Смерти ... а потом мы сражались на дуэли...

– Ты сражался на дуэли с Тёмным Лордом?

– Удалось бежать... моя палочка... что-то случилось... я видел маму и папу... они появились из его палочки...

– Заходи, Гарри... сюда, садись... сейчас всё будет в порядке... выпей это...

Гарри услышал, как в замке повернулся ключ. Кто-то сунул ему в руку чашку.

– Выпей... тебе станет лучше... ну же, Гарри, мне надо точно знать, что произошло...

Муди прижал чашку к его губам и наклонил её. Острая, как перец, жидкость обожгла горло и Гарри закашлялся. Кабинет Муди, да и сам его хозяин вдруг стали совершенно отчётливыми... Муди был бледен, как Фадж, и оба его глаза, не мигая, смотрели Гарри в лицо.

– Волдеморт вернулся, Гарри? Ты уверен? Как он это сделал?

– Он взял кое-что из могилы отца, у Прихвоста и у меня, – ответил Гарри. В голове у него прояснилось, а боль в шраме утихла. Теперь он отчётливо видел лицо Муди, хотя в кабинете было темно. С площадки для квиддича доносились шум и крики.

– Что Тёмный Лорд взял у тебя? – спросил Муди.

– Кровь, – показал Гарри руку. Рукав мантии был разорван там, где Прихвост проткнул его кинжалом.

Муди тяжело, с присвистом выдохнул.

– А Пожиратели Смерти? Они вернулись?

– Да. Целая куча...

– И как он встретил их? – тихо спросил Муди. – Он простил их?

Внезапно Гарри вспомнил. Он должен был сразу же сказать об этом Дамблдору прямо там, на поле...

– В Хогвартсе есть Пожиратель Смерти! Здесь Пожиратель Смерти, он вложил моё имя в Кубок, проследил за тем, чтобы я добрался до финала...

Гарри попытался встать, но Муди толкнул его обратно в кресло.

– Я знаю, кто этот Пожиратель Смерти, – тихо произнёс он.

– Каркаров? – выкрикнул Гарри. – Где он? Вы поймали его? Он заперт?

– Каркаров? – переспросил Муди со странным смешком. – Каркаров сбежал сегодня ночью, когда почувствовал, как горит Тёмная Метка у него на руке. Вряд ли он жаждет встречи с Тёмным Лордом – он предал много его верных сторонников... Сомневаюсь, что ему удастся убежать далеко. Тёмный Лорд умеет разыскивать своих врагов.

– Каркаров *сбежал*? Его нет? Но тогда... разве не он вложил моё имя в Кубок?

– Нет, – медленно ответил Муди. – Нет, не он. Это сделал я.

Гарри не поверил своим ушам.

– Нет-нет, это не вы... Вы не могли сделать это...

– Уверяю тебя, это был я, – подтвердил Муди. Его магический глаз крутанулся в глазнице и посмотрел на дверь. Гарри понял – он хочет убедиться в том, что за дверью никого нет. Одновременно с этим Муди вытащил палочку и направил её на Гарри.

– Так он их простил? – сказал он. – Пожиратели Смерти, которые остались на свободе? Тех, кто изловчился и избежал Азкабана?

– Что? – спросил Гарри.

Он смотрел на палочку, которую Муди наставил на него. Это какая-то нелепая шутка, не иначе.

– Я спросил тебя, – тихо повторил Муди, – простил ли он тех негодяев, которые даже не попытались отыскать его? Этих трусов и предателей, которые даже не смогли отстрадать за

него в Азкабана? Этих грязных, бесполезных подонков, которые набрались смелости покушаться в масках во время Чемпионата мира по квиддичу, но тут же в страхе разбежались, когда я запустил в небо Тёмную Метку?

– *Вы* запустили... О чём это вы...?

– Я же говорил тебе, Гарри... Говорил же. Если и есть что-то, что я ненавижу больше всего, то это Пожиратель Смерти, оставшийся на свободе. Они повернулись к своему хозяину спиной в тот момент, когда он нуждался в них больше всего. Я ждал, что он накажет их. Надеялся, что он будет мучить их. Скажи, что он мучил их, Гарри... – Лицо Муди внезапно исказилось в безумном оскале. – Скажи, что он сообщил им, что я, я один остался верен ему, я был готов рискнуть всем, чтобы доставить ему то, чего он хотел больше всего... *тебя*.

– Вы не... это... это не могли быть вы...

– Кто вложил твоё имя в Кубок под названием другой школы? Я. Кто отпугивал каждого, кто, по моему мнению, мог повредить тебе или помешать выиграть Турнир? Я. Кто навёл Хагрида на мысль показать тебе драконов? Я. Кто помог тебе найти единственно возможный для тебя способ победить дракона? Я.

Теперь магический глаз Муди смотрел не на дверь, а прямо на Гарри. Его перекошенный рот растянулся в ухмылке.

– Было нелегко, Гарри, провести тебя через все эти задания так, чтобы не возбудить подозрений. Мне пришлось изворачиваться вовсю, чтобы никто не мог разгадать мою роль в твоих успехах. Дамблдор непременно заподозрил бы что-то, если бы ты слишком легко справился с заданиями. Но мне нужно было, чтобы ты попал в лабиринт – да ещё раньше остальных – тогда у меня был бы шанс избавиться от других участников и расчистить тебе дорогу. Но приходилось ещё и бороться с твоей тупостью. Второе задание... тогда я больше всего опасался провала. Я следил за тобой, Поттер. Я знал, что ты не разгадал тайну яйца, и поэтому мне пришлось сделать тебе ещё одну подсказку...

– Это не вы, – хрипло возразил Гарри. – Это Седрик мне подсказал...

– А кто подсказал Седрику открыть яйцо под водой? Я. Я был уверен, что он сообщит об этом тебе. Порядочными людьми легко манипулировать, Поттер. Можно было не сомневаться в том, что Седрик оплатит тебе за то, что ты рассказал ему о драконах! Но даже после этого, Поттер, даже после этого ты так и не нашёл решения задачи. Я всё время за тобой следил... столько часов в библиотеке. Ты что, не понял, что книга, которую ты искал, была всё это время у тебя в спальне? Я позаботился об этом заранее, дал её этому мальчишке Лонгботтому ещё в начале года, ты что, не помнишь? «Магические средиземноморские водные растения и их свойства». Из неё ты мог бы узнать всё, что нужно про жабросли. Я надеялся, что ты будешь просить помощи у всех и каждого. Лонгботтом тут же рассказал бы тебе об этом. Но ты не просил... нет... твоя независимость и гордость чуть не погубили всё дело...

– Что мне оставалось делать? Найти другой, столь же невинный способ сообщить тебе эту информацию. На Йольском балу ты сказал мне, что эльф по имени Добби сделал тебе подарок на Рождество. Я вызвал эльфа в комнату для преподавателей забрать одежду в чистку и нарочно завёл громкий разговор с профессором МакГонагалл о заложниках под водой и о

том, догадается ли Гарри Поттер использовать жабросли. Твой дружок-эльф тут же бросился в кабинет Снейпа, а потом разыскал тебя...

Палочка Муди была по-прежнему нацелена Гарри прямо в сердце. В висевшем на стене за спиной Муди Зерцале Напастей мелькали неясные тени.

– Ты так долго просидел в озере, Поттер, что я уж подумал, ты утонул. Но, к счастью, Дамблдор принял твой идиотизм за благородство, и дал тебе самый высокий балл. Я снова вздохнул с облегчением. Сегодня в лабиринте тебе, конечно, было легче, чем остальным, – продолжал Муди. – Это потому, что я патрулировал лабиринт, видел всё сквозь стены и убирал препятствия с твоего пути. Я Оглушил Флер Делакур и с помощью проклятия Имперниус заставил Крама напасть на Дингори, чтобы расчистить для тебя путь к Кубку.

Гарри оторопело смотрел на Муди. Он просто не понимал, как это могло случиться... друг Дамблдора, знаменитый аврор... поймал так много Пожирателей Смерти ... это бессмысленно... совершенно бессмысленно...

Туманные тени в Зерцале Напастей становились чётче. За плечом Муди Гарри видел, как три человека подходят всё ближе и ближе. Но Муди не замечал их, он смотрел на Гарри.

– Тёмному Лорду не удалось убить тебя, Поттер, а он так этого хотел, – прошептал Муди. – Представь, как он наградит меня, когда узнает, что я сделал для него. Я отправил ему тебя – то, что ему нужно было больше всего, чтобы возродиться, – а потом я убил тебя для него. Я буду превознесён перед всеми Пожирателями Смерти. Я буду самым дорогим, самым близким его соратником... стану ближе ему, чем сын...

Нормальный глаз Муди был выпучен, а магический глаз уставился на Гарри. Дверь была заперта на засов, и Гарри знал, что ему не успеть вытащить свою палочку...

– У нас с Тёмным Лордом много общего, – Муди нависал над Гарри, беспрерывно скалясь, и выглядел совершенно безумным. – Нас обоих разочаровали наши отцы... совершенно разочаровали. Мы оба, к сожалению, носим их имена, Гарри. И оба мы получили огромное удовольствие... неизъяснимое удовольствие... убив наших отцов, чтобы обеспечить наступление Тёмного Порядка!

– Вы сумасшедший, – не удержавшись, воскликнул Гарри, – вы сумасшедший!

– Я сумасшедший? – истерично переспросил Муди, и его голос взлетел до самых верхних нот. – Посмотрим! Посмотрим, кто сумасшедший, теперь, когда Тёмный Лорд вернулся, а я рядом с ним! Он вернулся, Гарри Поттер, ты не одолел его... а теперь – я одолею тебя!

Муди поднял палочку, открыл рот, Гарри быстро сунул руку в карман за палочкой...

– *Stupefy!* – услышал он заклинание.

Ослепительная алая вспышка сопровождалась треском и грохотом, дверь кабинета разлетелась на части... Муди отшвырнуло на пол. Гарри, всё ещё глядя туда, где только что было лицо Муди, заметил в Зерцале Напастей Альбуса Дамблдора, профессора МакГонаггалл и профессора Снейпа. Гарри обернулся и увидел, что все трое стоят в дверях, Дамблдор на шаг впереди остальных.

В этот миг Гарри понял наконец, почему все говорят, что Дамблдор – единственный колдун, которого Волдеморт когда-либо боялся. Дамблдор смотрел на лежащего на полу

Муди, и лицо директора было таким разъярённым, что Гарри не поверил своим глазам. На этом лице не было привычной снисходительной улыбки, голубые глаза не поблёскивали заговорщически за стёклами очков. Старое, изборождённое морщинами лицо излучало холодную ярость; невиданная мощь исходила от Дамблдора и распространялась обжигающими волнами по комнате.

Он вошёл в кабинет и ногой перевернул лежащего на полу Муди на спину. Вслед за ним прошёл Снейп и посмотрел в Зерцало Напастей, где ещё виделось его собственное разгневанное лицо.

Профессор МакГонаггал подошла прямо к Гарри.

– Пойдёмте, Поттер, – прошептала она. Губы её дрожали, так что казалось, она вот-вот заплачет. – Пойдёмте... В больничное крыло...

– Нет, – резко возразил Дамблдор.

– Дамблдор, он должен... посмотрите на него... он перенёс сегодня столько...

– Он останется, Минерва, потому что ему нужно понять, – прервал её Дамблдор. – Понимание – это первый шаг к тому, чтобы принять случившееся, и только после этого он сможет прийти в себя. Ему нужно знать, кто и зачем вовлёк его в тяжелейшие испытания сегодняшней ночи.

– Муди, – произнёс Гарри, который всё ещё не мог прийти в себя от изумления. – Как Муди мог всё это сделать?

– Это не Аластор Муди, – тихо сказал Дамблдор. – Ты никогда не знал Аластора Муди. Настоящий Муди никогда не увёл бы тебя от меня после того, что произошло сегодня. Как только он ушёл с тобой, я сразу всё понял... и отправился следом.

Дамблдор наклонился над безвольно лежащим Муди, запустил руку в карман его мантии и вытащил оттуда флажку и связку ключей. Обернувшись к профессору МакГонаггал и Снейпу, он сказал:

– Северус, принесите, пожалуйста, самую сильную сыворотку правды, которая у вас есть, а потом сходите на кухню и приведите эльфа по имени Винки. Минерва, будьте добры, пойдите к дому Хагрида, вы увидите там на грядке с тыквами большого чёрного пса. Отведите его в мой кабинет, скажите ему, что я скоро приду, и возвращайтесь сюда.

Если указания директора и показались Снейпу или МакГонаггал странными, они сумели скрыть замешательство. Оба тут же развернулись и вышли из кабинета. Дамблдор подошёл к сундуку с семью замками, вставил ключ в первый замок, повернул его и откинул крышку. Внутри лежала гора книг. Дамблдор запер сундук, вставил второй ключ во второй замок и снова открыл сундук. Книги исчезли, и их место занимала теперь целая куча сломанных хитроскопов, пергамента и перьев, а сверху лежало что-то серебристое, напоминавшее Гарри плащ-невидимку. Гарри как зачарованный смотрел, как Дамблдор открывает один за другим третий, четвёртый, пятый, шестой замки и всякий раз в сундуке оказывается что-нибудь новое. В конце концов Дамблдор отпер седьмой замок, откинул крышку, и у Гарри вырвался крик удивления.

Перед его глазами было что-то вроде небольшого подземелья глубиной футов десять. На полу крепко спал совершенно истощённый настоящий Безумный Глаз Муди. Деревянной

ноги у него не было, глазница, где должен быть магический глаз, была пустой, а неровно выстриженные клоchy седых волос торчали в разные стороны. Гарри, не в силах совладать с изумлением, перевёл взгляд с Муди, который лежал в подземелье, на Муди, который лежал на полу кабинета.

Дамблдор залез в сундук, спустился внутрь и, оказавшись на полу, склонился над спящим Муди.

– Оглушён... проклятие Импернус... совсем ослабел, – произнёс он. – Конечно, он нужен был им живым. Гарри, брось мне какую-нибудь мантию этого самозванца. Аластор совсем окоченел от холода. Мадам Помфри непременно осмотрит его, но, похоже, угрозы для жизни нет.

Гарри бросил мантию. Дамблдор укрыл Муди, подоткнул аккуратно края мантии, выбрался из сундука и принялся исследовать фляжку лже-Муди. Отвинтил крышку и осторожно наклонил её. На пол капнула густая, клейкая на вид жидкость.

– Многосущное зелье, Гарри, – заметил Дамблдор. – Видишь, как всё просто и гениально? Дело в том, что Муди всегда пьёт *только* из своей фляжки, и все прекрасно об этом знают. Самозванцу, конечно, нужно было, чтобы настоящий Муди всегда находился под рукой, чтобы пополнять запас этого зелья. Посмотри на его волосы... – Дамблдор бросил взгляд на Муди в подземелье. – Самозванец весь год отстригал понемногу, видишь, они неровные? Но я думаю, что сегодняшней бурной ночью он мог и забыть в очередной раз принять зелье – его ведь нужно принимать каждый час... Посмотрим...

Дамблдор устроился в кресле и сидел неподвижно, не сводя глаз с лже-Муди. Гарри тоже смотрел на него, не отрываясь. Минуты шли одна за другой...

В какой-то момент лицо лежащего на полу человека стало меняться прямо на глазах. Шрамы исчезли, кожа стала гладкой, покалеченный нос приобрёл обычную форму и уменьшился. Седящая грива становилась всё короче и одновременно приобретала соломенный цвет. Деревянный протез с гулким стуком отпал на пол, а на его месте выросла обычная нога. Ещё мгновение – магический глаз выскочил из глазницы, и вместо него появился нормальный глаз. Магический глаз покатился по полу, не переставая быстро поворачиваться в разные стороны.

Перед Гарри лежал бледный, слегка веснушчатый мужчина со светлыми волосами. Гарри знал, кто это. Он видел этого человека в ситодуме Дамблдора, видел, как дементоры тащили его прочь из зала, а он при этом пытался убедить мистера Крауча, что ни в чём не виноват... но сейчас вокруг глаз у него залегли морщины, и он выглядит гораздо старше...

В коридоре послышались быстрые шаги. Первым в кабинет вошёл Снейп, за ним Винки, а за ней профессор МакГонагалл.

– Крауч! – остоленел от изумления Снейп. – Барті Крауч!

– Силы небесные, – профессор МакГонагалл замерла в дверях и не сводила глаз с лежащего на полу человека.

Грязная, растрёпанная Винки выглянула из-за ног Снейпа и тут же пронзительно взвизгнула:

– Хозяин Барті, хозяин Барті, что вы здесь делать?

Она бросилась на грудь Краучу с воплями:

– Ты убить его! Ты убить его! Ты убить сына моего хозяина!

– Он просто Оглушён, Винки, – ответил Дамблдор. – Отойди, пожалуйста, в сторонку. Северус, вы принесли сыворотку?

Снейп вручил Дамблдору маленький пузырёк с совершенно прозрачной жидкостью – Веритасерум, которым он однажды на уроке пригрозил напоить Гарри. Дамблдор склонился над лежащим на полу, подтащил его к стене и прислонил к ней в сидячем положении прямо под Зерцалом Напастей, из которого всё ещё смотрели разъярённые лица Дамблдора, Снейпа и МакГонагалл. Винки, спрятав лицо в ладонях, так и осталась на коленях. Её всю трясло. Дамблдор открыл рот Крауча и влил ему три капли. Затем он указал палочкой на грудь Крауча и произнёс:

– *Rennerate.*

Сын Крауча открыл глаза. На лице его не было никакого выражения, глаза смотрели в одну точку. Дамблдор стал перед ним на колени, так чтобы их лица находились на одном уровне.

– Ты слышишь меня? – тихо спросил Дамблдор. Мужчина моргнул.

– Да, – так же тихо ответил он.

– Я хотел бы, чтобы ты рассказал нам, – спросил Дамблдор, – как ты оказался здесь. Как ты бежал из Азкабана?

Крауч судорожно вздохнул и монотонно заговорил:

– Меня спасла мать. Она знала, что умирает. Она упростила отца выполнить последнее желание: спасти меня. Он любил её так, как никогда не любил меня. Он согласился. Они пришли навестить меня. Дали мне Многосущное зелье с волосом матери. А она приняла зелье с моим волосом. Мы обменялись внешностью.

Винки, всё ещё дрожа, яростно затрясла головой:

– Ни слова, хозяин Барти, ни слова больше, вы причинить беду вашему отцу!

Но Крауч лишь судорожно вздохнул и всё так же монотонно продолжил:

– Дементоры слепы. Они ощутили, что в Азкабан вошли один здоровый человек и один умирающий. Они ощутили, что вышли один здоровый и один умирающий. Отец вывел меня, переодев в платье матери, на случай, если сквозь решётку нас видели другие заключённые. Мать умерла вскоре после этого. Она принимала Многосущное зелье до самой смерти. Она похоронена под моим именем и с моей внешностью. Все были уверены, что она – это я.

Крауч снова моргнул.

– А что сделал отец, когда доставил тебя домой? – спросил Дамблдор.

– Инсценировал смерть матери. Тихие, семейные похороны. Эта могила пуста. Наш эльф выходила меня. Потом меня скрывали. Меня нужно было контролировать. Отец использовал множество заклинаний, чтобы управлять мной. Когда я выздоровел, я думал только о том, чтобы отыскать своего хозяина... чтобы вернуться к нему на службу.

– Как твой отец управлял тобой? – задал вопрос Дамблдор.

– Проклятие Империи, – ответил Крауч. – Я находился под контролем отца. Он заставил меня ходить круглые сутки в плаще-невидимке. Рядом со мной всегда была эльф. Она была моим тюремщиком и заботилась обо мне. Она жалела меня. Она убедила отца давать мне иногда возможность развлечься. В награду за примерное поведение.

– Хозяин Барти, хозяин Барти, – всхлипывала Винки сквозь прижатые к лицу ладони. – Не надо говорить им, мы попадем в беду...

– Стало ли кому-нибудь известно, что ты жив? – тихо спросил Дамблдор. – Знал ли об этом кто-нибудь, кроме твоего отца и домашнего эльфа?

– Да, – ответил Крауч, и снова моргнул. – Знала колдунья в департаменте моего отца. Берта Джоркинс. Она пришла к нам домой с бумагами для отца. Его не было дома. Винки проводила её в дом и вернулась на кухню, ко мне. Она подслушала. Она услышала достаточно, чтобы понять, кто прячется под плащом-невидимкой. Отец пришёл домой. Она обвинила его. Он наложил на неё мощные чары Памяти, чтобы она забыла всё, что ей удалось разузнать. Слишком мощные. Он сказал, что теперь её память повреждена навсегда.

– Зачем она явилась, стала совать нос в дела моего хозяина? – продолжала горестно всхлипывать Винки. – Почему она не оставит нас в покое?

– Расскажи мне о Чемпионате мира по квиддичу, – сказал Дамблдор.

– Это Винки уговорила отца, – всё так же монотонно продолжал Крауч. – Она несколько месяцев его убеждала. Я не выходил из дому уже несколько лет. Я любил квиддич. Пусть он посмотрит, говорила она. Он будет в плаще-невидимке. Пусть он вдохнёт немного свежего воздуха. Она говорила, что этого хотела бы моя мать. Она говорила отцу, что мать умерла, чтобы освободить меня. Она спасала меня не для того, чтобы я жил в заключении. Он в конце концов согласился. Всё было тщательно спланировано. Отец с самого утра отвёл меня и Винки в верхнюю ложу. Винки должна была говорить, что держит место для моего отца. Я, невидимый, должен был сидеть на нём. Мы собирались уйти после того, как все покинут ложу. Все будут думать, что Винки идёт одна. Никто ничего не узнает. Но Винки не знала, что я набираю силу. Я начал сопротивляться проклятию Империи, наложенному моим отцом. Были времена, когда я становился почти таким же, как раньше. Были короткие периоды, когда ему, похоже, не удавалось меня полностью контролировать. Это случилось там, в верхней ложе. Как будто я очнулся от глубокого сна. Я оказался в толпе, в самой середине матча, и увидел волшебную палочку, которая торчала из кармана мальчишки прямо передо мной. Мне не разрешалось иметь волшебную палочку с момента заключения в Азкабан. Я украл её. Винки не знала. Винки боится высоты. Она закрыла лицо руками.

– Хозяин Барти, плохой мальчик! – прошептала Винки, заливаясь слезами.

– Значит, ты взял палочку, – продолжил Дамблдор. – И что ты с ней сделал?

– Мы пошли обратно в палатку, – ответил Крауч. – Потом мы слышали их. Мы слышали Пожирателей Смерти. Тех, кто никогда не был в Азкабане. Тех, кто ни минуты не страдал ради моего хозяина. Они повернулись к нему спиной. Они не были поработаны, как я. Они могли искать его, но они этого не сделали. Они просто развлекались с магглами. Их голоса разбудили меня. Моё сознание стало ясным, как никогда. Я был разъярён. У меня была палочка. Я хотел напасть на них за то, что они предали моего хозяина. Отец вышел из

палатки, он поспешил на помощь магглам. Винки испугалась, увидев, как я разгневан. Она использовала свою собственную, эльфовскую магию, чтобы привязать меня к себе. Она вытащила меня из палатки и уволокла в лес, подальше от Пожирателей Смерти. Я старался задержать её. Я хотел вернуться к лагерю. Я хотел показать этим Пожирателям Смерти, что такое истинная преданность Тёмному Лорду, и наказать их за её отсутствие. Я использовал украденную палочку, чтобы запустить в небо Тёмную Метку. Появились колдуны из Министерства. Они разбросали Оглушающие заклятия повсюду. Одно из заклятий прошло между деревьями, за которыми прятались мы с Винки. Связь между нами была разорвана. Мы оба были Оглушены. Когда Винки нашли, отец знал, что я должен быть неподалёку. Он обыскал кусты рядом с тем местом, где нашли её, и обнаружил меня. Он дождался, пока остальные колдуны из Министерства разойдутся. Он снова наложил на меня проклятие Импернус и отконвоировал домой. Он уволил Винки. Она подвела его. Она дала мне возможность завладеть палочкой. Она почти дала мне возможность убежать.

Винки издала вопль отчаяния.

— Мы остались в доме вдвоём с отцом. И тогда... и тогда... — голова Крауча качнулась, и по его лицу расплзлась безумная улыбка. — За мной пришёл мой хозяин... Он прибыл к нам поздней ночью на руках у своего слуги Прихвоста. Мой хозяин выяснил, что я ещё жив. Он схватил Берту Джоркинс. Он пытал её. Она многое ему рассказала. Она рассказала ему о Тримагическом Турнире. Она сказала ему, что старый аврор Муди будет преподавателем в Хогвартсе. Он пытал её, пока не разрушил чары Памяти, наложенные моим отцом. Она рассказала ему, что я бежал из Азкабана. Она рассказала ему, что отец держит меня взаперти, чтобы помешать мне вернуться к хозяину. Так мой хозяин узнал, что я остаюсь его верным слугой — может быть, самым верным из всех. Хозяин задумал план на основе информации, полученной от Берты. Ему был нужен я. Он прибыл к нам около полуночи. Отец открыл дверь.

Улыбка на лице Крауча стала ещё шире, будто бы он вспомнил самый приятный момент своей жизни. Винки испуганно таращила на него сквозь пальцы. Она казалась слишком потрясённой, чтобы говорить.

— Всё случилось быстро. Хозяин наложил проклятие Импернус на моего отца. Теперь под контролем оказался отец. Хозяин заставил его заниматься своими делами как обычно, как будто ничего не случилось. А я был освобождён. Я очнулся. Я снова стал самим собой, снова ожил впервые за долгие годы.

— И что Лорд Волдеморт велел тебе сделать? — спросил Дамблдор.

— Он спросил меня, готов ли я рискнуть всем ради него. Я был готов. Я мечтал, я больше всего на свете хотел послужить ему, доказать, чего я достоин. Он сказал, что ему нужен верный слуга в Хогвартсе. Слуга, который незаметно проведёт Гарри Поттера через Тримагический Турнир. Слуга, который будет следить за Гарри Поттером. Обеспечит, чтобы именно он достиг Тримагического Кубка. Превратит Кубок в портключ, который отнесёт первого, кто его коснётся, к моему хозяину. Но сначала...

— Вам нужен был Аластор Муди, — прервал его Дамблдор. Голос его был спокоен, хотя глаза метали молнии.

– Мы с Прихвостом сделали это. Мы заранее приготовили Многосущное зелье. Мы пробрались к нему в дом. Муди сопротивлялся. Был шум. Нам удалось вовремя одолеть его. Сунуть его в одно из отделений его собственного магического сундука. Выдернуть несколько волосков и бросить их в зелье. Я выпил его, я стал двойником Муди. Я взял его ногу и глаз. Я был готов встретить Артура Уизли, который прибыл утихомиривать магглов, услышавших шум. Я заставил мусорные бачки двигаться по двору. Я сказал Артуру Уизли, что слышал, как кто-то влез ко мне во двор и заколдовал мусорные бачки. Затем я упаковал одежду Муди и его распознаватели в его же сундук и отправился в Хогвартс. Я держал его живым, постоянно под проклятием Империи. Мне нужно было расспрашивать его. О его прошлом, о его вкусах и привычках, так чтобы я мог обмануть даже Дамблдора. И ещё мне были нужны его волосы, чтобы делать Многосущное зелье. Добыть остальные ингредиенты было легко. Шкуру бумсланга я взял у Снейпа. Когда профессор зелий застал меня в кабинете, я сказал, что мне приказано обыскать его комнаты.

– А что стало с Прихвостом после нападения на Муди? – спросил Дамблдор.

– Прихвост вернулся в дом моего отца, чтобы заботиться о хозяине и следить за моим отцом.

– Но твой отец ускользнул, – продолжил Дамблдор.

– Да. Через некоторое время он стал сопротивляться проклятию Империи, точно так же, как и я. Были моменты, когда он прекрасно понимал, что происходит. Хозяин решил, что отец больше не должен выходить из дома. Вместо этого он заставил его писать письма в Министерство. Он заставил его написать, что он болен. Но Прихвост не выполнил свой долг. Он утратил бдительность. Отец бежал. Хозяин догадался, что он направляется в Хогвартс. Отец собирался рассказать обо всём Дамблдору. Признаться. Он собирался признаться, что вызволил меня из Азкабана. Хозяин сообщил мне о побеге отца. Он приказал мне остановить его любой ценой. Я ждал и наблюдал. Я использовал карту, которую забрал у Гарри Поттера. Карту, которая едва не разрушила весь план.

– Карта? – быстро спросил Дамблдор. – Что ещё за карта?

– Карта Хогвартса. Она была у Поттера. Поттер видел меня на ней. Поттер видел, как я ворую составляющие для Многосущного зелья из кабинета Снейпа. Он думал, что это мой отец, потому что нас одинаково зовут. Я тогда забрал карту у Поттера. Сказал ему, что мой отец ненавидит Тёмных колдунов. Поттер поверил, что мой отец охотился за Снейпом... Неделю я ждал, когда же отец явится в Хогвартс. Наконец однажды вечером карта показала, что отец добрался до школы. Я надел плащ-невидимку и спустился к нему. Он шёл по краю Запретного Леса. Потом появились Поттер и Крам. Я ждал. Я не мог напасть на Поттера. Моему хозяину он был нужен живым и невредимым. Поттер побежал за Дамблдором. Я оглушил Крама. Я убил своего отца.

– *He-e-e-e-e-ет!* – горестно завопила Винки. – Хозяин Барти, хозяин Барти, что вы говорить?!

– Ты убил своего отца, – мягко повторил Дамблдор. – И что ты сделал с телом?

– Отнёс его в Лес. Прикрыл плащом-невидимкой. Со мной была карта. Я увидел, как Поттер побежал в замок. Он встретил Снейпа. К ним присоединился Дамблдор. Я видел, как

Поттер выходит из замка вместе с Дамблдором. Я вышел из Леса, обошёл их сзади и догнал их. Я сказал Дамблдору, что Снейп сообщил мне, куда идти. Дамблдор велел мне искать моего отца. Я вернулся к телу отца. Посмотрел на карту. Когда все ушли, я трансфигурировал его тело. Превратил его в кость... Я надел на себя плащ-невидимку и зарыл кость на свежевскопанной грядке перед хижинкой Хагрида.

В комнате повисла гробовая тишина, которую нарушали лишь судорожные всхлипы Винки. Потом Дамблдор произнёс:

— А сегодня вечером...

— Я вызвался отнести Кубок в лабиринт, — прошептал Бартимео Крауч, — и там превратил его в портключ. План моего хозяина сработал. Он вернул себе силу, и я буду вознаграждён так, как никто из колдунов не смеет и мечтать.

Лицо его снова озарилось безумной улыбкой, и голова безвольно свалилась на плечо. Рядом с ним, не переставая всхлипывать и причитать, сидела на полу Винки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ПУТИ РАСХОДЯТСЯ

Дамблдор поднялся и бросил на Барті Крауча взгляд, полный презрения. Взмахнул палочкой, и оттуда выстрелили верёвки и обвилились вокруг Барті.

Директор повернулся к профессору МакГонагалл.

– Минерва, не могли бы вы постеречь его, пока я отведу Гарри наверх?

– Конечно, – ответила профессор МакГонагалл. Она глядела на Крауча с некоторым отвращением, как будто его только что вырвало. Она решительным жестом достала палочку и твёрдой рукой направила её на пленника.

– Северус, – обратился Дамблдор к Снейпу, – пожалуйста, попросите мадам Помфри спуститься сюда. Нужно отправить Аластора Муди в больничное крыло. Затем найдите Корнелиуса Фаджа и пригласите его сюда. Он, конечно же, захочет сам допросить Крауча. Если я ему понадобится, скажите ему, что через полчаса я буду в больничном крыле.

Снейп молча кивнул и вышел.

– Гарри? – мягко обратился Дамблдор.

Гарри встал и снова покачнулся: пока он слушал рассказ Крауча, он почти не замечал боли в ноге, а теперь она вспыхнула с новой силой. Он почувствовал, что его всего трясёт. Дамблдор взял его за руку и помог выйти в тёмный коридор.

– Поднимемся сначала в мой кабинет, Гарри, – тихо сказал директор. – Там нас ждёт Сириус.

Гарри кивнул. Он как будто весь онемел, происходящее казалось нереальным, но ему было всё равно, в глубине души он даже радовался этому. Сейчас он не хотел думать о том, что случилось после того, как он ухватился за ручку Кубка. Он не хотел, чтобы его заставили вспоминать то, что и без того слишком ярко и отчётливо вставало каждую секунду перед глазами. Безумный Глаз Муди в сундуке. Скорчившийся на земле Прихвост баюкает окровавленный обрубок руки. Волдеморт возникает из кипящего котла. Седрик... мёртвый... Седрик просит вернуть его родителям...

– Профессор, – тихо спросил Гарри, – а где мистер и миссис Диггори?

– Они с профессором Спраут, – ответил Дамблдор, и голос его, остававшийся таким спокойным во время допроса Крауча, дрогнул. – Она глава Дома Седрика, и она знала его лучше нас всех.

Они подошли к каменной горгулье, Дамблдор назвал пароль, вход открылся, и они с Гарри направились вверх по винтовой лестнице, Дамблдор толкнул дубовую дверь.

Посреди кабинета стоял Сириус. Его бледное лицо было таким же измождённым, как после побега из Азкабана. Он мгновенно пересёк комнату.

– Гарри, как ты? Я знал... я знал, что-нибудь в этом роде непременно... что случилось?

Он трясущимися руками усадил Гарри в кресло перед столом Дамблдора.

– Что произошло? – настойчиво повторил он.

Дамблдор рассказал Сириусу всё, что они только что услышали от Барті Крауча. Гарри слушал вполуха. Ему казалось, что от усталости у него болит каждая косточка, и он хотел одного – молча сидеть в этом кресле час за часом, чтобы в конце концов уснуть и больше ни о чём не думать.

Запуршали крылья. Феникс Фокс перелетел со своей жёрдочки прямо на колени Гарри.

– ...вет, Фокс, – тихо прошептал Гарри и погладил пышные ало-золотые перья феникса. Фокс моргнул и спокойно на него посмотрел. Тёплая тяжесть феникса на коленях действовала на Гарри умиротворяюще.

Дамблдор замолчал. Он сидел за своим столом напротив Гарри и смотрел ему прямо в лицо. Гарри старательно отводил глаза. Дамблдор собирается расспросить его. Он хочет заставить его снова пережить всё, что случилось.

– Гарри, я должен знать, что произошло после того, как ты прикоснулся к портключу в лабиринте, – сказал Дамблдор.

– Разве нельзя оставить это до утра, Дамблдор? – хрипло спросил Сириус, положив руку на плечо Гарри. – Пусть он поспит. Пусть отдохнёт.

Гарри ощутил прилив благодарности Сириусу, но Дамблдор, похоже, ничего не слышал. Он наклонился вперёд, и Гарри очень неохотно поднял на него взгляд и посмотрел в голубые глаза Дамблдора.

– Если бы я думал, – мягко произнёс Дамблдор, – что смогу помочь тебе, погрузив в зачарованный сон и позволив отложить воспоминания о происшедшем на потом, я бы сделал это, не колеблясь. Но я знаю, что это не поможет. Если боль ненадолго заглушить, она станет ещё невыносимей, когда ты почувствуешь её вновь. Ты показал чудеса отваги, и теперь я прошу тебя показать свою храбрость ещё раз. Я прошу тебя рассказать нам о том, что произошло.

Феникс издал тихий, трепещущий звук, и Гарри почувствовал, будто капля горячей жидкости скользнула по горлу прямо в желудок, согрела его и придала ему сил.

Он сделал глубокий вдох и начал свой рассказ. Он говорил, и картины пережитого вставали перед его глазами: он видел искрящуюся поверхность зелья, оживившего Волдеморта, видел, как появляются среди могил Пожиратели Смерти, видел тело Седрика на земле рядом с Кубком.

Раз или два Сириус как будто собирался сказать что-то, но Дамблдор жестом останавливал его. Гарри обрадовался этому, потому что продолжать рассказывать было не так тяжело, как начинать. Он чувствовал некоторое облегчение, как будто из него вынимали что-то ядовитое. И хоть ему стоило больших усилий заставлять себя говорить дальше, но он чувствовал, что, когда закончит, ему станет гораздо легче.

Когда Гарри упомянул о том, что Прихвост проткнул ему руку кинжалом, Сириус всё же издал негодующее восклицание, а Дамблдор встал так быстро, что Гарри вздрогнул. Дамблдор обошёл вокруг стола и велел Гарри протянуть руку. Гарри показал им разорванный рукав мантии и место пореза на руке.

– Он уже после возрождения мне сказал, что моя кровь сделает его гораздо сильнее, чем чья-либо, – сообщил Гарри Дамблдору. – Он сказал, что защита, которую моя... моя мама

оставила на мне... она теперь будет и у него. И он был прав... он смог дотронуться до меня, до моего лица, и ему было не больно.

Гарри был уверен, что глаза Дамблдора в этот момент торжествующе блеснули. Но через секунду он понял, что ему, скорее всего, показалось. Когда Дамблдор вернулся на своё место, он выглядел таким же старым и усталым, как обычно.

— Очень хорошо, — заметил он, усаживаясь. — Волдеморт преодолел этот барьер. Продолжай, пожалуйста, Гарри.

И Гарри продолжил прерванное повествование. Он рассказал, как Волдеморт появился из котла и повторил всё, что запомнил из речи Тёмного Лорда перед Пожирателями Смерти. Потом он начал описывать дуэль между ним и Волдемортом. Но когда настал момент рассказать о золотом луче, соединившем волшебные палочки, Гарри почувствовал, что у него перехватило горло. Он не мог выдать ни слова. Он пытался заставить себя говорить, но сознание его затопили воспоминания о том, что возникло из палочки Волдеморта. Он снова видел Седрика, незнакомого старика, Берту Джоркинс... свою мать... отца...

Он обрадовался, когда Сириус нарушил молчание.

— Палочки соединились? — переспросил он, переводя взгляд с Гарри на Дамблдора. — Почему?

Гарри поднял глаза на Дамблдора. Директор сидел в глубокой задумчивости.

— Прайори инкантатем, — пробормотал он едва слышно.

Дамблдор посмотрел на Гарри, и между ними будто пролёг невидимый мостик взаимопонимания.

— Эффект обратного вызова заклинаний? — резко спросил Сириус.

— Именно, — подтвердил Дамблдор. — У палочек Гарри и Волдеморта одно и то же магическое ядро. У каждой внутри перо из хвоста одного и того же феникса. Вот *этого*, — добавил Дамблдор и указал на ало-золотую птицу на коленях Гарри.

— У меня в палочке перо Фокса? — удивился Гарри.

— Да, — подтвердил Дамблдор. — Мистер Олливандер сообщил мне, что ты купил вторую палочку, как только ты вышел из магазина четыре года назад.

— И что же случается, когда такая палочка встречает свою сестру? — спросил Сириус.

— Они не могут по-настоящему сражаться друг с другом, — ответил Дамблдор. — Но если хозяева всё же вынуждают их, то... происходит редчайшее явление. Одна из палочек заставляет другую выдать в обратном порядке проделанные заклинания. Сначала самое последнее... а потом те, которые ему предшествовали...

Он вопросительно посмотрел на Гарри, и Гарри кивнул.

— Это означает, — продолжил медленно Дамблдор, не сводя глаз с Гарри, — что сначала появился Седрик.

Гарри снова кивнул.

— Диггори ожил? — резко спросил Сириус.

— Никакое заклятие не может оживить умершего, — тяжело заметил Дамблдор. — Это просто что-то вроде эха случившихся событий. Из палочки должна была появиться некая тень Седрика... я прав, Гарри?

– Он говорил со мной. – Гарри снова была дрожь. – При... призрак Седрика, или что это было, говорил.

– Эхо, – подтвердил Дамблдор, – которое сохранило внешность и характер Седрика. Я думаю, появились и другие тени... прежние жертвы палочки Волдеморта...

– Старик, – Гарри всё ещё с трудом выдавливал из себя слова. – Берта Джоркинс. И...

– Твои родители? – тихо спросил Дамблдор.

– Да.

Сириус сжал его плечо с такой силой, что Гарри стало больно.

– Последние убийства, совершённые палочкой, – кивнул Дамблдор. – В обратном порядке. Конечно, многие ещё появились бы, сумей ты удержать связь. Очень хорошо, Гарри, это эхо, эти тени... что они делали?

Гарри описал, как призраки кружили по краю золотой паутины, как Волдеморт явно их боялся, как тень отца объяснила ему, что делать, как Седрик высказал свою последнюю просьбу.

В этот момент Гарри понял, что продолжать не может. Он почувствовал, что рука Сириуса уже не лежит на его плече, и обернулся. Сириус Блэк стоял, спрятав лицо в ладонях.

Внезапно Гарри понял, что Фокс не сидит у него на коленях. Феникс спорхнул на пол, прикоснулся головой к покалеченной ноге Гарри и роняет свои перламутровые слёзы на рану, нанесённую пауком. Боль исчезла. Кожа заросла. Нога была здорова.

– Я хочу повторить, – сказал Дамблдор, когда феникс взлетел к себе на жёрдочку. – Ты проявил сегодня чудеса отваги, Гарри. Я не ожидал от тебя подобного. Ты проявил храбрость, подобно тем, кто погиб, сражаясь с Волдемортом, когда тот был в расцвете своих сил. Тебе досталась ноша взрослого колдуна, и ты оказался достойным нести её. А сейчас ты отдал всё, чего мы вправе были ожидать от тебя. Ты пойдёшь со мной в больничное крыло. Я не хочу, чтобы сегодня ты возвращался в свою спальню. Сонное зелье и покой... Сириус, хочешь побыть с ним?

Сириус кивнул и превратился в чёрного пса. Все вместе они вышли из кабинета Дамблдора и направились в больничное крыло.

Когда Дамблдор распахнул дверь, Гарри увидел, как миссис Уизли, Билл, Рон и Гермиона окружили смущённую мадам Помфри и требовали от неё ответа: где Гарри и что с ним?

Все тут же обернулись на звук открываемой двери, и миссис Уизли тут же сдавленно воскликнула:

– Гарри, Гарри!

Она бросилась к нему, но Дамблдор встал между ней и Гарри Поттером.

– Молли, – твёрдо сказал он, подняв руку, – пожалуйста, выслушай меня. Гарри подвергся сегодня ужасному испытанию. Только что, в разговоре со мной, он ещё раз пережил всё случившееся. Сейчас ему нужны сон, тишина и покой. Если он захочет, чтобы вы остались с ним, – добавил он, глядя на Рона, Гермиону и Билла, – вы можете остаться. Но я хочу, чтобы ему не задавали вопросов до тех пор, пока он не будет готов ответить на них. И уж конечно никаких вопросов сегодня вечером.

Миссис Уизли кивнула. Лицо её было белее мела.

Она резко повернулась к Рону, Гермионе и Биллу и прошипела сердито, как будто они шумели:

– Слышали? Ему нужен покой!

– Господин директор, – произнесла мадам Помфри, не сводя глаз с огромного чёрного пса, – можно спросить...

– Этот пёс побудет некоторое время рядом с Гарри, – ответил Дамблдор, не давая никаких объяснений. – Уверю вас, он отлично выдрессирован. Гарри, я подожду, пока ты уляжешься в постель.

Гарри был невыразимо благодарен Дамблдору за то, что он оградил его от вопросов. Он был не против того, что все собрались здесь, ему просто была невыносима сама мысль о том, чтобы снова объяснять, снова переживать всё это.

– Я вернусь сразу же, как только поговорю с Фаджем, Гарри, – сказал Дамблдор. – Я хотел бы, чтобы ты оставался здесь и завтра, пока я не выступлю перед школой.

С этими словами Дамблдор ушёл.

Мадам Помфри повела Гарри к кровати, и он заметил в дальнем конце палаты Муди. Тот лежал, не двигаясь, а рядом на тумбочке его ожидали деревянная нога и магический глаз.

– Он в порядке? – спросил он.

– Всё будет хорошо, – ответила мадам Помфри, протягивая Гарри пижаму и расставляя вокруг него ширму.

Он снял мантию, надел пижаму и забрался в постель. Из-за ширмы появились Рон, Гермиона, Билл и миссис Уизли с чёрным псом и устроились на стульях по обе стороны кровати. Рон с Гермионой смотрели на Гарри почти с опаской, как будто боялись его.

– Со мной всё в порядке, – сказал он. – Я просто устал.

Миссис Уизли зачем-то поправила одеяло, и глаза её наполнились слезами.

Из кабинета возвратилась мадам Помфри с бутылочкой пурпурного зелья и кубком в руках.

– Ты должен выпить всё, Гарри, – заявила она. – Это зелье, чтобы спать без снов.

Гарри взял кубок, сделал несколько глотков и сразу же почувствовал, что глаза у него слипаются. Окружающее как будто заволочло дымкой, лампы дружески подмигивали ему сквозь ширму, а тело, казалось, тонет в мягком тепле матраса. Не успел он опустошить кубок, как тут же уснул.

* * *

Когда Гарри проснулся, ему было так тепло и уютно, что глаза открывать не хотелось, а хотелось наоборот, тут же уснуть снова. Свет в комнате был приглушён, и он был уверен, что сейчас ещё ночь, и значит он не мог проспать долго.

Рядом послышался шёпот.

– Они разбудят его, если не прекратят немедленно!

– И чего они там кричат? Что ещё могло случиться?

Гарри открыл глаза. Кто-то снял с него очки, поэтому всё вокруг расплывалось. Он увидел лишь нечёткие очертания миссис Уизли и Билла рядом с собой.

– Это голос Фаджа, – прошептала миссис Уизли, поднимаясь со стула. – А это Минервы МакГонагалл, верно? О чём это они там спорят?

Теперь голоса донеслись и до Гарри. Люди кричали, приближаясь к больничной палате.

– Мне очень жаль, Минерва, но тем не менее... – громко произнёс Корнелиус Фадж прямо под дверью.

– Вам не следовало приводить его в замок! – кричала профессор МакГонагалл. – Когда Дамблдор узнает об этом...

Гарри услышал, как со стуком распахнулась дверь палаты. Все окружавшие его повернулись к дверям и не заметили, как Гарри сел и надел очки.

Фадж решительно влетел в палату. Следом за ним вбежали профессора МакГонагалл и Снейп.

– Где Дамблдор? – спросил Фадж у миссис Уизли.

– Его здесь нет, – сердито ответила она. – Это больничная палата, министр, и вам не кажется, что вам было бы лучше...

В этот момент дверь снова распахнулась, и на пороге возник Дамблдор.

– Что случилось? – резко спросил он, переведя взгляд с Фаджа на профессора МакГонагалл. – Почему вы беспокоите больных? Минерва, я удивлён... я просил вас постеречь Барти Крауча...

– В этом больше нет необходимости, Дамблдор! – взвизгнула она. – Министр позаботился об этом!

Гарри никогда не видел, чтобы профессор МакГонагалл теряла контроль над собой. Её щёки пылают от гнева, ладони сжаты в кулаки; её всю трясёт от ярости.

– Когда мы сообщили мистеру Фаджу, что нами пойман Пожиратель Смерти, ответственный за всё, происшедшее сегодня ночью, – тихо произнёс Снейп, – он, похоже, решил, что под угрозой находится его собственная безопасность. Он настоял на том, чтобы вызвать дементора для охраны. С этим дементором он явился в кабинет, где Барти Крауч...

– Я предупреждала его, что вы не согласитесь, Дамблдор! – вмешалась профессор МакГонагалл. – Я сказала ему, что вы никогда не позволите дементорам переступить порог замка, но...

– Моя дорогая! – взревел Фадж. (Таким разъярённым Гарри никогда его не видел.) – Поскольку я являюсь министром магии, то именно я решаю, брать ли с собой охрану, если мне предстоит допрашивать потенциально опасного...

Но профессор МакГонагалл перебила его:

– И как только этот... это существо вошло в кабинет, – крикнула она, – оно набросилось на Крауча и... и...

У Гарри в животе похолодело. Профессор МакГонагалл подыскивала подходящее слово, но он уже и так всё понял. Он знал, что сделал дементор: применил к Барти Краучу роковой поцелуй. Он высосал из него душу, и теперь Крауч хуже, чем мёртв.

– Судя по всему, он это заслужил! – вспыхнул Фадж. – Похоже, на его совести несколько убийств!

– Но теперь он не сможет свидетельствовать, Корнелиус, – заметил Дамблдор. Он не сводил с Фаджа взгляда, как будто впервые разглядел его по-настоящему. – Теперь он не сможет рассказать, почему он убил этих людей.

– Почему он их убил? Ну так ведь это и без того понятно! – горячо возразил Фадж. – Он полным психом был! Судя по тому, что рассказали мне Минерва с Северусом, он думал, что выполняет указания Сами-Знаете-Кого!

– Он *действительно* выполнял указания Лорда Волдеморта, Корнелиус, – ответил Дамблдор. – Смерть этих людей была лишь побочным следствием плана, который должен был помочь Волдеморту вернуть себе былое могущество. План удался. Волдемонт вернул себе тело.

Фадж явно не поверил своим ушам. Растерянно моргая, он уставился на Дамблдора. Министр магии выглядел так, будто его только что ударили по голове мешком с песком.

– Сами-Знаете-Кто... вернулся? – с трудом выдавил он. – Нелепость. Дамблдор, ну же...

– Без сомнения, Минерва и Северус уже сообщили вам, – продолжил Дамблдор, – что мы слышали признание Барти Крауча. Под воздействием Веритасерума он рассказал нам, как ему помогли бежать из Азкабана и как Волдемонт, узнав от Берты Джоркинс о его освобождении, явился, чтобы избавить его от отца и использовать для захвата Гарри. План сработал, говорю я вам. Крауч помог Волдеморту возродиться.

– Послушайте, Дамблдор, – начал Фадж, и Гарри с изумлением увидел, как министр заулыбался, – вы... вы же не могли всерьёз этому поверить. Сами-Знаете-Кто возродился? Бросьте, бросьте... конечно, Крауч мог *верить* в то, что выполняет указания Сами-Знаете-Кого, но верить словам сумасшедшего, Дамблдор...

– Когда Гарри прикоснулся к Тримагическому Кубку, тот перенёс его прямо к Волдеморту, – настойчиво продолжал Дамблдор. – Он был свидетелем возрождения Волдеморта. Я всё вам объясню, если вы пройдёте ко мне в кабинет.

Дамблдор бросил взгляд в сторону Гарри, увидел, что тот проснулся, но, покачав головой, сказал:

– Боюсь, я не смогу разрешить вам расспросить сегодня Гарри.

Фадж продолжал загадочно улыбаться. Он тоже посмотрел на Гарри, затем обернулся к Дамблдору и спросил:

– Вы... э-э... готовы поверить Гарри на слово, Дамблдор?

На мгновение повисла тишина, которую нарушило рычание Сириуса. Он оскалился в сторону Фаджа.

– Конечно, я верю Гарри, – ответил Дамблдор. Его глаза гневно сверкали. – Я слышал признание Крауча, и я слышал рассказ Гарри о том, что произошло после того, как он коснулся Кубка. Обе истории объясняют всё случившееся после исчезновения Берты Джоркинс прошлым летом.

Странная улыбка не сходила с лица Фаджа. Он снова бросил взгляд на Гарри, прежде чем ответить:

– Вы готовы поверить, что Лорд Волдеморт возродился, только на основании заявления сумасшедшего и слов мальчика, который... который...

Фадж снова посмотрел на Гарри, и Гарри внезапно всё понял.

– Вы читали статьи Риты Скитер, мистер Фадж, – тихо произнёс он.

Рон, Гермиона, миссис Уизли и Билл подпрыгнули от неожиданности. Они не подозревали, что Гарри проснулся.

Фадж слегка покраснел, но тут же упрямо посмотрел на Дамблдора.

– Ну и что? – вызывающе произнёс он. – Что, если я выяснил, что вы скрывали некоторые факты, касающиеся этого мальчика? Он Рассегуб, да? И всё время странные заявления и припадки...

– Я полагаю, вы говорите о болях в шраме, которые Гарри испытывает в последнее время? – холодно спросил Дамблдор.

– Значит, вы признаёте, что у него бывают боли? – быстро переспросил Фадж. – Головные боли? Кошмары по ночам? Возможно, даже галлюцинации?

– Послушайте, Корнелиус, – сказал Дамблдор, шагнув навстречу собеседнику. От директора снова исходило ощущение силы, как тогда, когда он Оглушил молодого Крауча. – Гарри также здоров, как и мы с вами. Шрам не повредил его мозг. Я считаю, что шрам болит, когда Лорд Волдеморт находится поблизости от Гарри, либо планирует совершить убийство.

Фадж отступил на полшага от Дамблдора, но выглядел всё таким же упрямым.

– Простите, Дамблдор, но я и раньше слышал о том, что шрам от заклятия может действовать в качестве будильника...

– Послушайте, я сам видел, как Волдеморт возродился! – крикнул Гарри. Он попытался выбраться из постели, но миссис Уизли не дала ему это сделать. – Я видел Пожирателей Смерти! Я могу назвать их имена! Люциус Малфой...

Снейп дёрнулся было, но когда Гарри перевёл на него взгляд, Снейп снова смотрел на Фаджа.

– Малфой был оправдан! – негодуя воскликнул Фадж. – Старинный род... пожертвования на благородные цели...

– Макнейр! – продолжил Гарри.

– Тоже оправдан! Сейчас работает в Министерстве!

– Эйвери... Нотт... Крэбб... Гойл...

– Ты просто повторяешь имена тех якобы Пожирателей Смерти, кто был оправдан тринадцать лет назад! – сердито заявил Фадж. – Ты мог прочесть их имена в старых судебных отчётах! Помилуйте, Дамблдор... мальчишка и раньше рассказывал такие же безумные истории... его истории становятся всё длиннее и неправдоподобнее, а вы продолжаете глотать их... мальчишка может разговаривать со змеями, Дамблдор, и вы всё ещё верите ему?

– Вы дурак! – гневно воскликнула профессор МакГонагалл. – Седрик Диггори! Мистер Крауч! Эти смерти – не дело рук какого-то безумца!

– Нет никаких свидетельств обратного! – так же гневно крикнул Фадж. Лицо его побагровело. – Похоже, вы готовы сеять панику, которая разрушит всё, что нам удалось наладить за последние тринадцать лет!

Гарри не верил своим ушам. Он всегда считал Фаджа немного суетливым, слегка напыщенным, но, в общем-то, добродушным человеком. Сейчас перед ним стоял низенький сердитый колдун, категорически отказывающийся даже думать о том, что могло бы разрушить весь его уютный, упорядоченный мирок – о том, что Волдеморт возродился.

– Волдеморт вернулся, – повторил Дамблдор. – Если вы сейчас осознаете это, Фадж, и примете соответствующие меры, возможно, нам удастся спасти положение. Прежде всего необходимо удалить всех дементоров из Азкабана...

– Нелепость! – снова закричал Фадж. – Удалить дементоров! Да меня вышибут из кабинета, заикнись я об этом! Половина колдунов спит спокойно только потому, что знает – дементоры охраняют Азкабан!

– А вторая половина, Корнелиус, спит гораздо беспокойнее, зная, что самых опасных сторонников Лорда Волдеморта охраняют существа, которые по первому его зову станут на его сторону! – возразил Дамблдор. – Они не останутся верны вам, Фадж! Волдеморт может предложить им гораздо больше, чем вы! А если к Волдеморту переметнутся дементоры, и вернуться к нему все его сторонники, вам будет очень трудно помешать ему снова добиться той власти, которая была у него тринадцать лет назад!

Фадж молча открывал и закрывал рот, как будто не мог найти слов, чтобы выразить своё негодование.

– Следующее, что необходимо предпринять – это направить послов к великанам.

– Послов к великанам? – взвизгнул Фадж, снова овладев даром речи. – Что это ещё за безумие?

– Протяните им руку дружбы сейчас, прежде чем станет слишком поздно, – продолжал Дамблдор, – не то Волдеморт убедит их, как он это сделал раньше, что он единственный из всех колдунов сможет вернуть им их права и свободы!

– Вы... вы не можете говорить это всерьёз, – ахнул Фадж, качая головой. Он отступил от Дамблдора ещё на шаг. – Если магическое сообщество узнает, что я договариваюсь с великанами... люди ненавидят их, Дамблдор... конец моей карьере...

– Вы ослеплены, – повысил голос Дамблдор, волны мощи, исходящей от него, стали почти осязаемы, глаза его сверкали, – любовью к своему посту, Корнелиус! Вы придаёте – и всегда придавали – слишком большое значение так называемой чистоте крови! Вы не понимаете, что важно не то, кем ты родился, а то, кем ты стал! Ваш дементор сейчас уничтожил последнего отпрыска одной из самых чистокровных колдовских семей. Посмотрите, какую жизнь выбрал себе этот человек! Я говорю вам: сделайте то, что я сейчас предложил – и независимо от того, будете вы занимать эту должность дальше или нет, вас запомнят как величайшего и самого смелого министра магии в нашей истории. Не сделаете – и останетесь в истории как человек, который отошёл в сторону и тем самым позволил Волдеморту попытаться во второй раз уничтожить мир, который мы старались восстановить!

– Безумец, – прошептал, пятясь, Фадж. – Чокнутый...

Повисла тишина. Мадам Помфри, прикрыв рот руками, стояла в ногах у Гарри. Миссис Уизли по-прежнему держала руку на плече у Гарри, чтобы не дать ему встать. Билл, Рон и Гермиона молча смотрели на Фаджа.

– Если вы решительно намерены закрыть на всё глаза, Фадж, – продолжал Дамблдор, – то сейчас наши пути разойдутся. Действуйте так, как сочтёте нужным. А я... я тоже буду действовать так, как сочту нужным.

В голосе Дамблдора не было и намёка на угрозу. Это было просто заявление, но Фадж ошетинился так, будто Дамблдор навёл на него волшебную палочку.

– А теперь послушайте, Дамблдор, – ткнул пальцем в его сторону Фадж. – Я всегда давал вам свободу действий. Я очень вас уважал. Я мог не соглашаться с некоторыми вашими решениями, но я молчал. Немногие позволили бы вам взять на работу оборотня и Хагрида или без согласования с Министерством решать, что и как преподавать ученикам. Но если вы собираетесь действовать против меня...

– Я собираюсь действовать только против Лорда Волдеморта. – ответил Дамблдор. – И если вы тоже против него, значит, мы с вами союзники, Корнелиус.

Фадж, похоже, не нашёлся, что ответить на это. Какое-то время он молча раскачивался с носков на пятки и вертел в руках свой котелок.

Наконец он произнёс почти жалобно:

– Не мог он вернуться, Дамблдор, просто не мог...

Снейп решительно вышел вперёд, закатал рукав мантии и ткнул руку прямо в нос Фаджу. Министр отшатнулся.

– Вот, – хрипло сказал Снейп. – Смотрите. Тёмная Метка. Уже не такая чёткая, как, скажем, часа полтора назад, но различить её всё же можно. Тёмный Лорд впечатал свой знак в руку каждого Пожирателя Смерти. Именно так мы узнавали друг друга. Так Тёмный Лорд призывал нас к себе. Когда он касался Тёмной Метки на руке Пожирателя Смерти, все остальные должны были немедленно дезаппарировать и аппарировать к нему. Целый год Метка становилась всё более чёткой. У Каркарова тоже. Как вы думаете, почему Каркаров бежал сегодня? Мы оба чувствовали, как Метка горит. Мы оба знали, что он вернулся. Каркаров боится мести Тёмного Лорда. Он предал много его верных сторонников, и хозяин вряд ли примет его с радостью.

Фадж, покачивая головой, отступил от Снейпа на полшага. Похоже, он не слышал ни слова из сказанного Снейпом. Он уставился с отвращением на уродливую отметину на руке Снейпа, затем с усилием оторвал от неё взгляд, посмотрел на Дамблдора и прошептал:

– Я не знаю, какую игру вы и ваши сотрудники затеали, Дамблдор, но я услышал достаточно. Добавить мне нечего. Завтра я свяжусь с вами, Дамблдор, чтобы обсудить вопросы руководства школой. Я должен вернуться в Министерство.

Он замер на полпути к двери, резко развернулся и подошёл к кровати Гарри.

– Твой выигрыш, – сухо сказал он, вынимая из кармана внушительный мешочек с золотом, и кладя его на тумбочку. – Тысяча галлеонов. Церемония должна была бы состояться завтра, но в сложившихся обстоятельствах...

Он водрузил котелок на голову и решительным шагом вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь. Как только Фадж исчез, Дамблдор повернулся к группе, стоящей возле кровати Гарри.

– Предстоит много работы, – сказал он. – Молли... я не ошибаюсь, полагая, что могу рассчитывать на вас с Артуром?

– Конечно, можете, – ответила миссис Уизли. Она побледнела ещё больше, но выглядела весьма решительно. – Артур знает Фаджа. Он и в Министерстве-то работает только потому, что любит маглов. А Фадж считает, что ему не хватает истинной гордости колдуна.

– Тогда мне нужно отправить ему письмо, – сказал Дамблдор. – Нужно известить всех, кого мы сможем убедить в своей правоте, а Артур поговорит с теми в Министерстве, кто не так близорук, как Корнелиус.

– Я поеду к отцу, – тут же поднялся Билл. – Прямо сейчас.

– Отлично, – сказал Дамблдор. – Расскажи ему, что случилось. Скажи, что я скоро сам свяжусь с ним. Но пусть он соблюдает осторожность. Если Фадж подумает, что я вмешиваюсь в работу Министерства...

– Предоставьте это мне, – сказал Билл.

Он похлопал Гарри по плечу, поцеловал в щёку мать, надел мантию и быстро вышел из комнаты.

– Минерва, – повернулся Дамблдор к профессору МакГонагалл, – попросите Хагрида как можно скорее подняться ко мне в кабинет. И ещё – если она согласится прийти – мадам Максим.

Профессор МакГонагалл молча кивнула и вышла.

– Поппи, – обратился Дамблдор к мадам Помфри, – будьте так добры, спуститесь в кабинет профессора Муди. Там, я думаю, вы обнаружите домового эльфа Винки в ужасном состоянии. Сделайте для неё всё, что сможете, и отведите на кухню. Я думаю, Добби позаботится о ней.

– Очень... очень хорошо, – удивлённо ответила мадам Помфри и тоже вышла.

Дамблдор молчал до тех пор, пока шаги мадам Помфри не затихли вдалеке.

– А сейчас, – сказал он, – я хочу, чтобы двое из нас сняли друг перед другом свои маски. Сириус... будь добр, прими свой обычный вид.

Огромный чёрный пёс посмотрел на Дамблдора, и в следующее мгновение превратился в человека.

Миссис Уизли взвизгнула, отпрыгнув от кровати:

– Сириус Блэк!

– Мам, молчи! – крикнул Рон. – Всё в порядке!

Снейп не кричал и не прыгал, но лицо его излучало смесь ужаса и ярости.

– Он! – рыкнул он, глядя на Сириуса, который смотрел на него с тем же выражением. – Что он здесь делает?

– Его пригласил я, – ответил Дамблдор, переводя взгляд с одного на другого, – так же, как и тебя, Северус. Я доверяю вам обоим. Настало время отринуть старые разногласия и начать доверять друг другу.

Гарри подумал, что Дамблдор требует невозможного. Сириус и Снейп смотрели друг на друга с ненавистью.

– Пока что я был бы доволен, – нетерпеливо продолжил Дамблдор, – если бы вы не выказывали друг другу открытой враждебности. Пожмите руки. Сейчас вы по одну сторону баррикад. Время не ждёт, и если даже те немногие из нас, кто знает правду, сейчас не объединятся, то у нас просто нет никаких шансов.

Очень медленно Сириус и Снейп подошли друг к другу и протянули руки, а пожав, тут же их отдёргнули. Вид при этом у них был такой, что было ясно: каждый желает другому если не смерти, то тяжёлой болезни точно.

– Для начала достаточно, – заявил Дамблдор, снова становясь между ними. – Для каждого из вас у меня есть работа. Хотя я и ожидал от Фаджа чего-то в этом роде, но подобная реакция полностью меняет дело. Сириус, ты должен сейчас же отправиться в путь. Предупреди Римуса Люпина, Арабеллу Фигг, Мундунгуса Флетчера – в общем всю старую компанию. На время спрячься у Люпина, я свяжусь с тобой позднее.

– Но... – начал Гарри.

Он хотел, чтобы Сириус остался. Он не хотел прощаться с ним.

– Мы увидимся очень скоро, Гарри, – обернулся к нему Сириус. – Обещаю. Но я должен сделать всё, что могу, сам понимаешь...

– Да, – произнёс Гарри, – да... конечно, понимаю.

Сириус быстро пожал ему руку, кивнул Дамблдору, снова превратился в пса и подбежал к двери. Лапой повернул ручку и исчез в коридоре.

– Северус, – обратился Дамблдор к Снейпу, – ты знаешь, что я должен попросить. Если... если ты готов это сделать...

– Готов, – ответил Снейп.

Он выглядел бледнее обычного, а его чёрные глаза странно блестели.

– Тогда, удачи, – сказал Дамблдор. С мрачным предчувствием во взгляде он смотрел, как Снейп молча вышел из комнаты вслед за Сириусом.

Прошло несколько минут, прежде чем он снова заговорил.

– Я должен спуститься, – наконец сказал он. – Мне нужно поговорить с родителями Диггори. Гарри, прими оставшееся зелье. Я ещё увижусь со всеми вами позже.

Дамблдор ушёл. Гарри откинулся на подушки. Гермiona, Рон и миссис Уизли долго молча смотрели на него.

– Нужно выпить оставшееся зелье, Гарри, – заговорила, наконец, миссис Уизли. Она потянулась за кубком и задела мешочек с золотом. – Тебе нужно выспаться как следует. Попробуй подумать о чём-нибудь другом... подумай, например, что ты купишь на выигранные деньги!

– Мне не нужно это золото, – ответил Гарри без всякого выражения. – Возьмите его себе. Или пусть кто-нибудь другой возьмёт. Это не я выиграл. Это золото Седрика.

Он сражался с этим с того самого момента, когда вышел из лабиринта, и всё-таки это его настигло. Гарри чувствовал, как щиплет в уголках глаз. Он моргнул несколько раз и уставился в потолок.

– Ты ни в чём не виноват, Гарри, – прошептала миссис Уизли.

– Это я предложил ему взяться за Кубок вдвоём, – ответил Гарри.

Теперь щипало не только в глазах, но и в горле. Как он хотел, чтобы Рон сейчас отвернулся!

Миссис Уизли поставила кубок с напитком на тумбочку, обняла Гарри и прижала его к себе. Никто никогда не обнимал его так, почти как мать. В это же мгновение на него обрушилась вся тяжесть случившегося этой ночью. Лицо матери, голос отца, тело Седрика на земле – всё невыносимо кружилось перед глазами, так что Гарри едва не прокусил себе губу борясь с горестным воем, который рвался изнутри.

Раздался громкий хлопок, и миссис Уизли отпустила Гарри. Гермиона стояла у окна, сжимая что-то в руке.

– Извините, – прошептала она.

– Вот твоё зелье, Гарри, – сказала миссис Уизли, быстро вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Гарри выпил всё одним глотком, и оно тут же подействовало. Тяжёлые, неотразимые волны сна без снов накатили на него. Сопrotивляться он не мог и не хотел. Он откинулся на подушку и больше не думал ни о чём.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

НАЧАЛО

Много позже, почти месяц спустя, Гарри, оглядываясь назад, обнаружил, что очень мало воспоминаний осталось у него об этих днях. Похоже, память не смогла сохранить всё пережитое. Сохранившиеся воспоминания были одно тяжелее другого. Хуже всех была встреча с родителями Диггори, которые пришли в больничное крыло на следующее утро.

Они не обвиняли его в происшедшем, наоборот, оба благодарили за то, что он вернул им тело Седрика. Мистер Диггори то и дело всхлипывал, а миссис Диггори от горя даже плакать не могла.

— Значит, он совсем не страдал, — сказала она, когда Гарри рассказал им, как умер Седрик. — И знаешь, Эймос... он умер сразу же после того, как завоевал Кубок. Должно быть, он был счастлив.

Когда они встали, чтобы уйти, она посмотрела на Гарри и сказала:

— Ты теперь берегись, Гарри, будь осторожнее.

Гарри схватил с тумбочки мешочек с золотом.

— Возьмите это, — пробормотал он. — Это ведь Седрика, он первым добрался до него, возьмите...

Но она попятилась от него со словами:

— Нет-нет, это твоё, дорогой... мы не можем... оставь себе...

* * *

На следующий вечер Гарри вернулся в башню Гриффиндора. Гермиона и Рон рассказали ему, что Дамблдор обратился за завтраком к ученикам школы. Он просил всех оставить Гарри в покое, не задавать вопросов и не просить рассказать, что же произошло в лабиринте. Гарри заметил, что многие обходят его стороной, а некоторые начинают шептаться друг с другом, когда он проходит мимо. Он понял: они читали статью Риты Скитер о том, что он неуравновешен и может представлять опасность. Может быть, даже строят свои собственные версии смерти Седрика. Гарри заметил, что его это не особенно волнует. Больше всего ему нравилось быть с Роном и Гермионой и болтать о чём-нибудь постороннем или просто молча сидеть рядом, когда они играют в шахматы. Он чувствовал, что они втроём понимают друг друга настолько, что уже не нуждаются в словах. Они просто ждут какого-то знака, известия о том, что происходит за стенами Хогвартса. Раздумывать, что может случиться, не имеет никакого смысла, пока это не случилось. Они лишь однажды заговорили об этом — когда Рон рассказал Гарри о разговоре миссис Уизли с Дамблдором перед отъездом домой.

— Она просила его разрешить тебе поехать прямо к нам этим летом, — сказал он. — Но он хочет, чтобы ты пожил у Дёрзли, по крайней мере, поначалу.

— Почему? — удивился Гарри.

– Она сказала, что у Дамблдора есть на это причины, – мрачно ответил Рон. – Я думаю, мы должны ему верить, правда?

Кроме Рона и Гермионы Гарри мог разговаривать ещё, пожалуй, только с Хагридом. Так как учителя по защите от Тёмных искусств теперь не было, то эти уроки теперь были свободны. В один из таких часов, в четверг после полудня, друзья решили навестить Хагрида. День был ясный, солнечный; Клык выскочил из распахнутой двери и бросился им навстречу, громко лая и размахивая хвостом.

– Кто там? – проревел Хагрид, появляясь в дверях. – *Гарри!*

Он быстро подошёл к ним, обнял Гарри гигантской ручищей, взъерошил ему волосы и сказал:

– Рад видеть тебя, дружище. Очень рад.

Войдя в хижину, они увидели на столе две чашки размером с ведро.

– Выпил чашечку с Олимпией, – заметил Хагрид. – Ушла только что.

– Кто? – любопытствовал Рон.

– Мадам Максим, конечно! – ответил Хагрид.

– Значит, вы помирились, да? – спросил Рон.

– Не знаю, о чём это ты, – беззаботно отмахнулся Хагрид, доставая ещё чашки из буфета. Приготовив чай и водрузив на стол тарелку с плохо пропечённым печеньем, Хагрид откинулся в кресле и пристально оглядел Гарри своими похожими на чёрных жуков глазами.

– Ты как, в порядке? – грубовато спросил он.

– Да, – ответил Гарри.

– Нет, – возразил Хагрид. – Конечно, нет. Но всё устроится.

Гарри промолчал.

– Я знал, что он вернётся, – заявил Хагрид.

Гарри, Рон и Гермиона потрясённо посмотрели на него.

– Знал это всегда, Гарри. Знал, что он там прячется... выжидает. Это должно было случиться. Ну, и теперь вот – случилось, и нам всем придётся это пережить. Будем бороться. Может, сможем его остановить, пока силу он не набрал. Таков план Дамблдора, во всяком случае. Великий он человек, Дамблдор. Пока он с нами, я не волнуюсь особо.

Заметив недоверие на лицах друзей, Хагрид поднял свои лохматые брови.

– Нет смысла сидеть и беспокоиться, – сказал он. – Чему быть, того не миновать. Надо просто быть к этому готовым... Дамблдор рассказал мне, что ты сделал, Гарри.

Хагрид посмотрел на Гарри, и его грудь раздулась от гордости.

– Ты поступил, как поступил бы твой отец. И лучшей похвалы у меня просто нет.

Гарри улыбнулся в ответ, впервые за последние несколько дней.

– А что Дамблдор попросил тебя сделать, Хагрид? – спросил он. – Он послал профессора МакГонаггалл за тобой и за мадам Максим... тогда ночью.

– Есть небольшая работёнка на лето, – ответил Хагрид. – Но это секрет. Нельзя говорить об этом, даже вам нельзя. Олимпия – для вас мадам Максим, – может, тоже поедет со мной. Я так думаю. Кажется, я её убедил.

– Это связано с Волдемортом?

Хагрид сжался при звуках этого имени.

– Может быть, – уклончиво ответил лесничий. – А сейчас... сейчас... кто хочет пойти со мной, посмотреть на последнего скрута? Это шутка... Шутка! – тут же воскликнул он, увидев их лица.

* * *

С тяжёлым сердцем Гарри собирал чемодан накануне отъезда из Хогвартса. Он боялся прощального пира, который всегда был таким праздничным, таким радостным – ведь на нём объявляли Дом-победитель. После возвращения из больничного крыла Гарри не ходил в Большой Зал, когда там было особенно много народу, предпочитая есть попозже, чтобы избежать любопытных взглядов.

Когда он, Рон и Гермионой вошли в зал, то сразу заметили, что зал не украшен, как обычно, цветами победившего Дома. Сегодня стена за учительским столом была задрапирована чёрным. Гарри тут же понял, что это – дань уважения Седрику.

За столом преподавателей сидел настоящий Безумный Глаз Муди. Деревянная нога и магический глаз к нему вернулись. Он был крайне дёрганым и вскакивал каждый раз, когда кто-то заговаривал с ним. Гарри не мог его винить в этом: подозрительность Муди должна была только усииться после десятимесячного заключения в собственном сундуке. Стул профессора Каркарова был пуст. Сядь за стол, Гарри задумался, где же Каркаров сейчас, поймал его Волдеморт или нет?

А вот мадам Максим была на месте. Она сидела рядом с Хагридом, и они о чём-то тихо переговаривались. Дальше, рядом с профессором МакГонагалл, сидел Снейп. Их взгляды на мгновение встретились, когда Гарри посмотрел на него. Трудно было понять по лицу, о чём он думает. Выглядел он, во всяком случае, таким же мрачным и неприятным, как и всегда. Гарри ещё долго вглядывался в него после того, как Снейп отвёл глаза в сторону.

Что сделал Снейп по заданию Дамблдора в ту ночь, когда вернулся Волдеморт? И почему, *почему* Дамблдор так уверен, что Снейп действительно на нашей стороне? Дамблдор в ситодуме говорил, что Снейп был нашим шпионом, что он действовал против Волдеморта, «несмотря на огромный личный риск». Может быть, он снова пойдёт на это? Может, он уже вступил в контакт с Пожирателями Смерти? Сделал вид, что никогда не переходил на сторону Дамблдора, что дожидался, как и Волдеморт, своего часа?

Размышления Гарри прервал профессор Дамблдор, который поднялся со своего места. В Большом Зале и до того было совсем не так шумно, как бывало раньше, а теперь и подавно повисла тишина.

– Закончился, – произнёс Дамблдор, оглядев присутствующих, – ещё один учебный год.

Он замолчал и посмотрел на стол хаффлапфцев. За этим столом было тише всего, а лица учеников были самыми грустными и бледными во всём Большом Зале.

– Многое я хотел бы сказать вам сегодня вечером, – продолжил Дамблдор, – но прежде всего я должен признаться, что мы потеряли очень хорошего человека, который должен был сидеть здесь, – Дамблдор махнул рукой в сторону стола хаффлапфцев, – и вместе с нами

радоваться прощальному пиру. Я хотел бы, чтобы все сейчас встали и подняли стаканы в честь Седрика Диггори.

И они это сделали. Заскрипели отодвигаемые скамьи, и все присутствующие встали, подняли кубки и по залу прокатилось: «За Седрика Диггори».

Гарри сквозь толпу увидел Чоу. По её лицу тихо текли слёзы. Все сели, и Гарри уткнулся взглядом в стол.

— Седрик обладал многими достоинствами, которыми отличаются ученики Хаффлапффа, — снова заговорил Дамблдор. — Он был хорошим верным другом, любил труд, высоко ценил справедливость. Смерть его повлияла на всех вас, независимо от того, знали вы его или нет. Поэтому я думаю, вы имеете право узнать, как это случилось.

Гарри поднял голову и посмотрел на Дамблдора.

— Седрика Диггори убил Лорд Волдеморт.

По залу пронёсся взволнованный шёпот. Одни смотрели на Дамблдора с ужасом, другие — с недоверием. Директор спокойно дождался, пока шум стихнет.

— В Министерстве магии не хотят, чтобы я сообщал вам это, — продолжил он. — Возможно, некоторые из ваших родителей будут в ужасе от того, что я сделал. Либо потому, что они не верят в возвращение Волдеморта, либо потому, что, по их мнению, вы ещё очень молоды, чтобы говорить об этом. Но я уверен: правда в любом случае предпочтительнее лжи, а пытаться представить смерть Седрика несчастным случаем или заявить, что он сам в этом виноват, было бы оскорблением его памяти.

Ошеломлённые и испуганные лица одно за другим поворачивались к Дамблдору... поворачивались почти все. Гарри увидел, как за слизеринским столом Малфой что-то говорил Крэббу и Гойлу. Горячая, тошнотворная волна гнева закипела у Гарри внутри, и он заставил себя перевести взгляд на Дамблдора.

— Есть ещё один человек, которого необходимо упомянуть в связи со смертью Седрика, — говорил Дамблдор. — Я говорю, конечно, о Гарри Поттере.

По залу будто пробежала волна, когда многие головы повернулись сначала к Гарри, а потом снова к директору.

— Гарри Поттер сумел ускользнуть от Лорда Волдеморта, — продолжал Дамблдор. — Он рискнул жизнью, чтобы вернуть тело Седрика в Хогвартс. Он проявил храбрость, которую перед лицом Лорда Волдеморта проявлял не каждый взрослый колдун и теперь я пью в его честь.

Дамблдор тяжело повернулся к Гарри и снова поднял кубок. Почти все в Большом Зале повторили его движение. Они назвали его имя, так же, как называли имя Седрика Диггори, и выпили в его честь. Но за стоящими школьниками Гарри увидел, что Малфой, Крэбб, Гойл и множество других слизеринцев остались вызывающе сидеть на своих местах и даже не притронулись к кубкам. Дамблдор, у которого магического глаза не было, этого не заметил.

Когда все снова заняли свои места, Дамблдор продолжил свою речь.

— Цель Тримагического Турнира — укреплять взаимопонимание среди колдунов всего мира. В свете случившегося — то есть возвращения Лорда Волдеморта — такое взаимопонимание становится, как никогда, важным.

Дамблдор посмотрел на мадам Максим и Хагрида, потом на Флер Делакур и бобатонцев, а затем на Виктора Крама и дурмстрангцев за слизеринским столом. Гарри увидел, что Крам насторожен и почти испуган, как будто ожидает, что Дамблдор скажет что-нибудь резкое.

— Каждый гость этого зала, — сказал Дамблдор, и его взгляд задержался на учениках из Дурмстранга, — будет с радостью встречен здесь всегда, в любое время. Хочу повторить ещё раз: в свете возрождения Лорда Волдеморта мы сильны настолько, насколько мы едины, и слабы настолько, насколько разъединены. Лорд Волдеморт одарён выдающейся способностью сеять раздор и вражду. Бороться с этим мы сможем, лишь создавая не менее прочные узы дружбы и доверия. Различия в наших традициях и в наших языках несущественны, если у нас общие цели, а наши сердца открыты навстречу друг другу. Я уверен — и никогда ещё я так сильно не хотел ошибиться, — что впереди нас ждут мрачные и тяжёлые дни. Некоторые из присутствующих в этом зале уже пострадали от рук Лорда Волдеморта. Многие семьи были разрушены. Неделю назад погиб ваш товарищ... Помните Седрика. Если настанет время делать выбор между лёгким и правильным, вспомните, что случилось с честным, добрым, смелым мальчиком только потому, что он случайно встал на пути Лорда Волдеморта. Помните Седрика Диггори.

* * *

Чемодан Гарри был упакован, сверху стояла клетка с Хэдвигом. Они с Роном и Гермионой толкались вместе с остальными четверокурсниками в переполненном холле в ожидании карет до станции Хогсмид. Стоял прекрасный летний день. Гарри подумал, что на Бирючинном проезде наверняка тепло, летний ветерок колышет пышную листву, а на клумбах искрится калейдоскоп цветов. Но его это не радовало.

— 'Арри!

Он оглянулся. По ступенькам крыльца быстро поднималась Флер Делакур. Позади неё через распахнутую дверь Гарри увидел, как Хагрид помогает мадам Максим запрягать гигантских лошадей. Карета из Бобатона скоро тронется в путь.

— Мы встретимся, я надеюсь, — сказала Флер, протягивая ему руку. — Я надеюсь получить здесь абиту, хочу улучшить свой английский.

— Он и так очень хорош, — с трудом выдавил Рон. Флер улыбнулась ему. Гермиона нахмурилась.

— До свидания, 'Арри, — попрощалась Флер. — Было очень приятно познакомиться!

Настроение у Гарри невольно поднялось, когда он смотрел, как Флер бежит к мадам Максим и её серебряные волосы сверкают в лучах утреннего солнца.

— Интересно, как доберутся обратно дурмстрангцы? — спросил Рон. — Как вы думаете, смогут они управлять кораблём без Каркарова?

— Каркаров не управлял, — раздался рядом мрачный голос. — Он сидел в своей каюте, а всю работу делали мы.

Крам подошёл попрощаться с Гермионой.

— Можно тебя на пару слов? — спросил он её.

– А... да... конечно, – ответила Гермиона, слегка смутившись, и отошла в сторонку вместе с Крамом.

– Поторопись! – громко крикнул ей вслед Рон. – Кареты подъедут через пару минут!

Однако он предоставил Гарри следить за прибытием карет, а сам всё время вставал на цыпочки и вытягивал шею, пытаясь разглядеть, что там делают Гермиона с Крамом. Они вернулись очень быстро. Рон пристально смотрел на Гермиону, но лицо её было бесстрастно.

– Мне нравился Дигтори, – коротко заявил Крам Гарри. – Он всегда был со мной вежлив. Всегда. Несмотря на то, что я был из Дурмстранга... вместе с Каркаровым, – добавил он, нахмурившись.

– У вас уже есть новый директор? – спросил Гарри.

Крам пожал плечами. Затем протянул руку и попрощался сначала с Гарри, потом с Роном.

По лицу Рона было видно, что он ведёт какую-то тяжёлую внутреннюю борьбу. Крам уже отвернулся и хотел уйти, как Рон вдруг выпалил:

– А можно мне твой автограф?

Гермиона отвела взгляд и улыбнулась безлошадным каретам, которые катились к ним по подъездной дороге. Крам удивился, но с удовольствием подписал Рону кусочек пергамента.

* * *

Этот летний день разительно отличался от дождливого сентябрьского дня, когда они ехали в Хогвартс, – на небе ни облачка. В купе вместе с Гарри, Роном и Гермионой никого не было. Свинстуна пришлось снова прикрыть парадной мантией Рона, чтобы он не ухал беспрерывно. Хэдвиг дремала, сунув голову под крыло, а Косолап свернулся на пустом сиденье, как пушистая рыжая подушка. Поезд катил на юг, а друзья разговаривали больше, чем за всю предыдущую неделю. Речь Дамблдора на прощальном пиру будто сломала у Гарри внутри какую-то невидимую преграду. Сейчас ему было не так больно говорить о случившемся. Они перестали обсуждать, что может сделать Дамблдор, чтобы остановить Волдеморта, только когда прибыла тележка с едой.

Вернувшись от тележки, Гермиона спрятала деньги в сумку и достала оттуда номер «Ежедневного пророка». Гарри настороженно глянул на газету – он не был уверен, хочет ли он знать, что там написано. Гермиона, заметив это, спокойно сказала:

– Там ничего нет. Можешь посмотреть сам, но там действительно ничего нет. Я проверяла каждый день. Только маленькая заметка на следующий день после третьего задания, где сообщалось, что ты выиграл Турнир. Они даже не упомянули о Седрике. И вообще ни о чём. По-моему, Фадж им пикнуть не даёт.

– С Ритой ему это не удастся, – возразил Гарри. – Тем более такие события.

– Рита не написала ни слова после третьего тура, – сказала Гермиона странно напряжённым голосом. – По правде говоря, – добавила она, и её голос дрогнул, – Рита Скитер вообще какое-то время не будет ничего писать. Если, конечно, она не хочет, чтобы я выдала её тайну.

– О чём это ты? – спросил Рон.

– Я выяснила, как ей удавалось подслушивать разговоры, хотя она не должна была находиться на территории школы, – выпалила Гермиона.

Гарри был уверен – она уже несколько дней умирала от желания рассказать им это, но сдерживалась из-за всего происшедшего.

– И как она это делает? – тут же спросил Гарри.

– И как ты это выяснила? – уставился на неё Рон.

– Ну, по правде говоря, эту мысль подсказал мне ты, Гарри, – ответила Гермиона.

– Я? – удивился Гарри. – Когда?

– *Жучки*, – радостно возвестила Гермиона.

– Но ты ведь сказала, что они не работают...

– Да нет, не *электронные* жучки, – ответила Гермиона. – Понимаете... Рита Скитер – объявила Гермиона с плохо скрываемым триумфом, – незарегистрированный анимаг. Она может превращаться... – Гермиона вытащила из сумки плотно закрытую стеклянную банку, – в жука!

– Ты шутишь! – воскликнул Рон. – Ты не... это не она...

– Она, она, – улыбаясь, кивнула Гермиона, гордо продемонстрировав им банку.

Внутри лежали палочки и листочки, среди которых сидел большой жук.

– Никогда в жизни... Ты шутишь... – прошептал Рон, приблизив банку к глазам.

– Не шучу, – продолжала сияющая Гермиона. – Я поймала её на подоконнике в больничной палате. Посмотри внимательно, и ты увидишь, что отметки вокруг глаз в точности, как её кошмарные очки.

Гарри присмотрелся, и понял, что она права. Он тоже кое-что вспомнил.

– Когда мы слышали ночью, как Хагрид рассказывал мадам Максим о своей маме, на статуе сидел жук!

– Именно! – подтвердила Гермиона. – А Виктор вытащил жука у меня из волос, когда мы разговаривали с ним у озера. И, если я не ошибаюсь, Рита сидела на подоконнике в кабинете предсказаний в тот день, когда у тебя заболел шрам. Она летала вокруг целый год, собирая разные сплетни.

– А когда мы увидели Малфоя под деревом... – медленно начал Рон.

– Он разговаривал с ней, держа её в руке, – сказала Гермиона. – Он, конечно же, знал. Именно так она получала все эти замечательные маленькие интервью у слизеринцев. Им было всё равно, что она нарушает закон, если они могли передавать ей всякие гадости про нас и про Хагрида.

Гермиона взяла банку из рук Рона и улыбнулась жуку, который сердито жужжал, тыча головой в стекло.

– Я сказала ей, что выпущу её, когда мы вернёмся обратно в Лондон, – продолжила Гермиона. – Понимаете, я наложила на банку чары Неразрушимости, поэтому она не может превратиться в человека. И я велела ей в течение года держать своё перо при себе. Посмотрим, сможет ли она отучиться от вредной привычки писать обо всех грязную ложь.

Спокойно улыбаясь, Гермиона спрятала банку с жуком обратно в сумку.

Дверь купе скользнула в сторону.

– Очень умно, Грэйнджер, – заявил Дрэйко Малфой. За ним стояли Крэбб и Гойл. Все трое выглядели ещё более самодовольными, высокомерными и угрожающими, чем когда-либо.

– Итак, – протянул Малфой, сделав полшага в купе. Он оглядел сидящих, и лицо его искривила презрительная ухмылка. – Ты поймала какую-то жалкую репортёршу, а Поттер – снова любимчик Дамблдора. Большое дело.

Ухмылка на его лице стала шире. Крэбб и Гойл оскалились.

– Пытаемся не думать об этом, да? – тихо спросил Малфой, глядя на Гарри, Рона и Гермиону. – Пытаемся сделать вид, что ничего не случилось?

– Убирайся, – сказал Гарри.

Он не вспоминал о Малфое со вчерашнего вечера, когда тот шептался с Крэббом и Гойлом во время речи Дамблдора о Седрике. В ушах у Гарри звенело. Рука сама собой схватила палочку в кармане мантии.

– Ты на стороне проигравших, Поттер! Я предупреждал тебя! Я говорил тебе, что нужно тщательно выбирать себе компанию, помнишь? Когда мы встретились в поезде в первый год в Хогвартсе? Я говорил тебе, не общаться с этими отбросами! – он дёрнул головой в сторону Рона и Гермионы. – Слишком поздно, Поттер! Они умрут первыми, когда Тёмный Лорд вернётся! Грязнокровки и магглолюбцы будут первыми! Нет... вторыми, Диггори был пе...

В купе раздался взрыв, будто кто-то поджёг целую упаковку фейерверков. Ослеплённый сверканием заклятий и оглушённый разрывами, прозвучавшими со всех сторон, Гарри поморгал и посмотрел вниз, на пол.

Малфой, Крэбб и Гойл лежали без сознания в дверях. Гарри, Рон и Гермиона стояли посреди купе с палочками в руках. Все они применили разные порчи, впрочем, не только они одни.

– Я подумал, что стоит последить за этой троицей, – просто заметил Фред, наступив на Гойла, перед тем как войти в купе. В руках у него была палочка. У Джорджа тоже. Он старательно прошёлся по Малфою.

– Интересный эффект, – заметил Джордж, глядя на Крэбба. – Кто применил проклятие Фурнанкулюс?

– Я, – признался Гарри.

– Странно, – весело произнёс Джордж. – Я использовал Желеногий слаз. Похоже, их нельзя смешивать. Теперь у этого типа всё лицо покрыто маленькими щупальцами. Ладно, давайте выкинем их отсюда, купе они не очень-то украшают.

Рон, Гарри и Джордж выволокли Малфоя, Крэбба и Гойла в коридор. Те ещё не пришли в сознание и выглядели просто отвратительно из-за того, что на каждого пришлось по несколько слазов, и они смешались друг с другом. Друзья вернулись в купе и закрыли дверь.

– Как насчёт «Разрывного Щелчка»? – спросил Фред, вытаскивая из кармана колоду взрывчатых карт.

Они играли уже пятый кон, когда Гарри всё же решился задать вопрос.

– Так вы скажете нам, кого вы пантажировали? – обратился он к Джорджу.

– А, – мрачно ответил Джордж. – *Это*.

– Неважно, – нетерпеливо качнул головой Фред. – Это не имеет никакого значения. Во всяком случае, теперь.

– Мы бросили это дело, – пожал плечами Джордж. Но Гарри, Рон и Гермиона наседали с вопросами, и наконец Фред сказал:

– Ладно, ладно, если вы уж так хотите знать... это был Людо Бэгмэн.

– Бэгмэн? – насторожился Гарри. – Вы хотите сказать, что он был связан с...

– Не, – мрачно сказал Джордж – Ничего такого. Он болван. У него мозгов бы не хватило.

– А что тогда? – спросил Рон.

Фред, поколебавшись, ответил:

– Помните пари, которое мы заключили с ним на Чемпионате мира по квиддичу? Насчёт того, что Ирландия выиграет, но Крам поймает снитч?

– Н-ну, – протянули Гарри с Роном.

– Ну, он и заплатил нам лепреконским золотом, пойманным на стадионе.

– И что?

– То, – нетерпеливо ответил Фред. – что золото исчезло! Испарилось к следующему утру!

– Но... это, конечно, случайно, да! – сказала Гермиона.

Джордж горько рассмеялся:

– Да, мы тоже сначала так подумали. Мы решили, что напишем ему, объясним, что случилось, и он вернёт деньги. Ничего подобного! Он просто не ответил на письмо. Мы сто раз пытались поговорить с ним в Хогвартсе, но он постоянно сбегал от нас под каким-нибудь предлогом.

– А потом, – добавил Фред, – он решил показать зубы. Сказал, что мы слишком молоды для азартных игр, и что он ничего не собирается нам отдавать.

– Тогда мы попросили вернуть нам хотя бы нашу ставку, – сердито добавил Джордж.

– Но не отказал же он вам! – воскликнула Гермиона.

– Именно, что отказал, – ответил Фред.

– Но это были все ваши сбережения! – возмутился Рон.

– Ты ещё нам об этом рассказываешь! – сказал Джордж. – В конце концов мы выяснили, что произошло. Отец Ли Джордана тоже с трудом вытряхнул деньги из Бэгмэна. Оказалось, что у него большие проблемы с гоблинами. Он занял у них кучу золота. Гоблины взяли его в оборот в лесу после финального матча, и забрали у него всё, что было, но этого всё равно не хватило покрыть долги. Они приглядывали за ним и в Хогвартсе. Он потерял все деньги на азартных играх. У него и двух галлеонов не найдётся. И вы представляете, как он решил расплатиться с гоблинами?

– Как? – спросил Гарри.

– Поставил на тебя, дружище, – ответил Фред. – Огромную сумму на то, что ты выиграешь турнир. Заключил пари с гоблинами.

– Так *воот* почему он всё время пытался помочь мне! – воскликнул Гарри. – Ну... я же всё-таки выиграл, так? Значит, он должен был отдать вам ваши деньги!

– Не-а, – покачал головой Джордж. – Гоблины такие же жуки, как и он сам. Они заявили, что победили вы вдвоём с Седриком, а Бэгмэн ставил на тебя одного. В итоге Бэгмэну пришлось попросту сбежать. Он исчез сразу после третьего тура.

Джордж глубоко вздохнул и принялся снова сдавать карты.

Остаток путешествия был очень приятным. Гарри хотелось бы, чтобы эта поездка длилась всё лето, чтобы поезд никогда так и не доехал до вокзала Кингс-Кросс... Но в этом году он поневоле понял, что время не идёт медленнее, если впереди тебя ожидает что-нибудь неприятное, и поезд слишком скоро затормозил у платформы 9 и 3/4. Ученики стали выгружаться, и коридор вагона заполнили обычный шум и суета. Рон с Гермионой вытащили из купе чемоданы и направились к выходу мимо лежащих на полу Малфоя, Крэбба и Гойла.

Гарри задержался.

– Фред, Джордж! Подождите... минутку...

Близнецы обернулись. Гарри открыл чемодан и вытащил оттуда выигранное золото.

– Держите, – сунул он мешочек в руку Джорджу.

– Что? – воскликнул поражённый Фред.

– Держите, – настойчиво повторил Гарри. – Мне они не нужны.

– Ты чокнулся, – ответил Джордж, отталкивая мешок.

– Нет, – ответил Гарри. – Возьмите и занимайтесь изобретательством. Это на ваш магазин.

– Он *реально* чокнулся, – произнёс Фред почти благоговейно.

– Послушайте, – решительно сказал Гарри. – Если вы не возьмёте деньги, я просто выброшу их в канаву. Мне они не нужны, я их видеть не могу. Но я был бы не прочь посмеяться как следует. Мы все были бы не прочь повеселиться. И мне кажется, что очень скоро нам понадобятся поводы для веселья.

– Гарри, – произнёс Джордж внезапно севшим голосом. – Здесь должно быть не меньше тысячи галлеонов.

– Да, – улыбнулся Гарри. – Представь, сколько это канареечных бисквитов.

Близнецы молча уставились на него.

– Только не говорите маме, откуда у вас деньги... хотя, она, может, и не захочет теперь, чтобы вы работали в Министерстве...

– Гарри, – начал было Фред, но Гарри уже вытащил из кармана волшебную палочку.

– Послушайте, – твёрдо сказал он, – возьмите их, или я сейчас порчу наложу на вас. Я знаю парочку хороших. Только сделайте мне одно одолжение, ладно? Купите Рону новую парадную мантию и скажите, что это от вас.

И прежде чем они сказали хоть слово, он вышел из купе. При этом ему пришлось переступить через Малфоя, Крэбба и Гойла, которые лежали на полу, всё ещё покрытые отметинами от порчи.

Дядя Вернон ожидал его за барьером. Рядом стояла миссис Уизли. Она крепко обняла Гарри и прошептала ему на ухо:

– Думаю, Дамблдор разрешит тебе приехать к нам попозже летом. Пиши, Гарри.

– Увидимся, Гарри, – хлопнул его по спине Рон.

– Пока, Гарри! – сказала Гермиона и сделала то, чего никогда раньше не делала: чмокнула его в щёку.

– Гарри... спасибо, – бормотал Джордж, а Фред, стоя рядом, лишь молча кивал.

Гарри подмигнул близнецам, повернулся к дяде Вернону и пошёл за ним к выходу с вокзала. «Не стоит пока волноваться», – сказал он себе, усаживаясь на заднее сиденье дядиногo автомобиля.

Как сказал Хагрид, чему быть, того не миновать... И ему придётся встретить то, что неминуемо случится.

[КОНЕЦ ЧЕТВЁРТОЙ КНИГИ.]

Аннотация

Гарри Поттеру предстоит четвёртый год обучения в школе колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс». Новые заклинания, новые зелья, новые учителя, новые предметы... Всё это знакомо, и Гарри с нетерпением ожидает начала учебного года. Но на школу внезапно обрушивается потрясающая новость: в этом году в Хогвартсе будет проходить Тримагический Турнир, и, конечно же, каждый хочет принять в нём участие...